This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

1955

111.а
120

Н. Н. Завьяловъ.

Преподаватель Московской Практической Академіи и Частныхъ Женскихъ Гимназій.

КОСТРОМСКАЯ
230
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Примѣнительно къ программѣ Педагогики въ VIII классѣ Женскихъ Гимназій М. Н. П.

Цѣна 1 рубль.

ФУНД
Костромской
СЕМИНАРІИ.

Изданіе Книжнаго Магазина

Р. І. НЕРАТОВА.

АЪD 2371

МОСКВА.

Уголъ Рождественки и Кузнецкаго моста, д. Международ. Банка.

1906.

Дозволено цензурою. Москва, 13 августа 1905 года.

МОСКВА.
Типо-литографія П. К. Прянишникова, Цвѣтной бульваръ, д. № 21.
1905.

Отъ автора.

Программа Женскихъ Гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія ставитъ преподавателю педагогики въ VIII классѣ этихъ Гимназій слѣдующія цѣли: кромѣ прохожденія теоретическаго курса, ознакомить ученицъ 1) съ біографіями нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ педагоговъ и 2) съ главнѣйшими ихъ произведеніями.

Учебниковъ по теоретической педагогикѣ у насъ много, хотя между ними крайне трудно выбрать вполнѣ подходящій. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ курсомъ по исторіи педагогики: и ученицы, и даже самъ преподаватель попадаетъ въ этомъ случаѣ въ очень затруднительное положеніе, благодаря полному неимѣнію пособій. Что касается до *біографій* педагоговъ, то ихъ еще можно найти, хотя не всѣ, въ „Біографической библіотекѣ" Павленкова; но эти біографіи слишкомъ подробны и, въ общей сложности, дороги. Но совершенно безпомощными оказываются и ученицы, и преподаватель (особенно въ провинціи),—когда нужно знакомиться съ самыми *произведеніями*. Дѣло въ томъ, что сочиненія такихъ педагоговъ, какъ Песталоцци, Руссо, Ушинскій и др., стоятъ у насъ очень дорого, и пріобрѣсти ихъ ученицамъ совершенно не подъ силу, тѣмъ болѣе, что для изученія предназначается не все сочиненіе, а только сравнительно небольшая его часть; въ частныхъ же библіотекахъ этихъ книгъ, вслѣдствіе рѣдкаго на нихъ спроса, почти не держатъ. Если самъ учитель, запасшись однимъ экземпляромъ, читаетъ ученицамъ вслухъ, то, даже если онѣ конспектируютъ читаемое, врядъ ли можно ждать большой успѣшности отъ непривычныхъ еще къ этому дѣлу ученицъ, не говоря про массу труда, котораго требуетъ конспектированіе; диктовать—прямо невозможно, такъ какъ на это не хватило бы времени. Что-же остается? Учителю—только читать, а ученицамъ—только слушать?! Но ясно, что при подобномъ методѣ преподаванія, безъ возможности повторенія и само-

стоятельнаго, домашняго перечитыванія, въ головахъ ученицъ къ концу года, ко времени отвѣтственнаго экзамена, ровно ничего не останется.

Вотъ уже десять лѣтъ, какъ автору этой книги приходится, въ качествѣ преподавателя педагогики во многихъ Московскихъ Женскихъ Гимназіяхъ, встрѣчаться и, по мѣрѣ силъ, бороться съ этимъ затрудненіемъ. Испытавъ всѣ указанные выше способы, чтобы закрѣпить въ сознаніи и памяти ученицъ смыслъ и содержаніе изучаемыхъ произведеній, онъ пришелъ однако, къ убѣжденію, что диктовать—слишкомъ скучно и невыносимо долго; заставлять конспектировать—крайне трудно и для ученицъ, и для самого преподавателя, такъ какъ оставить конспекты безъ провѣрки нельзя; только читать—почти безполезно.

Въ этомъ, очень затруднительномъ положеніи, я надѣюсь, и должна принести помощь предлагаемая „Хрестоматія". Она содержитъ въ себѣ 1) біографіи педагоговъ, требуемыя программой, съ краткими характеристиками ихъ основныхъ воззрѣній, и 2) довольно подробныя выдержки изъ главнѣйшихъ произведеній педагогической литературы, — выдержки, достаточныя для того, чтобы имѣть понятіе и о цѣломъ. Программа не указываетъ, за рѣдкими исключеніями, какія именно мѣста изъ того или другого произведенія особенно заслуживаютъ изученія, и потому въ выборѣ ихъ мнѣ пришлось руководиться собственнымъ опытомъ и даже вкусомъ. Тѣмъ болѣе буду я благодаренъ за всякія указанія по этому поводу, которыя можно будетъ принять во вниманіе въ будущемъ.

Я не скрываю отъ себя нѣкоторой неполноты и другихъ возможныхъ недостатковъ своего труда, но позволю себѣ обратить вниманіе своихъ товарищей—педагоговъ на то, что моя Хрестоматія является первымъ и единственнымъ пособіемъ въ своемъ родѣ: это во-первыхъ. А во-вторыхъ, я старался *пока* держаться исключительно въ рамкахъ программы, чтобы не увеличивать и безъ того не малаго объема книги и не подымать этимъ ея цѣны, которую постарался сдѣлать возможно доступной.

Насколько мой трудъ принесетъ пользу, покажетъ опытъ и судъ компетентныхъ людей.

Н. Завьяловъ.

Москва.
Іюль 1905 г.

А. Иностранные педагоги.

Янъ Амосъ Коменскій.

Эпоха Возрожденія, оказавшая такое могущественное вліяніе на умственную и духовную жизнь европейскихъ народовъ, не могла не отразиться и на *воспитаніи*, отъ котораго стали требовать соблюденія тѣхъ же органическихъ законовъ, которые были открыты въ природѣ и которые одинаково присущи и развитію тѣла, и развитію духа ребенка. Это направленіе принято называть *реалистическимъ*, и главнымъ его представителемъ въ наукѣ былъ знаменитый англійскій ученый *Бэконъ* Веруламскій (1561 — 1626 г.). Онъ получилъ превосходное образованіе и возвысился при Іаковѣ I до высокаго сана государственнаго канцлера, но, не отличаясь особой честностью въ своей практической дѣятельности, за шесть лѣтъ до смерти онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ должностей и предался исключительно занятіямъ науками. Заслуги его въ этой области громадны и неоспоримы: онъ считается основателемъ *индуктивнаго* метода, ведущаго отъ *опыта* къ точному знанію, отъ наблюденія *частныхъ* фактовъ къ *общему* выводу, — сущность котораго и излагаетъ въ своемъ трудѣ „Novum Organon". Наука должна возвратиться къ *опыту* и *философіи природы*, покинувъ прежнее умозрительное направленіе; наши чувства и разумъ должны быть освобождены отъ всякихъ отвлеченныхъ теорій, предразсудковъ, предвзятыхъ понятій, почерпнутыхъ не изъ самой природы вещей, — а особенно отъ суевѣрія, религіознаго фанатизма и преклоненія передъ авторитетами и древними мыслителями: все это, по выраженію Бэкона, „идолы" (греч eidola, призраки), затемняющіе умъ чело-

вѣка. Названіе предмета нужно строго отличать отъ него самого, ибо *слово* не есть *сущность* вещи, природу коей должны мы изучать. Только *опытъ*, при помощи изученія и правильнаго сравненія явленій, фактовъ и ихъ признаковъ ведетъ насъ къ вѣрному познанію *причинъ*, а въ этомъ послѣднемъ заключается и все истинное знаніе.

Хотя Бэконъ очень мало интересовался вопросами воспитанія, но онъ оказалъ громадное вліяніе и на педагогическую науку, раскрывши человѣку глаза на живую природу вещей, оторвавъ его отъ прошедшаго и указавъ на настоящее, родное и близкое, какъ на истинный и важнѣйшій предметъ изученія. Мы увидимъ громадность его вліянія изъ знакомства съ взглядами и мыслями чуть ли не всѣхъ позднѣйшихъ педагоговъ, — но, можетъ быть, ни на комъ не сказалось оно въ такой степени, какъ на ближайшемъ къ нему по времени жизни Янѣ Амосѣ Коменскомъ, считающемся основателемъ современной педагогики.

Коменскій родился въ Моравіи, въ 1592 г., происходилъ изъ крестьянской семьи и очень рано лишился родителей. Отмѣтимъ, что эти послѣдніе не были католиками, а принадлежали къ числу тк. наз. „Моравскихъ братьевъ“, во многомъ примыкавшихъ къ гусситамъ. Благодаря раннему сиротству, К. только на 16 мъ году начинаетъ учиться школьной латыни, вродѣ нашего Ломоносова, и самъ на себѣ испытываетъ всѣ недостатки тогдашней схоластики, искренне считая впослѣдствіи эти годы потерянными для себя. Но первоначальное образованіе не удовлетворило К: съ цѣлью усовершенствованія въ наукахъ, онъ отправляется путешествовать по южной Германіи, гдѣ въ разныхъ университетахъ слушаетъ лекціи по теологіи и философіи; затѣмъ учится въ Гейдельбергѣ и Амстердамѣ, и отсюда, съ дипломомъ доктора, возвращается на родину, къ самому началу гибельной для всей Германіи 30-ти лѣтней войны.

Послѣдствія ея не замедлили отразиться на судьбѣ Коменскаго: только что сдѣлался онъ ректоромъ городской школы и проповѣдникомъ въ Фульнекѣ, центрѣ моравскихъ братьевъ, зарекомендовавъ себя сразу съ наилучшей стороны, какъ фанатическіе испанцы, въ 1621 г., разорили и сожгли городъ, причемъ К. лишился жены, дѣтей, имущества, библіотеки и рукописей и долженъ былъ, въ числѣ прочихъ, бѣжать въ Богемскія горы.

Съ этихъ поръ его можно назвать „вѣчнымъ странникомъ“: уже въ 1627 г., въ силу эдикта императора Фердинанда II, ему пришлось удалиться въ польскій городъ Лиссу, гдѣ еще не преслѣдовали протестантовъ и гдѣ его избрали епископомъ моравскихъ братьевъ.

Здѣсь написалъ онъ свое первое знаменитое сочиненіе „Ianua reserrata linguarum“ (Отверстая дверь языкознанія), гдѣ предлагаетъ новый, болѣе легкій способъ обученія языкамъ, особенно древнимъ, являвшимся главнымъ и наиболѣе труднымъ предметомъ въ школахъ. Это сочиненіе, къ изумленію самого автора, получило громадную извѣстность и было переведено не только на 12 европейскихъ, но даже и на азіатскіе языки (арабскій, турецкій и др.). Но наибольшую заслугу Коменскаго составляетъ появившаяся въ 1628 г. и написанная тоже въ Лиссѣ „Великая Дидактика“, — главное его сочиненіе, въ которомъ изложены всѣ основы обученія и къ которому примыкаютъ еще много мелкихъ работъ по дидактическимъ вопросамъ. Именно благодаря этому великому труду, К. признается вполнѣ справедливо *основателемъ* научной педагогики: масса его положеній всецѣло восприняты и лишь развиты позднѣйшими педагогами (Локкъ, Базедовъ, Руссо, Песталоцци, Дистервегъ и др.). Нельзя не отмѣтить теперь же благороднаго девиза, выставленнаго Коменскимъ на заглавномъ листѣ своего труда:

„Omnia sponte fluant; absit violentia rebus!“, т. е. все (въ дѣлѣ воспитанія и обученія) должно совершаться свободно; да сгинетъ всякое насиліе! Можно ли сказать, что этотъ великій завѣтъ вполнѣ исполненъ нами, позднѣйшими педагогами? Конечно, нѣтъ, — и извѣстный историкъ педагогіи Раумеръ говоритъ прямо, что основные педагогическіе идеалы Коменскаго такъ высоки и полны, что всѣ новѣйшія усовершенствованія имъ еще не удовлетворяютъ.

Два упомянутыхъ сочиненія дали Коменскому такую извѣстность, что его начали приглашать въ различныя европейскія страны для постановки дѣла образованія.

Онъ отказался отъ поѣздки въ Англію, раздираемую внутренними междоусобіями, но съ громаднымъ успѣхомъ проработалъ 8 лѣтъ (1642 — 50) въ Швеціи, при могущественномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи канцлера Оксенштирна, и 4 года (1650 — 54)

въ Венгріи, гдѣ онъ издалъ свое третье знаменитое сочиненіе: „Orbis pictus“, т. е. „Міръ въ картинахъ“. Это есть не что иное, какъ школьное пособіе, гдѣ примѣнены на практикѣ начала „Великой Дидактики“, и въ особенности рельефно проведенъ принцыпъ *наглядности*, до такой степени утвердившійся въ наше время. Это сочиненіе имѣло неслыханный успѣхъ: выдержавъ безчисленное множество изданій на различныхъ языкахъ, оно въ 1788 г., при Екатеринѣ II, было переведено даже на русскій яз., для употребленія въ народныхъ училищахъ, подъ заглавіемъ „Зрѣлище вселенныя“.

Послѣ такой напряженной дѣятельности, К. возвращается въ Лиссу. Но времена измѣнились: въ Польшѣ уже пересталъ господствовать принципъ вѣротерпимости, и сами Поляки-католики сожгли Лиссу, какъ очагъ протестанства, причемъ К. снова потерялъ все свое достояніе. Это было въ 1656 г., и съ тѣхъ поръ К. все время странствуетъ по Западной Европѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаясь въ любимомъ имъ Амстердамѣ, въ школахъ котораго, по его словамъ, господствовали „свобода и радость“. Здѣсь и умеръ онъ, тихо и спокойно, въ 1671 году, принося благодарность Богу за то, что Онъ далъ ему право, вмѣстѣ съ Давидомъ, сказать: „я *Твой* странникъ, *Твой* гражданинъ“.

Коменскій всегда отличался чрезвычайной религіозностью, но за послѣднее время она особенно въ немъ сказалась: онъ мечталъ о примиреніи и соединеніи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, объ обращеніи въ христіанство мусульманъ и пр.

Если подобныя мечты и можно назвать утопіями, то несомнѣнно, однако, что религіозность оказала громадное вліяніе на педагогическія воззрѣнія Коменскаго: его идеалъ воспитанія соединяетъ въ себѣ основные принципы *гуманизма* и *христіанства*. Что же касается до крайностей и утопій вообще, то выдающіеся люди зачастую бываютъ къ нимъ склонны, и у того же К. мы встрѣчаемъ еще неисполнимую мысль о введеніи латинскаго языка, какъ универсальнаго для всѣхъ народовъ, — потому что, по его словамъ, обученіе *многимъ* языкамъ трудно и вредно. Но стоитъ обратить вниманіе на принципъ *естественности*, который К. клалъ во главу угла при обученіи, чтобы видѣть, что подобное *отрицаніе національности* ему противо-

рѣчитъ, такъ же какъ противорѣчитъ оно и словамъ Христа: „шедше убо научите *вся* языцы“.—

Мы уже сказали, что главнѣйшія свои воззрѣнія Коменскій изложилъ въ своей „В. Дидактикѣ“, почему, для болѣе подробнаго знакомства съ ними, слѣдуетъ обратиться къ выдержкамъ, помѣщеннымъ въ хрестоматіи. Но вкратцѣ и здѣсь можно указать главнѣйшія изъ этихъ положеній, которыя были примѣнены на практикѣ въ „Orbis pictus“.

Нужно обучать лишь *необходимому*, изучая *явленія*, какъ они есть, въ связи съ *причинами и слѣдствіями*, сначала *въ цѣломъ*, а потомъ въ извѣстномъ порядкѣ *по частямъ*, переходя отъ одного къ другому только тогда, когда предыдущее вполнѣ усвоено. Въ силу этого, К. возстаетъ противъ слѣдующихъ недостатковъ тогдашняго обученія: нельзя начинать обученія *со словъ*, вмѣсто предметовъ; нельзя учить грамматикѣ раньше *реальныхъ* предметовъ (геометріи, физики и т. п.), такъ какъ *слово* есть лишь одежда, *акциденція*, а *вещь* есть плоть, *субстанція*. Далѣе, вредны отвлеченныя разсужденія, развивающія резонерство и фразерство; вредно большое число учителей, равно какъ разнообразіе предметовъ и методовъ ихъ преподаванія, нарушающее правильный ходъ развитія ребенка. Учиться надо не по мертвымъ книгамъ, а по живой природѣ; развитіе рѣчи должно идти параллельно съ развитіемъ духа и ума, такъ чтобы все, что говоритъ ребенокъ, было имъ вполнѣ усвоено и совершенно ему понятно. При этомъ, надо пріобрѣсти собственный способъ пониманія вещей, собственный взглядъ на нихъ, а не жить чужими мыслями: мало знать, что думаютъ о такомъ-то предметѣ такіе-то знаменитые писатели,— надо самому его познать. Отсюда слѣдуетъ, что намъ не за чѣмъ идти только по слѣдамъ древнихъ, а надо пролагать новые пути.

Всѣмъ языкамъ учиться не нужно; важнѣе всѣхъ-родной, потомъ языки сосѣднихъ народовъ, и уже затѣмъ древніе. Но во всякомъ случаѣ изученіе языковъ нужно начинать съ родного, и вести послѣдовательно, одинъ языкъ за другимъ, а не одновременно, и закончить сравненіемъ ихъ между собой,— а главное, изучать языкъ больше черезъ употребленіе, чѣмъ по правиламъ, — которыя, если понадобится, выводить опять таки изъ *знакомыхъ уже* примѣровъ, а не предпосылать послѣднимъ.

Важно то, что всѣ эти и подобныя „основоположенія“ Коменскій выводитъ именно на основаніи *наблюденій надъ природой*, къ сближеніямъ съ явленіями которой онъ безпрестанно прибѣгаетъ въ своихъ разсужденіяхъ. Мы убѣдимся въ этомъ при первомъ же непосредственномъ знакомствѣ съ „В. Дидактикой“. Такимъ образомъ, тутъ нѣтъ мѣста отвлеченнымъ разсужденіямъ a priori: все—чрезъ опытъ, все — согласно природѣ; ничего — помимо опыта и указаній природы!

Укажемъ еще на ту организацію, которую Коменскій думалъ придать школѣ. Онъ полагаетъ начало возмужанія въ 24-хъ лѣтнемъ возрастѣ, такъ какъ въ это время человѣкъ уже перестаетъ расти и продолжаетъ лишь увеличиваться въ силѣ. Эти 24 года „восходящаго возраста жизни“, какъ онъ выражается, онъ дѣлитъ на четыре ступени, по 6 лѣтъ каждая, и для каждой ступени назначаетъ особую школу.

Для *младенцевъ* (1—6 л.) самая подходящая школа—это лоно матери (*материнская*), которая, конечно, должна находиться въ каждомъ домѣ; для *отроковъ* (7 — 12 л.) — *народная* школа, въ каждой общинѣ или городѣ, въ которой центръ изученія представляетъ родной языкъ; въ большихъ городахъ должна существовать *для подрастающаго юношества* *) (13 — 18 л.) — *латинская* школа (гимназія), и, наконецъ, *зрѣлые* юноши (18 — 24 л.) **) учатся въ *академіи* (университетѣ), находящейся въ каждой странѣ или каждой большой области, При этомъ Коменскій предвосхищаетъ современный принципъ *концентраціи* въ обученіи: въ высшихъ школахъ, съ большими подробностями, преподается то же, что въ общемъ видѣ проходится въ низшихъ. Говоря о различіи школъ между собою, онъ указываетъ, что въ первой изъ нихъ должны развиваться преимущественно *внѣшнія чувства;* во второй — *внутреннія* чувства, *воображеніе* и *память*, вмѣстѣ съ всевозможными упражненіями руки и языка; въ третьей, при помощи преподаванія наукъ и искусствъ, должно развивать разсудокъ и сужденія (діалектика, реторика и др.); наконецъ, въ университетѣ опредѣляется и развивается *воля*, при чемъ *факультеты* должны приводить въ *гармонію* все, что до сихъ поръ было въ безпорядкѣ. Такъ, напр., занятія *богосло-*

*) Лат. „adolescentia“.

**) Лат. „juventus“.

віемъ — будутъ образовывать, по мысли Коменскаго, *сердечное настроеніе*, а *философія* — разсудокъ. Далѣе, въ материнской и народной школахъ обучаются дѣти обоего пола; въ гимназіи — лишь юноши, а въ университетѣ—будущіе руководители другихъ.

Не измѣняя своему принципу — все соображать съ требованіями и законами природы, Коменскій и здѣсь употребляетъ образное сравненіе, заимствованное изъ области природы: первая школа — это весна, съ ея зародышами и почками; вторая — лѣто, когда нивы и сады покрываются матеріаломъ для жатвы и уборки; въ гимназіи, какъ осенью, собираются эти плоды и складываются въ „житницы духа", а уже зимой, т. е. въ университетѣ, плоды, собранные на осенней жатвѣ, приготовляются для различнаго употребленія на будущее время.

Таковы основы дидактики Коменскаго.

Но, — съ этой мыслью мы будемъ часто встрѣчаться въ исторіи педагогики,—есть дѣло еще важнѣе, чѣмъ обученіе: это—воспитаніе, ибо *нравственность выше учености*, которая является лишь средствомъ къ нравственному возвышенію. Основными нравственными добродѣтелями К. считаетъ: 1) *благоразуміе*, пріобрѣтаемое хорошимъ обученіемъ; 2) *умѣренность*, которой дѣти должны учиться всегда и вездѣ, въ школѣ и дома; 3) *твердость*, усвоиваемая ими по мѣрѣ того, какъ они научаются владѣть собой, и 4) *справедливость*, „заключающаяся въ томъ, чтобы никого не оскорблять и каждому воздавать должное, избѣгать лжи и коварства: это вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей. Эти добрыя качества надо развивать въ дѣтяхъ, какъ можно ранѣе, добрыми *примѣрами* всѣхъ окружающихъ, которые затѣмъ надо только *осмыслить* нравственными правилами. При этомъ, однако, необходимы *удаленіе* дѣтей *отъ дурного общества* и *строгая дисциплина*. Непремѣнныя условія послѣдней составляютъ *любовь* къ дѣтямъ и *отеческая кротость* въ увѣщаніяхъ и порицаніяхъ, такъ что даже умѣренныя наказанія должны быть примѣняемы какъ можно рѣже. И вообще, назначеніе дисциплины—не подавлять или уничтожать личность питомца, а возвышать и возбуждать ее, соблюдая главное правило: никогда не противорѣчить самому себѣ. Отсюда ясна *непригодность системы устрашенія*, какъ таковой, которая никогда не поведетъ къ добровольному и сознательному исполненію своихъ обязанностей.

И такъ, мы видимъ, что во 1) основное начало, проповѣдуемое Коменскимъ: *естественность развитія* и *сообразность его съ природой*, вполнѣ совпадаетъ съ тѣми реалистическими принципами, которые провозгласилъ въ наукѣ Бэконъ и которые Коменскій примѣнилъ къ школьному дѣлу, оказавъ этимъ громадное вліяніе на всѣхъ послѣдующихъ педагоговъ; во 2) что, безъ сомнѣнія, его основоположенія не только не могутъ считаться устарѣвшими, но, по справедливому замѣчанію Раумера, еще дожидаются своего осуществленія.

Великая Дидактика.

Содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему, или вѣрный, испытанный способъ учрежденія во всѣхъ общинахъ, городахъ и селахъ каждаго христіанскаго государства такихъ школъ, гдѣ бы все юношество обоего пола, никого не исключая, просвѣщалось науками, совершенствовалось въ нравахъ, навыкало благочестію, дабы такимъ образомъ *всѣ* могли достигнуть зрѣлости и научиться всему, что необходимо для этой и для будущей жизни, *обстоятельно*, *легко*, *прочно*; гдѣ для всего, что предлагается, –

Основныя начала извлекаются изъ самаго существа дѣла.

Частныя истины объясняются соотвѣтственными примѣрами изъ механическихъ искусствъ.

Порядокъ занятій распредѣляется по годамъ, мѣсяцамъ, днямъ, часамъ, и

Путь указывается легкій и вѣрный для благополучнаго достиженія успѣха.

Эпиграфъ.

Да будетъ путеводною звѣздою и „рулемъ“ нашей Дидактики: изысканіе и открытіе такого способа, слѣдуя которому учители меньше бы учили, учащіеся же большему научились; въ школахъ было бы менѣе страха, одурѣнія и безполезной работы, а больше прилежанія, радости и прочнаго успѣха; христіанскія общества менѣе страдали бы отъ мрака, смятенія и разлада, заключали бы болѣе свѣта, порядка, мира и спокойствія.

„Боже, ущедри ны, и благослови ны; просвяти лице Твое на ны и помилуй ны. Да познаемъ на земли путь Твой, во всѣхъ народахъ спасеніе Твое“ (Псал. LXVII, 2).

ГЛАВА IV.

Быть образомъ Божіимъ—значитъ, живо изображать совершенство своего первообраза, какъ сказано: „Будьте святы, какъ и Я святъ, вашъ Богъ“ (Лев. XIX, 2).

Отсюда слѣдуетъ, что человѣку врождено отъ природы, чтобъ онъ 1) былъ *свѣдущъ во всѣхъ вещахъ;* 2) былъ *господиномъ* ихъ и *владыкою* надъ самимъ собою, и 3) *относилъ* бы себя и все къ Богу, источнику всего сущаго. Если выразить это кратко, въ общепринятой рѣчи, то получимъ:

I. Знаніе (или *образованіе*),
II. Добродѣтель (или *добрые нравы*),
III. Религію (или *благочестіе*).

Подъ именемъ *знанія* мы разумѣемъ познаніе всѣхъ предметовъ, искусствъ и языковъ; подъ именемъ *нравовъ* — не только наружныя приличія, но внутреннюю и внѣшнюю основу побужденій; подъ *религіознымъ настроеніемъ* — то внутреннее богопочтеніе, посредствомъ котораго духъ человѣка сознательно вступаетъ въ связь съ высшимъ Существомъ.

Въ этихъ трехъ дѣятельностяхъ заключается все превосходство человѣка, ибо онѣ единственныя основанія настоящей и будущей жизни; все остальное (здоровье, сила, красота, богатство, почести, дружба, благосостояніе и долгая жизнь) — не что иное, какъ придача и внѣшнее украшеніе жизни, кому это пошлетъ Господь;—или излишній блескъ, безполезная тяжесть, вредное препятствіе, если кто страстно погонится за ними, черезъ мѣру предается имъ и, забывъ о высшемъ, всецѣло покорится имъ. Разъясню это примѣрами. Часы (солнечные или автоматическіе) представляютъ прекрасное и самое необходимое орудіе для опредѣленія времени; существо ихъ въ правильной соразмѣрности всѣхъ частей, устроенныхъ художникомъ. Присоединяемые къ часамъ футляры, фигуры, изображенія, золотыя украшенія суть вещи придаточныя, которыя придаютъ нѣчто внѣшнему виду часовъ, но отнюдь не ихъ достоинству. Еслибъ кто-нибудь пожелалъ предпочтительно имѣть болѣе красивую, чѣмъ добротную вещь подобнаго рода, люди посмѣялись бы надъ дѣтствомъ человѣка, упустившаго изъ виду существенное и полезное. Такимъ же обра-

зомъ достоинство *лошади* заключается въ ея силѣ, соединенной съ мужествомъ, быстротою и легкостью управленія, по желанію всадника. Хвостъ, красиво развѣвающійся или собранный въ узелъ, густая, вздымающаяся грива, позолоченныя возжи, фригійскій чепракъ, привѣски на лбу и на груди могутъ служить украшеніемъ; однако того, кто вздумалъ бы по нимъ опредѣлять достоинства лошади, всякій назвалъ бы безумнымъ. Наконецъ, хорошее состояніе нашего *здоровья* заключается въ правильномъ пищевареніи и въ хорошемъ внутреннемъ настроеніи; мягко спать, роскошно одѣваться, сладко ѣсть,—все это ничего не приноситъ здоровью, а скорѣе вредитъ ему; кто больше заботится о лакомствахъ, чѣмъ о полезной питательной пищѣ, тотъ поступаетъ безумно. Но безконечно гибельнѣе безразсудство человѣка, который, желая быть „человѣкомъ", болѣе заботится объ украшеніяхъ человѣка, чѣмъ о его сущности. Потому-то Мудрый называетъ безумными и нечестивыми тѣхъ, которые считаютъ нашу жизнь забавою или прибыльною торговлею, и говоритъ, что отъ нихъ далеко и Божія хвала, и благословеніе Его (Премудр. XV; 12, 19).

Да пребудетъ всегда истина: сколько будетъ приложено труда въ этой жизни на пріобрѣтеніе образованія, добродѣтели и благочестія, на столько приблизимъ мы себя къ нашей послѣдней цѣли. Итакъ, помянутыя нами три задачи должны быть *дѣломъ* нашей жизни: все же остальное есть нѣчто побочное, препятствіе, суета.

ГЛАВА V.

Для того, чтобы всѣмъ стало еще яснѣе значеніе словъ Премудраго: *мудрость положила вѣчныя основы въ человѣкѣ*, — мы разсмотримъ, какія основы *мудрости*, *добродѣтели* и *религіи* вложены въ насъ, дабы познать, какой удивительный органъ мудрости—человѣкъ.

1) Что *каждый человѣкъ родится способнымъ къ достиженію познанія вещей*, это ясно, во-первыхъ изъ того, что онъ есть *образъ Божій*. Если изображеніе сдѣлано тщательно, то оно необходимо воспроизводитъ черты первообраза, или же оно вовсе не есть изображеніе. Такъ какъ изъ числа прочихъ свойствъ

Божіихъ особенно проявляется *всевѣдѣніе*, то необходимо должно нѣчто подобное проявляться и въ человѣкѣ. И почему же нѣтъ? *Человѣкъ стоитъ посреди Божьихъ твореній, обладая свѣтлымъ духомъ, который можно сравнить съ висящимъ въ комнатѣ зеркальнымъ шаромъ, воспринимающимъ въ себѣ изображенія всѣхъ вещей,* — всѣхъ, говорю я, кругомъ находящихся. Ибо нашъ духъ схватываетъ не только близлежащее, но приближаетъ къ себѣ и отдаленное (какъ въ пространствѣ, такъ и во времени); онъ поднимается на крутизны, отыскиваетъ сокровенное, разоблачаетъ скрытое и пытается изслѣдовать непостижимое,—въ своихъ стремленіяхъ онъ неограниченъ и безконеченъ. Если бы человѣку дано было жить тысячу лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ постоянно чему-нибудь научался бы, постигая одно изъ другого, — то всегда, однако, онъ сохранилъ бы силу, воспріемлющую познаваемые предметы. Духъ человѣка обладаетъ такою ненасытимою силою воспріимчивости, что въ стремленіи къ познанію онъ представляется какъ бы бездною. Наше *тѣло* ограничено весьма тѣсными предѣлами: *голосъ* распространяется очень недалеко; *зрѣніе* ограничивается высотою небеснаго свода, *духу* же ни на небѣ, ни за предѣлами его не можетъ быть назначено границъ: онъ возвышается надъ небесами небесъ, устремляется въ глубину пропастей ада, и будь онѣ въ тысячу разъ еще отдаленнѣе, онъ и тогда проникнулъ бы въ нихъ съ непостижимою быстротою. И мы станемъ отрицать, что ему все доступно? И мы отвергаемъ, что онъ достаточно воспріимчивъ, чтобы обнять все?

Философы назвали человѣка микрокосмомъ, малымъ міромъ, ибо онъ въ сжатомъ видѣ объемлетъ все, что въ вселенной (Macrocosmum) является раскинувшимся вдаль и вширь. Итакъ, духъ человѣка, вступающаго въ міръ, весьма удобно сравнивается съ сѣменемъ или зерномъ. Хотя въ послѣднемъ въ дѣйствительности еще не заключается наружной формы растенія или дерева, однако въ немъ на самомъ дѣлѣ заключено растеніе или дерево; убѣдиться въ этомъ легко, — стоитъ бросить сѣмя въ землю, и оно распуститъ подъ собою корешки, надъ собою дастъ побѣги, которые впослѣдствіи, по врожденной силѣ, обратятся въ сучья и вѣтви, покроются листьями и украсятся цвѣтами и плодами. Итакъ, *ничто не можетъ быть внесено въ человѣка извнѣ;*

230

но то, что онъ заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ, именно это должно развиваться, раскрываться и каждое впредѣляться тѣмъ, что оно есть. Посему-то, какъ извѣстно, Цицеронъ обыкновенно говаривалъ, что человѣку такъ естественно все знать, что если бы семилѣтняго мальчика стали разумно спрашивать о вопросахъ даже всей философіи, то онъ могъ бы на все дать точный отвѣтъ; потому что одинъ свѣтъ разума есть уже достаточная форма и норма для всѣхъ вещей; только теперь, послѣ грѣхопаденія, разумъ, самъ себя помрачая и затемняя, не вѣдаетъ самоиспытанія: тѣ же, кто долженъ бы помочь ему, еще болѣе его запутываютъ.

Кромѣ того, *живущей въ насъ разумной душѣ даны органы*, какъ бы лазутчики и наблюдатели, съ помощью которыхъ разумъ изслѣдуетъ все, что находится внѣ его,—это *зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе*, такъ что изъ всего созданнаго ничто не можетъ быть скрыто отъ разума. И такъ какъ въ видимомъ мірѣ ничего нѣтъ такого, что нельзя было бы видѣть, слышать, обонять, вкушать и осязать, различать по существу и по качеству, то слѣдовательно, ничего нѣтъ въ мірѣ и такого, что не могъ бы познать человѣкъ, одаренный чувствами и разумомъ.

Человѣку врождена также жажда познанія и способность не только выносить работу, но даже стремленіе къ ней. Это обнаруживается уже въ самомъ раннемъ возрастѣ. и сопровождаетъ насъ въ теченіе всей жизни. Ибо въ комъ нѣтъ сильнаго желанія постоянно видѣть, слышать, дѣлать что-нибудь новое? Кому не доставило бы удовольствія каждый день отправляться куда-нибудь, съ кѣмъ-нибудь бесѣдовать, разузнавать и самому что-нибудь разсказывать? Короче: глаза, уши, осязаніе, самый умъ, постоянно требуя пищи для себя, безпрерывно стремятся во внѣ, и для живой природы нѣтъ ничего болѣе невыносимаго, какъ праздность и бездѣятельность.

2) Что гармонія нравовъ естественно присуща человѣку, это усматривали даже язычники, которые не вѣдали другого, даннаго отъ Бога свѣта, ниспосланнаго свыше вѣрнаго путеводителя къ вѣчной жизни, и въ тщетныхъ попыткахъ принимали эти искорки (т.-е. врожденныя человѣку *сѣмена* нравственнаго развитія) за свои свѣтильники. Такъ *Цицеронъ* говоритъ: „Нашимъ способностямъ врождены сѣмена добродѣтели, и если бы они могли всѣ

въ Венгріи, гдѣ онъ издалъ свое третье знаменитое сочиненіе: „Orbis pictus“, т. е. „Міръ въ картинахъ“. Это есть не что иное, какъ школьное пособіе, гдѣ примѣнены на практикѣ начала „Великой Дидактики“, и въ особенности рельефно проведенъ принципъ *наглядности*, до такой степени утвердившійся въ наше время. Это сочиненіе имѣло неслыханный успѣхъ: выдержавъ безчисленное множество изданій на различныхъ языкахъ, оно въ 1788 г., при Екатеринѣ II, было переведено даже на русскій яз., для употребленія въ народныхъ училищахъ, подъ заглавіемъ „Зрѣлище вселенныя“.

Послѣ такой напряженной дѣятельности, К. возвращается въ Лиссу. Но времена измѣнились: въ Польшѣ уже пересталъ господствовать принципъ вѣротерпимости, и сами Поляки-католики сожгли Лиссу, какъ очагъ протестанства, причемъ К. снова потерялъ все свое достояніе. Это было въ 1656 г., и съ тѣхъ поръ К. все время странствуетъ по Западной Европѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаясь въ любимомъ имъ Амстердамѣ, въ школахъ котораго, по его словамъ, господствовали „свобода и радость“. Здѣсь и умеръ онъ, тихо и спокойно, въ 1671 году, принося благодарность Богу за то, что Онъ далъ ему право, вмѣстѣ съ Давидомъ, сказать: „я *Твой* странникъ, *Твой* гражданинъ“.

Коменскій всегда отличался чрезвычайной религіозностью, но за послѣднее время она особенно въ немъ сказалась: онъ мечталъ о примиреніи и соединеніи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, объ обращеніи въ христіанство мусульманъ и пр.

Если подобныя мечты и можно назвать утопіями, то несомнѣнно, однако, что религіозность оказала громадное вліяніе на педагогическія воззрѣнія Коменскаго: его идеалъ воспитанія соединяетъ въ себѣ основные принципы *гуманизма* и *христіанства*. Что же касается до крайностей и утопій вообще, то выдающіеся люди зачастую бываютъ къ нимъ склонны, и у того же К. мы встрѣчаемъ еще неисполнимую мысль о введеніи латинскаго языка, какъ универсальнаго для всѣхъ народовъ, — потому что, по его словамъ, обученіе *многимъ* языкамъ трудно и вредно. Но стоитъ обратить вниманіе на принципъ *естественности*, который К. клалъ во главу угла при обученіи, чтобы видѣть, что подобное *отрицаніе національности* ему противо-

рѣчитъ, такъ же какъ противорѣчитъ оно и словамъ Христа: „шедше убо научите *вся* языцы“.—

Мы уже сказали, что главнѣйшія свои воззрѣнія Коменскій изложилъ въ своей „В. Дидактикѣ“, почему, для болѣе подробнаго знакомства съ ними, слѣдуетъ обратиться къ выдержкамъ, помѣщеннымъ въ хрестоматіи. Но вкратцѣ и здѣсь можно указать главнѣйшія изъ этихъ положеній, которыя были примѣнены на практикѣ въ „Orbis pictus“.

Нужно обучать лишь *необходимому*, изучая *явленія*, какъ они есть, въ связи съ *причинами и слѣдствіями*, сначала *въ цѣломъ*, а потомъ въ извѣстномъ порядкѣ *по частямъ*, переходя отъ одного къ другому только тогда, когда предыдущее вполнѣ усвоено. Въ силу этого, К. возстаетъ противъ слѣдующихъ недостатковъ тогдашняго обученія: нельзя начинать обученія *со словъ*, вмѣсто предметовъ; нельзя учить грамматикѣ раньше *реальныхъ* предметовъ (геометріи, физики и т. п.), такъ какъ *слово* есть лишь одежда, *акциденція*, а *вещь* есть плоть, *субстанція*. Далѣе, вредны отвлеченныя разсужденія, развивающія резонерство и фразерство; вредно большое число учителей, равно какъ разнообразіе предметовъ и методовъ ихъ преподаванія, нарушающее правильный ходъ развитія ребенка. Учиться надо не по мертвымъ книгамъ, а по живой природѣ; развитіе рѣчи должно идти параллельно съ развитіемъ духа и ума, такъ чтобы все, что говоритъ ребенокъ, было имъ вполнѣ усвоено и совершенно ему понятно. При этомъ, надо пріобрѣсти собственный способъ пониманія вещей, собственный взглядъ на нихъ, а не жить чужими мыслями: мало знать, что думаютъ о такомъ-то предметѣ такіе-то знаменитые писатели,— надо самому его познать. Отсюда слѣдуетъ, что намъ не за чѣмъ идти только по слѣдамъ древнихъ, а надо пролагать новые пути.

Всѣмъ языкамъ учиться не нужно; важнѣе всѣхъ-родной, потомъ языки сосѣднихъ народовъ, и уже затѣмъ древніе. Но во всякомъ случаѣ изученіе языковъ нужно начинать съ родного, и вести послѣдовательно, одинъ языкъ за другимъ, а не одновременно, и закончить сравненіемъ ихъ между собой,— а главное, изучать языкъ больше черезъ употребленіе, чѣмъ по правиламъ, — которыя, если понадобится, выводить опять таки изъ *знакомыхъ уже* примѣровъ, а не предпосылать послѣднимъ.

Важно то, что всѣ эти и подобныя „основоположенія“ Коменскій выводитъ именно на основаніи *наблюденій надъ природой*, къ сближеніямъ съ явленіями которой онъ безпрестанно прибѣгаетъ въ своихъ разсужденіяхъ. Мы убѣдимся въ этомъ при первомъ же непосредственномъ знакомствѣ съ „В. Дидактикой“. Такимъ образомъ, тутъ нѣтъ мѣста отвлеченнымъ разсужденіямъ a priori: все—чрезъ опытъ, все — согласно природѣ; ничего — помимо опыта и указаній природы!

Укажемъ еще на ту организацію, которую Коменскій думалъ придать школѣ. Онъ полагаетъ начало возмужанія въ 24-хъ лѣтнемъ возрастѣ, такъ какъ въ это время человѣкъ уже перестаетъ расти и продолжаетъ лишь увеличиваться въ силѣ. Эти 24 года „восходящаго возраста жизни“, какъ онъ выражается, онъ дѣлитъ на четыре ступени, по 6 лѣтъ каждая, и для каждой ступени назначаетъ особую школу.

Для *младенцевъ* (1—6 л.) самая подходящая школа—это лоно матери (*материнская*), которая, конечно, должна находиться въ каждомъ домѣ; для *отроковъ* (7 — 12 л.) — *народная* школа, въ каждой общинѣ или городѣ, въ которой центръ изученія представляетъ родной языкъ; въ большихъ городахъ должна существовать *для подрастающаго юношества* *) (13 — 18 л.) — *латинская* школа (гимназія), и, наконецъ, *зрѣлые* юноши (18 — 24 л.) **) учатся въ *академіи* (университетѣ), находящейся въ каждой странѣ или каждой большой области. При этомъ Коменскій предвосхищаетъ современный принципъ *концентраціи* въ обученіи: въ высшихъ школахъ, съ большими подробностями, преподается то же, что въ общемъ видѣ проходится въ низшихъ. Говоря о различіи школъ между собою, онъ указываетъ, что въ первой изъ нихъ должны развиваться преимущественно *внѣшнія чувства;* во второй — *внутреннія* чувства, *воображеніе* и *память*, вмѣстѣ съ всевозможными упражненіями руки и языка; въ третьей, при помощи преподаванія наукъ и искусствъ, должно развивать разсудокъ и сужденія (діалектика, реторика и др.); наконецъ, въ университетѣ опредѣляется и развивается *воля*, при чемъ *факультеты* должны приводить въ *гармонію* все, что до сихъ поръ было въ безпорядкѣ. Такъ, напр., занятія *богосло-*

*) Лат. „adolescentia“.

**) Лат. „juventus“.

віемъ — будутъ образовывать, по мысли Коменскаго, *сердечное настроеніе*, а *философія* — разсудокъ. Далѣе, въ материнской и народной школахъ обучаются дѣти обоего пола; въ гимназіи — лишь юноши, а въ университетѣ—будущіе руководители другихъ.

Не измѣняя своему принципу — все соображать съ требованіями и законами природы, Коменскій и здѣсь употребляетъ образное сравненіе, заимствованное изъ области природы: первая школа — это весна, съ ея зародышами и почками; вторая — лѣто, когда нивы и сады покрываются матеріаломъ для жатвы и уборки; въ гимназіи, какъ осенью, собираются эти плоды и складываются въ „житницы духа", а уже зимой, т. е. въ университетѣ, плоды, собранные на осенней жатвѣ, приготовляются для различнаго употребленія на будущее время.

Таковы основы дидактики Коменскаго.

Но, — съ этой мыслью мы будемъ часто встрѣчаться въ исторіи педагогики,—есть дѣло еще важнѣе, чѣмъ обученіе: это—воспитаніе, ибо *нравственность выше учености*, которая является лишь средствомъ къ нравственному возвышенію. Основными нравственными добродѣтелями К. считаетъ: 1) *благоразуміе*, пріобрѣтаемое хорошимъ обученіемъ; 2) *умѣренность*, которой дѣти должны учиться всегда и вездѣ, въ школѣ и дома; 3) *твердость*, усвоиваемая ими по мѣрѣ того, какъ они научаются владѣть собой, и 4) *справедливость*, „заключающаяся въ томъ, чтобы никого не оскорблять и каждому воздавать должное, избѣгать лжи и коварства: это вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей. Эти добрыя качества надо развивать въ дѣтяхъ, какъ можно ранѣе, добрыми *примѣрами* всѣхъ окружающихъ, которые затѣмъ надо только *осмыслить* нравственными правилами. При этомъ, однако, необходимы *удаленіе* дѣтей *отъ дурного общества* и *строгая дисциплина*. Непремѣнныя условія послѣдней составляютъ *любовь* къ дѣтямъ и *отеческая кротость* въ увѣщаніяхъ и порицаніяхъ, такъ что даже умѣренныя наказанія должны быть примѣняемы какъ можно рѣже. И вообще, назначеніе дисциплины—не подавлять или уничтожать личность питомца, а возвышать и возбуждать ее, соблюдая главное правило: никогда не противорѣчить самому себѣ. Отсюда ясна *непригодность системы устрашенія*, какъ таковой, которая никогда не поведетъ къ добровольному и сознательному исполненію своихъ обязанностей.

гдѣ получилъ образованіе Моисей. По велѣнію Бога въ израильскомъ народѣ были повсемѣстно открыты школы, называемыя *синагогами*, въ которыхъ левиты истолковывали законъ; и эти школы существовали даже до временъ Христа, проповѣдью котораго, а также и Его учениковъ, онѣ были прославлены. Обычай устраивать школы перешелъ отъ Египтянъ къ Грекамъ, а отъ нихъ къ Римлянамъ; отъ Римлянъ же этотъ похвальный обычай открывать школы распространился по всѣмъ государствамъ, въ особенности же чрезъ распространеніе христіанской религіи, благодаря заботливости благочестивыхъ государей и епископовъ. О *Карлѣ Великомъ* повѣствуетъ исторія, что онъ, какъ только покорялъ какую-нибудь языческую страну, тотчасъ посылалъ туда епископовъ и ученыхъ и основывалъ тамъ церкви и школы, чему послѣдовали также и другіе христіанскіе государи, короли, князья и городскія власти; и школы такъ быстро возрастали въ числѣ, что ихъ теперь трудно перечислить.

Чрезвычайно важно для всякаго христіанскаго государства, чтобъ этотъ благочестивый обычай не только удержался, но получилъ бы возможно большее распространеніе, чтобы непремѣнно во всякомъ благоустроенномъ обществѣ людей (будетъ ли оно называться городомъ, мѣстечкомъ, селомъ) была открываема *школа, какъ заведеніе для общаго образованія юношества*. Ибо этого требуетъ:

1) *Похвальный порядокъ вещей*. Ибо если какой-нибудь отецъ семейства не можетъ, по неимѣнію времени, доставить себѣ всего, что ему нужно для его хозяйства, но обращается за содѣйствіемъ къ другимъ производителямъ, то почему же и здѣсь не быть тому же? Если кому нужна мука, онъ обращается къ мельнику; если мясо,—то къ мяснику; если домъ, полевыя орудія, ключи, и т. п., то къ столяру, плотнику, каретнику, каменщику, кузнецу и т. п. Да, у насъ есть *храмы* для наставленія взрослыхъ въ религіи, есть *преторіи* и *куріи* (судебныя мѣста), для разбирательства судебныхъ процессовъ, для созыва народа и для объявленій ему законовъ;—почему же намъ не имѣть также и для юношества *школъ*? Даже свиней и коровъ пасутъ не всѣ крестьяне сами, но сообща нанимаютъ *для того пастуха*, который служитъ имъ всѣмъ одинаково, а

сами при меньшемъ раздробленіи дѣлъ, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ исполняютъ свои остальныя занятія. Именно это *въ высшей степени прекрасное сбереженіе въ трудѣ, когда кто-нибудь производитъ одно дѣло, не развлекаясь другимъ;* такимъ образомъ, одному возможно служить многимъ, а многимъ возможно служить каждому отдѣльному лицу съ большею пользою.

2) Этого требуетъ и *необходимость*. Такъ какъ родители довольно рѣдко обладаютъ необходимой снаровкой для обученія своихъ дѣтей или же не имѣютъ достаточно на то времени, то было бы цѣлесообразно, чтобы люди, чувствуя въ себѣ жизненное призваніе къ этому дѣлу, посвящали бы себя исключительно ему одному, и чтобы такимъ образомъ удовлетворялась забота о цѣлой общинѣ.

3) Далѣе, хотя бываютъ и такіе родители, которымъ ничто не воспрепятствовало бы посвятить себя образованію своихъ дѣтей, но все же *полезнѣе обучать юношество совокупно въ большихъ массахъ;* безъ всякаго сомнѣнія, успѣхъ и пріятность работы будутъ больше, когда одинъ ученикъ будетъ получать отъ другихъ образецъ и побужденіе. Ибо совершенно естественно и легко исполнять то, что дѣлаютъ другіе; ходить туда, куда другіе идутъ, слѣдовать за тѣми, кто идетъ впереди и предшествовать идущимъ сзади.

Въ особенности же дѣтскій возрастъ руководится и управляется вообще больше примѣромъ, чѣмъ правилами. Если хотятъ сдѣлать что-нибудь понятнымъ одними предписаніями, то внѣдряется немногое; если же покажутъ, какъ другіе дѣлаютъ, то и безъ приказаній явится подражаніе.

4) Далѣе, *природа повсюду представляется намъ образцомъ; въ ней же то, что обильно должно произойти, производится въ одномъ и томъ же опредѣленномъ мѣстѣ.* Такимъ образомъ, массами производятся: дерево въ лѣсу, трава—на поляхъ, рыба—въ водѣ, металлы—въ нѣдрахъ земли и т. п. И при томъ такъ, что лѣсъ, производящій сосны, кедры или дубы, заключаетъ въ себѣ преимущественно эти породы, между тѣмъ какъ другія породы въ тѣхъ же лѣсахъ произростаютъ не въ одинаковой мѣрѣ; и почва, производящая золото, не производитъ одинаковымъ образомъ другіе металлы.

5) Но то, что мы хотимъ высказать, еще болѣе выражается въ *нашемъ тѣлѣ*, въ которомъ каждый отдѣльный членъ необходимо получаетъ свою долю изъ воспринятой пищи; однако, не каждой части передается ея порція въ непереваренномъ видѣ, дабы каждая часть сама для себя приготовляла и приспособляла данную ей пищу, но имѣются особые органы, назначенные, подобно мастерскимъ, для того, чтобы они на пользу всего тѣла принимали въ себя пищу, въ возвышенной температурѣ переваривали ее и, наконецъ, въ видѣ приготовленнаго для питанія вещества, распредѣляли между остальными членами тѣла. Такъ *желудокъ* приготовляетъ пищевую кашицу, *печень* — кровь, *сердце*—жизненный духъ, *мозгъ*—одушевленный духъ.(!) Послѣ же переработки, эти вещества проникаютъ во всѣ части тѣла и такимъ образомъ поддерживаютъ его жизнь. И такъ, *мастерскія* поддерживаютъ и развиваютъ ремесла, *церкви* страхъ Божій, *судебныя мѣста* правосудіе,—развѣ не должны подобнымъ же образомъ и *школы* охранять, очищать и увеличивать свѣтъ мудрости, распространяя ее во всѣ части организма человѣческаго общества?

6) Наконецъ, то же самое замѣчаемъ мы и на *произведеніяхъ искусства*, предполагая разумное ихъ производство. Съ увѣренностью проходитъ садовникъ по лѣсамъ и кустарникамъ, и если гдѣ-нибудь нападетъ онъ на дичекъ, пригодный для разведенія, то пересаживаетъ его не на томъ же мѣстѣ, но выкапываетъ и пересаживаетъ въ свой плодовый садъ и заботится о немъ вмѣстѣ съ сотнею другихъ подобныхъ растеній; и чѣмъ больше плодовый садъ, тѣмъ успѣшнѣе произростаютъ деревья. *Какъ для плодовыхъ деревъ заводятъ плодовые сады, такъ и для юношества должно открывать школы.*

ГЛАВА IX.

Не только дѣти богатыхъ и знатныхъ лицъ, но одинаково дѣти знатныхъ и незнатныхъ лицъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мальчики и дѣвочки, въ большихъ и малыхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ—должны быть посылаемы въ школы, какъ это будетъ доказано ниже.

1) *Кто родился человѣкомъ, тотъ родился для той же глав-*

ной цѣли - быть человѣкомъ, т. е. быть разумнымъ существомъ, которое господствуетъ надъ тварями и на которомъ напечатлѣнъ образъ его Создателя. Итакъ, всѣ должны стремиться къ тому, чтобы, получивъ правильное наставленіе въ наукѣ, добродѣтели и религіи, всѣ могли полезно проводить настоящую жизнь и достойно подготовлять себя для будущей. *Что внѣшнее положеніе лица не имѣетъ предъ Богомъ никакого значенія*, объ этомъ Онъ свидѣтельствовалъ неоднократно самъ. Если же мы станемъ допускать къ развитію ума только нѣкоторыхъ, а другихъ отстранять, то будемъ несправедливы не только къ соучастникамъ общей нашей природы, но и къ самому Богу, который желаетъ, чтобы Его познавали, любили и почитали всѣ, на комъ Онъ напечатлѣлъ Свой образъ. И это совершится тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе возженъ будетъ свѣтъ познанія. Ибо мы только то цѣнимъ, что понимаемъ.

2) Далѣе, *мы не знаемъ, для какой цѣли божественное провидѣніе назначило того или другого человѣка.* Несомнѣнно однакоже, что̀ Богъ иногда избиралъ превосходнѣйшія орудія славы Своей изъ среды бѣднѣйшихъ, низшихъ и неизвѣстныхъ людей. Итакъ, будемъ подражать небесному солнцу, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю землю, дабы все, что можетъ жить, зеленѣть, цвѣсти и приносить плодъ, все бы жило, зеленѣло, цвѣло и плодоносило.

Тотъ фактъ, что нѣкоторыя дѣти отъ природы являются бездарными и тупыми, не можетъ служить этому препятствіемъ, ибо общее образованіе ума направлено къ устраненію тупости и исправленію этого недостатка. И чѣмъ кто-либо тупѣе и скуднѣе природными способностями, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ помощи, дабы хотя въ возможной степени освободиться отъ животной тупости и неразумія. Нельзя и найти столь несчастныя способности, чтобы образованіе рѣшительно не привело ихъ ни къ какому улучшенію. Подобно тому, какъ дырявый сосудъ—хотя и не удерживаетъ въ себѣ воды, но отъ частаго выполаскиванія чистится; такъ и тупоумные, ограниченные отъ природы люди, если и не успѣютъ въ пріобрѣтеніи познаній, то настолько могутъ облагородиться въ своихъ нравахъ, что научатся повиноваться правительственнымъ властямъ и представителямъ церкви. Изъ опыта же извѣстно, что когда люди,

отъ природы вялой воспріимчивости, обращались къ наукамъ, то настолько успѣвали въ нихъ, что превосходили и талантливыхъ. Это же высказываетъ и поэтъ словами *„неутомимый трудъ все превозмогаетъ“*. И подобно тому, какъ многіе, отличаясь съ дѣтства здоровьемъ, потомъ хворали и истощались, другіе же, напротивъ, имѣя въ юности слабое и хворое тѣло, потомъ поправлялись и достигали полнаго здоровья,—такъ бываетъ и съ духовными способностями: многіе, рано развиваясь, скоро истощаются и впадаютъ въ тупоуміе, между тѣмъ какъ другіе сначала являются туповатыми, затѣмъ изощряются и достигаютъ прочнаго развитія. Подобное и въ плодовыхъ садахъ; мы любимъ имѣть въ нихъ не только такія деревья, которыя приносятъ ранніе плоды, но и такія, которыя созрѣваютъ въ среднюю и позднюю пору, ибо каждое въ свое время (какъ гдѣ-то говоритъ Сирахъ) получаетъ хвалу; это показываетъ, что нѣтъ вреда отъ того, что иное дерево приноситъ плодъ и поздно. Почему же въ научномъ саду будемъ терпѣть мы дарованія только одного рода,—скороспѣлыя и мимолетныя? Никто да не устраняется отъ школы, развѣ уже кому Богъ отказалъ въ смыслѣ и разумѣніи.

3) *Такъ же точно не можетъ быть приведено достаточныхъ основаній для того, чтобы вообще устранять женскій полъ* (о которомъ я здѣсь въ особенности упоминаю) *отъ изученія мудрости* (будетъ ли она передаваться на латинскомъ, или на родномъ языкѣ), ибо женщины, какъ и мужчины, созданы по образу и подобію Божію, одинаково съ ними онѣ соучастницы благодати и будущей жизни, одинаково одарены живымъ и воспріимчивымъ для мудрости умомъ (часто даже болѣе, чѣмъ нашъ полъ); одинаково открытъ имъ доступъ къ высокимъ званіямъ, такъ какъ и самъ Богъ часто избиралъ женщинъ для управленія народовъ, для сообщенія весьма полезныхъ совѣтовъ царямъ и начальникамъ, для служенія врачебному искусству и для другихъ полезныхъ человѣческому роду дѣлъ; наконецъ, избирались онѣ и для пророческаго служенія, и для обличенія священниковъ и епископовъ. Итакъ, зачѣмъ же мы допускаемъ ихъ къ азбукѣ, а затѣмъ отъ книгъ отстраняемъ? Боимся ли мы ихъ легкомыслія? Но чѣмъ болѣе мы предаемся размышленію, тѣмъ меньше мѣста для легкомыслія, которое обыкновенно является отъ пу-

стоты духа. Впрочемъ, не всякую книжную дребедень должно предлагать имъ (равно какъ и юношеству другого пола; слѣдуетъ сожалѣть, что этого до сихъ поръ не избѣгали болѣе предусмотрительно); но давать такія книги, изъ которыхъ онѣ могли бы всегда черпать вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ Бога и его твореній—также истинную добродѣтель и благочестіе.

Итакъ, пусть никто не противопоставляетъ мнѣ слово апостола: „не позволяю учить женѣ" (I Тим. II, 12), или слово Ювенала изъ 6-й сатиры: „пусть жена, соединенная съ тобою узами супружества, не учится искусству говорить, или красно развивать короткую мысль въ закругленной рѣчи; не слѣдуетъ ей знать всѣ повѣствованія", или то, что говоритъ Ипполитъ у Эврипида: „я ненавижу ученую женщину; я никогда не потерплю въ моемъ домѣ такой, которая бы знала болѣе, чѣмъ сколько женщинѣ потребно знать. Ибо сама Киприда (Венера) образованнымъ даровала большую хитрость". Это, утверждаю, нисколько не противорѣчитъ нашему совѣту, ибо мы совѣтуемъ обучать женщинъ (какъ и мужчинъ) не для удовлетворенія пустого любопытства, но для добродѣтели и общаго благочестія. Это въ особенности необходимо имъ знать и умѣть; а затѣмъ знать и то, что относится къ разумному веденію домашняго хозяйства и къ содѣйствію какъ собственному здоровью, такъ здоровью мужа, дѣтей и семьи.

4) Если бы кто-нибудь вздумалъ сказать: *что же будетъ, если ремесленники, носильщики, и даже женщины—станутъ учеными?* то я отвѣтилъ бы: будетъ то, что если правильно будетъ введено это всеобщее обученіе юношества, то никто не будетъ имѣть недостатка въ матеріалѣ для разумнаго размышленія, выбора, соревнованія и труда. Лишь бы всѣ знали предѣлы дѣйствій и желаній житейскихъ, границы ихъ и свое мѣсто между другими людьми. Кромѣ того, посреди трудовъ и тягостей, всѣ будутъ услаждать себя созерцаніемъ словъ и дѣлъ Божіихъ и устранять праздность, опасную для плоти и крови, чтеніемъ библіи и другихъ хорошихъ книгъ. И, какъ я уже однажды сказалъ, всѣ должны учиться повсюду познавать Бога, всегда восхвалять Его, повсюду воспринимать, и такимъ образомъ пріятнѣе проводить эту жизнь, полную невзгодъ, и съ желаніемъ и вѣрною надеждою взирать на будущую. Развѣ подобное состояніе

церкви не осуществило бы для насъ здѣсь, на землѣ, тотъ рай, какой только можно вообразить себѣ подъ солнцемъ?

ГЛАВА XII.

Исцѣлять болѣзни, сдѣлавшіяся хроническими, считается труднымъ, ненадежнымъ и даже почти невозможнымъ. Но если бы нашелся кто-нибудь, кто обѣщалъ бы дѣйствительное средство, то неужели больной отвергнулъ бы его? не пожелалъ ли бы онъ скорѣе привлечь къ себѣ руку помощи? особенно, если бы больной убѣдился, что врачъ руководится не случайнымъ предположеніемъ, но основательною причиною? Итакъ, мы должны разъяснить наше необыкновенное обѣщаніе *), чтобы стало очевидно, во первыхъ, *что мы обѣщаемъ*, а затѣмъ, *на какомъ основаніи*.

Мы обѣщаемъ такое устройство школъ, при которомъ:

1) *Все юношество* (развѣ кромѣ тѣхъ, кому Богъ отказалъ въ разумѣ) получало бы образованіе.

2) *Всѣ* научались бы *всему*, что можетъ сдѣлать человѣка *мудрымъ, честнымъ* и *благочестивымъ*.

3) Образованіе это, какъ подготовленіе къ жизни, *заканчивалось бы до наступленія зрѣлаго возраста*.

4) *Обученіе совершалось бы безъ побоевъ, жестокости и принужденія, по возможности легко, пріятно и какъ-бы само собою*. (Какъ живое тѣло увеличивается въ объемѣ, не имѣя надобности въ искусственномъ растяженіи и вытягиваніи,—такъ пища и упражненіе, предлагаемыя разумнымъ образомъ душѣ человѣка, естественно ведутъ его къ мудрости, добродѣтели и благочестію).

5) *Образованіе давалось бы не блестящее, но истинное*, не поверхностное, но *основательное*; т. е., человѣкъ, какъ одаренное разумомъ существо, долженъ быть пріучаемъ руководиться не постороннимъ, но собственнымъ разумомъ, не только вычитывать чужія мнѣнія о вещахъ изъ книгъ и учиться понимать ихъ, или воспринимать и воспроизводить ихъ—только съ помощью памяти, но и собственнымъ размышленіемъ проникать до корня вещей и этимъ путемъ уяснять себѣ ихъ истинную сущность и

*) См. заключеніе гл. IX-й.

ихъ употребленіе. То же самое должно быть достигаемо и въ отношеніи чистоты нравовъ и благочестія. *Образованіе пріобрѣталось бы не съ трудомъ, а по возможности легко.* Совокупному обученію должны быть посвящены ежедневно только четыре часа, и притомъ такъ, что одного учителя будетъ одновременно достаточно для сотни учениковъ, при вдесятеро легчайшемъ трудѣ, чѣмъ какой теперь употребляется на каждаго ученика отдѣльно.

Но кто повѣритъ этимъ обѣщаніямъ, прежде чѣмъ увидитъ примѣненіе ихъ на дѣлѣ? Извѣстно свойство человѣческой природы, что *прежде чѣмъ сдѣлано какое-нибудь особенное открытіе, люди не допускаютъ возможности его; послѣ же того, какъ открытіе сдѣлано, они удивляются, какъ оно не появилось раньше.* Когда *Архимедъ* обѣщалъ царю Гіерону сдвинуть въ море одною рукою такой величины корабль, который не могли сдвинуть съ мѣста сто человѣкъ, то надъ нимъ только посмѣялись; однако позже съ великимъ удивленіемъ должны были увидѣть осуществленіе этого обѣщанія.

Колумба, когда имъ высказано было предположеніе о существованіи острововъ на западѣ, не хотѣлъ слушать ни одинъ король (за исключеніемъ Кастильскаго),—никто не хотѣлъ помочь ему осуществить попытку. Немногаго не доставало, чтобы спутники его въ морскомъ путешествіи, какъ сообщаетъ исторія, приходившіе въ отчаяніе отъ безплодности своихъ ожиданій, не сбросили Колумба въ море и съ пустыми руками не возвратились домой. А между тѣмъ этотъ, столь обширный „Новый Свѣтъ" все-таки открытъ, и теперь всѣ мы удивляемся, какъ онъ такъ долго могъ оставаться неизвѣстнымъ! Сюда же относится и одно комическое происшествіе, которое случилось съ тѣмъ же Колумбомъ: именно, когда испанцы, завидовавшіе ему, какъ итальянцу, въ славѣ столь великаго открытія, осаждали его за обѣдомъ насмѣшками и между прочимъ высказывали, что другая половина земли была открыта благодаря случаю, а не искусству, и что всякой другой могъ бы точно также открыть его,—онъ далъ имъ весьма тонкую задачу, а именно: „какъ можно куриное яйцо поставить на его носокъ безъ всякой поддержки?"—Послѣ того, какъ всѣ присутствовавшіе напрасно потрудились надъ этой задачей, Колумбъ стукнулъ легонько яйцо о тарелку и такимъ об-

жены совсѣмъ; хотя тѣлесныя наши силы и ослаблены, мы все-таки знаемъ, какъ привести ихъ къ здоровью посредствомъ ходьбы, бѣганья, упражненій въ искусствахъ и работахъ. Ибо хотя первые люди, при сотвореніи, получили способность ходить, говорить, разсуждать,—а мы не можемъ ходить, говорить и мыслить, если не будемъ этому научены; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что всему этому нельзя научиться иначе, какъ въ сбивчивомъ, трудно доступномъ и невѣрномъ видѣ. Ибо если мы научаемся безъ столь огромныхъ затрудненій тому, что относится до тѣла, именно: пить, ѣсть, ходить, скакать, совершать разныя работы, то почему же не можемъ мы точно также научиться и тому, что относится до *духа*? Только бы не было недостатка въ надлежащемъ указаніи. Къ этому я еще нѣчто прибавлю. Въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ берейторъ научаетъ *лошадь* бѣгать рысью, скакать, поворачиваться, по знаку хлыста дѣлать различныя движенія. Искусный фигляръ научаетъ *медвѣдя* танцовать, *зайца* бить въ бубны, *собаку* пахать, ходить на заднихъ лапахъ, гадать и т. п. Слабоумная старуха научаетъ своего *попугая*, *сороку* или *ворону* подражать человѣческимъ звукамъ и мелодіямъ и т. п., и все это совершается въ короткое время и безъ естественнаго влеченія къ этимъ занятіямъ животныхъ. *Ужели послѣ этого нельзя съ меньшимъ трудомъ научить человѣка тому, къ чему его природа—не то что склонна или ведетъ, но тянетъ и влечетъ?!* Надо стыдиться серьезно утверждать подобныя вещи, чтобъ дрессировщики звѣрей не осмѣяли насъ самымъ жестокимъ образомъ.

Но самая трудность дѣла обученія, замѣтитъ еще кто-нибудь, *такова, что не всякій уразумѣетъ его*. Я отвѣчу: какая же это трудность? Есть ли хоть одно сѣмя или одинъ корень, который бы земля не могла принять и своею теплотою не могла бы содѣйствовать его проростанію? Только бы зналъ сѣятель, гдѣ, когда и какъ каждое сѣмя или корень слѣдуетъ посадить или зарыть. Къ этому я прибавлю еще: нѣтъ на свѣтѣ ни одного утеса или башни такой высоты, на которую кто-нибудь не могъ бы взобраться, если только у него есть ноги; слѣдуетъ лишь устроить надлежащимъ образомъ лѣстницу, или образовать удобныя, высѣченныя въ скалѣ въ надлежащемъ направленіи и разстояніи ступени, а для предохраненія отъ опасности свалиться

съ нихъ,—придѣлать къ нимъ перила. Если же столь немногіе достигаютъ высотъ науки, хотя многіе принимаются за это съ бодрымъ, любознательнымъ духомъ; тѣ же, которые приходятъ къ цѣли, достигаютъ ея только съ трудомъ, съ одышкой, съ утомленіемъ и головокруженіемъ,—то это происходитъ не оттого, чтобъ человѣческому духу была присуща нѣкоторая неспособность къ достиженію знанія, но оттого, что ступени, ведущія къ наукѣ, дурно устроены, испорчены, а иныхъ и совсѣмъ недостаетъ, т. е. потому, что *метода запутана*. Но что съ помощью правильно расположенныхъ, крѣпкихъ и прочныхъ ступеней всякій человѣкъ можетъ добраться до всякой высоты,—это достовѣрно.

Далѣе говорятъ: „*Бываютъ такія тупоумныя головы, что нѣтъ никакой возможности вложить въ нихъ что-нибудь*". Я отвѣчаю: едва ли можно найти зеркало, которое до такой степени было бы загрязнено, что ни въ какой мѣрѣ не могло бы передавать изображеній; едва ли доска можетъ быть на столько шероховата, чтобы на ней нельзя было что-нибудь какъ-нибудь написать. Между тѣмъ, если зеркало загрязнилось отъ пыли или пятенъ, то должно прежде вытереть его; доску, если она шероховата, выстругать: тогда они опять будутъ пригодны для дѣла. Равнымъ образомъ, если и юношество разумно будетъ приготовляемо и направляемо къ образованію, то оно навѣрное будетъ взаимно изощряться и усовершаться, такъ, что, наконецъ, *всѣ* воспримутъ *все*. Безъ сомнѣнія, при этомъ окажется то различіе, что болѣе медленныя головы сознаютъ, что они достигли лишь нѣкотораго пониманія вещей, однако сознаютъ; болѣе же талантливыя, по любознательности переходя отъ одного предмета къ другимъ, глубже и глубже будутъ проникать въ предметы и соберутъ новыя, въ высшей степени полезныя наблюденія о вещахъ. Наконецъ, *бываютъ*, *конечно*, *натуры*, *столь же мало пригодныя для развитія*, *какъ сучковатое дерево для рѣзьбы; однако мое утвержденіе остается вѣрнымъ относительно среднихъ способностей*, *развитіе которыхъ* (*по милости Божіей*) *всегда плодотворно*. Впрочемъ, столь слабо одаренныя натуры встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ люди, отъ природы лишенные нѣкоторыхъ членовъ. Ибо несомнѣнно, что слѣпота, глухота, увѣчье, слабость—въ рѣдкихъ случаяхъ при-

рождены людямъ, но являются по нашей винѣ: такъ же и чудовищная тупость мозга.

Могутъ еще возразить: *Многимъ не достаетъ* не способности къ ученію, но *охоты;* а *заставлять учиться этихъ упрямцевъ и непріятно, и безполезно.* Отвѣтъ: гдѣ—то написано, что у одного философа было двое учениковъ; одинъ непонятливый, другой легкомысленный, и что онъ ихъ обоихъ прогналъ; ибо одинъ изъ нихъ и очень хотѣлъ учиться, но не могъ, другой и могъ, но не хотѣлъ. Но справедливо ли это, если сами учителя—причина отвращенія учениковъ отъ наукъ? Аристотель справедливо говоритъ, что *любознательность прирождена человѣку.* Что это именно такъ, мы показали въ предыдущихъ главахъ. Но иногда нѣжное баловство родителей портитъ это естественное стремленіе въ дѣтяхъ; иногда легкомысленное товарищество привлекаетъ ихъ къ пустымъ вещамъ; иногда сами дѣти увлекаются городскими и придворными обычаями или внѣшностью, и тѣмъ отдаляются отъ свойственной человѣку духовной дѣятельности; отъ этого происходитъ, что нѣтъ въ нихъ никакихъ стремленій къ неизвѣстному, и они не могутъ легко сосредоточиваться. Въ такихъ людяхъ слѣдуетъ сначала устранить привитую имъ извнѣ тупость, привести природу къ ея первоначальной свѣжести,—и любознательность, навѣрно, снова возвратится. Но многіе ли изъ тѣхъ, которые взялись за образованіе юношества, думаютъ о томъ, что сначала они должны подготовить его для того образованія, которое намѣреваются сообщить ему? *Токарь*, прежде чѣмъ вытачивать какую-нибудь вещь изъ дерева, придаетъ ему приблизительную форму съ помощью топора; *кузнецъ*, прежде чѣмъ ковать желѣзо, предварительно раскаляетъ его; сапожникъ сперва приготовляетъ кожу, натягиваетъ ее на колодку и очищаетъ, прежде чѣмъ шить изъ нея сапоги: но думаетъ ли кто о томъ, чтобы подобнымъ же образомъ и *учитель*, прежде чѣмъ образовать ученика путемъ наставленій, сначала пробуждалъ въ немъ стремленіе къ образованію, развивалъ въ немъ воспріимчивость и готовность слѣдовать за учителемъ по пути изученія науки? Почти каждый учитель, какимъ встрѣтитъ ученика, такимъ и обрабатываетъ: онъ то вытачиваетъ его, то куетъ, то приспособляетъ къ своимъ моделямъ, то полируетъ его и желаетъ придать ему блескъ, и

если это немедленно не удается по желанію (а какъ это можетъ удасться, спрашиваю я?), то онъ дѣлается недоволенъ, сердится, шумитъ. И можно ли удивляться, что есть люди, которые всѣми силами устраняются и бѣгутъ отъ подобной методы? Скорѣе надо удивляться, если кто-нибудь можетъ выдержать ее.

Здѣсь представляется случай замѣтить кое-что о *различіи способностей*,—именно, что однѣ натуры бываютъ *остры*, другія *тупы*, третьи—*мягки* и *сговорчивы*, четвертыя—*упрямы* и *непокорны;* однѣ сами по себѣ *стремятся къ наукамъ*, между тѣмъ какъ другія *находятъ болѣе удовольствія въ ремеслахъ*. И изъ этого трояко—двойнаго рода способностей возникаетъ шесть способовъ обращенія съ природными дарованіями юношества.

1) Что касается натуръ *съ острымъ умомъ*, *любознательныхъ*, *способныхъ къ образованію* и сравнительно, съ другими, *болѣе склонныхъ къ занятіямъ собственно науками*, то имъ нужно только предлагать пищу мудрости; развиваются же онѣ подобно благороднымъ растеніямъ. Надобно только предусмотрительно не дозволять имъ слишкомъ торопиться, дабы черезъ то раньше времени имъ не ослабѣть и не истощиться.

2) Другія натуры *остроумны*, но *медленны*, хотя и *послушны*. Эти нуждаются только въ поощреніи.

3) Есть натуры *остроумныя* и *любознательныя*, но при этомъ *дерзкія* и *непокорныя*. Учениковъ такого рода обыкновенно ненавидятъ въ школахъ и считаютъ ихъ отпѣтыми, а между тѣмъ изъ нихъ обыкновенно и выходятъ великіе люди, если только съ ними обращаются надлежащимъ образомъ. Примѣръ подобнаго рода представляетъ исторія въ *Ѳемистоклѣ*, великомъ Аѳинскомъ полководцѣ, который еще юношей имѣлъ непокорный нравъ, такъ что учитель его сказалъ ему: „Мальчикъ! Посредственности изъ тебя не выйдетъ, но будешь ты или великимъ благомъ для государства, или великимъ зломъ.“ Когда впослѣдствіи кто-то удивлялся перемѣнѣ его нрава, то онъ выразился такъ: „Дикіе жеребцы бываютъ лучшими конями, если съ ними поступаютъ надлежащимъ образомъ“. То же самое можно видѣть и на *Буцефалѣ* Александра Великаго. Когда Александръ увидѣлъ, что отецъ его Филиппъ призналъ негоднымъ этого дикаго коня, который не терпѣлъ на себѣ всадника, то сказалъ:

„Какую прекрасную лошадь портятъ люди, не умѣющіе воспользоваться ею по своей неловкости!“ И принявшись за нее съ удивительнымъ искусствомъ, безъ побоевъ,—онъ пріобрѣлъ надъ нею полную власть, такъ что она не только тогда, но и впослѣдствіи позволяла ѣздить на себѣ только Александру, и въ цѣломъ свѣтѣ едва-ли можно было отыскать другую болѣе благородную лошадь, достойную столь великаго героя. Разсказъ объ этомъ передаетъ Плутархъ, при чемъ онъ замѣчаетъ: „*Эта лошадь приводитъ намъ на память, что много хорошо одаренныхъ головъ пропадаетъ отъ ошибокъ воспитателей, которые коней обращаютъ въ ословъ, не умѣя управлять свободными и сознающими свое достоинство людьми*“.

4) Есть *послушныя* и въ то же время *любознательныя натуры*, но *медленныя* и *туповатыя*. Онѣ охотно слѣдуютъ за другими; а чтобъ сдѣлать для нихъ это возможнымъ, нужно снисходить къ ихъ слабости, не возлагая на нихъ чрезмѣрной тяжести, избѣгая рѣзкихъ порицаній, но всегда относясь къ нимъ доброжелательно, поддерживая, ободряя и вселяя въ нихъ мужество, чтобъ онѣ не падали духомъ. Подобные люди, хотя и позднѣе, достигнутъ своей цѣли; за то они прочнѣе держатся на ней, какъ это бываетъ съ поздними плодами. И какъ печать труднѣе оттискивается на свинцѣ, но за то крѣпче держится, чѣмъ на воскѣ, такъ люди подобнаго рода нерѣдко обладаютъ большею силою, чѣмъ талантливые, и что они однажды усвоили, то у нихъ легко не пропадаетъ. Поэтому исключать ихъ изъ школы не слѣдуетъ.

5) Нѣкоторыя натуры *тупы* и, кромѣ того, *вялы* и *лѣнивы*; но ихъ также можно исправить, только бы въ нихъ не было упорства. Здѣсь, однако, надо много умѣнья и терпѣнія.

6) Наконецъ, бываютъ еще *тупоумныя*, отъ природы извращенныя, злобныя и большею частію испорченныя натуры. Но такъ какъ вездѣ въ природѣ противъ яда найдется и противоядіе, и деревья, отъ природы неплодоносныя, посредствомъ надлежащей посадки и ухода за ними могутъ быть сдѣланы плодоносными,—то вообще не слѣдуетъ терять надежды и въ этомъ случаѣ, а напротивъ, посмотрѣть, нельзя ли, по крайней мѣрѣ, побѣдить и искоренить упорство. Если и это окажется невозможнымъ—только тогда придется оставить искривленный и узловатый

чурбанъ, изъ котораго уже нельзя надѣяться „вырѣзать Меркурія“. „Безполезно обрабатывать и засѣвать безплодную почву“, говоритъ Катонъ. Впрочемъ, подобнаго рода бездарность едва можно найти у одного на тысячу, что служитъ превосходнымъ доказательствомъ благости Божіей.

Сущность всего сказаннаго можетъ быть выражена словами Плутарха: „*То, какими родятся дѣти, не зависитъ отъ человѣка; но сдѣлать ихъ посредствомъ правильнаго воспитанія добрыми,—это въ нашей власти*“. Да, *въ нашей власти!* говоритъ онъ. Это несомнѣнно, ибо изъ корневаго отпрыска садовникъ выращиваетъ дерево, употребляя повсюду одно и тоже искусство посадки.

ГЛАВА XVI.

Общія условія для обученія и ученія, то-есть— какимъ образомъ можно учить и учиться съ вѣрнымъ успѣхомъ.

Задача моя состоитъ въ томъ, чтобы изъ повседневныхъ и общеизвѣстныхъ вещей, которыя въ природѣ и искусствѣ (внѣ школы) совершаются съ добрымъ успѣхомъ, вывести то *неизвѣстное*, что составляетъ цѣль моего стремленія. И несомнѣнно, что если извѣстны тѣ вещи, изъ которыхъ, какъ моихъ образцовъ, я заимствую свою идею, то я могу быть увѣренъ, что мои заключенія будутъ тѣмъ вразумительнѣе.

Основоположеніе первое.

Природа все дѣлаетъ въ свое время.

Противъ этого правила въ школахъ погрѣшается двоякимъ образомъ:

I. *Не избирается надлежащее время для упражненія умственныхъ способностей;*

II. *Упражненія не такъ тщательно распредѣляются, чтобы все постепенно шло впередъ, съ одной ступени на другую.*

Итакъ дѣлаемъ заключеніе:

I. *Образованіе человѣка должно начинаться въ весну жизни,*

т.-е. въ отроческомъ возрастѣ. (Отрочество именно похоже на весну, юношескій возрастъ подобенъ лѣту, возмужалый—осени, а старческій—зимѣ).

II. *Утренніе часы представляютъ наиболѣе пригодное время для занятій* (ибо опять утро соотвѣтствуетъ веснѣ, полдень — лѣту, вечеръ—осени, а ночь—зимѣ).

III. *Все подлежащее изученію должно быть такъ распредѣляемо, соотвѣтственно ступенямъ возраста*, чтобы только то предлагалось для изученія, что доступно воспріятію ученика.

Основоположеніе второе.

Природа приготовляетъ себѣ матеріалъ раньше, чѣмъ приступаетъ къ образованію ему формы.

Птица, напр., имѣя произвести подобное ей существо, строитъ гнѣздо и кладетъ въ него яйцо, потомъ высиживаетъ его, пока образуется птенецъ и оставитъ скорлупу.

Такъ точно и искусный *строитель*, прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ дома, заготовляетъ сначала массы лѣса, камней, извести, желѣза и другихъ матеріаловъ, дабы потомъ не было замедленія въ работѣ — вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ, и дабы отъ того не страдала прочность постройки.

Противъ этого правила школы погрѣшаютъ:

Во-первыхъ, *онѣ не заботятся о томъ, чтобы орудія всякаго рода,— книги, доски, прописи и образцы и проч. находились наготовѣ для немедленнаго употребленія;* если же та или другая вещь оказывается необходимой, то онѣ начинаютъ искать ее, придумываютъ, диктуютъ, списываютъ и проч., что приводитъ къ плачевнымъ результатамъ, особенно если за дѣло примется неумѣлый или нерадивый учитель (а таковыхъ всегда больше); это походитъ на то, какъ если бы врачъ, когда больному уже надо принять лѣкарство, побѣжалъ бы въ поля и лѣса собирать травы и коренья, потомъ варить и дистиллировать ихъ и проч., между тѣмъ какъ лѣкарствамъ слѣдовало бы для каждаго предстоящаго случая находиться уже въ готовности.

Во-вторыхъ, *въ книгахъ, которыя употребляются въ школахъ, не соблюдается того естественнаго порядка, чтобы сперва сообщался матеріалъ, а за нимъ давалась бы форма.*

Почти повсюду происходитъ противное; распредѣленіе вещей предшествуетъ самимъ вещамъ, хотя и невозможно организовать порядокъ тамъ, гдѣ еще не все, что приводится въ порядокъ, имѣется на лицо. Я покажу это на слѣдующихъ четырехъ примѣрахъ.

a) Въ школахъ обучаютъ рѣчи раньше вещей.

Въ теченіе многихъ лѣтъ способности учениковъ заняты изученіемъ словесныхъ искусствъ, и только наконецъ, не знаю и когда, допускаютъ ихъ къ изученію реальныхъ предметовъ—математики, физики и т. д., между тѣмъ какъ *вещь* и есть сущность, а *слово*—случайное; *вещь* есть тѣло, *слово* - одежда; *вещи*—ядро, *слова*—скорлупа и шелуха. Слѣдовательно, то и другое надо предлагать человѣческому духу одновременно, но на *первомъ мѣстѣ*—*вещь*, и именно—какъ *предметъ* для познанія и для рѣчи.

b) Далѣе, при занятіи даже языками, поступаютъ обыкновенно наоборотъ, чѣмъ какъ бы слѣдовало,—а именно: *начинаютъ не съ какого нибудь писателя, или лексикона, составленнаго надлежащимъ образомъ, но съ грамматики;* тогда какъ писатели (равно какъ въ своемъ родѣ и словари) даютъ *матеріалъ* языка, именно слова; грамматика же даетъ только форму, правила для словопроизводства, законы для постановки и соединенія словъ.

c) Въ третьихъ, въ общемъ кругѣ учебныхъ предметовъ *повсюду предпосылаютъ искусства, и уже гораздо позже даютъ науки и познанія*, хотя эти послѣднія даютъ матеріалъ, а первыя—формы.

d) Наконецъ, *предпосылаютъ правила въ отвлеченной формѣ и затѣмъ уже разъясняютъ ихъ приводимыми примѣрами*, хотя свѣтъ долженъ былъ бы предшествовать тому, что ему назначено освѣщать.

Изъ этого слѣдуетъ, что метода съ самаго основанія своего должна быть очищена отъ ошибокъ, для чего *необходимо* въ школѣ:

I. *Имѣть наготовѣ книги и всѣ другія нужныя учебныя пособія;*

II. *Образовать разсудокъ прежде языка;*

III. *Ни одинъ языкъ не изучать изъ грамматикъ, но по избраннымъ писателямъ;*

IV. *Реальныя науки предпосылать формальнымъ и*

V. *Примѣры предпосылать правиламъ.*

Основоположеніе третье.

Природа выбираетъ для своей дѣятельности наиболѣе пригодный предметъ, или же предварительно приготовляетъ его такъ, чтобъ онъ сдѣлался пригоднымъ.

Птица, напримѣръ, кладетъ въ гнѣздо и высиживаетъ — не что первое попадается, но предметъ, изъ котораго можетъ выйти птенецъ, именно яйцо. Если бы въ гнѣздо попалъ камешекъ или что-нибудь другое, то птица выбросила бы его, какъ негодную вещь. Высиживая потомъ яйцо, она согрѣваетъ заключенное въ немъ вещество столько времени, переворачиваетъ его и даетъ ему преобразоваться, пока птенецъ не будетъ въ силахъ выйти изъ скорлупы.

Такъ точно поступаетъ и *садовникъ*. 1) Онъ выбираетъ наиболѣе здоровый отпрыскъ плодоноснаго растенія; 2) переноситъ его въ садъ и старательно сажаетъ въ землю; 3) но тотчасъ не безпокоитъ его прививкою, а даетъ ему время укорениться напередъ; 4) и далѣе, прежде чѣмъ приступить къ прививкѣ, онъ срѣзываетъ у него первые побѣги и даже спиливаетъ часть ствола, для того, чтобы ни одна часть сока не направилась въ какое-либо другое мѣсто, но только къ привитому черенку.

Противъ этого правила тоже погрѣшаютъ въ школахъ, не въ томъ, однако, что допускаютъ тупоумныхъ и бездарныхъ къ ученью (такъ какъ, по моему мнѣнію, должно бы допускать въ школы *все* юношество); но

а) въ томъ, что эти *„растеньица“* не помѣщаютъ въ питомники, т. е., что ихъ *не вполнѣ* отдаютъ школамъ, дабы имѣющіе быть образованными людьми не были выпускаемы изъ заведенія до окончанія образованія;

в) въ томъ, что *обыкновенно стараются вытягивать „черенки“ наукъ, нравовъ и благочестія, прежде чѣмъ самый „стволъ“ успѣлъ пустить корни*, т. е., искуственно возбуждается любовь къ ученію въ тѣхъ, которыхъ не одушевляетъ еще къ тому сама природа;

с) въ томъ, что *передъ пересадкою не срѣзываютъ молодые побѣги или корневые отпрыски*, т. е., не освобождаютъ умы отъ излишнихъ занятій, разумно сдерживая ихъ дисциплиной и пріучая ихъ къ порядку.

И такъ, послѣ сказаннаго слѣдуетъ:

I. *Всякій, кого отдаютъ въ школу, долженъ пробыть въ ней до конца курса.*

II. *Приступая къ изученію всякаго предмета, напередъ слѣдуетъ предрасположить къ нему умы учениковъ.*

III. *Слѣдуетъ устранять всѣ препятствія для учащихся.*

Ибо ни къ чему не послужитъ предписывать правила, говоритъ Сенека, если предварительно не будутъ устранены препятствія для ихъ выполненія.

Четвертое основоположеніе.

Природа не смѣшивается въ своихъ твореніяхъ, но раздѣльно развиваетъ въ каждой своей части.

Напримѣръ, когда она образуетъ птицу, то въ одно время организуетъ кости, жилы и нервы; въ другое время утолщаетъ мясо; въ *третій* періодъ покрываетъ животное кожею; затѣмъ одѣваетъ его перьями, учитъ летать и т. д.

Когда *строитель* кладетъ фундаментъ, то онъ не выводитъ въ одно и то же время и стѣны, а тѣмъ болѣе не кроетъ крышу; но все это дѣлаетъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Въ школѣ же господствовало заблужденіе — набивать головы множествомъ предметовъ; напр. сразу обучаютъ латинской и греческой грамматикѣ, можетъ быть, — также реторикѣ и піитикѣ, и чему еще не учатъ? Ибо кому неизвѣстно, что въ школахъ на урокахъ почти съ *каждымъ* часомъ въ теченіи цѣлаго дня мѣняется матеріалъ занятій и упражненій? Но, спрашиваю я, что же такое путаница, если этотъ порядокъ не путаница?

Если бы *сапожникъ* принялся одновременно приготовлять шесть — семь сапогъ, то все же онъ долженъ былъ бы брать въ руки и отдѣлывать одинъ сапогъ за другимъ. Или когда *пекарь* сажаетъ въ печь нѣсколько хлѣбовъ и вынимаетъ ихъ оттуда, неужели отдѣльные хлѣбы по нѣскольку разъ должны быть сажаемы и вынимаемы? И кто бы такъ дурачился? Сапожникъ пока не кончитъ одинъ сапогъ, навѣрное, за другой не возьмется; пекарь не станетъ сажать въ печь другіе хлѣбы, прежде чѣмъ не испеклись посаженные прежде.

Итакъ, будемъ подражать имъ и остережемся утруждать діалектикою тѣхъ, кто занимается грамматикою, безпокоить ретоторикою — изучающихъ діалектику; и если мы обращаемъ наше прилежаніе на латинскій языкъ, то греческій пусть подождетъ, и т. д.; иначе предметы задерживали бы другъ друга, ибо мышленіе, направленное на многіе предметы заразъ, ослабляется для каждаго предмета въ отдѣльности.

Этого не упускалъ изъ виду ученый *I. Скалигеръ* *), о которомъ разсказываютъ, что онъ не занимался никогда болѣе, чѣмъ однимъ научнымъ предметомъ, и на немъ сосредоточивалъ въ одно время всѣ свои духовныя силы. Потому и случилось, что онъ изучилъ одинъ за другимъ не только четырнадцать языковъ, но науки и искусства, на сколько ихъ могъ вмѣстить человѣческій духъ, и, казалось былъ со всѣми науками основательнѣе знакомъ, чѣмъ даже тѣ, которые изучаютъ отдѣльныя спеціальности. И кто пробовалъ идти по этимъ слѣдамъ, тотъ не напрасно дѣлалъ опытъ.

Итакъ, въ школахъ должно принять за правило, *чтобы ученики въ одно время занимались только однимъ учебнымъ предметомъ.*

Пятое основоположеніе.

Во всякой дѣятельности своей природа начинаетъ работу извнутри. Напримѣръ, образуя *птицу*, природа производитъ сначала не когти, перья или кожу, но внутреннее существо ея; наружное же образуетъ послѣ, въ свое время.

Такъ и *садовникъ* — не прилѣпляетъ черенки снаружи къ корѣ, и не прививаетъ ихъ къ верхней поверхности дерева; но дѣлаетъ расщелину въ самомъ стволѣ растенія — сквозь сердцевину его, всаживаетъ возможно глубже въ надрѣзъ хорошо приготовленный прививокъ, обматываетъ плотно и заклеиваетъ щели, чтобы сокъ дерева ни въ одномъ мѣстѣ не могъ проходить наружу, и чтобы сердцевина прививки тотчасъ же воспринимала его, а растеніе сообщило бы ему всю свою силу для дальнѣйшаго роста.

*) Іосифъ Юстусъ *Скалигеръ* жилъ во 2-ой половинѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, во Франціи; онъ отличался громадною ученостью и свѣдѣніями въ классической и восточной литературахъ.

Такимъ же образомъ *дерево* впитываетъ въ себя дождь небесный и влагу земную, которыми питается, — всасывая ихъ не наружными частями, не корою, но проводя въ себя пищу черезъ находящіяся внутри его пары; поэтому садовникъ заботится поливать не сучья, но корни; животныя также — для переваренія пищи пользуются не внѣшними членами, но желудкомъ, который, переваривъ пищу, разсылаетъ ее по всему тѣлу. Если подобнымъ образомъ и образователь юношества будетъ преимущественно заботиться о „корнѣ" познанія, о *разсудкѣ*, то жизненная сила легко сообщится и стволу, *памяти*, а вслѣдъ затѣмъ не замедлятъ появиться, наконецъ, „листья и цвѣты" — свободное употребленіе языка и умѣнье пользоваться вещами.

Поэтому погрѣшаютъ тѣ учителя, которые думаютъ образовать ввѣренное имъ юношество обильной диктовкой и заучиваніемъ на память, безъ тщательнаго разъясненія предметовъ. Далѣе, тѣ, которые и желали бы давать разъясненія, не умѣютъ сохранять мѣру; ибо не знаютъ искусства, какъ осторожно обнажать корни и какъ удачно прививать „черенки наукъ". При такой методѣ — они такъ измучиваютъ учениковъ, какъ если бы кто, желая сдѣлать надрѣзъ въ растеніи, употребилъ, вмѣсто ножичка, дубину или колотушку.

И потому —

I. *Во первыхъ — слѣдуетъ образовать разсудокъ для пониманія вещей, во вторыхъ—память — и, въ третьихъ, языкъ и руку.*

II. Учитель долженъ имѣть въ виду и сообразно съ обстоятельствами примѣнять *всѣ пути* для раскрытія познанія.

Шестое основоположеніе.

Природа начинаетъ свою организацію съ общаго и кончаетъ частностями.

Напримѣръ, если она хочетъ вывести изъ яйца *птицу*, то творитъ или образуетъ сначала не голову, или глазъ, или перо, или когти, но согрѣваетъ все содержимое яйца; далѣе, возбуждая движеніемъ теплоту, она образуетъ во всемъ организмѣ жилы, чтобы обозначить основныя черты цѣлой птички (именно то, что должно обратиться въ голову, въ ноги, въ крылья и

проч.), и только тогда отдѣльныя части получаютъ свою окончательную отдѣлку.

Также поступаетъ и живописецъ. Онъ не съ самаго начала рисуетъ или раскрашиваетъ ухо, глазъ, носъ, ротъ; но сначала дѣлаетъ очеркъ лица (или всего человѣка)—грубымъ углемъ; потомъ, замѣтивъ, что правильная пропорція частей соблюдена, закрѣпляетъ этотъ абрисъ легкими взмахами кисти, но все еще въ общихъ чертахъ. Далѣе означаетъ различія свѣта и тѣни, выводитъ порознь каждую отдѣльную часть и, наконецъ, украшаетъ все разнообразнѣйшими красками. Отсюда слѣдуетъ, *что ошибочно—съ самаго начала излагать науку въ подробностяхъ, не предпославъ напередъ элементарный общій очеркъ всего знанія*, и что никого не должно обучать такъ, чтобы онъ могъ считать вполнѣ достаточнымъ знаніе одной какой нибудь отдѣльной науки, безъ отношенія ея къ другимъ.

Не менѣе ошибочно было бы обучать искусствамъ, знаніямъ и языкамъ, не предпославъ сперва начальныхъ основаній. Мнѣ припоминается, что когда мы приступили къ изученію діалектики, риторики и метафизики, то насъ тотчасъ завалили пространнѣйшими правилами съ комментаріями и объясненіями на комментаріи, сличеніемъ и спорами авторовъ. Подобнымъ же образомъ преподавался намъ и латинскій языкъ—съ его неправильными формами, и греческій съ его діалектами, между тѣмъ какъ мы, бѣдные мальчуганы, оставались въ недоумѣніи, не понимая, въ чемъ дѣло.

Вотъ средства противъ этого безпорядка:

I. *Какъ только мальчики приступаютъ къ изученію наукъ, то съ самаго начала ихъ образованія должны быть заложены въ ихъ духѣ основанія для всего обученія*, т. е., распредѣленіе учебнаго матеріала должно быть такъ сдѣлано, чтобы послѣдующія занятія повидимому не приносили ничего новаго, а составляли бы только дальнѣйшее развитіе предъидущаго въ его частностяхъ.

II. *Каждый языкъ, наука или искусство должны быть сначала преподаваемы только въ самыхъ простѣйшихъ началахъ*, дабы ученики сначала пріобрѣли себѣ о нихъ цѣльное общее понятіе, затѣмъ уже, для болѣе подробнаго ознакомленія, *должны быть сообщаемы* имъ *примѣры и правила;* потомъ слѣ-

дуютъ *полныя системы, съ прибавленіемъ уклоненій* отъ *правилъ;* наконецъ—*комментаріи*, но только въ томъ случаѣ, если они необходимы. Ибо кто усвоитъ основную идею какой-нибудь вещи, тотъ не будетъ имѣть надобности въ комментаріяхъ; вѣрнѣе всего, что онъ будетъ вскорѣ самъ комментировать.

Седьмое основоположеніе.

Природа не дѣлаетъ скачковъ, но идетъ постепенно впередъ. И развитіе молодой *птицы* имѣетъ свои ступени, которыя нельзя ни перескочить, ни переставить, пока, наконецъ, птичка не пробьетъ стѣнки своей кельи и не выйдетъ изъ нея. Когда это совершится, мать не заставляетъ дѣтенышей тотчасъ же летать и отыскивать себѣ пищу (да птенецъ и не могъ бы этого сдѣлать); она сама кормитъ его и, согрѣвая его своимъ тѣломъ, ускоряетъ его опереніе. Когда птенчикъ покроется перьями, то и тогда она не сразу гонитъ его изъ гнѣзда—летать, но пріучаетъ его мало по малу, сначала въ самомъ гнѣздѣ, расправлять крылышки, потомъ взбираться на край гнѣзда и взмахивать крыльями, и наконецъ, пріучаетъ его летать и внѣ гнѣзда, но все еще вблизи, сначала съ одной вѣтки на другую, потомъ съ дерева на дерево, а тамъ и съ одной горы на другую. Послѣ такой подготовки птенчикъ можетъ съ увѣренностью пуститься въ открытое небо. Смотрите: каждая изъ этихъ отдѣльныхъ ступеней требуетъ своего опредѣленнаго времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизмѣнной послѣдовательности ступеней!

Также постепенно идетъ впередъ и *строитель дома.* Онъ начинаетъ работу не съ крыши, и не со стѣнъ, но съ фундамента. И когда заложенъ фундаментъ, то принимается не крышу крыть, но сначала возводитъ стѣны. Однимъ словомъ: *Какъ въ природѣ все взаимно обусловливается, такъ же точно, а не иначе, и въ обученіи все должно быть соединено между собою.* Итакъ, очевидно, что весьма неразумно поступаютъ учителя, когда они для себя и для своихъ учениковъ располагаютъ научный матеріалъ не такъ, чтобы постоянно одно слѣдовало за другимъ, и чтобы каждая часть въ теченіе опредѣленнаго періода времени необходимо была закончена. Ибо, если неизвѣстна цѣль,

не показаны средства для достиженія цѣли, не установлено и распредѣленіе средствъ, то легко можно что-нибудь пропустить или извратить, и даже запутать дѣло.

Итакъ, поэтому:

I. *Вся совокупность научныхъ занятій должна быть тщательно раздѣлена на классы, такъ чтобы предъидущее повсюду приготовляло и освѣщало путь послѣдующему.*

II. *Время ученія должно быть съ точностью распредѣлено, такъ чтобы на каждый годъ, на каждый мѣсяцъ, на каждый день, на каждый часъ приходилось свое отдѣльное занятіе.*

III. *Распредѣленіе времени и работъ должно быть строго соблюдаемо, дабы ничто не было ни пропущено, ни извращено.*

Восьмое основоположеніе.

Если природа что—либо начинаетъ, то она не останавливается до совершеннаго окончанія начатаго.

Если *птица*, руководимая инстинктомъ природы, начинаетъ высиживать яйца, то она не оставляетъ ихъ, пока не вылупятся дѣтеныши; если бы она перервала свое сидѣніе хотя на нѣсколько часовъ, то зародышъ въ яйцѣ охладѣлъ бы и погибъ. Также и сохраняя своихъ вылупившихся птенцовъ въ теплѣ, птица не допускаетъ никакого перерыва, пока не укрѣпятся достаточно въ силахъ и хорошо не оперятся малютки—для того, чтобы переносить дѣйствіе открытаго воздуха.

Итакъ, не меньше вреда и отъ того, когда дѣти поручаются школѣ на мѣсяцы и годы, а потомъ въ теченіе нѣкоторыхъ промежутковъ времени задерживаются другими дѣлами дома. Также, если учитель начинаетъ заниматься съ ученикомъ то тѣмъ, то другимъ предметомъ, но серьезно не доведетъ изученіе ни одного предмета до конца. Столько же вредно, наконецъ, если онъ не назначаетъ себѣ чего-либо опредѣленнаго на извѣстные часы и не проходитъ предположеннаго въ свое время, такъ чтобы съ окончаніемъ изученія отдѣльныхъ частей предмета былъ замѣтенъ успѣхъ. Гдѣ недостаетъ подобнаго огня возбужденія, тамъ остываетъ все. Не даромъ существуетъ пословица: „Куй желѣзо—пока горячо“; ибо если дать ему остыть, то ковка будетъ безуспѣшна; надо будетъ, снова введя желѣзо въ огонь, раска-

лить его, а при этомъ навѣрное потеряется и время, и желѣзо. Ибо чѣмъ чаще раскаляютъ желѣзо, тѣмъ болѣе теряется его вещество.

Слѣдовательно:

I. *Порученный школѣ ребенокъ долженъ оставаться въ ней до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ изъ нея наученнымъ, нравственно развитымъ и религіознымъ человѣкомъ.*

II. *Школа должна находиться въ спокойной мѣстности, удаленной отъ шума и развлеченій.*

III. *Что должно быть выполняемо сообразно съ принятымъ планомъ, то пусть и будетъ выполняемо безъ перерыва.*

IV. *Ни подъ какимъ предлогомъ и никому не слѣдуетъ дозволять манкировки и уклоненія отъ уроковъ.*

Девятое основоположеніе.

Природа тщательно избѣгаетъ всего, что противно ей и вредно.

Птица, согрѣвающая яйца посредствомъ высиживанія, не допускаетъ до нихъ ни рѣзкаго вѣтра, ни дождя, ни града. Она также отгоняетъ змѣй, хищныхъ птицъ и другихъ враговъ.

Поэтому, неблагоразумно поступаютъ учителя, *если при самомъ началѣ изученія какого-нибудь предмета сообщаютъ юношеству и отрицательныя мнѣнія о немъ*, т. е. если возбуждаютъ сомнѣніе въ какой-нибудь вещи, которая еще должна быть предварительно постигнута умомъ. Ибо не то же ли это самое, что расшатывать растеньице, которое только что собирается пустить корни? Совершенно справедливо пишетъ *Гуго*: „никогда не достигнетъ научнаго познанія истины тотъ, кто начнетъ ученіе съ отрицанія“. Не будетъ успѣха и въ томъ случаѣ, если юношество не будетъ удаляемо отъ дурныхъ, ошибочныхъ, плохо написанныхъ книгъ, а также и отъ дурного товарищества.

Поэтому, рекомендуется слѣдующее:

I. *Не надо для учениковъ другихъ учебныхъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя употребляются въ классѣ.*

II. *Эти книги должны быть такъ написаны, чтобы онѣ по справедливости могли быть орудіями для усвоенія дѣтямъ мудрости, нравственности и благочестія.*

III. *Дурное товарищество не должно быть терпимо ни въ школѣ, ни рядомъ съ школой.*

Если все это будетъ тщательно соблюдаться, то едвали возможно, чтобы школы не достигли своей цѣли.

ГЛАВА XVII.

Основныя начала легкости обученія и ученія.

Мы разсмотрѣли, какими средствами образователь юношества могъ бы *вѣрно* достигнуть своей цѣли; теперь посмотримъ, какъ слѣдуетъ тѣ же самыя средства примѣнять, чтобы образованіе духа было *легко* и *пріятно*.

Изслѣдуя пути природы, убѣждаемся, что обученіе юношества пойдетъ *легко*,—

I. *если оно начнется своевременно, прежде чѣмъ умъ испытаетъ затемненіе;*

II. *если ему будетъ предшествовать необходимая умственная подготовка;*

III. *если въ обученіи будутъ идти: отъ общаго къ частному и*

IV. *отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному;*

V. *если ученики не будутъ обременяемы чрезмѣрнымъ количествомъ уроковъ;*

VI. если во всемъ, не спѣша, будутъ идти впередъ;

VII. если умы не будутъ обучаемы по принужденію, но по свободному стремленію ихъ, сообразно ихъ возрасту и способу ученія;

VIII. если все будетъ преподаваемо при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ;

IX. если будетъ преподаваться только полезное для жизни—и

X. если все будетъ идти впередъ по одной и той же постоянной методѣ.

ГЛАВА XVIII.

Правила основательнаго обученія и ученія.

I. Часто жалуются, что немногіе выносятъ изъ школъ основательное образованіе, большая же часть едва получаетъ по-

верхностное обученіе, тѣнь образованія. Самое дѣло подтверждаетъ эти жалобы.

Если спросятъ о причинѣ этого явленія, то причина здѣсь можетъ быть двоякая; неуспѣхъ бываетъ—или потому что *школы* обращаютъ свое вниманіе на малозначительныя, безполезныя вещи и пренебрегаютъ болѣе основательными; или потому, что *ученики*, выучивъ что-нибудь, снова все забываютъ, такъ какъ большая часть ихъ научныхъ занятій только слегка затронула разсудокъ, но не укрѣпилась въ немъ. *Первая* изъ названныхъ причинъ столь обыкновенна, что весьма немного можно найти людей, которые не жаловались бы на нее. Если бы все то, что мы когда-нибудь читали, слышали и восприняли въ голову, неизгладимо сохранялось въ памяти, какими учеными мы были бы! Но такъ какъ этого не бываетъ, то, очевидно, слѣдуетъ, что мы „черпаемъ воду рѣшетомъ".

Но неужели не существуетъ никакого средства противъ этого зла? Средства несомнѣнно найдутся, если мы, опять взявши въ соображеніе школу природы, станемъ изслѣдовать ея пути въ отношеніи произведенія долгожизненныхъ созданій. Я положительно утверждаю, что можетъ быть отысканъ способъ, съ помощью котораго иной можетъ знать не только то, что онъ училъ когда-нибудь, но и болѣе того, что училъ, если только онъ будетъ въ состояніи свободно передавать не только то, что онъ пріобрѣлъ отъ учителей и почерпнулъ изъ твореній писателей, но будетъ и самъ основательно судить о вещахъ.

А этого можно достигнуть, если:

I. ученикамъ будутъ сообщаться только дѣйствительно полезныя вещи;

II. но за то всѣ, безъ всякаго пропуска;

III. если все будетъ утверждаться на прочномъ основаніи;

IV. если это основаніе будетъ заложено глубоко;

V. если все послѣдующее будетъ опираться только на это основаніе;

VI. если повсюду, гдѣ можетъ быть допущено раздѣленіе предмета для подробнаго изученія его, раздѣленіе это будетъ произведено до послѣдней возможности расчлененія;

VII. если все послѣдующее будетъ основываться на предъидущемъ;

VIII. если все, что имѣетъ соотношеніе между собою, будетъ постоянно въ связи;

IX. если все будетъ правильно распредѣляться по отношенію къ разсудку, памяти и языку;

X. если все будетъ закрѣпляться постоянными упражненіями.

Теперь разсмотримъ нѣкоторые отдѣльные пункты въ подробности.

Первое основоположеніе.

Природа не предпринимаетъ ничего безполезнаго.

Если она творитъ, напр., *птичку*, то она не даетъ ей чешую, жабры, рога, четыре ноги, или что-нибудь такое, что впослѣдствіи не понадобилось-бы ей; но даетъ голову, сердце, крылья и т. п. *Дереву* природа не даетъ уши, глаза, пухъ, волосъ; но даетъ кору, лубъ, сердцевину, корни и т. п.

Итакъ въ школахъ *слѣдуетъ сообщать только то, что несомнѣнно приноситъ существенную пользу для настоящей и для будущей жизни,—но болѣе для будущей.*

(Только *тѣ* предметы должны быть изучаемы на землѣ, убѣждаетъ Іеронимъ, знаніе которыхъ должно продолжаться и на небѣ).

Для какой цѣли заниматься пустяками? Какая польза изучать вещи, которыя ни тому, кто ихъ знаетъ, не приносятъ пользы, ни тому, кто ихъ не знаетъ, не приносятъ вреда? или которыя въ послѣдующемъ возрастѣ либо должны быть переучены, либо между другими занятіями сами собою забудутся? Есть слишкомъ много необходимаго, что можетъ наполнить нашу короткую жизнь и безъ того, чтобы мы употребляли часть ея на безполезный вздоръ. *Итакъ, школы должны непремѣнно занимать юношество только серьезными вещами.*

Второе основоположеніе.

Природа ничего не упускаетъ изъ виду, что считаетъ необходимымъ для образуемаго ею тѣла.

Когда она образуетъ птицу, то не забываетъ ни головы, ни крыльевъ, ни ногъ, ни когтей, ни кожи, ни глазъ, ни того, что принадлежитъ къ полету и т. п.

Подобнымъ же образомъ и школы должны при образованіи человѣка образовать его совершенно, дабы сдѣлать способнымъ къ труду для этой жизни и для вѣчности, въ которой находятъ свою цѣль и всѣ вещи, имѣющія высшее назначеніе.

Поэтому въ школахъ должны быть преподаваемы не только науки, но и добрые нравы, и благочестіе. Научное образованіе вырабатываетъ разсудокъ, языкъ и руку, дабы человѣкъ могъ разумнымъ образомъ все полезное разсмотрѣть, обсудить и исполнить. Если что-нибудь изъ того упустить, то образуется пробѣлъ, который не только составляетъ недостатокъ образованія, но и ослабляетъ также прочность его. *Только то прочно, что вполнѣ объединено во всѣхъ своихъ частяхъ.*

Четвертое основоположеніе.

Природа пускаетъ корни въ глубь.

Такъ органы, поддерживающіе жизнь *животнаго организма,* природа помѣстила внутри самаго организма. И чѣмъ глубже въ землю пускаетъ *дерево* свои корни, тѣмъ крѣпче стоитъ оно; если бы корни лежали подъ травой, то вѣтеръ легко могъ бы вырвать дерево.

Изъ этого вытекаетъ, что слѣдуетъ серьезно вызывать въ ученикахъ любознательность, а идею знаній основательно запечатлѣвать въ умахъ ихъ, и при этомъ не слѣдуетъ переходить къ болѣе подробной системѣ искусства или языка, прежде чѣмъ общая идея знанія вполнѣ вѣрно понята учениками и твердо въ нихъ укоренилась.

Пятое основоположеніе.

Природа выводитъ все изъ корня, а не изъ чего-либо другого. Ибо на *деревѣ* древесина, кора, листья, цвѣты и плоды не имѣютъ другого источника, кромѣ корня, и хотя дождь сверху падаетъ, а садовникъ поливаетъ снизу, но всегда влага должна быть воспринята корнями и потомъ уже разнесена черезъ стволъ, сучья, вѣтви до листьевъ и плодовъ. Отъ корня дерево получаетъ все, и не имѣетъ надобности, чтобъ садовникъ бралъ откуда-нибудь вѣтви и листья и прикрѣплялъ бы ихъ къ нему.

Изъ этого правила очевидно, что надлежащее воспитаніе юношества заключается не въ томъ, чтобы наполнять головы юношей собранными изъ разныхъ писателей словами, оборотами, изреченіями и мнѣніями; но въ томъ, *чтобы раскрывать ему разумѣніе вещей*, и притомъ такъ, чтобы все вытекало и развивалось изъ одного начала, какъ изъ древесныхъ почекъ распускаются листья, цвѣты и плоды, при чемъ въ слѣдующемъ году изъ новой почки образуется новая вѣтка, съ листьями, цвѣтами и плодами.

Школы же до сихъ поръ не заботились о томъ, чтобы умы учениковъ, подобно молодымъ деревьямъ, развивали свою жизнь изъ собственнаго корня; онѣ учили навѣшивать на себя собранныя съ разныхъ деревьевъ вѣтки и такимъ образомъ, подобно Эзоповой Воронѣ, украшали себя чужими перьями. Это значитъ: школы объясняли не самыя вещи, каковы онѣ сами по себѣ, но лишь то, что о томъ или другомъ предметѣ думаетъ и пишетъ первый, второй, третій, десятый, – лишь бы имѣть видъ большой учености, знать о многомъ разнорѣчивыя мнѣнія многихъ. Отсюда получался тотъ результатъ, что большая часть учителей занималась только тѣмъ, что, перелистывая и перевертывая своихъ писателей, выдергивали изъ нихъ мнѣнія и набирали массу оборотовъ, фразъ, взглядовъ, составляя такимъ образомъ „науку", какъ халатъ изъ лоскутьевъ. Къ нимъ-то обращается Горацій, говоря: „О, подражатели, рабочій скотъ!"— Подлинно скотъ, привыкшій носить только чужія тяжести!

Люди должны быть настолько учены, чтобъ быть въ состояніи, по возможности, почерпать свои дальнѣйшія познанія не изъ книгъ, но изъ неба и земли, изъ дубовъ и буковъ; т. е. всѣ должны учиться познавать и изслѣдовать *самыя вещи*, а не только изучать чужія наблюденія и свидѣтельство о вещахъ. И когда всѣ будутъ почерпать познанія не изъ какого другого источника, какъ изъ оригиналовъ, изъ самыхъ вещей, — тогда только всѣ пойдутъ по слѣдамъ древнихъ мудрецовъ. Итакъ, слѣдуетъ считать закономъ правила:

I. Все должно выводиться изъ незыблемыхъ началъ вещей.

II. Ничему не должно учить на основаніи только авторитета, но все должно сообщать путемъ чувственнаго воспріятія, при критикѣ разума.

III. Ни въ какомъ предметѣ не должна быть примѣняема исключительно аналитическая метода, но скорѣе повсюду слѣдуетъ принимать методу синтетическую *).

Восьмое основоположеніе.

Природа соединяетъ все постоянною связью.

Образуя, напр. *птичку*, она соединяетъ одинъ членъ съ другимъ, одну кость съ другою, одинъ нервъ съ другимъ и т. д., черезъ все цѣлое. То же самое и съ *деревомъ:* изъ корня выростаетъ стволъ, изъ ствола сучья, изъ сучьевъ вѣтви, изъ вѣтвей почки, изъ почекъ листья, цвѣты и плоды и, наконецъ,—новыя вѣтви и т. д., такъ что, еслибы на деревѣ было тысяча тысячъ сучьевъ, вѣтвей, листьевъ и плодовъ, все же дерево было бы одно и то же.

Изъ этого слѣдуетъ:

I. Занятія цѣлой жизни должны быть распредѣлены такъ, чтобы представляли цѣльную энциклопедію, въ которой все вытекаетъ изъ одного и того же корня, въ которой все находится на своемъ мѣстѣ.

II. Все, что ни преподается, должно быть закрѣпляемо доводами, чтобы не было мѣста ни сомнѣнію, ни забвенію.

Доводы же суть именно тѣ гвозди, тѣ болты, тѣ скрѣпы, которые обусловливаютъ прочную устойчивость всякой вещи и не позволяютъ ей колебаться и расшатываться. *Скрѣплять же все доводами значитъ: учить всему на основаніи причинъ, т. е. не только показывать, что такое извѣстная вещь и какова она, но и то, почему она не можетъ быть иною.* Знать что-нибудь—значитъ получить полное знаніе вещи, съ помощью доводовъ.

Это доставитъ ученикамъ, при значительномъ удовольствіи, и огромную пользу, ибо проложитъ дорогу къ прочнѣйшему образованію, такъ какъ, при множествѣ изучаемыхъ учениками вещей, раскрываются ихъ глаза (чувства) для болѣе самостоятельнаго

---

*) Различіе между анализомъ и синтезомъ состоитъ въ томъ, что первый отправляется отъ *общаго, разлагая* его на части, а второй, наоборотъ, по *частямъ* познаетъ *цѣлое и общее.*

познаванія предметовъ. *Итакъ, въ школахъ все должно быть такъ преподаваемо, чтобы вмѣстѣ съ фактомъ излагались и причины его.*

Девятое основоположеніе.

Природа оживляетъ и укрѣпляетъ себя частымъ движеніемъ. Такъ, *птица* не только согрѣваетъ яйца при высиживаніи ихъ, но для того, чтобы они равномѣрно согрѣвались со всѣхъ сторонъ, она ежедневно переворачиваетъ ихъ. Но какъ только птенецъ вылупился, онъ упражняется въ частыхъ движеніяхъ клюва, ногъ, крыльевъ; распространяя ихъ, онъ перелетаетъ, влетаетъ и дѣлаетъ другія различныя попытки ходить и летать, пока не достигнетъ полной силы.

Дерево, чѣмъ чаще колеблется вѣтрами, тѣмъ скорѣе растетъ и тѣмъ глубже пускаетъ корни. Да даже всѣмъ растеніямъ приноситъ пользу приведеніе ихъ въ движеніе дождемъ, градомъ, громомъ и молніей; поэтому и говорятъ, что страны, подверженныя бурямъ и грозамъ, производятъ и могучія дерева.

Изъ этого слѣдуетъ, что образованіе не могло бы достигнуть прочности безъ возможно болѣе частыхъ повтореній, которыя въ то же время должны быть возможно правильнѣе организованы. Какой же родъ упражненій лучше, тому научаютъ насъ естественныя движенія, служащія питанію живого тѣла, именно—*сокращенія сердца*, пищеваренія и *распредѣленія пищи.* Ибо если въ животномъ (да также и въ растеніи) какой-нибудь органъ жаждетъ пищи, чтобы усвоить ее, то онъ перевариваетъ ее, и затѣмъ, чтобы самому напитаться (оставляя на свою долю часть пищи и ассимилируя ее себѣ), и для того, чтобы сообщить ее сосѣднимъ органамъ, для поддержанія цѣлаго. *Равнымъ образомъ будетъ умножаться и образованіе тѣми, кто духовную пищу всегда*

I будетъ отыскивать и воспринимать;

II найденное и воспринятое будетъ переваривать, перерабатывать — и

III переваренное будетъ дѣлить между собою и другими. Названныя три степени выражаются слѣдующими строками, написанными въ подражаніе латинскимъ стихамъ:

„Многое *спрашивать*, спрошенное *усвоять*, усвоенное *сообщать:* эти три вещи даютъ возможность ученику превзойти учителя.“

Спрашивать надо учителя, товарищей, книги, обращаясь къ нимъ за совѣтомъ въ предметѣ неизвѣстномъ. Усвоеніе является,— надо узнанное и сознанное передать памяти и, для большей вѣрности (такъ какъ немногіе обладаютъ столь счастливыми способностями, что могутъ во всѣхъ случаяхъ полагаться на свою память), записывать. *Сообщеніе* имѣетъ мѣсто, когда узнанное пересказывается товарищамъ или кому случится. Первыя двѣ степени извѣстны уже въ школахъ, третья еще не достаточно извѣстна; но было бы въ высшей степени полезно, если бы она была введена. Ибо справедливо: *кто обучаетъ другихъ, тотъ обучаетъ самъ себя*, и не только потому, что повтореніемъ воспринятаго укрѣпляетъ въ себѣ знаніе, но и потому, что находитъ случай вникнуть глубже въ дѣло.

Но было бы весьма цѣлесообразно и послужило бы къ вѣрной пользѣ многихъ, *если бы въ каждомъ классѣ учитель ввелъ между своими учениками этотъ удивительный родъ упражненія*, именно такимъ образомъ: при каждомъ урокѣ учитель, разсказавъ вкратцѣ предметъ урока и объяснивъ ясно смыслъ словъ, равно показавъ и практическое примѣненіе изученнаго, заставляетъ встать одного изъ учениковъ и повторить все сказанное имъ въ томъ порядкѣ, какъ будто бы теперь онъ самъ былъ учителемъ другихъ, объяснить тѣми же словами урокъ и показать примѣненіе его на тѣхъ же примѣрахъ, а учитель тотчасъ же поправляетъ ученика, какъ только тотъ ошибается. Потомъ вызывается другой, который долженъ сдѣлать то же, что и первый ученикъ, въ то время какъ другіе ученики слушаютъ; затѣмъ третій, четвертый и столько, сколько окажется нужнымъ для того, чтобы убѣдиться, что всѣ поняли урокъ и могутъ передать и повторить его. Я рекомендую держаться здѣсь того порядка, чтобы болѣе способные были вызываемы прежде, дабы менѣе способные, ободряемые примѣромъ первыхъ, могли легче слѣдовать за ними.

Подобное упражненіе принесетъ несомнѣнную пользу, и именно въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1. Этимъ путемъ учитель пріобрѣтаетъ себѣ постоянно

внимательныхъ учениковъ. Такъ какъ каждому предстоитъ быть неожиданно вызваннымъ и повторить весь урокъ, каждый находится въ опасеніи предъ самимъ собою и предъ товарищами, то волей-неволей онъ откроетъ уши, дабы ничего не пропустить. Свѣжесть внимательности всякаго рода, укрѣпленная многолѣтнимъ упражненіемъ, сдѣлаетъ юношу внимательнымъ ко всякаго рода обстоятельствамъ въ жизни.

II. Учитель получитъ большую увѣренность въ томъ, что все, что онъ изложилъ предъ учениками, дѣйствительно всѣми вѣрно понято. Если же онъ замѣтитъ, что урокъ не вполнѣ понятъ, то немедленно, какъ въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ учениковъ, постарается разъяснить непонятое.

III. Когда одно и то же будетъ столько разъ повторяться, то наконецъ, поймутъ его и тупѣйшія головы, такъ что и онѣ будутъ въ состояніи идти тогда наравнѣ съ другими, между тѣмъ какъ болѣе одаренные почувствуютъ въ то же время радость, что поняли урокъ вполнѣ вѣрно.

IV. Когда одинъ и тотъ же урокъ будетъ такимъ образомъ много разъ повторенъ, то всѣ ученики настолько усвоятъ его, какъ будто долгое время исключительно имъ занимались, и увидятъ на опытѣ, что если они перечитаютъ потомъ этотъ урокъ еще разъ утромъ или вечеромъ, то онъ, какъ бы играючи и шутя, запечатлѣвается въ ихъ памяти.

V. Такъ какъ при такомъ повторительномъ методѣ ученикъ привлекается къ нѣкотораго рода учебному дѣлу, то въ духъ его вселяется извѣстная бодрость, ревность къ ученію, и въ немъ образуется навыкъ непринужденно говорить о какомъ-нибудь предметѣ предъ большимъ обществомъ, а это принесетъ ему огромную пользу на всю жизнь.

ГЛАВА XXIII.

Метода нравственнаго образованія.

До сихъ поръ было говорено о томъ, какъ скорѣе обучать и обучаться наукамъ, искусствамъ и языкамъ. Теперь по справедливости припоминается выраженіе Сенеки: *мы должны не только учиться, но и научиться*, ибо ученіе есть только под-

готовленіе къ большему, или, какъ онъ говоритъ: „*Это только первые наши опыты, но не наши дѣла!*“ Итакъ, что же будетъ дѣломъ? *Изученіе мудрости, которое возвышаетъ и дѣлаетъ насъ сильными и великодушными; нравственность и благочестіе*, съ помощью которыхъ мы дѣлаемся высшими изъ твореній, приближаемся къ самому Богу.

Итакъ, нужно, сколь возможно болѣе, заботиться о томъ, чтобъ *искусство—вселять истинную нравственность и благочестіе было точно установлено и введено въ школы*, дабы онѣ были именно тѣмъ, что про нихъ говорятъ,—„мастерскими для образованія людей.“

Первое изъ правилъ искусства нравственнаго образованія гласитъ: *юношеству должны быть внушаемы всѣ добродѣтели безъ исключенія*. Изъ того, что справедливо и честно, ничто не можетъ быть исключено безъ пробѣла и нарушенія гармоніи.

Въ особенности же относится это къ основнымъ, или главнымъ добродѣтелямъ: благоразумію, умѣренности, самообразованію и справедливости, т. е. — чтобы не возводилось зданіе безъ фундамента, чтобы части зданія не находились въ слабой связи съ ихъ фундаментомъ и не имѣли бы въ немъ опоры неустойчивой.

Благоразуміе должно почерпаться изъ хорошаго преподаванія, которое научило бы познавать истинныя различія вещей и ихъ достоинство. Ибо вѣрное сужденіе о вещахъ есть вѣрное основаніе для всякой добродѣтели.

Умѣренности научаются ученики и пріучаются сохранять ее въ теченіе всего времени своего образованія; въ пищѣ и питьѣ, снѣ и бдѣніи, въ трудѣ и отдохновеніи, въ разговорѣ и въ молчаніи.

Слѣдуетъ постоянно освѣжать въ памяти молодыхъ людей золотое правило: *ничего лишняго!* дабы вездѣ можно было охранять себя отъ пресыщенія и отвращенія.

Самообладанію должны они научиться въ преодолѣніи самихъ себя, — именно въ обуздываніи желанія бѣгать или играть не въ назначенное на то время, и въ умѣреніи своего нетерпѣнія, ненависти и гнѣва.

Основаніемъ для этого будетъ пріученіе ихъ дѣлать все разумно и ничего не дѣлать въ порывѣ и съ необузданностью.

Человѣкъ — разумное существо; поэтому пусть пріучается онъ руководиться разумомъ и при каждомъ дѣяніи спрашивать себя: *что*, *почему и какъ* что-нибудь сдѣлать правильно, дабы *человѣкъ воистину былъ царемъ своихъ дѣяній*. А такъ какъ дѣти еще не воспріимчивы (по крайней мѣрѣ не всѣ) для такого столь обдуманнаго и разумнаго поведенія, то будетъ въ высшей степени полезно, при воспитаніи самообладаніи и власти надъ самими собою, пріучить ихъ исполнять больше волю другихъ, чѣмъ собственную,—именно во всемъ и немедленно повиноваться старшимъ.

Справедливости научаются, когда дѣти никого не обижаютъ, каждому воздаютъ то, *что ему предлежитъ, избѣгаютъ лжи и обмана и являются вѣрными своему долгу и ласковыми*. Воспитывать дѣтей въ этомъ отношеніи должно, какъ и въ другихъ добродѣтеляхъ, тѣми средствами и способами, которые предписываются нижеслѣдующими правилами.

Привычку къ труду молодые люди пріобрѣтаютъ, когда они постоянно что-нибудь дѣлаютъ, будетъ ли это серьезное дѣло, или только развлеченіе.

Для привычки къ труду совершенно все равно, что, для какой цѣли и какъ дѣлается. И въ забавахъ можно научиться чему-нибудь, что пригодится въ серьезный часъ, когда того потребуютъ время и обстоятельства. И такъ какъ дѣйствіе изучается посредствомъ дѣйствія, то и работа изучается посредствомъ работы, и притомъ такъ, что постоянныя (однако не чрезмѣрныя) занятія, умственныя и тѣлесныя, превращаются въ прилежаніе и, въ концѣ концовъ, дѣлаютъ дѣятельному человѣку бездѣятельную праздность невыносимою. Поэтому и изреченіе *Сенеки* становится истиной: „*Трудъ питаетъ благородныя души.*“

Усвоеніе добродѣтелей должно начинаться въ самой ранней юности, прежде чѣмъ духъ восприметъ пороки. Ибо если ниву засѣять дурными сѣменами, то она хотя и произведетъ растенія, но что это будутъ за растенія! Плевелы и сорная трава. Если же есть намѣреніе воздѣлать ниву, то можно воздѣлать лучше и съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ разсчитывать на урожай, если сначала, въ самой ранней веснѣ, вспашутъ ее, засѣютъ и взборонятъ. Вообще, пріобрѣтеніе хорошихъ привычекъ съ нѣжнаго дѣтства имѣетъ чрезвычайно важное значеніе.

Добродѣтелямъ научаются,—когда постоянно занимаются дѣлами, достойными уваженія.

Какъ дѣти легко научаются ходить посредствомъ хожденія, говорить посредствомъ говоренія, писать посредствомъ писанія, точно такъ же должны они научаться и послушанію — посредствомъ послушанія, правдивости — посредствомъ соблюденія правды, постоянству — посредствомъ упражненія въ терпѣніи; только бы они не имѣли недостатка въ людяхъ, которые словомъ и примѣромъ шли бы впередъ.

Примѣры правильной жизни со стороны родителей, нянекъ, учителей, соучениковъ должны постоянно освѣщать путь.

Дѣти — какъ обезьянки: что они видятъ, тому охотно подражаютъ,—какъ хорошему, такъ и дурному, и даже безъ особаго приказанія; потому они научаются раньше подражать, чѣмъ познавать. Я имѣю въ виду одинаково сколько живые примѣры, столько же и заимствованные изъ исторіи; однако прежде всего живые, ибо они дѣйствуютъ непосредственнѣе и сильнѣе. И потому, если честные родители—заботливые оберегатели домашней дисциплины, если учителя суть избраннѣйшіе изъ числа людей и по своимъ добрымъ нравамъ достойны подражанія, то это будетъ наилучшимъ средствомъ возвысить учениковъ до истинно нравственной жизни.

Но къ примѣрамъ слѣдуетъ присоединять предписанія, жизненныя правила, дабы подражаніе улучшалось, дополнялось, усиливалось. Такія жизненныя правила можно заимствовать какъ изъ Священнаго Писанія, такъ и изъ изреченій мудрецовъ. Напр., чѣмъ и какъ можно предохранить себя отъ зависти? какимъ панцыремъ можно защищать свою грудь противъ скорби и всякаго рода непріятностей, встрѣчающихся почти на каждомъ шагу въ жизни? какъ сдерживать радость, какимъ образомъ обуздывать гнѣвъ, и т. п.; но все сообразно съ возрастомъ и съ степенью развитія воспитанниковъ.

Также слѣдуетъ весьма заботливо оберегать дѣтей отъ обращенія съ дурными людьми или дѣтьми, дабы первые не заразились отъ послѣднихъ.

Ибо, вслѣдствіе испорченности нашей натуры, дурное легче пристаетъ и крѣпче держится. Поэтому, со всѣмъ тщаніемъ

слѣдуетъ удалять отъ юношества всякій поводъ къ соблазну, какъ напр. *дурныя товарищества*, *соблазнительныя книги*, *пустыя и безсодержательныя сочиненія* (ибо если при этомъ примѣры зла не касаются глазъ и ушей, то все же въ душѣ остается ядъ); наконецъ, также слѣдуетъ удалять и *праздность*, дабы дѣти отъ нечего дѣлать не научились дѣлать дурное, или дабы чрезъ занятіе пустяками не тупѣли умственно. И потому полезно доставлять имъ постоянно занятія, будутъ-ли это серьезныя вещи, или забавы, — только не слѣдуетъ дозволять имъ праздности.

И такъ какъ мы не обладаемъ столь острымъ зрѣніемъ, чтобы не проскользнуло что либо дурное, то крайне необходима дисциплина, чтобы противодѣйствовать злымъ нравамъ.

Ибо врагъ нашъ—сатана, сторожитъ насъ не только тогда, когда мы спимъ, но и тогда, когда бодрствуемъ и сѣемъ на духовную ниву добрыя сѣмена; онъ вмѣшивается и разсѣеваетъ между нихъ свои плевелы; оттого испорченная натура колеблется то въ одну, то въ другую сторону, такъ что нужна сила для противодѣйствія злу. Противодѣйствіе же достигается посредствомъ дисциплины, т. е. посредствомъ строгихъ выговоровъ и наказаній, словесныхъ и даже тѣлесныхъ, смотря по требованію обстоятельствъ; но всегда вслѣдъ за проступкомъ, дабы заглушить въ самомъ зародышѣ порокъ или даже, если возможно, вырвать его съ корнемъ.

Итакъ, *въ школахъ должна быть примѣняема дисциплина, не столько ради знаній* (которыя, будучи сообщены при хорошей методѣ, скорѣе составляютъ удовольствіе, приманку для человѣческаго ума), *сколько ради нравовъ*. Но о дисциплинѣ скажемъ еще отдѣльно.

ГЛАВА XXVI.

О школьной дисциплинѣ.

Употребительная въ Богеміи пословица: „школа безъ дисциплины—мельница безъ воды,“—совершенно вѣрна. Ибо если отъ мельницы отвесть воду, то мельница остановится; такъ точно и

въ школѣ, когда въ ней недостаетъ дисциплины, все должно придти въ безпорядокъ. И какъ на нивѣ, когда ее не выполютъ, вырастаетъ вредная для посѣвовъ сорная трава, такъ точно и деревца, когда за ними нѣтъ надлежащаго ухода, плохо растутъ и производятъ безполезные корневые отпрыски. *Но изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы школа должна была быть полна бдительности и вниманія, со стороны какъ учащихъ, такъ и учащихся.* Ибо что такое школьная дисциплина, какъ не вѣрное средство сдѣлать учениковъ дѣйствительно учениками?

Итакъ, хорошо будетъ, если образователь юношества узнаетъ: *а) цѣль, б) матеріалъ и в) форму* школьной дисциплины, чтобы узнать, *зачѣмъ, когда и какъ* примѣнять цѣлесообразно дисциплинарныя мѣры.

I. Цѣль дисциплины. Во первыхъ—полагаю я,—всѣ твердо убѣждены въ томъ, *что школьную дисциплину слѣдуетъ примѣнять къ ученикамъ, которые вышли изъ общей колеи* школьной жизни. *Не ради, впрочемъ, сдѣланнаго поступка* (ибо совершившееся нельзя сдѣлать не совершившимся), *но для того, чтобы въ подобномъ же случаѣ впослѣдствіи предупредить проступокъ.* Слѣдовательно, дисциплинарныя мѣры должны быть примѣняемы безъ раздраженія, гнѣва и ненависти, но съ достоинствомъ и чистосердечіемъ, дабы тотъ, кто подвергаетъ взысканію, убѣдился, что взысканіе примѣняется къ нему ради его блага и проистекаетъ изъ отеческаго чувства лицъ, поставленныхъ надъ нимъ, и чтобы, вслѣдствіе того, онъ принималъ бы взысканіе не съ другимъ какимъ-либо чувствомъ, но съ тѣмъ же, съ какимъ принимаютъ предписанное врачемъ горькое лѣкарство.

II. Матеріалъ. Болѣе строгія дисциплинарныя мѣры слѣдуетъ примѣнять не ради занятій и наукъ, но въ видахъ нравовъ. Ибо учебныя занятія, если они хорошо поставлены,—какъ уже было показано,—сами по себѣ служатъ приманкою для молодыхъ умовъ, собственною прелестью привлекаютъ и притягиваютъ къ себѣ всѣхъ (исключая развѣ человѣческихъ выродковъ). Если же бываетъ иначе, то это вина не учащихся, но учащихъ. И если мы незнакомы съ средствами привлекать умы искусствомъ преподаванія, то совершенно напрасно будемъ употреблять насиліе. Удары и колотушки не имѣютъ никакой силы,

чтобы вложить въ головы дѣтей любовь къ наукамъ; отвращеніе же и неохоту къ нимъ усиливаютъ еще болѣе. И потому, если гдѣ-нибудь оказалась-бы болѣзнь ума—отвращеніе отъ умственныхъ занятій, то ее слѣдуетъ лѣчить скорѣе діэтой и предложеніемъ пріятныхъ противоядій, а не усиливать ее острыми средствами. Въ пользу этого благоразумнаго совѣта представляетъ доказательство само небесное *солнце*. Въ раннюю весну—оно не падаетъ внезапно на молодыя и нѣжныя растеньица, не изсушаетъ ихъ разомъ своимъ зноемъ, но согрѣваетъ ихъ постепенно и незамѣтно, даетъ имъ подняться, окрѣпнуть, и только тогда ниспосылаетъ на нихъ всю силу своихъ лучей, когда они уже подросли, когда созрѣваютъ ихъ плоды и сѣмена. Подобную же осмотрительность употребляетъ и *садовникъ*, который обращается бережнѣе съ молодыми, нѣжнѣе съ нѣжными деревцами, а по отношенію къ тѣмъ, которыя еще не могутъ перенести надрѣзовъ, не употребляетъ пилы и ножа.

Точно также должны мы вліять на учениковъ при возбужденіи въ нихъ гармоніи и любви къ занятіямъ, если изъ равнодушныхъ не желаемъ сдѣлать упрямцевъ, а изъ умовъ медленныхъ—просто глупцовъ.

Если же иногда и бываетъ необходимо употребить болѣе энергичное возбужденіе, то это можно произвести гораздо лучше иными способами, чѣмъ посредствомъ ударовъ: иногда болѣе строгимъ словомъ, или публичнымъ порицаніемъ, иногда же указаніемъ, съ похвалою, на другихъ.

Могутъ быть также устроены *недѣльные* или, по крайней мѣрѣ, *мѣсячные—диспуты*, ради мѣста (въ классѣ) или похвалы, какъ я уже упоминалъ о томъ. Только при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы соревнованіе не происходило черезчуръ шутливо, играючи, не стало бы, вслѣдствіе того, безплоднымъ, но чтобы любовь къ похвалѣ и страхъ порицанія и потери мѣста подстрекали рвеніе. Поэтому очень важно, чтобы учитель присутствовалъ при этомъ, чтобы соревнованіе было серьезно и безъ ложной напыщенности, и чтобы тѣ, которые будутъ признаны нерадивыми, получали выговоръ и были перемѣщаемы назадъ, а прилежнѣйшіе получили бы публично похвалу.

Но болѣе строгая и суровая дисциплина должна быть примѣняема къ тѣмъ, которые уклоняются отъ правилъ нравственности;

именно: 1) относительно подающихъ примѣръ *нечестія*, напр. въ богохульствѣ, или въ чемъ-нибудь другомъ, совершаемомъ публично противъ божественнаго закона; 2) при *упорствѣ и настойчивой злонамѣренности*, когда кто-нибудь не повинуется распоряженіямъ учителя, или иной власти, и противодѣйствуетъ ея распоряженіямъ съ сознаніемъ и волею; и 3) *при высокомѣріи и презрительномъ обращеніи* съ товарищами, а также при *зависти и лѣни;* также, когда кто-нибудь изъ учениковъ, не смотря на просьбу своего сотоварища, отказывается помочь ему въ ученіи.

Ибо изъ этихъ поступковъ—пороки перваго рода оскорбляютъ величіе Божіе, поступки втораго рода подрываютъ основанія всѣхъ добродѣтелей (смиренія и послушанія), поступки третьяго рода задерживаютъ и замедляютъ быстрые успѣхи въ занятіяхъ.

Короче: *школьная дисциплина стремится къ тому, чтобы во всѣхъ ученикахъ по возможности возбуждать благоговѣніе къ Богу, дѣятельную любовь въ отношеніи ближнихъ и быстроту въ исполненіи работъ и занятій въ жизни, и чтобы эти качества укрѣплялись постояннымъ упражненіемъ и практикой.*

III. Форма дисциплины. Наилучшую форму дисциплины представляетъ намъ солнце небесное, которое даетъ развивающимся существамъ: *1) постоянно свѣтъ и теплоту, 2) часто дождь и вѣтеръ и 3) рѣдко молнію и громъ*, хотя и это послѣднее также съ цѣлію пользы.

Учитель, подражающій солнцу, будетъ стремится удержать юношество въ предѣлахъ закона: 1) *постояннымъ примѣромъ* во всемъ, къ чему оно должно быть приготовлено, самъ служа живымъ образцомъ. Если не будетъ этого—всѣ остальныя средства тщетны. 2) *Наставленьями, увѣщаніями, иногда же порицаніями;* при чемъ учитель долженъ особенно стараться о томъ, чтобы въ наставленіяхъ, напоминаніяхъ, приказаніяхъ, порицаніяхъ, было постоянно ясно видно, что все это совершается съ отеческимъ чувствомъ и направлено къ возвышенію всѣхъ, а не къ униженію кого-либо. Если ученикъ недостаточно хорошо замѣтилъ такое настроеніе и не вполнѣ убѣдился въ немъ, то онъ легко почувствуетъ пренебреженіе къ школьной дисциплинѣ и энергично вооружится противъ нея. 3) Наконецъ, если кто-либо въ учениковъ имѣетъ столь несчастный характеръ, что мягкія

средства оказываются для него недѣйствительными, то слѣдуетъ обратиться, наконецъ, къ болѣе сильнымъ мѣрамъ, дабы не было опущено никакого средства, прежде чѣмъ оставить подобнаго ученика на произволъ судьбы, какъ совершенно неудобную для обработки землю, когда на него придется смотрѣть, какъ на совершенно безнадежнаго. Но слѣдуетъ остерегаться, чтобы не прибѣгать немедленно къ суровымъ средствамъ при всякомъ случаѣ, по поводу какихъ-нибудь мелочей, дабы не сдѣлать эти средства безполезными въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Общимъ результатомъ всего, что уже сказано и что остается сказать, будетъ слѣдующее: *школьная дисциплина должна стремиться къ тому*, чтобы въ питомцахъ, которыхъ мы воспитываемъ для Бога и церкви, образовать и безпрестанно укрѣплять ревностнымъ попеченіемъ то настроеніе чувствъ, котораго Богъ требуетъ отъ своихъ дѣтей, порученныхъ „школѣ Христа,"—чтобы они „радовались съ трепетомъ," со страхомъ и трепетомъ совершили свое спасеніе „(Филип. II, 12), всегда радовались въ Господѣ" (Филип. I, 4), т. е. чтобы они научились и стали способными любить и бояться своихъ образователей и не только охотно дозволяли вести себя, куда должны быть приведены, но ревностно желали бы этого. Это настроеніе чувствъ не можетъ быть закрѣплено иными средствами, кромѣ тѣхъ, на которыя я выше указалъ, именно путемъ *добраго примѣра, ласковаго слова и всегда искренняго и открытаго благорасположенія;* посредствомъ же суровой грозы возможно дѣйствовать только рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, при этомъ съ постоянною заботой, чтобы строгость, насколько возможно, всегда переходила въ любовь.

Здѣсь можетъ найти мѣсто мнѣніе одного значительнаго человѣка, — доктора *Эйльгарда Лубина:* говоря объ исправленіи школъ, авторъ высказываетъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „другое средство исправленія школьнаго дѣла состоитъ въ томъ, чтобы все, что преподается юношеству, требовалось отъ учениковъ въ такомъ видѣ, благодаря которому они ничего не дѣлали бы съ отвращеніемъ и съ принужденіемъ, но дѣлали бы все, — насколько возможно, — охотно и по собственному побужденію, даже съ душевною радостью. Потому, я прямо высказываю мнѣніе, что розги и палки, — эти *орудія рабства*, совершенно не свойст-

венныя благородству людей,—не должны быть употребляемы въ школахъ,—напротивъ, должны быть рѣшительно удалены изъ нихъ,—какъ негодное даже и для рабовъ и для холопскихъ душъ. Послѣднія скоро выдаютъ себя въ школахъ своимъ поведеніемъ—и должны быть удалены изъ школы,—не только вслѣдствіе тупости, которая вообще свойственна такимъ рабскимъ душамъ, но также и вслѣдствіе обыкновенно находящейся въ связи съ нею испорченности характера. Для кого розги и палки кажутся вспомогательными средствами для изученія наукъ и искусствъ, въ рукахъ тѣхъ онѣ обратятся только въ безполезное орудіе; но въ неистовыхъ рукахъ розги будутъ мечами, которыми наказывающіе будутъ истреблять и себя и другихъ. Существуютъ другія мѣры взысканій, которыя и могутъ быть употребляемы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и благородныхъ душъ."

ДЖОНЪ ЛОККЪ

(1632—1704).

Джонъ Локкъ.

Реалистическая философія Бэкона*) имѣла громадное вліяніе на его соотечественника, знаменитаго англійскаго мыслителя и педагога Дж. Локка. Образованіе его, законченное въ Оксфордскомъ университетѣ, было чрезвычайно разносторонне: онъ занимался и философіей, и медициной, и метеорологіей, причемъ изъ занятій первой наукой вынесъ отрицательное отношеніе къ философіи Аристотеля. Локкъ не занималъ никакой должности на государственной службѣ, и единственная обязанность, которую онъ принялъ на себя,—воспитательство въ знатномъ домѣ графа Шефтсбюри,—предоставляя ему полную возможность отдаваться научнымъ и литературнымъ трудамъ, въ то же время давала ему случаи знакомиться со многими выдающимися людьми тогдашней Англіи. Воспитательная дѣятельность Локка была чрезвычайно успѣшна; ему удалось настолько пріобрѣсти дружбу, довѣріе и любовь своего воспитанника и его отца, что впослѣдствіи онъ воспитывалъ и внука Шефтсбюри. Вообще, почти вся жизнь Локка тѣсно связана съ этимъ семействомъ: когда въ Англіи начались гражданскія смуты, то Локкъ вмѣстѣ съ Шефтсбюри удалился въ Голландію, такъ какъ въ Англіи преслѣдовали протестантовъ; по этому поводу онъ написалъ „Письмо о терпимости.“ Къ 1689 году, уже послѣ возвращенія въ отечество, относится его знаменитый „Опытъ о человѣческомъ познаніи,“ главнѣйшія положенія котораго тѣсно связаны съ его педагогическими воззрѣніями, какъ мы увидимъ это изъ дальнѣйшаго изложенія. Важнѣйшимъ сочиненіемъ Локка по педагогикѣ являются „Мысли о воспитаніи,“ относящіяся къ болѣе позднему времени.

---

*) См. біографію Амоса Коменскаго.

Вся жизнь Локка, сравнительно съ другими педагогами, о которыхъ намъ приходилось и придется говорить, протекла очень уравновѣшенно, спокойно и обезпеченно: ни бѣды, ни разочарованія не постигали его, какъ, напр., Коменскаго или Песталоцци; такой же уравновѣшенностью и практичностью отличается и характеръ какъ самого Локка, такъ и его педагогическихъ воззрѣній. Самая смерть его въ 1704 г., среди любящихъ и преданныхъ друзей, въ собственномъ имѣньѣ, была тиха и спокойна.

Для уясненія педагогической системы Локка, надо сначала, хотя вкратцѣ, познакомиться съ его философскимъ міровоззрѣніемъ. Главное положеніе его слѣдующее: *нѣтъ ничего въ нашемъ умѣ, чего бы не было раньше въ чувственномъ воспріятіи* *). Отсюда слѣдуетъ, что *отъ природы нашъ умъ есть пустое пространство* **), которое можно сравнить съ листомъ бѣлой бумаги, на *которомъ легко написать все, что* угодно.

Откуда же берутся всѣ наши идеи и понятія?—„*Только изъ опыта*," — настаиваетъ Локкъ; „никакихъ прирожденныхъ уму нашему идей нѣтъ и быть не можетъ, потому что *нѣтъ такихъ основныхъ положеній*, которыя *признавались бы всѣми*: напр., дѣти, необразованные люди, идіоты не раздѣляютъ основныхъ принциповъ взрослыхъ, образованныхъ и разумныхъ людей; слѣд. эти принципы заложены въ людей *не* природой, а заимствованы изъ опыта." На возраженіе защитниковъ прирожденныхъ идей, что „эти идеи прирождены нашему разуму, существуютъ въ немъ, но только онъ не всегда сознаетъ ихъ," Локкъ отвѣчалъ, что это очевидное противорѣчіе: „*существовать въ разумѣ* — это и значитъ *быть сознаннымъ*." Кромѣ того, по его мнѣнію, ясно, что наше мышленіе начинается съ частныхъ представленій, а не съ общихъ понятій: ребенокъ *сперва* узнаетъ горькій *предметъ*, а потомъ уже получаетъ *понятіе* о горькомъ и сладкомъ.

Итакъ, Бэконовское основоположеніе: „все чрезъ опытъ, ничего помимо его," вполнѣ повторяется и развивается Локкомъ. Самый опытъ, далѣе, бываетъ двоякій: тотъ, который происходитъ черезъ познаніе окружающаго посредствомъ внѣшнихъ чувствъ (*ощущеніе*), и тотъ, который является результатомъ

*) Nihil est in intellectu, quod non fuerit antea in sensu.
**) „Tabula rasa,"—буквально—выскобленная доска.

внутренней дѣятельности нашей души (*рефлексія*): эти два рода опыта и доставляютъ нашему разуму всѣ его идеи и понятія.

Изъ вышеизложеннаго ясно, какую громадную роль играетъ воспитаніе въ жизни человѣка: если умъ ребенка есть, дѣйствительно, не что иное, какъ „tabula rasa“, то онъ, очевидно, мягкій воскъ въ рукахъ искуснаго воспитателя, который можетъ вылѣпить изъ него какую угодно фигуру. За то Локкъ и предъявляетъ къ воспитателю громадныя требованія: это долженъ быть человѣкъ, отличающійся положительностью и умѣренностью характера, искренней любовью къ дѣтямъ, усердіемъ, благоразуміемъ; необходимыми качествами являются, кромѣ того, благовоспитанность, умѣнье вести себя во всѣхъ случаяхъ жизни и знакомство даже съ мельчайшими оттѣнками правилъ вѣжливости и приличія. Хорошія манеры воспитателя, „граціозная непринужденность“ важны не менѣе, чѣмъ научныя познанія.

Если мы вспомнимъ среду, въ которой прожилъ Локкъ чуть не всю свою жизнь, то мы сразу поймемъ, въ силу чего и для какой цѣли онъ предъявляетъ къ воспитателю подобныя требованія, кажущіяся намъ, пожалуй, слишкомъ мелочными и придирчивыми. Понятіе истиннаго „джентльмена“ и теперь еще въ Англіи чуть ли не равняется понятію „совершеннаго человѣка,“ и именно такого „джентльмена“ и стремится создать Локкъ изъ своего воспитанника.

Но не будемъ обращать большого вниманія на эти мелочныя и внѣшнія черты его воспитательной системы: обратимся къ самому главному и существенному, и увидимъ, что требованія Локка въ этомъ отношеніи и разумны, и послѣдовательны, и главное, настолько практичны, что давно укоренились въ системѣ европейскаго воспитанія вообще, не говоря уже объ Англіи. Въ этомъ громадное преимущество Локка передъ другими педагогами, въ которомъ мы убѣдимся при первомъ же непосредственномъ знакомствѣ съ его произведеніями: на каждомъ шагу мы будемъ встрѣчаться не съ голыми, отвлеченными принципами, которые не будемъ знать, какъ примѣнить къ дѣлу, — но именно съ реальными случаями этого примѣненія, поражающими насъ своей жизненностью и вѣрностью.

Первымъ принципомъ, сохраняющимъ и доселѣ свое великое значеніе, является знаменитое изреченіе: „mens sana in corpore

sano," — указывающее на чрезвычайную важность физическаго воспитанія, какъ необходимаго условія для успѣшности духовнаго и умственнаго развитія. Въ числѣ условій, способствующихъ крѣпости тѣла, Локкъ указываетъ на многія, давно вошедшія, такъ сказать, въ ежедневный обиходъ, особенно въ Англіи: напр. необходимость свѣжаго воздуха, тѣлесныхъ упражненій, умѣренности въ питьѣ, ѣдѣ и снѣ; пріученіе къ перемѣнамъ атмосферы и т. п. Что же касается до духовнаго воспитанія, то первымъ правиломъ его является—дать дѣтямъ почувствовать, что воспитателемъ руководитъ не произволъ или прихоть, а истинное и разумное доброжелательство. Основная задача воспитанія— это пріученіе ребенка къ *самообладанію*, къ *самостоятельности* (чисто національная черта характера); не менѣе важно, какъ мы уже указывали, и образованіе *практическаго ума* (вѣжливость, благовоспитанность и т. д.). Наряду съ этимъ, слѣдуетъ съ самыхъ раннихъ поръ (ср. Коменскаго) бороться съ зародышами дѣтскихъ пороковъ,—особенно лжи, властолюбія и жадности. Чѣмъ же, по мнѣнію Локка, должно побуждать дѣтей къ добродѣтели и отучать отъ пороковъ? Не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чтобы искусно внушить имъ *любовь къ хорошей репутаціи*, *стремленіе получить похвалу и избѣгнуть порицанія окружающихъ*. Нельзя признать, чтобы эти послѣднія требованія были высоко-идеальны: добродѣтель должна быть цѣлью сама по себѣ, — но и здѣсь мы видимъ „принаравливаніе" Локка къ условіямъ практической жизни, со всѣми ея несовершенствами. Похваламъ и порицаніямъ онъ придаетъ настолько большое значеніе, что даже рекомендуетъ первыя всегда воздавать дѣтямъ *публично*, чтобы усилить ихъ стоимость, — забывая, при этомъ, о вредѣ излишняго раздраженія самолюбія. Наоборотъ, чтобы не притупить чувства стыдливости, — надо скрывать отъ окружающихъ проступки дѣтей и дѣлать имъ выговоры наединѣ. Что касается до тѣлеснаго наказанія, то оно, по мнѣнію Локка, можетъ примѣняться только за *дерзость* и *упрямство*, доказывающія упорство злой воли, — да и то здѣсь долженъ быть важнѣе стыдъ, чѣмъ боль.

Особенное вниманіе обращаетъ Локкъ на такъ называемый переходный возрастъ, когда отрокъ превращается въ юношу, и для избѣжанія опасностей этого времени совѣтуетъ постепенно и своевременно знакомить воспитанника съ дѣйствительной жизнью,

чтобы переходъ отъ подчиненія воспитателю къ полной самостоятельности не былъ слишкомъ рѣзокъ.

Что касается до обученія, которое Локкъ, какъ и многіе другіе педагоги, считаетъ лишь однимъ изъ воспитательныхъ средствъ, то онъ и здѣсь даетъ много важныхъ и полезныхъ совѣтовъ. *Возбужденіе любознательности всякими способами* — главная задача обученія: если дѣти слишкомъ увлекаются играми, стоитъ приказать имъ *только* играть цѣлый день, — и они исправятся, такъ какъ игра сдѣлается для нихъ мученьемъ; а если они лѣнивы къ ученью, то можно занять ихъ сначала ручнымъ или механическимъ трудомъ; самое же ученье на первыхъ порахъ должно быть больше отдыхомъ, чѣмъ серьезной работой. При всемъ этомъ, надо предоставлять дѣтямъ какъ можно больше свободы и независимости: всякое принужденіе оттолкнетъ ихъ, — и охоту къ тѣмъ или другимъ занятіямъ надо лишь понемногу возбуждать въ нихъ, а самое лучшее, — довести ихъ до того, чтобы они сами попросили поучить ихъ чему-нибудь.

Въ силу своихъ основныхъ принциповъ, Локкъ, конечно, рекомендуетъ учить только тому, что наиболѣе примѣнимо въ жизни: „многоученіе“ и многопредметность вредны. *Чтенію* надо учить, какъ только разовьется способность рѣчи, но твердо помнить, что источникъ первыхъ представленій—не слова, а предметы и ихъ изображенія, такъ что учить читать не по книгѣ, а съ помощью какихъ-либо игрушекъ. Затѣмъ, со временемъ, можно дать ребенку и книгу на родномъ языкѣ („Рейнеке-Лисъ“, басни Эзопа),—но такую, чтобы содержаніе ея, интересуя ребенка, не было вздорнымъ и глупымъ. Затѣмъ идетъ обученіе *письму* (пріемъ обведенія готовыхъ буквъ) и *рисованію*, какъ искусству, полезному въ практической жизни; на этомъ же основаніи Локкъ рекомендуетъ для мальчиковъ изученіе *стенографіи*.

Послѣ основательнаго знакомства съ роднымъ языкомъ, можно начинать (практическое, а не грамматическое) изученіе иностранныхъ, напр. французскаго; латинскій языкъ надо изучать тоже не грамматически, а при помощи чтенія текстовъ съ подстрочнымъ переводомъ и разговоровъ по-латыни. Чрезвычайно важно рано начать *ариѳметику*, какъ самый простой и важный способъ отвлеченнаго мышленія; но еще ранѣе можно приступить къ такому наглядному предмету, какъ *географія*, съ помощью

глобуса и карты. Изученію *исторіи*, начиная съ древней, Локкъ придаетъ очень большое значеніе, какъ предмета, доставляющаго и удовольствіе, и пользу,—но почти совершенно отвергаетъ пользу *реторики* и *логики*,—какъ предметовъ слишкомъ отвлеченныхъ. Что касается до *религіознаго* образованія, то Локкъ рекомендуетъ его начинать очень рано: молитвы и заповѣди учить наизусть, когда ребенокъ еще не умѣетъ читать; а затѣмъ, избѣгая учебника и не читая *всей* Библіи, какъ во многихъ мѣстахъ непонятной и неподходящей къ развитію ребенка, передавать ему устно тѣ библейскіе и евангельскіе разсказы, изъ которыхъ онъ можетъ почерпнуть и удовольствіе, и пользу. Догматическое же изученіе должно начинаться значительно позже.

При обозрѣніи предметовъ обученія, рекомендуемыхъ Локкомъ, нельзя не упомянуть еще о нѣкоторыхъ, вводимыхъ имъ съ чисто практическими цѣлями. Таковы, кромѣ стенографіи и рисованія, еще различныя ремесла, садоводство, фехтованіе, танцы,—но не музыка, занятія которой ведутъ, по его мнѣнію, лишь къ изнѣженности чувствъ.

Позже намъ придется изучать воспитательныя системы французскаго педагога—Руссо и нѣмецкаго—Песталоцци; и тогда мы во 1) увидимъ, какъ много изъ идей Локка было усвоено и развито ими, а во 2) убѣдимся, насколько громадное вліяніе оказываетъ національность на взгляды человѣка: для насъ ясно будетъ коренное различіе между пылкимъ, непослѣдовательнымъ, но искреннимъ Руссо; идеалистомъ, мечтателемъ и теоретикомъ Песталоцци—и спокойнымъ, трезвымъ, уравновѣшеннымъ и практичнымъ англичаниномъ Локкомъ.

Для насъ, русскихъ, Локкъ имѣетъ еще и особенное значеніе: вспомнимъ эпоху Екатерины II и тѣ воспитательныя идеи, которыя проводились императрицей и И. И. Бецкимъ отчасти въ теоріи, отчасти и на практикѣ. Мысли о важности физическаго воспитанія, о возможности создать „новую породу людей“ при помощи нравственнаго воспитанія и т. п.,—все это, несомнѣнно идеи нашего педагога, котораго чрезвычайно высоко ставили какъ Екатерина, такъ и ея высокообразованный сотрудникъ.

Джонъ Локкъ.

„МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ“.

Введеніе.

„Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“—вотъ краткое, но полное описаніе счастливаго состоянія въ здѣшнемъ мірѣ. Тому, кто обладаетъ этими двумя вещами, остается желать немногаго; а у кого не достаетъ одной изъ нихъ, тотъ едва ли сдѣлается лучше, имѣя взамѣнъ что-либо другое. Счастье или несчастье людей по большей части есть дѣло ихъ собственныхъ рукъ. Человѣкъ, духъ котораго не направляетъ его мудро, никогда не пойдетъ надлежащей дорогой, а тотъ, чье тѣло хрупко и слабо, никогда не будетъ способенъ подвигаться на этой дорогѣ впередъ. Соглашаюсь, бываютъ духовные и тѣлесные организмы людей столь сильные и такъ хорошо устроенные природой, что они не нуждаются въ особенно большой помощи со стороны другихъ, но силою своихъ природныхъ даровъ уже съ колыбели ведутся къ тому, что прекрасно, и, благодаря счастливому складу своей натуры, способны творить чудеса. Но примѣры такого рода немногочисленны, и я кажется, могу сказать, что изъ всѣхъ людей, встрѣчаемыхъ нами, девять частей изъ десяти суть то, что они суть—добрые или злые, полезные или негодные—чрезъ свое воспитаніе. Оно именно производитъ большое различіе между людьми. Незначительныя или почти нечувствительныя впечатлѣнія, получаемыя нами въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, имѣютъ очень важныя и прочныя послѣдствія; здѣсь мы видимъ то же, что въ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ, гдѣ легкое дѣйствіе человѣческой руки поворачиваетъ послушныя воды въ каналы, которые заставляютъ ихъ принимать совершенно противополож-

ное направленіе, и посредствомъ этого незамѣтнаго хода, даваемаго имъ уже у самаго источника, онѣ получаютъ различныя теченія и, наконецъ, достигаютъ очень отдаленныхъ и далеко лежащихъ другъ отъ друга мѣстъ.

Мнѣ представляется, что духъ дѣтей направить тѣмъ или другимъ путемъ такъ же легко, какъ воду, и хотя онъ — главная часть, и первѣйшая забота наша должна быть о внутренней сторонѣ, но глиняною оболочкой его тоже не слѣдуетъ пренебрегать. Поэтому я начну съ обиталища и сперва разсмотрю здоровье тѣла.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

О здоровьѣ.

Какъ необходимо здоровье для нашихъ дѣлъ и нашего счастья, и до какой степени сильный организмъ, способный переносить невзгоды и усталость, потребенъ человѣку, желающему играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ,—это слишкомъ очевидно для того, чтобы нуждаться въ какомъ бы то ни было доказательствѣ.

Предстоящее здѣсь разсужденіе мое о здоровьѣ будетъ имѣть предметомъ не то, какъ доктору слѣдуетъ поступать съ больнымъ или хилымъ ребенкомъ, а то, что должны родители, безъ помощи медицины, дѣлать для сохраненія и улучшенія здоровыхъ или, по крайней мѣрѣ, не болѣзненныхъ задатковъ въ своихъ дѣтяхъ. И это, я полагаю, можетъ быть выражено однимъ короткимъ правиломъ—именно, чтобы высшій классъ велъ своихъ дѣтей такъ, какъ ведутъ своихъ честные фермеры и зажиточные поселяне. Но такъ какъ, быть можетъ, это правило покажется матерямъ слишкомъ жестокимъ, а отцамъ—слишкомъ краткимъ, то я объясню мою мысль болѣе подробно, высказывая это только какъ общее и вѣрное наблюденіе, которое рекомендую имѣть въ виду женщинамъ: именно, что большинство дѣтскихъ натуръ или портится, или, по крайней мѣрѣ, терпитъ вредъ отъ баловства и изнѣживанья.

О теплѣ.

Первое, о чемъ слѣдуетъ заботиться,—чтобы дѣтей не одѣвать или покрывать слишкомъ тепло, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Наше лицо, когда мы рождаемся на свѣтъ, не менѣе нѣжно, чѣмъ всѣ остальныя части тѣла. Только привычка укрѣпляетъ его и дѣлаетъ болѣе способнымъ переносить холодъ. И вотъ почему скиѳскій философъ далъ многозначительный отвѣтъ аѳинянину, удивлявшемуся, какъ могъ онъ ходить голымъ въ морозъ и снѣгъ. „Какимъ образомъ—сказалъ скиѳъ—можешь ты выносить, что твое лицо не защищено отъ рѣзкаго зимняго воздуха?"—„Мое лицо пріучено къ этому", отвѣчалъ аѳинянинъ.—„Такъ представь себѣ, что я весь—лицо", возразилъ скиѳъ. Наше тѣло можетъ переносить все, къ чему пріучатъ его съ самаго начала.

Поэтому позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ не слишкомъ заботливо охранять себя отъ холода нашего отечественнаго климата. Есть въ Англіи люди, которые и зимою и лѣтомъ ходятъ въ одномъ и томъ-же платьѣ, не испытывая отъ этого никакого неудобства и не чувствуя холода въ большей степени, чѣмъ ощущаютъ его другіе. Но если мать, боясь для ребенка вреда, а отецъ — изъ боязни осужденія, требуютъ непремѣнно уступки относительно мороза и снѣга, то во всякомъ случаѣ пусть его зимнее платье не будетъ слишкомъ тепло, и между прочимъ помните, что такъ какъ природа столь хорошо покрыла его голову волосами и укрѣпила ихъ въ одинъ или два года жизни до того, что онъ можетъ бѣгать весь день безъ шапки, то лучше всего, чтобы и ночью голова ребенка оставалась непокрытою, ибо ничто не располагаетъ такъ къ головнымъ болямъ, простудамъ, катаррамъ, кашлямъ и разнымъ другимъ болѣзнямъ, какъ держаніе головы въ теплѣ.

Совѣтую также ежедневно мыть его ноги въ холодной водѣ и надѣвать ему башмаки настолько тонкіе, чтобы они пропускали сквозь себя воду каждый разъ, какъ онъ близко подходитъ къ ней. Тутъ, боюсь, возстанутъ противъ меня матери и няньки. Первыя возразятъ, что это очень грязно; вторыя, можетъ быть, найдутъ, что чистка его чулковъ задастъ имъ слишкомъ много работы. Но истина заставляетъ признать, что его

здоровье гораздо важнѣе всѣхъ подобныхъ и еще вдесятеро болѣе многочисленныхъ соображеній. И кто разсудитъ, какъ вредно и смертельно опасно промачивать ноги тѣмъ, которыхъ пріучили къ изнѣженности, тотъ пожалѣетъ, что не привыкъ ходить босикомъ, подобно дѣтямъ бѣдныхъ людей, которые, благодаря этому, такъ освоивались съ промачиваніемъ ногъ, что оно причиняетъ имъ такъ же мало холода или вреда, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ вымокли руки. И что, скажите пожалуйста, какъ не привычка, творитъ у остальныхъ людей разницу между руками и ногами? Я не сомнѣваюсь, что пріучайся человѣкъ съ самой колыбели ходить босикомъ, между тѣмъ какъ руки его были бы постоянно закутаны въ теплыя рукавички и покрыты „ручными башмаками", какъ называютъ нѣмцы перчатки, я не сомнѣваюсь, говорю, что при такой привычкѣ промачиваніе рукъ было бы для него вредно въ такой же степени, какъ вредно теперь для множества другихъ промачиваніе ногъ. Средство для предотвращенія этой опасности—носить сапоги настолько тонкіе, чтобы они могли пропускать воду, и ежедневно безъ перерыва мыть ноги холодною водой.

Начинайте мыть ноги весною и водой тепловатой, затѣмъ постепенно переходите къ болѣе и болѣе свѣжей, пока въ теченіе нѣсколькихъ дней не дойдете до совершенно холодной, и такимъ образомъ продолжайте уже поступать зимою и лѣтомъ.

Ибо въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отступленіяхъ отъ нашихъ житейскихъ привычекъ, измѣненіе должно производить легкими и нечувствительными ступенями, и при такомъ способѣ мы можемъ достигать съ нашимъ тѣломъ всякихъ результатовъ безъ болей и безъ опасностей. Какъ примутъ это наставленіе нѣжныя матери—предвидѣть не трудно. Такое обращеніе съ ихъ деликатными дѣточками не равносильно-ли убійству? Какъ! Погружать ихъ ножки въ холодную воду при морозѣ и снѣгѣ, когда все, что только можно сдѣлать, недостаточно, чтобы держать ихъ въ теплотѣ! Чтобы разсѣять этотъ страхъ примѣрами, безъ которыхъ самому ясному доводу рѣдко внимаютъ, вотъ ихъ нѣсколько: Сенека разсказываетъ намъ о себѣ, что онъ обыкновенно среди зимы купался въ холодной ключевой водѣ. Не признавай онъ привычки не только выносимою, но и полезною для здоровья, едва ли держался бы онъ ея, обладая боль-

шимъ состояніемъ, при которомъ ничего бы не значили расходы на теплыя ванны, и находясь въ такомъ возрастѣ (онъ былъ въ ту пору старикъ), которымъ могли бы оправдываться и болѣе значительныя послабленія. Если предположить, что въ этой строгости руководили имъ его стоическіе принципы, то допустимъ, что выносить холодную воду помогало ему ученіе этой секты. Но почему же это было благотворно для его здоровья? Ибо оно нисколько не страдало отъ такой суровой привычки.

Но, можетъ быть, скажутъ, что въ Италіи гораздо теплѣе, чѣмъ въ Англіи, и что температура тамошней воды въ зимнее время не можетъ идти въ сравненіе съ нашею? Если рѣки Италіи теплѣе, то въ Германіи и Польшѣ онѣ гораздо холоднѣе, чѣмъ какая бы то ни была въ нашей странѣ; а между тѣмъ, въ этихъ земляхъ евреи, какъ мужчины, такъ и женщины, купаются сплошь во всѣ времена года, безъ малѣйшаго вреда для ихъ здоровья.

Если эти примѣры людей взрослыхъ признаются непримѣнимыми къ дѣтямъ, и этихъ послѣднихъ будутъ все-таки находить слишкомъ нѣжными и неспособными выносить такое обращеніе, то посмотрите, какъ поступали германцы въ древнее время и поступаютъ ирландцы въ нынѣшнее, и увидите, что и дѣти, какими нѣжными ни считаютъ ихъ, могутъ, безъ всякой опасности, выносить купанье не только ногъ, но и всего тѣла, въ холодной водѣ. А въ горахъ Шотландіи есть въ наши дни дамы, которыя употребляютъ этотъ пріемъ со своими дѣтьми среди зимы, и находятъ, что холодная вода не вредитъ имъ даже въ томъ случаѣ, когда въ ней ледъ.

Одежда.

Вспомнилъ я одну вещь, которую не слѣдуетъ забывать; именно — чтобы платье вашего сына никогда не шилось узко, особенно въ груди. Предоставляйте природѣ формировать тѣло, какъ она признаетъ лучшимъ. Она работаетъ сама по себѣ гораздо удовлетворительнѣе и точнѣе, чѣмъ работала бы по нашимъ указаніямъ. И если бы женщинамъ приходилось давать форму тѣлу своихъ дѣтей уже во чревѣ, какъ онѣ часто стараются измѣнять ихъ фигуру послѣ рожденія, то мы несомнѣнно не ви-

дѣли бы дѣтей, уже рождающихся безукоризненными, какъ видимъ мало ихъ хорошо сформированными вслѣдствіе узкой шнуровки или употребленія всяческихъ искусственныхъ средствъ. Это соображеніе, полагаю я, должно было-бы воздерживать занимающихся этимъ людей (я не говорю о невѣжественныхъ нянькахъ и фабрикантахъ корсетовъ) отъ вмѣшательства въ дѣло, котораго они не понимаютъ; и имъ слѣдовало бы бояться сбивать природу съ ея пути въ то время, какъ она формируетъ члены тѣла, если имъ неизвѣстно, какъ образуется даже самый малый и самый незначительный изъ нихъ. А между тѣмъ я видѣлъ столько примѣровъ сильнаго вреда, причинявшагося дѣтямъ узкою шнуровкою, что могу только придти къ заключенію о существованіи, подобно обезьянамъ, другихъ существъ, которыя, будучи немногимъ разумнѣе обезьянъ, губятъ своихъ дѣтей безсмысленною нѣжностью и чрезмѣрнымъ прижиманіемъ къ груди.

Узкая грудь, короткое и непріятно-пахнущее дыханіе, больныя легкія и искривленіе позвоночнаго столба — суть естественныя и почти постоянныя послѣдствія тѣсныхъ шнуровокъ и такихъ платьевъ, которыя сжимаютъ тѣло. Это средство дѣлать узкія таліи и красивыя фигуры служитъ только тѣмъ дѣйствительнѣе къ обезображиванію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ выходить ничего, кромѣ диспропорціональности въ членахъ, когда пища, изготовляемая въ разныхъ мастерскихъ тѣла, не можетъ быть распредѣлена такъ, какъ это указываетъ природа. Но поэтому, удивительно-ли, что она, помѣстившись тамъ, гдѣ можетъ найти себѣ мѣсто, въ какой-нибудь части, сдавленной не такъ какъ должно, часто дѣлаетъ одно плечо или бедро выше или толще, чѣмъ требуетъ его настоящая пропорція? Всѣмъ извѣстно, что у женщинъ въ Китаѣ (находящихъ въ этомъ, не знаю, какую красоту) очень маленькія ноги вслѣдствіе того, что онѣ съ дѣтства сильно сдавливаютъ и стягиваютъ ихъ. Я видѣлъ недавно пару китайскихъ башмаковъ, назначенныхъ, какъ мнѣ сказали, для взрослой женщины: они оказались до такой крайней степени неподходящими къ ногамъ женщины того-же самаго возраста въ нашей странѣ, что едва ли были бы достаточно просторны для какой-нибудь изъ нашихъ маленькихъ дѣвочекъ. Кромѣ того, замѣчено, ихъ женщины тоже весьма малаго роста и недолговѣчны, между тѣмъ какъ мужчины роста обыкновеннаго и доживаютъ

до относительно пожилого возраста. Эти недостатки въ женскомъ полѣ той страны приписываются нѣкоторыми неразумному шнурованію ногъ, вслѣдствіе котораго ставится препятствіе свободному обращенію крови и причиняется вредъ росту и здоровью всего тѣла. И какъ часто видимъ мы, что когда какая-нибудь малая часть ступни повреждена вывихомъ или ударомъ, вся нога или верхняя часть ея теряетъ отъ этого силу и питаніе и сокращается! Насколько же больше неудобствъ слѣдуетъ ожидать, когда туловище, въ которомъ находится сердце и сѣдалище жизни, неестественно сжато и встрѣчаетъ преграду къ своему надлежащему распространенію!

ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Душа.

Когда приложена забота къ содержанію тѣла въ силѣ и бодрости, такъ, чтобы оно было способно повиноваться приказаніямъ духа и исполнять ихъ, тогда ближайшее и главное дѣло— привести въ надлежащее состояніе душу, такъ, чтобы она во всѣхъ случаяхъ была склонна допускать исключительно то, что сообразно съ достоинствомъ и значеніемъ разумнаго существа.

Какъ сила тѣла заключается главнымъ образомъ въ его способности переносить невзгоды и лишенія, такъ и сила духа состоитъ въ томъ-же; и всякое начало и основаніе всей добродѣтели и всего человѣческаго достоинства покоятся на томъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ отрекаться отъ своихъ собственныхъ желаній, противустоять своимъ собственнымъ наклонностямъ и только слѣдовать тому, что указываетъ, какъ наилучшее, разсудокъ, хотя бы вожделѣніе влекло его на какой-нибудь другой путь.

Большая ошибка, которую я замѣчалъ въ воспитаніи людьми своихъ дѣтей, заключается въ томъ, что объ этомъ предметѣ недостаточно заботятся въ свое время, что духъ не пріучаютъ повиноваться дисциплинѣ и уступать разуму въ ту пору, когда онъ еще наиболѣе нѣженъ, когда согнуть его представляется наиболѣе легкимъ. Такъ какъ природа мудро вселила въ родителей любовь къ ихъ дѣтямъ, то они очень способны, когда раз-

sano," — указывающее на чрезвычайную важность физическаго воспитанія, какъ необходимаго условія для успѣшности духовнаго и умственнаго развитія. Въ числѣ условій, способствующихъ крѣпости тѣла, Локкъ указываетъ на многія, давно вошедшія, такъ сказать, въ ежедневный обиходъ, особенно въ Англіи: напр. необходимость свѣжаго воздуха, тѣлесныхъ упражненій, умѣренности въ питьѣ, ѣдѣ и снѣ; пріученіе къ перемѣнамъ атмосферы и т. п. Что же касается до духовнаго воспитанія, то первымъ правиломъ его является—дать дѣтямъ почувствовать, что воспитателемъ руководитъ не произволъ или прихоть, а истинное и разумное доброжелательство. Основная задача воспитанія— это пріученіе ребенка къ *самообладанію*, къ *самостоятельности* (чисто національная черта характера); не менѣе важно, какъ мы уже указывали, и образованіе *практическаго ума* (вѣжливость, благовоспитанность и т. д.). Наряду съ этимъ, слѣдуетъ съ самыхъ раннихъ поръ (ср. Коменскаго) бороться съ зародышами дѣтскихъ пороковъ,—особенно лжи, властолюбія и жадности. Чѣмъ же, по мнѣнію Локка, должно побуждать дѣтей къ добродѣтели и отучать отъ пороковъ? Не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чтобы искусно внушить имъ *любовь къ хорошей репутаціи*, *стремленіе получить похвалу и избѣгнуть порицанія окружающихъ*. Нельзя признать, чтобы эти послѣднія требованія были высоко-идеальны: добродѣтель должна быть цѣлью сама по себѣ, — но и здѣсь мы видимъ „принаравливаніе" Локка къ условіямъ практической жизни, со всѣми ея несовершенствами. Похваламъ и порицаніямъ онъ придаетъ настолько большое значеніе, что даже рекомендуетъ первыя всегда воздавать дѣтямъ *публично*, чтобы усилить ихъ стоимость, — забывая, при этомъ, о вредѣ излишняго раздраженія самолюбія. Наоборотъ, чтобы не притупить чувства стыдливости, — надо скрывать отъ окружающихъ проступки дѣтей и дѣлать имъ выговоры наединѣ. Что касается до тѣлеснаго наказанія, то оно, по мнѣнію Локка, можетъ примѣняться только за *дерзость* и *упрямство*, доказывающія упорство злой воли, — да и то здѣсь долженъ быть важнѣе стыдъ, чѣмъ боль.

Особенное вниманіе обращаетъ Локкъ на такъ называемый переходный возрастъ, когда отрокъ превращается въ юношу, и для избѣжанія опасностей этого времени совѣтуетъ постепенно и своевременно знакомить воспитанника съ дѣйствительной жизнью,

чтобы переходъ отъ подчиненія воспитателю къ полной самостоятельности не былъ слишкомъ рѣзокъ.

Что касается до обученія, которое Локкъ, какъ и многіе другіе педагоги, считаетъ лишь однимъ изъ воспитательныхъ средствъ, то онъ и здѣсь даетъ много важныхъ и полезныхъ совѣтовъ. *Возбужденіе любознательности всякими способами* — главная задача обученія: если дѣти слишкомъ увлекаются играми, стоитъ приказать имъ *только* играть цѣлый день, — и они исправятся, такъ какъ игра сдѣлается для нихъ мученьемъ; а если они лѣнивы къ ученью, то можно занять ихъ сначала ручнымъ или механическимъ трудомъ; самое же ученье на первыхъ порахъ должно быть больше отдыхомъ, чѣмъ серьезной работой. При всемъ этомъ, надо предоставлять дѣтямъ какъ можно больше свободы и независимости: всякое принужденіе оттолкнетъ ихъ, — и охоту къ тѣмъ или другимъ занятіямъ надо лишь понемногу возбуждать въ нихъ, а самое лучшее, — довести ихъ до того, чтобы они сами попросили поучить ихъ чему-нибудь.

Въ силу своихъ основныхъ принциповъ, Локкъ, конечно, рекомендуетъ учить только тому, что наиболѣе примѣнимо въ жизни: „многоученіе“ и многопредметность вредны. *Чтенію* надо учить, какъ только разовьется способность рѣчи, но твердо помнить, что источникъ первыхъ представленій—не слова, а предметы и ихъ изображенія, такъ что учить читать не по книгѣ, а съ помощью какихъ-либо игрушекъ. Затѣмъ, со временемъ, можно дать ребенку и книгу на родномъ языкѣ („Рейнеке-Лисъ“, басни Эзопа),—но такую, чтобы содержаніе ея, интересуя ребенка, не было вздорнымъ и глупымъ. Затѣмъ идетъ обученіе *письму* (пріемъ обведенія готовыхъ буквъ) и *рисованію*, какъ искусству, полезному въ практической жизни; на этомъ же основаніи Локкъ рекомендуетъ для мальчиковъ изученіе *стенографіи*.

Послѣ основательнаго знакомства съ роднымъ языкомъ, можно начинать (практическое, а не грамматическое) изученіе иностранныхъ, напр. французскаго; латинскій языкъ надо изучать тоже не грамматически, а при помощи чтенія текстовъ съ подстрочнымъ переводомъ и разговоровъ по-латыни. Чрезвычайно важно рано начать *ариѳметику*, какъ самый простой и важный способъ отвлеченнаго мышленія; но еще ранѣе можно приступить къ такому наглядному предмету, какъ *географія*, съ помощью

глобуса и карты. Изученію *исторіи*, начиная съ древней, Локкъ придаетъ очень большое значеніе, какъ предмета, доставляющаго и удовольствіе, и пользу,—но почти совершенно отвергаетъ пользу *реторики* и *логики*,—какъ предметовъ слишкомъ отвлеченныхъ. Что касается до *религіознаго* образованія, то Локкъ рекомендуетъ его начинать очень рано: молитвы и заповѣди учить наизусть, когда ребенокъ еще не умѣетъ читать; а затѣмъ, избѣгая учебника и не читая *всей* Библіи, какъ во многихъ мѣстахъ непонятной и неподходящей къ развитію ребенка, передавать ему устно тѣ библейскіе и евангельскіе разсказы, изъ которыхъ онъ можетъ почерпнуть и удовольствіе, и пользу. Догматическое же изученіе должно начинаться значительно позже.

При обозрѣніи предметовъ обученія, рекомендуемыхъ Локкомъ, нельзя не упомянуть еще о нѣкоторыхъ, вводимыхъ имъ съ чисто практическими цѣлями. Таковы, кромѣ стенографіи и рисованія, еще различныя ремесла, садоводство, фехтованіе, танцы,—но не музыка, занятія которой ведутъ, по его мнѣнію, лишь къ изнѣженности чувствъ.

Позже намъ придется изучать воспитательныя системы французскаго педагога—Руссо и нѣмецкаго—Песталоцци; и тогда мы во 1) увидимъ, какъ много изъ идей Локка было усвоено и развито ими, а во 2) убѣдимся, насколько громадное вліяніе оказываетъ національность на взгляды человѣка: для насъ ясно будетъ коренное различіе между пылкимъ, непослѣдовательнымъ, но искреннимъ Руссо; идеалистомъ, мечтателемъ и теоретикомъ Песталоцци—и спокойнымъ, трезвымъ, уравновѣшеннымъ и практичнымъ англичаниномъ Локкомъ.

Для насъ, русскихъ, Локкъ имѣетъ еще и особенное значеніе: вспомнимъ эпоху Екатерины II и тѣ воспитательныя идеи, которыя проводились императрицей и И. И. Бецкимъ отчасти въ теоріи, отчасти и на практикѣ. Мысли о важности физическаго воспитанія, о возможности создать „новую породу людей“ при помощи нравственнаго воспитанія и т. п.,—все это, несомнѣнно идеи нашего педагога, котораго чрезвычайно высоко ставили какъ Екатерина, такъ и ея высокообразованный сотрудникъ.

Джонъ Локкъ.

„МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ“.

Введеніе.

„Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“—вотъ краткое, но полное описаніе счастливаго состоянія въ здѣшнемъ мірѣ. Тому, кто обладаетъ этими двумя вещами, остается желать немногаго; а у кого не достаетъ одной изъ нихъ, тотъ едва ли сдѣлается лучше, имѣя взамѣнъ что-либо другое. Счастье или несчастье людей по большей части есть дѣло ихъ собственныхъ рукъ. Человѣкъ, духъ котораго не направляетъ его мудро, никогда не пойдетъ надлежащей дорогой, а тотъ, чье тѣло хрупко и слабо, никогда не будетъ способенъ подвигаться на этой дорогѣ впередъ. Соглашаюсь, бываютъ духовные и тѣлесные организмы людей столь сильные и такъ хорошо устроенные природой, что они не нуждаются въ особенно большой помощи со стороны другихъ, но силою своихъ природныхъ даровъ уже съ колыбели ведутся къ тому, что прекрасно, и, благодаря счастливому складу своей натуры, способны творить чудеса. Но примѣры такого рода немногочисленны, и я кажется, могу сказать, что изъ всѣхъ людей, встрѣчаемыхъ нами, девять частей изъ десяти суть то, что они суть—добрые или злые, полезные или негодные—чрезъ свое воспитаніе. Оно именно производитъ большое различіе между людьми. Незначительныя или почти нечувствительныя впечатлѣнія, получаемыя нами въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, имѣютъ очень важныя и прочныя послѣдствія; здѣсь мы видимъ то же, что въ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ, гдѣ легкое дѣйствіе человѣческой руки поворачиваетъ послушныя воды въ каналы, которые заставляютъ ихъ принимать совершенно противополож-

ное направленіе, и посредствомъ этого незамѣтнаго хода, даваемаго имъ уже у самаго источника, онѣ получаютъ различныя теченія и, наконецъ, достигаютъ очень отдаленныхъ и далеко лежащихъ другъ отъ друга мѣстъ.

Мнѣ представляется, что духъ дѣтей направить тѣмъ или другимъ путемъ такъ же легко, какъ воду, и хотя онъ — главная часть, и первѣйшая забота наша должна быть о внутренней сторонѣ, но глиняною оболочкой его тоже не слѣдуетъ пренебрегать. Поэтому я начну съ обиталища и сперва разсмотрю здоровье тѣла.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

О здоровьѣ.

Какъ необходимо здоровье для нашихъ дѣлъ и нашего счастья, и до какой степени сильный организмъ, способный переносить невзгоды и усталость, потребенъ человѣку, желающему играть какую-нибудь роль въ свѣтѣ,—это слишкомъ очевидно для того, чтобы нуждаться въ какомъ бы то ни было доказательствѣ.

Предстоящее здѣсь разсужденіе мое о здоровьѣ будетъ имѣть предметомъ не то, какъ доктору слѣдуетъ поступать съ больнымъ или хилымъ ребенкомъ, а то, что должны родители, безъ помощи медицины, дѣлать для сохраненія и улучшенія здоровыхъ или, по крайней мѣрѣ, не болѣзненныхъ задатковъ въ своихъ дѣтяхъ. И это, я полагаю, можетъ быть выражено однимъ короткимъ правиломъ—именно, чтобы высшій классъ велъ своихъ дѣтей такъ, какъ ведутъ своихъ честные фермеры и зажиточные поселяне. Но такъ какъ, быть можетъ, это правило покажется матерямъ слишкомъ жестокимъ, а отцамъ—слишкомъ краткимъ, то я объясню мою мысль болѣе подробно, высказывая это только какъ общее и вѣрное наблюденіе, которое рекомендую имѣть въ виду женщинамъ: именно, что большинство дѣтскихъ натуръ или портится, или, по крайней мѣрѣ, терпитъ вредъ отъ баловства и изнѣживанья.

О теплѣ.

Первое, о чемъ слѣдуетъ заботиться,—чтобы дѣтей не одѣвать или покрывать слишкомъ тепло, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Наше лицо, когда мы рождаемся на свѣтъ, не менѣе нѣжно, чѣмъ всѣ остальныя части тѣла. Только привычка укрѣпляетъ его и дѣлаетъ болѣе способнымъ переносить холодъ. И вотъ почему скиѳскій философъ далъ многозначительный отвѣтъ аѳинянину, удивлявшемуся, какъ могъ онъ ходить голымъ въ морозъ и снѣгъ. „Какимъ образомъ—сказалъ скиѳъ—можешь ты выносить, что твое лицо не защищено отъ рѣзкаго зимняго воздуха?"—„Мое лицо пріучено къ этому", отвѣчалъ аѳинянинъ.—„Такъ представь себѣ, что я весь—лицо", возразилъ скиѳъ. Наше тѣло можетъ переносить все, къ чему пріучатъ его съ самаго начала.

Поэтому позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ не слишкомъ заботливо охранять себя отъ холода нашего отечественнаго климата. Есть въ Англіи люди, которые и зимою и лѣтомъ ходятъ въ одномъ и томъ-же платьѣ, не испытывая отъ этого никакого неудобства и не чувствуя холода въ большей степени, чѣмъ ощущаютъ его другіе. Но если мать, боясь для ребенка вреда, а отецъ — изъ боязни осужденія, требуютъ непремѣнно уступки относительно мороза и снѣга, то во всякомъ случаѣ пусть его зимнее платье не будетъ слишкомъ тепло, и между прочимъ помните, что такъ какъ природа столь хорошо покрыла его голову волосами и укрѣпила ихъ въ одинъ или два года жизни до того, что онъ можетъ бѣгать весь день безъ шапки, то лучше всего, чтобы и ночью голова ребенка оставалась непокрытою, ибо ничто не располагаетъ такъ къ головнымъ болямъ, простудамъ, катаррамъ, кашлямъ и разнымъ другимъ болѣзнямъ, какъ держаніе головы въ теплѣ.

Совѣтую также ежедневно мыть его ноги въ холодной водѣ и надѣвать ему башмаки настолько тонкіе, чтобы они пропускали сквозь себя воду каждый разъ, какъ онъ близко подходитъ къ ней. Тутъ, боюсь, возстанутъ противъ меня матери и няньки. Первыя возразятъ, что это очень грязно; вторыя, можетъ быть, найдутъ, что чистка его чулковъ задастъ имъ слишкомъ много работы. Но истина заставляетъ признать, что его

здоровье гораздо важнѣе всѣхъ подобныхъ и еще вдесятеро болѣе многочисленныхъ соображеній. И кто разсудитъ, какъ вредно и смертельно опасно промачивать ноги тѣмъ, которыхъ пріучили къ изнѣженности, тотъ пожалѣетъ, что не привыкъ ходить босикомъ, подобно дѣтямъ бѣдныхъ людей, которые, благодаря этому, такъ освоивались съ промачиваніемъ ногъ, что оно причиняетъ имъ такъ же мало холода или вреда, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ вымокли руки. И что, скажите пожалуйста, какъ не привычка, творитъ у остальныхъ людей разницу между руками и ногами? Я не сомнѣваюсь, что пріучайся человѣкъ съ самой колыбели ходить босикомъ, между тѣмъ какъ руки его были бы постоянно закутаны въ теплыя рукавички и покрыты „ручными башмаками", какъ называютъ нѣмцы перчатки, я не сомнѣваюсь, говорю, что при такой привычкѣ промачиваніе рукъ было бы для него вредно въ такой же степени, какъ вредно теперь для множества другихъ промачиваніе ногъ. Средство для предотвращенія этой опасности—носить сапоги настолько тонкіе, чтобы они могли пропускать воду, и ежедневно безъ перерыва мыть ноги холодною водой.

Начинайте мыть ноги весною и водой тепловатой, затѣмъ постепенно переходите къ болѣе и болѣе свѣжей, пока въ теченіе нѣсколькихъ дней не дойдете до совершенно холодной, и такимъ образомъ продолжайте уже поступать зимою и лѣтомъ.

Ибо въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отступленіяхъ отъ нашихъ житейскихъ привычекъ, измѣненіе должно производить легкими и нечувствительными ступенями, и при такомъ способѣ мы можемъ достигать съ нашимъ тѣломъ всякихъ результатовъ безъ болей и безъ опасностей. Какъ примутъ это наставленіе нѣжныя матери—предвидѣть не трудно. Такое обращеніе съ ихъ деликатными дѣточками не равносильно-ли убійству? Какъ! Погружать ихъ ножки въ холодную воду при морозѣ и снѣгѣ, когда все, что только можно сдѣлать, недостаточно, чтобы держать ихъ въ теплотѣ! Чтобы разсѣять этотъ страхъ примѣрами, безъ которыхъ самому ясному доводу рѣдко внимаютъ, вотъ ихъ нѣсколько: Сенека разсказываетъ намъ о себѣ, что онъ обыкновенно среди зимы купался въ холодной ключевой водѣ. Не признавай онъ привычки не только выносимою, но и полезною для здоровья, едва ли держался бы онъ ея, обладая боль-

шимъ состояніемъ, при которомъ ничего бы не значили расходы на теплыя ванны, и находясь въ такомъ возрастѣ (онъ былъ въ ту пору старикъ), которымъ могли бы оправдываться и болѣе значительныя послабленія. Если предположить, что въ этой строгости руководили имъ его стоическіе принципы, то допустимъ, что выносить холодную воду помогало ему ученіе этой секты. Но почему же это было благотворно для его здоровья? Ибо оно нисколько не страдало отъ такой суровой привычки.

Но, можетъ быть, скажутъ, что въ Италіи гораздо теплѣе, чѣмъ въ Англіи, и что температура тамошней воды въ зимнее время не можетъ идти въ сравненіе съ нашею? Если рѣки Италіи теплѣе, то въ Германіи и Польшѣ онѣ гораздо холоднѣе, чѣмъ какая бы то ни была въ нашей странѣ; а между тѣмъ, въ этихъ земляхъ евреи, какъ мужчины, такъ и женщины, купаются сплошь во всѣ времена года, безъ малѣйшаго вреда для ихъ здоровья.

Если эти примѣры людей взрослыхъ признаются непримѣнимыми къ дѣтямъ, и этихъ послѣднихъ будутъ все-таки находить слишкомъ нѣжными и неспособными выносить такое обращеніе, то посмотрите, какъ поступали германцы въ древнее время и поступаютъ ирландцы въ нынѣшнее, и увидите, что и дѣти, какими нѣжными ни считаютъ ихъ, могутъ, безъ всякой опасности, выносить купанье не только ногъ, но и всего тѣла, въ холодной водѣ. А въ горахъ Шотландіи есть въ наши дни дамы, которыя употребляютъ этотъ пріемъ со своими дѣтьми среди зимы, и находятъ, что холодная вода не вредитъ имъ даже въ томъ случаѣ, когда въ ней ледъ.

Одежда.

Вспомнилъ я одну вещь, которую не слѣдуетъ забывать; именно — чтобы платье вашего сына никогда не шилось узко, особенно въ груди. Предоставляйте природѣ формировать тѣло, какъ она признаетъ лучшимъ. Она работаетъ сама по себѣ гораздо удовлетворительнѣе и точнѣе, чѣмъ работала бы по нашимъ указаніямъ. И если бы женщинамъ приходилось давать форму тѣлу своихъ дѣтей уже во чревѣ, какъ онѣ часто стараются измѣнять ихъ фигуру послѣ рожденія, то мы несомнѣнно не ви-

дѣли бы дѣтей, уже рождающихся безукоризненными, какъ видимъ мало ихъ хорошо сформированными вслѣдствіе узкой шнуровки или употребленія всяческихъ искусственныхъ средствъ. Это соображеніе, полагаю я, должно было-бы воздерживать занимающихся этимъ людей (я не говорю о невѣжественныхъ нянькахъ и фабрикантахъ корсетовъ) отъ вмѣшательства въ дѣло, котораго они не понимаютъ; и имъ слѣдовало бы бояться сбивать природу съ ея пути въ то время, какъ она формируетъ члены тѣла, если имъ неизвѣстно, какъ образуется даже самый малый и самый незначительный изъ нихъ. А между тѣмъ я видѣлъ столько примѣровъ сильнаго вреда, причинявшагося дѣтямъ узкою шнуровкою, что могу только придти къ заключенію о существованіи, подобно обезьянамъ, другихъ существъ, которыя, будучи немногимъ разумнѣе обезьянъ, губятъ своихъ дѣтей безсмысленною нѣжностью и чрезмѣрнымъ прижиманіемъ къ груди.

Узкая грудь, короткое и непріятно-пахнущее дыханіе, больныя легкія и искривленіе позвоночнаго столба — суть естественныя и почти постоянныя послѣдствія тѣсныхъ шнуровокъ и такихъ платьевъ, которыя сжимаютъ тѣло. Это средство дѣлать узкія таліи и красивыя фигуры служитъ только тѣмъ дѣйствительнѣе къ обезображиванію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ выходить ничего, кромѣ диспропорціональности въ членахъ, когда пища, изготовляемая въ разныхъ мастерскихъ тѣла, не можетъ быть распредѣлена такъ, какъ это указываетъ природа. Но поэтому, удивительно-ли, что она, помѣстившись тамъ, гдѣ можетъ найти себѣ мѣсто, въ какой-нибудь части, сдавленной не такъ какъ должно, часто дѣлаетъ одно плечо или бедро выше или толще, чѣмъ требуетъ его настоящая пропорція? Всѣмъ извѣстно, что у женщинъ въ Китаѣ (находящихъ въ этомъ, не знаю, какую красоту) очень маленькія ноги вслѣдствіе того, что онѣ съ дѣтства сильно сдавливаютъ и стягиваютъ ихъ. Я видѣлъ недавно пару китайскихъ башмаковъ, назначенныхъ, какъ мнѣ сказали, для взрослой женщины: они оказались до такой крайней степени неподходящими къ ногамъ женщины того-же самаго возраста въ нашей странѣ, что едва ли были бы достаточно просторны для какой-нибудь изъ нашихъ маленькихъ дѣвочекъ. Кромѣ того, замѣчено, ихъ женщины тоже весьма малаго роста и недолговѣчны, между тѣмъ какъ мужчины роста обыкновеннаго и доживаютъ

до относительно пожилого возраста. Эти недостатки въ женскомъ полѣ той страны приписываются нѣкоторыми неразумному шнурованію ногъ, вслѣдствіе котораго ставится препятствіе свободному обращенію крови и причиняется вредъ росту и здоровью всего тѣла. И какъ часто видимъ мы, что когда какая-нибудь малая часть ступни повреждена вывихомъ или ударомъ, вся нога или верхняя часть ея теряетъ отъ этого силу и питаніе и сокращается! Насколько же больше неудобствъ слѣдуетъ ожидать, когда туловище, въ которомъ находится сердце и сѣдалище жизни, неестественно сжато и встрѣчаетъ преграду къ своему надлежащему распространенію!

ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Душа.

Когда приложена забота къ содержанію тѣла въ силѣ и бодрости, такъ, чтобы оно было способно повиноваться приказаніямъ духа и исполнять ихъ, тогда ближайшее и главное дѣло— привести въ надлежащее состояніе душу, такъ, чтобы она во всѣхъ случаяхъ была склонна допускать исключительно то, что сообразно съ достоинствомъ и значеніемъ разумнаго существа.

Какъ сила тѣла заключается главнымъ образомъ въ его способности переносить невзгоды и лишенія, такъ и сила духа состоитъ въ томъ-же; и всякое начало и основаніе всей добродѣтели и всего человѣческаго достоинства покоятся на томъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ отрекаться отъ своихъ собственныхъ желаній, противустоять своимъ собственнымъ наклонностямъ и только слѣдовать тому, что указываетъ, какъ наилучшее, разсудокъ, хотя бы вожделѣніе влекло его на какой-нибудь другой путь.

Большая ошибка, которую я замѣчалъ въ воспитаніи людьми своихъ дѣтей, заключается въ томъ, что объ этомъ предметѣ недостаточно заботятся въ свое время, что духъ не пріучаютъ повиноваться дисциплинѣ и уступать разуму въ ту пору, когда онъ еще наиболѣе нѣженъ, когда согнуть его представляется наиболѣе легкимъ. Такъ какъ природа мудро вселила въ родителей любовь къ ихъ дѣтямъ, то они очень способны, когда раз-

судокъ не сторожитъ весьма тщательно эту естественную привязанность, очень способны, говорю я, давать переходить ей въ крайнее баловство. Они любятъ своихъ малютокъ — и это ихъ обязанность; но часто вмѣстѣ съ ними любятъ и ихъ недостатки: ни въ чемъ не слѣдуетъ имъ противорѣчить, во всемъ должно позволять имъ имѣть свою волю, и такъ какъ въ дѣтствѣ они неспособны на большіе пороки, то родители думаютъ, что они могутъ съ достаточною безопасностью снисходить къ ихъ маленькимъ уклоненіямъ и сами забавляться этой милой испорченностью, считая ее совершенно подходящею къ этому невинному возрасту. Но одному нѣжному отцу, который не хотѣлъ, чтобъ сына его наказали за дурной поступокъ, и оправдывалъ его, говоря, что это пустякъ, Соломонъ весьма хорошо возразилъ: „Да, но привычка—важная вещь.“ Любимчика надо пріучать драться и браниться разными словами, надо давать ему все, чего онъ ни пожелаетъ, и исполнять все, что ему угодно. Такъ родители, баловствомъ и изнѣживаніемъ своихъ дѣтей, когда тѣ въ молодыхъ лѣтахъ, извращаютъ начала, положенныя въ нихъ природою, и впослѣдствіи удивляются, что имъ, родителямъ, приходится пить горькую воду, между тѣмъ какъ они сами отравили источникъ. Ибо когда дѣти уже выросли, и эти дурныя привычки вмѣстѣ съ съ ними; когда они такимъ образомъ слишкомъ велики для того, чтобы няньчиться съ ними, и родителямъ нельзя уже употреблять ихъ, какъ игрушки, — тогда эти родители жалуются, что птенцы строптивы и испорчены; сердятся, что видятъ ихъ своевольными, и ихъ огорчаютъ тѣ дурныя склонности, которыя они-же сами поселили и развили въ дѣтяхъ; и тогда,—быть можетъ, слишкомъ уже поздно, — рады были-бы они выполоть эти дурныя травы, насажденныя ихъ же собственными руками, и которыя теперь пустили уже слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы ихъ легко было вытащить. Развѣ можетъ показаться намъ страннымъ, что тотъ, кто еще въ дѣтской рубашенкѣ привыкъ имѣть свою волю во всемъ, продолжаетъ, и нося брюки, желать того-же и не уступать препятствіямъ? Дѣйствительно, чѣмъ болѣе человѣкъ приближается къ взрослому возрасту, тѣмъ явственнѣе обнаруживаются его недостатки, такъ что только немногіе настолько нечувствительны, чтобы не ощущать дурныхъ послѣдствій своей собственной снисходительности. Онъ командо-

валъ своею нянею прежде, чѣмъ началъ говорить или ходить; онъ сдѣлался господиномъ своихъ родителей съ той минуты, какъ получилъ способность болтать; съ какой-же стати теперь, когда онъ выросъ, сдѣлался крѣпче и разумнѣе, чѣмъ былъ тогда,— съ какой стати теперь онъ внезапно долженъ сдѣлаться сдержаннымъ и покорнымъ? почему, достигнувши семи, четырнадцати или двадцати лѣтъ, онъ долженъ потерять льготу, которую послабленіе родителей до тѣхъ поръ предоставляло ему въ такомъ широкомъ размѣрѣ? Сдѣлайте опытъ на собакѣ, или лошади, или какой-нибудь другой твари, и посмотрите — легко-ли тѣ дурныя и своенравныя шутки, которымъ онѣ выучились въ молодости, искоренить, когда онѣ пришли въ зрѣлый возрастъ; а между тѣмъ, ни одно изъ этихъ созданій на половину не такъ своевольно и гордо, или на половину не въ такой степени желаетъ быть владыкою самого себя и другихъ, какъ человѣкъ.

Мы обыкновенно достаточно разсудительны для того, чтобы за тѣ или другія существа, которыя намъ хотѣлось бы сдѣлать полезными и годными для чего-либо, приниматься, пока они очень молоды, и дисциплинировать ихъ во время. Только нашими собственными отростками мы пренебрегаемъ въ этомъ отношеніи и, сдѣлавъ изъ нихъ дурныхъ дѣтей, безумно ожидаемъ, что они станутъ хорошими людьми. Ибо, если каждый разъ, какъ ребенку захотѣлось винограду или пряниковъ, ему нужно давать ихъ скорѣе, чѣмъ предоставлять бѣдному малюткѣ плакать или приходить въ дурное расположеніе духа, то почему-же, когда онъ уже взрослый, тоже не исполнять его желаній, если они влекутъ его, напр., къ вину, и т. п.? Эти предметы соотвѣтствуютъ влеченіямъ человѣка болѣе зрѣлыхъ лѣтъ столько же, сколько то, чего онъ съ криками требовалъ, когда былъ маленькій, соотвѣтствовало наклонностямъ ребенка. Не въ существованіи желаній, сообразныхъ съ понятіями и вкусами этихъ различныхъ возрастовъ, заключается ошибка, а въ томъ, что ихъ не подчиняли правиламъ и дисциплинѣ разума: различіе состоитъ не въ имѣніи или неимѣніи вожделѣній, но въ силѣ управлять ими и отрекаться въ нихъ отъ самихъ себя. Тотъ, кто не привыкъ подчинять свою волю разсудку другихъ, когда онъ молодъ, едва-ли станетъ внимать или повиноваться своему собственному, придя въ тотъ возрастъ, когда можетъ пользоваться имъ. А ка-

кого рода человѣкомъ сдѣлается подобный человѣкъ — это легко предугадать.

Такова близорукость, которою обыкновенно страдаютъ люди, повидимому заботящіеся самымъ тщательнымъ образомъ о воспитаніи своихъ дѣтей. Но когда мы наблюдаемъ, какъ вообще воспитываются дѣти, то у насъ есть основаніе удивляться, что при большой испорченности нравовъ, на которую жалуется свѣтъ, въ немъ еще остались хоть какіе-нибудь слѣды добродѣтели. Мнѣ хотѣлось бы узнать, какой можно назвать порокъ, который бы родители и люди, имѣющіе дѣло съ дѣтьми, не сѣяли и не возращали въ нихъ съ той минуты, какъ они становятся способны воспринимать его? Я не имѣю здѣсь въ виду примѣровъ, которые эти лица подаютъ дѣтямъ, и образцовъ, которые они ставятъ передъ ними, въ чемъ уже заключается достаточно подстрекательства; но хочу обратить вниманіе на то, что дѣтей формально учатъ пороку и дѣйствительно сводятъ ихъ съ пути добродѣтели. Прежде, чѣмъ они начали ходить, въ нихъ уже поселяютъ чувства насилія, мстительности и жестокости. „Ударь меня для того, чтобы я могъ ударить его“,—это урокъ, который большинство дѣтей слышитъ каждый день, и его ставятъ ни во что, ибо въ ихъ рукахъ нѣтъ еще силы для причиненія крупнаго вреда. Но я спрашиваю—развѣ это не развращаетъ ихъ душу? Развѣ такимъ образомъ дѣйствій не ведутъ ихъ на путь грубаго насилія? И если съ малыхъ лѣтъ пріучали ихъ бить и ранить другихъ чрезъ посредство чужихъ рукъ и давали имъ поводъ радоваться вреду, который они наносили, и смотрѣть на вызывавшіяся ими страданія, то развѣ не приготовили ихъ этимъ поступать точно также, придя въ тотъ возрастъ, когда они могутъ уже чувствовать свою силу и наносить удары съ тою или другою цѣлью?

Одѣянія нашего тѣла, долженствующія служить для сохраненія скромности, для теплоты и для защиты, безсмысленностью и порочностью родителей рекомендуются дѣтямъ совсѣмъ для иного употребленія. Они становятся орудіемъ тщеславія и соревнованія. Въ ребенка вселяютъ желаніе новаго костюма ради красоты этого послѣдняго; а когда маленькая дѣвочка наряжена въ новое платьице и новый головной уборъ, можетъ-ли ея мать, называя ее своею маленькой королевой и своею принцессой, сдѣлать что-нибудь меньше, чѣмъ пріучить ее любоваться и восторгаться со-

бою? Такимъ образомъ дѣти научаются гордиться своими костюмами прежде, чѣмъ получаютъ возможность надѣвать ихъ. И почему-же не продолжать имъ и впослѣдствіи придавать себѣ цѣну ради этого внѣшняго изящества, создаваемаго портнымъ или модисткою, если родители такъ рано выучили ихъ этому?

Ложь и увертливость, равно какъ слова извиненія, мало чѣмъ отличающіяся отъ лжи, влагаются въ уста юнаго поколѣнія и внушаются ученикамъ и дѣтямъ, когда это выгодно для учителей и родителей. И можно-ли ожидать, что тотъ, кто видитъ, какъ допускается, даже одобряется нарушеніе истины, пока это дѣлается въ интересахъ его честнаго господина,—не будетъ пользоваться такою-же привилегіей для самого себя, когда она понадобится для его собственной пользы?

Людямъ низшаго класса ограниченность ихъ матеріальныхъ средствъ препятствуетъ поощрять невоздержность въ своихъ дѣтяхъ искушеніями и соблазнами ихъ аппетита, или предоставленіемъ случаевъ ѣсть или пить больше, чѣмъ слѣдуетъ; но собственный дурной примѣръ этихъ людей, каждый разъ, какъ встрѣчается у нихъ избытокъ средствъ, показываетъ, что отъ излишествъ воздерживаетъ ихъ не непріязнь къ пьянству или обжорству, но недостатокъ въ способахъ удовлетворенія. Но когда мы засматриваемъ въ дома тѣхъ, которымъ живется немного теплѣе, то тамъ ѣда и питье оказываются въ такой степени великимъ дѣломъ и счастьемъ жизни, что дѣтей считаютъ находящимися въ пренебреженіи, когда они не имѣютъ во всемъ этомъ и своей доли. Признается нужнымъ раздражать соусами, и рагу, и пищею, замаскированною всяческими видами стряпни, ихъ небо въ то время, какъ полонъ ихъ желудокъ; а затѣмъ, изъ боязни засоренія его, находятъ предлогъ къ тому, чтобы дать еще рюмку вина для пищеваренія, хотя это содѣйствуетъ только увеличенію зла.

Чуть только у моего молодаго джентльмена что-нибудь не въ порядкѣ, первый вопросъ къ нему: „Чего хочетъ поѣсть мой дорогой? чего принести тебѣ?“ и немедленно начинается ѣда и питье, и изобрѣтательность каждаго пускается въ ходъ для пріисканія чего-нибудь достаточно утонченнаго и вкуснаго для того, чтобы одержать побѣду надъ тѣмъ отсутствіемъ аппетита, которое природа мудро сдѣлала первымъ шагомъ болѣзни, какъ за-

щитою противъ ея развитія, чтобы, освободившись отъ своей обычной работы—разложенія въ желудкѣ новой, входящей туда, тяжести, тѣмъ получить досугъ для исправленія и сдержанія вредныхъ соковъ.

Но и тамъ, гдѣ дѣти настолько счастливы подъ охраною своихъ родителей, что, благодаря ихъ благоразумію, устраняются отъ излишества въ пищѣ и трезво пользуются натуральною и простою діэтой,—и тамъ едва ли они бываютъ предохранены отъ того зараженія, которое отравляетъ душу: если при разумномъ обращеніи съ ними, пока они находятся въ рукахъ воспитателей, ихъ здоровье, быть можетъ, прекрасно обезпечено, то все-таки ихъ желанія непремѣнно подчиняются тѣмъ урокамъ, которые преподаются имъ касательно этой области эпикурейства. Цѣнность, повсюду придающаяся хорошей ѣдѣ, не можетъ не служить успѣшнымъ подспорьемъ для природныхъ вожделѣній и быстро поселять въ дѣтяхъ любовь къ изысканному столу и желаніе тратиться на него. Это всякій, даже хулители порока, называютъ „хорошо жить". И что посмѣетъ угрюмый разумъ сказать противъ общественнаго голоса? Можетъ-ли онъ надѣяться быть услышаннымъ, если будетъ называть безнравственнымъ сластолюбіемъ то, что такъ высоко цѣнится и всюду практикуется людьми лучшаго общества?

Эти наклонности обратились въ настоящее время до такой степени въ порокъ и находятъ себѣ такія большія опоры, что я, право, не знаю, не имѣютъ-ли онѣ притязаній на названіе добродѣтели, и не сочтутъ ли того, кто осмѣлился-бы открыть ротъ противъ нихъ, безумнымъ или лишеннымъ знанія свѣта? И я не прочь-бы думать, что сказанное мною здѣсь на этотъ счетъ можетъ быть осуждено, какъ маленькая сатира, къ дѣлу вовсе не идущая, если-бы я не заговорилъ объ этомъ съ тою цѣлью, чтобы мои слова вызвали бдительность и заботливость родителей въ воспитаніи дѣтей при видѣ того, какъ эти дѣти со всѣхъ сторонъ окружены не только искушеніями, но и руководителями на пути къ пороку— и это, быть можетъ, въ лицѣ тѣхъ, которыхъ отцы и матери считали убѣжищами безопасности.

Не буду останавливаться долѣе на этомъ предметѣ и еще менѣе пущусь во всѣ тѣ частности, которыя показали-бы, сколько

усилій употребляется на то, чтобы портить дѣтей и вселять въ нихъ порочныя начала; но я желалъ-бы, чтобы родители трезво сообразили, существуетъ-ли такое уклоненіе отъ нравственности или такой порокъ, которому не учили-бы открыто дѣтей, и не дѣло-ли родительскаго долга и благоразумія доставлять имъ уроки другого рода?

Желанія.

Мнѣ представляется яснымъ, что основаніе всякой добродѣтели и всякаго превосходства лежитъ въ силѣ человѣка отрекаться отъ удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній въ тѣхъ случаяхъ, когда разсудокъ не одобряетъ ихъ. Эту силу должно пріобрѣтать и развивать посредствомъ привычки, которая легко усвоивается, если начать вкоренять ее съ раннихъ лѣтъ. Если бы поэтому меня захотѣли послушать, то я посовѣтовалъ бы, чтобы въ противоположность тому, какъ это обыкновенно дѣлается, дѣтей съ самой колыбели пріучали подавлять свои желанія и жить безъ своихъ влеченій къ тому или другому. Первое, чему слѣдовало-бы ихъ научить—что никакая вещь не будетъ имъ даваться ради того, что она имъ понравится, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда она будетъ признана годною для нихъ. Если бы имъ не отказывали въ предметахъ, соотвѣтствующихъ ихъ потребностямъ, но при этомъ отнюдь не давали того, чего они однажды потребовали съ крикомъ и плачемъ, то они пріучались бы обходиться безъ этихъ вещей, никогда не прибѣгали бы къ оранью и брюзгливости для того, чтобы настоять на своемъ, и были бы несносны для самихъ себя и для другихъ въ половину меньше, чѣмъ тогда, когда съ ними не поступаютъ такимъ образомъ съ самаго начала. Если бы они никогда не видѣли своихъ желаній удовлетворенными, благодаря выраженному ими относительно этого нетерпѣнію, то не требовали бы себѣ другихъ вещей, точно такъ же, какъ не кричали бы, чтобъ имъ подали луну съ неба.

Я не хочу этимъ сказать, что дѣтямъ не слѣдуетъ оказывать снисхожденія ни въ чемъ или, что мнѣ кажется возможнымъ, чтобы они даже въ рубашонкахъ разсуждали и вели себя, какъ члены совѣта. Я смотрю на нихъ, какъ на дѣтей, съ которыми

имѣть дѣло, выказывали относительно насъ повелительную строгость и держали насъ на почтительномъ отъ себя разстояніи. Тотъ, на чью долю въ зрѣломъ возрастѣ выпадаетъ такое обращеніе, ищетъ себѣ иной компаніи, иныхъ друзей, иного препровожденія времени, среди которыхъ ему жилось бы легко и пріятно. Если поэтому дѣтей держать строго съ самаго начала, то они въ этомъ возрастѣ будутъ покладисты и спокойно подчинятся, потому что никогда не видѣли обращенія другого рода; а когда, по мѣрѣ того, какъ, выростая, они будутъ больше и больше руководиться собственнымъ разсудкомъ, строгость въ управленіи ими будетъ постепенно уменьшаться, морщины на лбу отца разглаживаться, и разстояніе между нимъ и ими сокращаться, — тогда воспоминаніе о его прежней дисциплинировкѣ увеличитъ ихъ любовь къ нему, ибо они поймутъ, что это была только доброта съ его стороны и забота дать имъ возможность заслуживать любовь своихъ родителей и почтеніе всѣхъ остальныхъ людей.

Вотъ что нужно для установленія вашего авторитета надъ вашими дѣтьми вообще. Страхъ и уваженіе должны доставлять вамъ первое господство надъ ихъ душами, а любовь и дружба— удерживать его въ болѣе зрѣлые годы; ибо рано или поздно наступаетъ время, когда они выходятъ изъ-подъ розги и исправительныхъ мѣръ, и если тогда любовь къ вамъ не дѣлаетъ ихъ послушными и полными сознанія своего долга, если любовь къ добродѣтели и доброму имени не удерживаетъ ихъ на похвальномъ пути, то, спрашиваю я, что имѣете вы въ своей власти для того, чтобы направить ихъ туда? Конечно, страхъ получить только небольшую часть изъ наслѣдства можетъ сдѣлать ихъ рабами вашего состоянія, но, тѣмъ не менѣе, они будутъ въ душѣ дурные и испорченные люди, и эта сдержанность останется у нихъ не навсегда. Всякій человѣкъ долженъ быть рано или поздно предоставленъ самому себѣ и своему собственному управленію, и человѣкъ добрый, добродѣтельный и способный долженъ сдѣлаться таковымъ по своимъ внутреннимъ побужденіямъ. И поэтому все то, что предстоитъ ему получить отъ воспитанія, чему назначено править его жизнью и вліять на нее—слѣдуетъ поселить въ немъ съ самаго начала; это должны быть привычки, которыя пустили корни въ самую сущность его

натуры, а не притворное поведеніе и лицемѣрная внѣшняя сторона, имѣющія цѣлью только избѣгать въ данную минуту гнѣва отца, который, пожалуй, лишитъ его наслѣдства.

О наказаніяхъ.

Изложивъ такимъ образомъ эти общія правила, какъ путь, по которому слѣдуетъ идти, умѣстно теперь приступить къ нѣсколько болѣе подробному разсмотрѣнію долженствующихъ быть примѣняемыми способовъ дисциплинированія. Я столько говорилъ о необходимости строгаго образа дѣйствій съ дѣтьми, что, быть можетъ, меня заподозрятъ въ недостаточномъ принятіи въ соображеніе того, чего требуетъ ихъ нѣжный возрастъ и организмъ. Но такое мнѣніе исчезнетъ, когда вы выслушаете меня еще немного, ибо я весьма склоненъ думать, что большая строгость въ наказаніяхъ приноситъ въ дѣлѣ воспитанія очень мало пользы,—даже, напротивъ того, причиняетъ крупный вредъ; и, полагаю, вы согласитесь, что caeteris paribus (при равныхъ прочихъ условіяхъ) изъ тѣхъ дѣтей, которыхъ наиболѣе наказывали, рѣдко выходятъ лучшіе люди. Сказаннымъ мною до сихъ поръ я имѣлъ въ виду показать только одно—именно, что строгость, поскольку она вообще необходима, должна быть практикуема тѣмъ болѣе, чѣмъ ребенокъ моложе, а затѣмъ, когда, благодаря правильному примѣненію ея, она принесла подлежащій результатъ, нужно ослаблять ее и замѣнять болѣе мягкимъ способомъ обращенія.

Если твердая рука родителей успѣетъ сдѣлать волю ребенка послушною и гибкою прежде, чѣмъ у него явится способность помнить, когда была начата эта работа, то эти свойства будутъ казаться ему полученными отъ природы и дѣйствовать въ немъ впослѣдствіи, какъ на самомъ дѣлѣ таковыя, благодаря тому, что ими будутъ предупреждаться всѣ поводы къ сопротивленію и ропоту. Объ одномъ только надо заботиться — чтобы начинать рано и не допускать рѣшительно никакихъ уступокъ, пока почтеніе и уваженіе не сроднятся съ ребенкомъ, и пока не перестанетъ проявляться въ немъ самое малѣйшее противодѣйствіе тамъ, гдѣ дѣло будетъ идти о подчиненіи и готовности его души повиноваться. Разъ что это чувство почтительности та-

кимъ образомъ установится (и сдѣлать это должно рано, или иначе достиженіе цѣли будетъ потомъ стоить многихъ непріятностей и тѣлесныхъ наказаній, и это тѣмъ въ большей степени, чѣмъ дольше продлится отсрочка)—оно, во всегдашнемъ соединеніи съ снисходительностью въ такой мѣрѣ, чтобы дѣти не могли злоупотреблять ею, а отнюдь не побои, брань или другія наказанія рабскаго характера, — пусть правитъ ими и послѣ, когда съ годами умъ ихъ болѣе развился.

Что это дѣйствительно такъ, всякій легко согласится, когда только сообразитъ, въ чемъ должна заключаться цѣль разумнаго воспитанія и о чемъ тутъ идетъ рѣчь:

1) Тотъ, кто не господинъ своихъ наклонностей, кто не умѣетъ сопротивляться напору пріятнаго или непріятнаго чувства въ данную минуту ради того, что совѣтуетъ ему сдѣлать разсудокъ,—тотъ лишенъ истиннаго основанія добродѣтели и энергіи и находится въ опасности никогда не быть годнымъ на что-либо. Вотъ почему эти свойства, столь противныя ничѣмъ не управляемой натурѣ, необходимо пріобрѣтать рано, и эту привычку, какъ истинный фундаментъ будущей годности человѣка и будущаго счастія, должно вселять въ душу какъ только можно раньше, даже съ перваго разсвѣта въ ребенкѣ способности познаванія и пониманія, и затѣмъ укрѣплять ее въ немъ всевозможными путями и мѣрами посредствомъ работы тѣхъ, на которыхъ лежитъ надзоръ за его воспитаніемъ.

2) Съ другой стороны, если душа ребенка слишкомъ пригнута и принижена, если его жизненныя силы слишкомъ сдавлены и надорваны черезчуръ строгою рукою, то онъ теряетъ всю свою крѣпость и энергію и приходитъ въ худшее состояніе сравнительно съ состояніемъ перваго. Ибо распущенные молодые люди, одаренные при этомъ живостью и умомъ, иногда обращаются впослѣдствіи на путь истинный и такимъ образомъ становятся полезными для общества и значительными людьми; умы же придавленные и сдѣлавшіеся отъ этого робкими и вялыми едва ли способны когда-либо подняться и очень рѣдко достигаютъ чего-нибудь. Въ избѣжаніи опасности, представляющейся и съ той, и съ другой стороны, и заключается великое искусство: тотъ, кто нашелъ средство сохранять духъ ребенка легкимъ, дѣятельнымъ и свободнымъ, но въ то же время воздер-

живать его отъ многихъ вещей, къ которымъ онъ питаетъ склонность, и привлекать его къ тѣмъ, которыя ему непріятны,— тотъ, говорю я, кто умѣетъ примирять эти видимыя противорѣчія, отыскалъ, по моему мнѣнію, истинную тайну воспитанія.

Обыкновенный, удобный и короткій способъ — посредствомъ тѣлеснаго наказанія и розги, единственнаго орудія, какое вообще воспитатели знаютъ или признаютъ нужнымъ пускать въ ходъ,— есть самый непригодный для дѣла воспитанія, потому что онъ ведетъ къ обоимъ вышеупомянутымъ дурнымъ послѣдствіямъ, которыя, какъ мы показали, суть Сцилла и Харибда, губящія или съ одной, или съ другой стороны всѣхъ, сбивающихся съ надлежащей дороги.

1) Этотъ родъ наказанія нисколько не способствуетъ господству человѣка надъ его естественною склонностью предаваться физическимъ и представляющимся ему въ данную минуту удовольствіямъ и во что бы то ни стало избѣгать всякихъ непріятностей, но скорѣе поощряетъ ее и такимъ образомъ укрѣпляетъ насъ въ то, что есть корень, откуда исходятъ всѣ порочныя дѣйствія и неправильности жизни. Ибо какое иное побужденіе, кромѣ чувственнаго удовольствія и неудовольствія, руководитъ ребенкомъ, который корпитъ надъ книгой вопреки своей склонности, и воздерживается отъ какого-нибудь незрѣлаго, пришедшагося ему по вкусу, плода, исключительно изъ боязни быть высѣченнымъ? Онъ въ этихъ случаяхъ только предпочитаетъ болѣе значительное тѣлесное удовольствіе или избѣгаетъ болѣе значительной тѣлесной непріятности. И дѣлать двигателями его дѣйствій и руководителями его поведенія такія побужденія, какъ эти, не значитъ ли то же, что возращать въ немъ тѣ задатки, искоренять и разрушать которые наша обязанность? Вотъ почему я и не могу признавать полезнымъ для ребенка ни одного такого наказанія, въ которомъ стыдъ пострадать за совершеніе дурного дѣла не дѣйствуетъ на него сильнѣе, чѣмъ тѣлесная боль.

2) Этотъ способъ исправленія естественно порождаетъ въ ребенкѣ отвращеніе отъ того, возбужденіе склонности къ чему составляетъ долгъ воспитателя. Какъ часто наблюдаемъ мы, что дѣти начинаютъ ненавидѣть вещи, которыя сперва нравились имъ, видя, что изъ за этихъ вещей ихъ бьютъ, и бранятъ, и

мучать! И это не должно насъ удивлять въ дѣтяхъ, если и взрослыхъ людей нельзя заставить полюбить что бы то ни было такимъ способомъ. Какому человѣку не станетъ противно всякое невинное удовольствіе, которое .само по себѣ для него безразлично, если къ этому насильно привлекаютъ его, вопреки его желанію, побоями или бранными рѣчами, или постоянно обращаются съ нимъ такимъ образомъ за нѣкоторыя особенности, обнаруживаемыя въ пользованіи его этимъ удовольствіемъ? И это совершенно естественно. Непріятныя особенности обыкновенно портятъ невинныя вещи, съ которыми онѣ соединены; уже одинъ видъ чашки, изъ которой человѣку приходится пить тошнотворное лѣкарство, воротитъ его желудокъ, такъ что ничто изъ нея не можетъ казаться ему вкуснымъ, хотя бы она была безукоризненно чиста, и красива, и изъ самаго дорогого матеріала.

3) Такой родъ рабской дисциплины создаетъ и рабскій характеръ. Ребенокъ подчиняется и притворяется послушнымъ, пока надъ нимъ виситъ страхъ розги; но чуть эта боязнь устранена, и, благодаря отсутствію надзора, ему представляется возможность обѣщать себѣ безнаказанность, онъ даетъ тѣмъ болѣе широкій просторъ своимъ природнымъ наклонностямъ, которыя такимъ путемъ не только не измѣняются къ лучшему, но, напротивъ того, увеличиваются и усиливаются въ немъ, и послѣ такого сдерживанія обыкновенно прорываются наружу тѣмъ необузданнѣе.

4) Если строгость, доведенная до самой крайней степени, одерживаетъ побѣду и излѣчиваетъ противорѣчащее правиламъ дисциплины настроеніе, то такой результатъ достигается часто тѣмъ, что мѣсто настроенія этого заступаетъ худшая и болѣе опасная болѣзнь — слѣдствіе подавленности душевныхъ силъ, и тогда, взамѣнъ безпорядочнаго юноши, вы получаете слабоумное, жалкое созданіе, которое хотя и можетъ своимъ неестественнымъ спокойствіемъ нравиться недальновиднымъ людямъ, любящимъ тихихъ и неподвижныхъ дѣтей, за то, что они не шумятъ и не причиняютъ никакого безпокойства, но въ концѣ концовъ, по всей вѣроятности, сдѣлается для своихъ друзей настолько же непріятнымъ предметомъ, насколько во все продолженіе своей жизни будетъ предметомъ, безполезнымъ для самого себя и для другихъ.

О наградахъ.

Битье дѣтей и всѣ другіе способы рабскихъ и тѣлесныхъ наказаній—не тѣ мѣры, какія должны имѣть мѣсто въ воспитаніи тѣхъ, которыхъ мы хотѣли бы сдѣлать умными, добрыми и разсудительными людьми; поэтому онѣ должны употребляться рѣдко, и только по важнымъ причинамъ и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Съ другой стороны, должно старательно избѣгать льстить дѣтямъ, награждая ихъ такими вещами, которыя имъ нравятся. Тотъ, кто даетъ своему сыну яблоко, или пряники, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, приходящееся ему наиболѣе по вкусу, съ цѣлью пріохотить его къ ученью,—этимъ только поощряетъ его склонность къ удовольствіямъ и развиваетъ въ немъ тѣ опасныя влеченья, которыя слѣдовало бы подавлять и уничтожать всевозможными средствами.

Но—возразите вы—если устранить розги, съ одной стороны, и тѣ маленькія поощренія, которыми вліяешь на дѣтей, съ другой,—то какіе же остаются способы для управленія ими? Устраните надежду и страхъ—и тутъ конецъ всякому дисциплинированію! Я соглашаюсь, что добро и зло, награжденіе и наказаніе суть единственныя побудительныя причины для разумнаго существа! Это—шпоры и возжи, посредствомъ которыхъ приводится въ движеніе и направляется туда или сюда человѣчество, и слѣдовательно, ихъ должно употреблять въ дѣло и относительно дѣтей; ибо я совѣтую родителямъ и наставникамъ постоянно помнить, что съ дѣтьми должно обращаться, какъ съ разумными существами.

Награды и наказанія—соглашаюсь—должны быть обѣщаемы дѣтямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы желаемъ дѣйствовать на нихъ. Ошибка здѣсь, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что тѣ награды и наказанія, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ, выбираются не такъ, какъ слѣдуетъ. Тѣлесная боль и тѣлесное удовольствіе, я полагаю, приносятъ дурныя послѣдствія, когда ихъ обѣщаютъ въ награды и наказанія для того, чтобы тѣми или другими вліять на дѣтей, ибо, какъ я уже сказалъ, они только содѣйствуютъ къ увеличенію и укрѣпленію тѣхъ склонностей, смирять и подавлять которыя наша обязанность.

Какія начала добродѣтели вложите вы въ ребенка, если, устра-

няя его стремленіе къ какому-либо удовольствію, будете возмѣщать это предложеніемъ другаго удовольствія? Это значитъ только расширять его желанія и пріучать ихъ къ переходу отъ одного предмета къ другому. Когда дитя съ крикомъ требуетъ себѣ незрѣлаго и опаснаго для здоровья плода, вы покупаете его успокоеніе тѣмъ, что даете ему другое, менѣе вредное, лакомство. Такимъ пріемомъ, можетъ быть, охраняется его здоровье, но портится и еще болѣе совращается съ надлежащаго пути сторона духовная. Ибо здѣсь вы только мѣняете предметъ пожеланія, но продолжаете потворствовать этому послѣднему и допускаете, что оно должно быть удовлетворено, въ чемъ,— какъ я уже показалъ,—лежитъ корень зла, и пока вы достигнете того, что дитя сдѣлается способно переносить отсутствіе такого удовлетворенія, оно въ данную минуту, пожалуй, будетъ вести себя спокойно и порядочно, но недугъ этимъ не излѣчится. Такимъ способомъ дѣйствія вы питаете и холите въ немъ то, что есть источникъ, откуда исходитъ все зло, и который навѣрно, при первомъ удобномъ случаѣ, снова прорвется наружу съ большею силою, породитъ въ немъ болѣе неумѣренныя желанія, а вамъ причинитъ болѣе хлопотъ и непріятностей.

Тѣ награды и наказанія, посредствомъ которыхъ намъ слѣдуетъ вести дѣтей надлежащимъ образомъ,—совсѣмъ иного рода и заключаютъ въ себѣ такую силу, что чуть мы нашли возможность приложить ихъ къ дѣлу, задача, по моему мнѣнію, исполнена и затрудненія устранены. Уваженіе и неуваженіе суть самыя могущественныя пружины для души, коль скоро она выучилась понимать истинное значеніе того и другого. Когда вы съумѣли достигнуть того, что дѣти стали цѣнить доброе имя и бояться стыда и безчестія, то вселили въ нихъ истинное начало добра, которое затѣмъ будетъ постоянно дѣйствовать и вести ихъ къ хорошему. Но меня спросятъ: какъ этого достигнуть? Я сознаюсь, что на первый взглядъ задача эта представляется не лишенною нѣкоторыхъ трудностей, но полагаю, что стоитъ труда поискать путей (и пойти по нимъ, когда они найдены) для пріобрѣтенія того, что я признаю великою тайною воспитанія.

Во-первыхъ, дѣти (быть можетъ, раньше, чѣмъ мы думаемъ) весьма чувствительны къ похвалѣ и одобренію. Имъ доставитъ удовольствіе быть цѣнимыми и уважаемыми, особенно со сторо-

ны ихъ родителей и тѣхъ, отъ кого они зависятъ. Если поэтому отецъ будетъ ласкать и хвалить ихъ, когда они поступаютъ хорошо, выказывать холодность и пренебреженіе къ нимъ въ случаѣ дурныхъ поступковъ, а къ этому еще присоединится такой же образъ дѣйствій матери и всѣхъ остальныхъ, занимающихся ихъ воспитаніемъ, то этимъ путемъ они въ короткое время выучатся чувствовать различіе между тѣмъ и другимъ обращеніемъ; и я не сомнѣваюсь, что такой пріемъ, если его держаться постоянно, подѣйствуетъ самъ собою гораздо лучше угрозъ и ударовъ, которые теряютъ свою силу, когда переходятъ въ обычную мѣру, и не приносятъ никакой пользы, когда не сопровождаются вызываніемъ чувства стыда; вслѣдствіе этого ихъ не слѣдуетъ примѣнять никогда, за исключеніемъ только нижеизложеннаго случая, когда дѣло дошло до послѣдней крайности.

Но во-вторыхъ, для того, чтобы глубже поселить въ душѣ ребенка сознаніе уваженія или неуваженія къ нему и придать тому и другому въ его глазахъ больше вѣса, должно постоянно сопровождать эти различныя состоянія другими пріятными или непріятными вещами, не какъ особенными наградами и наказаніями за тотъ или другой особенный поступокъ, но какъ необходимою принадлежностью и неизмѣнными спутниками того, кто своимъ поведеніемъ самъ поставилъ себя въ положеніе, заслуживающее похвалу, или вызывающее порицанія. Такой способъ обращенія съ дѣтьми научаетъ ихъ въ возможно непродолжительное время понимать, что тѣ, которые заслуживаютъ похвалу и уваженіе за то, что поступаютъ хорошо, всегда пріобрѣтаютъ этимъ любовь и привязанность каждаго и пользуются всѣми другими хорошими вещами, какъ послѣдствіями своего поведенія; и что, съ другой стороны, когда кто-либо, вслѣдствіе дурныхъ поступковъ, вызываетъ неуваженіе къ себѣ и не старается сохранить свое доброе имя, то онъ неизбѣжно дѣлается жертвою непріязни и презрѣнія и въ этомъ положеніи лишается всего, что можетъ удовлетворить его или доставить ему наслажденіе. Такимъ путемъ предметы дѣтскихъ желаній становятся способствующими добродѣтели, ибо прочный опытъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ научаетъ дѣтей, что вещи, имъ нравящіяся, принадлежатъ и достаются только тѣмъ, кто пользуется общимъ уваже-

ніемъ. Если этими средствами вы достигнете того, что чувство стыда (ибо никакого другого наказанія я не желалъ-бы) будетъ заставлять ихъ отказываться отъ своихъ недостатковъ, и что они станутъ придавать цѣну удовольствію пользоваться хорошею репутаціею, то пріобрѣтете возможность направлять ихъ, какъ вамъ будетъ угодно, и сдѣлаете пріятными для нихъ всѣ пути добродѣтели.

Итакъ, битья или брани должно старательно избѣгать, ибо этотъ родъ исправленія никогда не производитъ ничего хорошаго, не вызывая въ дѣтяхъ стыда или отвращенія къ тому проступку, который они совершили; если же большую часть непріятности, полученной ребенкомъ при этомъ, не составляетъ сознаніе, что онъ поступилъ нехорошо, и опасеніе, что онъ навлекъ на себя справедливое неудовольствіе своихъ лучшихъ друзей, то боль, причиненная сѣченіемъ, подѣйствуетъ, какъ лѣкарство совсѣмъ не радикальное. Она только замазываетъ рану въ данную минуту, затягиваетъ на ней кожу, но не доходитъ въ глубь ея: чувство искренняго стыда и боязнь вызвать неудовольствіе— единственно дѣйствительныя средства исправленія. Только имъ должно отдавать возжи въ руки и предоставлять вести ребенка по надлежащей дорогѣ; но тѣлесныя наказанія непремѣнно утрачиваютъ силу дѣйствовать такимъ образомъ и притупляютъ чувство стыда, когда повторяются часто. Что же касается боязни вызвать неудовольствіе въ родителяхъ, то она утрачиваетъ почти всякое значеніе, когда проявленія этого неудовольствія скоро исчезаютъ, и нѣсколькими ударами совершенно искупляется проступокъ. Родителямъ слѣдуетъ хорошенько соображать, какія именно вины ихъ дѣтей достаточно вѣски для того, чтобы заслуживать обнаруженія родительскаго гнѣва; но разъ обнаруженіе этого неудовольствія совершилось въ такой степени, что влечетъ за собой то или другое наказаніе, то пусть отецъ и мать не смягчаютъ строгаго выраженія своего лица немедленно послѣ того, и возвращаютъ дѣтямъ свою благосклонность не иначе, какъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, и откладываютъ полное примиреніе до тѣхъ поръ, пока кроткое послушаніе ребенка и болѣе чѣмъ обычная добропорядочность его докажутъ, что онъ дѣйствительно исправился. Если не поступать такимъ образомъ, то наказаніе, вслѣдствіе привычки къ нему, сдѣлается

совсѣмъ обыкновенною вещью и утратитъ все свое вліяніе; на проступокъ, какъ на дѣло наказуемое и потомъ прощаемое, дитя станетъ смотрѣть, какъ на нѣчто естественное и необходимое — въ родѣ вечера, ночи и утра, слѣдующихъ другъ за другомъ.

Укоры и выговоры, избѣжать которыхъ бываетъ иногда весьма трудно, должны дѣлаться не только спокойными, серьезными и сдержанными словами, но также наединѣ съ провинившимся, безъ свидѣтелей; но похвалу, заслуженную ребенкомъ, онъ долженъ получать въ присутствіи постороннихъ. Такой пріемъ удвоиваетъ награду, распространяя похвалу; но нежеланіе родителей обнаруживать предъ другими проступки своихъ дѣтей заставляетъ этихъ послѣднихъ самихъ придавать большее значеніе своему доброму имени и научаетъ ихъ прилагать больше старанія къ сохраненію себѣ хорошаго мнѣнія другихъ, пока они думаютъ, что пользуются имъ; когда-же, будучи отданы на посрамленіе раскрытіемъ ихъ проступковъ предъ посторонними, они видятъ это хорошее мнѣніе утраченнымъ, тогда эта сдерживавшая ихъ преграда устраняется, и они начинаютъ тѣмъ менѣе заботиться о сохраненіи своей доброй репутаціи, чѣмъ болѣе подозрѣваютъ, что они уже запятнаны.

Но если съ дѣтьми обращаются надлежащимъ образомъ, то не будетъ представляться такой большой надобности примѣнять къ дѣлу обыкновенныя награды и наказанія, какую мы себѣ представляемъ и какая установлена общею практикой. Ибо всѣ ихъ невинныя шалости, игры и вся дѣтская возня должны оставаться совершенно свободными и несдерживаемыми — насколько это совмѣстимо съ уваженіемъ, которое дѣти обязаны сохранять относительно присутствующихъ, — и пользоваться величайшею снисходительностью. Если исправленіе этихъ недостатковъ ихъ возраста, скорѣе чѣмъ самихъ дѣтей, предоставлять только времени, хорошимъ примѣрамъ и болѣе зрѣлымъ годамъ, то чрезъ это дѣти избѣгаютъ многихъ дурно примѣняемыхъ и безполезныхъ наказаній, которыя или не въ силахъ одержать побѣду надъ естественными склонностями дѣтскихъ лѣтъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе привычки къ нимъ, становящейся, наконецъ, недѣйствительною, дѣлаютъ исправительныя мѣры въ другихъ случаяхъ надобности менѣе полезными, или-же, если имъ удается сдержать естественную веселость этого возраста,

служатъ только къ тому, чтобы вредить и душѣ и тѣлу. Когда шумъ и суета ихъ игры оказываются почему-либо неудобными или неподходящими для мѣста и общества, гдѣ они находятся, (а это можетъ происходить только тамъ, гдѣ на лицо и родители), тогда одного слова или взгляда отца или матери, если они установили, какъ должно, свой авторитетъ, достаточно для удаленія дѣтей или для усмиренія ихъ на это время. Но эту наклонность и любовь къ играмъ, которая мудро приспособлена природой къ возрасту и натурѣ дѣтей, слѣдуетъ скорѣе поощрять для поддерживанія ихъ духовныхъ силъ и улучшенія ихъ крѣпости и здоровья, чѣмъ сдерживать и ломать, и главное искусство состоитъ въ томъ, чтобы все, что нужно дѣлать имъ, обращать тоже въ развлеченіе и игру.

Такъ какъ всѣ ребяческіе поступки, и противное свѣтскимъ условіямъ поведеніе, и все то, что время и возрастъ непремѣнно преобразуютъ сами собою, должны быть (какъ я уже сказалъ) изъяты изъ подчиненія розгѣ, то нѣтъ такой большой надобности бить дѣтей, какая обыкновенно практикуется. Если къ этому мы присоединимъ обученіе чтенію, письму, иностраннымъ языкамъ и т. п., какъ пользующееся тою же льготою, то въ разумномъ воспитаніи весьма рѣдко будетъ представляться случай для нанесенія ударовъ или дѣйствія посредствомъ силы. Правильный путь для сообщенія имъ этихъ познаній состоитъ въ томъ, чтобы вселять въ нихъ сочувствіе и склонность къ тому, чему вы предполагаете обучить ихъ, и этимъ поощрять ихъ рвеніе и прилежаніе. Достигать этой цѣли, я полагаю, нетрудно, если дѣтей вести, какъ слѣдуетъ, и если вышеупомянутыя награды и наказанія примѣнять тщательно, а съ ними въ методѣ обученія соблюдать слѣдующія правила:

1) Ничто изъ того, чему хотятъ выучить ребенка, не должно быть обращаемо въ бремя для него, или предписываемо ему въ видѣ обязательнаго дѣла. Предлагаемое такимъ образомъ тотчасъ же становится противнымъ; умъ начинаетъ питать къ нему отвращеніе, хотя бы до тѣхъ поръ оно составляло предметъ удовольствія или безразличнаго отношенія. Попробуйте приказать ребенку, чтобъ онъ непремѣнно погонялъ свой кубарь въ теченіе извѣстнаго времени всякій день, желаетъ-ли онъ того, или нѣтъ; потребуйте отъ него этого занятія, какъ исполненія обя-

занности, на которое онъ долженъ употреблять столько—то часовъ утромъ и послѣ обѣда,—и вы увидите, что ему скоро прискучитъ всякая игра такого рода. Развѣ не то же самое бываетъ со взрослыми людьми? Развѣ то, что они съ радостью исполняютъ добровольно, не становится для нихъ противнымъ и невыносимымъ, чуть только они увидятъ, что отъ нихъ ожидаютъ этого, какъ исполненія долга? Дѣти точно также желаютъ показывать, что они свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, что ихъ хорошіе поступки исходятъ отъ нихъ самихъ, что они такъ же самостоятельны и независимы, какъ любой изъ самыхъ гордыхъ между вами, взрослые люди, каково бы тамъ ни было ваше мнѣніе о нихъ.

2) Вслѣдствіе этого, дѣтей рѣдко слѣдуетъ заставлять дѣлать даже тѣ вещи, къ которымъ вы поселили въ нихъ склонность, иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ есть къ тому охота и расположеніе. У того, кто любитъ читать, писать, музыку и т. п., бываютъ, однако, часы, когда эти занятія не доставляютъ ему никакого удовольствія, и если въ такое время онъ принуждаетъ себя къ нимъ, то этимъ только безплодно раздражаетъ и утомляетъ себя. То же самое и съ дѣтьми. За этими перемѣнами настроенія въ нихъ должно наблюдать очень внимательно, и при этомъ неуклонно пользоваться благопріятными часами способности и склонности къ тому или другому занятію; и если они не достаточно часто расположены къ тому сами собой, надо бесѣдой съ ними внушить имъ хорошее настроеніе прежде, чѣмъ ихъ посадили за какую нибудь работу. Эта задача не представляется мнѣ тяжелою для разумнаго воспитателя, который изучилъ натуру своего воспитанника и готовъ дать себѣ немного труда для того, чтобы наполнить его голову надлежащими мыслями, такими, какія могутъ возбудить въ немъ склонность къ предстоящему дѣлу. Такимъ путемъ будетъ сберегаться большая доля времени и избѣгаться непріятная работа, ибо ребенокъ выучитъ въ три раза больше, когда онъ въ хорошемъ настроеніи, чѣмъ при удвоенномъ количествѣ времени и трудѣ въ ту пору, когда онъ берется за дѣло съ отвращеніемъ или его принуждаютъ къ тому насильно. Если бы это дѣло велось, какъ слѣдуетъ, дѣтямъ можно было бы позволять утомлять себя игрою, и при этомъ они, однако, имѣли бы еще достаточно времени выучивать то, что сообразно со способностями всякаго

возраста. Но ничто подобное не принимается въ соображеніе при обыкновенной методѣ воспитанія и быть принимаемо никакъ не можетъ. Грубая дисциплина розги построена на иныхъ началахъ, не заключаетъ въ себѣ ничего привлекательнаго, не обращаетъ вниманія на то, въ какомъ настроеніи находится дитя, и не пользуется благопріятными минутами его склонности къ занятію. И дѣйствительно, смѣшно въ тѣхъ случаяхъ, когда принужденіе и побои вызвали въ ребенкѣ отвращеніе къ его работѣ, ожидать, что онъ будетъ добровольно, по собственному побужденію, оставлять свои игры и съ удовольствіемъ приниматься за ученіе; между тѣмъ какъ, будь дѣло устроено правильно, обученіе всему, чему должно обучать ихъ, можно бы обращать въ отдохновеніе отъ игры, точно такъ же, какъ игру — въ отдохновеніе отъ ученья. Трудъ одинаковъ и съ той, и съ другой стороны. И не трудъ непріятенъ имъ, ибо они любятъ быть занятыми; перемѣны же и разнообразіе естественно доставляютъ имъ только удовольствіе. Единственное различіе заключается въ томъ, что въ занятіяхъ, которыя мы называемъ игрой, они дѣйствуютъ свободно и тратятъ свой трудъ (относительно котораго, какъ мы могли замѣтить, они никогда не отличаются бережливостью) безъ посторонняго принужденія; въ дѣлѣ-же ученья имѣетъ мѣсто приневоливаніе: ихъ зовутъ, заставляютъ учиться. Это-то обстоятельство съ самаго начала запугиваетъ и расхолаживаетъ ихъ: имъ не достаетъ здѣсь ихъ свободы.

Доведите ихъ только до того, чтобы они сами просили своего наставника учить ихъ — какъ они часто просятъ о томъ своихъ товарищей — вмѣсто того, чтобы онъ самъ звалъ ихъ учиться, и тогда, въ пріятномъ сознаніи, что они поступаютъ въ этомъ случаѣ такъ же добровольно, какъ и въ другихъ, они будутъ приниматься за это дѣло съ такимъ же удовольствіемъ, и оно ничѣмъ не будетъ отличаться отъ ихъ остальныхъ забавъ и игръ. Такими путями, тщательно преслѣдуемыми, ребенокъ будетъ приходить къ собственному желанію обучаться всему, что желали бы вы сообщить ему посредствомъ ученья.

Самую большую трудность представитъ здѣсь, соглашаюсь, первый или самый старшій; но разъ что справились съ нимъ, легко будетъ черезъ его посредство повести остальныхъ, какъ вамъ будетъ угодно.

Хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самая пригодная пора для дѣтей учиться та, когда ихъ умъ въ благопріятномъ настроеніи и вполнѣ расположенъ къ этому, когда ни ослабленіе душевное, ни напряженіе мысли чѣмъ-нибудь другимъ не дѣлаетъ ихъ лѣнивыми и непонятливыми, но на двѣ вещи надо обращать вниманіе:

1) Если эти благопріятныя минуты или не тщательно наблюдаются и эксплуатируются каждый разъ, какъ онѣ возвращаются, или не приходятъ на столько часто, какъ требуется, то изъ-за этого нельзя пренебрегать развитіемъ ребенка и такимъ образомъ обращать у него бездѣйствіе въ привычку и давать ему укрѣпляться въ этомъ отсутствіи расположенія къ работѣ.

2) Хотя другія вещи выучиваются дурно, когда умъ или не настроенъ, какъ слѣдуетъ, или занятъ чѣмъ нибудь инымъ, но весьма важно и стоитъ нашихъ усилій пріучать его къ тому, чтобы онъ пріобрѣлъ господство надъ собой и сдѣлался способенъ по собственному выбору отказываться отъ пылкаго преслѣдованія чего-нибудь одного и переходить съ легкостью и удовольствіемъ къ другому, равно какъ во всякое время сбрасывать съ себя лѣность и энергически приниматься за то, къ чему направитъ его разсудокъ или совѣтъ другихъ лицъ. Для того, чтобы достигнуть такого результата, нужно по временамъ, когда дѣти или не расположены къ работѣ отъ лѣности, или посторонними мыслями отвлечены въ другую сторону, изслѣдовать причины ихъ настроенія и стараться склонить ихъ къ предположенной работѣ.

Если этими средствами умъ пріобрѣтетъ надъ собою господство въ такой степени, чтобы откладывать въ сторону мысли и дѣла по требованію извѣстнаго случая и отдаваться новымъ и менѣе пріятнымъ занятіямъ безъ сопротивленія и неудовольствія, — это будетъ выгода, болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ знакомство съ латинскимъ языкомъ, или логикой, или большинствомъ тѣхъ предметовъ, которымъ обыкновенно заставляютъ учиться дѣтей.

Брань.

Какъ дѣтей весьма рѣдко можно исправить побоями, точно также, по моему мнѣнію, частая и особенно пристрастная брань

имѣетъ почти такія же дурныя послѣдствія. Она ослабляетъ авторитетъ родителей и уваженіе ребенка, ибо я прошу васъ всегда помнить, что дѣти рано умѣютъ различать, гдѣ дѣйствуетъ страсть, и гдѣ разсудокъ; и такъ какъ не могутъ они питать ничего кромѣ почтенія къ тому, что исходитъ отъ второго, то въ нихъ быстро образуется враждебное чувство къ первой; или же, если въ первыя минуты она вызываетъ страхъ, то онъ скоро проходитъ, и природное чутье легко научаетъ презирать тѣ пугала, которыя производятъ шумъ, но не одушевлены разумомъ. Такъ какъ дѣтей родителямъ слѣдуетъ воздерживать только отъ порочныхъ вещей (каковыхъ въ ихъ нѣжномъ возрастѣ немного), то не должно прибѣгать ни къ чему, кромѣ взгляда или намека, для исправленія ихъ, когда они провинились; или, если иногда приходится пускать въ дѣло слова, то пусть они будутъ серьезны, кротки и трезвы, заключая въ себѣ уясненіе дурной стороны или неприличности проступка, а не рѣзкую брань ребенка за него, ибо она не позволитъ ему достаточно различить, на кого больше устремлено ваше неудовольствіе — на него самого, или на его проступокъ. Неумѣренная брань обыкновенно соединена съ грубою и дурною рѣчью, которая производитъ еще и то нехорошее дѣйствіе, что усвоивается дѣтьми и находитъ себѣ въ нихъ оправданіе: тѣми именами, которыя ихъ родители или наставники даютъ имъ, они потомъ не стыдятся и не затрудняются надѣлять другихъ, имѣя предъ собою для употребленія такихъ словъ такой солидный авторитетъ.

Упрямство.

Я предвижу здѣсь возраженіе: что-же, по вашему, дѣтей не слѣдуетъ ни бить, ни бранить за какой-бы то ни было проступокъ? Вѣдь это значитъ дать полную волю всякаго рода безчинству? Нѣтъ, совсѣмъ не въ такой степени, какъ вы воображаете, если пойти правильнымъ путемъ въ первомъ образованіи ихъ душъ и въ насажденіи въ ней того почтенія къ родителямъ, о которомъ выше говорено. Ибо битье, какъ доказывается постояннымъ наблюденіемъ, приноситъ мало пользы, на томъ основаніи, что здѣсь физическая боль отъ него составляетъ все нака-

заніе, котораго боится или которое чувствуетъ ребенокъ, такъ какъ впечатлѣніе его быстро исчезаетъ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ. Есть, однако, одинъ—и только одинъ порокъ, за который, по моему мнѣнію, слѣдуетъ бить дѣтей; это — упрямство или сопротивленіе. Но и тутъ я желалъ бы видѣть дѣло, если возможно, устраиваемымъ такъ, чтобы стыдъ быть высѣченнымъ, а не боль отъ этого, составлялъ главнѣйшую часть наказанія. Чувство стыда за то, что совершилъ проступокъ и заслужилъ кару, есть единственное вѣрное ограниченіе, совмѣстное съ добродѣтелью. Боль отъ ударовъ розгой, если ее не сопровождаетъ стыдъ, скоро прекращается и забывается, а вслѣдствіе частаго употребленія теряетъ внушаемый ею страхъ. Я зналъ дѣтей одного высокопоставленнаго лица, которыхъ боязнью, что съ нихъ снимутъ башмаки, держали въ почтительномъ подчиненіи не меньше, чѣмъ другихъ,—видомъ висѣвшей надъ ними розги. Наказанія въ такомъ родѣ я нахожу предпочтительными битью; ибо если вы желаете образовать въ нихъ истинно благородный характеръ, то нужно, чтобы стыда за проступокъ и соединеннаго съ нимъ нерасположенія окружающихъ они боялись больше, чѣмъ боли. Но строптивость и упрямое непослушаніе надо исправлять силою и побоями, ибо противъ этого нѣтъ никакого другого лекарства. Какое бы дѣло вы ни приказали ему сдѣлать, или ни запретили,— вамъ слѣдуетъ быть увѣреннымъ, что онъ будетъ повиноваться; въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста никакой уступкѣ, никакому сопротивленію; разъ дѣло дошло до того, что обратилось въ пробу обоюднаго искусства, въ споръ за первенство между обоими вами, каковой является, когда вы приказываете, а онъ отказывается исполнять,— вы должны непремѣнно одержать побѣду, какихъ бы побоевъ это ни стоило, если намекъ или слова оказались безсильными, — развѣ ужъ вы намѣреваетесь все послѣдующее время жить въ повиновеніи вашему сыну. Одна, знакомая мнѣ, благоразумная и добрая мать была вынуждена по одному подобному случаю высѣчь свою маленькую дочь, только что взятую отъ кормилицы, восемь разъ сряду въ одно и то же утро, прежде чѣмъ успѣла сломить ея упрямство и добиться ея повиновенія въ одномъ весьма легкомъ и незначительномъ дѣлѣ. Прекрати она это наказаніе раньше и остановись на седьмомъ разѣ, дитя было бы ею испорчено на-

всегда, и эти оставшіеся недѣйствительными побои только усилили бы его строптивость, излѣчить которую потомъ было бы уже весьма поздно. Но, благоразумно настаивая на своемъ до тѣхъ поръ, пока натура ребенка не смирилась и воля не пришла въ подчиненіе, что составляетъ единственную цѣль исправленія и наказанія, мать вполнѣ утвердила свой авторитетъ при первомъ же представившемся случаѣ, и послѣ того всегда и во всемъ встрѣчала со стороны дочери очень охотную готовность и повиновеніе, такъ что если теперь она высѣкла ее въ первый разъ, то это было, я думаю, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ послѣдній на все будущее время.

Боль отъ розги, если при первомъ же случаѣ, когда то вновь понадобится, возобновить и усиливать ее, не прекращая этого дѣйствія до тѣхъ поръ, пока она вполнѣ не достигнетъ цѣли, должна, во-первыхъ, смирять натуру ребенка и устанавливать авторитетъ родителей; а затѣмъ нужно, чтобъ это всегда поддерживалось серьезностью, соединенною съ ласковою добротою.

Если бы люди хорошо поразмыслили объ этомъ предметѣ, они были бы болѣе осторожны въ употребленіи розги и палки и воздерживались бы отъ столь обыкновенной склонности думать, что битье—непогрѣшимое и универсальное лѣкарство, которое слѣдуетъ давать во всевозможныхъ случаяхъ. Несомнѣнно, однако, что если оно не приноситъ никакой пользы, то причиняетъ большой вредъ; если не проходитъ до глубины души и не переламываетъ волю, то ожесточаетъ наказуемаго, и какую бы боль ему ни пришлось вытерпѣть при этомъ, она только укрѣпляетъ его въ миломъ ему упорствѣ, которое покамѣстъ доставляло ему побѣду и подготовило къ борьбѣ и надеждѣ на успѣхъ и на будущее время. Такимъ образомъ, я не сомнѣваюсь, что благодаря не чему иному, какъ дурно поведенному наказанію, научились быть упрямыми и строптивыми многіе такіе, которые иначе были бы весьма покладливыми и послушными. Ибо если вы наказываете ребенка такъ, какъ будто желаете отплатить за совершенный проступокъ, вызвавшій вашъ гнѣвъ, то какое дѣйствіе можетъ это произвести на его душу? что собственно будетъ подлежать исправленію? Если съ его проступкомъ не были соединены никакое упорство, никакая строптивость, то здѣсь не оказалось ничего такого, что требовало бы строгости тѣлеснаго наказанія!

Кроткаго или серьезнаго увѣщанія достаточно для исправленія проступковъ, происходящихъ отъ слабости, забывчивости, или разсѣянности, и ничего больше въ этихъ случаяхъ для дѣтей не требуется. Но когда въ направленіи воли проявляется испорченность, когда непослушаніе оказывается умышленнымъ, рѣшительнымъ, — тогда наказаніе должно соразмѣрять не съ важностью или незначительностью дѣла, въ которомъ это непослушаніе обнаружилось, но съ имѣющимъ здѣсь мѣсто упорнымъ сопротивленіемъ уваженію и подчиненію, подобающимъ относительно приказаній отца, и этого уваженія и подчиненія слѣдуетъ всегда строго требовать, отъ времени до времени возобновляя сѣченье до тѣхъ поръ, пока оно не подѣйствуетъ на душу, и вы не усмотрите признаковъ истинной печали, стыда и склонности къ повиновенію.

Для такого дѣла, конечно, требуется нѣчто большее, чѣмъ посадить ребенка за работу и сѣчь его да сѣчь, если она не исполнена, и притомъ такъ, какъ намъ хочется. Это требуетъ заботливости, вниманія, наблюденія и тщательнаго изученія характера дѣтей, серьезнаго взвѣшиванія ихъ вины, прежде чѣмъ приступить къ такого рода наказанію. Но не лучше ли это, чѣмъ постоянно держать въ рукѣ розгу, какъ единственное орудіе исправленія, и частымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, употребленіемъ ея направлять неправильно и дѣлать недѣйствительнымъ это полезное и послѣднее лѣкарство, когда въ немъ встрѣчается надобность? Ибо можно ли ожидать чего-либо иного, когда оно дается безразлично за всякую легкую вину? Если за ошибку въ синтаксисѣ или неправильное удареніе въ стихѣ благонравнаго и прилежнаго мальчика наказывать розгой точно такъ же, какъ за злостный проступокъ вы наказываете упрямаго и испорченнаго ослушника, то какъ возможно разсчитывать, что такая метода исправленія благопріятно повліяетъ на душу и дѣйствительно исправитъ ее? А это вѣдь единственная цѣль, къ которой должно стремиться: чуть она достигнута, съ этимъ вмѣстѣ приходитъ все остальное, чего только вы можете желать.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ дурного направленія воли, требующаго устраненія его, въ побояхъ нѣтъ никакой надобности. Всѣ остальныя вины, при которыхъ ребенокъ настроенъ, какъ слѣдуетъ, и не сопротивляется руководительству или власти отца

или воспитателя, суть только промахи и часто могутъ быть оставляемы безнаказанными, или, въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ должно обратить вниманіе, нуждаются только въ кроткихъ мѣрахъ совѣта, указанія и упрека, до тѣхъ поръ, пока неоднократное и упорное пренебреженіе этими послѣдними не покажетъ, что вина лежитъ въ натурѣ ребенка, и что очевидная испорченность воли составляетъ корень его непослушанія. Но какъ только упрямство, которое есть открытое сопротивленіе, обнаружилось, нельзя имъ пренебрегать и оставлять его безъ вниманія, а должно, на первыхъ же порахъ, подавлять и побѣждать; необходимо только стараться не ошибиться и быть увѣреннымъ, что это дѣйствительно упрямство, а не что либо другое. Но такъ какъ поводовъ къ наказанію, особенно тѣлесному, слѣдуетъ избѣгать сколько возможно, то, я думаю, не должно часто доводить до этого. Когда почтеніе, о которомъ я выше говорилъ, пріобрѣтено, одного строгаго взгляда достаточно въ большинствѣ случаевъ. Притомъ нельзя вѣдь отъ малыхъ дѣтей требовать такого же поведенія, такой же серьезности или прилежанія, какъ отъ тѣхъ, что уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Имъ должны быть дозволяемы, какъ я уже сказалъ, шаловливые и ребяческіе поступки, свойственные ихъ годамъ, безъ обращенія на нихъ вниманія. Разсѣянность, безпечность и веселость—принадлежность этого возраста. Я думаю, что строгость, о которой говорено мною выше, не должна простираться до такихъ неумѣстныхъ ограниченій. Точно также не слѣдуетъ поспѣшно истолковывать, какъ упрямство или злонамѣренность, то, что есть естественный продуктъ дѣтскаго возраста или дѣтской натуры. Въ такихъ промахахъ надо приходить къ нимъ на помощь и вести къ исправленію, какъ слабыхъ людей, страдающихъ естественнымъ недугомъ; и тутъ, хотя бы и было сдѣлано имъ предостереженіе, нельзя всякое нарушеніе его ставить въ вину, какъ умышленную небрежность, и немедленно наказывать ихъ, какъ за упрямство. Поступки, отъ слабости характера происходящіе, хотя никогда не должны быть оставляемы безъ всякаго вниманія, но если только въ нихъ не участвуетъ воля, никогда нельзя ихъ преувеличивать или строго наказывать, а слѣдуетъ исправлять мягкою рукою, насколько позволяютъ время и возрастъ провинившагося. Такимъ путемъ дѣти будутъ научаться понимать, что есть въ каждомъ проступкѣ наиболѣе под-

лежащаго осужденію и чего, слѣдовательно, должно избѣгать. Это будетъ поощрять ихъ къ тому, чтобы направлять свою волю надлежащимъ образомъ, а такое дѣло они сочтутъ главною своею задачею, когда увидятъ, что оно предохраняетъ ихъ отъ всякаго большого неудовольствія со стороны другихъ, и что во всѣхъ своихъ остальныхъ проступкахъ они будутъ встрѣчать въ своихъ воспитателяхъ и наставникахъ скорѣе доброе отношеніе и помощь, чѣмъ гнѣвъ и пристрастные упреки. Воздерживайте ихъ отъ порока и порочныхъ склонностей,—и съ каждою новою ступенью возраста будетъ устанавливаться такая форма ихъ поведенія вообще, какая приличествуетъ ихъ возрасту и тому обществу, въ которомъ они обыкновенно вращаются, и, по мѣрѣ увеличенія ихъ лѣтъ, будутъ увеличиваться ихъ внимательность и прилежаніе. Но для того, чтобы ваши слова всегда сохраняли у нихъ вѣсъ и значеніе, нужно, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда вы приказываете мальчику перестать дѣлать что-либо, хотя бы и совершенно ребяческое, въ васъ была увѣренность, что это будетъ исполнено, и побѣда не останется за нимъ. Я желалъ бы, однако, чтобы въ этихъ или другихъ случаяхъ отецъ рѣдко пускалъ въ ходъ свою власть и свой авторитетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ обнаруживается стремленіе къ порочнымъ привычкамъ. Думаю, что есть болѣе дѣйствительныя средства для достиженія цѣли, и ласковое увѣщаніе въ бесѣдѣ (когда первый результатъ,—подчиненіе вашей волѣ, полученъ), большею частью будетъ дѣйствовать гораздо лучше.

О своеволіи дѣтей.

Я сказалъ вамъ выше, что дѣти любятъ свободу, и поэтому все, что подобаетъ имъ, должно заставлять ихъ дѣлать такимъ образомъ, чтобы они не чувствовали надъ собой никакого принужденія. Теперь скажу вамъ, что они любятъ еще больше коечто другое, а именно господствовать, и это первый источникъ самыхъ порочныхъ привычекъ, какія обыкновенно встрѣчаются у людей и лежатъ въ натурѣ человѣка. Эта любовь къ власти и господству обнаруживается весьма рано, и обнаруживается въ слѣдующихъ двухъ формахъ:

1) Мы видимъ, что дѣти, почти немедленно послѣ рожденія

на свѣтъ, (и ужъ непремѣнно задолго до того, какъ является у нихъ способность говорить), начинаютъ кричать, дѣлаются сварливыми, капризными и непокладистыми только изъ-за желанія, чтобъ ихъ воля была исполнена. Они хотятъ, чтобы ихъ желаніямъ подчинялись всѣ другіе; они требуютъ услужливой готовности себѣ отъ всѣхъ окружающихъ, особенно отъ тѣхъ, которые по возрасту или положенію стоятъ близко къ нимъ или ниже ихъ, какъ скоро получаютъ возможность смотрѣть на другихъ съ точки зрѣнія этихъ отличій.

2) Другая форма, въ которой проявляется ихъ любовь къ господству, есть желаніе ихъ, чтобы всякія вещи принадлежали имъ. Имъ хочется имѣть свою собственность и достояніе, ибо они находятъ удовольствіе во власти, которая, повидимому, дается такимъ обладаніемъ, и въ пріобрѣтаемомъ ими такимъ образомъ правѣ распоряжаться этою собственностью, какъ имъ угодно. Кто не замѣчалъ этихъ двухъ склонностей, начинающихъ дѣйствовать въ дѣтяхъ очень рано, тотъ обращалъ, значитъ, мало вниманія на ихъ поступки; а кто не находитъ, что эти два корня почти всей несправедливости и вражды, такъ отравляющихъ человѣческую жизнь, должно вырывать въ ранніе годы, замѣняя ихъ привычками противоположными, тотъ упускаетъ надлежащее время для заложенія фундамента хорошаго и достойнаго человѣка. Достигнуть этого результата можно отчасти, я полагаю, слѣдующими путями.

1) Не слѣдуетъ никогда, какъ я уже сказалъ, допускать, чтобы ребенокъ получалъ то, чего онъ желаетъ, и еще меньше то, чего онъ требуетъ криками, или даже обыкновенными словами. Но мои слова могутъ быть неправильно поняты и истолкованы такимъ образомъ, какъ будто, по моему мнѣнію, ребенокъ не долженъ ничего просить у своихъ родителей,—въ чемъ, быть можетъ, иные усмотрѣли бы слишкомъ большой гнетъ на душу дѣтей, въ ущербъ той любви и привязанности, которыя должны существовать между ними и ихъ родителями; поэтому я объясняюсь нѣсколько подробнѣе. Нужно, чтобы дѣтямъ предоставлялась свобода сообщать родителямъ о своихъ надобностяхъ, и чтобы родители выслушивали ихъ со всевозможною нѣжностью и исполняли желанія, по крайней мѣрѣ, пока они очень малы. Но есть разница между заявленіемъ, что я голоденъ, и словами: „я хочу жа-

ренаго мяса". Когда дѣти сказали о своихъ нуждахъ, о страданіяхъ, испытываемыхъ ими отъ голода, жажды, холода, или какого-нибудь другого требованія природы, то обязанность родителей и приставленныхъ къ нимъ лицъ удовлетворять ихъ. Но дѣти должны предоставлять выбору и усмотрѣнію своихъ родителей, что эти послѣдніе находятъ наиболѣе пригоднымъ для нихъ, и въ какомъ количествѣ; и нельзя предоставлять выборъ имъ самимъ и позволять имъ говорить: „хочу вина", или „хочу бѣлаго хлѣба"; уже одно поименованіе этихъ предметовъ должно влечь за собою лишеніе ихъ.

Родителямъ въ этомъ случаѣ надо стараться отличать надобности воображаемыя отъ природныхъ; но какой бы снисходительности ни требовали потребности природныя, потребностямъ воображаемымъ никогда нельзя давать удовлетвореніе,—нельзя допускать, чтобы о нихъ даже упоминали. Уже одинъ разговоръ ребенка о какой-либо изъ такихъ вещей долженъ имѣть послѣдствіемъ лишеніе ея. Платье, когда они въ немъ нуждаются, давайте имъ; но чуть они заговорили о такой-то матеріи или о такомъ-то цвѣтѣ, пусть будутъ увѣрены, что просьба ихъ не будетъ исполнена. Не то что я хотѣлъ бы, чтобы родители умышленно противорѣчили желаніямъ своихъ дѣтей въ безразличныхъ вещахъ: напротивъ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ поведеніе того заслуживаетъ, и вы увѣрены, что это не подѣйствуетъ вредно или разслабляющимъ образомъ на ихъ душу и поселитъ въ нихъ любовь къ пустякамъ, должно, я думаю, дѣлать все, что возможно, для ихъ удовлетворенія, чтобы они чувствовали пріятность и удовольствіе поступать хорошо. Самое лучшее для дѣтей, чтобы они отнюдь не полагали своего счастья въ подобныхъ вещахъ и не регулировали своихъ наслажденій своими прихотями, не оставались равнодушными ко всему тому, что и природа сдѣлала безразличнымъ. Вотъ къ чему родители и наставники должны главнымъ образомъ стремиться; но пока этотъ результатъ будетъ достигнутъ, единственное, чего я не допускаю—*свобода требовать*, которая въ этихъ дѣлахъ прихоти должна быть сдерживаема постоянными, связанными съ нею, отказами.

Естественной снисходительности нѣжныхъ родителей это, быть можетъ, покажется слишкомъ строгимъ, и однако же это только необходимо; ибо, такъ какъ предлагаемая мною метода состоитъ

въ изгнаніи розги, то вышеупомянутое сдерживаніе ихъ языковъ очень полезно для установленія въ нихъ того почтительнаго чувства, о которомъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, и для поддержанія въ ихъ душѣ должнаго уваженія къ родителямъ. Затѣмъ это научитъ ихъ смирять свои склонности и такимъ образомъ управлять ими.

Такимъ образомъ я не того мнѣнія, что дѣтямъ надо умышленно причинять непріятность. Это было бы ужъ слишкомъ похоже на жестокость и злосердечіе и могло бы и дѣтей заражать этими свойствами. Должно выучить ихъ отказываться отъ своихъ вожделѣній, равно какъ и сообщать ихъ душѣ и тѣлу энергію, здоровье и силу посредствомъ пріученія подчинять себѣ свои склонности и укрѣпленія тѣла разными лишеніями,—но надо дѣлать все это, не подавая ни малѣйшаго признака злонамѣренности относительно ихъ. Постоянные отказы въ томъ, чего они требовали или пожелали у себя въ душѣ,научатъ ихъ скромности, покорности и силѣ самоотреченія; но награжденіе ихъ скромности и молчаливости предоставленіемъ имъ того, что для нихъ желательно, будетъ также убѣждать ихъ въ любви къ нимъ тѣхъ, кто строго требовалъ этого повиновенія. Если они сегодня не сѣтуютъ на отсутствіе того, что желали получить, то это добродѣтель, которую въ другое время надо наградить такими вещами, которыя приличествуютъ и пріятны имъ; и эти вещи слѣдуетъ давать имъ такъ, какъ будто награда явилась естественнымъ послѣдствіемъ ихъ хорошаго поведенія, а не какъ нѣчто, выторгованное за него. Но вы потеряете вашъ трудъ и, что еще важнѣе, ихъ любовь и уваженіе, если они получатъ возможность пріобрѣтать у другихъ то, въ чемъ будете имъ отказывать вы. Это надо блюсти во всей строгости и не отступать отъ этого ни на шагъ. (Тутъ важно обратить вниманіе на вопросъ объ отношеніяхъ къ прислугѣ). Если за это дѣло взяться своевременно и дѣтей съ первыхъ лѣтъ пріучать смирять свои желанія, то эта полезная привычка твердо укоренится въ нихъ; и по мѣрѣ того, какъ они дѣлаются старше и благоразумнѣе, какъ въ нихъ начинаетъ говорить разсудокъ, а не страсть, имъ можетъ быть предоставляема большая свобода, ибо, когда бы ни заговорилъ разсудокъ, его необходимо выслушать. Но какъ отнюдь не слѣдуетъ обращать вниманіе на слова дѣтей, когда они высказы-

ваютъ желаніе получить какую-нибудь опредѣленную вещь, развѣ что она была имъ предложена, точно такъ же должно всегда выслушивать ихъ и обстоятельно и ласково отвѣчать имъ, когда они спрашиваютъ о чемъ-нибудь, что хотѣли бы узнать и насчетъ чего желательно получить имъ разныя свѣдѣнія. Любознательность должно поощрять въ дѣтяхъ столько же, сколько подавлять ихъ другія вожделѣнія.

О лѣнтяйничаньѣ.

Въ противоположность дѣятельной и любознательной натурѣ дѣтей вообще замѣчается иногда у многихъ изъ нихъ лѣнивое равнодушіе, отсутствіе вниманія къ чему бы то ни было и какое-то „игранье" даже во время занятій. Такую наклонность къ лѣнивому равнодушію я считаю однимъ изъ худшихъ свойствъ, какія могутъ проявиться въ ребенкѣ, равно какъ и такимъ, уничтожить которое наиболѣе трудно, когда оно лежитъ въ натурѣ его. Но такъ какъ на счетъ его можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ заблуждаться, то нужно прилагать большое тщаніе къ тому, чтобы составить себѣ правильное мнѣніе касательно этого отсутствія серьезности за книгами или за работами, иногда даже могущаго вызвать сожалѣніе о ребенкѣ. Чуть только отецъ заподозритъ, что у сына его есть склонность къ лѣнтяйничанью, онъ долженъ начать старательно наблюдать—во всѣхъ ли своихъ дѣйствіяхъ является ребенокъ равнодушнымъ и ничѣмъ не интересующимся, или только въ однѣхъ вещахъ онъ медлителенъ и лѣнивъ, а въ другихъ, напротивъ, энергиченъ и подвиженъ. Ибо, хотя мы и найдемъ, что онъ лѣнится, сидя за книгой, и большую часть времени, проводимаго въ своей спальнѣ или классной комнатѣ, ровно ничего не дѣлаетъ, но изъ этого не слѣдуетъ немедленно заключать, что оно происходитъ отъ склонности его, по натурѣ, къ лѣнтяйничанью. Тутъ, можетъ быть, имѣетъ мѣсто ребячество и предпочтеніе учебному занятію чего-нибудь такого, на что въ это время устремлены его мысли, и онъ, что совершенно естественно, относится недружелюбно къ своей книгѣ, такъ какъ его насильно посадили за нее, какъ за работу. Чтобы вполнѣ разъяснить этотъ вопросъ, вы должны наблюдать за нимъ во время игры, когда онъ внѣ своего обычнаго мѣста и своего класснаго

времени, слѣдить за его наклонностями и смотрѣть, живъ-ли и дѣятеленъ онъ при этомъ, составляетъ ли какая-нибудь вещь предметъ его особеннаго желанія, и преслѣдуетъ ли онъ въ этомъ случаѣ свою цѣль прилежно и ревностно до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ ея, или же проводитъ все свое время лѣниво и съ соннымъ равнодушіемъ. Если это вялое настроеніе у него только въ то время, когда онъ за книгой, то, я думаю, его легко излѣчить. Если же оно въ его натурѣ, то для излѣченія потребуется немного больше труда и вниманія.

Если по его серьезности во время игръ или въ чемъ-нибудь другомъ, чѣмъ онъ охотно занимается въ промежуткахъ между своими рабочими часами, вы убѣдились, что по натурѣ онъ не склоненъ къ праздности, но что только отсутствіе интереса къ своимъ книгамъ дѣлаетъ его небрежнымъ и лѣнивымъ въ занятіи ими, то первый шагъ, какой слѣдуетъ вамъ сдѣлать, это— ласково начать говорить ему о неблагоразуміи и неправильности такого образа дѣйствій, заставляющаго его терять добрую часть своего времени, которою онъ могъ бы воспользоваться для своего развлеченія; но надо непремѣнно говорить съ нимъ спокойно и привѣтливо, и на первыхъ порахъ немного, излагая только вкратцѣ эти простые доводы. Если это окажется успѣшнымъ, то вы достигли цѣли самымъ желательнымъ путемъ, т. е. путемъ разумнаго убѣжденія и привѣтливости. Если же этотъ мягкій пріемъ окажется неудачнымъ, попытайтесь стыдить его, смѣяться надъ нимъ, спрашивая его каждый разъ, какъ онъ является къ обѣду, (если тутъ нѣтъ чужихъ),—сколько времени просидѣлъ онъ сегодня за работой? И если онъ не исполнилъ ея въ тотъ срокъ, въ который весьма легко могъ бы окончить, выставляйте это на видъ и осмѣивайте его, но не примѣшивайте къ этому брани; примите только совсѣмъ холодное выраженіе лица и сохраните его до тѣхъ поръ, пока онъ не исправится; и пусть его мать, воспитатель и всѣ окружающіе поступаютъ точно также. Если и тутъ вы не достигнете желаемой вами цѣли, тогда скажите ему, что его не станутъ болѣе обременять воспитателемъ для заботы о его воспитаніи, что вы не станете больше тратить деньги на то, чтобы онъ праздно проводилъ свое время съ этимъ наставникомъ; но что такъ какъ онъ предпочитаетъ то или другое (именно игры, доставляющія ему наслажденіе,) своимъ книгамъ,

то только этимъ и будетъ онъ отнынѣ заниматься. И дѣйствительно, предоставьте его совсѣмъ своимъ любимымъ играмъ и не давайте ему отрываться отъ нихъ и днемъ и вечеромъ, пока онъ вполнѣ не пресытится или не захочетъ, во что бы то ни стало, снова замѣнить ихъ нѣсколькими часами книжныхъ занятій. Но когда вы такимъ образомъ обратили для него игру въ урочную работу, то непремѣнно слѣдите сами, или поручите слѣдить кому-нибудь другому, чтобы онъ постоянно занимался ею, и чтобъ ему не дозволялось и къ ней относиться лѣниво. Я говорю: слѣдите сами, ибо отцу, каковы бы ни были его обычныя занятія очень стоитъ посвятить два или три дня для своего сына съ цѣлью излѣчить такой крупный недостатокъ, какъ лѣнтяйничанье при работѣ.

Вотъ мѣры, которыя я предлагаю, если вы имѣете дѣло не съ праздностью, лежащею вообще въ его натурѣ, а съ какимъ-нибудь особеннымъ или пріобрѣтеннымъ отвращеніемъ къ ученью, на распознаваніе чего вы должны обращать тщательное вниманіе. Но хотя вы и слѣдите за нимъ, чтобы видѣть, какое употребленіе дѣлаетъ онъ изъ времени, находящагося въ его собственномъ распоряженіи, однако не должны давать ему замѣтить, что вы или кто-нибудь другой занятъ такимъ наблюденіемъ, ибо это можетъ помѣшать его слѣдовать своимъ влеченіямъ: будучи совершенно проникнутъ этими послѣдними и не смѣя, изъ страха предъ вами, отдаваться тому, чѣмъ полна его голова и сердце, онъ можетъ начать пренебрегать всѣми остальными вещами, къ которымъ въ это время не чувствуетъ склонности, и такимъ образомъ показаться празднымъ и ко всему равнодушнымъ, когда на самомъ дѣлѣ это состояніе не что иное, какъ сосредоточеніе мысли на томъ, исполненію чего ему препятствуетъ страхъ, что вы увидите это или узнаете объ этомъ. Чтобы не имѣть никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, надо наблюденіе производить въ то время, когда вы не около него, и его не сдерживаетъ подозрѣніе, что кто-нибудь подсматриваетъ за нимъ. Въ эти часы полной свободы пусть кто-нибудь, на кого вы можете положиться, замѣчаетъ, какъ онъ проводитъ время: тратитъ-ли онъ его въ лѣнивомъ бездѣйствіи, когда, безъ всякаго посторонняго принужденія, предоставленъ своей собственной склонности. Такимъ образомъ, по способу употре-

бленія имъ своихъ свободныхъ часовъ, вы можете легко различить, что заставляетъ его лѣнтяйничать въ учебное время—безпечное ли равнодушіе характера, или отвращеніе къ книгамъ.

Если какой-нибудь недостатокъ въ его организмѣ оказалъ давленіе на его духъ, и онъ отъ природы ко всему равнодушенъ и сонливъ, то это неблагопріятное состояніе не изъ тѣхъ, съ которыми легко справиться, ибо оно, будучи вообще сопровождаемо равнодушнымъ отношеніемъ къ будущему, лишено двухъ важныхъ пружинъ дѣйствія — предусмотрительности и желанія; какъ насаждать и развивать эти послѣднія тамъ, гдѣ природа создала холодный и противоположный темпераментъ,—объ этомъ мы теперь поговоримъ. Коль скоро вы убѣдились, что дѣло обстоитъ такимъ образомъ, вамъ должно тщательно изслѣдовать, нѣтъ ли чего-нибудь, доставляющаго ему удовольствіе; узнайте, что ему наиболѣе нравится, и если откроете въ его душѣ какія-нибудь особенныя влеченія, развивайте ихъ, какъ только можете, и пользуйтесь ими для того, чтобы заставить его работать и возбуждать его энергію. Если онъ любитъ похвалу, или игрушки, или красивое платье и т. п., или, съ другой стороны, боится боли, стыда или вашей немилости и т. п., то давайте ему пользоваться всѣмъ, что ему больше всего пріятно, за исключеніемъ лѣности (ибо она никогда не будетъ побуждать его къ работѣ), чтобы вызвать въ немъ живость и дѣлать его подвижнымъ и энергичнымъ. Ибо при такомъ безучастномъ ко всему темпераментѣ, вамъ нечего бояться (какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ) чрезмѣрности желаній вслѣдствіе поощренія ихъ. Именно это вамъ нужно, и это, слѣдовательно, должны вы стараться развивать и усиливать, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ желанія, не можетъ быть и дѣятельности. Если не окажется у васъ достаточно вліянія на него, чтобы этимъ путемъ возбуждать въ немъ энергію и дѣятельность, то надо занимать его какою-нибудь постоянной тѣлесной работой, благодаря которой онъ пріобрѣлъ бы привычку дѣлать что-нибудь. Крѣпко привязать его къ какому-нибудь занятію было бы лучшимъ средствомъ пріучить его къ упражненію и изощренію своего ума Но такъ какъ этого рода усиліе—невидимое, и никто не можетъ сказать, празденъ ли онъ въ этомъ отношеніи, или нѣтъ, то вамъ необходимо найти для него работы тѣлесныя, которыми онъ долженъ

быть занятъ постоянно; и если въ нихъ есть нѣчто отчасти трудное и вызывающее стыдъ, то это не худо въ томъ отношеніи, что онѣ тѣмъ скорѣе могутъ надоѣсть ему и возбудить въ немъ желаніе возвратиться къ своимъ книгамъ. Но когда вы замѣняете его книги какою-нибудь другою работой, то непремѣнно давайте ему такую, которая должна быть исполнена въ такой срокъ, чтобы ему при этомъ не представлялось никакой возможности оставаться празднымъ; только послѣ того, какъ вы этимъ путемъ заставили его быть внимательнымъ и прилежнымъ за книгой, можете, когда онъ окончилъ урокъ въ назначенное время, давать ему въ видѣ награды нѣкоторое отдохновеніе отъ другихъ его работъ, и эти послѣднія можете сократить по мѣрѣ того, какъ будете находить его болѣе и болѣе стойкимъ въ своемъ прилежаніи, а наконецъ, и совсѣмъ освободить отъ нихъ, когда его лѣнтяйничанье за книгой уничтожено.

О принужденіи.

Разнообразіе и свобода суть то, въ чемъ дѣти находятъ наслажденіе, и чѣмъ для нихъ скрашиваются ихъ игры, и поэтому за книги или за что-нибудь другое, чему мы хотѣли-бы ихъ выучить, нельзя сажать ихъ, какъ за работу. Эти правила склонны забывать родители, воспитатели и учителя, и ихъ нетерпѣніе видѣть дѣтей занятыми тѣмъ, что подобаетъ имъ дѣлать, мѣшаетъ этимъ руководителямъ склонять дѣтей къ этимъ работамъ посредствомъ прикрытія настоящей цѣли; но по неоднократно повторяемыхъ настояніямъ, какія дѣлаются дѣтямъ, они скоро научаются различать, что требуется отъ нихъ и что не требуется. Когда, благодаря этой ошибкѣ, книга опостылѣла ему, лѣченіе надо предпринимать съ другого конца, а такъ какъ тогда будетъ уже слишкомъ поздно пытаться обратить занятіе ею въ игру, то вы должны пойти по противоположной дорогѣ: наблюдайте, какая игра ему наиболѣе нравится; затѣмъ посадите его за нее и заставьте играть по столько-то часовъ въ день не въ видѣ наказанія за игру, но какъ бы это была работа, отъ него требуемая. Этотъ пріемъ, если я не ошибаюсь, сдѣлаетъ для него такою несносною его любимую забаву, что онъ предпочтетъ ей книгу или что-либо другое, особенно если ими онъ

освободится отъ какой-нибудь части предписанной ему работы—игры, и ему будетъ позволено употребить часть времени, назначеннаго на эту работу—игру, на занятіе книгой, или какое-нибудь иное упражненіе, могущее дѣйствительно принести ему пользу. Такую методу я, по крайней мѣрѣ, считаю болѣе благотворною, чѣмъ запрещенія (которыя обыкновенно только усиливаютъ желаніе) и всякія другія наказанія, какія могутъ быть примѣняемы для устраненія этого зла; ибо разъ что вы до избытка удовлетворили его аппетитъ (что можно безопасно дѣлать во всемъ, кромѣ ѣды и питья) и пресытили его тѣмъ, что желали бы видѣть устраненнымъ отъ него, — вами поселено въ немъ коренное отвращеніе, и вамъ нѣтъ уже надобности бояться въ такой сильной степени, что впослѣдствіи станетъ онъ желать того же самаго. Достаточно, я думаю, доказано, что дѣти вообще ненавидятъ оставаться праздными. Поэтому должно заботиться только объ одномъ—чтобы ихъ дѣятельная натура была постоянно занята чѣмъ-нибудь для нихъ полезнымъ; и если вы хотите достигнуть этого, то должны обращать все, что желали бы видѣть исполненнымъ ими, въ отдохновеніе для нихъ, а не работу. Способъ дѣлать это такъ, чтобы они не замѣчали, что вы прикладываете сюда свою руку, предлагается мною слѣдующій: поселять въ нихъ отвращеніе къ тому, чего они, по вашему, не должны дѣлать, заставляя ихъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, заниматься этими вещами до тѣхъ поръ, пока они не пресытятся ими. Напримѣръ: если вашъ сынъ играетъ слишкомъ усердно въ кубарь и мячъ, заставляйте его посвящать этимъ играмъ столько-то часовъ ежедневно, и вы увидите, что онѣ скоро опротивятъ ему, и онъ пожелаетъ освободиться отъ нихъ. Обративъ такимъ образомъ неодобряемыя вами развлеченія въ работу для него, вы доведете его до того, что онъ станетъ самъ съ наслажденіемъ обращаться къ тѣмъ вещамъ, занимать его которыми было бы для васъ желательно, особенно если предлагать ихъ, какъ вознагражденіе за то, что онъ исполнилъ свой урокъ въ заданной ему игрѣ. Ибо, если вы прикажете ему каждый день гнать кнутикомъ кубарь до тѣхъ поръ, пока онъ порядочно не устанетъ отъ этой работы, то неужели вы не увѣрены, что онъ послѣ того не устремится ревностно на свои книги и не станетъ просить ихъ у васъ, если вы обѣщаете ему

ихъ, какъ награду за то, что онъ усердно погонялъ свой кубарь все время, для того назначенное? Между тѣми вещами, которыми занимаются дѣти, когда онѣ подходятъ къ сему возрасту, они дѣлаютъ мало различія—имъ лишь-бы что-нибудь дѣлать; предпочтеніе, оказываемое ими одной вещи сравнительно съ другою, заимствуется ими у другихъ, и такимъ образомъ то, что окружающіе ихъ обращаютъ для нихъ въ награду, они на самомъ дѣлѣ признаютъ таковою. При такомъ условіи отъ выбора гувернера зависитъ, послужитъ ли для нихъ прыганье на одной ногѣ наградою за танцы, или танцы—за прыганье на одной ногѣ; будетъ ли для нихъ желательнѣе и пріятнѣе игра въ мячъ, чѣмъ чтеніе, жмурки, чѣмъ изученіе глобусовъ; все, чего они желаютъ—быть занятыми, и занятыми, какъ имъ кажется, вещами по ихъ собственному выбору и получаемыми ими, какъ знакъ расположенія, отъ своихъ родителей или другихъ лицъ, уважаемыхъ ими и которыхъ благосклонность для нихъ пріятна. Группа дѣтей, поведенныхъ такимъ образомъ и не видящая предъ собою дурныхъ примѣровъ со стороны другихъ, будетъ, я думаю, вся безъ исключенія учиться читать, писать и всему остальному, чего отъ нихъ требуютъ, такъ же серьезно и охотно, какъ другіе занимаются своими обыкновенными играми, и когда сдѣлано такое начало со старшимъ, и этотъ пріемъ вошелъ въ употребленіе въ домъ, тогда препятствовать имъ учиться одному чему-нибудь такъ же невозможно, какъ обыкновенно бываетъ невозможно воздержать ихъ отъ другого.

Объ игрушкахъ.

Игрушки, по моему мнѣнію, давать дѣтямъ слѣдуетъ, и онѣ должны быть разныхъ родовъ, но всегда на сохраненіи у воспитателей или другихъ лицъ, такъ чтобы ребенокъ не имѣлъ въ рукахъ за одинъ разъ больше одной игрушки и не могъ получить другую прежде, чѣмъ возвратилъ бы первую. Этимъ онъ научается стараться не портить или не терять принадлежащихъ ему вещей, между тѣмъ какъ изобиліе и разнообразіе того, что составляетъ ихъ собственность, дѣлаетъ ихъ избалованными и безпечными и съ первыхъ годовъ уже пріучаетъ быть мотами и расточителями. Это, соглашаюсь, пустяки, вещи такого свой-

ства, что могутъ казаться не стоющими вниманія и заботливости воспитателя, но ничто, могущее формировать душу дѣтей, не должно быть упускаемо изъ виду и пренебрегаемо, и все, порождающее въ дѣтяхъ извѣстныя склонности и устанавливающее въ нихъ привычки, заслуживаетъ тщательнаго ухода со стороны гувернеровъ и не лишено значенія по своимъ послѣдствіямъ.

Есть еще одинъ пунктъ въ вопросѣ о дѣтскихъ игрушкахъ, о которомъ стоитъ заботиться родителямъ. Хотя признано, что онѣ должны быть разнаго рода, но ихъ совсѣмъ не слѣдуетъ *покупать* для дѣтей. Соблюденіемъ этого правила будетъ устраняться большое разнообразіе, которымъ дѣти часто надѣлены до излишества, что служитъ только къ тому, чтобы пріучать душу къ погонѣ за перемѣною и избыткомъ, къ постоянному тревожному состоянію, къ желанію имѣть все больше, не зная, что именно, и къ неудовлетворенности ничѣмъ, что имѣешь. Любезность, оказываемая людямъ высшаго общества поднесеніемъ подарковъ ихъ дѣтямъ, причиняетъ большой вредъ малолѣткамъ. Это научаетъ ихъ гордости, тщеславію и алчности почти прежде, чѣмъ они начинаютъ говорить, и я зналъ одного ребенка, до такой степени занятого количествомъ и разнообразіемъ своихъ игрушекъ, что онъ каждый день утомлялъ свою няню пересматриваніемъ ихъ, и такъ пріученнаго къ изобилію, что сколько бы онъ ни имѣлъ, все казалось ему недостаточно, и онъ то и дѣло спрашивалъ: „А еще что? А еще что? Какую новую вещь дадутъ мнѣ?“ Хорошее вступленіе къ умѣреннымъ желаніямъ и прекрасное средство сдѣлать человѣка довольнымъ, счастливымъ!

Откуда же брать имъ игрушки, которыя вы дозволяете имъ имѣть, когда, по вашему мнѣнію, нельзя покупать ни одной? На это отвѣчу: пусть они сами дѣлаютъ себѣ игрушки, или по крайней мѣрѣ стараются дѣлать и задаютъ себѣ эту работу; до тѣхъ поръ пусть у нихъ совсѣмъ не будетъ этихъ вещей, да до тѣхъ поръ они и не будутъ имѣть надобности ни въ какихъ искусно выдѣланныхъ игрушкахъ. Гладкій камушекъ, кусокъ бумаги, связка материнскихъ ключей, всякая другая вещь, которою они не могутъ поранить себя, забавляетъ маленькихъ дѣтей точно такъ же, какъ эти болѣе дорогія и интересныя штучки въ лавкахъ, обыкновенно въ одно мгновеніе испорчиваемыя и изламываемыя. Дѣтей никогда не печалитъ и не при-

водитъ въ дурное настроеніе отсутствіе подобнаго рода игрушекъ, если только къ этимъ послѣднимъ не пріучаютъ ихъ; когда они малы, для нихъ пригодно все, что попадаетъ въ руки, а сдѣлавшись старше, они будутъ сами изготовлять себѣ игрушки, если расточительное безуміе другихъ не станетъ снабжать ихъ этими вещами. Когда ребенокъ садится за работу надъ какимъ-нибудь своимъ изобрѣтеніемъ, надо учить его и помогать ему, но не давайте ему ничего, когда онъ остается празднымъ и ожидаетъ, что получитъ вещи изъ чужихъ рукъ, не заставляя работать свои собственныя. А если вы поможете ему тамъ, гдѣ онъ самъ справиться не въ состояніи, то за это онъ будетъ вамъ признательнѣе, чѣмъ за всякія дорогія бездѣлки, какія вы купили бы ему. Такія же игрушки, изготовленіе которыхъ превышаетъ искусство дѣтей, напримѣръ, кубари, волчки, мячи и т. п. вещи, употребленіе которыхъ требуетъ извѣстнаго усилія, конечно, надо доставлять имъ. Цѣлесообразно, чтобы онѣ давались дѣтямъ не ради разнообразія ихъ, но для упражненія: относительно ихъ, однако, также должна соблюдаться всевозможная простота. Когда имѣется у ребенка кубарь, пусть кнутикъ, рукоятку къ нему и ремешокъ сдѣлаетъ и приспособитъ онъ самъ. Если онъ сидитъ съ разинутымъ ртомъ, ожидая, что такія вещи попадутъ ему туда сами, то пусть такъ и останется въ ожиданіи. Это будетъ пріучать дѣтей отыскивать то, что имъ нужно, въ самихъ себѣ и въ собственныхъ своихъ усиліяхъ; чрезъ это они будутъ научаться умѣренности въ желаніяхъ, прилежанію, энергіи, размышленію, изобрѣтательности, бережливости,—качествамъ, которыя окажутся полезными для нихъ, когда они будутъ взрослыми людьми, и которыя поэтому никогда нельзя считать насажденными слишкомъ рано и вкореняемыми слишкомъ глубоко. Всѣ игры и развлеченія дѣтей должно направлять къ хорошимъ, полезнымъ привычкамъ,—иначе ими будутъ порождаемы привычки дурныя. Что бы ни дѣлали дѣти, все оставляетъ въ ихъ нѣжномъ возрастѣ какое-нибудь впечатлѣніе, и отсюда они получаютъ влеченіе къ хорошему или дурному; поэтому все, что имѣетъ такое вліяніе, не должно быть оставляемо въ пренебреженіи.

О лжи дѣтей.

Ложь служитъ такимъ всегда готовымъ и дешевымъ покровомъ для всякаго дурнаго дѣла и такъ распространена между всякаго рода людьми, что отъ глазъ ребенка рѣдко можетъ ускользнуть употребленіе, которое дѣлаютъ изъ нея при всякомъ случаѣ, и потому безъ большой заботливости трудно охранить его отъ пріобрѣтенія этого порока. Но она такое пагубное свойство и мать столькихъ другихъ пагубныхъ, отъ нея рождающихся и находящихся подъ ея покровомъ, что въ ребенкѣ должно поселять величайшее, какое только можно представить, отвращеніе къ ней. Постоянно (каждый разъ, какъ о томъ заходитъ рѣчь) надо говорить при немъ о ней съ сильнѣйшимъ негодованіемъ, какъ о свойствѣ, до такой степени несовмѣстимымъ съ именемъ и достоинствомъ джентльмена, что ни одинъ человѣкъ, пользующійся какою-нибудь доброй славой, не можетъ вынести обвиненія во лжи, ибо она признакъ величайшей гнусности, низводящей человѣка на самую послѣднюю ступень постыдной низости и ставящей его на одну доску съ презрѣннѣйшею частью человѣчества, и не должна быть терпима ни въ комъ, желающемъ имѣть общеніе съ порядочными людьми или пользоваться уваженіемъ и доброю славою въ свѣтѣ. Въ первый разъ, какъ ребенокъ будетъ уличенъ во лжи, надо скорѣй выразить ему удивленіе по поводу присутствія въ немъ такой чудовищной вещи, чѣмъ наказать, какъ за обыкновенный проступокъ. Если это не воздержитъ его отъ повторенія, то въ слѣдующій разъ должно подвергнуть его строгому выговору и большой немилости со стороны отца и матери и всѣхъ тѣхъ изъ окружающихъ его лицъ, которыя знали объ этомъ. А если этимъ путемъ исправленіе не достигнуто, прибѣгните къ сѣченью, ибо послѣ того, какъ были сдѣланы ему вышеупомянутыя предостереженія, на предумышленную ложь должно всегда смотрѣть, какъ на упрямство, и никогда не позволять ей оставаться безнаказанною.

Дѣти, изъ страха, что ихъ проступки будутъ усмотрѣны во всей своей наготѣ, склонны, подобно всѣмъ остальнымъ сынамъ Адама, оправдываться. Это недостатокъ, обыкновенно граничащій съ неправдой и приводящій къ ней, и ему нельзя оказывать въ

дѣтяхъ послабленіе; однако-же его слѣдуетъ исправлять скорѣе пристыживаніемъ, чѣмъ грубою силой. Поэтому, когда при обращенномъ къ ребенку вопросѣ первый отвѣтъ его будетъ оправданіе, то спокойно посовѣтуйте ему сказать правду, и если затѣмъ онъ упорно продолжаетъ закрывать ее ложью, накажите его; но если онъ прямо сознается въ своей винѣ, вы должны похвалить его за искренность и простить, какой бы проступокъ ни былъ совершенъ имъ; притомъ простить такъ. чтобы никогда уже больше не упрекать его въ этомъ, даже не упоминать о немъ. Ибо, если вы желаете, чтобъ онъ любилъ искренность, и чтобъ она чрезъ постоянную практику вошла у него въ привычку, то вамъ надо заботиться, чтобъ изъ-за нея онъ никогда не испытывалъ ни малѣйшей непріятности; напротивъ того, его собственное сознаніе должно имѣть послѣдствіемъ полную безнаказанность и, кромѣ того, быть поощряемо нѣкоторыми знаками одобренія. Если его оправданіе иногда таково, что вы не можете доказать заключающейся въ немъ лжи, дайте ему сойти за правдивое и отнюдь не выказывайте какого-нибудь сомнѣнія въ этомъ. Пусть онъ поддерживаетъ свою репутацію въ вашихъ глазахъ какъ только можно высоко; ибо разъ онъ увидитъ, что потерялъ ее, вы утратили важное и лучшее ваше орудіе вліянія на него. Поэтому не допускайте въ немъ мысли, что вы смотрите на него, какъ на лжеца, до тѣхъ поръ, пока можете избѣгать этого безъ укрѣпленія его этомъ порокѣ. Такимъ образомъ можно смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя легкія нарушенія правды. Но если онъ однажды былъ уже наказанъ за ложь, то послѣ того отнюдь не прощайте ему, когда бы она ни обнаруживалась, и каждый разъ обращайте его вниманіе на то, что онъ провинился въ ней,—ибо, такъ какъ это порокъ, который уже былъ запрещенъ ему, и котораго онъ, при отсутствіи злого умысла, можетъ избѣгать, то повтореніе его есть полная испорченность и должна нести наказаніе, подобающее этому дурному свойству.

Свѣтскія искусства. Танцы.

Кромѣ того, что дается ученіемъ и книгами, существуютъ необходимыя для джентльмена свѣтскія искусства, которыя пріоб-

рѣтаются упражненіемъ и для которыхъ надо удѣлять время и имѣть учителей. Такъ какъ танцы сообщаютъ дѣтямъ граціозныя движенія на всю жизнь и, главнымъ образомъ, мужественную манеру и приличную увѣренность въ себѣ, то, по моему мнѣнію, учить имъ никогда не можетъ быть слишкомъ рано, послѣ того, какъ дѣти достаточно выросли и укрѣпились, чтобы быть способными къ этому занятію. Но надо непремѣнно имѣть хорошаго учителя, знающаго и умѣющаго преподавать, что граціозно прилично и придаетъ свободу и нравственность всѣмъ движеніямъ тѣла. Необучающій этому хуже необучающаго ничему, ибо естественная неуклюжесть гораздо лучше обезьяньихъ, аффектированныхъ позъ; и я нахожу, что снимать шляпу и кланяться, какъ честный деревенскій джентльменъ, гораздо умѣстнѣе, чѣмъ дѣлать это на манеръ дурного танцмейстера. Ибо, что касается подпрыгиваній и разныхъ танцовальныхъ фигуръ, то я придаю имъ значеніе единственно настолько, насколько они содѣйствуютъ вполнѣ граціозной манерѣ держать себя.

Музыка.

Музыку находятъ имѣющею нѣкоторое родство съ танцами, и хорошая игра на нѣкоторыхъ инструментахъ многими цѣнится очень высоко. Но на нее молодой человѣкъ тратитъ столько времени, чтобы достигнуть только умѣреннаго искусства, и изъ за нея часто попадаетъ въ такое странное общество, что многіе признаютъ за лучшее обходиться безъ этого занятія; и среди людей способныхъ и дѣловыхъ мнѣ такъ рѣдко приходилось слышать, чтобы кто-нибудь хвалилъ и уважалъ человѣка за его выдающіяся музыкальныя способности, что изъ всѣхъ тѣхъ упражненій, которыя когда-либо входили въ списокъ свѣтскихъ искусствъ, музыкѣ я бы отвелъ послѣднее мѣсто. Нашей короткой жизни не хватаетъ на достиженіе всего; точно также нашъ умъ не можетъ быть безпрерывно занятъ чѣмъ-нибудь такимъ, чему надо выучиться.

Верховая ѣзда. Фехтованіе.

Фехтованіе и верховая ѣзда на манежныхъ лошадяхъ считаются такими необходимыми принадлежностями воспитанія, что

мнѣ поставили бы въ большую вину, если бы я оставилъ ихъ безъ разсмотрѣнія. Второе изъ этихъ искусствъ, которому можно выучиться только въ большихъ городахъ, есть одно изъ лучшихъ упражненій для здоровья, какое только можно добывать себѣ въ этихъ мѣстахъ комфорта и роскоши, и въ этомъ отношеніи представляетъ собою подобающее занятіе для молодого джентльмена вовремя пребыванія его тамъ. А въ томъ отношеніи, что оно содѣйствуетъ тому, чтобы сообщать человѣку твердую и красивую посадку на лошади и дѣлать его способнымъ заставлять ее быстро останавливаться и быстро поворачиваться, и при этомъ самому твердо держаться въ сѣдлѣ—въ немъ есть для джентльмена польза и въ мирное, и въ военное время. Но въ такой ли степени оно важно, чтобы обращать его въ серьезное дѣло, и заслуживаетъ ли, чтобъ на него употребляли больше времени, чѣмъ слѣдовало бы, только въ видахъ здоровья молодого человѣка, тратить въ надлежащіе промежутки на какое-нибудь сильное упражненіе,—это я предоставляю благоразумію родителей и наставниковъ, которымъ во всѣхъ частяхъ воспитанія должно помнить, что наибольшее количество времени и прилежанія слѣдуетъ употреблять на вещи, которымъ предстоитъ имѣть наибольшую важность и быть въ самомъ частомъ употребленіи въ той житейской карьерѣ, для которой предназначается молодой человѣкъ.

Что касается фехтованія, я нахожу его хорошимъ упражненіемъ для здоровья, но опаснымъ для жизни, ибо увѣренность въ своемъ искусствѣ можетъ поощрять къ ссорамъ тѣхъ, которые думаютъ, что выучились хорошо владѣть своими шпагами. Эта мысль часто дѣлаетъ ихъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, щекотливыми въ вопросахъ чести по самому незначительному поводу, или совсѣмъ безъ него.

О путешествіи.

Послѣднюю часть воспитанія составляетъ обыкновенно путешествіе, которое считается окончаніемъ работы и тѣмъ, что довершаетъ формированіе джентльмена. Сознаюсь, что путешествіе въ чужія страны представляетъ большія выгоды, но время, обыкновенно избираемое для посылки молодыхъ людей за границу, есть, я думаю, именно то время, которое дѣлаетъ ихъ

наименѣе способными пожинать эти полезные плоды. Ожидаемыя отъ путешествія выгоды, главнымъ образомъ, сводятся къ слѣдующимъ двумъ: во первыхъ, изученію языковъ, во вторыхъ, усиленію благоразумія и опытности, благодаря наблюденіямъ надъ людьми и общенію съ лицами, по характеру, привычкамъ и образу жизни непохожими другъ на друга и особенно на жителей того прихода, къ которому принадлежитъ путешественникъ, и его сосѣдей. Но отъ шестнадцати лѣтъ до двадцати одного года—обыкновенная пора путешествій—люди, за все время своей жизни, наименѣе пригодны къ извлеченію пользы изъ всего этого. Первыми годами для усвоенія иностранныхъ нарѣчій и пріученія языка къ ихъ правильнымъ звукамъ должны быть, по моему, годы отъ семи до четырнадцати или шестнадцати, да и тутъ для дѣтей полезенъ и необходимъ наставникъ, который, вмѣстѣ съ этими языками, можетъ учить ихъ и другимъ вещамъ. Но отсылать ихъ на далекое разстояніе отъ надзора родителей, отдавая въ руки гувернера въ то время, когда они считаютъ уже себя слишкомъ взрослыми, чтобы ими управляли другіе, а между тѣмъ не имѣютъ достаточно благоразумія и опытности, чтобы самимъ управлять собою,—не значитъ ли это подвергать ихъ всѣмъ величайшимъ опасностямъ всей ихъ жизни въ ту пору, когда они наименѣе ограждены и защищены отъ нихъ? Пока это кипучее и бурное время жизни наступитъ, можно надѣяться, что воспитатель уже пріобрѣлъ себѣ нѣкоторый авторитетъ надъ ними: ни свойственное этому возрасту упорство, ни ослушанія или примѣры другихъ не могутъ изъять юношу до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ отъ надзора его гувернера. Но когда затѣмъ онъ начинаетъ водить компанію со взрослыми и считаетъ себя таковымъ; когда онъ уже находитъ удовольствіе и славу въ людскихъ порокахъ и считаетъ для себя стыдомъ оставаться долѣе подъ контролемъ и руководствомъ другого,—чего можно надѣяться даже отъ самого заботливаго и благоразумнаго воспитателя, если онъ не имѣетъ власти принудить, а его питомецъ не чувствуетъ никакой склонности подчиниться его убѣжденію, и напротивъ того, своею горячею кровью и господствующими въ обществѣ нравами побуждается къ тому, чтобы скорѣе поддаваться искушеніямъ со стороны своихъ товарищей, такихъ же *благоразумныхъ*, какъ онъ самъ, чѣмъ слушать увѣщанія своего

воспитателя, на котораго онъ смотритъ теперь, какъ на врага своей свободы? И въ какую же пору жизни человѣкъ способенъ такъ сильно сбиваться съ дороги, какъ не въ ту, когда онъ въ одно и то же время и не воспитанъ и лишенъ надзора? Это та пора во всей его жизни, которая наиболѣе требуетъ глазъ и власти его родителей и друзей. Гибкость первыхъ лѣтъ человѣка, еще недостаточно выросшаго, чтобъ быть непоколебимо упрямымъ, облегчаетъ управленіе имъ и больше гарантируетъ безопасность; а въ годы послѣдующіе разумъ и предусмотрительность начинаютъ по немногу вступать въ свои права и напоминать человѣку о его благосостояніи и усовершенствованіи. Поэтому самымъ подобающимъ временемъ для отправленія молодого человѣка за границу я считаю или то, когда онъ моложе, подъ надзоромъ воспитателя, способнаго быть наиболѣе для него полезнымъ, или когда онъ уже нѣсколько старше, безъ гувернера, въ ту, стало быть, пору, когда онъ уже достаточно взрослый для того, чтобы самому управлять собой и наблюдать то, что находитъ онъ въ другихъ странахъ достойнымъ своего вниманія и что можетъ быть ему полезно по его возвращеніи домой, и когда также, будучи уже вполнѣ знакомъ съ законами и обычаями, природными и нравственными преимуществами и недостатками своего собственнаго государства, онъ имѣетъ чѣмъ обмѣняться съ заграничными жителями, изъ общенія съ которыми онъ надѣялся извлечь для себя нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО.

(1712-1778).

Ж. Ж. Руссо.

Врядъ ли можно найти среди философовъ, педагоговъ и вообще мыслителей XVIII вѣка личность, которая пользовалась бы такимъ громаднымъ вліяніемъ на современное общество, вызывала бы своими сочиненіями не только всеобщее вниманіе, но даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общественныя волненія,—какъ французскій знаменитый философъ Жанъ-Жакъ Руссо. Это объясняется многими причинами. Во-первыхъ, большую роль играла личность и темпераментъ самого Руссо: это былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый, чтобы не сказать геніальный; пылкій, увлекающійся и краснорѣчивый, съ большими и разносторонними, хотя несистематическими познаніями; искренность и глубина чувства не оставляли его никогда. Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на то, въ какую эпоху онъ жилъ и дѣйствовалъ. Съ одной стороны, именно въ это время проникшій во Францію *реализмъ*, здравыхъ представителей котораго мы видѣли въ Бэконѣ и Локкѣ, вырождается въ гораздо болѣе грубый и крайній *матеріализмъ*, совершенно отвергавшій область *духа* и душевныхъ стремленій. Руссо идетъ ему навстрѣчу, какъ сильный и смѣлый противникъ: горячей, пламенной рѣчью онъ напоминаетъ обществу о томъ, что оно забыло о жизни *сердца и чувства*, придавая слишкомъ большое значеніе развитію *ума*, естественнымъ слѣдствіемъ чего явился крайній *скептицизмъ*,—т. е. полное отрицаніе необходимости *вѣры*, разсматриваніе всего сущаго исключительно черезъ призму нашего, отнюдь не непогрѣшимаго разума.

Съ другой стороны, эти годы, предшествовавшіе тому страшному перевороту, который зовется Французской Революціей, были временемъ непрестанной подготовки непрекращавшагося броженія идей, — временемъ постоянныхъ „перестановокъ“ въ мысляхъ и взглядахъ общества. И рѣдко когда

ства, что могутъ казаться не стоющими вниманія и заботливости воспитателя, но ничто, могущее формировать душу дѣтей, не должно быть упускаемо изъ виду и пренебрегаемо, и все, порождающее въ дѣтяхъ извѣстныя склонности и устанавливающее въ нихъ привычки, заслуживаетъ тщательнаго ухода со стороны гувернеровъ и не лишено значенія по своимъ послѣдствіямъ.

Есть еще одинъ пунктъ въ вопросѣ о дѣтскихъ игрушкахъ, о которомъ стоитъ заботиться родителямъ. Хотя признано, что онѣ должны быть разнаго рода, но ихъ совсѣмъ не слѣдуетъ *покупать* для дѣтей. Соблюденіемъ этого правила будетъ устраняться большое разнообразіе, которымъ дѣти часто надѣлены до излишества, что служитъ только къ тому, чтобы пріучать душу къ погонѣ за перемѣною и избыткомъ, къ постоянному тревожному состоянію, къ желанію имѣть все больше, не зная, что именно, и къ неудовлетворенности ничѣмъ, что имѣешь. Любезность, оказываемая людямъ высшаго общества поднесеніемъ подарковъ ихъ дѣтямъ, причиняетъ большой вредъ малолѣткамъ. Это научаетъ ихъ гордости, тщеславію и алчности почти прежде, чѣмъ они начинаютъ говорить, и я зналъ одного ребенка, до такой степени занятого количествомъ и разнообразіемъ своихъ игрушекъ, что онъ каждый день утомлялъ свою няню пересматриваніемъ ихъ, и такъ пріученнаго къ изобилію, что сколько бы онъ ни имѣлъ, все казалось ему недостаточно, и онъ то и дѣло спрашивалъ: „А еще что? А еще что? Какую новую вещь дадутъ мнѣ?“ Хорошее вступленіе къ умѣреннымъ желаніямъ и прекрасное средство сдѣлать человѣка довольнымъ, счастливымъ!

Откуда же брать имъ игрушки, которыя вы дозволяете имъ имѣть, когда, по вашему мнѣнію, нельзя покупать ни одной? На это отвѣчу: пусть они сами дѣлаютъ себѣ игрушки, или по крайней мѣрѣ стараются дѣлать и задаютъ себѣ эту работу; до тѣхъ поръ пусть у нихъ совсѣмъ не будетъ этихъ вещей, да до тѣхъ поръ они и не будутъ имѣть надобности ни въ какихъ искусно выдѣланныхъ игрушкахъ. Гладкій камушекъ, кусокъ бумаги, связка материнскихъ ключей, всякая другая вещь, которою они не могутъ поранить себя, забавляетъ маленькихъ дѣтей точно такъ же, какъ эти болѣе дорогія и интересныя штучки въ лавкахъ, обыкновенно въ одно мгновеніе испорчиваемыя и изламываемыя. Дѣтей никогда не печалитъ и не при-

водитъ въ дурное настроеніе отсутствіе подобнаго рода игрушекъ, если только къ этимъ послѣднимъ не пріучаютъ ихъ; когда они малы, для нихъ пригодно все, что попадаетъ въ руки, а сдѣлавшись старше, они будутъ сами изготовлять себѣ игрушки, если расточительное безуміе другихъ не станетъ снабжать ихъ этими вещами. Когда ребенокъ садится за работу надъ какимъ-нибудь своимъ изобрѣтеніемъ, надо учить его и помогать ему, но не давайте ему ничего, когда онъ остается празднымъ и ожидаетъ, что получитъ вещи изъ чужихъ рукъ, не заставляя работать свои собственныя. А если вы поможете ему тамъ, гдѣ онъ самъ справиться не въ состояніи, то за это онъ будетъ вамъ признательнѣе, чѣмъ за всякія дорогія бездѣлки, какія вы купили бы ему. Такія же игрушки, изготовленіе которыхъ превышаетъ искусство дѣтей, напримѣръ, кубари, волчки, мячи и т. п. вещи, употребленіе которыхъ требуетъ извѣстнаго усилія, конечно, надо доставлять имъ. Цѣлесообразно, чтобы онѣ давались дѣтямъ не ради разнообразія ихъ, но для упражненія: относительно ихъ, однако, также должна соблюдаться всевозможная простота. Когда имѣется у ребенка кубарь, пусть кнутикъ, рукоятку къ нему и ремешокъ сдѣлаетъ и приспособитъ онъ самъ. Если онъ сидитъ съ разинутымъ ртомъ, ожидая, что такія вещи попадутъ ему туда сами, то пусть такъ и останется въ ожиданіи. Это будетъ пріучать дѣтей отыскивать то, что имъ нужно, въ самихъ себѣ и въ собственныхъ своихъ усиліяхъ; чрезъ это они будутъ научаться умѣренности въ желаніяхъ, прилежанію, энергіи, размышленію, изобрѣтательности, бережливости,—качествамъ, которыя окажутся полезными для нихъ, когда они будутъ взрослыми людьми, и которыя поэтому никогда нельзя считать насажденными слишкомъ рано и вкореняемыми слишкомъ глубоко. Всѣ игры и развлеченія дѣтей должно направлять къ хорошимъ, полезнымъ привычкамъ,—иначе ими будутъ порождаемы привычки дурныя. Что бы ни дѣлали дѣти, все оставляетъ въ ихъ нѣжномъ возрастѣ какое-нибудь впечатлѣніе, и отсюда они получаютъ влеченіе къ хорошему или дурному; поэтому все, что имѣетъ такое вліяніе, не должно быть оставляемо въ пренебреженіи.

О лжи дѣтей.

Ложь служитъ такимъ всегда готовымъ и дешевымъ покровомъ для всякаго дурнаго дѣла и такъ распространена между всякаго рода людьми, что отъ глазъ ребенка рѣдко можетъ ускользнуть употребленіе, которое дѣлаютъ изъ нея при всякомъ случаѣ, и потому безъ большой заботливости трудно охранить его отъ пріобрѣтенія этого порока. Но она такое пагубное свойство и мать столькихъ другихъ пагубныхъ, отъ нея рождающихся и находящихся подъ ея покровомъ, что въ ребенкѣ должно поселять величайшее, какое только можно представить, отвращеніе къ ней. Постоянно (каждый разъ, какъ о томъ заходитъ рѣчь) надо говорить при немъ о ней съ сильнѣйшимъ негодованіемъ, какъ о свойствѣ, до такой степени несовмѣстимымъ съ именемъ и достоинствомъ джентльмена, что ни одинъ человѣкъ, пользующійся какою-нибудь доброй славой, не можетъ вынести обвиненія во лжи, ибо она признакъ величайшей гнусности, низводящей человѣка на самую послѣднюю ступень постыдной низости и ставящей его на одну доску съ презрѣннѣйшею частью человѣчества, и не должна быть терпима ни въ комъ, желающемъ имѣть общеніе съ порядочными людьми или пользоваться уваженіемъ и доброю славою въ свѣтѣ. Въ первый разъ, какъ ребенокъ будетъ уличенъ во лжи, надо скорѣй выразить ему удивленіе по поводу присутствія въ немъ такой чудовищной вещи, чѣмъ наказать, какъ за обыкновенный проступокъ. Если это не воздержитъ его отъ повторенія, то въ слѣдующій разъ должно подвергнуть его строгому выговору и большой немилости со стороны отца и матери и всѣхъ тѣхъ изъ окружающихъ его лицъ, которыя знали объ этомъ. А если этимъ путемъ исправленіе не достигнуто, прибѣгните къ сѣченью, ибо послѣ того, какъ были сдѣланы ему вышеупомянутыя предостереженія, на предумышленную ложь должно всегда смотрѣть, какъ на упрямство, и никогда не позволять ей оставаться безнаказанною.

Дѣти, изъ страха, что ихъ проступки будутъ усмотрѣны во всей своей наготѣ, склонны, подобно всѣмъ остальнымъ сынамъ Адама, оправдываться. Это недостатокъ, обыкновенно граничащій съ неправдой и приводящій къ ней, и ему нельзя оказывать въ

дѣтяхъ послабленіе; однако-же его слѣдуетъ исправлять скорѣе пристыживаніемъ, чѣмъ грубою силой. Поэтому, когда при обращенномъ къ ребенку вопросѣ первый отвѣтъ его будетъ оправданіе, то спокойно посовѣтуйте ему сказать правду, и если затѣмъ онъ упорно продолжаетъ закрывать ее ложью, накажите его; но если онъ прямо сознается въ своей винѣ, вы должны похвалить его за искренность и простить, какой бы проступокъ ни былъ совершенъ имъ; притомъ простить такъ, чтобы никогда уже больше не упрекать его въ этомъ, даже не упоминать о немъ. Ибо, если вы желаете, чтобъ онъ любилъ искренность, и чтобъ она чрезъ постоянную практику вошла у него въ привычку, то вамъ надо заботиться, чтобъ изъ-за нея онъ никогда не испытывалъ ни малѣйшей непріятности; напротивъ того, его собственное сознаніе должно имѣть послѣдствіемъ полную безнаказанность и, кромѣ того, быть поощряемо нѣкоторыми знаками одобренія. Если его оправданіе иногда таково, что вы не можете доказать заключающейся въ немъ лжи, дайте ему сойти за правдивое и отнюдь не выказывайте какого-нибудь сомнѣнія въ этомъ. Пусть онъ поддерживаетъ свою репутацію въ вашихъ глазахъ какъ только можно высоко; ибо разъ онъ увидитъ, что потерялъ ее, вы утратили важное и лучшее ваше орудіе вліянія на него. Поэтому не допускайте въ немъ мысли, что вы смотрите на него, какъ на лжеца, до тѣхъ поръ, пока можете избѣгать этого безъ укрѣпленія его этомъ порокѣ. Такимъ образомъ можно смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя легкія нарушенія правды. Но если онъ однажды былъ уже наказанъ за ложь, то послѣ того отнюдь не прощайте ему, когда бы она ни обнаруживалась, и каждый разъ обращайте его вниманіе на то, что онъ провинился въ ней,—ибо, такъ какъ это порокъ, который уже былъ запрещенъ ему, и котораго онъ, при отсутствіи злого умысла, можетъ избѣгать, то повтореніе его есть полная испорченность и должна нести наказаніе, подобающее этому дурному свойству.

Свѣтскія искусства. Танцы.

Кромѣ того, что дается ученіемъ и книгами, существуютъ необходимыя для джентльмена свѣтскія искусства, которыя пріоб-

„Все прекрасно, выходя изъ рукъ Создателя міра; все выраждается въ рукахъ человѣка". Кормилицей и первоначальной воспитательницей должна быть *непремѣнно* сама мать, передающая затѣмъ заботы о ребенкѣ отцу, который отнюдь не долженъ „отговариваться" отъ нихъ другими занятіями, потому что воспитаніе дѣтей есть самое важное изъ всѣхъ. Но если безнравственно пренебрегать родительскими заботами и обязанностями, то, съ другой стороны, нельзя и доводить первыя до крайности, до того, чтобы дѣлать изъ ребенка идола: это порождаетъ въ немъ идею *господства* и связанныя съ нею дурныя страсти, точно такъ же, какъ тиранническое обращеніе, чрезмѣрная строгость требованій вызываютъ идею *рабства* съ ея дурными послѣдствіями. Такимъ образомъ, порочныя страсти внушаются *воспитаніемъ*, а вовсе не вложены въ ребенка отъ природы, на которую обыкновенно ихъ сваливаютъ.

Если, по необходимости, ребенку долженъ быть данъ чужой для него воспитатель, то это должно сдѣлать съ самаго дня рожденія. Между прочимъ, Руссо здѣсь расходится съ Локкомъ въ одной важной частности: Локкъ говоритъ, что отецъ не долженъ жалѣть никакихъ издержекъ на приглашеніе хорошаго воспитателя; Руссо же хотѣлось бы устранить самую мысль о денежномъ вознагражденіи: опять мы видимъ практичность перваго и полную теоретичность второго.

Мы уже сказали, что Эмиль, на которомъ Руссо даетъ намъ примѣры идеальнаго воспитанія, есть личность вполнѣ вымышленная. Это ребенокъ, къ которому съ первыхъ дней приставленъ идеальный воспитатель; родители его неизвѣстны: „все равно, существуютъ ли они или нѣтъ", говоритъ Руссо. Но, во всякомъ случаѣ, согласно основной идеѣ автора, они не надѣлили (и не могли надѣлить) своего сына никакими дурными склонностями, ни физическими, ни нравственными; кромѣ того, Эмиль вполнѣ обезпеченъ матеріально. Съ такимъ воображаемымъ существомъ, одареннымъ отъ природы лишь добрыми задатками, начинаетъ и ведетъ свое дѣло воображаемый воспитатель. Прежде всего, Эмиля не учатъ ни говорить, ни ходить: вмѣстѣ съ развитіемъ силъ ребенка, говоритъ Руссо, въ немъ является также и способность управлять ими; поэтому, помогать ребенку не зачѣмъ, пусть онъ самъ себѣ помогаетъ; мало того: можно даже

мнѣ поставили бы въ большую вину, если бы я оставилъ ихъ безъ разсмотрѣнія. Второе изъ этихъ искусствъ, которому можно выучиться только въ большихъ городахъ, есть одно изъ лучшихъ упражненій для здоровья, какое только можно добывать себѣ въ этихъ мѣстахъ комфорта и роскоши, и въ этомъ отношеніи представляетъ собою подобающее занятіе для молодого джентльмена вовремя пребыванія его тамъ. А въ томъ отношеніи, что оно содѣйствуетъ тому, чтобы сообщать человѣку твердую и красивую посадку на лошади и дѣлать его способнымъ заставлять ее быстро останавливаться и быстро поворачиваться, и при этомъ самому твердо держаться въ сѣдлѣ—въ немъ есть для джентльмена польза и въ мирное, и въ военное время. Но въ такой ли степени оно важно, чтобы обращать его въ серьезное дѣло, и заслуживаетъ ли, чтобъ на него употребляли больше времени, чѣмъ слѣдовало бы, только въ видахъ здоровья молодого человѣка, тратить въ надлежащіе промежутки на какое-нибудь сильное упражненіе,—это я предоставляю благоразумію родителей и наставниковъ, которымъ во всѣхъ частяхъ воспитанія должно помнить, что наибольшее количество времени и прилежанія слѣдуетъ употреблять на вещи, которымъ предстоитъ имѣть наибольшую важность и быть въ самомъ частомъ употребленіи въ той житейской карьерѣ, для которой предназначается молодой человѣкъ.

Что касается фехтованія, я нахожу его хорошимъ упражненіемъ для здоровья, но опаснымъ для жизни, ибо увѣренность въ своемъ искусствѣ можетъ поощрять къ ссорамъ тѣхъ, которые думаютъ, что выучились хорошо владѣть своими шпагами. Эта мысль часто дѣлаетъ ихъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, щекотливыми въ вопросахъ чести по самому незначительному поводу, или совсѣмъ безъ него.

О путешествіи.

Послѣднюю часть воспитанія составляетъ обыкновенно путешествіе, которое считается окончаніемъ работы и тѣмъ, что довершаетъ формированіе джентльмена. Сознаюсь, что путешествіе въ чужія страны представляетъ большія выгоды, но время, обыкновенно избираемое для посылки молодыхъ людей за границу, есть, я думаю, именно то время, которое дѣлаетъ ихъ

наименѣе способными пожинать эти полезные плоды. Ожидаемыя отъ путешествія выгоды, главнымъ образомъ, сводятся къ слѣдующимъ двумъ: во первыхъ, изученію языковъ, во вторыхъ, усиленію благоразумія и опытности, благодаря наблюденіямъ надъ людьми и общенію съ лицами, по характеру, привычкамъ и образу жизни непохожими другъ на друга и особенно на жителей того прихода, къ которому принадлежитъ путешественникъ, и его сосѣдей. Но отъ шестнадцати лѣтъ до двадцати одного года—обыкновенная пора путешествій—люди, за все время своей жизни, наименѣе пригодны къ извлеченію пользы изъ всего этого. Первыми годами для усвоенія иностранныхъ нарѣчій и пріученія языка къ ихъ правильнымъ звукамъ должны быть, по моему, годы отъ семи до четырнадцати или шестнадцати, да и тутъ для дѣтей полезенъ и необходимъ наставникъ, который, вмѣстѣ съ этими языками, можетъ учить ихъ и другимъ вещамъ. Но отсылать ихъ на далекое разстояніе отъ надзора родителей, отдавая въ руки гувернера въ то время, когда они считаютъ уже себя слишкомъ взрослыми, чтобы ими управляли другіе, а между тѣмъ не имѣютъ достаточно благоразумія и опытности, чтобы самимъ управлять собою,—не значитъ ли это подвергать ихъ всѣмъ величайшимъ опасностямъ всей ихъ жизни въ ту пору, когда они наименѣе ограждены и защищены отъ нихъ? Пока это кипучее и бурное время жизни наступитъ, можно надѣяться, что воспитатель уже пріобрѣлъ себѣ нѣкоторый авторитетъ надъ ними: ни свойственное этому возрасту упорство, ни ослушанія или примѣры другихъ не могутъ изъять юношу до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ отъ надзора его гувернера. Но когда затѣмъ онъ начинаетъ водить компанію со взрослыми и считаетъ себя таковымъ; когда онъ уже находитъ удовольствіе и славу въ людскихъ порокахъ и считаетъ для себя стыдомъ оставаться долѣе подъ контролемъ и руководствомъ другого,—чего можно надѣяться даже отъ самого заботливаго и благоразумнаго воспитателя, если онъ не имѣетъ власти принудить, а его питомецъ не чувствуетъ никакой склонности подчиниться его убѣжденію, и напротивъ того, своею горячею кровью и господствующими въ обществѣ нравами побуждается къ тому, чтобы скорѣе поддаваться искушеніямъ со стороны своихъ товарищей, такихъ же благоразумныхъ, какъ онъ самъ, чѣмъ слушать увѣщанія своего

воспитателя, на котораго онъ смотритъ теперь, какъ на врага своей свободы? И въ какую же пору жизни человѣкъ способенъ такъ сильно сбиваться съ дороги, какъ не въ ту, когда онъ въ одно и то же время и не воспитанъ и лишенъ надзора? Это та пора во всей его жизни, которая наиболѣе требуетъ глазъ и власти его родителей и друзей. Гибкость первыхъ лѣтъ человѣка, еще недостаточно выросшаго, чтобъ быть непоколебимо упрямымъ, облегчаетъ управленіе имъ и больше гарантируетъ безопасность; а въ годы послѣдующіе разумъ и предусмотрительность начинаютъ по немногу вступать въ свои права и напоминать человѣку о его благосостояніи и усовершенствованіи. Поэтому самымъ подобающимъ временемъ для отправленія молодого человѣка за границу я считаю или то, когда онъ моложе, подъ надзоромъ воспитателя, способнаго быть наиболѣе для него полезнымъ, или когда онъ уже нѣсколько старше, безъ гувернера, въ ту, стало быть, пору, когда онъ уже достаточно взрослый для того, чтобы самому управлять собой и наблюдать то, что находитъ онъ въ другихъ странахъ достойнымъ своего вниманія и что можетъ быть ему полезно по его возвращеніи домой, и когда также, будучи уже вполнѣ знакомъ съ законами и обычаями, природными и нравственными преимуществами и недостатками своего собственнаго государства, онъ имѣетъ чѣмъ обмѣняться съ заграничными жителями, изъ общенія съ которыми онъ надѣялся извлечь для себя нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО.

(1712-1778).

Жанъ-Жакъ Руссо.

„Эмиль“ или „О воспитаніи“.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Все хорошо, выходя изъ рукъ Творца міра; все выраждается въ рукахъ человѣка. Онъ заставляетъ почву питать несвойственныя ей произведенія, дерево приносить несвойственные ему плоды. Онъ идетъ наперекоръ климатамъ, стихіямъ, временамъ года. Онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, своего раба. Онъ все ставитъ вверхъ дномъ, все искажаетъ. Онъ любитъ безобразіе, уродовъ, отворачивается отъ всего естественнаго, и даже самого человѣка надо выдрессировать для него, какъ манежную лошадь, исковеркать на его ладъ, подобно садовому дереву. Иначе все пошло бы еще хуже. При настоящемъ порядкѣ вещей, человѣкъ, съ самаго рожденія предоставленный самому себѣ, былъ бы самымъ уродливымъ существомъ среди другихъ людей. Предразсудки, авторитетъ, нужда, примѣръ, всѣ общественныя учрежденія, охватившія насъ, заглушатъ въ немъ природу и ничего не дадутъ взамѣнъ ея. Съ природой его было бы то же, что бываетъ съ деревцомъ, которое случайно выростетъ среди дороги и которое прохожіе скоро губятъ, задѣвая за него и заставляя гнуться на всѣ стороны.

Къ тебѣ обращаюсь я, нѣжная и заботливая мать, съумѣвшая уклониться отъ большой дороги и защитить молодое деревцо отъ столкновеній съ людскими мнѣніями. Лелѣй и поливай молодое растеніе, пока оно не завяло: плоды его будутъ со временемъ твоею отрадою.

Первоначальное воспитаніе важнѣе другихъ, и неоспоримо лежитъ на женщинахъ: если бы Творецъ вселенной желалъ пре-

доставить его мужчинамъ, онъ надѣлилъ бы ихъ молокомъ для кормленія дѣтей. Поэтому въ трактатахъ о воспитаніи надо обращаться преимущественно къ женщинамъ: кромѣ того, что имъ сподручнѣе наблюдать за воспитаніемъ, чѣмъ мужчинамъ, и что онѣ всегда болѣе вліяютъ на него, результаты дѣла имъ гораздо дороже, такъ какъ большинство вдовъ остаются въ зависимости отъ своихъ дѣтей, и тогда живо чувствуютъ хорошія послѣдствія методы воспитанія. Законы, которые всегда такъ пекутся объ имуществѣ и такъ мало о людяхъ, потому что имѣютъ цѣлью спокойствіе, а не добродѣтель, не даютъ достаточно власти матерямъ. Между тѣмъ на нихъ можно больше положиться, чѣмъ на отцовъ; обязанности ихъ тяжелѣе; заботы необходимѣе для семьи. Впрочемъ, нужно объяснить, какой смыслъ я придаю слову „мать"; это дѣлается ниже.

Мы родимся слабыми, намъ нужны силы; мы родимся лишенными всего, намъ нужна помощь; мы родимся безсмысленными, намъ нуженъ разсудокъ. Все, что мы не имѣемъ при рожденіи и въ чемъ нуждаемся впослѣдствіи, дается намъ воспитаніемъ. Это воспитаніе дается намъ или природою, или людьми, или внѣшними явленіями. Внутреннее развитіе нашихъ способностей и органовъ составляетъ воспитаніе природою; умѣнье пользоваться этимъ развитіемъ воспитываютъ въ насъ люди, а пріобрѣтеніе собственнаго опыта на основаніи воспринимаемыхъ впечатлѣній составляетъ воспитаніе внѣшними явленіями. Слѣдовательно, каждый изъ насъ воспитывается троякаго рода учителями. Ученикъ, въ которомъ различные уроки эти ведутъ вражду, воспитанъ дурно и никогда не будетъ въ ладу съ самимъ собою. Тотъ только, въ комъ они сходятся и идутъ къ однимъ общимъ цѣлямъ, воспитанъ хорошо и будетъ жить послѣдовательно.

Между тѣмъ, изъ этихъ трехъ различныхъ воспитаній воспитаніе природою вовсе отъ насъ не зависитъ, а воспитаніе внѣшними явленіями зависитъ только въ извѣстной мѣрѣ. Воспитаніе людьми—единственное, которое дѣйствительно находится въ нашей власти; да и тутъ власть наша сомнительна: кто можетъ надѣяться вполнѣ управлять рѣчами и поступками всѣхъ людей, окружающихъ ребенка?

Поэтому, какъ только воспитаніе дѣлается искусствомъ, удача его почти невозможна, ибо содѣйствіе, необходимое для успѣха,

не зависитъ въ этомъ случаѣ отъ людей. При большихъ усиліяхъ можно болѣе или менѣе приблизиться къ цѣли; но для полнаго достиженія ея нужно счастье.

Цѣль тутъ—природа. Такъ какъ содѣйствіе трехъ воспитаній необходимо для совершенства цѣлаго, то очевидно, что согласно тому, на которое мы не имѣемъ вліянія, „надо направлять оба другія. Но, можетъ быть, слово" природа имѣетъ слишкомъ неопредѣленный смыслъ: нужно попробовать опредѣлить его здѣсь.

Природа, говорятъ намъ, есть не что иное, какъ привычка. Что это значитъ? Развѣ нѣтъ привычекъ, которыя пріобрѣтаются только благодаря принужденію, и никогда не заглушаютъ природы? Такова, напримѣръ, привычка растеній, которымъ препятствуютъ рости прямо. Растеніе, предоставленное самому себѣ, сохраняетъ положеніе, которое его принудили принять; но растительный сокъ не перемѣняетъ оттого своего первоначальнаго направленія, и, если растеніе не перестаетъ жить, продолженіе его дѣлается снова вертикальнымъ. То же самое бываетъ и съ людскими наклонностями. Пока мы остаемся въ одномъ положеніи, мы можемъ сохранять наклонности, явившіяся вслѣдствіе привычки и вовсе не свойственныя намъ; но какъ скоро положеніе измѣняется, привычка исчезаетъ и природа беретъ верхъ. Воспитаніе, разумѣется, есть не что иное, какъ привычка. Между тѣмъ, развѣ нѣтъ людей, которые забываютъ и утрачиваютъ полученное воспитаніемъ, и другихъ, которые сохраняютъ все это? Откуда эта разница? Если названіе природы давать только привычкамъ, то можно было бы избавить себя отъ подобной галиматьи.

Мы родимся чувственно—воспріимчивыми и съ самаго рожденія получаемъ различными способами впечатлѣнія отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Лишь только мы начинаемъ сознавать, такъ сказать, наши ощущенія, у насъ является расположеніе или искать вновь, или избѣгать предметовъ, производящихъ эти ощущенія, сначала смотря по тому, насколько пріятны намъ послѣднія или непріятны, затѣмъ смотря по сходству или несходству, которое мы находимъ между нами и предметами, и, наконецъ, смотря по сужденіямъ, которыя мы о нихъ составляемъ на основаніи идеи счастья или совершенства, порождаемой въ насъ разумомъ. Эти расположенія расширяются и укрѣпляются по мѣрѣ

того, какъ мы становимся воспріимчивѣе и просвѣщеннѣе; но подъ давленіемъ нашихъ привычекъ они болѣе или менѣе измѣняются въ зависимости отъ нашихъ мнѣній.

До такого измѣненія, склонности эти составляютъ то, что я называю въ насъ природою.

Слѣдовательно, нужно было бы все сводить къ этимъ первоначальнымъ склонностямъ, что было бы возможно, еслибъ три рода воспитанія нашего были только различны; но что дѣлать, когда они противоположны? когда вмѣсто того, чтобы воспитывать человѣка для него самого, его хотятъ воспитывать для другихъ? Тутъ согласіе невозможно. Необходимость бороться или съ природою, или съ общественными учрежденіями, заставляетъ сдѣлать или человѣка, или гражданина,— такъ какъ того и другого вмѣстѣ сдѣлать нельзя.

Естественный человѣкъ, человѣкъ природы, весь заключается въ самомъ себѣ; онъ есть численная единица, абсолютное цѣлое, имѣющее отношеніе только къ самому себѣ, или къ себѣ подобному. Гражданскій же человѣкъ есть только дробная единица, зависящая отъ знаменателя, и значеніе которой заключается въ ея отношеніи къ цѣлому, т. е. общественному организму. Хорошія общественныя учрежденія всего лучше измѣняютъ человѣка, уничтожаютъ въ немъ абсолютное существованіе, замѣняютъ его относительнымъ и переносятъ его „Я“ на общую единицу, такъ что каждый частный человѣкъ не считаетъ себя единицею, а только частью единицы, и чувствителенъ только въ цѣломъ.

Гражданинъ Рима не былъ ни Гаемъ, ни Луціемъ: это былъ римлянинъ; даже отечество онъ любилъ исключительно для него. Регулъ заявлялъ претензію быть карѳагенянином, какъ будто онъ сталъ имуществомъ своихъ господъ! Въ качествѣ иностранца, онъ отказывался засѣдать въ римскомъ сенатѣ: требовалось, чтобы карѳагенянинъ далъ ему на этотъ счетъ приказаніе.

Онъ негодовалъ на то, что ему хотѣли спасти жизнь.

Онъ побѣдилъ и торжествующимъ вернулся умирать среди мученій. Все это мало, мнѣ кажется, имѣетъ отношенія къ людямъ, которыхъ мы знаемъ.

Лакедемонянинъ Педаретъ является, чтобы получить доступъ въ совѣтъ трехъсотъ; его отвергли, и онъ возвращается домой,

весьма радуясь, что въ Спартѣ нашлось триста человѣкъ, дороже стоющихъ, чѣмъ онъ.

Я предполагаю, что это выраженіе радости было искреннимъ: есть поводъ думать, что оно было таковымъ.

Вотъ гражданинъ!

Одна спартанка отпустила въ армію пять сыновей и ждала извѣстій съ поля битвы. Является илотъ; съ трепетомъ она спрашиваетъ, что новаго.— „Твои пять сыновей убиты!“ „Презрѣнный рабъ! развѣ я тебя объ этомъ спрашивала? — „Мы побѣдили!“ Мать бѣжитъ къ храму и воздаетъ благодареніе богамъ.

Вотъ гражданка!

Тотъ, кто при гражданскомъ строѣ хочетъ дать первое мѣсто природнымъ чувствамъ, самъ не знаетъ, чего хочетъ. Въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою, въ вѣчномъ колебаніи между своими наклонностями и обязанностями, онъ не будетъ ни человѣкомъ, ни гражданиномъ; онъ будетъ негоднымъ и для себя, и для другихъ. Это будетъ одинъ изъ людей нашего времени: французъ, англичанинъ, буржуа, — т. е. ничего ни будетъ.

Изъ этихъ двухъ необходимо противоположныхъ цѣлей проистекаютъ два противоположные образа воспитанія; одинъ общественный и общій, другой частный и семейный.

Если хотите получить понятіе объ общественномъ воспитаніи, прочитайте „Республику“ Платона. Это вовсе не политическое сочиненіе, какъ думаютъ люди, судящіе о книгахъ по заглавіямъ. Это прекраснѣйшій изъ всѣхъ трактатовъ о воспитаніи.

Общественное воспитаніе не существуетъ болѣе, и не можетъ существовать, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ больше отечества, не можетъ быть и гражданъ. Эти два слова: *отечество* и *гражданинъ* должны быть вычеркнуты изъ новѣйшихъ языковъ.

Въ общественномъ строѣ, гдѣ всѣ мѣста опредѣлены, каждый долженъ быть воспитанъ для своего мѣста. Если человѣкъ, воспитанный по своему званію, выходитъ изъ него, онъ становится ни на что негоденъ. Воспитаніе полезно настолько, насколько состояніе родителей согласуется съ ихъ званіемъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ оно вредно для ученика, уже по однимъ предразсудкамъ, которые вселяютъ въ него.

Въ Египтѣ, гдѣ сынъ былъ обязанъ наслѣдовать званію отца, воспитаніе имѣло, по крайней мѣрѣ, вѣрную цѣль; но у насъ, гдѣ только классы остаются постоянными, а люди въ нихъ безпрерывно перемѣщаются, никто не можетъ знать, что, подготовляя сына къ своему званію, онъ не вредитъ ему.

При естественномъ строѣ, гдѣ всѣ люди равны, общее для всѣхъ призваніе — быть человѣкомъ, а кто хорошо воспитанъ для этого, тотъ не можетъ дурно выполнять должностей, которыя могутъ ему выпасть на долю. Пусть назначаютъ моего воспитанника въ военную службу, въ духовное званіе, въ адвокаты,— мнѣ все равно. Природа прежде всего призываетъ его къ человѣческой жизни. Жить,—вотъ ремесло, которому я хочу его научить. Выйдя изъ моихъ рукъ, онъ не будетъ, — сознаюсь въ томъ,—ни судьей, ни солдатомъ, ни священникомъ; онъ будетъ прежде всего *человѣкомъ*, но при случаѣ съумѣетъ быть не хуже всякаго другого всѣмъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть, и куда ни броситъ его судьба, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Настоящая наша наука заключается въ изученіи условій человѣческой жизни. Тотъ изъ насъ, кто лучше всѣхъ умѣетъ переносить счастье и несчастье этой жизни, лучше всѣхъ воспитанъ, по моему,—изъ чего слѣдуетъ, что настоящее воспитаніе заключается больше въ опытахъ, чѣмъ въ правилахъ. Воспитаніе наше начинается съ нашей жизнью; нашъ первый учитель — кормилица.

Самое слово воспитаніе имѣло у древнихъ иной смыслъ, котораго мы ему больше не придаемъ; оно значило *вскормленіе*. Слѣдовательно, *воспитаніе* (въ первоначальномъ смыслѣ слова), *наставленіе*, *образованіе*—такія же различныя вещи, какъ нянька, наставникъ и учитель. Но эти различія дурно понимаются, и чтобы хорошо всегда вести ребенка, нужно дать ему одного только руководителя.

Итакъ, слѣдуетъ обобщать наши взгляды и видѣть въ воспитанникѣ отвлеченнаго человѣка, человѣка, подверженнаго всѣмъ случайностямъ жизни. Если бъ человѣкъ родился съ увѣренностью никогда не покидать родной страны; если бъ времена года не мѣнялись; если бъ состояніе его было навсегда обезпечено,— настоящій порядокъ былъ бы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ,

хорошъ. Но при измѣнчивости людскихъ положеній, при тревожномъ и безпокойномъ духѣ нашего вѣка, который при каждомъ новомъ поколѣніи перевертываетъ все вверхъ дномъ, можно ли придумать болѣе безумную методу, какъ та, благодаря которой воспитываютъ ребенка такъ, какъ будто ему предстоитъ никогда не выходить изъ комнаты и вѣчно быть окруженнымъ прислугою? Если несчастный сдѣлаетъ одинъ шагъ, если онъ спустится одною ступенью ниже, онъ пропалъ. Это значитъ не пріучать ребенка переносить горе, а развивать его воспріимчивость къ горю.

Недостаточно заботиться о сохраненіи своего ребенка: нужно научить его самосохраняться, переносить удары судьбы, презирать роскошь и нищету, жить, если понадобится, въ снѣгахъ Исландіи и на раскаленныхъ утесахъ Мальты. Какъ бы ни предохраняли вы его отъ смерти, ему все-таки надо умереть; и если заботы ваши не сдѣлаются причиной его смерти, онѣ будутъ, тѣмъ не менѣе, неумѣстны. Самое важное — научить жить. Жить же не значитъ дышать, а *дѣйствовать*; это значитъ пользоваться органами, чувствами, способностями, всѣми частями нашего существа. Не тотъ человѣкъ дольше жилъ, который можетъ насчитать больше годовъ жизни, а тотъ, который больше чувствовалъ жизнь.

Вся наша житейская мудрость заключается въ раболѣпныхъ предразсудкахъ; всѣ наши обычаи не что иное, какъ повиновеніе, стѣсненіе и насилованіе. Человѣкъ родится, живетъ и умираетъ въ рабствѣ: при рожденіи, его затягиваютъ свивальниками; послѣ смерти, заколачиваютъ въ гробъ; до тѣхъ поръ, пока онъ сохраняетъ человѣческій образъ, онъ скованъ нашими учрежденіями.

Едва только ребенокъ рождается и едва получаетъ свободу двигать членами, какъ на него налагаютъ оковы. Его спеленываютъ, кладутъ съ неподвижною головою, вытянутыми ногами и руками. Онъ завернутъ въ разнаго рода пеленки и свивальники, которые не позволяютъ ему перемѣнить положенія. Счастливъ онъ, если его не затягиваютъ до того, чтобы прекратить возможность дышать!

Новорожденному ребенку необходимо протягивать члены и двигать ими, чтобы вывести ихъ изъ онѣмѣнія, въ которомъ они

находились такъ долго, оставаясь согнутыми. Ихъ протягиваютъ, правда, но мѣшаютъ имъ двигаться; голову даже окутываютъ чепчикомъ: подумаешь, люди боятся, какъ бы ребенокъ не подалъ признака жизни.

Такимъ образомъ, полагается непреодолимая преграда движеніямъ тѣла, стремящагося къ росту. Ребенокъ безпрерывно дѣлаетъ безполезныя усилія, истощающія его силы и задерживающія ихъ ростъ.

Бездѣйствіе, принужденное состояніе, въ которомъ оставляютъ члены ребенка, только стѣсняетъ обращеніе крови, мѣшаетъ ребенку укрѣпляться, рости и уродуетъ его тѣлосложеніе.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не принимаютъ такихъ сумасбродныхъ предосторожностей, люди всѣ высоки, сильны, хорошо сложены. Страны, гдѣ пеленаютъ дѣтей, кишатъ горбатыми, хромыми, кривоногими, страждущими англійскою болѣзнью и изуродованными различнымъ образомъ.

Изъ боязни, чтобы тѣло не повредилось отъ свободныхъ движеній, спѣшатъ изуродовать его, укладывая въ тиски.

Можетъ ли такое жестокое принужденіе не дѣйствовать на нравъ, такъ же какъ и на темпераментъ? Первое ощущеніе дѣтей —ощущеніе боли, страданія: всѣ необходимыя движенія встрѣчаютъ одни только препятствія. Скованныя хуже преступника, дѣти дѣлаютъ напрасныя усилія, раздражаются, кричатъ. Вы говорите, что первый звукъ, издаваемый ими, плачъ? Да, имѣя свободнымъ одинъ только голосъ, какъ же не воспользоваться имъ для жалобъ? Они кричатъ отъ страданія, которое вы имъ причиняете: скомканные такимъ образомъ, вы бы кричали громче ихъ.

Откуда явился такой безразсудный обычай? Отъ неестественности жизни. Съ той поры, какъ матери, пренебрегая своей первой обязанностью, не захотѣли больше кормить дѣтей, сдѣлалось необходимымъ поручать ихъ наемнымъ женщинамъ, которыя, очутившись, такимъ образомъ, матерями чужихъ дѣтей, заботятся лишь объ облегченіи себѣ труда. За ребенкомъ, оставленнымъ на свободѣ, нуженъ безпрерывный надзоръ; но когда ребенокъ крѣпко связанъ, его можно кинуть въ уголъ, не обращая вниманія на его крикъ. Не было бы только уликъ въ небрежности кормилицы, не сломалъ бы только себѣ питомецъ ни

рукъ, ни ногъ, а то велика, въ самомъ дѣлѣ, важность, что онъ останется уродомъ на всю жизнь! Между тѣмъ милыя матери, которыя, избавившись отъ своихъ дѣтей, всецѣло предаются городскимъ развлеченіямъ, не знаютъ, какому обращенію подвергается ребенокъ у кормилицы.

Говорятъ, что дѣти, оставленныя на свободѣ, могутъ принять неловкое положеніе и дѣлать движенія, могущія повредить правильному развитію членовъ. Это-пустое умствованіе, котораго опытъ никогда не подтверждалъ. Между множествомъ дѣтей, выкармливаемыхъ у народовъ болѣе разсудительныхъ, чѣмъ мы, при полной свободѣ двигать членами, не замѣчается ни одного, который бы ранилъ или искалѣчилъ себя.

Дѣти не въ состояніи придать своимъ движеніямъ силы, которая могла бы сдѣлать эти движенія опасными, а если ребенокъ принимаетъ неестественное положеніе, то боль тотчасъ же заставляетъ его перемѣнить такое положеніе.

Мы еще не пеленаемъ щенятъ и котятъ, а замѣтно ли, чтобы они испытывали какое-нибудь неудобство отъ этой небрежности? Ребенокъ тяжелѣе, согласенъ: но зато онъ и слабѣе. Онъ едва можетъ двигаться; какимъ же образомъ искалѣчитъ онъ себя? Если его положить на спину, онъ умретъ въ этомъ положеніи, какъ черепаха, не будучи никогда въ состояніи поворотиться.

Часто спорятъ о томъ, все ли равно для ребенка быть вскормленнымъ молокомъ матери или чужимъ. Я считаю этотъ вопросъ, судьями котораго должны быть медики, рѣшеннымъ по желанію женщинъ, и—что касается лично до меня—тоже думалъ бы, что лучше ребенку сосать молоко здоровой кормилицы, чѣмъ болѣзненной матери, еслибъ для него могла существовать какая-либо новая опасность отъ крови, изъ которой онъ рожденъ.

Но развѣ вопросъ долженъ разсматриваться только съ физической стороны? и развѣ ребенокъ меньше нуждается въ заботахъ матери, нежели въ ея молокѣ? Другая женщина, даже животное могутъ дать ему молоко, въ которомъ отказываетъ ему мать; но заботливость материнская незамѣнима. Женщина, которая кормитъ чужого ребенка, вмѣсто своего, дурная мать; какъ же можетъ она быть хорошею кормилицею? Она могла бы сдѣлаться ею, мало по малу, но для этого нужно, чтобы привычка измѣнила природу, а ребенокъ, за которымъ дурной уходъ, успѣетъ

рованными, и научающему ребенка всему, кромѣ познанія самого себя, умѣнья извлекать удовлетвореніе изъ самого себя, умѣнья жить и быть счастливымъ. Наконецъ, когда этотъ ребенокъ, рабъ и тираннъ, исполненный знанія и лишенный здраваго смысла, одинаково разслабленный и тѣломъ, и душою, является въ свѣтъ и выказываетъ свою тупость, свое высокомѣріе и всѣ свои пороки, люди начинаютъ оплакивать человѣческое ничтожество и испорченность. Это ошибка: человѣкъ этотъ созданъ нашей фантазіей; естественный же человѣкъ совсѣмъ иной.

Если хотите сохранить въ немъ естественность, берегите ее съ той минуты, какъ ребенокъ явится на свѣтъ; не покидайте его, пока онъ не выростетъ: безъ того вы никогда не добьетесь успѣха. Точно такъ, какъ настоящею кормилицей должна быть мать, настоящимъ воспитателемъ долженъ быть отецъ. Оба они должны условиться въ порядкѣ занятій, такъ же какъ и въ системѣ. Изъ рукъ матери ребенокъ долженъ перейти въ руки отца. Разсудительный, хотя и ограниченный отецъ воспитываетъ ребенка лучше, чѣмъ самый искусный наставникъ въ мірѣ: усердіе успѣшнѣе замѣнитъ талантъ, нежели талантъ—усердіе.

А дѣла, служба, обязанности?.. Ахъ, да! Обязанности отца должны, вѣроятно, быть послѣдними изъ всѣхъ обязанностей?

Когда читаешь у Плутарха, что цензоръ Катонъ, съ такою славою управлявшій Римомъ, самъ воспитывалъ своего сына съ колыбели и постоянно присутствовалъ, когда кормилица, т. е. мать, мыла ребенка; когда читаешь у Светонія, что Августъ, властитель вселенной, самъ училъ своихъ внуковъ писать, плавать, сообщалъ элементарныя научныя свѣдѣнія и безпрерывно былъ съ ними, то невольно смѣешься надъ этими наивными чудаками! Надо полагать, что они занимались этимъ вздоромъ только потому, что были слишкомъ ограничены для занятій великими дѣлами великихъ людей нашего времени?

Нечего дивиться, что мужчина, жена котораго не захотѣла кормить ребенка, не захочетъ воспитывать его. Если у матери не достанетъ здоровья, чтобъ быть кормилицею, у отца окажется слишкомъ много дѣлъ, чтобы быть воспитателемъ. Дѣти, удаленныя, разсѣянныя по пансіонамъ, монастырямъ и коллегіямъ, утратятъ привязанность къ родительскому дому или, лучше сказать, пріобрѣтутъ привычку не чувствовать привязанности ни

Жанъ-Жакъ Руссо.

„Эмиль“ или „О воспитаніи“.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Все хорошо, выходя изъ рукъ Творца міра; все выраждается въ рукахъ человѣка. Онъ заставляетъ почву питать несвойственныя ей произведенія, дерево приносить несвойственные ему плоды. Онъ идетъ наперекоръ климатамъ, стихіямъ, временамъ года. Онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, своего раба. Онъ все ставитъ вверхъ дномъ, все искажаетъ. Онъ любитъ безобразіе, уродовъ, отворачивается отъ всего естественнаго, и даже самого человѣка надо выдрессировать для него, какъ манежную лошадь, исковеркать на его ладъ, подобно садовому дереву. Иначе все пошло бы еще хуже. При настоящемъ порядкѣ вещей, человѣкъ, съ самаго рожденія предоставленный самому себѣ, былъ бы самымъ уродливымъ существомъ среди другихъ людей. Предразсудки, авторитетъ, нужда, примѣръ, всѣ общественныя учрежденія, охватившія насъ, заглушатъ въ немъ природу и ничего не дадутъ взамѣнъ ея. Съ природой его было бы то же, что бываетъ съ деревцомъ, которое случайно выростетъ среди дороги и которое прохожіе скоро губятъ, задѣвая за него и заставляя гнуться на всѣ стороны.

Къ тебѣ обращаюсь я, нѣжная и заботливая мать, съумѣвшая уклониться отъ большой дороги и защитить молодое деревцо отъ столкновеній съ людскими мнѣніями. Лелѣй и поливай молодое растеніе, пока оно не завяло: плоды его будутъ со временемъ твоею отрадою.

Первоначальное воспитаніе важнѣе другихъ, и неоспоримо лежитъ на женщинахъ: если бы Творецъ вселенной желалъ пре-

доставить его мужчинамъ, онъ надѣлилъ бы ихъ молокомъ для кормленія дѣтей. Поэтому въ трактатахъ о воспитаніи надо обращаться преимущественно къ женщинамъ: кромѣ того, что имъ сподручнѣе наблюдать за воспитаніемъ, чѣмъ мужчинамъ, и что онѣ всегда болѣе вліяютъ на него, результаты дѣла имъ гораздо дороже, такъ какъ большинство вдовъ остаются въ зависимости отъ своихъ дѣтей, и тогда живо чувствуютъ хорошія послѣдствія методы воспитанія. Законы, которые всегда такъ пекутся объ имуществѣ и такъ мало о людяхъ, потому что имѣютъ цѣлью спокойствіе, а не добродѣтель, не даютъ достаточно власти матерямъ. Между тѣмъ на нихъ можно больше положиться, чѣмъ на отцовъ; обязанности ихъ тяжелѣе; заботы необходимѣе для семьи. Впрочемъ, нужно объяснить, какой смыслъ я придаю слову „мать"; это дѣлается ниже.

Мы родимся слабыми, намъ нужны силы; мы родимся лишенными всего, намъ нужна помощь; мы родимся безсмысленными, намъ нуженъ разсудокъ. Все, что мы не имѣемъ при рожденіи и въ чемъ нуждаемся впослѣдствіи, дается намъ воспитаніемъ. Это воспитаніе дается намъ или природою, или людьми, или внѣшними явленіями. Внутреннее развитіе нашихъ способностей и органовъ составляетъ воспитаніе природою; умѣнье пользоваться этимъ развитіемъ воспитываютъ въ насъ люди, а пріобрѣтеніе собственнаго опыта на основаніи воспринимаемыхъ впечатлѣній составляетъ воспитаніе внѣшними явленіями. Слѣдовательно, каждый изъ насъ воспитывается троякаго рода учителями. Ученикъ, въ которомъ различные уроки эти ведутъ вражду, воспитанъ дурно и никогда не будетъ въ ладу съ самимъ собою. Тотъ только, въ комъ они сходятся и идутъ къ однимъ общимъ цѣлямъ, воспитанъ хорошо и будетъ жить послѣдовательно.

Между тѣмъ, изъ этихъ трехъ различныхъ воспитаній воспитаніе природою вовсе отъ насъ не зависитъ, а воспитаніе внѣшними явленіями зависитъ только въ извѣстной мѣрѣ. Воспитаніе людьми—единственное, которое дѣйствительно находится въ нашей власти; да и тутъ власть наша сомнительна: кто можетъ надѣяться вполнѣ управлять рѣчами и поступками всѣхъ людей, окружающихъ ребенка?

Поэтому, какъ только воспитаніе дѣлается искусствомъ, удача его почти невозможна, ибо содѣйствіе, необходимое для успѣха,

не зависитъ въ этомъ случаѣ отъ людей. При большихъ усиліяхъ можно болѣе или менѣе приблизиться къ цѣли; но для полнаго достиженія ея нужно счастье.

Цѣль тутъ—природа. Такъ какъ содѣйствіе трехъ воспитаній необходимо для совершенства цѣлаго, то очевидно, что согласно тому, на которое мы не имѣемъ вліянія, „надо направлять оба другія. Но, можетъ быть, слово" природа имѣетъ слишкомъ неопредѣленный смыслъ: нужно попробовать опредѣлить его здѣсь.

Природа, говорятъ намъ, есть не что иное, какъ привычка. Что это значитъ? Развѣ нѣтъ привычекъ, которыя пріобрѣтаются только благодаря принужденію, и никогда не заглушаютъ природы? Такова, напримѣръ, привычка растеній, которымъ препятствуютъ рости прямо. Растеніе, предоставленное самому себѣ, сохраняетъ положеніе, которое его принудили принять; но растительный сокъ не перемѣняетъ оттого своего первоначальнаго направленія, и, если растеніе не перестаетъ жить, продолженіе его дѣлается снова вертикальнымъ. То же самое бываетъ и съ людскими наклонностями. Пока мы остаемся въ одномъ положеніи, мы можемъ сохранять наклонности, явившіяся вслѣдствіе привычки и вовсе не свойственныя намъ; но какъ скоро положеніе измѣняется, привычка исчезаетъ и природа беретъ верхъ. Воспитаніе, разумѣется, есть не что иное, какъ привычка. Между тѣмъ, развѣ нѣтъ людей, которые забываютъ и утрачиваютъ полученное воспитаніемъ, и другихъ, которые сохраняютъ все это? Откуда эта разница? Если названіе природы давать только привычкамъ, то можно было бы избавить себя отъ подобной галиматьи.

Мы родимся чувственно—воспріимчивыми и съ самаго рожденія получаемъ различными способами впечатлѣнія отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Лишь только мы начинаемъ сознавать, такъ сказать, наши ощущенія, у насъ является расположеніе или искать вновь, или избѣгать предметовъ, производящихъ эти ощущенія, сначала смотря по тому, насколько пріятны намъ послѣднія или непріятны, затѣмъ смотря по сходству или несходству, которое мы находимъ между нами и предметами, и, наконецъ, смотря по сужденіямъ, которыя мы о нихъ составляемъ на основаніи идеи счастья или совершенства, порождаемой въ насъ разумомъ. Эти расположенія расширяются и укрѣпляются по мѣрѣ

разлуку, они начнутъ уже дѣлаться чуждыми другъ для друга; каждый станетъ строить свою маленькую систему особнякомъ, и оба, занятые мыслью о времени, когда они разстанутся, будутъ неохотно оставаться другъ съ другомъ. Ученикъ станетъ смотрѣть на учителя, какъ на вывѣску и бичъ дѣтства; учитель станетъ смотрѣть на ученика, какъ на тяжелое бремя, отъ котораго онъ жаждетъ освободиться; оба будутъ нетерпѣливо ждать минуты избавленія другъ отъ друга, и у одного будетъ недоставать бдительности, а у другого послушанія.

Но когда они разсчитываютъ провести всю жизнь вмѣстѣ, у нихъ является потребность взаимной привязанности, они становятся дороги другъ другу. Ученикъ не стыдится повиноваться въ дѣтствѣ другу, который останется съ нимъ, когда онъ выростетъ; воспитателя интересуютъ попеченія, плодами которыхъ онъ впослѣдствіи воспользуется.

Трактатъ нашъ предполагаетъ непремѣнно ребенка хорошо сложеннаго, крѣпкаго и здороваго. Для отца нѣтъ выбора, онъ не долженъ имѣть любимцевъ въ семьѣ, которую ему далъ Богъ.

Всѣ дѣти — его; всѣмъ имъ обязанъ онъ выказывать одинаковую заботливость и одинаковую нѣжность. Будутъ ли они калѣки или нѣтъ, болѣзненны или крѣпки,—въ каждомъ изъ нихъ онъ обязанъ отдать отчетъ Тому, отъ Кого ихъ получилъ, такъ какъ бракъ есть столько же договоръ съ природою, сколько и между супругами.

Но тотъ, кто беретъ на себя обязанность, которой природа на него не налагала, долженъ сначала озаботиться о средствахъ выполнить ее; иначе онъ будетъ отвѣчать даже и за то, чего не въ силахъ былъ выполнить. Тотъ, кто беретъ на свои руки слабаго и хвораго ребенка, мѣняетъ званіе воспитателя на званіе сидѣлки; онъ тратитъ на охраненіе безполезной жизни время, которое назначалъ на увеличеніе ея цѣнности. Я поэтому не взялъ бы на свои руки болѣзненнаго и худосочнаго ребенка, хотя бы ему предстояло прожить восемьдесятъ лѣтъ. Нужно, чтобы тѣло имѣло силы повиноваться душѣ. Чѣмъ оно слабѣе, тѣмъ сильнѣе власть его; чѣмъ оно крѣпче, тѣмъ послушнѣе.

Итакъ, я желаю крѣпкаго и здороваго воспитанника. Я не буду долго останавливаться на доказательствѣ полезности тѣлес-

ныхъ упражненій для укрѣпленія темперамента и здоровья; этого никто не оспариваетъ. Я не буду также входить въ подробности о моихъ попеченіяхъ по этому предмету. Мы увидимъ, что попеченія эти такъ необходимо связаны съ моимъ дѣломъ, что достаточно вникнуть въ духъ его, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ.

Вмѣстѣ съ жизнью являются и потребности.

Новорожденному нужна кормилица. Если мать согласится исполнять свой долгъ, прекрасно: ей дадутъ письменное наставленіе. Но это имѣетъ и свою невыгодную сторону въ томъ, что воспитатель нѣсколько удаляется отъ воспитанника. Надо надѣяться, однако, что выгоды ребенка и уваженіе къ тому, кому мать намѣревается поручить дорогой залогъ, сдѣлаютъ ее внимательною къ совѣтамъ наставника, и можно быть увѣреннымъ, что все, что она захочетъ сдѣлать, сдѣлаетъ лучше всякой другой. Если окажется нужною кормилица, постараемся сдѣлать хорошій выборъ.

Для новорожденнаго ребенка нужна кормилица, которая должна быть такъ же здорова душою, какъ и тѣломъ: хорошій характеръ такая же существенная вещь, какъ и хорошій темпераментъ.

Выборъ кормилицы тѣмъ важнѣе, что у питомца не должно бы быть другой воспитательницы, какъ не должно быть другого учителя, кромѣ воспитателя. Таковъ былъ обычай у древнихъ, болѣе мудрыхъ и меньше умствовавшихъ, чѣмъ мы. Выкормивъ дѣвочку, кормилицы не покидали ее больше. Вотъ почему въ древнихъ театральныхъ пьесахъ большинство наперсницъ — кормилицы. Невозможно, чтобы ребенокъ, переходящій постепенно столько различныхъ рукъ, былъ хорошо воспитанъ. При всякой перемѣнѣ, онъ дѣлаетъ втайнѣ сравненія, всегда порождающія въ немъ уменьшеніе уваженія къ его руководителямъ, а слѣдовательно, уменьшеніе ихъ власти надъ нимъ. Если въ немъ зародится мысль, что есть взрослые, которые такъ же неразумны, какъ и дѣти, весь авторитетъ лѣтъ падаетъ, и воспитаніе не можетъ быть удачно. У ребенка не должно быть никакого авторитета, кромѣ авторитета отца и матери, или кормилицы и воспитателя. Даже и изъ этихъ двухъ лицъ одно лишнее, но такое раздѣленіе неизбѣжно, и единственный способъ помочь дѣлу со-

стоитъ въ томъ, чтобы оба лица, руководящія ребенкомъ, такъ сходились во мнѣніяхъ своихъ о немъ, что составляли бы для него одно лицо.

Воздухъ особенно вліяетъ на сложеніе дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Въ нѣжную и мягкую кожу онъ проникаетъ чрезъ всѣ поры и сильно дѣйствуетъ на молодые организмы. Онъ производитъ на нихъ впечатлѣнія, которыя никогда не изглаживаются. Поэтому, я вовсе не того мнѣнія, чтобы крестьянку брать изъ деревни и запирать въ городскую комнату; по мнѣ, гораздо лучше ребенка отправить дышать свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, вмѣсто испорченнаго городскаго. Онъ свыкнется съ положеніемъ своей новой матери, будетъ жить въ ея деревенскомъ жилищѣ, а воспитатель послѣдуетъ за нимъ. (Читатель помнитъ, что этотъ воспитатель не нанятъ за деньги, а что онъ другъ отца). Людямъ не предназначено скучиваться, какъ въ муравейникахъ, но быть разсѣянными по землѣ, которую они должны воздѣлывать. Чѣмъ больше сбирается людей въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ сильнѣе ихъ порча. Тѣлесныя немощи и пороки души составляютъ неизбѣжное слѣдствіе слишкомъ большого скопленія людей въ городѣ. Въ нѣсколько поколѣній племя погибаетъ или вырождается; ему нужно постоянное обновленіе, а обновленіе это даютъ села. Посылайте же своихъ дѣтей обновляться и возстановлять среди полей силы, утраченныя во вредной атмосферѣ!

Не допускайте, чтобы новорожденнаго ребенка, только что покинувшаго свои оболочки и начавшаго дышать, снова завертывали и стѣсняли. Долой чепчики, долой свивальники; заверните его въ широкія пеленки, такъ чтобъ всѣмъ его членамъ было просторно; пеленки не должны быть ни слишкомъ тяжелы и стѣснять его движеній, ни слишкомъ теплы и препятствовать доступу воздуха. (Воспитатели, кажется, еще не постигли, что холодный воздухъ не только не вреденъ, но укрѣпителенъ, а теплый разслабляетъ и производитъ лихорадку). Положите, затѣмъ, ребенка въ простую колыбель (я употребляю это слово за неимѣніемъ другого, но убѣжденъ, что никогда не слѣдуетъ качать дѣтей), тщательно обитую внутри, такъ чтобъ онъ могъ свободно и безопасно двигаться. Когда онъ начнетъ крѣпнуть, пустите его ползать по комнатѣ; дайте ему развивать, протягивать свои ма-

ленькіе члены; вы увидите, что онѣ будутъ укрѣпляться съ каждымъ днемъ.

Надо въ этомъ случаѣ впередъ приготовиться къ сильному сопротивленію со стороны кормилицы, которой гораздо меньше дѣла со спеленатымъ ребенкомъ, нежели съ такимъ, за которымъ нуженъ постоянный надзоръ. Къ тому же неопрятность ребенка замѣтнѣе въ открытой одеждѣ; его нужно чаще мыть. Наконецъ, и обычай не всегда можно осилить. Не разсуждайте поэтому съ кормилицами; приказывайте, наблюдайте за исполненіемъ и ничего не щадите для облегченія ей заботъ, предписываемыхъ вами. Воспитатель учится у перваго наставника ребенка—у природы, и не допускаетъ препятствій ея попеченіямъ. Онъ слѣдитъ за питомцемъ и бдительно подстерегаетъ первые проблески его слабаго пониманія. Мы родимся, ничего не зная и ничего не понимая. Душа, скованная несовершенными и наполовину сформированными органами, не имѣетъ еще сознанія о своемъ собственномъ существованіи. Движенія, крики новорожденнаго ребенка суть чисто-механическія проявленія, лишенныя сознанія и воли.

Но вмѣстѣ съ рожденіемъ начинается и воспитаніе ребенка: прежде чѣмъ начать говорить, прежде чѣмъ начать слышать, онъ уже учится. Опытъ предупреждаетъ уроки: въ тотъ моментъ, когда онъ узнаетъ свою кормилицу, онъ уже многому научился. Мы удивились бы обширности познаній самаго невѣжественнаго человѣка, если бъ слѣдили за его развитіемъ съ минуты рожденія. Еслибъ все человѣческое знаніе раздѣлить на двѣ части: одну, общую всѣмъ людямъ, другую — принадлежащую только ученымъ, послѣдняя показалась бы весьма ничтожною сравнительно съ первою. Но мы вовсе не думаемъ о пріобрѣтеніи общихъ понятій, потому что оно дѣлается безсознательно и даже прежде достиженія разумныхъ лѣтъ.

Первыя ощущенія дѣтей чисто страдательныя: они замѣчаютъ только удовольствіе или боль. Такъ какъ ребенокъ не въ состояніи ни ходить, ни осязать, то ему нужно много времени для пріобрѣтенія представляющихъ ощущеній, которыя показываютъ ему предметы внѣ ихъ самихъ. Но, прежде чѣмъ эти предметы начнутъ, такъ сказать, удаляться отъ глазъ и получатъ размѣры и образы, постоянство страдательныхъ ощущеній начинаетъ под-

чинять ребенка владычеству привычки; глаза его безпрестанно принимаютъ это направленіе, такъ что нужно стараться всегда держать ребенка лицомъ къ свѣту, изъ опасенія сдѣлать его косымъ. Нужно также съ раннихъ поръ пріучать его къ потемкамъ, иначе онъ будетъ постоянно плакать при отсутствіи свѣта. Слишкомъ аккуратно распредѣляемые пища и сонъ становятся необходимыми ребенку въ извѣстные, опредѣленные часы, и позывъ къ нимъ рождается скоро уже не отъ потребности, а отъ привычки, или скорѣе привычка прибавляетъ къ естественнымъ потребностямъ новую. Это необходимо предупреждать.

Единственная привычка, которую надо развивать въ ребенкѣ, есть отсутствіе всякихъ привычекъ. Не носите его на одной рукѣ чаще, чѣмъ на другой, не пріучайте его подавать одну какую-нибудь руку, или чаще употреблять ее въ дѣло, не пріучайте его ѣсть, спать и двигаться въ одни и тѣ же часы, не умѣть переносить одиночество ни днемъ, ни ночью. Исподволь подготовляйте его къ свободѣ и къ пользованію всѣми его силами, пріучая его владѣть собою и во всемъ исполнять свою волю, какъ скоро она у него явится.

Какъ только ребенокъ начинаетъ различать предметы, нужно съ выборомъ показывать ихъ ему. Очень естественно, что всѣ новые предметы интересуютъ человѣка. Онъ чувствуетъ себя столь слабымъ, что боится всего незнакомаго: привычка безнаказанно видѣть новые предметы уничтожаетъ въ немъ эту боязнь. Дѣти, воспитанныя въ домахъ, гдѣ соблюдается чистота, боятся, напримѣръ, пауковъ, и эта боязнь нерѣдко остается у нихъ на всю жизнь. Но я никогда не видывалъ, чтобы кто-нибудь изъ крестьянъ боялся пауковъ.

Какъ же не начинать воспитаніе ребенка еще прежде, нежели онъ научится говорить и понимать, если уже отъ одного выбора предметовъ, которые ему показываютъ, зависитъ развитіе въ немъ боязливости или мужества? Я хочу, чтобы его пріучали къ незнакомымъ предметамъ, некрасивымъ, отвратительнымъ, къ страннымъ животнымъ,—все это мало по малу, исподволь, пока онъ не привыкнетъ къ нимъ и, видя, какъ другіе берутъ ихъ въ руки, не начнетъ, наконецъ, самъ брать ихъ. Если въ дѣтствѣ онъ безъ боязни глядѣлъ на жабъ, змѣй, раковъ, то впослѣдствіи будетъ безъ отвращенія смотрѣть на какое угодно

животное. Страшныхъ предметовъ не существуетъ для того, кто видитъ ихъ каждый день.

Всѣ дѣти боятся масокъ. Я начну съ того, что покажу Эмилю красивую маску; затѣмъ кто-нибудь при немъ надѣнетъ эту маску на лицо: я засмѣюсь; всѣ станутъ смѣяться, и ребенокъ засмѣется вмѣстѣ со всѣми. Мало по малу, я пріучу его къ менѣе красивымъ маскамъ, а наконецъ, и къ отвратительнымъ. Если я хорошо наблюдалъ градацію, онъ не только испугается послѣдней маски, но будетъ смѣяться надъ нею, какъ надъ первою. Послѣ того онъ уже не испугается маски.

Если нужно пріучить Эмиля къ звуку огнестрѣльнаго оружія, я сначала сжигаю затравочный порохъ въ пистолетѣ. Эта внезапная вспышка веселитъ его; я повторяю то же самое съ большимъ количествомъ пороха; мало по малу я прибавляю въ пистолетъ небольшой зарядъ безъ пыжа, затѣмъ большій зарядъ; наконецъ, пріучаю его къ выстрѣламъ изъ ружья, изъ мортиръ, изъ пушекъ,—къ самой сильной пальбѣ.

Я замѣчалъ, что дѣти рѣдко боятся грома, если только раскаты не совершенно невыносимы для органа слуха; боязнь эта является у нихъ только тогда, когда они узнаютъ, что громъ ранитъ, а иногда и убиваетъ. Когда разумъ начинаетъ пугать ихъ, устройте такъ, чтобы привычка ободряла ихъ. Наблюдая медленную и искусную градацію, можно предупредить и въ человѣкѣ и въ ребенкѣ всякую боязнь.

Въ первые годы жизни, когда память и воображеніе еще бездѣйствуютъ, ребенокъ обращаетъ вниманіе только на то, что вліяетъ въ данную минуту на его чувства. Такъ какъ ощущенія являются первымъ матеріаломъ его познаній, то возбуждать въ немъ ощущенія въ приличномъ порядкѣ значитъ подготовлять его память къ напоминанію о нихъ, въ такомъ же порядкѣ, разуму. Но такъ какъ ребенокъ внимателенъ только къ своимъ ощущеніямъ, то сначала достаточно показать ему связь между этими ощущеніями и самыми предметами, которые ихъ производятъ. Онъ хочетъ до всего дотронуться, все взять въ руки: не препятствуйте этой пытливости, она многому научаетъ его. Этимъ путемъ пріучается онъ ощущать теплоту, холодъ, твердость, мягкость, тяжесть и легкость тѣлъ; судить объ ихъ величинѣ, видѣ и другихъ внѣшнихъ свойствахъ; судитъ онъ тутъ

посредствомъ зрѣнія, осязанія, слуха и, въ особенности, посредствомъ повѣрки зрѣнія осязаніемъ, т. е. посредствомъ опредѣленія на взглядъ того ощущенія, которое предметы произвели бы на его пальцы. Обоняніе развивается въ дѣтяхъ позже всѣхъ другихъ чувствъ; ранѣе двухъ-трехъ лѣтъ они кажутся нечувствительными къ хорошему и дурному запаху. Они выказываютъ въ этомъ отношеніи то же равнодушіе,—или скорѣе нечувствительность, — которое замѣчается во многихъ животныхъ. Мы только чрезъ движеніе узнаемъ, что есть вещи, которыя не суть мы, и только чрезъ наше собственное движеніе получаемъ идею о разстояніи. Ребенокъ, именно потому, что лишенъ этой идеи, одинаково протягиваетъ руку за близкимъ и далекимъ предметомъ. Усиліе, которое онъ дѣлаетъ, кажется вамъ повелительнымъ проявленіемъ, приказаніемъ предмету приблизиться, или вамъ— приблизить его; вовсе нѣтъ,—оно доказываетъ только, что предметы кажутся ему подъ руками, а онъ не можетъ себѣ представить недосягаемаго разстоянія. Поэтому надо чаще носить гулять ребенка, переносить его съ одного мѣста на другое и давать ему чувствовать перемѣну мѣста, чтобы научить его судить о разстояніяхъ. Какъ скоро онъ начнетъ сознавать ихъ, нужно измѣнить методу и носить его только тогда, когда вамъ вздумается, а не тогда, когда онъ пожелаетъ; потому что, какъ скоро чувство не обманываетъ его больше, усиліе его происходитъ уже отъ другой причины. Эта причина замѣчательна и требуетъ поясненія.

Безпокойство отъ ощущенія потребностей, когда, для удовлетворенія ихъ, нужна чужая помощь, выражается знаками: отсюда крики дѣтей. Такъ какъ всѣ ощущенія у нихъ страдательныя, то, если эти ощущенія пріятны, дѣти наслаждаются ими молча; если же они непріятны, дѣти выражаютъ это на своемъ языкѣ и просятъ облегченія. Во время бодрствованія дѣти почти не бываютъ въ состояніи равнодушія; они или спятъ или ощущаютъ.

Всѣ наши языки — произведенія искусства. Долго искали, нѣтъ ли природнаго и общаго всѣмъ людямъ языка; онъ несомнѣнно есть: это тотъ языкъ, который употребляютъ дѣти прежде, нежели выучиваются говорить. Это языкъ безъ словъ, но выразительный, звучный, понятный. Мы его забыли, но

станемъ изучать дѣтей, и около нихъ мы его скоро припомнимъ. Учителями этого языка намъ могутъ быть кормилицы; онѣ понимаютъ все, что говорятъ ихъ питомцы; онѣ отвѣчаетъ имъ, ведутъ съ ними должные разговоры, и, хотя произносятъ слова, но слова эти совершенно излишни. Дѣти понимаютъ не смыслъ слова, а выраженіе, съ которымъ оно сказано.

Къ языку голоса присоединяется не менѣе энергическій языкъ жеста. Этого жеста нужно искать не въ слабыхъ рукахъ дѣтей, а на ихъ лицахъ. Удивительно, какъ много выраженія въ этихъ, еще не вполнѣ сформировавшихся физіономіяхъ: черты ихъ ежеминутно измѣняются съ непостижимою быстротой: вы видите, какъ улыбка, желаніе, страхъ появляются на ихъ лицахъ и исчезаютъ, подобно молніи; каждый разъ вы какъ будто видите, новое лицо. Мускулы лица у нихъ несомнѣнно подвижнѣе, чѣмъ у насъ, но взамѣнъ того тусклые глаза ихъ почти ничего не говорятъ. Таковы и должны быть внѣшнія выраженія въ возрастѣ, когда знакомы только тѣлесныя нужды: *въ движеніяхъ мускуловъ лица выражаются ощущенія, во взглядахъ — чувства.*

Такъ какъ первое состояніе человѣка—состояніе безпомощности и слабости, то первыми звуками его бываютъ жалоба и плачъ. Ребенокъ чувствуетъ нужды и не можетъ имъ удовлетворить,—криками испрашиваетъ онъ чужой помощи. Изъ этого плача, который, казалось бы, такъ мало заслуживаетъ вниманія, возникаетъ первое отношеніе человѣка ко всему, что его окружаетъ. Здѣсь куется первое звено длинной цѣпи, изъ которой образуется общественный строй.

Когда ребенокъ плачетъ, онъ даетъ знать, что ему не по себѣ, что онъ испытываетъ какую-нибудь потребность, удовлетворить которой не сможетъ: мы разъискиваемъ, стараемся найти, какого рода эта потребность, и, найдя ее, удовлетворяемъ ей. Если мы не находимъ этой потребности или не можемъ удовлетворить ей, плачъ продолжается и начинаетъ надоѣдать: ребенка ласкаютъ, чтобы заставить замолчать; убаюкиваютъ, чтобы заставить заснуть; если онъ упрямится, является раздраженіе и ребенку начинаютъ грозить; грубыя кормилицы бьютъ его иногда. Странныя наставленія на первый путь жизни!

Я никогда не забуду одного изъ такихъ безпокойныхъ плаксъ,

прибитаго при мнѣ кормилицей. Онъ тотчасъ же замолчалъ: я подумалъ, что онъ испугался. „Вотъ будетъ раболѣпная душа, отъ которой, иначе какъ строгостью, нечего не добьешься“,— подумалъ я. Я ошибся: несчастный задыхался отъ гнѣва. У него захватило дыханіе; я видѣлъ, какъ онъ посинѣлъ. Чрезъ минуту послышались пронзительные крики: вся злоба, ярость и отчаяніе, на какіе способенъ этотъ возрастъ, выражались въ этихъ крикахъ. Я боялся, чтобы онъ не умеръ отъ этого волненія. Еслибъ я даже сомнѣвался, что чувство справедливаго и несправедливаго прирождено человѣческому сердцу, одинъ этотъ примѣръ убѣдилъ бы меня. Я увѣренъ, что горячій уголь, упавшій случайно на руку этого ребенка, былъ бы ему менѣе чувствителенъ, чѣмъ ударъ довольно слабый, но нанесенный съ очевиднымъ намѣреніемъ оскорбить его.

Это расположеніе дѣтей къ вспыльчивости, досадѣ, гнѣву, требуетъ чрезвычайной осторожности. Старательно удаляйте отъ дѣтей прислугу, которая ихъ дразнитъ, сердитъ, раздражаетъ; она для нихъ въ сто разъ вреднѣе, чѣмъ суровость воздуха и погоды. Пока дѣти будутъ встрѣчать сопротивленіе только въ вещахъ, а не въ волѣ, они не сдѣлаются ни своенравными, ни злыми, и будутъ здоровѣе. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ, почему дѣти простолюдиновъ, болѣе свободныя, болѣе независимыя, вообще не такъ болѣзненны, не такъ изнѣжены, гораздо крѣпче, чѣмъ тѣ, которыхъ мечтаютъ лучше воспитать помощью постоянныхъ возраженій на ихъ желанія. Надо однако помнить, что большая разница—повиноваться имъ и—не дразнить ихъ.

Первый плачъ дѣтей выражаетъ просьбу: при недостаткѣ осторожности, просьбы дѣтей скоро превращаются въ приказанія; сначала дѣти просятъ помощи, а потомъ заставляютъ себѣ повиноваться. Такимъ образомъ, слабость, внушающая имъ сначала чувство зависимости, порождаетъ потомъ идею власти и господства; но такъ какъ не столько ихъ потребности, сколько наши услуги возбуждаютъ въ нихъ эту идею, то тутъ начинаютъ уже проявляться нравственныя дѣйствія, непосредственная причина которыхъ лежитъ не въ природѣ; и вотъ почему съ самаго перваго возраста слѣдуетъ разбирать тайное намѣреніе, внушающее ребенку жестъ или крикъ.

Когда ребенокъ протягиваетъ руку, молча и съ усиліемъ, онъ думаетъ достать предметъ, потому что не оцѣниваетъ разстоянія: онъ заблуждается въ этомъ случаѣ. Но когда, протягивая руку, онъ жалуется и кричитъ, тогда онъ не обманывается относительно разстоянія, а приказываетъ или предмету приблизиться, или вамъ принести его. Въ первомъ случаѣ, медленными шагами поднесите ребенка къ предмету; во второмъ, не показывайте даже вида, что слышите крикъ; чѣмъ сильнѣе онъ будетъ, тѣмъ меньше должны вы его слушаться. Съ раннихъ поръ слѣдуетъ пріучить ребенка не повелѣвать ни людямъ, потому что онъ имъ не господинъ, ни вещамъ, потому что онѣ его не слышатъ. Такимъ образомъ, если ребенокъ желаетъ какой-нибудь вещи, которую видитъ и которую хотятъ ему дать, *лучше поднести ребенка къ вещи, нежели вещь къ ребенку:* онъ извлекаетъ изъ этого дѣйствія выводъ, который свойственъ его возрасту и котораго иначе нѣтъ средствъ внушить ему.

Гоббсъ назвалъ злого человѣка сильнымъ ребенкомъ. Это совершенно ложно. *Злость всегда порождается слабостью*: ребенокъ только потому и золъ, что слабъ; сдѣлайте его сильнымъ, онъ будетъ добръ: личность, которая могла бы *всегда* и *все* сдѣлать, никогда не дѣлала бы зла. Изъ всѣхъ аттрибутовъ всемогущаго Божества доброта есть такой аттрибутъ, безъ котораго нельзя себѣ представить Божество. Всѣ народы, признававшіе существованіе двухъ началъ, всегда считали злое начало слабѣе добраго.

Одинъ только разумъ научаетъ насъ распознавать добро и зло. Хотя совѣсть, благодаря которой мы любимъ одно и ненавидимъ другое, и не зависитъ отъ разума, но не можетъ безъ него развиваться. До наступленія разумныхъ лѣтъ, мы дѣлаемъ добро и зло, сами того не зная. Ребенку хочется взбудоражить все, что онъ видитъ, до чего можетъ достать: онъ хватаетъ птицу, какъ схватилъ бы камень, и душитъ ее, не сознавая, что дѣлаетъ. Отчего это? Философія объясняетъ это врожденными пороками: надменностью, властолюбіемъ, самолюбіемъ, злостью человѣка; сознаніе своей слабости, могла-бы она прибавить, дѣлаетъ ребенка жаждущимъ поступковъ, выражающихъ силу и доказывающихъ ему его собственное могущество.

Но взгляните на дряхлаго и немощнаго старика, котораго

круговоротъ человѣческой жизни снова привелъ къ слабости ребяческаго возраста: онъ не только остается неподвижнымъ и спокойнымъ, но хочетъ еще, чтобъ все было спокойно вокругъ него. Малѣйшая перемѣна тревожитъ и безпокоитъ его. Какимъ же образомъ то же безсиліе, соединенное съ тѣми же страстями, произвело бы столь различныя дѣйствія въ двухъ возрастахъ, если бы первоначальная причина не была различна? А въ чемъ можно искать это различіе причинъ, какъ не въ физической организаціи двухъ индивидовъ? Дѣятельное начало, свойственное обоимъ, въ одномъ развивается, а въ другомъ потухаетъ; одинъ стремится къ жизни, а другой къ смерти.

Ослабѣвающая дѣятельность сосредоточивается въ сердцѣ старика; у ребенка же она изобилуетъ, выходитъ наружу; онъ чувствуетъ въ себѣ, такъ сказать, достаточно жизни, чтобы оживить все, что его окружаетъ. Создаетъ ли онъ, или разрушаетъ, все равно—лишь бы измѣнилось состояніе предметовъ: всякое измѣненіе есть дѣйствіе. Если у ребенка замѣтна, повидимому, большая наклонность къ разрушенію, такъ это происходитъ не отъ злости, а отъ того, что дѣйствіе созидающее всегда медленно, а разрушающее, будучи быстрѣе, больше подходитъ къ его живости.

Надѣляя дѣтей этимъ дѣятельнымъ началомъ, Творецъ вселенной озаботился, чтобы оно не было слишкомъ вредоносно, и отказалъ имъ въ силѣ.

Но, какъ скоро у дѣтей является возможность смотрѣть на окружающихъ ихъ людей, какъ на орудіе, употребленіе котораго находится въ ихъ власти, они пользуются этимъ орудіемъ для удовлетворенія своимъ наклонностямъ и возмѣщенія своей слабости. Вотъ какимъ образомъ они становятся неугомонными, тиранами, надменными, злыми, неукротимыми. Свойства эти возбуждаются не прирожденнымъ духомъ господства, а напротивъ, сами возбуждаютъ этотъ духъ: потому-то не нужно долгаго опыта для того, чтобы почувствовать, какъ пріятно дѣйствовать чужими руками и, пошевеливъ языкомъ, приводить въ движеніе всю вселенную.

Выростая, пріобрѣтаешь силы, становишься менѣе безпокойнымъ, менѣе подвижнымъ, углубляешься въ самого себя. Душа и тѣло приходятъ, такъ сказать, въ равновѣсіе, а природа

начинаетъ требовать только то количество движенія, какое необходимо для самосохраненія. Но желаніе повелѣвать не замираетъ вмѣстѣ съ потребностью, которая его породила: власть будитъ самолюбіе и льститъ ему, а привычка подкрѣпляетъ его: прихоть смѣняетъ, такимъ образомъ, потребность.

Разъ намъ извѣстно основное начало, мы должны ясно видѣть пунктъ, гдѣ покидается естественный путь: посмотримъ же, что нужно сдѣлать, чтобы удержаться на немъ.

У дѣтей нѣтъ не только избытка въ силахъ, но нѣтъ даже достаточно силъ для всего, чего отъ нихъ требуетъ природа; нужно, слѣдовательно, предоставить имъ пользованіе всѣми силами, которыми она ихъ надѣляетъ и которыми они не въ состояніи злоупотреблять. Это — первое правило.

Во всемъ, что касается физическихъ потребностей, имъ нужно помогать и вознаграждать то, чего имъ не хватаетъ по части ума и силы. Это—второе правило.

Помогая имъ, нужно ограничиваться только дѣйствтельно необходимымъ, не дѣлая никакихъ уступокъ прихоти или безпричинному желанію: прихоти не будутъ ихъ мучить, если ихъ не возбудятъ въ нихъ, потому что онѣ не прирождены ребенку. Это —третье правило.

Нужно заботливо изучать языкъ и знаки ребенка, чтобы въ возрастѣ, когда онъ не умѣетъ лгать, различать тѣ желанія, которыя непосредственно внушены природою, отъ тѣхъ, которыя навѣяны прихотью. Это—четвертое правило.

Духъ этихъ правилъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставлять дѣтямъ побольше настоящей свободы и поменьше власти, предоставить имъ побольше дѣйствовать самимъ и поменьше требовать дѣйствій отъ другихъ.

Такимъ образомъ, пріучаясь съ раннихъ поръ ограничивать свои желанія, сообразно своимъ силамъ, они не будутъ ощущать лишенія въ томъ, что находится внѣ ихъ власти.

Вотъ новая и весьма важная причина предоставлять полнѣйшую свободу тѣлу дѣтей, заботясь только объ устраненіи отъ нихъ возможности паденія и такихъ предметовъ, которыми они могли бы ушибиться.

Ребенокъ, члены котораго свободны, будетъ неминуемо меньше плакать, чѣмъ ребенокъ, затянутый свивальниками. Ребенокъ,

которому знакомы одни только физическія потребности, плачетъ только тогда, когда страдаетъ. Вамъ дѣлается тотчасъ же извѣстно, что онъ нуждается въ помощи, и необходимо немедленно подать ему эту помощь. Но, если вы не можете облегчить страданій, оставайтесь въ покоѣ и не ласкайте его, съ цѣлью успокоить. Ваши ласки не ослабятъ его коликъ, а между тѣмъ ребенокъ будетъ помнить, что нужно сдѣлать для того, чтобы его приласкали. Если онъ хоть одинъ разъ сумѣетъ занять васъ собою, когда захочетъ, онъ уже овладѣлъ вами и все пропало. Менѣе стѣсненныя въ своихъ движеніяхъ, дѣти будутъ меньше плакать; рѣже раздражаемые ихъ плачемъ, вы меньше станете мучиться, заставляя ихъ молчать; рѣже слыша ласковыя слова или угрозы, дѣти будутъ не такъ боязливы и не такъ упрямы, и скорѣе сохранятъ свой природный нравъ. Я вовсе не желаю, чтобы пренебрегали дѣтьми; напротивъ того, слѣдуетъ предупреждать ихъ нужды, а не ждать крикливыхъ заявленій. Но я не хочу также, чтобы попеченія о ребенкѣ были безтолковы.

Продолжительный плачъ ребенка, который не спеленатъ, не боленъ и ни въ чемъ не нуждается, проистекаетъ отъ привычки и упрямства. Тутъ виновата не природа, а кормилица, которая не умѣетъ переносить докучливости плача и не помышляетъ о томъ, что, заставляя ребенка замолчать сегодня, подстрекаетъ его еще сильнѣе плакать завтра. Единственный способъ уничтожить или предупредить эту привычку состоитъ въ томъ, чтобы не обращать на нее никакого вниманія. Даже и дѣти не любятъ трудиться даромъ. Они упорны въ своихъ попыткахъ, но если ваше постоянство пересилитъ ихъ упорство, оно имъ надоѣдаетъ, и они отъ него отказываются. Капризный плачъ можно, впрочемъ, прекратить, развлекая ребенка какимъ-нибудь красивымъ и бросающимся въ глаза предметомъ. Большинство кормилицъ отличаются этимъ искусствомъ, и если съ разборомъ употреблять его, оно очень полезно. Но въ высшей степени важно, чтобы ребенокъ не замѣтилъ намѣренія развлечь его, и веселился, не думая, что о немъ заботятся: и въ этомъ-то всѣ кормилицы крайне неловки.

Теперь во всемъ отвыкли отъ простоты. Даже дѣтямъ завели серебряныя и золотыя погремушки, надавали имъ цѣнныхъ игрушекъ всякаго рода. Прочь все это: маленькія вѣтки съ фрук-

тами и листьями, маковыя головки, гдѣ гремятъ зерна, солодковый корень, который ребенокъ можетъ сосать и жевать, будутъ забавлять его столько же, сколько и эти великолѣпныя бездѣлушки, и не будутъ пріучать его къ роскоши съ самаго рожденія.

Дѣти слышатъ говоръ съ самаго рожденія. Съ ними говорятъ не только прежде, нежели они начнутъ понимать сказанное, но прежде, нежели могутъ передать слышанный голосъ. Оцѣпенѣлый органъ ихъ только мало по малу начинаетъ подражать звукамъ, которые слышитъ, и неизвѣстно даже, одинаково ли отчетливо передаются вначалѣ эти звуки въ ихъ ушахъ, какъ и въ нашихъ. Я не противъ того, чтобы кормилица забавляла ребенка пѣніемъ и веселыми разнообразными звуками, но она не должна безпрерывно оглушать его потокомъ безполезныхъ словъ, изъ которыхъ онъ ровно ничего не понимаетъ, кромѣ тона, какимъ они произносятся. Желательно, чтобы первые слога, долетающіе до уха ребенка, были протяжны, легки, ясны, чтобы они часто повторялись, и чтобы слова, выражаемыя ими, касались только видимыхъ предметовъ, которые можно показать ребенку. Несчастная легкость, съ какою мы удовлетворяемся словами, значенія которыхъ не понимаемъ, рождается раньше, чѣмъ мы думаемъ.

Ученикъ въ классѣ слушаетъ разглагольствованія учителя, такъ же какъ въ пеленкахъ слушалъ болтовню кормилицы. Мнѣ кажется, что весьма полезно было-бы такое воспитаніе, при которомъ все это оставалось бы для него совершенно непонятнымъ.

Идеи тѣснятся толпою, когда вздумаешь заняться образованіемъ рѣчи и первыхъ разговоровъ дѣтей. Что бы ни дѣлали, а дѣти научатся говорить всетаки тѣмъ же путемъ, и всѣ философскія умозрѣнія здѣсь совершенно безполезны.

Во первыхъ, у нихъ есть, такъ сказать, своя грамматика, синтаксисъ которой состоитъ изъ болѣе общихъ правилъ, чѣмъ нашъ; и еслибъ на него обращали больше вниманія, то изумились бы точности, съ какою дѣти держатся нѣкоторыхъ аналогій, весьма ошибочныхъ, если хотите, но весьма послѣдовательныхъ, и которыя непріятны для уха по своей рѣзкости, да еще потому, что обычай ихъ не допускаетъ. Я слышалъ, какъ одного бѣднаго ребенка разбранилъ отецъ за то, что тотъ сказалъ ему: mon

père, irai-je-t-y? А между тѣмъ ребенокъ лучше слѣдитъ за аналогіею, чѣмъ наши составители грамматикъ: если ему говорятъ „vas-y“, отчего же ему не сказать „irai-je-t-y“? Замѣтьте, кромѣ того, съ какой ловкостью онъ обошелъ непріятное сочетаніе гласныхъ въ irai-je t-y, или y-irai-je? Виноватъ ли бѣдный ребенокъ, если мы совсѣмъ не кстати выбрасываемъ здѣсь опредѣлительное нарѣчіе „y“, потому что не можетъ сладить съ нимъ? Старанія исправлять въ рѣчи дѣтей эти маленькія ошибки, отъ которыхъ они современемъ отучатся сами собою, — нестерпимое педантство и безполезнѣйшее дѣло. Говорите всегда съ дѣтьми правильнымъ языкомъ, сдѣлайте такъ, чтобы они предпочитали ваше общество всякому другому, и будьте увѣрены, что нечувствительно рѣчь ихъ станетъ такою же правильною, какъ и ваша, хотя бы вы никогда не поправляли ихъ ошибокъ.

Но однимъ изъ болѣе важныхъ злоупотребленій и которое не такъ легко предупредить, является поспѣшность, съ какою заставляютъ говорить дѣтей; точно боятся, что они не научатся говорить сами собою. Эта неумѣстная поспѣшность производитъ дѣйствіе, совершенно обратное тому, какого отъ нея ожидаютъ. Дѣти начинаютъ отъ этого говорить позже и менѣе явственно: чрезвычайное вниманіе, съ какимъ встрѣчается ихъ лепетъ, избавляетъ ихъ отъ труда хорошо произносить слова, и у многихъ на всю жизнь остается дурное произношеніе и неясная рѣчь.

Я много жилъ между крестьянами и никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ картавилъ. Отчего это происходитъ? Развѣ органы у крестьянъ устроены иначе, нежели у насъ? Нѣтъ, эти органы иначе упражняются. Противъ моего окна есть холмикъ, на которомъ собираются для игръ окрестные ребятишки. Хотя они играютъ на довольно большомъ разстояніи отъ меня, но я отлично слышу все, что они говорятъ, и часто пріобрѣтаю изъ разговора хорошіе матеріалы для этого сочиненія. Каждый день ухо обманываетъ меня насчетъ ихъ возраста: мнѣ слышатся голоса десятилѣтнихъ дѣтей; взгляну, — и вижу ростъ и черты трехъ или четырехъ-лѣтнихъ. Я не ограничивался собою для этого опыта: городскіе жители, которые навѣщаютъ меня, впадали въ ту же самую ошибку. Разница въ этомъ случаѣ происходитъ отъ того, что городскія дѣти, воспитываемыя до пяти

или шести лѣтъ въ комнатѣ и подъ крылышкомъ гувернантки, должны только пробормотать, чтобы быть понятыми: едва они шевелятъ губами, какъ ихъ уже стараются разслушать; имъ подсказываютъ слова, которыя они плохо передаютъ, а такъ какъ ребенка постоянно окружаютъ одни и тѣ же лица, то, вслѣдствіе напряженнаго вниманія, они скорѣе отгадываютъ, нежели выслушиваютъ то, что онъ хотѣлъ сказать.

Въ деревнѣ совсѣмъ иное дѣло. Крестьянка не вертится безпрестанно около своего ребенка: онъ принужденъ очень отчетливо и громко выговаривать то, что ему нужно сказать. Въ полѣ, дѣти, разсѣянныя, удаленныя отъ отца, матери и другихъ дѣтей, изощряются говорить издалека и соразмѣрять свой голосъ съ разстояніемъ, отдѣляющимъ ихъ отъ того, къ кому они обращаются. Вотъ какимъ образомъ дѣйствительно научаются произношенію, а не бормотаньемъ нѣсколькихъ гласныхъ на ухо внимательной гувернантки. Поэтому, когда мы обращаемся съ вопросомъ къ крестьянскому ребенку, стыдъ можетъ помѣшать ему отвѣчать; но то, что ребенокъ скажетъ, онъ скажетъ отчетливо, между тѣмъ какъ для разговора съ городскимъ ребенкомъ необходимо, чтобы нянька служила переводчикомъ.

Бываютъ, разумѣется, исключенія, и часто дѣти, которыхъ сначала было наименѣе слышно, становятся потомъ, когда начнутъ возвышать голосъ, самыми шумливыми. Но еслибъ нужно было входить во всѣ эти мелочи, то никогда конца не было бы; всякій благоразумный читатель долженъ понять, что излишекъ и недостатокъ, порождаемые однимъ и тѣмъ же источникомъ, одинаково исправляются моею методою.

Съ лѣтами дѣти должны бы исправляться отъ дурнаго выговора въ учебныхъ заведеніяхъ: и дѣйствительно, воспитанники такихъ заведеній говорятъ вообще явственнѣе, нежели дѣти, которыя всегда воспитывались въ родительскомъ домѣ Но имъ мѣшаетъ пріобрѣсти такой же чистый выговоръ, какъ у крестьянъ, постоянная необходимость выучивать наизусть пропасть вещей; заучивая урокъ, они привыкаютъ бормотать, небрежно и дурно произносить слова; а когда приходится отвѣчать урокъ, они съ усиліемъ припоминаютъ слова, растягиваютъ слога, такъ какъ невозможно, чтобы языкъ не запинался, когда память измѣняетъ. Такимъ образомъ пріобрѣтаются или сохраняются недостатки въ

произношеніи. Всѣ небольшіе недостатки, которыхъ такъ боятся въ дѣтской рѣчи, незначительны; устранить или исправить ихъ очень легко; но недостатки, которыми ихъ надѣляютъ, пріучая къ глухой, невнятной, робкой рѣчи, безпрерывно критикуя ихъ интонацію и перебирая каждое ихъ слово, никогда не исправляются. Человѣка, выучившагося говорить въ спальнѣ, плохо будетъ слышно во главѣ батальона и среди волнующейся толпы. Научите сначала дѣтей говорить съ мужчинами, а съ женщинами они сами съумѣютъ говорить, когда понадобится.

Вскормленный въ деревнѣ, среди сельской простоты, ребенокъ вашъ пріобрѣтетъ звонкій голосъ; онъ не пріучится тамъ къ невнятному бормотанью городскихъ дѣтей; онъ не перейметъ также ни деревенскихъ выраженій, ни деревенскаго тона, или, по крайней мѣрѣ, легко отъ нихъ отвыкнетъ, если наставникъ, съ самаго рожденія живущій съ нимъ и съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе покидающій его, предупредитъ или исправитъ правильностью своей рѣчи впечатлѣніе рѣчи крестьянской. Эмиль будетъ говорить по-французски такъ же чисто, какъ и я, но онъ будетъ говорить гораздо внятнѣе и произносить слова гораздо лучше меня. Ребенокъ, который начинаетъ говорить, долженъ слышать только такія слова, которыя можетъ понять, а говорить только такія, которыя можетъ выговорить. Усилія, которыя онъ дѣлаетъ при этомъ, побуждаютъ его повторять одинъ и тотъ же слогъ, какъ бы для того, чтобъ привыкнуть произносить его. Когда онъ начинаетъ лепетать, не ломайте головы надъ тѣмъ, чтобы отгадать, что онъ хочетъ сказать. Притязательность человѣка на то, чтобъ его всегда выслушивали, есть также родъ власти, а ребенокъ не долженъ имѣть никакой власти.

Достаточно, если вы будете внимательны къ настоятельнымъ нуждамъ его, а затѣмъ онъ долженъ стараться дать понять вамъ то, что не крайне необходимо. Тѣмъ менѣе слѣдуетъ торопиться въ возбужденіи дѣтей къ говору: ребенокъ самъ съумѣетъ говорить, когда почувствуетъ въ томъ необходимость. Замѣчено, правда, что дѣти, которыя начинаютъ говорить очень поздно, никогда не говорятъ явственно, но они косноязычны не оттого, что поздно заговорили, а наоборотъ, заговорили поздно оттого, что родились косноязычными. Иначе, почему же они заговорили

бы позднѣе другихъ? Развѣ имъ представлялось меньше случаевъ говорить или ихъ меньше принуждали къ говору? Напротивъ, безпокойство, причиняемое этимъ замедленіемъ, производитъ то, что ихъ гораздо больше стараются заставить бормотать, нежели тѣхъ, которыя заговорили раньше, а этой безтолковою поспѣшностью еще болѣе затрудняютъ рѣчь, которую они успѣли бы, можетъ быть, усовершенствовать.

Дѣтямъ, которыхъ торопятъ говорить, некогда пріучиться ни къ хорошему произношенію, ни къ ясному пониманію того, что имъ говорятъ; тогда какъ, если имъ предоставляютъ свободу, они сначала начинаютъ съ самыхъ легкихъ слоговъ, и мало по малу, придавая имъ значеніе, которое объясняется ихъ жестами, говорятъ вамъ свои слова, не слыхавъ еще вашихъ словъ, которыя перенимаютъ, не торопясь, и только тогда, когда поймутъ ихъ.

Самое большое зло, проистекающее отъ поспѣшности, съ какою заставляютъ говорить дѣтей, заключается не въ томъ, что первыя рѣчи, которыя имъ говорятъ, и первыя слова, которыя они произносятъ, не имѣютъ для нихъ никакого смысла, а въ томъ, что дѣти придаютъ этимъ рѣчамъ и словамъ не тотъ смыслъ, какой мы имъ придаемъ, и что мы этого не замѣчаемъ; такъ что, отвѣчая намъ повидимому весьма точно, они говорятъ, не понимая насъ, а мы слушаемъ, не понимая ихъ. Подобныя недоразумѣнія порождаютъ обыкновенно и изумленіе, въ какое повергаютъ насъ иногда рѣчи дѣтей, которымъ мы приписываемъ идеи, какихъ сами дѣти вовсе имъ не придавали.

Невниманіе наше къ настоящему смыслу, который слова имѣютъ для дѣтей, кажется мнѣ причиною первыхъ ихъ ошибокъ, а эти ошибки, будучи даже исправлены впослѣдствіи, оказываютъ вліяніе на складъ ихъ ума, которое не изглаживается во всю жизнь. Я буду не разъ имѣть случай разъяснить это примѣрами.

Итакъ, по возможности ограничивайте словарь ребенка. Весьма нехорошо, если у него больше словъ, нежели идей, и если онъ можетъ наговорить больше, нежели можетъ обдумать. Я полагаю, что одна изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ умъ крестьянъ обыкновенно точнѣе ума городскихъ жителей, — то, что словарь крестьянъ не такъ обширенъ.

У нихъ мало идей, но они хорошо ихъ сопоставляютъ. Всѣ стороны въ ребенкѣ развиваются сначала почти разомъ. Онъ почти одновременно учится говорить, ѣсть, ходить. Тутъ собственно начинается первая эпоха его жизни. До этой поры онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ во чревѣ матери: у него нѣтъ ни чувствъ, ни идей, едва-едва существуютъ у него ощущенія; онъ не чувствуетъ даже собственнаго существованія:

Vivit, et est vitae nescius ipse suae.

Ovid, Trist, lib. I.

(„Онъ живетъ, а самъ не сознаетъ этого").

Книга вторая.

Когда дѣти начинаютъ говорить, они меньше плачутъ: одинъ языкъ замѣняется другимъ. Какъ скоро ребенокъ можетъ передать словами, что онъ страдаетъ, зачѣмъ онъ станетъ передавать это крикомъ, исключая развѣ случай такой сильной боли, которой словами выразить нельзя? Если дѣти продолжаютъ тогда плакать, то это вина людей, окружающихъ ихъ. Если ребенокъ слабъ, чувствителенъ, если онъ кричитъ изъ-за пустяковъ, то, сдѣлавъ эти крики недѣйствительными, я не иду къ нему и подбѣгаю тотчасъ же, какъ онъ замолкнетъ. Скоро молчаніе или простая подача голоса будутъ его зовомъ. Дѣти судятъ о смыслѣ знаковъ по ихъ видимому дѣйствію; какъ бы ни ушибся ребенокъ, если онъ одинъ,—онъ рѣдко заплачетъ, развѣ понадѣется, что его услышатъ. Если онъ упадетъ, наживетъ себѣ синякъ, разобьетъ носъ до крови или обрѣжетъ себѣ палецъ, вмѣсто того, чтобы съ испуганнымъ видомъ засуетиться около него, я останусь спокойнымъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Бѣда случилась:—необходимо, чтобъ онъ перенесъ ее; всякая суетливость можетъ только больше напугать его и усилить въ немъ чувствительность. Когда ребенокъ ушибается, боль мучитъ меньше, чѣмъ страхъ. Я, по крайней мѣрѣ, избавлю его отъ послѣдняго страданія, потому что онъ непремѣнно будетъ судить о

своемъ страданіи по моему сужденію: если онъ увидитъ, что я съ безпокойствомъ бѣгу утѣшать его, сожалѣть о немъ, то сочтетъ себя погибшимъ; если же увидитъ, что я сохраняю все свое хладнокровіе, то скоро ободрится самъ. Въ этомъ-то возрастѣ и получаются первые уроки мужества; безъ страха перенося легкую боль, научаются мало по малу переносить сильнѣйшія.

Я не только не старался бы охранять Эмиля отъ ушибовъ, но напротивъ былъ бы очень недоволенъ, если бъ онъ никогда не ушибался и выросъ, не зная, что такое страданіе. Страдать— первая вещь, которой онъ долженъ научиться и которая всего больше понадобится ему. Пока дѣти малы и слабы, они могутъ совершенно безопасно брать эти важные уроки. Если ребенокъ свалится съ ногъ, онъ не переломитъ себѣ ноги; если ударитъ себя палкою, не переломитъ руки; если схватитъ острый ножъ, то не глубоко порѣжетъ себя. Я не слыхалъ, чтобы дѣти на свободѣ когда-либо убивались до смерти, искалѣчивали или сильно ранили себя, исключая развѣ случаевъ, что ихъ неосторожно оставляли на возвышенномъ мѣстѣ, около огня или съ опасными инструментами въ рукахъ. Не нелѣпо ли, что вокругъ ребенка устраиваютъ цѣлый арсеналъ разныхъ орудій съ цѣлью оградить его съ головы до ногъ отъ боли, такъ что, сдѣлавшись взрослымъ и не имѣя ни мужества, ни опытности, онъ при первой царапинѣ считаетъ себя умирающимъ и падаетъ въ обморокъ при видѣ первой капли крови?

Мы вѣчно силимся учить дѣтей тому, чему они гораздо лучше научатся сами, а забываемъ о томъ, чему мы одни могли бы ихъ научить. Есть ли что-нибудь глупѣе старанія, съ какимъ учатъ ходить ребенка, какъ будто видано, чтобы кто-нибудь, будучи взрослымъ, не умѣлъ ходить вслѣдствіе небрежности кормилицы? Напротивъ того, сколько мы видимъ людей, которые дурно ходятъ оттого, что ихъ дурно учили ходить!

У Эмиля не будетъ ни предохранительныхъ шапочекъ, ни корзинъ на колесахъ, ни телѣжекъ, ни помочей; какъ скоро онъ научится передвигать ноги, его будутъ поддерживать только на мостовой, быстро минуя ее. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и слабѣе, какъ походка людей, которыхъ въ дѣтствѣ долго водили на помочахъ; это опять одно изъ тѣхъ замѣчаній, которыя становятся пошлыми вслѣдствіе своей вѣрности и которыя вѣрны не въ од-

номъ смыслѣ. Вмѣсто того, чтобы давать ребенку засиживаться въ испорченномъ комнатномъ воздухѣ, пусть его ежедневно пускаютъ въ поле.

Пусть онъ тамъ бѣгаетъ, рѣзвится, падаетъ сто разъ въ день: тѣмъ скорѣе научится онъ подниматься. Благодатное ощущеніе свободы выкупаетъ много ранъ. Мой воспитанникъ будетъ часто ушибаться, но зато онъ будетъ всегда веселъ, и хотя ваши ушибаются рѣже, зато они всегда недовольны, всегда скованы, всегда грустны. Я сомнѣваюсь, чтобы выгода была на ихъ сторонѣ. Другая сторона развитія дѣлаетъ жалобы ребенка еще менѣе необходимыми для него: я подразумѣваю увеличеніе силъ. Получая возможность больше дѣйствовать симъ, онъ меньше нуждается въ чужой помощи. Вмѣстѣ съ силою развивается знаніе, которое даетъ ему средства управлять ею. Въ этомъ второмъ періодѣ начинается собственно жизнь индивида; тогда онъ начинаетъ сознавать себя. Память распространяетъ чувство тожества на всѣ моменты его существованія; онъ въ самомъ дѣлѣ становится однимъ, все тѣмъ же, и поэтому способнымъ ощущать и радость, и горе. Слѣдовательно, теперь надо начать смотрѣть на него, какъ на нравственное существо. Хотя средній предѣлъ жизни человѣческой, равно какъ и вѣроятность, которая имѣется въ каждомъ возрастѣ достигнуть этого предѣла, опредѣляются довольно точно, но нѣтъ ничего менѣе вѣрнаго, какъ продолжительность жизни каждаго человѣка въ частности; весьма немногіе достигаютъ средняго предѣла. Наибольшимъ опасностямъ подвергается жизнь въ самомъ началѣ; чѣмъ меньше жилъ человѣкъ, тѣмъ меньше представляется надежды жить. Едва половина всѣхъ рождающихся дѣтей достигаетъ отрочества, и есть вѣроятность, что воспитанникъ вашъ не доживетъ до возмужалости. Какъ же назвать варварское воспитаніе, которое настоящее приноситъ въ жертву невѣрному будущему, налагаетъ на ребенка всевозможныя оковы и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ его несчастнымъ, съ цѣлью приготовить вдали какое-то воображаемое счастье, которымъ онъ, вѣроятно, никогда не воспользуется? Еслибъ я даже считалъ это воспитаніе разумнымъ по своей цѣли, то можно ли безъ негодованія смотрѣть на несчастныя жертвы, подчиненныя нестерпимому игу и осужденныя на каторжный трудъ, безъ увѣренности, чтобы всѣ эти заботы были когда-либо полезны

имъ? Лѣта веселья проходятъ въ слезахъ, наказаніяхъ, въ страхѣ и рабствѣ. Несчастнаго мучатъ для его пользы и не видятъ смерти, которую призываютъ и которая поразитъ его въ этой грустной обстановкѣ. Кто знаетъ, сколько дѣтей погибаетъ жертвою сумасбродной мудрости отца или наставника? Единственное благо, извлекаемое ими изъ вынесенныхъ страданій,—смерть безъ сожалѣній о жизни, въ которой они знали одну только муку.

Люди, будьте человѣчны! Это вашъ первый долгъ. Будьте человѣчны для всѣхъ состояній, для всѣхъ возрастовъ, для всего, что нечуждо человѣку! Какая мудрость можетъ быть для васъ внѣ человѣчности? Любите дѣтство; будьте внимательны къ его играмъ, забавамъ, къ его милому инстинкту. Кто изъ васъ не жалѣлъ иногда объ этомъ возрастѣ, когда улыбка всегда на губахъ, когда душа всегда покойна! Зачѣмъ хотите вы отнять у этихъ маленькихъ, невинныхъ созданій пользованіе золотымъ временемъ, которое убѣгаетъ отъ нихъ такъ быстро и безвозратно?

Сколько голосовъ поднимается противъ меня! Я издали слышу вопли той ложной мудрости, которая непрестанно отвлекаетъ насъ отъ самихъ себя, презираетъ настоящее и неутомимо преслѣдуетъ будущее, убѣгающее по мѣрѣ приближенія къ нему, и переноситъ насъ туда, гдѣ мы никогда не будемъ.

Вы говорите, что въ это-то время и нужно исправлять дурныя наклонности человѣка, что въ дѣтскомъ именно возрастѣ, когда горе менѣе чувствительно, нужно умножать его, чтобы предохранить отъ него разумный возрастъ? Но кто вамъ сказалъ, что это въ рукахъ вашихъ, и что прекрасныя наставленія, которыми вы обременяете слабый умъ ребенка, не будутъ для него со временемъ болѣе вредны, чѣмъ полезны? Зачѣмъ, не будучи увѣренными, что настоящія страданія предотвращаютъ отъ него будущія, причиняете вы ему больше страданій, нежели связано съ его состояніемъ? и чѣмъ докажете вы мнѣ, что дурныя наклонности, отъ которыхъ вы намѣреваетесь его исправить, не порождаются въ немъ вашими безтолковыми попеченіями гораздо болѣе, чѣмъ природою? Несчастная предусмотрительность, которая заставляетъ человѣка бѣдствовать въ настоящемъ, основываясь на невѣрной надеждѣ сдѣлать его счастливымъ въ буду-

щемъ! Но если грубые резонеры смѣшиваютъ своевольство съ свободою и счастливаго ребенка съ избалованнымъ, то надо объяснить имъ дѣло.

Человѣчеству опредѣлено мѣсто въ общемъ строѣ вселенной; ребенку опредѣлено мѣсто въ строѣ человѣческой жизни. Въ человѣкѣ нужно разсматривать человѣка, а въ ребенкѣ ребенка. Указать каждому его мѣсто и укрѣпить его за нимъ, регулировать человѣческія страсти сообразно организаціи человѣка, вотъ все, что мы можемъ сдѣлать для его благосостоянія. Остальное зависитъ отъ постороннихъ причинъ, которыя находятся не въ нашей власти.

Мы не знаемъ, что такое абсолютное счастье или несчастье. Все смѣшано въ жизни: въ ней не испытываешь ни одного чистаго чувства, не остаешься двухъ минутъ въ одномъ положеніи. Ощущенія души, такъ же какъ и измѣненія тѣла, находятся въ постоянномъ колебаніи. Добро и зло свойственны всѣмъ намъ, но въ различной степени. Самый счастливый человѣкъ тотъ, у кого меньше горя; самый несчастный тотъ, кто испытываетъ меньше радостей. Счастье человѣка есть только отрицательное состояніе; мѣриломъ его должна служить незначительность испытываемыхъ страданій.

Всякое желаніе предполагаетъ лишеніе, а всѣ лишенія, которыя ощущаешь, тяжелы; поэтому несчастье наше заключается въ несоразмѣрности нашихъ желаній съ нашими средствами. Въ чемъ заключается человѣческая мудрость, и гдѣ путь къ истинному счастью? *Въ ограниченіи избытка желаній соразмѣрно со средствами и въ возстановленіи полнѣйшаго равновѣсія между силою и волею.*

Природа, дѣлающая все къ лучшему, такъ и устроила человѣка. Она даетъ ему сначала только желанія, необходимыя для самосохраненія, и средства, достаточныя для ихъ удовлетворенія. Всѣ другія она укрываетъ въ глубинѣ своей души, какъ бы въ запасъ, для развитія по мѣрѣ необходимости. Только въ этомъ первобытномъ состояніи встрѣчается равновѣсіе между силою и желаніемъ, и человѣкъ не бываетъ несчастнымъ. Какъ скоро начинаютъ пробуждаться другія способности, воображеніе, самая дѣятельная изъ всѣхъ, опережаетъ остальныя, расширяетъ границы возможнаго, и возбуждаетъ, и поддерживаетъ желанія наде-

ждою ихъ удовлетворенія. Міръ дѣйствительный имѣетъ свои границы, міръ воображенія безпредѣленъ: не будучи въ состояніи расширить первый, стѣснимъ второй, потому что только отъ разницы, существующей между ними, раждаются всѣ страданія, дѣлающія насъ въ самомъ дѣлѣ несчастными.

Всѣ животныя имѣютъ ровно настолько средствъ, сколько имъ необходимо для самосохраненія: одинъ человѣкъ имѣетъ эти средства въ избыткѣ. И не странно ли, что этотъ избытокъ служитъ орудіемъ его несчастья?

Въ учрежденіяхъ человѣческихъ все исполнено безумій и противорѣчій. Мы тѣмъ болѣе заботимся о жизни, чѣмъ болѣе она теряетъ свою цѣну. Старики дорожатъ ею больше молодежи: имъ жаль всѣхъ приготовленій, которыя они сдѣлали для того, чтобы наслаждаться ею...

И все это результатъ предусмотрительности, которая переноситъ насъ постоянно туда, куда мы, можетъ быть, никогда не попадемъ. Что за пагубная страсть заноситься въ будущее, котораго такъ рѣдко достигаютъ, и пренебрегать настоящимъ, которое вѣрно? Мы за все хватаемся, все намъ близко. Человѣкъ расплывается по всему земному шару и становится уязвимъ на всѣхъ его пунктахъ. Сколько государей приходятъ въ отчаяніе отъ потери провинціи, которой они никогда не видѣли! Сколько купцовъ начинаетъ кричать въ Парижѣ, если кто-нибудь коснется Индіи... Неужели человѣкъ естественно уносится такъ далеко отъ своего существа?

Запрись въ себя, людъ божій, и ты не будешь больше бѣдствовать! Ограничься мѣстомъ, которое природа указала тебѣ въ цѣпи твореній! Твоя свобода, твоя власть обусловливаются природными силами твоими: внѣ ихъ все рабство, иллюзіи и тщеславіе. „Маленькій мальчикъ, котораго вы видите“, говорилъ Ѳемистоклъ друзьямъ своимъ, „властитель Греціи“: „онъ управляетъ своей матерью, мать его управляетъ мной, я управляю Аѳинами, а Аѳины управляютъ Греціею“.

Какъ только приходится видѣть чужими глазами, такъ приходится и хотѣть чужою волею. Свою волю исполняетъ только тотъ, кому не нужно чужихъ рукъ на помощь своимъ. Слѣдовательно, первое благо человѣка не власть, а свобода. Человѣкъ дѣйствительно свободный желаетъ только то, что можетъ, и дѣ-

лаетъ только то, что хочетъ. Вотъ основное мое положеніе. Надо только примѣнить его къ дѣтскому возрасту, и всѣ правила для воспитанія будутъ вытекать изъ него сами собой.

Общество сдѣлало человѣка слабымъ не только тѣмъ, что отняло у него права на собственныя его силы, но въ особенности тѣмъ, что сдѣлало эти силы недостаточными. Если взрослый человѣкъ кажется намъ сильнымъ, а ребенокъ слабымъ существомъ, то это не потому, чтобы у перваго было больше абсолютной силы, а потому, что первый могъ бы естественнымъ путемъ удовлетворить своимъ нуждамъ, а второй нѣтъ.

Природа озаботилась о вознагражденіи этой слабости ребенка, надѣливъ отцовъ и матерей привязанностью къ дѣтямъ: но въ привязанности этой могутъ быть свои излишества, свои недостатки, свои злоупотребленія. Родители, живущіе въ гражданскомъ быту, преждевременно вводятъ въ него ребенка. Надѣляя его большими потребностями, они не парализуютъ его слабость, но увеличиваютъ ее. Также точно увеличиваютъ они ее и требованіемъ отъ ребенка того, чего не требуетъ природа, подчиненіемъ своей волѣ небольшаго запаса силъ, который у него есть для исполненія его собственной воли, и обращеніемъ въ рабство той взаимной зависимости, которая порождается его слабостью и ихъ привязанностью.

Разумный человѣкъ умѣетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, но ребенокъ, не знающій своего мѣста, не можетъ на немъ удержаться. Онъ находитъ тысячу лазеекъ, чтобы выйти изъ него; руководитель ребенка долженъ удерживать его на мѣстѣ, а это не легкое дѣло. Ребенокъ не долженъ быть ни животнымъ, ни человѣкомъ, онъ долженъ быть ребенкомъ; нужно, чтобы онъ чувствовалъ свою слабость, а не страдалъ отъ нея; нужно, чтобы онъ находился въ зависимости, а не въ повиновеніи; нужно, чтобъ онъ просилъ, а не приказывалъ. Онъ подчиняется другимъ только вслѣдствіе своихъ нуждъ и потому, что взрослые лучше его видятъ, что для него полезно, что лучше можетъ обезпечить его или повредить ему. Но никто, даже и самъ отецъ не имѣетъ права приказывать ребенку того, что ему ни на что не нужно.

Пока предразсудки и человѣческія учрежденія не измѣнили еще нашихъ природныхъ стремленій, счастье дѣтей, такъ же какъ

и взрослыхъ, заключается въ пользованіи свободою; но у первыхъ свобода эта ограничивается ихъ слабостью. Даже въ естественномъ состояніи дѣти пользуются свободою неполною, на подобіе той, какой пользуется человѣкъ въ гражданскомъ быту. Каждый изъ насъ, не будучи въ состояніи обойтись безъ другихъ, становится слабымъ и несчастнымъ. Мы созданы, чтобы быть взрослыми: законы и общество снова превращаютъ насъ въ дѣтей. Богачи, знать, властители—все это дѣти, которые, видя, какъ спѣшатъ помочь ихъ слабости, тщеславятся этимъ и гордятся попеченіями, которыхъ имъ не оказывали бы, еслибъ они были взрослыми людьми.

Эти соображенія очень важны и разрѣшаютъ всѣ противорѣчія соціальной системы. Есть два рода зависимости: зависимость отъ внѣшнихъ явленій, создаваемая самою природою, и зависимость отъ людей, созданная обществомъ. Зависимость отъ внѣшнихъ явленій, не имѣя ничего моральнаго, не мѣшаетъ свободѣ и не порождаетъ пороковъ; зависимость же отъ людей, будучи неестественною, служитъ основой всѣхъ пороковъ; чрезъ ея посредство господинъ и рабъ взаимно развращаютъ другъ друга.

Держите ребенка въ зависимости отъ однихъ только внѣшнихъ явленій и вы будете идти естественнымъ путемъ въ дѣлѣ его воспитанія. Противопоставляйте неразумнымъ его желаніямъ только физическія препятствія, или наказанія, вытекающія изъ самыхъ поступковъ: нѣтъ надобности запрещать ему дурной поступокъ,—достаточно помѣшать совершенію такого поступка. Опытъ или безсиліе одни должны служить ему закономъ. Уступайте его желаніямъ, соображаясь не съ требованіями его, а съ его нуждами.

Когда онъ дѣйствуетъ, ему должно быть незнакомо послушаніе; когда за него дѣйствуютъ другіе,—не должна быть знакома власть. Пусть онъ равно чувствуетъ свободу, какъ въ своихъ, такъ и въ вашихъ дѣйствіяхъ.

Вознаграждайте въ немъ недостатокъ силы именно настолько, насколько это нужно ему для того, чтобы быть свободнымъ, а не повелительнымъ: пусть, пользуясь вашими услугами съ нѣкотораго рода уничиженіемъ, онъ стремится къ той минутѣ, когда ему можно будетъ обойтись безъ нихъ, когда онъ будетъ имѣть честь самъ служить себѣ.

Природа, для укрѣпленія тѣла и содѣйствія его росту, употребляетъ средства, которымъ никогда не должно ставить препятствій. Не нужно принуждать ребенка сидѣть, когда ему хочется ходить, или ходить, когда ему хочется сидѣть. Если желанія дѣтей не искажаемы нами, дѣти ничего не хотятъ безполезнаго. Пусть ихъ прыгаютъ, бѣгаютъ, кричатъ, когда имъ хочется. Всѣ движенія ихъ вызваны потребностями ихъ организма, который стремится крѣпнуть; но нужно съ недовѣрчивостью относиться къ тѣмъ желаніямъ ихъ, для выполненія которыхъ они нуждаются въ чужой помощи. Нужно заботливо отличать дѣйствительную природную потребность отъ потребности, порождаемой прихотью или избыткомъ жизни.

Я уже сказалъ, что нужно дѣлать, когда ребенокъ плачетъ, желая получить то или другое. Я прибавлю только, что какъ скоро онъ можетъ словами попросить желаемаго, но, стремясь получить его скорѣе или осилить отказъ, подкрѣпляетъ свою просьбу слезами, нужно безвозвратно отказать ему въ его просьбѣ. Вы должны понять, когда потребность руководитъ его словами, и тотчасъ же исполнить его просьбу; но уступить въ чемъ-нибудь его слезамъ значитъ побуждать его къ крику, къ сомнѣнію въ вашей услужливости и къ предположенію, что надоѣданье имѣетъ больше вліянія на васъ, чѣмъ доброта. Если онъ не будетъ считать васъ добрымъ, онъ скоро сдѣлается злымъ; если будетъ считать васъ слабымъ, скоро сдѣлается упрямымъ. То, въ чемъ не желаешь отказать, слѣдуетъ исполнять по первому знаку ребенка; но никогда не слѣдуетъ отмѣнять даннаго разъ отказа.

Берегитесь, въ особенности, пріучать ребенка къ пустымъ формуламъ вѣжливости, которыми онъ пользуется при случаѣ, какъ магическимъ словомъ, для подчиненія своей волѣ всѣхъ окружающихъ и немедленнаго полученія желаемаго. Вычурное воспитаніе богатыхъ дѣлаетъ ихъ всегда вѣжливо-повелительными: у дѣтей ихъ нѣтъ ни умоляющаго тона, ни умоляющихъ оборотовъ; они равно высокомѣрны, когда просятъ и когда приказываютъ. Сразу видно, что „*пожалуйста*“ означаетъ у нихъ „*я такъ хочу*,“ а „*прошу васъ*“ означаетъ „*приказываю вамъ*.“ Я гораздо меньше боюсь грубости Эмиля, нежели его высокомѣрія, и лучше хочу, чтобы онъ просилъ „*сдѣлайте это*,“ чѣмъ при-

казывалъ „*я васъ прошу*.“ Для меня важно не выраженіе его, а смыслъ, который онъ придаетъ выраженію.

Есть излишекъ суровости и излишекъ мягкости, которыхъ должно одинаково избѣгать. Если вы запускаете дѣтей, вы подвергаете опасности ихъ здоровье, жизнь, дѣлаете ихъ несчастными въ настоящемъ; если же вы слишкомъ старательно охраняете ихъ отъ всякаго рода непріятныхъ ощущеній, вы приготовляете имъ большія бѣдствія, дѣлаете ихъ изнѣженными, выводите ихъ изъ положенія людей, къ которому они со временемъ должны неминуемо возвратиться. Чтобы отвлечь нѣкоторыя естественныя страданія, вы создаете такія, которыя совершенно неестественны. Вы скажете, что я впадаю въ ту же крайность, за которую упрекалъ отцовъ, приносящихъ настоящее счастье дѣтей въ жертву отдаленному будущему, которое, можетъ быть, никогда не наступитъ. Вовсе нѣтъ: свобода, которую я представляю моему воспитаннику, съ избыткомъ вознаграждаетъ его за легкія неудобства, какимъ я его подвергаю. Я вижу маленькихъ шалуновъ, играющихъ на снѣгу, посинѣвшихъ отъ холода. Отъ нихъ зависитъ пойти обогрѣться, однако они этого не дѣлаютъ: если ихъ къ этому принудить, то жестокость принужденія будетъ имъ во сто разъ чувствительнѣе стужи. На что же вы жалуетесь? Развѣ я дѣлаю вашего ребенка несчастнымъ, подвергая его неудобствамъ, которыя онъ самъ желаетъ переносить? Я дѣлаю его счастливымъ въ настоящемъ, оставляя его свободнымъ; я дѣлаю его счастливымъ въ будущемъ, вооружая его противъ золъ, которыя онъ долженъ переносить. Какъ вы полагаете, задумается ли онъ хотя на одну минуту, если ему предоставить по выбору быть вашимъ или моимъ ученикомъ?

Знаете ли, какой самый вѣрный способъ сдѣлать вашего ребенка несчастнымъ? Это пріучить его не знать ни въ чемъ отказа: желанія его будутъ постоянно возрастать отъ легкости исполненія ихъ, и рано или поздно вы будете силою обстоятельствъ вынуждены къ отказу, который по неожиданности своей измучитъ его больше, чѣмъ лишеніе желаемаго. Человѣку свойственно считать своимъ все, что находится въ его власти. Слѣдовательно, ребенокъ, которому стоитъ только пожелать, чтобы получить желаемое, будетъ считать себя властителемъ вселенной; на всѣхъ людей онъ будетъ смотрѣть, какъ на рабовъ своихъ,

и когда, наконецъ, принуждены будутъ отказать ему въ чемъ-нибудь, онъ приметъ отказъ за сопротивленіе. Всѣ причины, представляемыя ему въ такіе годы, когда онъ еще не въ состояніи разсуждать, кажутся ему отговорками; во всемъ онъ видитъ недоброжелательство: чувство мнимой несправедливости ожесточаетъ его нравъ; ребенокъ начинаетъ всѣхъ ненавидѣть. Я видѣлъ дѣтей, воспитанныхъ такимъ образомъ, которыя желали, чтобы плечомъ своротили домъ съ мѣста, чтобы остановили шествіе полка, дабы они могли подольше послушать барабанный бой. Вѣчно ворча, вѣчно буяня, вѣчно злясь, они проводили цѣлые дни въ крикахъ и жалобахъ. Если ихъ понятія о власти дѣлаютъ ихъ несчастными съ самаго дѣтства, что же будетъ впослѣдствіи, когда сношенія съ людьми расширятся? Привыкнувъ, чтобы все склонялось предъ ними, какъ изумительно имъ будетъ чувствовать при вступленіи въ свѣтъ, что все имъ сопротивляется? Заносчивость, мелкое тщеславіе навлекаютъ на нихъ одно униженіе; оскорбленія сыпятся на нихъ градомъ; жестокія испытанія скоро научаютъ ихъ, что они не знаютъ ни своего положенія, ни своихъ силъ; не будучи въ состояніи всего исполнить, они думаютъ, что не смогутъ исполнить ничего. Столько непривычныхъ препятствій парализуетъ ихъ энергію, столько презрѣнія унижаетъ ихъ: они становятся подлыми, трусливыми, заискивающими и падаютъ такъ же низко, какъ высоко хотѣли подняться.

Съ другой стороны, кто не видитъ, что слабость первыхъ лѣтъ такъ сковываетъ дѣтей, что становится жестокимъ прибавлять еще къ этому подчиненію подчиненіе нашимъ капризамъ.

Какъ рѣшиться отнять у ребенка ограниченную свободу, которою онъ такъ мало можетъ злоупотреблять и лишеніе которой такъ же невыгодно для насъ, какъ и для него? Если нѣтъ зрѣлища болѣе смѣшного, какъ высокомѣрный ребенокъ, то нѣтъ зрѣлища болѣе достойнаго состраданія, какъ боязливый ребенокъ. Съ разумными лѣтами наступаетъ гражданское подчиненіе; зачѣмъ же предписывать ему еще домашнее подчиненіе? Постараемся же, чтобы хоть одно мгновеніе въ жизни было изъято изъ-подъ ига, котораго природа намъ не налагала, и предоставимъ ребенку пользоваться естественною свободою, которая хоть на время спасетъ его отъ пороковъ, порождаемыхъ рабствомъ.

Возвратимся къ дѣлу. Я сказалъ уже, что ребенокъ ничего не долженъ получать вслѣдствіе требованія, а вслѣдствіе надобности, ничего не дѣлать изъ послушанія, а изъ необходимости: слова *слушаться* и *приказывать* будутъ вычеркнуты изъ его словаря, а тѣмъ болѣе такія слова, какъ *долгъ* и *обязательство*; зато словамъ: *сила* ,*необходимость*, *безсиліе*, *вынужденность* должно быть отведено большое мѣсто. Одному только желанію дѣтей не должно никогда снисходить: желанію заставить себя слушаться. При всѣхъ ихъ просьбахъ нужно прежде всего обращать вниманіе на побужденіе. Дозволяйте имъ все, что можетъ имъ сдѣлать дѣйствительное удовольствіе; отказывайте имъ всегда въ томъ, чего они требуютъ изъ прихоти или чтобы выказать свою власть.

Разсужденіе съ дѣтьми было основнымъ правиломъ Локка, и въ настоящее время принимается очень многими. Но что касается меня, то я ничего не знаю глупѣе ребенка, съ которымъ много разсуждали. Изъ всѣхъ способностей человѣка разумъ, который есть, такъ сказать, соединеніе всѣхъ другихъ, развивается всего труднѣе и всего позже; а его-то именно и хотятъ пустить въ ходъ для развитія остальныхъ. Идеаломъ хорошаго воспитанія должно считать умѣнье сдѣлать человѣка разумнымъ: а тутъ имѣютъ претензію воспитывать ребенка помощью разума! Это значитъ начинать съ конца, изъ слѣдствія сдѣлать причину.

Вотъ формула, къ которой можно привести всѣ нравственныя наставленія, какія дѣлаютъ и могутъ дѣлать дѣтямъ:

Учитель. Этого не должно дѣлать,—*Ребенокъ*. А почему же не должно этого дѣлать? — *Учитель*. Потому что это будетъ дурнымъ поступкомъ. — *Ребенокъ*. Дурнымъ поступкомъ? А что значитъ дурной поступокъ?— *Учитель*. Это значитъ дѣлать то, что вамъ запрещается. — *Ребенокъ*. Почему же дурно дѣлать то, что мнѣ запрещаютъ? *Учитель*. Васъ наказываютъ за непослушаніе.—*Ребенокъ*. Я постараюсь, чтобы объ этомъ никто не зналъ. — *Учитель*. За вами будутъ наблюдать. *Ребенокъ*. Я солгу. — *Учитель*. Лгать не должно. *Ребенокъ*. Почему же не должно лгать? — *Учитель*. Потому что это будетъ дурнымъ поступкомъ, и проч.

Вотъ неизбѣжный кругъ. Попробуйте изъ него выйти, и

ребенокъ перестанетъ васъ понимать. Не правда ли, какъ полезны такія наставленія!

Природа требуетъ, чтобы дѣти были дѣтьми, прежде нежели сдѣлаются взрослыми людьми. Если же мы вздумаемъ нарушить этотъ порядокъ, то произведемъ скороспѣлые плоды, которые не замедлятъ испортиться; у насъ будутъ юные доктора и старыя дѣти. У дѣтей есть свой образъ взглядовъ, мыслей и чувствъ, который имъ свойственненъ; ничего не можетъ быть безразсуднѣе, какъ желать замѣнить его нашимъ. Я столько же оправдалъ бы требованіе отъ ребенка пяти футовъ роста, какъ и требованіе разсудка въ десять лѣтъ. Къ чему послужилъ бы ему разсудокъ въ этомъ возрастѣ?

Онъ служитъ уздою силъ, а ребенку не нужна эта узда.

Стараясь убѣдить вашихъ воспитанниковъ, что повиновеніе есть долгъ, вы присоединяете къ этому мнимому убѣжденію насиліе и угрозы, или, что еще хуже,—лесть и обѣщанія. Такимъ образомъ, привлеченные выгодой или принуждаемые силою, они дѣлаютъ видъ, что повинуются разуму. Они очень хорошо видятъ, что послушаніе имъ выгодно, а сопротивленіе невыгодно. Но такъ какъ всѣ ваши требованія для нихъ непріятны, и такъ какъ имъ тяжело исполнять чужую волю, то они скрытно дѣлаютъ по-своему, съ убѣжденіемъ, что поступаютъ хорошо, если никто не знаетъ объ ихъ непослушаніи, — но съ готовностью, какъ скоро ихъ уличатъ, тотчасъ же сознаются, что поступили дурно, изъ опасенія еще большаго зла. Такъ какъ понятіе долга немыслимо въ ихъ годы, то нѣтъ человѣка въ мірѣ, которому удалось бы внушить ребенку это понятіе; но страхъ наказанія, надежда на прощеніе, приставанье, докучливость отвѣтовъ вытягиваютъ изъ ребенка всѣ требуемыя признанія; а между тѣмъ, мы думаемъ, что убѣдили дѣтей, тогда какъ только надоѣли имъ или запугали ихъ.

Каковъ же результатъ всего этого? Во первыхъ, налагая на дѣтей обязанность, которой они не знаютъ, вы возбуждаете ихъ противъ вашей тиранніи и дѣлаете привязанность къ вамъ невозможною. Вы научаете ихъ скрытничать, двуличничать, лгать изъ желанія вынудить награду или избѣжать наказанія; наконецъ, пріучаете ихъ всегда прикрывать свои тайныя побужденія какимъ-нибудь явнымъ предлогомъ; вы сами даете имъ

средство безпрерывно обманывать васъ, скрывать отъ васъ свой настоящій характеръ и ублажать, при случаѣ, васъ и другихъ пустыми словами. Вы скажете, что законодательныя постановленія, хотя и обязательны для совѣсти, дѣйствуютъ, относительно взрослыхъ людей, такъ же принудительно. Согласенъ. Но что же такое эти взрослые, какъ не дѣти, испорченныя воспитаніемъ? Вотъ это-то именно и нужно предупредить. Употребляйте съ дѣтьми силу, (1) а съ взрослыми разумъ; таковъ естественный ходъ дѣлъ.

Обращайтесь съ вашимъ воспитанникомъ сообразно его возрасту. Съ самаго начала поставьте его на должное мѣсто и умѣйте такъ удержать его на немъ, чтобъ онъ не покушался его покинуть. Тогда, не зная еще, что такое мудрость, онъ на практикѣ получитъ самый лучшій ея урокъ.

Никогда и ничего не приказывайте ему, не допускайте въ немъ даже мысли, что вы имѣете притязаніе на какую бы то ни было власть надъ нимъ. Пусть онъ знаетъ только, что онъ слабъ, а вы сильны; что, по взаимному вашему положенію, онъ необходимо зависитъ отъ васъ; пусть онъ это знаетъ и чувствуетъ; пусть онъ съ раннихъ поръ чувствуетъ надъ своею гордою головою ярмо, которое природа налагаетъ на человѣка, тяжкое ярмо необходимости, подъ которымъ долженъ склоняться всякій смертный. Необходимость эта должна являться ему въ вещахъ, а не въ людскомъ капризѣ. Уздою для него должна быть сила, а не власть. Не запрещайте ему того, чего онъ не долженъ дѣлать; а поставляйте внѣшнія препятствія безъ всякихъ объясненій и разсужденій, но то, что хотите дозволить ему, дозволяйте съ перваго слова, безъ упрашиваній и, въ особенности, безъ условій. Дозволяйте съ удовольствіемъ, отказывайте съ сожалѣніемъ. Но всѣ отказы вами должны быть неизмѣнны; никакая докучливость не должна поколебать васъ; сказанное *нѣтъ* должно быть каменною стѣною, которую ребенокъ, испытывъ разъ пять или шесть свои силы, не будетъ болѣе стараться опрокинуть.

Такимъ-то образомъ вы сдѣлаете его терпѣливымъ, ровнымъ,

---

(1) Прим. Не мѣшаетъ замѣтить, что Руссо говоритъ тутъ о силѣ вещей, а не о мускульной силѣ воспитателя.

покорнымъ, смирнымъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не получитъ желаемаго, потому что человѣку отъ природы свойственно терпѣливо переносить предписанія необходимости, но не предписанія чужого недоброжелательства.

Странно, что съ тѣхъ поръ, какъ взялись за воспитаніе дѣтей, не придумали другого орудія, чтобы вести ихъ, какъ развитіе соревнованія, зависти, тщеславія, жадности, страха, всѣхъ наиболѣе опасныхъ страстей, которыя всего сильнѣе волнуютъ и всего скорѣе портятъ душу, прежде даже чѣмъ тѣло сформируется. Всякое преждевременное знаніе, которое вбиваютъ имъ въ голову, развиваетъ какой-нибудь порокъ въ ихъ сердцѣ; безумные воспитатели думаютъ сдѣлать изъ нихъ чудо: изъ желанія научить ихъ, что такое добро, дѣлаютъ ихъ злыми, а потомъ важно говорятъ: таковъ человѣкъ. Да, таковъ человѣкъ, котораго вы сдѣлали.

На этомъ поприщѣ пробовали всѣ орудія кромѣ одного, единственнаго, какое можетъ быть удачнымъ: хорошо направленной свободы. Не нужно и браться за воспитаніе ребенка, если не умѣешь вести его туда, куда хочешь, помощью однихъ законовъ возможнаго и невозможнаго. Такъ какъ сфера того и другого ему равно неизвѣстна, то ее можно по усмотрѣнію расширять и съуживать вокругъ него. Достаточно одной узды необходимости, чтобы сковывать, понуждать, удерживать его, не возбуждая въ немъ ропота; посредствомъ одной силы вещей можно его сдѣлать гибкимъ и послушнымъ, не давая повода къ развитію въ немъ какого-либо порока.

Не дѣлайте вашему воспитаннику никакихъ выговоровъ: предоставьте ему получать ихъ отъ опыта; не наказывайте его: онъ не знаетъ, что значитъ быть виноватымъ; никогда не заставляйте его просить прощенья: онъ не можетъ васъ оскорбить. Такъ какъ въ его поступкахъ нѣтъ нравственности, то онъ ничего не можетъ сдѣлать нравственно—дурного и заслуживающаго наказанія или выговора.

Я вижу уже, что испуганный читатель судитъ объ этомъ ребенкѣ по нашимъ: онъ ошибается. Постоянное стѣсненіе, въ которомъ вы держите вашихъ воспитанниковъ, раздражаетъ ихъ живость: чѣмъ стѣсненнѣе они на вашихъ глазахъ, тѣмъ буй-

нѣе съ той минуты, какъ вырвутся: нужно же имъ вознаградить себя за жестокое стѣсненіе, въ которомъ вы ихъ держите.

Два городскихъ школьника надѣлаютъ больше опустошеній въ какомъ-нибудь мѣстѣ, чѣмъ всѣ дѣти деревушки, вмѣстѣ взятыя. Заприте барченка и крестьянскаго мальчика въ комнатѣ; первый все опрокинетъ, все разобьетъ, прежде чѣмъ второй пошевельнется. Отчего это, если не оттого, что первый спѣшитъ вволю насладиться минутою свободы, между тѣмъ какъ второй, всегда увѣренный въ своей свободѣ, никогда не спѣшитъ ею пользоваться? А между тѣмъ дѣти поселянъ, которыхъ часто ласкаютъ и дразнятъ, еще очень далеки отъ состоянія, въ которомъ я желалъ бы, чтобъ ихъ держали.

Примемъ за неоспоримое начало, что первыя природныя движенія хороши: въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ природной испорченности; въ немъ нѣтъ ни одного порока, о которомъ нельзя было бы сказать, какимъ образомъ и откуда онъ явился въ немъ. Единственная страсть, прирожденная въ человѣкѣ, есть любовь къ самому себѣ, или самолюбіе, взятое въ обширномъ смыслѣ. Это самолюбіе само по себѣ, т. е. по отношенію къ человѣку, хорошо и полезно; оно становится хорошимъ или дурнымъ только смотря по тому, какъ его примѣняютъ, или смотря по отношеніямъ, которыя ему придаютъ. До тѣхъ поръ, пока руководитель самолюбія, т. е. разумъ, не явился, необходимо, чтобы ребенокъ ничего не дѣлалъ ради того, что его видятъ или слышатъ, словомъ, ничего не дѣлалъ изъ-за другихъ, а дѣлалъ только то, чего отъ него требуетъ природа: тогда онъ ничего не сдѣлаетъ, кромѣ хорошаго.

Я не утверждаю, чтобы ребенокъ никогда не надѣлалъ безпорядковъ, никогда бы не ушибся, не разбилъ бы дорогой вещи, если такая случится подъ руками. Онъ можетъ надѣлать много зла, не сдѣлавъ ничего дурного, потому что дурной поступокъ обусловливается намѣреніемъ вредить, а у ребенка никогда не будетъ такого намѣренія. Еслибъ онъ хоть разъ возъимѣлъ такое намѣреніе, все было бы почти безвозвратно потеряно.

Иная вещь, дурная въ глазахъ скупости, вовсе не дурна въ глазахъ разума. Предоставляя дѣтямъ полную свободу рѣзвиться, слѣдуетъ удалять отъ нихъ все, что могло бы сдѣлать эту свободу слишкомъ убыточною, и не оставлять у нихъ подъ руками

лаетъ только то, что хочетъ. Вотъ основное мое положеніе. Надо только примѣнить его къ дѣтскому возрасту, и всѣ правила для воспитанія будутъ вытекать изъ него сами собой.

Общество сдѣлало человѣка слабымъ не только тѣмъ, что отняло у него права на собственныя его силы, но въ особенности тѣмъ, что сдѣлало эти силы недостаточными. Если взрослый человѣкъ кажется намъ сильнымъ, а ребенокъ слабымъ существомъ, то это не потому, чтобы у перваго было больше абсолютной силы, а потому, что первый могъ бы естественнымъ путемъ удовлетворить своимъ нуждамъ, а второй нѣтъ.

Природа озаботилась о вознагражденіи этой слабости ребенка, надѣливъ отцовъ и матерей привязанностью къ дѣтямъ: но въ привязанности этой могутъ быть свои излишества, свои недостатки, свои злоупотребленія. Родители, живущіе въ гражданскомъ быту, преждевременно вводятъ въ него ребенка. Надѣляя его большими потребностями, они не парализуютъ его слабость, но увеличиваютъ ее. Также точно увеличиваютъ они ее и требованіемъ отъ ребенка того, чего не требуетъ природа, подчиненіемъ своей волѣ небольшаго запаса силъ, который у него есть для исполненія его собственной воли, и обращеніемъ въ рабство той взаимной зависимости, которая порождается его слабостью и ихъ привязанностью.

Разумный человѣкъ умѣетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, но ребенокъ, не знающій своего мѣста, не можетъ на немъ удержаться. Онъ находитъ тысячу лазеекъ, чтобы выйти изъ него; руководитель ребенка долженъ удерживать его на мѣстѣ, а это не легкое дѣло. Ребенокъ не долженъ быть ни животнымъ, ни человѣкомъ, онъ долженъ быть ребенкомъ; нужно, чтобы онъ чувствовалъ свою слабость, а не страдалъ отъ нея; нужно, чтобы онъ находился въ зависимости, а не въ повиновеніи; нужно, чтобъ онъ просилъ, а не приказывалъ. Онъ подчиняется другимъ только вслѣдствіе своихъ нуждъ и потому, что взрослые лучше его видятъ, что для него полезно, что лучше можетъ обезпечить его или повредить ему. Но никто, даже и самъ отецъ не имѣетъ права приказывать ребенку того, что ему ни на что не нужно.

Пока предразсудки и человѣческія учрежденія не измѣнили еще нашихъ природныхъ стремленій, счастье дѣтей, такъ же какъ

вы могли довести вашего воспитанника, здоровымъ и сильнымъ, до двѣнадцатилѣтняго возраста, такъ, чтобы онъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой, то съ первыхъ же вашихъ уроковъ пониманіе его раскрылось бы для разума; не имѣя предразсудковъ, не имѣя привычекъ, онъ ничего не имѣлъ бы въ себѣ такого, что могло бы мѣшать дѣйствію вашихъ заботъ. Въ скоромъ времени, онъ сдѣлался бы, въ вашихъ рукахъ, самымъ мудрымъ изъ людей, и, начавъ съ отрицательныхъ дѣйствій, вы достигли бы чудесъ.

Поступайте противно обычаю, и вы почти всегда поступите хорошо. Такъ какъ изъ ребенка хотятъ сдѣлать не ребенка, а доктора, то отцы и наставники постоянно журятъ, исправляютъ, выговариваютъ, ласкаютъ, угрожаютъ, обѣщаютъ, учатъ, наставляютъ. Поступайте лучше: будьте благоразумны и не разсуждайте съ вашимъ воспитанникомъ, въ особенности съ цѣлью заставить его одобрить то, что ему не нравится, потому что вѣчно опираться на разумъ, когда желаешь заставить ребенка сдѣлать что-нибудь для него непріятное, значитъ только наскучать ему съ разумомъ и заранѣе уничтожить къ нему довѣріе въ головѣ, которая еще не въ состояніи его понимать. Упражняйте тѣло ребенка, его органы, чувства, силы, но оставляйте его душу въ бездѣйствіи, до тѣхъ поръ пока можно. Остерегайтесь постороннихъ впечатлѣній, и не спѣшите дѣлать добро, съ цѣлью помѣшать злу, потому что добро бываетъ только тогда добромъ, когда его освѣщаетъ разумъ. Считайте выигрышемъ всякую остановку: подвигаться къ цѣли, ничего не теряя, значитъ много выиграть; предоставляйте дѣтству созрѣвать въ дѣтяхъ. Наконецъ, если какой-нибудь урокъ становится для нихъ необходимымъ, берегитесь давать его сегодня, если можете безъ вреда отложить его до завтра.

Другое соображеніе, подтверждающее полезность этой методы, является въ духѣ каждаго ребенка; съ духомъ этимъ нужно хорошенько познакомиться, чтобы узнать, какое нравственное обращеніе годится для него. Каждый умъ имѣетъ свой собственный складъ, сообразно которому слѣдуетъ и управлять имъ. Осторожный наставникъ долженъ долго наблюдать природу ребенка; хорошенько слѣдить за нимъ, прежде чѣмъ скажетъ ему первое слово; дайте сначала высказаться зачатку его характера

на свободѣ; ни къ чему не принуждайте его съ цѣлью заставить лучше высказаться. Неужели вы думаете, что это свободное время потеряно для него? Напротивъ того, оно дастъ вамъ средство не терять ни минуты болѣе дорогого времени; между тѣмъ какъ, если вы начнете дѣйствовать, не узнавъ, что нужно дѣлать, вы будете дѣйствовать наудачу; ошибка заставитъ васъ возвратиться назадъ; вы больше удалитесь отъ цѣли, чѣмъ при меньшей поспѣшности достичь ее. Итакъ, не поступайте, какъ скупой, который, не желая ничего терять, теряетъ много. Пожертвуйте, въ первомъ возрастѣ, временемъ, которое вы съ избыткомъ воротите впослѣдствіи.

Умный медикъ не даетъ легкомысленно лѣкарствъ по первому взгляду, но изучаетъ сначала темпераментъ больного, прежде чѣмъ предписать ему что-нибудь; онъ начинаетъ его лѣчить позднѣе, но зато вылѣчиваетъ, между тѣмъ какъ медикъ, слишкомъ поспѣшившій, убиваетъ его.

Но куда же помѣстить этого ребенка, гдѣ воспитывать его, такимъ образомъ, какъ нечувствительное существо, какъ автомата? На луну, или на необитаемый островъ? Удалить его отъ всѣхъ людей? Не будетъ ли у него постоянно предъ глазами зрѣлище и примѣръ чужихъ страстей? Можетъ ли онъ избѣгнуть встрѣчи съ другими дѣтьми его возраста? Развѣ онъ не будетъ видѣть своихъ родныхъ, сосѣдей, свою кормилицу, гувернанку, своего лакея, наконецъ своего воспитателя, который не ангелъ же, наконецъ?

Возраженіе это серьезно и важно. Но развѣ я говорилъ, что естественное воспитаніе дѣло легкое? О люди! моя ли вина, что вы сдѣлали труднымъ все, что хорошо? Я понимаю эти трудности, я сознаю ихъ: можетъ быть, онѣ непреодолимы; но, какъ бы то ни было, а вѣрно то, что при стараніи онѣ до извѣстной степени преодолѣваются. Я показываю цѣль, которою нужно задаться: я не говорю, что ея можно достичь; но я говорю, что тотъ, кто ближе подойдетъ къ ней, успѣетъ больше другихъ.

Помните, что прежде, нежели возьметесь за воспитаніе человѣка, нужно самому сдѣлаться человѣкомъ; надо, чтобъ въ васъ самихъ сложился тотъ образецъ, которому долженъ слѣдовать ребенокъ. Пока ребенокъ еще ничего не понимаетъ, есть воз-

можность подготовить все окружающее, показывать ему толь такіе предметы, какіе ему слѣдуетъ видѣть. Внушите всѣмъ уваженіе къ себѣ, прежде всего заставьте полюбить себя, даб каждый старался сдѣлать то, что вамъ нравится. Вы не овладѣете ребенкомъ, если не овладѣли всѣмъ, что его окружаетъ а авторитетъ вашъ никогда не будетъ полнымъ, если не основанъ на уваженіи къ добродѣтели. Защищайте слабаго; покровительствуйте несчастному. Будьте справедливы, человѣколюбивы, благотворительны. Не ограничивайтесь милостыней; любите ближняго; дѣла милосердія успокаиваютъ больше горестей, чѣмъ деньги: любите другихъ, и они будутъ васъ любить; помогайте имъ, и они будутъ помогать вамъ; будьте ихъ братомъ, а они будутъ вашими дѣтьми.

Вотъ еще одна изъ причинъ, почему я хочу воспитывать Эмиля въ деревнѣ, вдали отъ этой сволочи, лакеевъ, самыхъ недостойныхъ изъ людей, послѣ своихъ господъ, вдали отъ грязныхъ городскихъ нравовъ, которые, вслѣдствіе лоска, прикрывающаго ихъ, дѣлаются привлекательными и заразительными для дѣтей, между тѣмъ какъ пороки крестьянъ, выказывающіеся безъ прикрасъ и во всей своей наготѣ, скорѣй могутъ отвратить, чѣмъ соблазнить ребенка, если нѣтъ никакой выгоды подражать имъ.

Въ деревнѣ воспитатель легче овладѣетъ предметами, которые захочетъ показать ребенку; его личность, его мнѣнія будутъ имѣть авторитетъ, котораго никогда не получатъ въ городѣ: такъ какъ онъ полезенъ всѣмъ, то каждый будетъ стараться услужить ему, вызвать его уваженіе, выказаться воспитаннику такимъ, какимъ учитель желалъ бы, чтобы всѣ были, и если люди не исправятся тутъ отъ порока, то удержатся отъ скандала, а намъ только это и нужно для нашей цѣли.

Я не имѣю намѣренія входить во всѣ подробности, я излагаю только общія правила. Я считаю возможнымъ, среди общества, довести ребенка до двѣнадцатилѣтняго возраста, не давая ему никакого понятія объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и о нравственномъ значеніи людскихъ поступковъ. *) Достаточно, чтобы старались, по возможности, отдалить ихъ отъ него, а

*) *Прим.* Ср. Локкъ.

когда они сдѣлаются неизбѣжными, то ограничивались бы только самымъ необходимымъ для того, чтобы ребенокъ не считалъ себя господиномъ надъ всѣмъ и чтобы онъ не сдѣлалъ зла другому безсознательно и безъ сожалѣній. Есть характеры кроткіе и тихіе, которымъ можно безопасно оставлять подольше ихъ первобытную невинность; но есть натуры пылкія, въ которыхъ рано развивается свирѣпость, и которыя нужно поскорѣй сдѣлать людьми, дабы не быть принужденнымъ посадить ихъ на цѣпь.

Наши первыя обязанности суть обязанности къ себѣ самимъ, наши первоначальныя чувства сосредоточиваются исключительно на насъ самихъ; всѣ наши природныя движенія относятся прежде всего къ личному нашему самосохраненію и благоденствію. Поэтому первое чувство справедливости порождается въ насъ не тѣмъ, что мы обязаны дѣлать по отношенію къ другимъ, а тѣмъ, что должны для насъ дѣлать другіе, и одну изъ безсмыслицъ общепринятаго воспитанія составляетъ совершенно противоположный обычай воспитателей: они твердятъ сначала дѣтямъ объ ихъ обязанностяхъ, а не объ ихъ правахъ, т. е. говорятъ вещи, которыхъ они не могутъ понять и которыми не могутъ интересоваться.

Имѣй я на воспитаніи ребенка, о которомъ говорю, я разсуждалъ бы такъ: ребенокъ не трогаетъ людей, онъ бросается на вещи; опытъ скоро научаетъ его уважать всякаго, кто старше и сильнѣе его; вещи же не могутъ сами защищаться. Слѣдовательно, первою его идеею должна быть скорѣе идея о собственности, нежели о свободѣ, а чтобы идея эта была ему понятна, онъ долженъ имѣть самъ какую-нибудь собственность. Приводить ему, какъ собственность, его одежду, мебель, игрушки—значитъ не говорить ему ровно ничего, потому что хотя онъ и располагаетъ этими вещами, но самъ не знаетъ, зачѣмъ и какъ онѣ ему достались. Сказать ему, что онъ ихъ имѣетъ, потому что ихъ ему дали, значитъ поступить не лучше, потому что, чтобы давать, нужно имѣть; слѣдовательно, это только болѣе удаленная отъ него собственность, а ему надо разъяснить принципъ собственности. Я не говорю уже о томъ, что даръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и договоръ, а ребенокъ не можетъ еще знать, что такое договоръ, и что поэтому—то большинство дѣтей

желаютъ получить обратно то, что они подарили, и плачутъ, если имъ не хотятъ возвратить вещь. Этого съ ними не случается больше, когда они хорошо поняли, что такое даръ; но только тогда они и дарятъ съ большею осмотрительностью.

Итакъ, нужно восходить къ началу собственности, потому что оттуда должна родиться первая идея собственности. Живя въ деревнѣ, ребенокъ получитъ нѣкоторое понятіе о сельскихъ работахъ, для этого ему нужны только глаза, да свободное время; у него будетъ и то, и другое. Всякому возрасту, а его возрасту и подавно, свойственно желаніе создавать, подражать, производить, проявлять могущество и дѣятельность. Увидѣвъ разъ, другой, какъ воздѣлываютъ садъ, сѣютъ, какъ разводятъ овощи, онъ въ свою очередь захочетъ заниматься садоводствомъ.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ принциповъ, я не противлюсь его желанію; напротивъ того, я поощряю его, раздѣляю его склонность, работаю вмѣстѣ съ нимъ, не для его удовольствія, но для своего собственнаго; по крайней мѣрѣ, онъ такъ думаетъ; я дѣлаюсь его помощникомъ въ садоводствѣ; въ ожиданіи, пока разовьются его руки, я вспахиваю за него землю; онъ входитъ во владѣніе ею, сажая бобы, и, конечно, это вступленіе во владѣніе священнѣе и почтеннѣе, чѣмъ вступленіе Бальбоа во владѣніе Южною Америкою, посредствомъ выставленія испанскаго знамени на берегу Южнаго моря. Каждый день мы приходимъ поливать бобы, всходъ ихъ привѣтствуется съ радостнымъ восторгомъ. Я увеличиваю эту радость, говоря: это принадлежитъ вамъ, и, объясняя ему при этомъ выраженіе „принадлежитъ", я даю ему чувствовать, что онъ положилъ сюда свое время, свой трудъ, словомъ, себя самого, что въ этой землѣ есть частица его самого, которую онъ можетъ потребовать отъ кого бы то ни было, подобно тому, какъ могъ бы вырвать свою руку изъ руки другого человѣка, который хотѣлъ бы насильно удержать ее.

Въ одинъ прекрасный день онъ спѣшитъ туда съ лейкой въ рукѣ. О, какое горе! всѣ бобы вырваны, вся земля перерыта, самое мѣсто узнать нельзя! Куда дѣвался мой трудъ, моя работа, сладкій плодъ моихъ заботъ, моихъ стараній? Кто похитилъ

у меня мое имущество? Кто отнялъ у меня мои бобы? Молодое сердце возмущено; въ первый разъ чувство несправедливости изливаетъ въ него свою горечь; слезы текутъ ручьемъ; крики раздаются на весь садъ. Въ его горести и негодованіи принимаютъ участіе; ищутъ, дѣлаютъ розыски. Оказывается, что это сдѣлано садовникомъ: его призываютъ.

Но каково наше разочарованіе! Садовникъ, узнавъ, на что жалуются, начинаетъ жаловаться еще громче насъ. Какъ, господа, это вы такъ испортили мое дѣло? Я посѣялъ тутъ мальтійскія дыни, сѣмена которыхъ получены мною, какъ драгоцѣнность, и которыми я надѣялся угостить васъ, когда онѣ созрѣли бы; а вы, чтобы посадить жалкіе бобы, истребили мои дыни, которыя было уже совсѣмъ взошли и которыхъ мнѣ нечѣмъ замѣнить. Вы причинили мнѣ невознаградимый убытокъ, и сами лишили себя удовольствія поѣсть превосходныхъ дынь.

Жанъ-Жакъ. Извините насъ, любезный Роберъ. Вы положили сюда свой трудъ, свои заботы. Я вижу, что мы виноваты въ томъ, что мы испортили вашу работу; но мы вамъ достанемъ другихъ мальтійскихъ сѣмянъ, и больше не будемъ копать земли, не разузнавъ сначала, не обрабатывалъ ли ее уже кто-нибудь прежде насъ.

Роберъ. О, если такъ, господа, то вы можете отложить попеченіе, потому что невоздѣланной земли совсѣмъ больше нѣтъ. Я обрабатываю ту, которую удобрилъ отецъ мой, и каждый со своей стороны дѣлаетъ то же; вся земля, которую вы видите, давнымъ давно занята.

Эмиль. Господинъ Роберъ, слѣдовательно сѣмена дынь часто пропадаютъ?

Роберъ. Совсѣмъ нѣтъ, мой милый юноша: намъ не часто приходится имѣть дѣло съ такими шалунами, какъ вы. Никто не прикасается къ саду своего сосѣда; всякій уважаетъ чужой трудъ, для того, чтобы и его собственный былъ обезпеченъ.

Эмиль. Но у меня-то нѣтъ сада.

Роберъ. А мнѣ какое дѣло? если вы будете портить мой садъ, то я не буду васъ больше пускать гулять, потому что я не хочу, чтобъ мой трудъ пропадалъ.

Жанъ-Жакъ. Нельзя ли предложить сдѣлку доброму Роберу?

Пусть онъ уступитъ мнѣ и моему маленькому другу уголо своего сада для обработки, съ условіемъ, что будетъ получа половину произведеній.

Роберъ. Я уступаю вамъ его безъ условій. Но помните, ч если вы тронете мои дыни, то я взбороню ваши бобы.

Изъ этого примѣра передачи дѣтямъ первоначальныхъ поня тій видно, какъ идея собственности естественно восходитъ к праву перваго завладѣнія путемъ труда. Это ясно, вразумительно, просто и вполнѣ доступно дѣтскому пониманію.

Отсюда до права собственности и до мѣны одинъ только шагъ, послѣ котораго слѣдуетъ остановиться.

Понятно, кромѣ того, что объясненіе, которое помѣщается у меня на двухъ страницахъ, на практикѣ будетъ можетъ-быть дѣломъ цѣлаго года, потому что въ дѣлѣ нравственныхъ идей слѣдуетъ подвигаться впередъ съ чрезвычайною медленностью и старательно упрочивать каждый шагъ.

Молодые наставники! помните, что всюду уроки ваши должны заключаться больше въ поступкахъ, чѣмъ въ рѣчахъ, потому что дѣти скоро забываютъ и свои и чужія слова, но не забываютъ ни своихъ, ни чужихъ поступковъ.

Подобныя наставленія, какъ я уже говорилъ, слѣдуетъ дѣлать раньше или позже, смотря по тому, ускоряется ли или замедляется ихъ необходимость сообразно нраву воспитанника; ясность ихъ примѣненія бросается въ глаза; но дабы не упустить ничего важнаго, мы представимъ еще одинъ примѣръ. Положимъ, что вашъ ребенокъ портитъ все, до чего не прикоснется: не сердитесь; удаляйте отъ его рукъ все, что онъ можетъ испортить. Онъ ломаетъ свою мебель,—не спѣшите замѣнять ее новою: дайте ему почувствовать непріятность лишеній. Онъ бьетъ окна своей комнаты; пусть вѣтеръ дуетъ на него день и ночь; не бойтесь простуды, потому что пусть ребенокъ будетъ лучше съ насморкомъ, нежели безумнымъ. Никогда не жалуйтесь на неудобства, которыя онъ вамъ причиняетъ, но сдѣлайте такъ, чтобы онъ первый почувствовалъ ихъ. Наконецъ, вы вставляете новыя стекла, все-таки не говоря ему ни слова. Онъ опять разбиваетъ ихъ? Тогда перемѣните методу: скажите ему сухо, но безъ гнѣва: окна принадлежатъ мнѣ; я озаботился ихъ устройствомъ, и желаю сохранить ихъ. Затѣмъ заприте его въ темномъ мѣстѣ, гдѣ

не было бы оконъ. При такомъ небываломъ обращеніи онъ примется кричать и бушевать: никто не обращаетъ на него вниманія. Скоро онъ утомляется и перемѣняетъ тонъ, начинаетъ жаловаться, плачетъ: приходитъ слуга. и упрямецъ проситъ освободить его. Не прибирая никакихъ другихъ предлоговъ къ отказу, слуга отвѣчаетъ: *я также долженъ заботиться о цѣлости своихъ оконъ*, и уходитъ. Наконецъ, когда ребенокъ пробудетъ взаперти нѣсколько часовъ и достаточно соскучится, чтобы помнить объ этомъ, кто-нибудь внушитъ ему мысль предложить вамъ сдѣлку, вслѣдствіе которой вы возвратите ему свободу, а онъ больше не будетъ бить стеколъ. Онъ съ радостью согласится, и проситъ васъ придти его провѣдать: вы приходите; онъ дѣлаетъ вамъ свое предложеніе, и вы тотчасъ же принимаете его, говоря: это очень хорошо придумано; мы оба выиграемъ отъ того; какъ жаль, что эта хорошая мысль не пришла вамъ въ голову раньше! Затѣмъ, не требуя ни увѣреній, ни подтвержденія его обѣщанія, вы съ радостью цѣлуете его и уводите въ его комнату, считая эту сдѣлку столь же святою и ненарушимою, какъ еслибъ она была подкрѣплена клятвою. Какъ вы думаете, какое понятіе получитъ онъ, по этому поступку, о вѣрности взаимныхъ обстоятельствъ и ихъ пользѣ?

Я жестоко ошибаюсь, если найдется на землѣ хотя одинъ еще неиспорченный ребенокъ, на котораго не подѣйствовало бы это поведеніе, и который вздумалъ бы послѣ того бить намѣренно стекла.

Теперь мы вступимъ въ нравственный міръ, и вотъ открылась дверь для порока. Вмѣстѣ съ договорами и обязанностями рождается обманъ и ложь, является возможность дѣлать то, чего не слѣдуетъ, является и желаніе скрыть то, чего не слѣдовало дѣлать. Какъ скоро выгода заставляетъ обѣщать, большая выгода можетъ заставить нарушить обѣщаніе; все дѣло только въ томъ, чтобы безнаказанно нарушить обѣщаніе; естественныя для того средства — скрытность и ложь. Не имѣя возможности предупредить порока, мы поставлены въ необходимость его наказывать. И вотъ рука въ руку съ заблужденіями идутъ и бѣдствія человѣческой жизни.

Сказаннаго мною достаточно, чтобы дать понять, что никогда не слѣдуетъ налагать на дѣтей наказаніе, какъ наказаніе, но что

оно должно всегда падать на нихъ, какъ слѣдствіе ихъ дурнаго поступка. Такимъ образомъ, не ораторствуйте противъ лжи, не наказывайте ребенка именно за ложь, но сдѣлайте такъ, чтобы всѣ дурныя послѣдствія ея падали на его голову.

Есть два рода лжи: ложь въ дѣлѣ, относящаяся къ прошедшему, и ложь въ правѣ, относящаяся къ будущему. Первая бываетъ, когда отрицаютъ сдѣланное или утверждаютъ что-нибудь, чего не дѣлали, и вообще, когда умышленно искажаютъ истину. Вторая бываетъ тогда, когда обѣщаютъ что-нибудь, не имѣя намѣренія сдержать обѣщанія, и вообще, когда выказываютъ намѣренія, противныя тѣмъ, какія имѣются. Оба эти рода лжи могутъ иногда сливаться въ одно, но здѣсь я разсматриваю тѣ ихъ стороны, которыми они отличаются. Тому, кто чувствуетъ потребность въ помощи другихъ людей и кто постоянно испытываетъ на себѣ ихъ расположеніе, нѣтъ никакой выгоды въ обманѣ; напротивъ, ему очевидно выгоднѣе, чтобы люди эти видѣли вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, въ избѣжаніе ошибокъ съ ихъ стороны, могущихъ послужить ему во вредъ. Слѣдовательно ясно, что ложь въ дѣлѣ не свойственна дѣтямъ; но законъ послушанія вызываетъ необходимость лжи: такъ какъ послушаніе тяжело, то втайнѣ его обходятъ насколько можно, а близкая выгода избѣгнуть наказанія и выговора беретъ верхъ надъ отдаленной выгодой истины. При естественномъ и свободномъ воспитаніи къ чему станетъ лгать ребенокъ? Развѣ ему нужно скрывать что-либо отъ васъ? Вы не журите его, не наказываете, ничего отъ него не требуете. Отчего-жъ ему не сказать вамъ все, что онъ дѣлаетъ, такъ же откровенно, какъ и своему маленькому товарищу? Для него нѣтъ ничего опаснаго въ этомъ признаніи, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Ложь въ правѣ еще менѣе свойственна дѣтямъ, потому что обѣщанія сдѣлать что-либо или не дѣлать чего-либо суть договоры, выходящіе за предѣлы естественнаго строя и нарушающіе свободу. Мало того, всѣ дѣтскія обязательства ничтожны сами по себѣ, такъ какъ ограниченный взглядъ ребенка останавливается только на настоящемъ, то ребенокъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, когда беретъ на себя какое-нибудь обязательство. Едва-ли онъ можетъ лгать въ этомъ случаѣ: думая только, какъ бы выпутаться изъ затрудненія въ настоящую минуту, онъ считаетъ

годнымъ всякое средство, дѣйствіе котораго не чувствуется въ настоящемъ. Обѣщая что-нибудь на будущее время, онъ ничего не обѣщаетъ: воображеніе его, которое еще дремлетъ, не умѣетъ переносить его на два различныхъ времени. Еслибъ онъ могъ избѣгнуть сегодня розогъ или получить коробку конфектъ обѣщаніемъ броситься завтра изъ окна, онъ тотчасъ бы пообѣщалъ это. Вотъ почему законы и признаютъ всѣ дѣтскія обязательства недѣйствительными; а если строгіе отцы и наставники и требуютъ выполненія дѣтскихъ обязательствъ, то только по отношенію къ такимъ вещамъ, которыя ребенокъ долженъ дѣлать даже безъ всякаго обѣщанія.

Итакъ ребенокъ, не сознавая, что дѣлаетъ, когда обязуется, не можетъ и лгать, принимая обязательство. Другое дѣло, когда онъ нарушаетъ обѣщаніе; это уже извѣстнаго рода ложь, такъ какъ онъ очень хорошо помнитъ о своемъ обѣщаніи, но только не видитъ важности его выполненія. Не умѣя предвидѣть будущее, онъ не можетъ предвидѣть и послѣдствій каждой вещи и, когда нарушаетъ свои обязательства, не дѣлаетъ ничего несообразнаго съ своимъ возрастомъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что лганье дѣтей есть дѣло наставниковъ, и что желать научить ребенка говорить правду значитъ ничего больше, какъ научить его лгать. Въ поспѣшности, съ какою его исправляютъ, направляютъ, учатъ, имъ все кажется еще мало орудій. Помощью безосновательныхъ правилъ и безсмысленныхъ наставленій, хотятъ усилить вліяніе на умъ ребенка, и предпочитаютъ, чтобъ онъ зналъ свои уроки и лгалъ, нежели оставался бы правдивымъ невѣжей.

Тупоумно требовать отъ дѣтей занятія такими вещами, о которыхъ только неопредѣленно говорятъ имъ, что онѣ служатъ къ ихъ пользѣ, а они не знаютъ, въ чемъ заключается эта польза, — и при этомъ увѣряютъ ихъ, что пользу эту они извлекутъ, когда выростутъ, а въ настоящее время они нисколько не интересуются этою пользою, которую не могутъ понять.

Пусть ребенокъ ничего не дѣлаетъ, вѣря на слово: для него хорошо только то, что онъ чувствуетъ хорошимъ; заставляя его обгонять свои познанія, вы думаете дѣйствовать предусмотрительно, а выходитъ наоборотъ. Чтобы вооружить его пустыми орудіями, которыхъ, быть можетъ, онъ никогда не употребитъ въ

дѣло, вы лишаете его самаго обыкновеннаго человѣческаго орудія, а именно здраваго смысла. Вы пріучаете его къ помочамъ, пріучаете быть машиной въ чужихъ рукахъ. Вы хотите, чтобы онъ былъ послушнымъ въ дѣтствѣ; это значитъ желать, чтобы, выросши, онъ сталъ легковѣрнымъ простакомъ.

Вы безпрерывно твердите ему: „Все, что я отъ васъ требую, служитъ для вашей же пользы; но вы не въ состояніи этого понять. Какое мнѣ дѣло, исполняете ли вы, или нѣтъ, требуемое мною? Вы работаете для себя одного". Всѣми этими прекрасными рѣчами, которыми вы хотите, въ настоящее время, сдѣлать его благоразумнымъ, вы подготовляете успѣхъ рѣчей, съ которыми со временемъ, быть можетъ, обратится къ нему какой-нибудь мечтатель, алхимикъ, шарлатанъ, обманщикъ или какой-нибудь безумецъ, съ цѣлью поймать его на свою удочку или навязать ему свою глупость.

Взрослому слѣдуетъ знать много вещей, полезность которыхъ для ребенка непонятна; но нужно ли и возможно ли ребенка учить всему, что слѣдуетъ знать взрослому? Старайтесь научить ребенка всему, что полезно для его возраста, и вы увидите, что это съ избыткомъ займетъ все его время. Зачѣмъ хотите вы, во вредъ занятіямъ, которыя приличны для него въ настоящее время, засадить его за занятія, приличныя возрасту, до котораго ему весьма мало вѣроятности дожить? Но, скажете вы, время ли учиться чему-нибудь тогда, когда приходится употреблять свое знаніе въ дѣло? Не знаю: но знаю, что выучиться этому раньше невозможно, потому что наши настоящіе учителя—это опытъ и чувство, и никогда человѣкъ лучше не знаетъ, что прилично человѣку, какъ въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ онъ уже разъ находился. Ребенокъ знаетъ, что ему предстоитъ быть взрослымъ; всѣ понятія, которыя онъ можетъ получить о состояніи взрослаго человѣка, являются для него знаніемъ; но онъ долженъ оставаться въ абсолютномъ невѣдѣніи относительно тѣхъ понятій объ этомъ состояніи, которыя недоступны для него. Вся моя книга не болѣе, какъ безпрерывное подтвержденіе этого начала въ воспитаніи.

Какъ скоро мы добились, что нашъ воспитанникъ понялъ слово *полезно*, мы получаемъ могучее средство руководить имъ, потому что это слово очень поражаетъ его, ибо имѣетъ для него

на свободѣ; ни къ чему не принуждайте его съ цѣлью заставить лучше высказаться. Неужели вы думаете, что это свободное время потеряно для него? Напротивъ того, оно дастъ вамъ средство не терять ни минуты болѣе дорогого времени; между тѣмъ какъ, если вы начнете дѣйствовать, не узнавъ, что нужно дѣлать, вы будете дѣйствовать наудачу; ошибка заставитъ васъ возвратиться назадъ; вы больше удалитесь отъ цѣли, чѣмъ при меньшей поспѣшности достичь ее. Итакъ, не поступайте, какъ скупой, который, не желая ничего терять, теряетъ много. Пожертвуйте, въ первомъ возрастѣ, временемъ, которое вы съ избыткомъ воротите впослѣдствіи.

Умный медикъ не даетъ легкомысленно лѣкарствъ по первому взгляду, но изучаетъ сначала темпераментъ больного, прежде чѣмъ предписать ему что-нибудь; онъ начинаетъ его лѣчить позднѣе, но зато вылѣчиваетъ, между тѣмъ какъ медикъ, слишкомъ поспѣшившій, убиваетъ его.

Но куда же помѣстить этого ребенка, гдѣ воспитывать его, такимъ образомъ, какъ нечувствительное существо, какъ автомата? На луну, или на необитаемый островъ? Удалить его отъ всѣхъ людей? Не будетъ ли у него постоянно предъ глазами зрѣлище и примѣръ чужихъ страстей? Можетъ ли онъ избѣгнуть встрѣчи съ другими дѣтьми его возраста? Развѣ онъ не будетъ видѣть своихъ родныхъ, сосѣдей, свою кормилицу, гувернанку, своего лакея, наконецъ своего воспитателя, который не ангелъ же, наконецъ?

Возраженіе это серьезно и важно. Но развѣ я говорилъ, что естественное воспитаніе дѣло легкое? О люди! моя ли вина, что вы сдѣлали труднымъ все, что хорошо? Я понимаю эти трудности, я сознаю ихъ: можетъ быть, онѣ непреодолимы; но, какъ бы то ни было, а вѣрно то, что при стараніи онѣ до извѣстной степени преодолѣваются. Я показываю цѣль, которою нужно задаться: я не говорю, что ея можно достичь; но я говорю, что тотъ, кто ближе подойдетъ къ ней, успѣетъ больше другихъ.

Помните, что прежде, нежели возьметесь за воспитаніе человѣка, нужно самому сдѣлаться человѣкомъ; надо, чтобъ въ васъ самихъ сложился тотъ образецъ, которому долженъ слѣдовать ребенокъ. Пока ребенокъ еще ничего не понимаетъ, есть воз-

ошибкахъ? Всѣ считаютъ за правило не сознаваться и въ томъ, въ чемъ они виноваты; моимъ же правиломъ будетъ сознаніе даже въ томъ, въ чемъ я не виноватъ, если невозможно будетъ сдѣлать моихъ доводовъ доступными для ребенка; такимъ образомъ, поведеніе мое, всегда ясное для него, никогда не будетъ ему казаться двусмысленнымъ, и, признаваясь въ своихъ ошибкахъ, я лучше сохраню свое вліяніе, нежели его сохраняютъ другіе, скрывая эти ошибки.

Во первыхъ, помните, что иниціатива въ ученьи весьма рѣдко должна принадлежать вамъ; онъ самъ долженъ желать искать и находить уроки; вамъ же слѣдуетъ сдѣлать ученье доступнымъ для него, ловко возбудить въ немъ желаніе учиться и доставить средства удовлетворить этому желанію. Изъ этого слѣдуетъ, что ваши вопросы должны быть не часты, но строго выбраны; и такъ какъ ему чаще придется обращаться къ вамъ съ вопросами, нежели вамъ къ нему, то вы всегда будете обезпечены, и вамъ чаще придется говорить ему: *какая польза знать то, о чемъ вы меня спрашиваете?*

Сверхъ того, такъ какъ дѣло не въ томъ, чтобы онъ учился тому или другому, а въ томъ, чтобы хорошо понималъ то, чему учится, и къ чему оно годно, то какъ скоро вы не можете дать ему удовлетворительнаго отвѣта, не давайте ему никакого. Скажите ему попросту: я не могу вамъ дать удовлетворительнаго отвѣта; я ошибся, оставимъ это. Если вашъ урокъ былъ дѣйствительно неумѣстенъ, то не бѣда совсѣмъ отказаться отъ него; если же нѣтъ, то при небольшомъ стараніи вы скоро найдете случай сдѣлать ощутительною для него полезность этого урока.

Я не люблю голословныхъ объясненій: молодые люди не внимательны къ нимъ и забываютъ ихъ. Фактовъ! фактовъ! Я не могу достаточно часто повторять, что мы придаемъ слишкомъ много силы словамъ: наше болтливое воспитаніе способно образовать только болтуновъ.

Предположимъ, что въ то время, какъ я изучаю съ моимъ воспитанникомъ теченіе солнца и способъ оріентироваться, вдругъ онъ перебьетъ меня вопросомъ: къ чему служитъ все это? Съ какою прекрасною рѣчью я обращусь къ нему! какому множеству вещей я поспѣшу научить его, въ особенности если

когда они сдѣлаются неизбѣжными, то ограничивались бы только самымъ необходимымъ для того, чтобы ребенокъ не считалъ себя господиномъ надъ всѣмъ и чтобы онъ не сдѣлалъ зла другому безсознательно и безъ сожалѣній. Есть характеры кроткіе и тихіе, которымъ можно безопасно оставлять подольше ихъ первобытную невинность; но есть натуры пылкія, въ которыхъ рано развивается свирѣпость, и которыя нужно поскорѣй сдѣлать людьми, дабы не быть принужденнымъ посадить ихъ на цѣпь.

Наши первыя обязанности суть обязанности къ себѣ самимъ, наши первоначальныя чувства сосредоточиваются исключительно на насъ самихъ; всѣ наши природныя движенія относятся прежде всего къ личному нашему самосохраненію и благоденствію. Поэтому первое чувство справедливости порождается въ насъ не тѣмъ, что мы обязаны дѣлать по отношенію къ другимъ, а тѣмъ, что должны для насъ дѣлать другіе, и одну изъ безсмыслицъ общепринятаго воспитанія составляетъ совершенно противоположный обычай воспитателей: они твердятъ сначала дѣтямъ объ ихъ обязанностяхъ, а не объ ихъ правахъ, т. е. говорятъ вещи, которыхъ они не могутъ понять и которыми не могутъ интересоваться.

Имѣй я на воспитаніи ребенка, о которомъ говорю, я разсуждалъ бы такъ: ребенокъ не трогаетъ людей, онъ бросается на вещи; опытъ скоро научаетъ его уважать всякаго, кто старше и сильнѣе его; вещи же не могутъ сами защищаться. Слѣдовательно, первою его идеею должна быть скорѣе идея о собственности, нежели о свободѣ, а чтобы идея эта была ему понятна, онъ долженъ имѣть самъ какую-нибудь собственность. Приводить ему, какъ собственность, его одежду, мебель, игрушки—значитъ не говорить ему ровно ничего, потому что хотя онъ и располагаетъ этими вещами, но самъ не знаетъ, зачѣмъ и какъ онѣ ему достались. Сказать ему, что онъ ихъ имѣетъ, потому что ихъ ему дали, значитъ поступить не лучше, потому что, чтобы давать, нужно имѣть; слѣдовательно, это только болѣе удаленная отъ него собственность, а ему надо разъяснить принципъ собственности. Я не говорю уже о томъ, что даръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и договоръ, а ребенокъ не можетъ еще знать, что такое договоръ, и что поэтому—то большинство дѣтей

идти домой, то не можемъ отыскать дороги. Время уходитъ, становится жарко, мы голодны, мы торопимся, напрасно блуждаемъ мы въ разныя стороны, мы вездѣ видимъ рощи, каменоломни, равнины, но никакой примѣты для отысканія дороги. Разгоряченныхъ, усталыхъ, голодныхъ, насъ всѣ наши поиски ни къ чему не приводятъ. Наконецъ мы садимся, чтобы отдохнуть и обсудить свое положеніе. Эмиль, котораго я предполагаю воспитаннымъ, какъ всѣ дѣти, не разсуждаетъ, онъ плачетъ; онъ не знаетъ, что мы у самаго Монморанси, и что только лѣсокъ скрываетъ его отъ нашихъ глазъ; но эта рощица—цѣлый лѣсъ для него; человѣкъ его роста хоронится въ кустахъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я спрашиваю у него съ безпокойствомъ: „Мой милый Эмиль, какъ намъ выбраться отсюда?"

Эмиль. (весь въ поту и горько плача).—Я рѣшительно не знаю. Я усталъ, я голоденъ, мнѣ пить хочется, я не въ силахъ дальше идти.

Жанъ-Жакъ.—А мое положеніе развѣ лучше вашего? и развѣ вы думаете, что я не съумѣлъ бы расплакаться, еслибъ могъ позавтракать слезами? Не плакать слѣдуетъ, а отъискать дорогу. Посмотрите-ка на часы; который теперь часъ?

Эмиль.—Уже полдень, а я ничего не ѣлъ.

Жанъ-Жакъ.—Правда, уже полдень, а я ничего ни ѣлъ.

Эмиль.—Ахъ! какъ вы должны быть голодны!

Жанъ-Жакъ. — Бѣда въ томъ, что мой обѣдъ не придетъ сюда за мною. Теперь полдень: тотъ именно часъ, когда мы наблюдали вчера изъ Монморанси положеніе лѣса. Еслибъ мы могли наблюдать изъ лѣсу положеніе Монморанси?

Эмиль.—Такъ, но вчера мы видѣли лѣсъ, а отсюда намъ не видно города.

Жанъ-Жакъ.—Вотъ въ томъ то и бѣда... Еслибъ мы могли обойтись безъ этого, чтобы найти его положеніе!..

Эмиль.—О, мой добрый другъ!

Жанъ-Жакъ —Мы, кажется, говорили, что лѣсъ находится ..

Эмиль.—На сѣверъ отъ Монморанси.

Жанъ-Жакъ.—Слѣдовательно, Монморанси должно быть...

Эмиль.—На югъ отъ лѣса.

Жанъ-Жакъ. — У насъ есть способъ отъискать сѣверъ въ полдень?

Эмиль. — Да, по направленію тѣни.

Жанъ-Жакъ. — А югъ?

Эмиль.—Какъ быть?

Жанъ-Жакъ.—Югъ противоположенъ сѣверу.

Эмиль.—Это правда; нужно только поискать, гдѣ противоположная тѣни сторона. Ахъ, вотъ югъ! вотъ югъ! Монморанси навѣрное въ этой сторонѣ; пойдемъ въ эту сторону.

Жанъ-Жакъ.—Вы можетъ быть правы; пойдемте по этой тропинкѣ.

Эмиль. (хлопая въ ладоши и радостно вскрикивая).—Ахъ! я вижу Монморанси! вотъ оно передъ нами, на виду. Идемъ завтракать, обѣдать, скорѣй, скорѣй: астрономія на что-нибудь да годится!

Обратите вниманіе, что если онъ не скажетъ послѣдней фразы, то подумаетъ; все равно, только бы не я сказалъ ее. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что онъ во всю жизнь не забудетъ этого урока; между тѣмъ какъ еслибъ я ему представилъ все это дома, рѣчь моя была бы забыта на другой день. Нужно по возможности говорить въ дѣйствіяхъ, а словами говорить только то, чего нельзя сдѣлать.

Софья
или
Женщина.

Софья должна быть женщиною, какъ Эмиль мужчиною, т. е. обладать всѣмъ, что свойственно организаціи ея рода и пола, для того, чтобы занимать свое мѣсто въ физическомъ и нравственномъ строѣ. Во всемъ, что *не* касается пола, женщина есть мужчина. Во всемъ, что касается пола, женщина и мужчина различны.

Эти отношенія и эти различія должны вліять на нравственную сторону; такой выводъ осязателенъ, оправдывается опытомъ и показываетъ тщету споровъ о преимуществѣ или равенствѣ половъ: какъ будто бы каждый изъ двухъ, оправдывая цѣль природы, сообразно своему особенному назначенію, не былъ въ

этомъ совершеннѣе, чѣмъ былъ бы тогда, когда бы болѣе походилъ на другого! Въ томъ, что у нихъ есть общаго, они равны; въ томъ, что у нихъ есть отличнаго, ихъ нельзя сравнивать. Совершенная женщина и совершенной мужчина такъ же не должны походить другъ на друга умомъ, какъ и лицомъ. При союзѣ половъ, всякій равно содѣйствуетъ общей цѣли, но не одинакимъ образомъ. Изъ этого различія рождается первая, опредѣляемая разница между нравственными отношеніями одного и другого.

Одно изъ слѣдствій организаціи половъ есть то, что сильнѣйшій, будучи по наружному виду господиномъ, долженъ въ дѣйствительности зависѣть отъ слабѣйшаго,— и это не изъ пустого обычая, порождаемаго любезностью, и не изъ высокомѣрнаго великодушія покровителя, но по неизмѣнному закону природы, которая заставляетъ послѣдняго зависѣть, помимо его воли, отъ женщины и принуждаетъ его, въ свою очередь, желать ей понравиться, дабы она позволила ему быть сильнѣйшимъ.

Духъ женщинъ въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ организаціи: онѣ не только не краснѣютъ своей слабости, но гордятся ею; ихъ нѣжные мускулы не имѣютъ силы; онѣ дѣлаютъ видъ, что не могутъ поднять самой легкой ноши: имъ стыдно сказаться сильными. Чѣмъ объяснить это? Не однимъ только желаніемъ казаться изнѣженными, но и болѣе ловкою предосторожностью: онѣ исподволь припасаютъ для себя извиненіе и право быть слабыми, въ случаѣ надобности.

Какъ скоро мы примемъ, что мужчина и женщина не суть и не должны быть организованы одинакимъ образомъ, ни по характеру, ни по темпераменту, то изъ этого слѣдуетъ, что имъ не слѣдуетъ давать одинаковаго воспитанія. Слѣдуя указаніямъ природы, они должны дѣйствовать сообща, но не должны дѣлать одного и того же; цѣль трудовъ общая, но труды различны, а слѣдовательно, и вкусы, направляющіе ихъ. Постаравшись образовать естественнаго мужчину, дабы не оставить нашего дѣла недодѣланнымъ, посмотримъ также, какое образованіе должна получить женщина, достойная мужчины.

Хотите ли быть всегда подъ хорошимъ руководствомъ,—слѣдуйте указаніямъ природы. Все, что характеризуетъ полъ, должно быть уважаемо, какъ созданіе природы.

Вы безпрестанно говорите: у женщинъ есть такіе-то и такіе-то недостатки, которыхъ у насъ нѣтъ. Ваше высокомѣріе обманываетъ васъ: это были бы недостатки у васъ,—у нихъ это качества; не имѣй онѣ ихъ, все пошло бы хуже. Помѣшайте извратиться этимъ мнимымъ недостаткамъ, но берегитесь уничтожать ихъ.

Женщины, съ своей стороны, не перестаютъ кричать, что мы воспитываемъ ихъ на то, чтобы быть пустыми и кокетками, что мы постоянно забавляемъ ихъ пустяками, дабы легче овладѣть ими; онѣ обвиняютъ насъ въ недостаткахъ, въ которыхъ мы ихъ упрекаемъ. Какое безуміе! Съ которыхъ же это поръ мужчины вмѣшиваются въ воспитаніе дѣвочекъ? Кто мѣшаетъ матерямъ воспитывать ихъ такъ, какъ имъ угодно? Для нихъ нѣтъ училищъ. Вотъ большое несчастіе! Далъ бы Богъ, чтобы ихъ не было и для мальчиковъ! воспитаніе ихъ было бы разумнѣе и честнѣе. Развѣ вашихъ дочерей принуждаютъ терять время на пустяки? Развѣ ихъ насильно заставляютъ проводить пол-жизни за туалетомъ, по вашему примѣру? Развѣ вамъ мѣшаютъ учить ихъ, какъ и чему хотите? Развѣ наша вина, если онѣ нравятся намъ, когда красивы, если ихъ кокетство плѣняетъ насъ, если искусство, которому онѣ научаются отъ васъ, привлекаетъ насъ и нравится намъ; если мы любимъ, когда онѣ одѣты со вкусомъ, если мы оставляемъ ихъ на свободѣ точить оружіе, которымъ онѣ насъ покоряютъ? Рѣшитесь воспитывать ихъ, какъ мужчинъ: мужчины охотно на это согласятся. Чѣмъ больше захотятъ онѣ походить на нихъ, тѣмъ меньше онѣ будутъ управлять ими; и тогда-то сдѣлаются они въ самомъ дѣлѣ ихъ властелинами.

Способности, общія обоимъ поламъ, не равно распредѣляются между ними; но взятыя въ общемъ, онѣ уравновѣшиваются. Женщина хороша, какъ женщина, и дурна—какъ мужчина; когда она защищаетъ свои права, она постоянно одерживаетъ верхъ; когда она хочетъ завладѣть нашими правами, она постоянно проигрываетъ. Въ опроверженіе этой общей истины можно указывать лишь на исключенія; и вотъ постоянный способъ аргументаціи любезныхъ приверженцевъ прекраснаго пола.

Итакъ, развивать въ женщинахъ качества мужчины и пренебрегать тѣми, которыя имъ свойственны, значитъ, очевидно, дѣйствовать имъ во вредъ. Хитрячки очень хорошо это видятъ

и не попадаются на удочку; стараясь завладѣть нашими преимуществами, онѣ не разстаются съ своими; но изъ этого происходитъ то, что, не будучи въ состояніи хорошо управиться и съ тѣми и съ другими, потому что они несовмѣстимы, онѣ не достигаютъ ни того, что имъ доступно, ни того, что доступно намъ, и теряютъ половину своего значенія. Вѣрьте мнѣ, разсудительная мать, не дѣлайте изъ вашей дочери честнаго человѣка: сдѣлайте изъ нея честную женщину, и будьте увѣрены, что такъ будетъ лучше и для нея, и для насъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы она была воспитываема въ полномъ невѣжествѣ и ограничивалась одними заботами о хозяйствѣ? Сдѣлаетъ ли мужчина служанку изъ своей подруги? будетъ ли онъ лишенъ того наслажденія, которое можетъ доставить ему ея общество? Чтобы лучше поработить ее, лишитъ ли онъ ее чувствъ, знанія? Сдѣлаетъ ли онъ изъ нея настоящаго автомата? Нѣтъ, конечно; этого не указывала природа, которая надѣляетъ женщинъ такимъ пріятнымъ и такимъ гибкимъ умомъ напротивъ, она хочетъ, чтобы онѣ думали, судили, любили, знали, чтобы онѣ украшали свой умъ, такъ же какъ и свое лицо; это орудія, которыми она надѣляетъ ихъ въ замѣнъ силы, не достающей имъ, и для направленія нашей силы. Онѣ должны учиться многому, но только тому, что имъ прилично знать.

Отъ хорошаго тѣлосложенія матерей зависитъ хорошее тѣлосложеніе дѣтей; отъ заботливости женщинъ зависитъ первое воспитаніе мужчинъ; отъ женщинъ же зависитъ ихъ нравственность, ихъ страсти, вкусы, удовольствія, самое счастье.

Такъ какъ тѣло родится, такъ сказать, прежде души, то прежде всего нужно развивать тѣло: это законъ общій для обоихъ половъ. Но цѣль этого развитія различна; для одного цѣль эта состоитъ въ развитіи силъ, для другого—въ развитіи прелести: не то, чтобы эти качества должны были быть исключительными для каждаго изъ половъ, но законъ примѣненія этихъ качествъ различенъ; женщинамъ необходима сила настолько, чтобы дѣлать все, что онѣ дѣлаютъ, съ граціею; мужчинамъ необходима ловкость настолько, чтобы дѣлать все съ легкостью.

Чрезмѣрная изнѣженность женщинъ порождаетъ изнѣженность мужчинъ. Женщины не должны быть такими же крѣпкими, какъ мужчины, но крѣпость ихъ нужна для того, чтобы мужчины,

которые родятся отъ нихъ, были такъ же крѣпки. Въ этомъ монастыри, гдѣ пансіонерки имѣютъ грубую пищу, но много бѣгаютъ, рѣзвятся, играютъ на открытомъ воздухѣ и въ садахъ, имѣютъ преимущество предъ родительскимъ домомъ, гдѣ дѣвочка, при изысканной пищѣ, постоянныхъ ласкахъ или выговорахъ постоянно сидитъ на глазахъ матери, въ запертой со всѣхъ сторонъ комнатѣ, не смѣетъ ни вставать, ни ходить, ни говорить, ни запыхаться, и не имѣетъ ни минуты свободной, чтобы играть, прыгать, бѣгать, кричать, предаваться рѣзвости, свойственной ея возрасту; тутъ царствуетъ постоянно или опасная распущенность, или нелѣпая строгость; съ разсудкомъ же никогда и ни въ чемъ не соображаются. Вотъ какимъ образомъ разрушается и тѣло, и сердце юношества.

Первымъ и самымъ главнымъ качествомъ женщины должна быть кротость: созданная на то, чтобы повиноваться такому несовершенному существу, какъ мужчина, такъ часто преисполненному пороками и всегда преисполненному недостатками, она должна съ раннихъ поръ терпѣть даже несправедливость и сносить вины мужа безъ жалобы, она должна быть кротка не для него, но для себя. Сварливость и упрямство женщинъ только усиливаютъ ихъ страданія и дурные поступки мужей; онѣ чувствуютъ, что не этимъ оружіемъ должны онѣ побѣждать ихъ. Не для того сдѣлала ихъ природа вкрадчивыми и краснорѣчивыми, чтобы онѣ дѣлались сварливыми; она создала ихъ слабыми не для того, чтобы онѣ дѣлались высокомѣрными; не затѣмъ, чтобы говорить бранныя слова, надѣлила ихъ природа такимъ нѣжнымъ голосомъ; не для того надѣлила она ихъ такими тонкими чертами, чтобы онѣ обезображивались гнѣвомъ. Когда онѣ сердятся, то забываются; онѣ часто правы въ своихъ жалобахъ, но онѣ всегда не правы, когда бранятся. Каждый долженъ сохранять тонъ своего пола; слишкомъ кроткій мужъ можетъ сдѣлать жену дерзкою; но, если только мужчина не чудовище, кротость женщины усмиряетъ его и рано или поздно восторжествуетъ надъ нимъ.

Пусть дочери всегда остаются покорными, но пусть матери не будутъ всегда неумолимыми. Чтобы сдѣлать покорною молодую дѣвушку, не нужно дѣлать ее скромною, не нужно доводить ее до отупѣнія; напротивъ, я былъ бы даже не прочь, чтобы ее

допускали иногда прибѣгать къ ловкости, не для того, чтобы увернуться отъ наказанія, въ случаѣ непослушанія, но чтобы уклониться отъ необходимости слушаться. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы сдѣлать ей зависимость тяжелою; достаточно дать ей почувствовать ее. Хитрость—способность, свойственная женскому полу; а убѣжденный, что всѣ естественныя наклонности хороши и правильны сами по себѣ, я того мнѣнія, что нужно развивать и эту способность, такъ же какъ и всякую другую; слѣдуетъ только предупредить злоупотребленія.

Я ссылаюсь, въ истинѣ этого замѣчанія, на всякаго добросовѣстнаго наблюдателя. Я не хочу, чтобы наблюдали надъ самими женщинами: стѣснительныя учрежденія наши могутъ вынуждать ихъ изощрять свой умъ Пусть наблюдаютъ надъ дѣвочками, маленькими дѣвочками, которыя, такъ сказать, только-что родились на свѣтъ; пусть сравнятъ ихъ съ маленькими мальчиками того-же возраста, и если эти послѣдніе не покажутся тупыми, вѣтреными, глупыми—рядомъ съ ними, то я сознаюсь въ заблужденіи.

То, что существуетъ, хорошо, и никакой общій законъ не можетъ быть дуренъ. Та особенная ловкость, которою надѣленъ женскій полъ, является справедливымъ вознагражденіемъ за силу, которой у него нѣтъ; иначе женщина была бы не подругою мужчины, а его рабою; помощью этого превосходства въ способностяхъ, она удерживается на равной съ нимъ ногѣ и управляетъ имъ, повинуясь ему. Все противъ женщины: наши недостатки, ея застѣнчивость, ея слабость; за нее — лишь ея искусство и красота. Не должна ли она по справедливости изощрять и то и другое? Но красота не есть общее достояніе; она погибаетъ отъ тысячи случайностей, проходитъ съ годами, привычка уничтожаетъ ея дѣйствіе. Умъ — вотъ единственный рессурсъ женскаго пола; не тотъ глупый умъ, которому придаютъ столько цѣны въ свѣтѣ и который ни мало не служитъ на то, чтобы сдѣлать жизнь счастливою, но умъ, пригодный для его положенія, искусство извлекать пользу изъ нашего ума и пользоваться нашими собственными преимуществами. Мы не знаемъ, какъ намъ самимъ полезна эта женская ловкость, сколько прелести придаетъ она сношеніямъ между двумя полами, какъ помогаетъ она обуздывать пылкость дѣтей, смягчаетъ грубость

мужей, поддерживаетъ спокойствіе въ семьяхъ, которыя безъ того волновали бы несогласія. Лукавыя и злыя женщины злоупотребляютъ ею, я это хорошо знаю: но чѣмъ не злоупотребляетъ порокъ? Не будемъ разбивать орудія счастья потому только, что злые пользуются имъ иногда, чтобы вредить.

Можно блистать нарядомъ, но нравиться можетъ лишь сама личность. Одежда—не мы сами; часто изысканность одежды бываетъ не къ лицу, и часто одежда, заставляющая замѣчать ту, которая ее носитъ, наименѣе замѣтна сама по себѣ. Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ въ этомъ отношеніи совершенно противно здравому смыслу. Имъ обѣщаютъ украшенія, какъ награду, ихъ заставляютъ любить изысканные наряды. *Какъ она хороша!* говорятъ имъ, когда онѣ разряжены. А, совсѣмъ наоборотъ, слѣдовало бы дать имъ понять, что цѣль всѣхъ этихъ нарядовъ скрывать недостатки, и что настоящее торжество красоты бываетъ тогда, когда она одной себѣ обязана своимъ блескомъ. Любовь къ модѣ показываетъ дурной вкусъ, потому что лица не мѣняются вмѣстѣ съ модою, а потому и то, что идетъ къ лицу, всегда къ нему идетъ.

Еслибъ я видѣлъ, что молодая дѣвушка тщеславится своимъ нарядомъ, я выказалъ бы безпокойство о томъ, что лицо ея такъ замаскировано, и о томъ, какія мысли можетъ это возбудить въ другихъ; я сказалъ бы: всѣ эти украшенія дѣлаютъ ее слишкомъ нарядной—жалко; какъ вы думаете, можетъ ли она носить болѣе простое платье? достаточно ли она хороша, чтобы обойтись безъ многихъ принадлежностей ея наряда?

Можетъ быть, тогда дѣвушка первая попросила бы снять съ нея украшенія и тогда судить: тогда похвалите, если есть за что. Никогда не хвалилъ бы я ее столько, какъ тогда, когда она была бы всего проще одѣта. Когда она будетъ считать нарядъ замѣною прелестей особы и молчаливымъ признаніемъ, что она нуждается въ вспомогательныхъ средствахъ для того, чтобы нравиться, она перестанетъ гордиться своимъ нарядомъ и будетъ стыдиться его, и если, будучи наряднѣе обыкновеннаго, услышитъ, что скажутъ: *какъ она хороша!* то покраснѣетъ отъ досады.

———

Характеристика Софьи.

Софья хорошо одарена природою и имѣетъ добрый нравъ; сердце у ней очень чувствительное, и эта чрезмѣрная чувствительность заставляетъ иногда слишкомъ дѣятельно работать ея воображеніе, которое съ трудомъ умѣряется. Умъ у ней не столько точенъ, сколько проницателенъ, характеръ уживчивый, хотя и неровный, лицо обыкновенное, но пріятное, физіономія— обѣщающая душу и сдерживающая свое обѣщаніе; можно равнодушно подойти къ ней, но нельзя отъ нея отойти безъ волненія. У другихъ есть хорошія качества, которыхъ у ней нѣтъ; у другихъ качества, которыя есть у нея, больше развиты, но ни у одной нѣтъ въ нихъ той гармоніи, которая образуетъ счастливый характеръ. Она умѣетъ пользоваться самыми недостатками своими, и будь она совершеннѣе, она нравилась бы меньше. Софья не красавица; но возлѣ нея мужчины забываютъ красивыхъ женщинъ, а красивыя женщины чувствуютъ недовольство собою. На первый взглядъ она едва покажется даже хорошенькою; но чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ она кажется красивѣе; она выигрываетъ тамъ, гдѣ другія проигрываютъ, и то, что ею выиграно, навсегда остается при ней. Можно имѣть болѣе красивые глаза, болѣе красивый ротъ, болѣе величественное лицо; но нельзя имѣть болѣе стройной таліи, лучшаго цвѣта лица, ручку бѣлѣе, ногу меньше, взглядъ ласковѣе, физіономію трогательнѣе. Она не ослѣпляетъ, но возбуждаетъ участіе; она очаровываетъ, и самъ не можешь сказать, чѣмъ.

Софья любитъ наряды и знаетъ въ нихъ толкъ; у ея матери нѣтъ другой горничной, кромѣ нея; у нея много вкуса, и она умѣетъ одѣться къ лицу, но она ненавидитъ богатые наряды; ея нарядъ всегда отличается простотою, исполненною изящества; она любитъ не то, что блеститъ, а то, что идетъ къ лицу. Она не знаетъ, какіе цвѣта въ модѣ, но отлично знаетъ, какіе къ ней идутъ. Нѣтъ молодой особы, которая на видъ казалась бы проще одѣтой, и нарядъ которой былъ бы такъ изысканъ: ни одна принадлежность ея наряда не выбрана случайно, а искусство ни въ чемъ не проглядываетъ. Нарядъ ея, повидимому простъ, но очень кокетливъ въ дѣйствительности. Видя ее, говоришь:

вотъ скромная и добродѣтельная дѣвушка; но пока остаешься рядомъ съ нею, глаза и сердце приковываются къ ея особѣ и оторвать ихъ нѣтъ возможности.

Софья имѣетъ природные таланты; она это знаетъ, и не пренебрегаетъ ими; но, не имѣвъ средствъ прибѣгнуть къ искусству для ихъ развитія, она довольствуется тѣмъ, что пріучаетъ свой голосъ пѣть вѣрно и со вкусомъ, свои маленькія ножки ходить легко, ловко и граціозно. Но у ней не было другого учителя пѣнія, кромѣ отца, другой танцовальной учительницы, кромѣ матери, а сосѣдній органистъ далъ ей нѣсколько уроковъ аккомпанимента на фортепіано, которымъ потомъ она занималась одна. Сначала она думала лишь о томъ, какъ бы красивѣе положить свою руку на клавиши, затѣмъ нашла, что рѣзкій и сухой звукъ инструмента смягчаетъ звукъ голоса; мало-по-малу она поняла гармонію; наконецъ, выростая, она начала чувствовать прелесть выраженія и любить музыку ради нея самой. Но это скорѣе склонность, нежели талантъ; она не умѣетъ разбирать аріи по нотамъ.

Что лучше всего Софья знаетъ и чему ее всего заботливѣе обучали, это—работы приличныя для ея пола, даже тѣ, о которыхъ другія не думаютъ, какъ напр. кроить и шить свои платья. Нѣтъ ни одной швейной работы, которой бы она не умѣла дѣлать и не дѣлала бы съ удовольствіемъ; но работа, которую она предпочитаетъ всякой другой, это плетеніе кружевъ, потому что нѣтъ ни одной, которая придавала бы болѣе граціозный видъ и въ которой бы пальцы упражнялись съ большею граціею и легкостью. Она также занималась всѣми мелочами хозяйства. Она понимаетъ толкъ въ кухонномъ дѣлѣ; знаетъ цѣну провизіи, знаетъ въ ней толкъ; она очень хорошо умѣетъ вести счеты и служить дворецкимъ для своей матери. Созданная на то, чтобы быть современемъ матерью семейства, она, управляя родительскимъ домомъ, учится управлять, со временемъ, своимъ собственнымъ; она можетъ помогать прислугѣ въ ея занятіяхъ и всегда охотно дѣлаетъ это. Хорошо приказать съумѣешь лишь то, что умѣешь выполнить самъ; вотъ причина, по которой мать занимаетъ ее всѣмъ этимъ. Что же касается самой Софьи, то она не забирается такъ далеко; первая ея обязанность есть долгъ и покуда это единственный, который она старается испол-

нить. Единственная цѣль ея — услужить своей матери и облегчить ей заботы. Справедливо, впрочемъ, что она не всѣ ихъ исполняетъ съ равнымъ удовольствіемъ.

Напримѣръ, хотя она и лакомка, но не любитъ кухни; въ кухонныхъ деталяхъ есть что-то такое, что отталкиваетъ ее; ей онѣ кажутся недостаточно чистыми. Въ этомъ отношеніи, она чрезвычайно избалована, и эта избалованность, доведенная до крайности, сдѣлалась однимъ изъ ея недостатковъ: она скорѣе допуститъ сгорѣть весь обѣдъ, нежели замараетъ свой рукавчикъ. По той же самой причинѣ, она никогда не хотѣла надзирать за садомъ. Земля кажется ей грязною; какъ скоро она видитъ навозъ, ей слышится его запахъ.

Этимъ недостаткомъ она обязана наставленіямъ своей матери. По ея мнѣнію, въ числѣ обязанностей женщины первою является чистоплотность; обязанность спеціальная, необходимая, налагаемая природою. Нѣтъ отвратительнѣе предмета въ мірѣ, какъ грязная женщина, и мужъ, которому такая женщина сдѣлается ротивною, всегда правъ. Мать такъ неотступно толковала объ этой обязанности своей дочери; съ самаго малолѣтства ея, она требовала столько чистоты отъ нея самой, отъ ея платья, ея комнаты, отъ ея работы, ея наряда, что эти хлопоты, превратившіяся въ привычку, отнимаютъ большую часть ея времени и наполняютъ остальную, такъ что хорошее исполненіе своего дѣла является лишь второю заботою у ней; первою является чистота въ исполненіи дѣла.

Однако, все это не превратилось въ пустую аффектацію или изнѣженность; къ этому не примѣшивается утонченность роскоши. Никогда въ ея комнатѣ не показывалось ничего другого, кромѣ чистой воды; она не знаетъ другихъ духовъ, кромѣ запаха цвѣтовъ, а мужъ ея никогда не вдыхалъ болѣе свѣжаго запаха, какъ ея дыханіе. Словомъ, вниманіе къ ея внѣшности не даетъ ей забыть, что жизнь ея и время должны употребляться на болѣе благородныя занятія: ей незнакома, или она пренебрегаетъ тою чрезмѣрною чистотою тѣла, которая грязнитъ душу; Софья болѣе чѣмъ чиста,—она невинна.

Она была лакомкою по природѣ; но сдѣлалась трезвою по привычкѣ, а въ настоящее время стала таковою изъ добродѣтели. Съ дѣвочками не то, что съ мальчиками, которыми можно,

Жанъ-Жакъ. — У насъ есть способъ отъискать сѣверъ въ полдень?

Эмиль. — Да, по направленію тѣни.

Жанъ-Жакъ. — А югъ?

Эмиль.—Какъ быть?

Жанъ-Жакъ.—Югъ противоположенъ сѣверу.

Эмиль.—Это правда; нужно только поискать, гдѣ противоположная тѣни сторона. Ахъ, вотъ югъ! вотъ югъ! Монморанси навѣрное въ этой сторонѣ; пойдемъ въ эту сторону.

Жанъ-Жакъ.—Вы можетъ быть правы; пойдемте по этой тропинкѣ.

Эмиль. (хлопая въ ладоши и радостно вскрикивая).—Ахъ! я вижу Монморанси! вотъ оно передъ нами, на виду. Идемъ завтракать, обѣдать, скорѣй, скорѣй: астрономія на что-нибудь да годится!

Обратите вниманіе, что если онъ не скажетъ послѣдней фразы, то подумаетъ; все равно, только бы не я сказалъ ее. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что онъ во всю жизнь не забудетъ этого урока; между тѣмъ какъ еслибъ я ему представилъ все это дома, рѣчь моя была бы забыта на другой день. Нужно по возможности говорить въ дѣйствіяхъ, а словами говорить только то, чего нельзя сдѣлать.

Софья
или
Женщина.

Софья должна быть женщиною, какъ Эмиль мужчиною, т. е. обладать всѣмъ, что свойственно организаціи ея рода и пола, для того, чтобы занимать свое мѣсто въ физическомъ и нравственномъ строѣ. Во всемъ, что *не* касается пола, женщина есть мужчина. Во всемъ, что касается пола, женщина и мужчина различны.

Эти отношенія и эти различія должны вліять на нравственную сторону; такой выводъ осязателенъ, оправдывается опытомъ и показываетъ тщету споровъ о преимуществѣ или равенствѣ половъ: какъ будто бы каждый изъ двухъ, оправдывая цѣль природы, сообразно своему особенному назначенію, не былъ въ

этомъ совершеннѣе, чѣмъ былъ бы тогда, когда бы болѣе походилъ на другого! Въ томъ, что у нихъ есть общаго, они равны; въ томъ, что у нихъ есть отличнаго, ихъ нельзя сравнивать. Совершенная женщина и совершенной мужчина такъ же не должны походить другъ на друга умомъ, какъ и лицомъ. При союзѣ половъ, всякій равно содѣйствуетъ общей цѣли, но не одинакимъ образомъ. Изъ этого различія рождается первая, опредѣляемая разница между нравственными отношеніями одного и другого.

Одно изъ слѣдствій организаціи половъ есть то, что сильнѣйшій, будучи по наружному виду господиномъ, долженъ въ дѣйствительности зависѣть отъ слабѣйшаго,— и это не изъ пустого обычая, порождаемаго любезностью, и не изъ высокомѣрнаго великодушія покровителя, но по неизмѣнному закону природы, которая заставляетъ послѣдняго зависѣть, помимо его воли, отъ женщины и принуждаетъ его, въ свою очередь, желать ей понравиться, дабы она позволила ему быть сильнѣйшимъ.

Духъ женщинъ въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ организаціи: онѣ не только не краснѣютъ своей слабости, но гордятся ею; ихъ нѣжные мускулы не имѣютъ силы; онѣ дѣлаютъ видъ, что не могутъ поднять самой легкой ноши: имъ стыдно сказаться сильными. Чѣмъ объяснить это? Не однимъ только желаніемъ казаться изнѣженными, но и болѣе ловкою предосторожностью: онѣ исподволь припасаютъ для себя извиненіе и право быть слабыми, въ случаѣ надобности.

Какъ скоро мы примемъ, что мужчина и женщина не суть и не должны быть организованы одинакимъ образомъ, ни по характеру, ни по темпераменту, то изъ этого слѣдуетъ, что имъ не слѣдуетъ давать одинаковаго воспитанія. Слѣдуя указаніямъ природы, они должны дѣйствовать сообща, но не должны дѣлать одного и того же; цѣль трудовъ общая, но труды различны, а слѣдовательно, и вкусы, направляющіе ихъ. Постаравшись образовать естественнаго мужчину, дабы не оставить нашего дѣла недодѣланнымъ, посмотримъ также, какое образованіе должна получить женщина, достойная мужчины.

Хотите ли быть всегда подъ хорошимъ руководствомъ,—слѣдуйте указаніямъ природы. Все, что характеризуетъ полъ, должно быть уважаемо, какъ созданіе природы.

Вы безпрестанно говорите: у женщинъ есть такіе-то и такіе-то недостатки, которыхъ у насъ нѣтъ. Ваше высокомѣріе обманываетъ васъ: это были бы недостатки у васъ,—у нихъ это качества; не имѣй онѣ ихъ, все пошло бы хуже. Помѣшайте извратиться этимъ мнимымъ недостаткамъ, но берегитесь уничтожать ихъ.

Женщины, съ своей стороны, не перестаютъ кричать, что мы воспитываемъ ихъ на то, чтобы быть пустыми и кокетками, что мы постоянно забавляемъ ихъ пустяками, дабы легче овладѣть ими; онѣ обвиняютъ насъ въ недостаткахъ, въ которыхъ мы ихъ упрекаемъ. Какое безуміе! Съ которыхъ же это поръ мужчины вмѣшиваются въ воспитаніе дѣвочекъ? Кто мѣшаетъ матерямъ воспитывать ихъ такъ, какъ имъ угодно? Для нихъ нѣтъ училищъ. Вотъ большое несчастіе! Далъ бы Богъ, чтобы ихъ не было и для мальчиковъ! воспитаніе ихъ было бы разумнѣе и честнѣе. Развѣ вашихъ дочерей принуждаютъ терять время на пустяки? Развѣ ихъ насильно заставляютъ проводить пол-жизни за туалетомъ, по вашему примѣру? Развѣ вамъ мѣшаютъ учить ихъ, какъ и чему хотите? Развѣ наша вина, если онѣ нравятся намъ, когда красивы, если ихъ кокетство плѣняетъ насъ, если искусство, которому онѣ научаются отъ васъ, привлекаетъ насъ и нравится намъ; если мы любимъ, когда онѣ одѣты со вкусомъ, если мы оставляемъ ихъ на свободѣ точить оружіе, которымъ онѣ насъ покоряютъ? Рѣшитесь воспитывать ихъ, какъ мужчинъ: мужчины охотно на это согласятся. Чѣмъ больше захотятъ онѣ походить на нихъ, тѣмъ меньше онѣ будутъ управлять ими; и тогда-то сдѣлаются они въ самомъ дѣлѣ ихъ властелинами.

Способности, общія обоимъ поламъ, не равно распредѣляются между ними; но взятыя въ общемъ, онѣ уравновѣшиваются. Женщина хороша, какъ женщина, и дурна—какъ мужчина; когда она защищаетъ свои права, она постоянно одерживаетъ верхъ; когда она хочетъ завладѣть нашими правами, она постоянно проигрываетъ. Въ опроверженіе этой общей истины можно указывать лишь на исключенія; и вотъ постоянный способъ аргументаціи любезныхъ приверженцевъ прекраснаго пола.

Итакъ, развивать въ женщинахъ качества мужчины и пренебрегать тѣми, которыя имъ свойственны, значитъ, очевидно, дѣйствовать имъ во вредъ. Хитрячки очень хорошо это видятъ

и не попадаются на удочку; стараясь завладѣть нашими преимуществами, онѣ не разстаются съ своими; но изъ этого происходитъ то, что, не будучи въ состояніи хорошо управиться и съ тѣми и съ другими, потому что они несовмѣстимы, онѣ не достигаютъ ни того, что имъ доступно, ни того, что доступно намъ, и теряютъ половину своего значенія. Вѣрьте мнѣ, разсудительная мать, не дѣлайте изъ вашей дочери честнаго человѣка: сдѣлайте изъ нея честную женщину, и будьте увѣрены, что такъ будетъ лучше и для нея, и для насъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы она была воспитываема въ полномъ невѣжествѣ и ограничивалась одними заботами о хозяйствѣ? Сдѣлаетъ ли мужчина служанку изъ своей подруги? будетъ ли онъ лишенъ того наслажденія, которое можетъ доставить ему ея общество? Чтобы лучше поработить ее, лишитъ ли онъ ее чувствъ, знанія? Сдѣлаетъ ли онъ изъ нея настоящаго автомата? Нѣтъ, конечно; этого не указывала природа, которая надѣляетъ женщинъ такимъ пріятнымъ и такимъ гибкимъ умомъ напротивъ, она хочетъ, чтобы онѣ думали, судили, любили, знали, чтобы онѣ украшали свой умъ, такъ же какъ и свое лицо; это орудія, которыми она надѣляетъ ихъ въ замѣнъ силы, не достающей имъ, и для направленія нашей силы. Онѣ должны учиться многому, но только тому, что имъ прилично знать.

Отъ хорошаго тѣлосложенія матерей зависитъ хорошее тѣлосложеніе дѣтей; отъ заботливости женщинъ зависитъ первое воспитаніе мужчинъ; отъ женщинъ же зависитъ ихъ нравственность, ихъ страсти, вкусы, удовольствія, самое счастье.

Такъ какъ тѣло родится, такъ сказать, прежде души, то прежде всего нужно развивать тѣло: это законъ общій для обоихъ половъ. Но цѣль этого развитія различна; для одного цѣль эта состоитъ въ развитіи силъ, для другого — въ развитіи прелести: не то, чтобы эти качества должны были быть исключительными для каждаго изъ половъ, но законъ примѣненія этихъ качествъ различенъ; женщинамъ необходима сила настолько, чтобы дѣлать все, что онѣ дѣлаютъ, съ граціею; мужчинамъ необходима ловкость настолько, чтобы дѣлать все съ легкостью.

Чрезмѣрная изнѣженность женщинъ порождаетъ изнѣженность мужчинъ. Женщины не должны быть такими же крѣпкими, какъ мужчины, но крѣпость ихъ нужна для того, чтобы мужчины,

которые родятся отъ нихъ, были такъ же крѣпки. Въ этомъ монастыри, гдѣ пансіонерки имѣютъ грубую пищу, но много бѣгаютъ, рѣзвятся, играютъ на открытомъ воздухѣ и въ садахъ, имѣютъ преимущество предъ родительскимъ домомъ, гдѣ дѣвочка, при изысканной пищѣ, постоянныхъ ласкахъ или выговорахъ постоянно сидитъ на глазахъ матери, въ запертой со всѣхъ сторонъ комнатѣ, не смѣетъ ни вставать, ни ходить, ни говорить, ни запыхаться, и не имѣетъ ни минуты свободной, чтобы играть, прыгать, бѣгать, кричать, предаваться рѣзвости, свойственной ея возрасту; тутъ царствуетъ постоянно или опасная распущенность, или нелѣпая строгость; съ разсудкомъ же никогда и ни въ чемъ не соображаются. Вотъ какимъ образомъ разрушается и тѣло, и сердце юношества.

Первымъ и самымъ главнымъ качествомъ женщины должна быть кротость: созданная на то, чтобы повиноваться такому несовершенному существу, какъ мужчина, такъ часто преисполненному пороками и всегда преисполненному недостатками, она должна съ раннихъ поръ терпѣть даже несправедливость и сносить вины мужа безъ жалобы, она должна быть кротка не для него, но для себя. Сварливость и упрямство женщинъ только усиливаютъ ихъ страданія и дурные поступки мужей; онѣ чувствуютъ, что не этимъ оружіемъ должны онѣ побѣждать ихъ. Не для того сдѣлала ихъ природа вкрадчивыми и краснорѣчивыми, чтобы онѣ дѣлались сварливыми; она создала ихъ слабыми не для того, чтобы онѣ дѣлались высокомѣрными; не затѣмъ, чтобы говорить бранныя слова, надѣлила ихъ природа такимъ нѣжнымъ голосомъ; не для того надѣлила она ихъ такими тонкими чертами, чтобы онѣ обезображивались гнѣвомъ. Когда онѣ сердятся, то забываются; онѣ часто правы въ своихъ жалобахъ, но онѣ всегда не правы, когда бранятся. Каждый долженъ сохранять тонъ своего пола; слишкомъ кроткій мужъ можетъ сдѣлать жену дерзкою; но, если только мужчина не чудовище, кротость женщины усмиряетъ его и рано или поздно восторжествуетъ надъ нимъ.

Пусть дочери всегда остаются покорными, но пусть матери не будутъ всегда неумолимыми. Чтобы сдѣлать покорною молодую дѣвушку, не нужно дѣлать ее скромною, не нужно доводить ее до отупѣнія; напротивъ, я былъ бы даже не прочь, чтобы ее

допускали иногда прибѣгать къ ловкости, не для того, чтобы увернуться отъ наказанія, въ случаѣ непослушанія, но чтобы уклониться отъ необходимости слушаться. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы сдѣлать ей зависимость тяжелою; достаточно дать ей почувствовать ее. Хитрость—способность, свойственная женскому полу; а убѣжденный, что всѣ естественныя наклонности хороши и правильны сами по себѣ, я того мнѣнія, что нужно развивать и эту способность, такъ же какъ и всякую другую; слѣдуетъ только предупредить злоупотребленія.

Я ссылаюсь, въ истинѣ этого замѣчанія, на всякаго добросовѣстнаго наблюдателя. Я не хочу, чтобы наблюдали надъ самими женщинами: стѣснительныя учрежденія наши могутъ вынуждать ихъ изощрять свой умъ Пусть наблюдаютъ надъ дѣвочками, маленькими дѣвочками, которыя, такъ сказать, только-что родились на свѣтъ; пусть сравнятъ ихъ съ маленькими мальчиками того-же возраста, и если эти послѣдніе не покажутся тупыми, вѣтреными, глупыми—рядомъ съ ними, то я сознаюсь въ заблужденіи.

То, что существуетъ, хорошо, и никакой общій законъ не можетъ быть дуренъ. Та особенная ловкость, которою надѣленъ женскій полъ, является справедливымъ вознагражденіемъ за силу, которой у него нѣтъ; иначе женщина была бы не подругою мужчины, а его рабою; помощью этого превосходства въ способностяхъ, она удерживается на равной съ нимъ ногѣ и управляетъ имъ, повинуясь ему. Все противъ женщины: наши недостатки, ея застѣнчивость, ея слабость; за нее — лишь ея искусство и красота. Не должна ли она по справедливости изощрять и то и другое? Но красота не есть общее достояніе; она погибаетъ отъ тысячи случайностей, проходитъ съ годами, привычка уничтожаетъ ея дѣйствіе. Умъ — вотъ единственный рессурсъ женскаго пола; не тотъ глупый умъ, которому придаютъ столько цѣны въ свѣтѣ и который ни мало не служитъ на то, чтобы сдѣлать жизнь счастливою, но умъ, пригодный для его положенія, искусство извлекать пользу изъ нашего ума и пользоваться нашими собственными преимуществами. Мы не знаемъ, какъ намъ самимъ полезна эта женская ловкость, сколько прелести придаетъ она сношеніямъ между двумя полами, какъ помогаетъ она обуздывать пылкость дѣтей, смягчаетъ грубость

мужей, поддерживаетъ спокойствіе въ семьяхъ, которыя безъ того волновали бы несогласія. Лукавыя и злыя женщины злоупотребляютъ ею, я это хорошо знаю: но чѣмъ не злоупотребляетъ порокъ? Не будемъ разбивать орудія счастья потому только, что злые пользуются имъ иногда, чтобы вредить.

Можно блистать нарядомъ, но нравиться можетъ лишь сама личность. Одежда—не мы сами; часто изысканность одежды бываетъ не къ лицу, и часто одежда, заставляющая замѣчать ту, которая ее носитъ, наименѣе замѣтна сама по себѣ. Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ въ этомъ отношеніи совершенно противно здравому смыслу. Имъ обѣщаютъ украшенія, какъ награду, ихъ заставляютъ любить изысканные наряды. *Какъ она хороша!* говорятъ имъ, когда онѣ разряжены. А, совсѣмъ наоборотъ, слѣдовало бы дать имъ понять, что цѣль всѣхъ этихъ нарядовъ скрывать недостатки, и что настоящее торжество красоты бываетъ тогда, когда она одной себѣ обязана своимъ блескомъ. Любовь къ модѣ показываетъ дурной вкусъ, потому что лица не мѣняются вмѣстѣ съ модою, а потому и то, что идетъ къ лицу, всегда къ нему идетъ.

Еслибъ я видѣлъ, что молодая дѣвушка тщеславится своимъ нарядомъ, я выказалъ бы безпокойство о томъ, что лицо ея такъ замаскировано, и о томъ, какія мысли можетъ это возбудить въ другихъ; я сказалъ бы: всѣ эти украшенія дѣлаютъ ее слишкомъ нарядной—жалко; какъ вы думаете, можетъ ли она носить болѣе простое платье? достаточно ли она хороша, чтобы обойтись безъ многихъ принадлежностей ея наряда?

Можетъ быть, тогда дѣвушка первая попросила бы снять съ нея украшенія и тогда судить: тогда похвалите, если есть за что. Никогда не хвалилъ бы я ее столько, какъ тогда, когда она была бы всего проще одѣта. Когда она будетъ считать нарядъ замѣною прелестей особы и молчаливымъ признаніемъ, что она нуждается въ вспомогательныхъ средствахъ для того, чтобы нравиться, она перестанетъ гордиться своимъ нарядомъ и будетъ стыдиться его, и если, будучи наряднѣе обыкновеннаго, услышитъ, что скажутъ: *какъ она хороша*! то покраснѣетъ отъ досады.

———

Характеристика Софьи.

Софья хорошо одарена природою и имѣетъ добрый нравъ; сердце у ней очень чувствительное, и эта чрезмѣрная чувствительность заставляетъ иногда слишкомъ дѣятельно работать ея воображеніе, которое съ трудомъ умѣряется. Умъ у ней не столько точенъ, сколько проницателенъ, характеръ уживчивый, хотя и неровный, лицо обыкновенное, но пріятное, физіономія— обѣщающая душу и сдерживающая свое обѣщаніе; можно равнодушно подойти къ ней, но нельзя отъ нея отойти безъ волненія. У другихъ есть хорошія качества, которыхъ у ней нѣтъ; у другихъ качества, которыя есть у нея, больше развиты, но ни у одной нѣтъ въ нихъ той гармоніи, которая образуетъ счастливый характеръ. Она умѣетъ пользоваться самыми недостатками своими, и будь она совершеннѣе, она нравилась бы меньше. Софья не красавица; но возлѣ нея мужчины забываютъ красивыхъ женщинъ, а красивыя женщины чувствуютъ недовольство собою. На первый взглядъ она едва покажется даже хорошенькою; но чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ она кажется красивѣе; она выигрываетъ тамъ, гдѣ другія проигрываютъ, и то, что ею выиграно, навсегда остается при ней. Можно имѣть болѣе красивые глаза, болѣе красивый ротъ, болѣе величественное лицо; но нельзя имѣть болѣе стройной таліи, лучшаго цвѣта лица, ручку бѣлѣе, ногу меньше, взглядъ ласковѣе, физіономію трогательнѣе. Она не ослѣпляетъ, но возбуждаетъ участіе; она очаровываетъ, и самъ не можешь сказать, чѣмъ.

Софья любитъ наряды и знаетъ въ нихъ толкъ; у ея матери нѣтъ другой горничной, кромѣ нея; у нея много вкуса, и она умѣетъ одѣться къ лицу, но она ненавидитъ богатые наряды; ея нарядъ всегда отличается простотою, исполненною изящества; она любитъ не то, что блеститъ, а то, что идетъ къ лицу. Она не знаетъ, какіе цвѣта въ модѣ, но отлично знаетъ, какіе къ ней идутъ. Нѣтъ молодой особы, которая на видъ казалась бы проще одѣтой, и нарядъ которой былъ бы такъ изысканъ: ни одна принадлежность ея наряда не выбрана случайно, а искусство ни въ чемъ не проглядываетъ. Нарядъ ея, повидимому простъ, но очень кокетливъ въ дѣйствительности. Видя ее, говоришь:

ѣтъ скромная и добродѣтельная дѣвушка; но пока остаешься ядомъ съ нею, глаза и сердце приковываются къ ея особѣ и торвать ихъ нѣтъ возможности.

Софья имѣетъ природные таланты; она это знаетъ, и не пренебрегаетъ ими; но, не имѣвъ средствъ прибѣгнуть къ искусству для ихъ развитія, она довольствуется тѣмъ, что пріучаетъ свой голосъ пѣть вѣрно и со вкусомъ, свои маленькія ножки ходить легко, ловко и граціозно. Но у ней не было другого учителя пѣнія, кромѣ отца, другой танцовальной учительницы, кромѣ матери, а сосѣдній органистъ далъ ей нѣсколько уроковъ аккомпанимента на фортепіано, которымъ потомъ она занималась одна. Сначала она думала лишь о томъ, какъ бы красивѣе положить свою руку на клавиши, затѣмъ нашла, что рѣзкій и сухой звукъ инструмента смягчаетъ звукъ голоса; мало-по-малу она поняла гармонію; наконецъ, выростая, она начала чувствовать прелесть выраженія и любить музыку ради нея самой. Но это скорѣе склонность, нежели талантъ; она не умѣетъ разбирать аріи по нотамъ.

Что лучше всего Софья знаетъ и чему ее всего заботливѣе обучали, это—работы приличныя для ея пола, даже тѣ, о которыхъ другія не думаютъ, какъ напр. кроить и шить свои платья. Нѣтъ ни одной швейной работы, которой бы она не умѣла дѣлать и не дѣлала бы съ удовольствіемъ; но работа, которую она предпочитаетъ всякой другой, это плетеніе кружевъ, потому что нѣтъ ни одной, которая придавала бы болѣе граціозный видъ и въ которой бы пальцы упражнялись съ большею граціею и легкостью. Она также занималась всѣми мелочами хозяйства. Она понимаетъ толкъ въ кухонномъ дѣлѣ; знаетъ цѣну провизіи, знаетъ въ ней толкъ; она очень хорошо умѣетъ вести счеты и служить дворецкимъ для своей матери. Созданная на то, чтобы быть современемъ матерью семейства, она, управляя родительскимъ домомъ, учится управлять, со временемъ, своимъ собственнымъ; она можетъ помогать прислугѣ въ ея занятіяхъ и всегда охотно дѣлаетъ это. Хорошо приказать съумѣешь лишь то, что умѣешь выполнить самъ; вотъ причина, по которой мать занимаетъ ее всѣмъ этимъ. Что же касается самой Софьи, то она не забирается такъ далеко; первая ея обязанность есть долгъ и покуда это единственный, который она старается испол-

нить. Единственная цѣль ея—услужить своей матери и облегчить ей заботы. Справедливо, впрочемъ, что она не всѣ ихъ исполняетъ съ равнымъ удовольствіемъ.

Напримѣръ, хотя она и лакомка, но не любитъ кухни; въ кухонныхъ деталяхъ есть что-то такое, что отталкиваетъ ее; ей онѣ кажутся недостаточно чистыми. Въ этомъ отношеніи, она чрезвычайно избалована, и эта избалованность, доведенная до крайности, сдѣлалась однимъ изъ ея недостатковъ: она скорѣе допуститъ сгорѣть весь обѣдъ, нежели замараетъ свой рукавчикъ. По той же самой причинѣ, она никогда не хотѣла надзирать за садомъ. Земля кажется ей грязною; какъ скоро она видитъ навозъ, ей слышится его запахъ.

Этимъ недостаткомъ она обязана наставленіямъ своей матери. По ея мнѣнію, въ числѣ обязанностей женщины первою является чистоплотность; обязанность спеціальная, необходимая, налагаемая природою. Нѣтъ отвратительнѣе предмета въ мірѣ, какъ грязная женщина, и мужъ, которому такая женщина сдѣлается ротивною, всегда правъ. Мать такъ неотступно толковала объ этой обязанности своей дочери; съ самаго малолѣтства ея, она требовала столько чистоты отъ нея самой, отъ ея платья, ея комнаты, отъ ея работы, ея наряда, что эти хлопоты, превратившіяся въ привычку, отнимаютъ большую часть ея времени и наполняютъ остальную, такъ что хорошее исполненіе своего дѣла является лишь второю заботою у ней; первою является чистота въ исполненіи дѣла.

Однако, все это не превратилось въ пустую аффектацію или изнѣженность; къ этому не примѣшивается утонченность роскоши. Никогда въ ея комнатѣ не показывалось ничего другого, кромѣ чистой воды; она не знаетъ другихъ духовъ, кромѣ запаха цвѣтовъ, а мужъ ея никогда не вдыхалъ болѣе свѣжаго запаха, какъ ея дыханіе. Словомъ, вниманіе къ ея внѣшности не даетъ ей забыть, что жизнь ея и время должны употребляться на болѣе благородныя занятія: ей незнакома, или она пренебрегаетъ тою чрезмѣрною чистотою тѣла, которая грязнитъ душу; Софья болѣе чѣмъ чиста,—она невинна.

Она была лакомкою по природѣ; но сдѣлалась трезвою по привычкѣ, а въ настоящее время стала таковою изъ добродѣтели. Съ дѣвочками не то, что съ мальчиками, которыми можно,

до извѣстной степени, управлять посредствомъ жадности. Эта наклонность не остается безъ послѣдствій для женскаго пола; слишкомъ опасно оставлять ее въ нихъ. Маленькая Софья, въ дѣтствѣ, входя одна въ кабинетъ своей матери, не всегда возвращалась оттуда съ пустыми руками и не была безукоризненной честности относительно пряженцовъ и конфектъ. Мать поймала ее, укорила, наказала, заставила поголодать. Наконецъ ей удалось убѣдить ее, что конфекты портятъ зубы, а отъ неумѣренной ѣды талія становится толще. Такимъ образомъ Софья исправилась: выростая, она получила другіе вкусы, которые отвратили ее отъ этой низкой чувствительности. У женщинъ, такъ же какъ и у мужчинъ, жадность перестаетъ быть господствующимъ недостаткомъ, какъ скоро просыпается сердце. У Софьи сохранился вкусъ, свойственный ея полу: она любитъ все молочное и сахарное; она любитъ пирожное и entremets, но не любитъ говядины; она никогда не пробовала ни вина, ни крѣпкихъ напитковъ, вообще она ѣстъ съ большою умѣренностью; полъ ея, менѣе трудящійся, нежели нашъ, меньше нуждается въ вознагражденіи за потерю силъ. Во всякой вещи она любитъ то, что вкусно, и умѣетъ имъ пользоваться; она умѣетъ также довольствоваться и тѣмъ, что не вкусно; и такое лишеніе не особенно чувствительно ей.

Умъ у Софьи пріятный, но не блестящій, и основательный, хотя и не глубокій умъ, о которомъ ничего не говорятъ, потому что его всегда находятъ ровно столько же, сколько у себя. Умъ у ней таковъ, что нравится людямъ, говорящимъ съ нею, хотя онъ и не особенно образованъ, если брать мѣриломъ идею, которую мы имѣемъ объ образованіи женскаго ума, потому что ея умъ образовался не чтеніемъ, а разговорами съ отцомъ и матерью, собственными размышленіями и наблюденіями, сдѣланными надъ немногими людьми, которыхъ она видѣла. Софья по природѣ весела, она была даже шаловлива въ дѣтствѣ; но мало-по-малу мать ея постаралась искоренить въ ней вѣтренность, изъ боязни, чтобы впослѣдствіи слишкомъ быстрая перемѣна не указала минуту, которая сдѣлала ее необходимой. Итакъ, она сдѣлалась скромна и сдержанна даже преждевременно; а теперь, когда наступила эта пора, ей легче было сохранить принятый тонъ, нежели было бы принять его, не говоря о причинѣ такой

перемѣны. Забавно видѣть, какъ она иногда предается дѣтской живости, потомъ вдругъ приходитъ въ себя, умолкаетъ, опускаетъ глаза и краснѣетъ: нельзя же, чтобы въ промежуточномъ переходѣ между двумя возрастами не сказывались свойства обоихъ.

Софья слишкомъ чувствительна, а потому расположеніе духа у ней не всегда бываетъ ровное, но она слишкомъ кротка, чтобы чувствительность ея могла надоѣдать другимъ: она причиняетъ зло лишь ей одной. Если скажутъ оскорбительное слово, она не надуется, но сердце у ней сожмется; она старается убѣжать, чтобы поплакать. Если же она плачетъ, а отецъ или мать позовутъ ее и скажутъ одно слово, она тотчасъ же начинаетъ играть и смѣяться, ловко вытирая глаза и стараясь заглушить рыданія.

Случается ей также и покапризничать; если очень раздражать ее, въ характерѣ ея появляется непокорность, и тогда она способна увлечься. Но дайте ей время придти въ себя, и ея старанія загладить свою вину обратятъ эту вину почти въ заслугу. Если Софью накажутъ, она покорна и послушна, и видно, что ей стыдно не столько наказанія, сколько вины. Если ей ничего не скажутъ, она всегда сама загладитъ свою вину, и съ такою откровенностью и охотою, что невозможно на нее сердиться. Она поклонилась бы до земли самому послѣднему изъ слугъ, и это униженіе не было бы ей тягостно; а какъ скоро ее простятъ, радость ея и ласки показываютъ, какую тяжесть сняли съ ея добраго сердца. Словомъ, она терпѣливо переноситъ чужія вины и съ удовольствіемъ заглаживаетъ свои собственныя. Таковъ милый нравъ, свойственный женщинамъ, пока мы его не испортили.

Софья религіозна, но религія ея благоразумна и проста, въ ней мало догматовъ и мало обрядовъ; или скорѣе, не зная болѣе существеннаго обряда, какъ нравственность, она посвящаетъ всю свою жизнь на служеніе Богу, дѣлая добро.

Софья любитъ добродѣтель; эта любовь сдѣлалась въ ней господствующей страстью. Она любитъ ее потому, что нѣтъ ничего прекраснѣе добродѣтели; она любитъ ее потому, что добродѣтель составляетъ славу женщины и что добродѣтельная женщина кажется ей почти равною ангеламъ; она любитъ ее, какъ единственный путь къ истинному счастью, и потому, что видитъ нищету, одиночество, несчастіе, позоръ и презрѣніе неразлуч-

ными съ жизнью безчестной женщины; она любитъ ее потому, что она дорога ея почтенному отцу, ея нѣжной и достойной матери; не довольствуясь счастьемъ, доставляемымъ имъ собственною добродѣтелью, они хотятъ также быть счастливыми ея добродѣтелью, а для нея главное счастье заключается въ надеждѣ составить ихъ счастье. Всѣ эти чувства внушаютъ ей энтузіазмъ, который возвышаетъ душу и держитъ въ подчиненіи у этой благородной страсти всѣ мелкія наклонности.

У женщинъ разсудокъ раньше развивается, чѣмъ у мужчинъ. У Софьи, которая вообще раньше развилась, благодаря своему темпераменту, и разсудокъ также раньше развился, чѣмъ у другихъ дѣвушекъ ея возраста. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: зрѣлость не у всѣхъ одновременно достигаетъ равной степени.

Софья знаетъ объ обязанностяхъ и правахъ своего пола и нашего. Она знаетъ о недостаткахъ мужчинъ и порокахъ женщинъ; она знаетъ также о качествахъ и добродѣтеляхъ и всѣ ихъ запечатлѣла въ глубинѣ своего сердца. Нельзя имѣть болѣе высокаго понятія о честной женщинѣ, какъ то, какое она составила себѣ, и это понятіе не ужасаетъ ее; но она охотнѣе думаетъ о честномъ мужчинѣ, о достойномъ человѣкѣ; она чувствуетъ, что она создана для этого мужчины, что она достойна его, что она можетъ вознаградить его за счастье, которое онъ доставитъ ей; она чувствуетъ, что съумѣетъ узнать такого человѣка—нужно только найти его.

Женщины—естественные судьи достоинства мужчинъ, точно такъ же, какъ мужчины—судьи достоинства женщинъ: это составляетъ ихъ обоюдное право: и тѣ и другіе знаютъ объ этомъ. Софья знаетъ объ этомъ правѣ и пользуется имъ, но со скромностью, которая прилична ея неопытности, ея положенію; она судитъ лишь о вещахъ, которыя доступны ей, и судитъ лишь тогда, когда изъ этого сужденія она можетъ извлечь какое-нибудь полезное правило. Она говоритъ объ отсутствующихъ съ большою осторожностью, въ особенности о женщинахъ. Она думаетъ, что, разговаривая о женщинахъ, женщины становятся злоязычными и насмѣшливыми; только пока онѣ ограничиваются сужденіями о мужчинахъ, онѣ бываютъ справедливы. Потому, Софья ограничивается этимъ. Что же касается до женщинъ, она

говоритъ о нихъ лишь тогда, когда можетъ сказать что-нибудь хорошее; она считаетъ себя обязанною воздавать эту честь своему полу; о тѣхъ же, о которыхъ нельзя ничего сказать хорошаго, она умалчиваетъ, и это понимается.

Софья не знаетъ свѣтскихъ обычаевъ; но она услужлива, внимательна и граціозна во всемъ, что ни дѣлаетъ. Счастливый нравъ помогаетъ ей лучше всякаго искусства. У ней есть какая-то своя собственная вѣжливость, которая заключается не въ условныхъ знакахъ, не подчиняется модѣ и не измѣняется вмѣстѣ съ нею,—которая ничего не дѣлаетъ ради обычая, но происходитъ отъ искренняго желанія нравиться, и дѣйствительно нравится. Ей незнакомы пошлые комплименты, а болѣе изысканныхъ она не придумываетъ; она не говоритъ, что весьма обязана, что ей дѣлаютъ слишкомъ много чести, чтобы не трудились и проч. Еще менѣе приходитъ ей въ голову сочинять фразу. На вниманіе, на условную вѣжливость она отвѣчаетъ поклономъ, простымъ: *благодарю васъ*, но это слово изъ ея устъ стоитъ всякаго другого. За истинную услугу говоритъ въ ней сердце и находитъ не комплиментъ. Она никогда не терпѣла, чтобы французскій обычай подчинялъ ее игу жеманства, какъ напримѣръ, чтобы, переходя изъ одной комнаты въ другую, опереться на руку шестидесятилѣтняго старца, котораго бы ей самой очень хотѣлось поддержать. Когда разрушенный любезникъ предлагаетъ ей эту дерзкую услугу, она бросаетъ услужливую руку на лѣстницѣ и въ два прыжка достигаетъ своей комнаты, говоря, что она не хромая. Хотя она не велика, но никогда не хотѣла носить высокихъ каблуковъ; ноги у нея такъ малы, что могутъ обойтись безъ нихъ.

Оно нетолько молчалива и почтительна съ женщинами, но даже и съ женатыми мужчинами, или съ тѣми, которые гораздо старше ея; она никогда не сядетъ въ ихъ присутствіи на почетное мѣсто, если ее не принудитъ къ тому послушаніе, и при первой возможности уступитъ имъ почетное мѣсто; ибо она знаетъ, что право возраста важнѣе правъ пола, потому что мудрость считается достояніемъ старыхъ лѣтъ, а она должна уважаться больше всего.

Съ молодыми людьми ея лѣтъ—иное дѣло, и ей нуженъ другой тонъ, чтобы внушить имъ уваженіе, и она умѣетъ прини-

мать его, не покидая скромнаго вида, который ей приличенъ. Если они сами скромны и сдержаны, то она охотно будетъ относиться къ нимъ съ любезностью и коротностью молодости; ихъ разговоры, исполненные невинности, будутъ шутливы, но пристойны; если они перейдутъ къ серьезнымъ предметамъ, то она захочетъ, чтобы они были полезны; если они съѣдутъ на пошлости, она съумѣетъ положить имъ конецъ, такъ какъ особенно презираетъ пустую и любезную болтовню, считая ее весьма оскорбительной для своего пола. Она хорошо знаетъ, что мужчинѣ, котораго она ищетъ, чужда подобная болтовня, а она никогда не дозволитъ другому того, что неприлично образу, запечатлѣнному въ глубинѣ ея сердца. Высокое мнѣніе, какое составила она о правахъ своего пола, гордость души, которую возбуждаетъ въ ней чистота ея чувствъ, та энергія добродѣтели, которую она чувствуетъ въ самой себѣ и которая дѣлаетъ ее почтенною въ своихъ собственныхъ глазахъ, заставляетъ ее съ негодованіемъ выслушивать сладкія рѣчи, которыми думаютъ ее забавить. Она принимаетъ ихъ съ наружнымъ гнѣвомъ, но съ ироническимъ одобреніемъ, которое приводитъ въ смущеніе, или съ холоднымъ видомъ, котораго никто бы не ждалъ. Если красивый франтъ станетъ разсыпаться передъ ней въ любезностяхъ, начнетъ остроумно восхвалять ея умъ, ея красоту, ея прелести, станетъ толковать о счастьи ей понравиться, она способна прервать его, вѣжливо сказавъ ему: „милостивый государь, я боюсь, что знаю все это лучше васъ самихъ; если намъ нечего сказать другъ другу болѣе любопытнаго, то я думаю, что мы можемъ на этомъ прекратить разговоръ.“ Закончить эти слова церемоннымъ поклономъ, а затѣмъ очутиться отъ него въ двадцати шагахъ—для нея дѣло одной минуты. Нельзя сказать однако, чтобы она не любила похвалъ, лишь бы она знала, что о ней дѣйствительно такъ же хорошо думаютъ, какъ и говорятъ. Чтобы казаться тронутымъ ея достоинствами, нужно сначала выказать ей свои собственныя. Предпочтеніе, основанное на уваженіи, можетъ польстить ея гордому сердцу, но всякое любезное подсмѣиваніе всегда будетъ отринуто: Софья создана не для того, чтобы на ней упражнялись пустенькіе таланты фигляра.

Іоганнъ Генрихъ Песталоцци

(1746—1828).

I. Г. Песталоцци.

Знаменитый швейцарскій педагогъ, Іоганнъ Генрихъ Песталоцци, родился въ Цюрихѣ, въ 1746 г. Хотя отецъ его былъ городскимъ хирургомъ, но среди родныхъ было много людей, очень близко стоявшихъ къ деревенской жизни, къ которой мальчикъ, благодаря этому, получилъ большое влеченіе. Послѣ ранней смерти отца, пятилѣтній Песталоцци остается почти исключительно подъ *женскимъ* вліяніемъ матери и преданной ихъ семьѣ служанки Бабель, о которой онъ съ величайшей любовью и благодарностью вспоминаетъ въ своей автобіографіи. Это вліяніе сильно сказалось на Песталоцци въ смыслѣ развитія какъ хорошихъ, такъ и слабыхъ чертъ его характера: съ одной стороны,—доброты, мягкости и любви къ людямъ, а съ другой, — непрактичности и недостатка энергіи.

Не менѣе важно было и то, что, благодаря этимъ условіямъ первоначальнаго своего воспитанія, Посталоцци всегда высоко ставилъ *семейную* жизнь съ ея внутренними и внѣшними достоинствами, но очень мало зналъ и понималъ жизнь *общественную*, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Только къ жизни крестьянъ, благодаря своему происхожденію съ материнской стороны и вліянію другихъ родныхъ (дѣда по отцу — сельскаго пастора, и дяди— сельскаго врача), П. питалъ всегда глубокій интересъ и чрезвычайно печалился объ ихъ невѣжествѣ, безправіи и угнетенномъ матеріальномъ положеніи.

Первоначальное образованіе Генрихъ получилъ сначала дома, у дѣда, а потомъ въ одной изъ городскихъ школъ. Насколько велика была разница между тѣмъ и другимъ, между любовнымъ развитіемъ дѣтскаго ума подъ руководствомъ любящаго наставника и сухимъ школьнымъ формализмомъ, Песталоцци впослѣд-

ствіи разсказываетъ самъ. Здѣсь именно, въ этой школѣ, и зародилось у Песталоцци, вмѣстѣ съ протестомъ противъ дѣйствующей системы образованія, горячее желаніе поставить его на настоящій путь.

При данныхъ условіяхъ, учиться хорошо онъ не могъ, но пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь товарищей прекрасными качествами своего мягкаго характера.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Цюрихской коллегіи, гдѣ Песталоцци встрѣтилъ гораздо болѣе знающихъ и талантливыхъ педагоговъ. Но, согласно съ общимъ, теоретическимъ направленіемъ мысли въ XVIII вѣкѣ, эти педагоги, увлекаясь греческими и римскими идеалами, толковали своими юнымъ слушателямъ больше о *цѣляхъ* ихъ будущей дѣятельности, чѣмъ о *средствахъ* къ ихъ достиженію. Горячая молодежь, подъ этимъ вліяніемъ, учредила даже нѣсколько тайныхъ обществъ съ цѣлью „насажденія добродѣтели въ народѣ" и созданія новыхъ идеальныхъ учрежденій,— но за это, конечно, имъ пришлось пострадать, такъ какъ всѣ они подверглись преслѣдованію городскихъ властей, а Песталоцци поплатился даже кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

По окончаніи коллегіи, при выборѣ карьеры, Песталоцци долго не могъ попасть на свою настоящую дорогу. Сначала онъ поступилъ въ юридическую школу, съ цѣлью помогать потомъ простому народу, — но юридическія хитросплетенія скоро оттолкнули его отъ себя. Однако, цѣль дѣятельности все время оставалась для него одинаковой: помощь простымъ, невѣжественнымъ людямъ,—главнымъ образомъ, крестьянамъ. И вотъ, вспомнивши уже покойнаго дѣда-священника, Песталоцци совсѣмъ было рѣшился послѣдовать его примѣру и избрать духовную карьеру, если бы его не постигла полная неудача при первой же попыткѣ проповѣдовать съ церковной каѳедры.

Тогда, для сближенія съ народомъ, Песталоцци оставалось только одно: самому сдѣлаться крестьяниномъ, уйти изъ города въ деревню. Нѣкій Чиффели, владѣлецъ большого образцоваго имѣнія, принялъ его къ себѣ на годъ въ качествѣ простого работника, и, хотя Песталоцци пріобрѣлъ здѣсь не особенно много практическихъ свѣдѣній, но всетаки, немедленно по окончаніи срока работы, сдѣлался и самъ сельскимъ хозяиномъ. Впрочемъ,

это вряд ли удалось бы ему, если бъ не женитьба на Аннѣ Шультгесъ, дочери богатаго коммерсанта.

Онъ познакомился съ ней уже давно, и они взаимно полюбили другъ друга, но ея родители долго не соглашались на ихъ бракъ, въ виду неопредѣленности положенія жениха. Помогло только то обстоятельство, что одинъ родственникъ Шультгесовъ, богатый человѣкъ, настолько заинтересовался хозяйственными планами Песталоцци, что сдѣлалъ денежный взносъ въ задуманное имъ предпріятіе.

Этимъ предпріятіемъ было заведеніе плантацій марены (красильной травы), и легко себѣ представить, какъ плохо пошло дѣло у непрактичнаго Песталоцци, съ его незначительными средствами. Однако, Песталоцци не унывалъ: мало того, въ 1775 году онъ открываетъ въ своемъ маленькомъ имѣніи Нейгофъ „Домъ призрѣнія" для осиротѣлыхъ, больныхъ и порочныхъ дѣтей, чтобы пріучить ихъ къ труду, поддержать и исправить. Естественно, что это оказалось вовсе не по силамъ Песталоцци: онъ совершенно запутался въ долгахъ, не умѣлъ поставить себя въ должныя отношенія съ родителями дѣтей, да и самыя занятія съ послѣдними велъ очень безсистемно. Мы не разъ встрѣтимся съ подобнымъ явленіемъ въ дѣятельности Песталоцци: умный, гуманный и тонко чувствующій теоретикъ, онъ обнаруживаетъ чуть не полное безсиліе, когда принципы приходится примѣнять на дѣлѣ.

Все это время Песталоцци находился подъ сильнымъ вліяніемъ идей Руссо, знаменитое сочиненіе котораго „Эмиль" вышло въ 1762 году, а извѣстно, что и Руссо былъ теоретикомъ „до мозга костей".

Съ 1780 года, оставаясь въ Нейгофѣ, но закрывъ уже свой „Домъ призрѣнія", Песталоцци восемнадцать лѣтъ терпитъ крайнюю нужду, но къ этимъ же годамъ относится появленіе педагогическихъ сочиненій, прославившихъ его имя. Мы упомянемъ о слѣдующихъ:

1) „Вечерніе часы отшельника" (1780) — афоризмы, посвященные преимущественно вопросамъ воспитанія, въ которыхъ П. высказываетъ свои задушевныя убѣжденія, развитыя имъ впослѣдствіи въ другихъ произведеніяхъ.

2) Повѣсть „Лингардъ и Гертруда" (1781 г, I-я часть), общее

содержаніе которой заключается въ томъ, что добродѣтельная Гертруда, жена одного хорошаго, но слабохарактернаго крестьянина Лингарда, по ремеслу каменьщика, желаетъ и старается, по мѣрѣ своихъ силъ, спасти своего мужа и односельчанъ отъ плутней, коварства и угнетенія ихъ деревенскаго старосты Гуммеля, ростовщика, кабатчика и кулака. Съ помощью сосѣдняго помѣщика Арнера, имѣвшаго надъ населеніемъ право „вотчиннаго" суда, она успѣваетъ въ этомъ; порокъ наказанъ, и очень жестоко, — а всѣ поселяне дѣлаются необыкновенно добродѣтельными.

Эта повѣсть теперь кажется намъ скучной и сентиментальной, но въ свое время имѣла громадный успѣхъ, именно въ силу послѣдняго качества. Общая идея этой повѣсти очень важна и и симпатична: причина всѣхъ бѣдствій народа и источникъ всякаго зла — это *невѣжество*; дѣтей надо воспитывать и учить *въ семьѣ*, — и притомъ не столько учить, сколько *развивать*, пользуясь для этого не книгами, а самой *жизнью*.

Чтобы разъяснить и дополнить смыслъ своей книги, Песталоцци, въ 1782 г., написалъ еще другую повѣсть „Христофъ и Эльза," на содержаніи которой мы останавливаться не будемъ. Въ этомъ же году онъ издавалъ газету, гдѣ очень много писалъ о вопросахъ воспитанія, особенно рекомендуя свободу и сознательность обученія. Наконецъ, за это же время онъ написалъ нѣсколько работъ, посвященныхъ методикѣ первоначальнаго обученія языку.

Повѣсть „Лингардъ и Гертруда" была окончена уже въ 1801 году, послѣ отъѣзда изъ Нейгофа; новая часть книги предназначалась авторомъ уже не для простого народа, а для болѣе интеллигентныхъ читателей, содержала въ себѣ дальнѣйшее развитіе основныхъ мыслей первой части и вводила въ разсказъ нѣсколько новыхъ, вполнѣ идеальныхъ личностей. Сцена дѣйствій настолько расширяется, что съ замѣчательными общественными порядками и учрежденіями деревушки Бонналь считаетъ нужнымъ познакомиться самъ первый министръ страны и вводитъ ихъ во всемъ государствѣ!

Послѣ крайне тяжелаго, въ матеріальномъ отношеніи, періода 1780—98 гг., положеніе П. значительно измѣняется. Города Станцъ и Альтдорфъ, въ кантонѣ Унтервальденъ, въ числѣ про-

чихъ, возстали противъ порядковъ, заведенныхъ въ Швейцаріи послѣ французской революціи. Французы рѣшили усмирить непокорные кантоны и исполнили свою задачу съ жестокостью: между прочимъ, оба вышеупомянутые города были разорены и сожжены. Такъ какъ масса жителей остались безъ крова и пищи, а дѣти, сверхъ того, и безъ родителей, то швейцарское правительство поручило заботу объ этихъ безпріютныхъ сиротахъ Песталоцци, давши ему для этой цѣли помѣщеніе въ заброшенномъ женскомъ монастырѣ.

Песталоцци собралъ болѣе сотни дѣтей, но средства были крайне скудны, и самъ „директоръ" пріюта исполнялъ всѣ другія обязанности, даже готовилъ пищу и сторожилъ пріютъ по ночамъ.

Однако, любовь П. къ дѣлу и къ людямъ принесла свои плоды: черезъ полгода оборванныя, возмутительно грязныя, больныя и испорченныя дѣтя, принадлежавшія къ подонкамъ городского населенія, стали неузнаваемы по внѣшности и переродились нравственно: такъ велика была сила любви и самоотверженія ихъ воспитателя, который самъ указываетъ намъ и на могучее орудіе, которымъ онъ пользовался для достиженія подобныхъ результатовъ и которое тѣсно связано съ любовью: это — уваженіе *личности* въ ребенкѣ и вытекавшее отсюда *отсутствіе* всякаго *принужденія*. Наконецъ, чрезвычайно благотворно вліяла на питомцевъ Песталоцци необходимость личнаго и полезнаго труда. Не будемъ здѣсь долго останавливаться на его системѣ *обученія*: оно, по обстоятельствамъ, велось болѣе или менѣе случайно; но стоитъ указать на то, что и при такихъ условіяхъ П. успѣшно проводилъ два начала: *взаимность* обученія и *простоту* педагогическихъ пріемовъ.

Къ великому несчастью П., въ 1799 году, французы, разбитые австрійцами, безцеремонно выгнали его пріютъ изъ Станцскаго монастыря, обративъ зданіе послѣдняго въ помѣщеніе для штаба. Песталоцци былъ пораженъ и душевно и тѣлесно до неописуемой степени, и ему нужны были всѣ силы духа, чтобы убѣдить себя, что это лишь внѣшняя случайность, которая не должна мѣшать ему продолжать работу надъ исполненіемъ своей великой задачи воспитанія молодого поколѣнія.

Въ томъ же 1799 г. онъ беретъ мѣсто помощника учителя въ первоначальной школѣ городка Бургдорфъ.

Здѣсь ему сначала тоже не посчастливилось, такъ какъ его начальникъ, „старшій“ учитель, по профессіи башмачникъ, чувствуя превосходство Песталоцци, опасался его, осуждалъ его методу и даже оклеветалъ его въ безбожіи,—такъ что въ концѣ концовъ П. перевели въ другую Бургдорфскую школу помощникомъ учительницы, г-жи Стэли. Простота пріемовъ преподаванія, отсутствіе грубости и принужденія вызывали различныя чувства у людей, знакомившихся съ этой школой: невѣжественные посѣтители и родители дѣтей обвиняли П. въ послабленіи и въ недостаточности его собственныхъ познаній,-но люди просвѣщенные (напр. проф. Гербартъ и др.) своими похвальными отзывами заставили швейцарское правительство назначить особую коммиссію для производства публичнаго экзамена ученикамъ Бургдорфской школы. Блестящіе результаты этого экзамена побудили швейцарское правительство предложить Песталоцци Бургдорфскій замокъ для собственнаго *средняго* учебнаго заведенія, Института, которое вознамѣрился открыть Песталоцци, и въ которомъ онъ началъ работать уже не одинъ, а съ помощниками, среди которыхъ мы назовемъ завѣдующаго сиротскимъ пріютомъ при Институтѣ *Крюзи*, бывшаго сельскаго учителя; пастора *Нидерера*, *Рамзауэра* и *Шмида*, которые изъ учениковъ школы сдѣлались потомъ сотрудниками Песталоцци.

Здѣсь, въ этомъ учебномъ заведеніи, нашъ педагогъ хотѣлъ примѣнить къ дѣлу всѣ свои принципы и познакомить съ результатами этого всѣхъ желающихъ; здѣсь царили и любовь къ дѣтямъ, и довѣріе къ нимъ, и возможно полное отсутствіе стѣсненій, и семейный характеръ жизни и обученія. *Классовъ* не было, но ученики раздѣлялись на *группы*, которыя *каждый урокъ* измѣнялись въ зависимости не только отъ возраста и успѣховъ, но и отъ склонностей каждаго отдѣльнаго ученика.

Въ 1803 году у Песталоцци было болѣе 160 воспитанниковъ, при 20 учителяхъ, и постановкой учебнаго дѣла интересовались весьма многія изъ тогдашнихъ ученыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, посѣщавшихъ Институтъ. Однако, Песталоцци этого было мало: ему хотѣлось *всѣхъ желающихъ* ознакомить съ своими воззрѣніями, и съ этой цѣлью онъ еще въ 1801 г. издаетъ книгу: „*Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей*. Попытка дать матерямъ руководство самимъ обучать своихъ дѣтей“, а въ 1803 г., какъ

дополненіе къ предыдущей, „*Книгу для матерей.*“ Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Песталоцци,—множество мыслей, которыя теперь кажутся намъ чуть ли не банальными: до того онѣ общеизвѣстны и общеприняты,—но въ свое время онѣ представляли цѣлое откровеніе. Впрочемъ, надо опять замѣтить, что въ методическомъ отношеніи и въ примѣненіи къ школьной практикѣ мы находимъ и здѣсь очень много промаховъ и непослѣдовательностей.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что для П. это былъ лучшій періодъ его жизни, когда онъ пользовался и сравнительнымъ благосостояніемъ, и спокойствіемъ, и горячимъ сочувствіемъ общества, и искренней любовью и уваженіемъ своихъ сотрудниковъ и учениковъ. Однако, совершенно неожиданное обстоятельство чуть не разрушило все дѣло: этими обстоятельствами было столкновеніе (разумѣется, на почвѣ теоретическихъ воззрѣній) такого великаго идеалиста своего времени, какъ Песталоцци, съ такимъ практикомъ и эгоистомъ, какъ величайшій завоеватель той эпохи,—Наполеонъ Бонапарте, тогдашній первый консулъ французской республики. Песталоцци, въ числѣ другихъ швейцарскихъ депутатовъ, былъ вызванъ въ Парижъ для совѣщанія по вопросу о внутреннемъ устройствѣ Швейцаріи, и думалъ воспользоваться этимъ, чтобы убѣдить Наполеона въ необходимости широкаго развитія народнаго образованія, какъ основы для благосостоянія страны. Однако, Наполеонъ совершенно не понялъ нашего идеалиста; онъ отнесся къ его проэктамъ крайне недовѣрчиво, заподозрѣвъ автора даже въ іезуитизмѣ, и заявилъ, что онъ „букварями не занимается.“

По возвращеніи въ Швейцарію, П. былъ сначала арестованъ, въ угоду всемогущему Наполеону, а затѣмъ невѣжественный ревизоръ объявилъ, что, вслѣдствіе плохого веденія дѣла, у Института отнимается правительственная субсидія и помѣщеніе въ Бургдорфскомъ замкѣ.

Однако, П. настолько уже зарекомендовалъ себя, что многіе швейцарскіе города прислали ему предложенія отвести помѣщеніе для его заведенія, и онъ выбралъ для этой цѣли просторный замокъ въ гор. Иверденѣ, на берегу Невшательскаго озера (1805 г.)

Многіе изъ его помощниковъ и учениковъ послѣдовали за нимъ, и въ Иверденѣ онъ продолжаетъ свое Бургдорфское дѣло съ

еще большимъ успѣхомъ. Стоитъ отмѣтить, что его, напр., приглашали въ Россію для устройства тамъ школьнаго дѣла, отъ чего онъ отказался; императоръ Александръ I и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III сами посѣтили его въ Иверденѣ, не говоря о многихъ философахъ и педагогахъ, какъ, напр. знаменитый мыслитель Фихте, географъ Карлъ Риттеръ и извѣстный создатель „дѣтскихъ садовъ" Фр. Фребель. По образцу Иверденскаго Института стали открываться подобныя же воспитательныя учрежденія въ другихъ странахъ Европы, особенно въ Пруссіи, гдѣ, благодаря иниціативѣ знаменитаго министра Штейна, лично познакомившагося съ Песталоцци, и могущественной поддержкѣ королевы Луизы, были открыты семинаріи для подготовки народныхъ учителей къ преподаванію по методу Песталоцци.

Принципы, которые приводилъ Песталоцци, оставались, конечно, прежними: любовь къ дѣтямъ, какъ краеугольный камень всего дѣла, и проистекающія изъ нея: отсутствіе стѣсненій, веселье, оживленіе и радость; превосходная постановка физическаго воспитанія; простота и ясность метода обученія. Но, къ сожалѣнію, были въ этомъ заведеніи и крупные недостатки; это во 1) подведеніи *всѣхъ* обитателей института *подъ одну мѣрку*, что крайне стѣсняло, напр., учителей; во 2) такъ какъ число учениковъ очень возрасло, *то семейная* жизнь, о которой такъ заботился Песталоцци, на дѣлѣ была невозможна; въ 3) наконецъ, обученіе въ дѣйствительности шло плохо: вмѣсто многихъ предметовъ преподавались лишь какіе-то обрывки, благодаря недостаточной научной подготовкѣ многихъ учителей, да, отчасти, и самого Песталоцци. Кромѣ всего этого, очень вредно повліяли на Институтъ внутренніе раздоры среди его членовъ: упорная борьба, завязавшаяся между Нидереромъ и Шмидомъ, которые, вмѣсто того, чтобы работать на пользу заведенія, оспаривали другъ у друга вліяніе на Песталоцци и, слѣдовательно, первенство.

Шмидъ, окончательно поссорившись съ Нидереромъ, вышелъ изъ Института, завелъ отдѣльное дѣло, затѣялъ денежный процессъ противъ Песталоцци и даже написалъ на него гнусный пасквиль. Впослѣдствіи, все-таки, П. съ нимъ примирился, но ему пришлось пожертвовать Нидереромъ. Итакъ, дѣло начало колебаться изъ-за недостатка *любви* къ нему, запасъ которой

былъ такъ великъ въ самомъ Песталоцци, но которой не хватило его ближайшимъ помощникамъ.

Въ 1818 году Шмидъ, обладавшій большимъ практическимъ смысломъ, предпринялъ изданіе сочиненій Песталоцци, но всю значительную сумму, вырученную за это изданіе, Песталоцци употребилъ, крайне неразсчетливо, не только на поддержку Иверденскаго дѣла, но и на устройство новаго пріюта для бѣдныхъ по сосѣдству съ Институтомъ.

Вслѣдствіе этой неразсчетливости, въ 1824—5 годахъ, ему пришлось, съ сердечной скорбью, объявить о закрытіи обоихъ учебныхъ заведеній по совершенному недостатку средствъ.

Восемьдесятъ лѣтъ исполнилось Песталоцци, когда онъ, одинокимъ (жена его умерла въ Иверденѣ) и обезсиленнымъ, возвратился въ Нейгофъ, на старое пепелище, въ домъ своего племянника. Грустно и тяжело было на душѣ старика, и грустью дышитъ заглавіе, которое далъ онъ своему послѣднему произведенію: „Лебединая пѣснь“ (1826 г.). Здѣсь даетъ онъ свою автобіографію и излагаетъ главнѣйшія педагогическія воззрѣнія. Изъ этого видно, однако, что даже и въ послѣдніе годы своей многострадальной жизни онъ не переставалъ работать, писать и даже интересоваться общественными дѣлами, принимая активное участіе въ нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ.

Онъ скончался 18 февр. 1828 г., и на памятникѣ его написано: „покровитель бѣдныхъ, наставникъ народа, отецъ сиротъ, основатель народной школы, воспитатель человѣчества, человѣкъ, христіанинъ, гражданинъ; *все для другихъ, ничего для себя.* Да будетъ благословенно его имя!“

Послѣднимъ пожеланіемъ долженъ закончить и всякій, знакомый съ жизнью этого великаго педагога-идеалиста.

Основные воспитательные принципы, которыми руководился Песталоцци, достаточно выяснены въ предшествующемъ изложеніи. Для правильной оцѣнки ихъ значенія необходимо, какъ и всегда, становиться на историческую точку зрѣнія и не забывать, что хотя въ наше время любовь къ дѣтямъ и къ дѣлу воспитанія и образованія, возможная свобода и общедоступность послѣдняго, изученіе индивидуальности ребенка, сближеніе школы съ семьей, простота и легкость пріемовъ обученія, особенно первоначальнаго, —сдѣлались почти азбучными педагогическими истинами, но во 1)

и теперь эти истины нерѣдко остаются, къ сожалѣнію, безъ практическаго примѣненія, а во 2) во времена Песталоцци, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, онѣ или не признавались вовсе, или были въ совершенномъ пренебреженіи. Несомнѣнно, что нѣкоторыя мысли нашего педагога мы встрѣчаемъ еще у Коменскаго,—что громадное вліяніе на него оказалъ Руссо,—но и напоминать „забытыя слова," стараться примѣнить ихъ на дѣлѣ, внося въ послѣднее такую страстную вѣру, искренность и любовь,—не малая заслуга передъ человѣчествомъ! То, что не удалось на практикѣ самому Песталоцци, удалось впослѣдствіи его ученикамъ, которые разнесли идеи своего учителя по всей Европѣ.

Что касается до собственно *обученія*, то, какъ мы увидимъ по отрывкамъ изъ его сочиненій, главной его основой онъ считаетъ *факты*, а отнюдь не *слова:* „истина всякаго положенія должна быть сознана дѣтьми не иначе, какъ при посредствѣ какихъ-нб. дѣйствительныхъ фактовъ." Отсюда-*наглядность*, какъ характернѣйшій признакъ того, „какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей." Отсутствіе принужденія, возбужденіе интереса къ предмету, правильность перехода отъ близкаго къ далекому, отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ знакомаго къ незнакомому,—вотъ „золотыя" слова, завѣщанныя намъ Песталоцци!

Но уже изъ краткой его біографіи мы видѣли, что П., какъ учитель, далеко не удовлетворялъ своимъ же собственнымъ требованіямъ: мало того, онъ на время точно забывалъ ихъ. Такъ, онъ рекомендуетъ даже *грудныхъ* дѣтей учить звукамъ и слогамъ; а затѣмъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, заставлять ихъ заучивать наизусть длиннѣйшіе перечни голыхъ именъ изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ и т. п.,—будто бы для *облегченія* дальнѣйшаго ученія. Стоитъ сообразить, что вѣдь эти перечни могли бы быть безконечны; что заучиванье *словъ* есть вопіющее противорѣчіе основному принципу автора,—чтобы не критиковать дальше подобныхъ пріемовъ. Также неудовлетворительны были многіе пріемы преподаванія ариѳметики, рекомендовавшіеся П., и когда мы читаемъ разсказъ ученика его, Рамзауэра, о примѣрномъ урокѣ Песталоцци, то намъ трудно удержаться отъ смѣха при описаніи его изумительныхъ странностей. Очевидно, что объясненіе всему этому можно найти лишь въ основной чертѣ характера Песталоцци—его полной несо-

стоятельности въ практической жизни, по поводу которой его другъ, знаменитый Лафатеръ, говорилъ, что онъ сдѣлалъ бы П. главнымъ совѣтникомъ государя по части просвѣщенія, но не далъ бы ему завѣдывать послѣдней сельской школой.

Мы уже упомянули раньше, что многіе изъ принциповъ П., признающіеся въ теоріи, на практикѣ, однако, примѣняются весьма мало: въ этомъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ вникнуть въ положеніе и характеръ нашей теперешней школы. Поэтому, мы закончимъ нашу характеристику пожеланіемъ, чтобы идеи великаго швейцарскаго педагога дѣйствительно вошли въ *плоть* и *кровь* современнаго общества, такъ какъ именно онѣ, эти идеи, даютъ Генриху Песталоцци право называться „воспитателемъ человѣчества", какъ сказано на его надгробномъ памятникѣ.

Отрывки изъ романа „Лингардъ и Гертруда"

ЧАСТЬ I.

1. Добрый человѣкъ, а между тѣмъ дѣлаетъ въ высшей степени несчастными и жену, и дѣтей.

Жилъ въ Бонналѣ одинъ каменщикъ. Его звали Лингардомъ, а жену его Гертрудой. У него было семеро дѣтей и хорошій заработокъ. Но былъ у него одинъ недостатокъ: онъ часто поддавался соблазну въ трактирѣ. Когда онъ тамъ, онъ поступалъ, какъ сумасшедшій.—Есть въ нашей деревнѣ такіе лукавые продувные парни, которые тѣмъ живутъ, что подстерегаютъ людей почестнѣе и попростодушнѣе и подъ разными предлогами выманиваютъ у нихъ деньги. Они знали добряка Лингарда, часто во время попойки соблазняли его на игру и такимъ образомъ лишали его вознагражденія, полученнаго за трудъ въ потѣ лица. Но каждый разъ, когда это случалось вечеромъ, Лингарда утромъ брало раскаяніе,—тяжело становилось у него на сердцѣ, когда онъ видѣлъ, что Гертруда и дѣти нуждаются даже въ хлѣбѣ; онъ волновался, плакалъ и потуплялъ взоръ, чтобы скрыть слезы.

Гертруда—лучшая жена во всей деревнѣ; но ей и ея цвѣтущимъ здоровьемъ дѣтямъ угрожала опасность лишиться отца и

хижины, быть разлученными, скитаться изъ одного мѣста въ другое, дойти до крайней степени бѣдствія, и все потому, что Лингардъ не могъ перестать пить. Гертруда видѣла близкую опасность и глубоко страдала. Сбирала ли она на лугу траву, брала ли съ сѣновала сѣно, разливала ли молоко въ чистую посуду,—ахъ, всегда, всегда удручала ее мысль, что скоро у нихъ отнимутъ и лугъ, и сѣновалъ, и хижину. Когда же дѣти были вокругъ нея и жались къ ней, горе ея становилось еще тяжелѣе, и слезы катились по ея лицу.

До сихъ поръ она въ состояніи была скрывать отъ дѣтей свои тихія слезы; но въ среду предъ послѣдней Пасхой, когда мужъ слишкомъ долго не возвращался домой, скорбь ея стала слишкомъ сильна, и дѣти замѣтили ея слезы.

Гертруда лежала, спрятавъ лицо въ постель; она не слыхала, какъ отворилась дверь, и не видала возвратившагося мужа. Дѣти тоже не замѣтили его; они видѣли только, какъ убивалась ихъ мать, и хватали ее за руки, шею и платье. Въ такомъ положеніи засталъ ихъ Лингардъ.

Отецъ небесный видитъ слезы скорбящихъ и полагаетъ предѣлъ ихъ печали.

Богъ сжалился надъ слезами Гертруды. Милосердіе Бога дало увидѣть Лингарду зрѣлище, которое такъ потрясло его, что онъ весь дрожалъ. Смертельной блѣдностью покрылось его лицо; едва выговорилъ онъ прерывающимся голосомъ: „Господи Іисусе, что же это такое?“—Тогда только замѣтили его и мать, и дѣти; плачъ прекратился. „Мама, отецъ пришелъ!“ закричали въ одинъ голосъ дѣти, и даже грудной пересталъ плакать.

Подобно тому, какъ изсякаетъ лѣсной водопадъ или потухаетъ опустошительное пламя, такъ замеръ дикій ужасъ и смѣнился тихой скорбью.

Гертруда любила Лингарда, и его присутствіе было для нея утѣшительнымъ даже въ минуты глубочайшей скорби; Лингардъ тоже пришелъ въ себя отъ перваго ужаса.

„Гертруда“, сказалъ онъ ей, „что значитъ это страшное отчаяніе, въ которомъ я засталъ тебя?“

„О, милый мой“, отвѣчала Гертруда. „Моя душа полна мрачныхъ мыслей,—а когда тебя нѣтъ, скорбь гложетъ меня еще сильнѣе“.

„Гертруда“, сказалъ Лингардъ, „я знаю, отчего ты плачешь,— о, я несчастный!“

Гертруда отстранила дѣтей, Лингардъ спряталъ лицо на ея груди и не могъ болѣе говорить. Гертруда также нѣкоторое время хранила молчаніе и съ тихой грустью склонилась къ мужу, который между тѣмъ все сильнѣе плакалъ, рыдалъ и предавался отчаянію.

Наконецъ, Гертруда собралась съ силами и рѣшилась настаивать на томъ, чтобы онъ болѣе не навлекалъ на дѣтей подобнаго горя и бѣдствія.

Гертруда была благочестива и вѣрила въ Бога: прежде чѣмъ начать говорить, она помолилась въ душѣ за мужа и за дѣтей; у ней стало веселѣе на сердцѣ; тогда она проговорила: „Лингардъ, положись на милосердіе Божіе и рѣшись же поступать, какъ слѣдуетъ“.

„О, Гертруда, Гертруда!“ сказалъ Лингардъ, и слезы ручьями заструились по его лицу.

„Милый мой, ободрись!“ сказала Гертруда, „вѣрь въ небеснаго Отца, и опять все пойдетъ лучше! Мнѣ тяжело, что я заставила тебя плакать. Милый мой! я охотно скрыла бы отъ тебя всякое горе; ты знаешь, что съ тобой—для меня довольно хлѣба и воды; тихіе часы ночные я часто съ удовольствіемъ посвящаю труду ради тебя и дѣтей. Но, дорогой мой, если бы я скрыла отъ тебя мою заботу о томъ, что мнѣ когда—нибудь придется разлучиться съ тобой и съ этими крошками, я не была бы матерью своихъ дѣтей, а тебѣ вѣрной женой. О дорогой, наши дѣти пока еще полны благодарности и любви къ намъ: но, Лингардъ, если мы не будемъ имъ родителями, то, конечно, исчезнутъ и ихъ любовь и ихъ сердечность, на которыхъ я все основываю. Подумай, милый, подумай же о томъ, каково тебѣ будетъ тогда, когда у твоего Никласа не будетъ болѣе хижины, и онъ принужденъ будетъ итти въ работники, а онъ и теперь уже съ такой охотой говоритъ о свободѣ и собственномъ очагѣ. Лингардъ, если бы когда-нибудь онъ и всѣ дѣти, сдѣлавшись бѣдняками по нашей винѣ, перестали относиться къ намъ съ чувствомъ благодарности, а стали плакать изъ-за насъ, своихъ родителей,—могъ ли бы ты, Лингардъ, жить и смотрѣть, какъ твой Никласъ, твой Іонасъ, твоя Лиза и Анна были бы вынуж-

дены скитаться и искать хлѣба за чужимъ столомъ? Я бы умерла, если бы мнѣ пришлось это видѣть! „Сказавъ это, Гертруда заплакала. Лингардъ плакалъ не меньше ея. „Что же мнѣ дѣлать? О я, несчастный, что я могу сдѣлать? Я еще несчастнѣе, чѣмъ ты думаешь, о, Гертруда, Гертруда!“—Онъ снова умолкъ, только ломалъ руки и громко въ ужасѣ плакалъ.

„Милый, не отчаивайся въ милосердіи Бога. Дорогой мой, чтобы это ни было,—говори, мы посовѣтуемся и поможемъ горю“.

2. *Жена принимаетъ рѣшеніе, приводитъ его въ исполненіе и находитъ человѣка съ отеческимъ сердцемъ.*

„О Гертруда! сердце разрывается, когда подумаешь, что надо высказать тебѣ свое горе и еще болѣе увеличить твое безпокойство, а надо это сдѣлать. Я долженъ еще 30 гульденовъ старостѣ Гуммелю, а онъ не человѣкъ, а звѣрь въ отношеніи своихъ должниковъ. Ахъ, если бы я никогда въ жизни не видалъ его!

Если я не захожу къ нему, онъ грозитъ мнѣ судомъ, а когда зайду, то плата за мои труды и работу остается въ его когтяхъ. Вотъ въ чемъ, Гертруда, источникъ нашихъ бѣдъ!“

„Но, милый“, возразила Гертруда, „развѣ ты не можешь сходить къ Арнеру, верховному владѣтелю *) страны? Ты знаешь, какъ хвалятъ его всѣ вдовы и сироты. О, милый, я увѣрена, онъ подастъ тебѣ и совѣтъ и помощь противъ этого человѣка.“

„Гертруда“, отвѣчалъ Лингардъ, „я не могу, не смѣю этого сдѣлать! Что сказалъ бы я противъ старосты, который смѣлъ и хитеръ, у котораго есть сотни помощниковъ и сотни путей обезславить бѣднаго человѣка предъ начальствомъ такъ, что его никто и не выслушаетъ!“

— Дорогой мой, я никогда ни съ какимъ начальствомъ не говорила; но если бы нужда и горе привели меня къ нему, я увѣрена, что смогла бы высказать правду прямо, въ отношеніи кого бы то ни было. Не робѣй, дорогой, помни обо мнѣ и о дѣтяхъ и иди!

„Не могу, Гертруда,“ сказалъ Лингардъ, „не смѣю, я не безъ вины. Староста станетъ хладнокровно кричать на всю деревню,

*) Помѣщикъ, имѣвшій многія административныя права.

что я безпутный. Гертруда, я не безъ вины—что же я скажу? Никто не остановитъ его, не скажетъ, что онъ самъ всему виной. О Гертруда, если бы я могъ, если бы смѣлъ, какъ бы охотно я сдѣлалъ это! А сдѣлай я попытку, и не удайся мнѣ она, подумай, какъ онъ станетъ мстить!"

— Но если ты станешь молчать, онъ разоритъ тебя. Лингардъ, подумай о дѣтяхъ и ступай! Эта тревога должна прекратиться,— иди, или я пойду!

„Не смѣю, Гертруда. Если ты можешь, Гертруда—о Боже!— если ты можешь, иди скорѣй къ Арнеру и разскажи ему все."

„Да, я пойду!" сказала Гертруда. Ночью она не сомкнула глазъ, но промолилась всю эту безсонную ночь, и рѣшеніе ея итти къ Арнеру, владѣтелю страны, становилось тверже и безповоротнѣе.

Рано утромъ взявъ грудного ребенка, свѣженькаго, какъ цвѣтокъ, она пошла къ замку помѣщика, бывшему въ 2 часахъ ходьбы.

Когда Гертруда подошла, Арнеръ сидѣлъ подъ липой у воротъ замка. Онъ увидалъ ее, увидалъ на рукахъ у нея ребенка, а также и горе, страданье и слѣды слезъ на ея лицѣ.

„Что тебѣ, дочь моя? кто ты?" спросилъ онъ такъ ласково, что она рѣшилась говорить.

„Я Гертруда", сказала она, „жена каменщика Лингарда изъ Бонналя."

„Ты хорошая женщина", сказалъ онъ. „Твои дѣти отличаются предъ всѣми другими въ деревнѣ; они скромнѣе и благонравнѣе всѣхъ остальныхъ; они, кажется, сытѣе накормлены, а между тѣмъ, я слышалъ, вы очень бѣдны. Что же тебѣ, дочь моя, нужно?"

„О, добрый господинъ! Мой мужъ давно уже долженъ 30 гульденовъ старостѣ Гуммелю, а онъ жестокій человѣкъ. Онъ соблазняетъ его играть и проматывать деньги; мужъ боится его, поэтому не можетъ миновать его трактира и почти каждый день долженъ оставлять тамъ свой заработокъ и хлѣбъ своихъ дѣтей. Добрый господинъ, у насъ семеро малыхъ дѣтей; безъ вашей помощи противъ старосты и безъ вашего совѣта намъ придется взяться за нищенскую суму, но я знаю, что вы милосерды къ вдовамъ и сиротамъ, почему я рѣшилась итти къ вамъ и разсказать

о своемъ горѣ. Я принесла съ собой всѣ сбереженія, сдѣланныя мною для дѣтей, чтобы отдать ихъ вамъ и просить васъ распорядиться, чтобы староста не смѣлъ притѣснять и мучить моего мужа, пока тотъ не расплатится."

Арнеръ давно уже относился къ Гуммелю подозрительно. Онъ тотчасъ же понялъ всю справедливость этой жалобы и основательность просьбы.

Взявъ стоявшую передъ нимъ чашку чаю, онъ сказалъ: „Ты отощала, Гертруда? Выпей чаю, да напой ребенка молокомъ."

Гертруда вспыхнула. Эта отеческая доброта тронула ее до глубины души, и она не могла удержаться отъ слезъ.

Арнеръ заставилъ ее потомъ разсказать о продѣлкахъ старосты и его помощниковъ, о многолѣтней нуждѣ и заботахъ; все это онъ внимательно выслушалъ и только спросилъ: „Какъ же, Гертруда, смогла ты при такой нуждѣ еще уберечь нѣсколько денегъ для дѣтей?"

Гертруда отвѣчала: „Это было очень трудно; но я принуждала себя смотрѣть на эти деньги такъ, какъ будто онѣ были не мои, а какъ будто какой-нибудь умирающій отдалъ мнѣ ихъ на смертномъ одрѣ, чтобы я сохранила ихъ его дѣтямъ. Такъ, почти что такъ, смотрѣла я на это. Когда по временамъ, при самой страшной нуждѣ, я должна была тратить часть этихъ денегъ на покупку хлѣба дѣтямъ, я не успокоивалась до тѣхъ поръ, пока ночной работой не пріобрѣтала истраченнаго и снова не возвращала дѣтямъ."

„Но всегда ли это было возможно, Гертруда?" спросилъ Арнеръ.

„О, добрый господинъ, когда человѣкъ на что-нибудь твердо рѣшится, то для него многое гораздо болѣе возможно, чѣмъ думаютъ; и въ страшнѣйшей нуждѣ, добрый господинъ, если честно работаютъ изъ-за куска хлѣба, Богъ помогаетъ болѣе, нежели вы при своемъ богатствѣ можете себѣ представить и подумать."

Арнеръ былъ растроганъ невинностью и добродѣтелью этой женщины; онъ еще больше сталъ ее разспрашивать и, наконецъ, сказалъ: „Гертруда, гдѣ твои сбереженія?"

Гертруда положила передъ Арнеромъ на столъ 7 чистенькихъ мешечковъ, и при каждомъ изъ нихъ было по бумажкѣ, на кото-

рой все было записано; тамъ было написано, если Гертруда брала деньги и если она ихъ возвращала.

Арнеръ внимательно читалъ эти бумажки. Гертруда замѣтила это и покраснѣла: „я должна взять назадъ эти бумаги, господинъ!“ Арнеръ улыбнулся и продолжалъ читать. Но Гертруда стояла сконфуженная, и замѣтно было, какъ билось ея сердце изъ-за этихъ бумажекъ; она была скромна и застѣнчива и сокрушалась, когда замѣчала въ себѣ хоть малѣйшій признакъ тщеславія.

Арнеръ видѣлъ, какъ она безпокоилась изъ-за того, что не отложила эти счета; онъ чувствовалъ ея возвышенную чистоту и невинность, которая смущается, когда кто-нибудь замѣтитъ ея добродѣтель и ея благоразуміе, и рѣшилъ оказать этой женщинѣ свою милость въ большей степени, чѣмъ она просила и разсчитывала; онъ понималъ ея цѣну, а также и то, что среди тысячъ женщинъ не найдется ни одной, ей подобной. Онъ приложилъ въ каждый мѣшечекъ по нѣскольку денегъ и сказалъ: „Отнеси назадъ свои сбереженія дѣтямъ, Гертруда, а для старосты я самъ отложу 40 гульденовъ и заплачу ему. Ступай домой, Гертруда; завтра я и безъ того буду въ деревнѣ и тогда успокою тебя насчетъ Гуммеля“. Гертруда не въ состояніи была говорить отъ радости. Заикаясь и всхлипывая, она едва могла произнести прерывающимся голосомъ: „Награди васъ Богъ, добрый господинъ!“

Она пошла съ ребенкомъ домой, неся утѣшеніе мужу. Она спѣшила, всю длинную дорогу молилась и благодарила Бога, плакала слезами благодарности и надежды, пока не пришла въ свою хижину.

Лингардъ увидѣлъ ее, а вмѣстѣ увидалъ въ ея глазахъ и утѣшеніе. „Ты уже вернулась?“ крикнулъ онъ ей. „Дѣло у Арнера удалось!“—„Ты почему знаешь?“ сказала Гертруда.

„По тебѣ вижу, ты не сможешь притворяться“.

„Да, не могу“, отвѣчала она, „да если бы и могла, то не хотѣла бы ни одного мгновенія скрывать отъ тебя, Лингардъ, добрую вѣсть“. Тогда она разсказала ему о добротѣ Арнера, какъ онъ повѣрилъ ея словамъ и обѣщалъ ей помочь. Потомъ она дала дѣтямъ подарки Арнера, расцѣловала каждаго горячо и весело, какъ давно уже не цѣловала, и сказала имъ: „Каж-

дый день молитесь, дѣти, о благополучіи Арнера, какъ вы молитесь о благополучіи моемъ и отцовскомъ. Арнеръ заботится о благополучіи всѣхъ людей въ странѣ, а также и о вашемъ. И если вы будете честны, разумны и работящи, онъ васъ будетъ любить такъ же, какъ мы васъ любимъ".

Съ этого времени дѣти каменщика, молясь утромъ и вечеромъ за отца съ матерью, молились также и за Арнера, отца страны.

Гертруда и Лингардъ строили теперь новые планы, какъ имъ привести въ порядокъ свой домъ и научить дѣтей всему доброму; этотъ день былъ для нихъ днемъ праздника. Лингардъ снова воспрянулъ духомъ; къ ужину Гертруда приготовила ему его любимое кушанье; и оба радовались и наступающему утру, и помощи Арнера, и его добротѣ.

Арнеръ тоже ждалъ наступающаго дня, желая поскорѣе совершить дѣло (какихъ онъ дѣлалъ тысячи), чтобы придать цѣну свему существованію.

3. Является мучитель.

Когда въ этотъ же вечеръ явился къ нему староста за приказаніями, онъ сказалъ ему: „завтра я самъ пріѣду въ Бонналь; мнѣ хочется, наконецъ, наладить постройку церкви". Староста отвѣчалъ на это; „У вашей милости есть въ настоящее время каменщикъ?"—„Нѣтъ", сказалъ Арнеръ, „но у тебя въ деревнѣ есть каменщикъ Лингардъ, я съ удовольствіемъ дамъ ему эту работу. Почему ты никогда не рекомендовалъ мнѣ его для работы?" Староста отвѣсилъ глубокій поклонъ и сказалъ: „Я не смѣлъ рекомендовать бѣднаго каменщика для работъ вашей милости".

„Честный онъ человѣкъ, староста? можно на него положиться?"

— Да, ваша милость можетъ на него положиться; онъ слишкомъ только чистосердеченъ.

„Говорятъ, у него прекрасная жена. Не болтунья она?" спросилъ Арнеръ съ удареніемъ.

„Нѣтъ", сказалъ староста, „она, дѣйствительно, работящая, тихая женщина".

рой все было записано; тамъ было написано, если Гертруда брала деньги и если она ихъ возвращала.

Арнеръ внимательно читалъ эти бумажки. Гертруда замѣтила это и покраснѣла: „я должна взять назадъ эти бумаги, господинъ!“ Арнеръ улыбнулся и продолжалъ читать. Но Гертруда стояла сконфуженная, и замѣтно было, какъ билось ея сердце изъ-за этихъ бумажекъ; она была скромна и застѣнчива и сокрушалась, когда замѣчала въ себѣ хоть малѣйшій признакъ тщеславія.

Арнеръ видѣлъ, какъ она безпокоилась изъ-за того, что не отложила эти счета; онъ чувствовалъ ея возвышенную чистоту и невинность, которая смущается, когда кто-нибудь замѣтитъ ея добродѣтель и ея благоразуміе, и рѣшилъ оказать этой женщинѣ свою милость въ большей степени, чѣмъ она просила и разсчитывала; онъ понималъ ея цѣну, а также и то, что среди тысячъ женщинъ не найдется ни одной, ей подобной. Онъ приложилъ въ каждый мѣшечекъ по нѣскольку денегъ и сказалъ: „Отнеси назадъ свои сбереженія дѣтямъ, Гертруда, а для старосты я самъ отложу 40 гульденовъ и заплачу ему. Ступай домой, Гертруда; завтра я и безъ того буду въ деревнѣ и тогда успокою тебя насчетъ Гуммеля“. Гертруда не въ состояніи была говорить отъ радости. Заикаясь и всхлипывая, она едва могла произнести прерывающимся голосомъ: „Награди васъ Богъ, добрый господинъ!“

Она пошла съ ребенкомъ домой, неся утѣшеніе мужу. Она спѣшила, всю длинную дорогу молилась и благодарила Бога, плакала слезами благодарности и надежды, пока не пришла въ свою хижину.

Лингардъ увидѣлъ ее, а вмѣстѣ увидалъ въ ея глазахъ и утѣшеніе. „Ты уже вернулась?“ крикнулъ онъ ей. „Дѣло у Арнера удалось!“—„Ты почему знаешь?“ сказала Гертруда.

„По тебѣ вижу, ты не сможешь притворяться“.

„Да, не могу“, отвѣчала она, „да если бы и могла, то не хотѣла бы ни одного мгновенія скрывать отъ тебя, Лингардъ, добрую вѣсть“. Тогда она разсказала ему о добротѣ Арнера, какъ онъ повѣрилъ ея словамъ и обѣщалъ ей помочь. Потомъ она дала дѣтямъ подарки Арнера, расцѣловала каждаго горячо и весело, какъ давно уже не цѣловала, и сказала имъ: „Каж-

вляется возможность оказать ему въ чемъ-либо услугу, я всегда оказываю ее; могу тебѣ доказать это".

— Староста, каждый день въ твоемъ трактирѣ завлекаютъ моего мужа въ игру да въ попойку, а я съ дѣтьми должна здѣсь терпѣть нужду; вотъ за какую услугу мы должны воздать тебѣ хвалу?

„Ты не права, Гертруда! Правда, твой мужъ нѣсколько мотоватъ, и я уже говорилъ ему объ этомъ. Но въ своемъ трактирѣ я все же долженъ давать и ѣсть, и пить всякому желающему; всѣ такъ дѣлаютъ".

— Да, но не всѣ угрожаютъ судомъ несчастному бѣдному человѣку, если онъ не удвоиваетъ ежегодно свой долгъ!

Староста не могъ болѣе сдерживаться.

Съ яростью накинулся онъ на Лингарда: „Вотъ ты каковъ, Лингардъ, вотъ что ты говоришь обо мнѣ! Такъ я еще долженъ выслушивать, какъ вы, оборванцы, хотите лишить меня, старика, честнаго имени? Развѣ я отъ времени до времени не разсчитывался съ тобой предъ властями? Хорошо еще, что всѣ твои счета у меня, въ моихъ рукахъ! Ужъ не желаешь ли ты отрицать и самыя мои требованія, Лингардъ?"

„Совсѣмъ не объ этомъ рѣчь", сказалъ Лингардъ. „Гертруда хлопочетъ только о томъ, чтобы я новыхъ долговъ не дѣлалъ".

„Только объ этомъ, староста", поддержала мужа Гертруда. „Съ какимъ бы удовольствіемъ выручила я его изъ этой петли, которая его захлестнула; петля—это твоя книга, староста, и его прекрасные счета".

„Пусть только заплатитъ", сказалъ Гуммель, „и тогда въ ту же минуту освободится изъ петли, какъ ты называешь".

— Онъ и могъ бы это сдѣлать, если бы болѣе не долженъ вновь.

„Ты горда, Гертруда; это видно. Не такъ ли, Гертруда? ты съ мужемъ лучше хочешь дома себѣ ни въ чемъ не отказывать, чѣмъ доставить ему у меня стаканъ вина".

— Ты низкій человѣкъ, староста; но меня твоя рѣчь не оскорбитъ! воскликнула Гертруда.

Гуммель не могъ болѣе выносить подобныхъ словъ. Онъ понялъ, что должно быть что-нибудь произошло, что дѣлало эту

женщину смѣлой. Поэтому онъ не рѣшился дать ей почувствовать свой гнѣвъ и сталъ прощаться.

„Не имѣешь ли еще что приказать?“ сказала Гертруда.

„Ничего, если тутъ такъ все понимается“, отвѣчалъ Гуммель.

„Какъ понимается?“ возразила съ усмѣшкой Гертруда и посмотрѣла ему прямо въ глаза. Это еще болѣе смутило старосту, такъ что онъ даже не могъ этого скрыть.

Онъ ушелъ и, сходя по лѣстницѣ, все бормоталъ, что бы это могло значить.

Лингардъ все это время чувствовалъ себя нехорошо; но и старостѣ было не лучше.

4. Онъ среди себѣ подобныхъ; тутъ-то и можно узнать плута.

Дѣло было къ полуночи, но, несмотря на это, едва прійдя домой, староста, тотчасъ послалъ за двумя сосѣдями Лингарда, чтобы они немедленно явились къ нему.

Тѣ уже легли спать, когда за ними прислали; но все-таки они не заставили себя долго ждать. Они вскочили и въ темнотѣ ночи пошли къ старостѣ.

Онъ разспросилъ ихъ обо всемъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней дѣлали Лингардъ и Гертруда. Такъ какъ они не могли въ данное время сказать что-нибудь такое, что проливало бы свѣтъ на дѣло, то онъ и излилъ на нихъ свою ярость: „Ахъ вы собаки! Что бы ни захотѣлось, съ вами никогда ничего не сдѣлаешь. Къ чему я стану для васъ вѣчно дурака разыгрывать? Когда вы лѣсъ рубите и крадете по цѣлымъ возамъ, я ничего не долженъ знать; когда вы пасете скотъ на замковомъ выгонѣ и воруете изгороди, я долженъ молчать. У тебя, Буллеръ, болѣе трети сиротскаго счета было неправильно, а я молчалъ. Ты думаешь, что немного загнившее сѣно меня удовлетворяетъ? Вѣдь дѣло еще не просрочено! А ты, Крюель,—вѣдь половина твоей лужайки принадлежитъ дѣтямъ твоего брата. Старый ты воръ! какая мнѣ отъ того польза, что я еще не отдалъ тебя палачу, которому ты принадлежишь по праву?...

Эти слова испугали сосѣдей. „Что же намъ дѣлать, господинъ староста? У насъ и такъ не хватаетъ времени для исполненія твоихъ приказаній.“

„Собаки вы, вы ничего не можете, ничего не знаете! Съ

вами изъ себя выйдешь отъ злости! Я долженъ знать, что было за эту недѣлю у этихъ дряней каменщиковъ, что скрывается за за этимъ чванствомъ?“ Такъ бѣсновался онъ.

Между тѣмъ Крюель опомнился. „Постой, староста, кажется, я могу тебѣ кое-чѣмъ служить. Сегодня Гертруда до полудня пробыла въ полѣ, а вечеромъ у колодца ея Лиза очень расхваливала Арнера; навѣрно, она была въ замкѣ. Вчера вечеромъ въ ихъ избѣ слышали плачъ, но изъ-за чего, никто не знаетъ. Сегодня же всѣ они что-то особенно веселы.“

Староста теперь былъ вполнѣ убѣжденъ, что Гертруда была въ замкѣ. Гнѣвъ и безпокойство еще сильнѣе забушевали въ его душѣ. Онъ произносилъ страшныя проклятія, ругалъ ужасными словами Арнера, который слушаетъ всякую нищую дрянь, клялся, что онъ заставитъ Лингарда и Гертруду серьезно почувствовать свое мщеніе. „Вы, сосѣди, все-таки должны молчать; пока дѣло не созрѣло, я буду вести себя дружески съ этими негодяями. Вы только получше разузнавайте, что они дѣлаютъ, и сообщайте мнѣ; а я съ своей стороны буду за васъ, когда будетъ нужно.“

Потомъ онъ отвелъ Буллера въ сторону и сказалъ: „Ты ничего не знаешь объ украденныхъ цвѣточныхъ горшкахъ? Третьяго дня тебя видѣли по ту сторону границы съ навьюченнымъ осломъ; что онъ везъ?“

Буллеръ испугался: „я... я....“

„Ну, ну,“ сказалъ староста, „будь только мнѣ вѣренъ, а я ужъ постою за тебя, когда нужда придетъ.“

Сосѣди разошлись; утро уже наступило.

Гуммель еще съ часъ проворочался на постели, то изумлялся, то думалъ о мщеніи, часто въ полуснѣ скрежеталъ зубами и топоталъ ногами, пока наступившій день не согналъ его съ постели. Теперь онъ рѣшилъ переломить себя, еще разъ повидать Лингарда и сказать ему, что онъ рекомендовалъ его Арнеру для церковной стройки. Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы льстить, и пошелъ къ нему.

Гертруда и Лингардъ спокойно провели эту ночь, чего уже давно не случалось. Утромъ они молили Бога, чтобы онъ благословилъ этотъ день. Они разсчитывали на скорую помощь Арнера.

Эта надежда давала имъ и душевное спокойствіе, и непривычную желанную веселость.

Въ такомъ состояніи нашелъ ихъ Гуммель. Замѣтивъ это, онъ взволновался, и гнѣвъ его вспыхнулъ еще сильнѣе. Но онъ прекрасно владѣлъ собой; дружески пожелавъ имъ добраго утра, онъ сказалъ: „Лингардъ, вчера мы были черезчуръ недружелюбны другъ къ другу, этого не должно быть. Я хочу сказать тебѣ кое-что хорошее. Я только что отъ помѣщика; онъ говорилъ о церковной стройкѣ и разспрашивалъ также о тебѣ. Я сказалъ, что ты можешь строить, и думаю, онъ тебѣ это и поручитъ. Вотъ какъ можно услужить другъ другу; никогда только не слѣдуетъ дозволять себѣ такъ раздражаться.“

— Да вѣдь онъ подрядилъ для постройки замковаго каменщика,—возразилъ Лингардъ;—„ты уже давно сказалъ объ этомъ общинѣ?“

„Я предполагалъ, но оказалось иначе. Замковый каменщикъ только сдѣлалъ разсчетъ, и ты, конечно, понимаешь, что онъ себя при этомъ не забылъ. Если ты получишь стройку по этой смѣтѣ, то много заработаешь денегъ. Вотъ ты самъ теперь видишь, Лингардушка, желаю ли я тебѣ добра.“

У каменщика явилась надежда на полученіе работы, и онъ сердечно благодарилъ старосту. Но Гертруда видѣла, какъ староста сталъ блѣденъ отъ сдержаннаго гнѣва, и какъ за его улыбкой скрывалась ядовитая гримаса; она вовсе не радовалась. Между тѣмъ староста ушелъ и, уходя, проговорилъ: „Чрезъ часъ Арнеръ пріѣдетъ!“ А Лиза, стоявшая около отца, сказала: „Мы еще вчера это знали.“

Гуммель испугался этихъ словъ, но не подалъ вида, что ихъ слышалъ.

Гертруда видѣла, что староста подстерегаетъ деньги, которыя можно будетъ заработать на церковной стройкѣ, и очень объ этомъ безпокоилась.

5. *Онъ нашелъ своего господина.*

Между тѣмъ Арнеръ пріѣхалъ на церковный дворъ; много народа собралось изъ деревни повидать добраго барина.

„Что вамъ,—дѣлать, что ли, нечего, или сегодня праздникъ, что вы здѣсь толпитесь?“ сказалъ староста нѣкоторымъ изъ стоя-

шихъ къ нему поближе, потому что всегда старался, чтобы никто не слыхалъ получаемыхъ имъ приказаній.

Но Арнеръ замѣтилъ это и громко сказалъ: „Староста, я желалъ бы, чтобы мои дѣти остались здѣсь и сами услыхали, какъ я хочу распорядиться со стройкой. Зачѣмъ ты ихъ гонишь?“

Чуть не до земли согнулся Гуммель и тотчасъ громко закричалъ: „Идите назадъ; ихъ милость допускаетъ васъ.“

„Видѣлъ ты смѣту постройки?“

— Да, господинъ.

„Думаешь ты, что Лингардъ можетъ за эту цѣну выстроить хорошо и прочно?“

„Да, ваша милость“, отвѣчалъ громко староста и прибавилъ очень тихо: „такъ какъ онъ живетъ въ деревнѣ, то, думаю, могъ бы взять за стройку, можетъ быть, даже нѣсколько дешевле.“

Но Арнеръ отвѣчалъ громко: „Сколько я долженъ былъ бы дать замковому каменщику, столько же дамъ и ему. Позови его и позаботься, чтобы и изъ лѣсу, и изъ магазиновъ ему было выдано все, что должно было бы итти замковому каменщику.“

Лингардъ, за нѣсколько минутъ до того, какъ Арнеръ его позвалъ, пошелъ въ верхній конецъ деревни, а Гертруда рѣшилась немедленно вмѣстѣ съ посланнымъ итти на церковный дворъ и открыть Арнеру свою тревогу.

Когда староста увидалъ, что съ посланнымъ пришла Гертруда, а не Лингардъ, онъ сталъ смертельно блѣденъ.

Арнеръ замѣтилъ это и спросилъ его: „что съ тобой, староста?“

— Ничего, ваша милость, рѣшительно ничего; я плохо спалъ эту ночь.

„Это замѣтно,“ сказалъ Арнеръ и прямо посмотрѣлъ въ его красные глаза, затѣмъ повернулся къ Гертрудѣ, ласково поклонился ей и сказалъ: „А мужа нѣтъ здѣсь? Да это все равно: ты только скажи ему, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ; я хочу ему поручить церковную стройку.“

Нѣсколько времени Гертруда стояла молча и не рѣшалась говорить при народѣ.

„Что же ты ничего не скажешь, Гертруда?“ спросилъ Арнеръ. „Я хочу отдать постройку твоему мужу на тѣхъ усло-

віяхъ, на какихъ взялъ бы ее замковый каменщикъ; это должно тебя радовать, Гертруда!"

Гертруда собралась съ духомъ и сказала: „Ваша милость, церковь такъ близко отъ трактира!"

Всѣ засмѣялись, а такъ какъ очень многіе хотѣли скрыть свой смѣхъ отъ старосты, то и повернулись отъ него прямо въ сторону Арнера.

Староста же, хорошо видѣвшій, что Арнеръ все замѣтилъ, съ гнѣвомъ поднялся, сталъ противъ Гертруды и проговорилъ: „Что ты имѣешь противъ моего трактира?"

Но Арнеръ быстро перебилъ старосту и сказалъ:

„Развѣ что до тебя касается, староста, что ты сталъ говорить объ этомъ?" И обернувшись снова къ Гертрудѣ, спросилъ ее: „что это значитъ? Почему тебѣ пришло въ голову, что церковь такъ близко отъ трактира?"

— Добрый господинъ, отвѣчала Гертруда, моего мужа легко соблазнить виномъ, и если онъ долженъ будетъ ежедневно работать такъ близко отъ трактира — Боже мой, Боже мой! — боюсь, онъ не выдержитъ искушенія.

„Такъ развѣ онъ не можетъ миновать трактира, если онъ ему такъ опасенъ?"

— При жаркой работѣ, ваша милость, часто чувствуется жажда; а если къ тому же передъ глазами пьяная компанія, да станетъ еще заманивать всякимъ способомъ: и лаской, и насмѣшкой, а также посредствомъ могарычей и битья объ закладъ, — о Боже, — какъ онъ можетъ это выдержать! Если же онъ хотя немного вновь задолжаетъ, онъ опять связанъ. О господинъ, если бы вы только знали, какъ одинъ вечеръ въ трактирѣ можетъ надѣть на шею бѣдному человѣку петлю, изъ которой почти невозможно выпутаться!

„Я знаю это, Гертруда, и возмущенъ тѣмъ, что ты мнѣ вчера говорила. Но, увѣряю тебя, и ты, и весь народъ увидите, что я не позволю угнетать и притѣснять бѣдняковъ."

Обратившись тотчасъ же къ старостѣ и бросивъ на него проницательный взглядъ, онъ строго сказалъ ему: „Староста, правда, что ты въ своемъ домѣ притѣсняешь и обираешь бѣдныхъ людей?"

Оцѣпенѣвъ и блѣдный, какъ смерть, отвѣчалъ староста: „Во всю мою жизнь, ваша милость, этого со мной не было; и пока я живъ и состою старостой...“ сказавъ это, онъ отеръ потъ, кашлянулъ, отхаркался и продолжалъ снова—„это ужасно!“

— Ты неспокоенъ, староста; вопросъ простъ. Правда ли, что ты притѣсняешь бѣдняковъ, смущаешь ихъ, ставишь имъ въ своемъ трактирѣ сѣти, отъ которыхъ страдаетъ ихъ хозяйство?

„Нѣтъ, конечно, нѣтъ, господинъ! Вотъ награда за службу оборванцамъ! Мнѣ слѣдовало бы раньше объ этомъ подумать; вмѣсто уплаты всегда получаешь такую благодарность.“

— Объ уплатѣ не заботься; вопросъ только о томъ, лжетъ эта женщина, или нѣтъ?

„Да, конечно, господинъ; я докажу это тысячью способовъ.“

— Однимъ довольно, староста; но берегись! Ты вчера сказалъ, что Гертруда честная, тихая, работящая женщина и вовсе не болтунья.

„Я не знаю, я.... я... припоминаю... они меня,.. я ихъ... я ихъ..... считалъ за....“, говорилъ, задыхаясь, староста.

Ты, староста, настолько волнуешься, что съ тобой теперь и говорить нельзя; самое лучшее узнать все прямо у этихъ присутствующихъ здѣсь сосѣдей.“ И тотчасъ же обратившись къ двумъ старикамъ, тихо, съ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ стоявшимъ около, Арнеръ сказалъ имъ: „правда ли, сосѣдушки, что у васъ въ трактирѣ народъ совращаютъ и притѣсняютъ?“

Старики взглянули другъ на друга, но ничего не рѣшались сказать. Арнеръ же ласково ободрялъ ихъ: „Вы не бойтесь; только скажите мнѣ истинную правду.“

„Это больше, чѣмъ правда, господинъ; да какъ можемъ мы, бѣдняки, жаловаться на старосту?“ сказалъ, наконецъ, старшій, и то такъ тихо, что одинъ только Арнеръ могъ разобрать сказанное.

„Будетъ, старикъ!“ сказалъ Арнеръ и снова обратился къ старостѣ. „Я собственно здѣсь не для того, чтобы разслѣдовать жалобы, но, конечно, защищу своихъ бѣдняковъ отъ всякихъ притѣсненій; да я давно уже и самъ думалъ, что староста не можетъ быть трактирщикомъ. Впрочемъ, я отложу это до поне-

дѣльника. Гертруда, скажи своему мужу, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ, а сама будь покойна насчетъ опасностей отъ трактира".

Послѣ этого Арнеръ занялся еще нѣкоторыми дѣлами и, рѣшивъ ихъ, пошелъ въ ближайшій лѣсъ; было уже поздно, когда онъ поѣхалъ домой. Староста, который долженъ былъ сопровождать его въ лѣсъ, тоже уже ночью вернулся къ себѣ въ деревню.

Когда онъ приблизился къ своему дому, гдѣ не было ни огонька, не слышно было человѣческаго голоса, за зло его было отплачено: вѣдь въ другое время по цѣлымъ вечерамъ домъ его былъ полонъ, всѣ окна были освѣщены огнями, стоявшими на всѣхъ столахъ, въ ночной тишинѣ стонъ стоялъ отъ поющихъ, такъ что слышенъ былъ на нижнемъ концѣ улицы, а улица была длинна, и домъ старосты стоялъ на самомъ верхнемъ ея концѣ.

Староста былъ сильно пораженъ этой необычайной тишиной. Съ яростью отворилъ онъ двери и сказалъ: „Это что значитъ, что тутъ никого нѣтъ?"

Жена его ревѣла въ углу: „Ты вернулся? Боже мой, что за несчастіе съ нами случилось? Враги твои торжествуютъ въ деревнѣ, ни одного стакана вина никто больше не смѣетъ выпить у насъ. Всѣ говорятъ, что изъ лѣса тебя отправили въ Арнбургъ."

Какъ пойманный кабанъ фыркаетъ въ сѣтяхъ, открываетъ пасть, вращаетъ глазами и хрюкаетъ въ ярости, такъ бѣсновался теперь Гуммель: топалъ и неистовствовалъ, задумывалъ мстить Арнеру и изливалъ свою ярость на аристократовъ.

Потомъ сталъ говорить самъ съ собой: „Эдакъ страна лишится своихъ правъ! Онъ задумалъ отнять у меня права имѣть трактиръ и одинъ хочетъ вывѣшивать вывѣски въ области. На памяти всѣхъ каждый староста имѣлъ трактиръ, всѣ дѣла шли чрезъ наши руки. А этотъ теперь самъ всюду бѣгаетъ, всякую блоху выспрашиваетъ, какъ какой-нибудь сельскій учитель. Понятно, что теперь каждый мальчишка перечитъ судьѣ и говоритъ, что онъ самъ можетъ говорить съ Арнеромъ. Судъ теряетъ всякое значеніе, а мы сидимъ и молчимъ, какъ какіе-нибудь мошенники, пока онъ нарушаетъ и уничтожаетъ права страны."

Такъ старый плутъ коверкалъ добрые и мудрые поступки благороднаго человѣка и думалъ о мщеніи, пока не уснулъ.

Помѣщикъ проситъ прощенія у бѣдняка, которому его дѣдъ причинилъ несправедливость.

Между тѣмъ пришелъ Руди, *) и помѣщикъ, протянувъ ему руку, сказалъ: „Руди, мой дѣдъ сдѣлалъ въ отношеніи тебя несправедливость, присудивъ другому твою лужайку. Это было несчастіе; добрый человѣкъ былъ обманутъ. Ты долженъ простить ему это и не помнить зла.“

„Ахъ, Боже мой!“ отвѣчалъ Руди: „я же вѣдь зналъ, что онъ не виноватъ въ этомъ.“

„Не сердишься ты на него?“ спросилъ помощникъ.

На это Руди отвѣтилъ: „Конечно, при бѣдности, особенно въ началѣ, мнѣ было очень больно, что у меня нѣтъ болѣе лужайки, но на господина я вовсе не сердился.“

— Истинная это правда, Руди?

— Конечно, всемилостивый господинъ. Видитъ Богъ, это правда; да я никогда и не могъ на него сердиться. Я сознавалъ въ душѣ, что онъ не виноватъ. Что ему оставалось дѣлать, когда староста нашелъ ложныхъ свидѣтелей, которые подъ присягой дали противъ меня показанія? Добрый старый баринъ далъ мнѣ послѣ этого милостыню, когда увидалъ меня; и каждый праздникъ, чтобы помочь мнѣ въ моей нищетѣ, присылалъ мяса, вина и хлѣба. Да отплатитъ Богъ милостивому господину! Какъ часто поддерживалъ онъ мое бѣдное хозяйство!

У Руди показались слезы на глазахъ, и онъ продолжалъ: „Ахъ, Боже мой, баринъ! Если бы только онъ одинъ на одинъ говорилъ съ нами, какъ вы говорите, многаго бы тогда не случилось; но кровопійцы всегда, всегда окружали его, гдѣ бы онъ ни былъ, и все перетолковали!“

— Забудь объ этомъ теперь, Руди! Лужайка снова принадлежитъ тебѣ. Я приказалъ вычеркнуть старосту въ протоколѣ, а тебя, Руди, поздравляю съ этимъ отъ всей души.

Руди задрожалъ и пролепеталъ: „Я не нахожу словъ благодарности, всемилостивый господинъ!“

„Тебѣ не за что благодарить меня, Руди,“ отвѣчалъ помѣщикъ: „Богъ и право отдаютъ тебѣ твою лужайку.“

---

*) Деревенскій бѣднякъ; передъ этимъ онъ сознался Гертрудѣ въ кражѣ у нея картофеля, и просилъ прощенія, оправдываясь тѣмъ, что былъ голоденъ.

Тогда Руди всплеснулъ руками, громко заплакалъ и сказалъ: „О, надо мной благословеніе моей матери!“ *), снова заплакалъ и прибавилъ: „Всемилостивый господинъ! она умерла въ пятницу и, умирая, сказала мнѣ: тебѣ будетъ хорошо, Руди; помни обо мнѣ. О, какъ мнѣ жаль ее, баринъ,—мою дорогую мать!“

У помѣщика и пастора тоже навернулись слезы; наконецъ, помѣщикъ сказалъ: „Ты, Руди, добръ и благочестивъ; Божіе благословеніе будетъ съ тобой за твое благочестіе.“

„Это благословеніе матери; ахъ, баринъ, это благословеніе лучшей, благочестивѣйшей, терпѣливѣйшей матери!“ сказалъ Руди и снова заплакалъ.

„Такъ жаль мнѣ, господинъ пасторъ, что этотъ человѣкъ такъ долго былъ лишенъ своей собственности!“ сказалъ помѣщикъ пастору.

„Все уже это пережито теперь, баринъ,“ сказалъ Руди, „и страданіе, и нищета есть Божіе благословеніе, если они пережиты. Но я не могу благодарить васъ въ должной мѣрѣ за все: за работу при церкви, которая еще успѣла поддержать и утѣшить мою мать въ день ея смерти, и за лужайку. Я не знаю, баринъ, что мнѣ слѣдуетъ говорить и что мнѣ дѣлать. Ахъ, если бы только и она, если бы и она еще была жива!“

— Благочестивый человѣкъ! — сказалъ Арнеръ: — она будетъ радоваться твоему благосостоянію и въ вѣчной жизни. Твоя грусть и твоя святая любовь такъ взволновали меня, что я почти и забылъ, что староста обязанъ еще вознаградить тебя за пользованіе твоимъ достояніемъ и за твои издержки.

„По этому поводу, всемилостивый господинъ“, вмѣшался пасторъ, „я долженъ кое-что сказать Руди. Староста въ очень стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Онъ, конечно, обязанъ вознаградить тебя за пользованіе и за издержки; но, я знаю, ты настолько сострадателенъ, что не станешь разсчитываться съ нимъ, какъ имѣешь право, и не доведешь его на старости лѣтъ до нищенской сумы. Я обѣщалъ ему въ его печальномъ положеніи хлопотать, насколько могу, о состраданіи и снисхожденіи къ нему и долженъ сдѣлать это также и въ отношеніи тебя, Руди. Сжалься надъ нимъ въ его бѣдѣ.

---

*) Старой крестьянки Екатерины, поучавшей сына на смертномъ одрѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Гл. IV.

Пасторъ высылаетъ народъ изъ церкви.

Пасторъ, войдя на каѳедру, прежде всего прочиталъ приказъ Арнера *) и сказалъ: „Онъ долженъ быть исполненъ, и всѣ посторонніе люди должны непремѣнно выйти изъ церкви“.

Увидавъ, что онъ не шутитъ, посторонніе одинъ за другимъ вставали и выходили къ церковнымъ дверямъ. Нѣкоторые выбѣгали, какъ будто за ними гнались; другіе шли тихо и скромно, не поднимая глазъ. Нѣкоторые даже дѣлали поклонъ въ сторону господина пастора, хотя лица ихъ были красны отъ гнѣва.

Но старостиха и жена исихтальскаго присяжнаго не считали еще дѣла проиграннымъ. Они думали, что если будутъ стоять тихо, прятаться за колонны и за другихъ женщинъ, то могутъ и остаться. Но другія женщины со всѣхъ сторонъ вытягивали къ прятавшимся бѣдняжкамъ шеи, болтали, смѣялись вокругъ нихъ, такъ что пасторъ замѣтилъ это и сказалъ кистеру, что приказаніе относится одинаково и къ женщинамъ, и къ мужчинамъ, и что онъ долженъ и женщинъ заставить итти своей дорогой. Въ концѣ концовъ и онѣ должны были вмѣстѣ съ другими выйти вонъ.

Гл. V.

Изъ проповѣди пастора.

Только тогда началъ пасторъ свою проповѣдь: онъ сталъ говорить съ народомъ о старостѣ, о немъ самомъ, о тяжести грѣха и о счастьи, происходящемъ отъ справедливыхъ поступковъ.—Проповѣдь его была такого рода, какъ будто онъ говорилъ каждому изъ глубины его собственнаго сердца, какъ будто онъ проникалъ въ домъ къ каждому и каждаго описывалъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ онъ обходится съ женой и дѣтьми, съ отцомъ и братьями, съ слугами и служанками; какъ по неосмот-

*) Гуммель былъ присужденъ Арнеромъ къ проведенію подъ висѣлицей, окрашенію 3 пальцевъ правой руки несмываемой черной краской, 14 дневному тюремному заключенію и исповѣди передъ пасторомъ.

рительности и недостатку любви, по нерадѣнію и легкомыслію всюду обращаетъ хорошихъ людей въ дурныхъ, даетъ поводъ изъ мелкихъ проступковъ развиваться большимъ и такимъ образомъ самъ дѣлаетъ любимѣйшихъ въ мірѣ людей несчастными и страдающими, ставитъ ихъ въ достойное сожалѣнія положеніе вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, спокойными и довольными.

Народъ видѣлъ въ несчастномъ старостѣ самого себя, какъ будто староста былъ зеркаломъ въ рукахъ пастора. И благословеніе Господне было съ пасторомъ. Многіе подъ впечатлѣніемъ его рѣчи забыли старосту, а свои чувства и мысли обратили въ настоящее время только на самихъ себя.

„Любезные братья! Да никто изъ васъ не думаетъ, что съ нимъ не можетъ случиться подобнаго несчастія! Поднимите ваши глаза и посмотрите! Почему стоитъ передъ вами этотъ несчастный? Отвѣчайте: не оттого ли, что онъ былъ высокомѣренъ, скупъ, жестокосердъ и неблагодаренъ въ отношеніи Бога и людей?.. Поднимите очи ваши предъ лицо Божіе и скажите: кто изъ васъ не скупъ, не жестокосердъ и не неблагодаренъ? Говорите, говорите! Пусть скажутъ мужчины и женщины, пусть встанутъ и скажутъ! Есть ли среди васъ такой, который не былъ бы высокомѣренъ, скупъ, жестокосердъ, неблагодаренъ! Пусть встанетъ онъ и да будетъ намъ учителемъ! Я сяду у ногъ его, стану его слушать и прильну къ нему, какъ ребенокъ къ своему отцу, потому что я грѣшенъ, Господи, и моя душа не чиста отъ всего того зла, изъ-за котораго страдаетъ предъ вами этотъ бѣднякъ!“— Относительно различія между грѣхомъ въ его началѣ и тѣмъ состояніемъ величайшаго одичанія, въ которомъ проживалъ староста, онъ сдѣлалъ имъ слѣдующее сравненіе: „Большая разница между однимъ хлѣбнымъ колосомъ и цѣлой четвертью зеренъ. Но если ты посѣешь колосъ и чрезъ годъ сожнешь его, то будешь имѣть, можетъ быть, сотню колосьевъ; снова посѣй то, и на второй годъ у тебя будетъ отъ одного колоса, можетъ быть, цѣлая четверть. Добрые люди! Если есть въ насъ злое сѣмя, то оно даетъ плодъ, и подобно тому, какъ единичный колосъ съ годами обращается въ четверть зеренъ, такъ и твой грѣхъ, о человѣкъ, современемъ станетъ въ тебѣ сильнымъ и крѣпкимъ!— Потому не дѣлай большей, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, разницы

между отдѣльнымъ сѣменемъ и тѣми зернами, которыя ты мѣряешь четвертями, и не думай, что ты изъ-за каждаго грѣха не можешь стать тѣмъ, чѣмъ сталъ этотъ бѣднякъ, если только ты не постараешься съ усиліемъ и трудомъ задушить въ себѣ самомъ и искоренить это грѣховное сѣмя."

Затѣмъ онъ прибавилъ:

„Дѣти! Смотрите теперь на земное правосудіе и трепещите! Земное правосудіе давитъ, сокрушаетъ и убиваетъ. Плачьте о несчастномъ и о всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые попадаютъ въ руки правосудія, и молите Бога, чтобы владыки чѣмъ дальше, тѣмъ снисходительнѣе относились къ этимъ бѣднымъ и несчастнымъ и не увеличивали ихъ страданій больше, чѣмъ требуетъ того необходимость!—Дѣти мои! вы сами будьте человѣчнѣе, снисходительнѣе, совѣстливѣе въ отношеніи этихъ несчастныхъ и вѣрьте, что примѣръ слугъ, оказывающихъ состраданіе къ своимъ товарищамъ, впавшимъ въ несчастіе, долженъ подѣйствовать и на земныхъ владыкъ, и они станутъ сострадательны и снисходительны къ несчастнымъ".

Сказавъ это, онъ сошелъ съ каѳедры, посидѣлъ немного около несчастнаго и побесѣдовалъ съ нимъ по-братски, какъ онъ дѣлалъ сегодня весь день.

Когда бѣднякъ долженъ былъ уже скоро итти, пасторъ увидалъ, что онъ почти падалъ отъ утомленія и слабости, и понялъ, что онъ еще ничего не ѣлъ. „Тебѣ не слѣдуетъ такъ итти", сказалъ онъ, и тотчасъ же приказалъ принести ему изъ пасторскаго дома внизъ въ церковь чего-нибудь попить и поѣсть.

Послѣ того какъ староста попилъ и поѣлъ, при чемъ всѣ окружающіе смотрѣли на него съ состраданіемъ и любовію, пасторъ сказалъ ему: „Не желаешь ли теперь попросить прощенія у всѣхъ людей; изъ нихъ, можетъ быть, мало найдется такихъ, которыхъ ты не оскорбилъ или не опечалилъ?"—Ахъ, Боже мой, съ охотой, господинъ пасторъ!" сказалъ староста и, обернувшись къ стоящимъ около, проговорилъ: „Простите меня всѣ, ради Бога!". Больше онъ ничего не могъ говорить; но онъ смотрѣлъ на всѣхъ съ такимъ грустнымъ и убитымъ видомъ, что каждый смягчался. Женщины и мужчины со всѣхъ сторонъ протягивали ему руки и говорили: „Болѣе, чѣмъ прощаемъ!". Какъ онъ былъ радъ, что ему всѣ протягивали руки, какъ долго хваталъ онъ обѣими ру-

ками всѣ руки направо и налѣво и съ трепетомъ пожималъ каждую, это ты самъ можешь себѣ представить, читатель; но описать я этого не могу. Немного погодя, пасторъ сказалъ старостѣ: „Я думаю, староста, теперь съ Божьей помощью и итти можно“. Староста умиленно взглянулъ на него и не могъ произнести ни слова. „Такъ надо!“, сказалъ пасторъ и, взявъ его за руку, заставилъ встать и сказалъ: „Промедленіемъ ты себѣ же сдѣлаешь тяжелѣе; иди съ Божьей помощью и съ терпѣніемъ переноси, что долженъ перенесть; не обращай вниманія на то, что есть и что дѣлается вокругъ тебя, а думай теперь только о самомъ себѣ“.

3. Гл. VII.

Гуманность на ряду съ правосудіемъ.

Затѣмъ они вмѣстѣ вышли къ назначенному мѣсту; пасторъ все время громко молился, а весь народъ сопровождалъ его въ полномъ молчаніи.

Такое полное молчаніе царствуетъ у гроба гражданина, осиротѣвшихъ дѣтей котораго растроганный народъ съ состраданіемъ сопровождаетъ до отцовой могилы; и часъ этого безмолвнаго волненія, при чемъ все время звонилъ боннальскій погребальный колоколъ, былъ благодѣтеленъ для старосты и всего народа. Это не было наказаніе свирѣпаго звѣря, котораго только удаляютъ съ земли, чтобы онъ больше не приносилъ на ней вреда,—это было наказаніе человѣка, и посредетвомъ этого хотѣли сдѣлать умнѣе и лучше, чѣмъ они были прежде, и его самого, и его ближняго.

Онъ стоялъ съ обнаженной головой и босыми ногами на назначенномъ мѣстѣ и трижды громко произнесъ: „я заслужилъ гнить на этомъ мѣстѣ“.

Палачъ отвѣчалъ громкимъ голосомъ: „Да, ты заслужилъ, чтобы здѣсь сгнили твои кости, и птицы небесныя клевали твое тѣло“.

Трижды онъ вновь повторилъ: „я заслужилъ это“.

„Онъ помилованъ, палачъ, не убивай его!“ громко воскликнулъ судья съ жезломъ.

„Что же я долженъ дѣлать?“ возразилъ палачъ.

„Ты долженъ привязать его къ висѣлицѣ, прикрѣпить къ столбу его руку и несмываемой черной краской трижды мазнуть пальцы вѣроломнаго“.

Палачъ сдѣлалъ, что ему было приказано, и затѣмъ съ обнаженнымъ мечомъ сталъ сзади несчастнаго. Между тѣмъ судья съ жезломъ обратился къ народу и проговорилъ громкимъ голосомъ: „Слушай, собравшійся народъ! твой господинъ и отецъ приказываетъ сказать тебѣ:

„Кто изъ васъ не боится подобнаго срама больше смерти, тотъ съ своимъ домомъ, дѣтьми и родомъ стремится къ бѣдѣ, въ которой вы видите въ настоящее время этого несчастнаго!“

Послѣ этого пасторъ почти цѣлый часъ бесѣдовалъ съ народомъ, который никогда еще ни въ какой церкви не стоялъ передъ нимъ съ такимъ вниманіемъ и волненіемъ.

Староста же еле дышалъ и былъ измученъ до обморока. Замѣтивъ это, пасторъ позвалъ своего служителя и сказалъ ему: „подай сюда маленькую повозку, да положи въ нее подстилку“. Слуга исполнилъ это, подалъ имъ повозку съ подстилкой; когда же часъ прошелъ и старосту освободили отъ его узъ, пасторъ взялъ его за руку и сказалъ: „Садись въ повозку; я вижу, тебѣ это необходимо: ты почти не въ состояніи итти домой“.—„Это правда“, сказалъ староста: „я весь дрожу“; поблагодарилъ и съ словами: „я не заслужилъ этого“,—сѣлъ въ повозку. Пасторъ вмѣстѣ съ народомъ шелъ около, сопровождая бѣдняка до самой боннальской тюрьмы, куда его везли; онъ приказалъ внести туда и подстилку изъ повозки, пока не принесутъ ему свою изъ дому.

„Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“.

(Письмо I, § 15—62).

Когда я увидѣлъ себя вынужденнымъ учить дѣтей одному и безъ всякой помощи, я сталъ изучать искусство заниматься въ одно и тоже время со многими,—и такъ какъ у меня не было для этого никакихъ средствъ, кромѣ разсказа вслухъ, то, естественно, при этомъ явилась мысль заставить ихъ рисовать, писать и работать во время ученія. Путаница при множествѣ повторяющихъ одно и то же привела меня къ сознанію необходимости

такта, а тактъ увеличилъ впечатлѣніе, получаемое отъ ученія. Полное невѣжество дѣтей во всемъ заставляло подолгу останавливаться на самыхъ элементарныхъ свѣдѣніяхъ, а это приводило меня къ убѣжденію въ возможности увеличить духовныя силы дѣтей при помощи этого полнаго усвоенія основныхъ началъ, а также къ знакомству съ послѣдствіями этого сознанія полноты и совершенства, даже на низшихъ ступеняхъ. Я сталъ догадываться, какъ никогда еще, о связи первоначальныхъ свѣдѣній по каждому отдѣлу знанія съ его полнымъ усвоеніемъ, и чувствовалъ, тоже какъ никогда еще, громадные пробѣлы, которые должны происходить въ каждомъ рядѣ знаній, благодаря смутному и неполному усвоенію этихъ элементовъ. Послѣдствія внимательнаго отношенія къ основательному съ ними знакомству далеко превзошли мои ожиданія.

Въ дѣтяхъ скоро начало развиваться сознаніе силъ, о которыхъ до тѣхъ поръ они не имѣли никакого понятія, и, въ особенности, чувство красоты и порядка. Они сами начали чувствовать себѣ цѣну, и обычное тягостное школьное настроеніе исчезло, какъ привидѣніе, изъ моего дома: они желали—могли—терпѣливо добивались;—усвоивали и смѣялись;—ихъ настроеніе не было въ такомъ случаѣ настроеніемъ учащагося, это было настроеніе пробужденныхъ отъ сна, невѣдомыхъ еще силъ, и возвышающее умъ и душу и чувство, къ которому могли привести и приведутъ эти силы.

Дѣти учили дѣтей. Они старались привести въ исполненіе то, что, по моимъ словамъ, они должны были дѣлать, и такимъ образомъ сами отыскивали для этого разнообразныя средства; и эта многосторонне развивающая самостоятельность при началѣ ученія сильно содѣйствовала оживленію и укрѣпленію убѣжденія, что всякое истинное, всякое развивающее обученіе слѣдуетъ извлекать изъ самихъ дѣтей и въ нихъ самихъ порождать его. И къ этому убѣжденію привела меня по преимуществу нужда. Такъ какъ у меня совсѣмъ не было сотрудниковъ, то я сажалъ болѣе способнаго ребенка между двумя неспособными; первый обнималъ вторыхъ обѣими руками, говорилъ имъ, что самъ зналъ, а они учились, повторяя за нимъ, чего не знали. Они сидѣли рядомъ другъ съ другомъ съ сердечной любовью, ихъ оживляли радость и участіе, и ихъ пробудившаяся внутренняя

жизнь развивала и тѣхъ, и другихъ такъ, какъ только благодаря этому взаимодѣйствію и можно было имъ развиться.

Дорогой другъ! Ты слышалъ шумъ этого совмѣстнаго обученія и видѣлъ ту бодрость и радость, которую оно приносило. Скажи теперь самъ, что ты чувствовалъ, когда видѣлъ это? Я видѣлъ твои слезы, и въ моей груди забушевала ярость противъ того человѣка, который рѣшился сказать: „облагороженіе народа есть только мечта".

Нѣтъ, оно—не мечта; я хочу бросить это искусство въ руки матери, въ руки ребенка и въ руки самого простого человѣка, и злодѣй долженъ будетъ замолчать и не скажетъ больше: „это мечта".

Боже! Какъ я благодарю тебя за свою нужду! Безъ нея я не произнесъ бы этихъ словъ и не заставилъ бы того человѣка молчать.

Я каждую минуту наталкивался на факты, указывавшіе на существованіе физико-механическихъ законовъ, на основаніи которыхъ нашъ умъ легче или труднѣе воспринимаетъ и удерживаетъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Я и старался съ каждымъ днемъ все болѣе организовать свое преподаваніе на основаніи предчувствія этихъ правилъ, но, по правдѣ сказать, до тѣхъ поръ не сознавалъ ихъ основнаго принципа, пока членъ исполнительной комиссіи Глайръ, которому я старался прошлымъ лѣтомъ растолковать суть моего образа дѣйствій, не сказалъ мнѣ: „Vous voulez mécaniser l'éducation".—Я еще очень мало понималъ по французски. Я думалъ, что этими словами онъ хотѣлъ сказать, что я стараюсь привести способы воспитанія и обученія въ психологически-правильную послѣдовательность, и, если принять его слова въ этомъ смыслѣ, то онъ угадалъ и, по моему мнѣнію, подсказалъ мнѣ то слово, которое выражало сущность моей цѣли и всѣхъ средствъ къ ея достиженію. Я бы, можетъ быть, долго еще не набрелъ на это слово, потому что самъ я, при своихъ занятіяхъ, ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета, а предоставлялъ себя на волю вполнѣ неясныхъ, но живыхъ предчувствій, которыя, правда, вѣрно направляли мое тѣло, но меня ему не научали; иначе я не могъ. Лѣтъ 30 я уже не читалъ болѣе ни одной книги, да и не могъ больше читать ни одной: для отвлеченныхъ понятій у меня больше не было словъ, и я жилъ

одними только убѣжденіями, которыя были результатомъ обширныхъ, но по большей части забытыхъ думъ.

Такъ и теперь, не отдавъ себѣ отчета въ основаніи, отъ котораго я отправлялся, я сталъ относительно предметовъ, которые я объяснялъ дѣтямъ, придерживаться того, что въ этихъ предметахъ обыкновенно затрогиваетъ ихъ чувство, и точно такъ же, какъ я изслѣдовалъ всѣ способы первоначальнаго обученія, такъ и теперь я началъ стараться изслѣдовать, когда наступаетъ время дѣтскаго обученія, и скоро пришелъ къ убѣжденію: часъ рожденья ребенка есть первый часъ его обученія. Съ той минуты, когда его чувства стали воспріимчивыми, съ этой минуты начинаетъ учить его природа. Самая жизнь есть не что иное, какъ только что пробудившаяся способность воспринимать впечатлѣнія; она есть не что иное, какъ пробужденіе созрѣвшихъ физическихъ ростковъ, которые теперь изо всѣхъ силъ, всѣми отпрысками стремятся къ развитію и самообразованію; она есть не что иное, какъ пробужденіе сформировавшагося теперь животнаго, которое хочетъ и должно стать человѣкомъ.

Всякое обученіе людей, слѣдовательно, есть не что иное, какъ искусство помочь этому естественному стремленію человѣка къ развитію, и это искусство въ сущности основывается на пропорціональности и гармоніи впечатлѣній, усвояемыхъ ребенкомъ, со степенью развитія его силъ. Слѣдовательно, неизбѣжно существуетъ извѣстная послѣдовательность въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя ребенокъ долженъ получить при помощи обученія; начало же и развитіе этого ряда впечатлѣній должны итти нога въ ногу съ начатками и развитіемъ силъ ребенка. Такимъ образомъ, я скоро увидалъ, что изслѣдованіе подобныхъ рядовъ по всему кругу человѣческихъ знаній и особенно по основнымъ пунктамъ, которые служатъ точками отправленія для развитія человѣческаго ума, есть простой и единственный путь когда-либо получить настоящія книги для чтенія и учебники, удовлетворяющіе требованіямъ нашей природы и нашимъ потребностямъ. Я скоро также увидалъ, что при составленіи подобныхъ книгъ самое главное, собственно, должно заключаться въ томъ, чтобы распредѣлить составныя части всякаго обученія сообразно со степенью возрастанія дѣтскихъ силъ, и во всѣхъ отдѣлахъ обученія опредѣлить съ величайшей точностью, что изъ его составныхъ

жизнь развивала и тѣхъ, и другихъ такъ, какъ только благодаря этому взаимодѣйствію и можно было имъ развиться.

Дорогой другъ! Ты слышалъ шумъ этого совмѣстнаго обученія и видѣлъ ту бодрость и радость, которую оно приносило. Скажи теперь самъ, что ты чувствовалъ, когда видѣлъ это? Я видѣлъ твои слезы, и въ моей груди забушевала ярость противъ того человѣка, который рѣшился сказать: „облагороженіе народа есть только мечта".

Нѣтъ, оно—не мечта; я хочу бросить это искусство въ руки матери, въ руки ребенка и въ руки самого простого человѣка, и злодѣй долженъ будетъ замолчать и не скажетъ больше: „это мечта".

Боже! Какъ я благодарю тебя за свою нужду! Безъ нея я не произнесъ бы этихъ словъ и не заставилъ бы того человѣка молчать.

Я каждую минуту наталкивался на факты, указывавшіе на существованіе физико-механическихъ законовъ, на основаніи которыхъ нашъ умъ легче или труднѣе воспринимаетъ и удерживаетъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Я и старался съ каждымъ днемъ все болѣе организовать свое преподаваніе на основаніи предчувствія этихъ правилъ, но, по правдѣ сказать, до тѣхъ поръ не сознавалъ ихъ основнаго принципа, пока членъ исполнительной комиссіи Глайръ, которому я старался прошлымъ лѣтомъ растолковать суть моего образа дѣйствій, не сказалъ мнѣ: „Vous voulez mécaniser l'éducation".—Я еще очень мало понималъ по французски. Я думалъ, что этими словами онъ хотѣлъ сказать, что я стараюсь привести способы воспитанія и обученія въ психологически-правильную послѣдовательность, и, если принять его слова въ этомъ смыслѣ, то онъ угадалъ и, по моему мнѣнію, подсказалъ мнѣ то слово, которое выражало сущность моей цѣли и всѣхъ средствъ къ ея достиженію. Я бы, можетъ быть, долго еще не набрелъ на это слово, потому что самъ я, при своихъ занятіяхъ, ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета, а предоставлялъ себя на волю вполнѣ неясныхъ, но живыхъ предчувствій, которыя, правда, вѣрно направляли мое тѣло, но меня ему не научали; иначе я не могъ. Лѣтъ 30 я уже не читалъ болѣе ни одной книги, да и не могъ больше читать ни одной: для отвлеченныхъ понятій у меня больше не было словъ, и я жилъ

него предметы съ извѣстными и, такимъ образомъ, порождать въ себѣ опредѣленный взглядъ на нихъ. Хотя этотъ опытъ сильно сбивалъ съ пути, содѣйствуя чуждому и отдаленному въ ущербъ впечатлѣніямъ отъ современнаго и близкаго, однако, онъ проливалъ сильный свѣтъ на средства возбудить способности ребенка и пріохотить его къ самодѣятельности въ дѣлѣ сбереженія своихъ силъ; но съ другой стороны, этотъ опытъ по отношенію къ тому, чего я искалъ, былъ тѣмъ еще неудовлетворителенъ, что ребенокъ прожилъ уже цѣлыхъ 3 года въ бездѣйствіи, а я убѣжденъ, что природа уже до этого времени даетъ дѣтямъ точнѣйшія понятія о громадномъ количествѣ предметовъ. Намъ только надо примѣнить къ этимъ понятіямъ искусственную рѣчь, основанную на данныхъ психологіи, чтобы сдѣлать эти понятія въ высшей степени ясными для дѣтей и этимъ самымъ дать каждому ребенку возможность связать основныя данныя различныхъ искусствъ и разнообразной дѣятельности съ тѣмъ, чему научила его сама природа, а съ другой стороны, воспользоваться тѣмъ, чему научила его природа, въ качествѣ комментарія ко всѣмъ основнымъ даннымъ искусства и дѣйствительности, которыя ему будутъ даны. И то, и другое, т. е. и сила дѣтей, и ихъ опытность, въ этомъ возрастѣ уже велики; но наши антипсихологическія школы въ сущности не что иное, какъ машины для уничтоженія всѣхъ результатовъ силы и опыта, пробужденныхъ въ нихъ самой природой.

Представьте же себѣ, хоть на мгновеніе, весь ужасъ этого убійства! Дѣтямъ предоставляютъ до пятилѣтняго возраста вполнѣ наслаждаться природой; даютъ каждому впечатлѣнію, получаемому отъ природы, дѣйствовать на нихъ; они чувствуютъ ея силу; они уже далеко зашли въ наслажденіи природной свободой и всѣми ея прелестями, и свободный, естественный ходъ развитія матеріально-счастливаго дикаря уже принялъ въ немъ опредѣленное направленье. И послѣ того, какъ дѣти цѣлыхъ 5 лѣтъ наслаждались блаженствомъ этой жизни, вдругъ заставляютъ исчезнуть природу изъ ихъ глазъ; тиранически заставляютъ исчезнуть всю привлекательность непринужденности и свободы; какъ овецъ, сбитыхъ въ кучу, бросаютъ ихъ въ какую-нибудь вонючую комнату; по цѣлымъ часамъ, днямъ, недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ неумолимо держатъ ихъ на разсматриваніи жалкихъ, неинтерес-

ныхъ и однообразныхъ буквъ и на строѣ жизни, до такой степени отличномъ отъ прежняго ихъ положенія, что можно съ ума сойти.

Другъ! скажи мнѣ, могъ ли ударъ меча, упадающій на шею преступника и лишающій его жизни, произвести на его тѣло большее дѣйствіе, чѣмъ то, которое производитъ на душу ребенка подобный переходъ отъ продолжительнаго, прекраснаго руководства природы къ жалкому ходу дѣла въ школѣ?—Неужели люди вѣчно будутъ слѣпы и никогда не дойдутъ до первоисточника, отъ котораго происходятъ безпорядочность нашей души, разрушеніе нашей безпорочности, гибель нашихъ силъ и послѣдствія всего этого, ведущія насъ къ неудовлетворяющей насъ жизни, а тысячи изъ насъ къ смерти въ госпиталѣ и къ бѣсованью въ темницахъ и оковахъ?

Какъ хорошо мнѣ будетъ въ могилѣ, если я хоть немного посодѣйствую ознакомленью людей съ этими источниками! Какъ хорошо мнѣ будетъ въ могилѣ, если мнѣ удастся такъ же тѣсно соединить природу и искусство въ народномъ обученіи, какъ насильственно они разъединены въ немъ въ настоящее время!...

Характеръ начальныхъ книгъ для малолѣтнихъ становится мнѣ все яснѣе. Онѣ должны исходить отъ самыхъ простыхъ составныхъ частей человѣческаго знанія; онѣ должны глубоко запечатлѣвать дѣтямъ существеннѣйшія формы всѣхъ предметовъ; онѣ должны рано и отчетливо развивать въ нихъ первое понятіе объ отношеніяхъ чиселъ и мѣръ; онѣ должны дать имъ умѣнье выражать словомъ всю сумму ихъ знаній и опыта, а также всюду и вполнѣ замѣнять имъ первыя ступени лѣстницы знаній, по которой сама природа приводитъ насъ къ пріобрѣтенію всякаго искусства и всякой силы.

Какой пробѣлъ составляетъ для насъ недостатокъ этихъ книгъ! Намъ недостаетъ ихъ не только въ томъ случаѣ, когда намъ самимъ, при помощи собственнаго искусства, приходится давать все вышеупомянутое, но даже въ томъ случаѣ, когда намъ и не приходится этого давать. Даже духа ихъ, жизнью котораго окружаетъ насъ вся природа, сама, безъ нашего содѣйствія, даже этого духа у насъ нѣтъ, и мы сами себя насилуемъ, угашая въ себѣ нашими жалкими народными школами и одностороннимъ словеснымъ ученіемъ послѣдній слѣдъ пламеннаго рѣзца, которымъ природа хочетъ запечатлѣть въ насъ этотъ духъ.

Мнѣ съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что въ раннемъ возрастѣ вовсе не слѣдуетъ резонерствовать съ дѣтьми, а надо ограничиться слѣдующими средствами для ихъ умственнаго развитія:

a) какъ можно болѣе расширять кругъ ихъ наблюденій;

b) прочно и систематически укрѣплять въ нихъ наблюденія, ими усвоенныя;

c) дать имъ обширное знакомство съ языкомъ, для выраженія словомъ всего того, съ чѣмъ познакомили ихъ и должны познакомить природа и искусство.—И въ то время, какъ эти три принципа съ каждымъ днемъ становились для меня яснѣе, постепенно развивалось во мнѣ и убѣжденіе

a) въ необходимости для первоначальнаго возраста книгъ, принаровленныхъ къ наглядному обученію;

b) въ необходимости опредѣленнаго способа объяснять эти книги;

c) въ необходимости основаннаго на этихъ книгахъ и на этомъ способѣ объясненія руководства для усвоенія именъ и словъ, произносить которыя дѣти должны умѣть бѣгло прежде даже, чѣмъ наступитъ время заниматься съ ними складами. Выгода ранняго и быстраго усвоенія обширной номенклатуры неоцѣнима для дѣтей. Прочное усвоеніе названій заставляетъ ихъ удерживать въ памяти самый предметъ, какъ скоро они его узнаютъ, и рядъ названій, правильно скомбинированный, развиваетъ и поддерживаетъ въ нихъ сознаніе и дѣйствительной связи предметовъ. Выгоды отъ этого прогрессивно увеличиваются. Никогда только не слѣдуетъ думать, что если ребенокъ въ чемъ-нибудь не все понимаетъ, такъ это для него совсѣмъ безполезно. Извѣстно, что если ребенокъ вмѣстѣ съ изученіемъ азбуки, и благодаря этому изученію, самъ усвоитъ себѣ звуковую сторону научной номенклатуры, то отъ этого онъ получаетъ то же преимущество, которымъ пользуется ребенокъ въ обширномъ торговомъ домѣ, съ колыбели ежедневно узнающій названія безчисленнаго множества предметовъ.

Въ письмѣ своемъ къ Штейнмюллеру гуманный педагогъ Фишеръ такъ резюмируетъ сущность и принципы моего метода:

„Онъ (Песталоцци) стремится къ внутреннему возвышенію силъ умственныхъ, а не къ простому внѣшнему обогащенію ума представленіями.

Онъ надѣется достичь этого разнообразными путями. Громко и часто произнося дѣтямъ слова, объясненія, предложенія и длинные періоды и заставляя дѣтей повторять все это, онъ хочетъ этимъ (наряду съ опредѣленной частной цѣлью, которая есть у каждаго подобнаго пріема) развивать ихъ внимательность, упражнять ихъ память. На этомъ же основаніи онъ позволяетъ дѣтямъ, во время упражненія въ повтореніи, рисовать что угодно грифелемъ на аспидной доскѣ или чертить буквы".

Онъ связываетъ свое обученіе съ изученіемъ языка. Въ языкѣ находятся въ сущности результаты всего человѣческаго прогресса: дѣло только въ томъ, чтобы прослѣдить его психологически".

(Нити этого психологическаго изслѣдованія надо искать въ самой природѣ развитія языка. Дикарь сначала называетъ предметъ, потомъ опредѣляетъ его, наконецъ, связываетъ его съ другими словами, но въ высшей степени просто, и только позднѣе доходитъ до умѣнья точнѣе опредѣлить окончаніями и соединеніемъ словъ ихъ качества, измѣняющіяся по времени и обстоятельствамъ).

„Онъ не хочетъ разсуждать съ дѣтьми, прежде чѣмъ не дастъ имъ извѣстный запасъ словъ и оборотовъ, и прежде чѣмъ они не выучатся употреблять ихъ въ своемъ мѣстѣ, соединять и разлагать. Потомъ онъ обогащаетъ ихъ память простыми объясненіями видимыхъ предметовъ и, такимъ образомъ, учитъ ребенка описывать все окружающее его,— слѣдовательно, давать себѣ отчетъ въ своихъ представленіяхъ, распоряжаться послѣдними, такъ какъ только теперь онъ ясно созналъ все, что уже находится въ немъ.

„Онъ даетъ имъ механическій навыкъ и извѣстный тактъ въ разговорѣ, производя съ ними упражненія въ легкихъ склоненіяхъ. Ихъ непринужденность особенно при этомъ выигрываетъ, и разъ они познакомились на многочисленныхъ примѣрахъ съ извѣстными формами описанія и научились ими пользоваться, то впослѣдствіи они облекаютъ въ эти формы тысячи попадающихся имъ предметовъ и придаютъ своимъ объясненіямъ и описаніямъ печать видимой опредѣленности.

Онъ старается дать умственной дѣятельности или дату, или рубрику, или руководящую идею".

(Т. е.: онъ ищетъ и въ искусствѣ, и въ природѣ основные пункты, способы наблюденія, факты, которыми, благодаря ихъ опредѣленности и общности, можно пользоваться, какъ плодотворнымъ средствомъ для облегченія познанія и опредѣленія многихъ, подчиненныхъ имъ и соприкасающихся съ ними предметовъ, и такимъ образомъ онъ даетъ дѣтямъ даты, которыя обращаютъ ихъ вниманіе на предметы, похожіе другъ на друга; онъ подводитъ подъ рубрики ряды одинаковыхъ понятій, благодаря опредѣленію которыхъ цѣлые разряды предметовъ становятся для нихъ понятными по сущности ихъ отличительныхъ признаковъ.

Онъ хочетъ упростить механизмъ преподаванія и усвоенія. Все, что онъ вноситъ въ свои учебники и что онъ хочетъ, чтобы дѣти изъ нихъ усвоили, должно быть такъ просто, чтобы каждая мать, а позднѣе и каждый учитель при минимумѣ способностей къ преподаванію могли все это понять, передать, объяснить и сопоставить. Въ особенности, онъ желаетъ облегченіемъ способа обучать дѣтей рѣчи и письму сдѣлать для каждой матери пріятнымъ и интереснымъ первоначальное обученіе своихъ дѣтей, а также, какъ онъ выражается, постепенно уничтожить потребность въ начальныхъ школахъ и замѣнить ихъ улучшеннымъ домашнимъ воспитаніемъ. Съ этой цѣлью онъ даже хочетъ, какъ скоро будутъ напечатаны его учебники, сдѣлать опытъ съ матерями, и можно надѣяться, что правительство посодѣйствуетъ этому небольшими преміями.

(Я знаю трудности этого. Со всѣхъ сторонъ слышатся крики, что невозможно убѣдить матерей принять на себя еще новую работу въ придачу къ сушкѣ и стиркѣ, вязанью и шитью, ко всей тяжести ихъ обязанностей и ко всей суетѣ ихъ теперешняго образа жизни; и сколько бы я на это ни отвѣчалъ: „это не работа; это—игра; она не отниметъ у нихъ времени, а скорѣе наполнитъ пустоту тысячи томительныхъ минутъ“,—ко всему этому остаются глухи и всегда говорятъ мнѣ въ отвѣтъ: „онѣ не захотятъ“! Однако Бонифацій, то же самое говорившій въ 1519 г. Цвингли: „этого быть не можетъ, матери никогда не станутъ читать съ дѣтьми библію, онѣ никогда не станутъ творить съ ними ежедневно утреннія и вечернія молитвы“, нашелъ таки въ 1522 г., что онѣ это дѣлали, и самъ тогда сталъ говорить: „я этого не ожидалъ!“ Я увѣренъ въ своихъ средствахъ,

знаю и надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, еще прежде моей смерти какой нибудь новый патеръ Бонифацій въ этомъ случаѣ будетъ говорить то же, что въ 1522 г. говорилъ старый. Я подожду: такой патеръ придетъ).

„Съ этимъ положеніемъ связано пятое: онъ хочетъ популяризировать науку". Этого слѣдуетъ достигнуть составленіемъ учебниковъ, которые должны заключать въ себѣ главныя составныя части наукъ въ тщательно выбранныхъ словахъ и выраженіяхъ и, такъ сказать, доставить громадные камни, изъ которыхъ впослѣдствіи легко было бы сложить цѣлый сводъ".

„Далѣе, этого слѣдуетъ достигнуть раздачей учебниковъ и продажей ихъ по дешевой цѣнѣ. Они должны тѣсно и вполнѣ послѣдовательно примыкать другъ къ другу и составлять одно цѣлое; но при этомъ все таки каждый можетъ существовать самъ по себѣ и можетъ быть распространяемъ отдѣльно. Съ подобною же цѣлью онъ распространяетъ за крайне ничтожную цѣну въ гравюрахъ на деревѣ карты, геометрическія фигуры и т. п. Доходъ съ этихъ изданій, за вычетомъ издержекъ, онъ предназначаетъ на усовершенствованіе своего предпріятія, т. е. на практическое примѣненіе своего метода въ какомъ нибудь институтѣ, школѣ или пріютѣ для сиротъ".

„Для школьнаго обученія въ особенности слѣдуетъ добиваться, чтобы учитель, при самомъ маломъ количествѣ способностей, не только не приносилъ вреда, но даже могъ съ успѣхомъ идти къ своей цѣли".

(Это очень существенно. По моему мнѣнію, нечего и думать, что народное просвѣщеніе будетъ въ состояніи сдѣлать хоть одинъ шагъ впередъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены такія формы преподаванія, которыя сдѣлаютъ изъ учителя, по крайней мѣрѣ до полнаго усвоенія элементарныхъ познаній, простое механическое орудіе метода, результаты котораго должны проявляться благодаря природѣ формы преподаванія, а не искусству человѣка, руководящаго ими. Я положительно признаю только тотъ учебникъ хорошимъ, которымъ можетъ пользоваться неопытный учитель почти съ такою же пользой, какъ опытный и талантливый. Онъ долженъ быть собственно такъ составленъ, чтобы неопытный человѣкъ и даже мать нашли въ немъ достаточную помощь, чтобы всегда идти хоть на одинъ шагъ впереди

самого ребенка въ томъ послѣдовательномъ развитіи, къ которому они должны его вести. Больше ничего не требуется.

„Далѣе выгода въ этомъ отношеніи будетъ состоять въ томъ, что можно будетъ учить многихъ дѣтей разомъ и одинаково, можно будетъ возбудить соревнованіе между учениками и облегчить имъ передачу усвоеннаго другъ другу; и что можно будетъ бросить или сократить прежніе окольные пути для обогащенія памяти другими способами, въ родѣ аналогій между сообщаемыми предметами, порядка, усиленнаго вниманія, пересказа вслухъ и другихъ упражненій".

Вотъ все, что писалъ Фишеръ.

Письмо VI (§ 8—15).

Долго носились въ моей душѣ живыя, но неясныя мысли объ основахъ обученія, и я долго не имѣлъ возможности открыть непрерывную связь между ними и законами физическаго механизма, не будучи также въ состояніи съ точностью опредѣлить первоначальные пункты, отъ которыхъ долженъ исходить рядъ нашихъ искусственныхъ воззрѣній, или, скорѣе, та форма, въ которой было бы возможно поставить развитіе человѣчества въ зависимость отъ самой его природы, пока, наконецъ, и то недавно, внезапно, какъ deus ex machina, не пролила новаго свѣта на то, что я искалъ, слѣдующая мысль: средства, выясняющія всѣ наши познанія, почерпнутыя изъ наблюденій, исходятъ изъ числа, формы и языка. Однажды, послѣ долгихъ усилій добиться своей цѣли, или, скорѣе, послѣ безпорядочныхъ мечтаній объ этомъ предметѣ, я совершенно просто обратилъ вниманіе на способъ, какъ каждый образованный человѣкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимается и долженъ приниматься за дѣло, если хочетъ надлежащимъ образомъ растолковать и постепенно уяснить себѣ что-нибудь такое, что находится передъ нимъ въ безпорядочномъ и неясномъ видѣ.

Въ такомъ случаѣ каждый разъ онъ долженъ будетъ обращать и непремѣнно обратитъ вниманіе на слѣдующія 3 правила:

a) сколько различныхъ предметовъ проносятся у него передъ глазами;

b) какъ они выглядятъ; что за форма ихъ и контуръ;

c) какъ они называются; какъ онъ можетъ каждый изъ нихъ выразить себѣ посредствомъ одного звука, одного слова.

Очевидно, что для успѣха въ этомъ способѣ дѣйствія предполагаются у подобнаго человѣка развитыми слѣдующія способности:

a) способность схватывать неодинаковые по формѣ предметы и давать себѣ отчетъ въ ихъ сущности;

b) способность различать эти предметы по числу и ясно представлять ихъ себѣ въ видѣ одного или въ видѣ множества предметовъ;

c) способность выразить при помощи языка отдѣльно представленіе о числѣ предметовъ и отдѣльно представленіе объ ихъ формѣ, и запечатлѣть это въ своей памяти.

Я такъ сужу: число, форма и языкъ есть элементарныя средства обученія, такъ какъ всѣ внѣшнія свойства какого-либо предмета заключаются въ предѣлахъ его контура и въ его числовыхъ отношеніяхъ, и при посредствѣ языка дѣлаются достояніемъ моего сознанія. Искусство, слѣдовательно, должно исходить изъ слѣдующаго троякаго основанія и слѣдующимъ образомъ дѣйствовать (и это сдѣлать неизмѣннымъ закономъ своего развитія):

a) учить дѣтей смотрѣть на каждый предметъ, который предлагается ихъ сознанію, какъ на цѣлое, т. е. отдѣльно отъ тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ, повидимому, связанъ;

b) познакомить ихъ съ формой каждаго предмета, т. е. съ его мѣрой и пропорціями;

c) какъ можно раньше познакомить съ полнымъ запасомъ словъ и названій всѣхъ узнанныхъ ими предметовъ.

И такъ какъ обученіе дѣтей должно исходить отъ этихъ трехъ пунктовъ, то очевидно также, что и первыя усилія искусства должны быть направлены къ тому, чтобы развить съ помощью высшаго психологическаго искусства основныя способности — считать, измѣрять и говорить — хорошія качества которыхъ составляютъ основу правильнаго познанія всѣхъ видимыхъ предметовъ, укрѣпить ихъ и придать имъ силу, а слѣдовательно, довести средство развитія и образованія этихъ трехъ способностей до высшей степени простоты, до высшей устойчивости и до величайшаго согласія между собою.

Единственнымъ затрудненіемъ, встрѣтившимся мнѣ при признаніи этихъ трехъ основныхъ пунктовъ, былъ вопросъ: почему всѣ качества вещей, которыя мы узнаемъ посредствомъ 5 чувствъ, не являются основами нашего знанія, подобно числу формъ и названію? Но я скоро убѣдился: всѣ предметы безъ исключенія имѣютъ число, форму и названіе; остальныя же качества, познаваемыя нами посредствомъ 5 чувствъ, ни у одного предмета не бываютъ общими со всѣми другими предметами, но лишь одни съ однимъ предметомъ, другія съ другимъ.

Такимъ образомъ я нашелъ между числомъ, формой и названіемъ всѣхъ предметовъ и между остальными качествами существенное различіе, а именно: я не могъ смотрѣть на другія качества предметовъ, какъ на основные пункты человѣческаго знанія; даже напротивъ, я нашелъ, что всѣ остальные признаки, познаваемые нашими пятью чувствами, могутъ быть непосредственно сведены къ этимъ основнымъ пунктамъ; что, слѣдовательно, при обученіи дѣтей знаніе всѣхъ прочихъ качествъ изучаемыхъ предметовъ должно быть связано съ предварительнымъ знаніемъ формы, числа и названій.

Я теперь видѣлъ, что благодаря знакомству съ количествомъ, формою и названіемъ какого-либо предмета мое понятіе объ этомъ предметѣ становится точнымъ понятіемъ; благодаря постоянному знакомству со всѣми остальными его качествами оно становится полнымъ; чрезъ знакомство же со связью всѣхъ его признаковъ оно дѣлается понятіемъ вполнѣ яснымъ.

Теперь я пошелъ дальше и нашелъ, что все наше знаніе вытекаетъ изъ трехъ основныхъ способностей:

a) изъ способности произносить звуки (способность рѣчи);

b) изъ неопредѣленной, исключительно чувственной способности представленія (знаніе всѣхъ формъ);

c) изъ опредѣленной, не исключительно чувственной способности представленія, (пониманіе количества, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и способность вычислять и считать).

Такимъ образомъ я заключаю, что искусственное развитіе человѣчества должно быть связано съ первыми и простѣйшими послѣдствіями трехъ основныхъ способностей: съ звукомъ, формой и числомъ. Обученіе тѣмъ или другимъ частностямъ не можетъ достичь и никогда не достигаетъ успѣха, удовлетворя-

ющаго нашу природу, если эти три простыя слѣдствія нашихъ основныхъ способностей не будутъ приняты за начальные пункты всякаго обученія, разъ они признаны таковыми самой природой.

Я нахожу, наконецъ, что посредствомъ всего этого искусства мы пріобрѣтаемъ основательную и крѣпкую связь съ природой или скорѣе съ той основной формой, въ которой природа вообще уясняетъ намъ предметы, существующіе въ мірѣ, и что этимъ разрѣшается задача: найти общее начало всѣхъ искусственныхъ способовъ обученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и форму, какая самой сущностью нашей природы можетъ быть указана для развитія человѣческаго рода; этимъ же устраняется затрудненіе, какъ примѣнить къ формамъ обученія, которыя опытъ тысячелѣтій далъ людямъ для саморазвитія, т. е. письму, счету, чтенію и т. п., тѣ механическіе законы, которые я признаю основой человѣческаго обученія.

Письмо VII (§§ 1—52).

Итакъ, первое основное средство обученія есть

Звукъ.

Изъ него вытекаютъ слѣдующія спеціальныя средства обученія:

А. Обученіе звуку, или средство развить органъ рѣчи;

Б. Обученіе слову, или средство ознакомиться съ тѣми или другими предметами;

С. Обученіе рѣчи, или средство умѣть ясно выражаться относительно предметовъ, ставшихъ намъ извѣстными, и относительно всего, что мы въ состояніи въ нихъ узнать.

А. Обученіе звуку.

Въ свою очередь оно дѣлится на обученіе звукамъ въ рѣчи и на обученіе звукамъ въ пѣніи. Что касается до звуковъ въ рѣчи, то нельзя предоставлять случаю, дойдутъ-ли они до ушей ребенка рано или поздно, въ изобиліи или скупо.

Важно, чтобы они стали ему извѣстны въ полномъ своемъ объемѣ и какъ можно раньше.

Это знакомство съ звуками должно быть уже закончено въ немъ прежде еще, чѣмъ разовьется у него способность произносить ихъ; и въ свою очередь, умѣнье легко повторять всѣ звуки должно вполнѣ сформироваться, прежде чѣмъ положать передъ нимъ формы буквъ и начнутъ съ нимъ первоначальныя упражненія въ чтеніи.

Поэтому книга складовъ должна заключать въ себѣ всѣ тѣ звуки, изъ которыхъ состоитъ рѣчь, и въ каждой семьѣ слѣдуетъ въ этомъ именно количествѣ знакомить съ ними слухъ ребенка; даже когда ребенокъ еще въ колыбели, надо запечатлѣвать ихъ въ его памяти при помощи частаго повторенія, прежде еще чѣмъ онъ будетъ въ состояніи произнести хоть одинъ изъ нихъ.

Кто этого не видѣлъ, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени повтореніе этихъ простыхъ слоговъ: ба, ба, ба, да, да, да, ма, ма, ма, ла, ла, и т. д. возбуждаетъ вниманіе малыхъ дѣтей и нравится имъ; онъ не можетъ себѣ также представить, насколько помогаетъ способности дѣтей къ ученію раннее знакомство съ этими слогами.

Вслѣдствіе той важности, какую имѣетъ знакомство съ звукомъ или тономъ, прежде нежели ребенокъ въ состояніи ихъ произнести, и въ убѣжденіи, что такъ же не безразлично, какіе образы и предметы будутъ передъ глазами у малаго ребенка, какъ и то, какіе звуки будутъ доходить до его слуха, я составилъ „Книгу для матерей“, въ которой посредствомъ раскрашенныхъ картинокъ наглядно указываю не только основы числа и формы, но и остальные существеннѣйшіе признаки ихъ, раскрываемые передъ нами 5-ю чувствами. Посредствомъ укрѣпленнаго такимъ образомъ знакомства съ многочисленными названіями, оживленнаго при помощи разнообразныхъ наглядныхъ примѣровъ, я подготовляю и облегчаю послѣдующую жизнь ребенка, точно такъ же, какъ посредствомъ укрѣпленія въ памяти ребенка звуковъ, прежде изученія имъ азбуки, я уже въ этомъ возрастѣ подготовляю и облегчаю ребенку эту послѣднюю работу, такъ какъ посредствомъ этой книги я, можно сказать, освоиваю голову ребенка съ этими звуками, или водворяю ихъ въ ней прежде, чѣмъ онъ въ состояніи бываетъ произнести хоть одинъ слогъ.

Итакъ, подготовленный книгой матерей, а затѣмъ ознакомленный при помощи простого прочитыванія ему азбуки со всѣми звуками, ребенокъ, какъ только окажется, что его органы рѣчи развились, такъ же легко, шутя, какъ нѣкогда произносилъ безсмысленные звуки, привыкнетъ по нѣскольку разъ въ день повторять нѣкоторые ряды звуковъ, находящихся въ азбукѣ.

Моя азбука отличается отъ всѣхъ прежнихъ тѣмъ, что обученіе въ ней, какъ это замѣтно для самого учащагося, начинается съ гласныхъ, и путемъ постепеннаго прибавленія согласныхъ впереди и послѣ гласной образуетъ слоги самымъ разнообразнымъ способомъ, видимо облегчающимъ ихъ выговариваніе и чтеніе.

Этотъ способъ самъ образовался такъ: къ каждой гласной прибавляли сзади одну гласную за другой, отъ b до z, и такимъ образомъ получали сначала самые простые, легкіе слоги ab, ad, af и т. д, затѣмъ впереди каждаго изъ этихъ простыхъ слоговъ прибавляли ту согласную, которая при употребленіи этихъ простыхъ слоговъ дѣйствительно должна быть прибавлена, и такъ образовывали изъ всѣхъ гласныхъ простымъ прибавленіемъ согласныхъ сначала болѣе легкіе слоги, а затѣмъ прибавленіемъ большаго числа согласныхъ болѣе трудные; отсюда неизбѣжно происходило многократное повтореніе простыхъ звуковъ, а также общее и послѣдовательное сопоставленіе всѣхъ слоговъ, оказывающихся сходными вслѣдствіе одинаковыхъ основъ, — все это крайне облегчаетъ усвоеніе памятью ихъ звуковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіе чтенія.

Преимущества этой книги выражаются въ ней же самой, въ томъ, что она:

a) удерживаетъ дѣтей на упражненіяхъ въ отдѣльныхъ слогахъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не образуется въ этомъ отношеніи достаточной бѣглости;

b) благодаря постоянному употребленію сходныхъ звуковъ, дѣлаетъ для дѣтей пріятнымъ повтореніе тѣхъ же самыхъ формъ и этимъ облегчаетъ достиженіе цѣли, т. е. усвоеніе ихъ дѣтской памятью;

c) очень быстро научаетъ дѣтей тотчасъ произносить каждое новое слово, образующееся посредствомъ прибавки отдѣльныхъ согласныхъ изъ другихъ словъ, вполнѣ уже ими усвоенныхъ; при этомъ имъ не нужно предварительно произносить каждое

новое слово по складамъ; кромѣ того, они бываютъ въ состояніи складывать наизусть и эту новую совокупность буквъ, что впослѣдствіи крайне облегчаетъ имъ умѣнье писать правильно.

Въ предпосланномъ книгѣ краткомъ наставленіи относительно того, какъ ею пользоваться, я убѣждаю матерей въ необходимости по нѣсколько разъ въ день и на разные лады произносить дѣтямъ ряды этихъ звуковъ, даже прежде, чѣмъ дѣти научатся говорить, чтобы возбудить ихъ вниманіе и познакомить съ этими звуками. Это повтореніе слоговъ должно производиться съ удвоеннымъ стараніемъ и снова начаться, какъ только дѣти начнутъ говорить, чтобы заставить ихъ повторять сказанное и посредствомъ этого скорѣе научить говорить.

Для того, чтобы облегчить дѣтямъ знакомство съ буквами, что должно предшествовать складамъ, я приложилъ ихъ къ книгѣ крупно напечатанными,—благодаря этому, отличительные признаки ихъ лучше бросаются въ глаза дѣтямъ. Эти буквы, каждая особо, наклеиваются на толстую бумагу, и одна за другою показываются ребенку, причемъ начинаютъ съ гласныхъ, окрашенныхъ для отличія въ красную краску,—эти гласныя они должны знать и умѣть выговаривать въ совершенствѣ, прежде нежели идти дальше. Затѣмъ ему показываютъ одну за другою согласныя, но всегда въ соединеніи съ гласной, такъ какъ безъ этого въ сущности ихъ нельзя произнести.

Когда дѣти, благодаря этому способу, достигнутъ извѣстной степени умѣнья складывать, тогда можно будетъ приступить къ упражненіямъ и по другимъ методамъ. Такъ можно, напр., прибавлять одну букву за другой въ какомъ-либо словѣ, пока это послѣднее не составится вполнѣ, и затѣмъ всякій разъ произносить вмѣстѣ всѣ буквы. Напр., g-ge-geb-geba, gebad, gebade, gebadet. Послѣ этого можно такимъ же образомъ идти обратно, отнимая одну букву за другою, и заставлять повторять это разъ за разомъ до тѣхъ поръ, пока дѣти въ состояніи будутъ безъ ошибокъ и притомъ наизусть складывать слово. Можно также подобнымъ же образомъ начинать прибавку буквъ съ конца.

Наконецъ, дѣлятъ слово на слоги, заставляютъ считать послѣдніе и каждый изъ нихъ выговаривать и складывать въ порядкѣ и безъ порядка, по номерамъ.

Большую выгоду можно извлечь при школьномъ обученіи

главнымъ образомъ изъ того, что дѣти съ самаго начала пріучаются произносить всякій звукъ одновременно и вмѣстѣ, такъ что произносимый всѣми звукъ слышенъ только одинъ. Этотъ способъ дѣлаетъ обученіе вполнѣ механическимъ и дѣйствуетъ на чувство дѣтей невѣроятно сильно.

Когда совсѣмъ покончатъ съ этими упражненіями въ складахъ на доскѣ, тогда въ руки ребенку дается самая книга, какъ первая его книга для чтенія, и до тѣхъ поръ оставляется у него, пока онъ не будетъ вполнѣ умѣть ее читать.

B.

Второе спеціальное средство обученія, вытекающее изъ способности произносить звуки или изъ того элементарнаго средства, какимъ является звукъ, есть слѣдующее;

Обученіе *словамъ*, или, скорѣе, обученіе именамъ. Это ученіе объ именахъ состоитъ изъ ряда названій важнѣйшихъ предметовъ изъ всѣхъ отдѣловъ царства природы, исторіи и географіи, человѣческихъ занятій и отношеній. Эти ряды словъ предлагаются ребенку непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ азбуки, какъ простое упражненіе въ чтеніи; и опытъ показалъ мнѣ, что отъ дѣтей вполнѣ возможно добиться твердаго знанія этихъ названій въ теченіе того времени, которое требуется для того, чтобы довести до полнаго совершенства ихъ умѣнье читать; польза, приносимая этимъ полнымъ для такого промежутка времени знакомствомъ со столь разнообразными и многочисленными именами, громадна, и на это знаніе собственно надо смотрѣть, какъ на простое, хаотическое собиранье матеріаловъ, необходимыхъ для будущей постройки какого-либо дома.

C.

Третье спеціальное средство, вытекающее изъ способности издавать звуки, есть само ученье о *рѣчи*. Теперь я достигъ того пункта, гдѣ начинаетъ обнаруживаться настоящая форма, въ которой искусство, пользуясь развитой особенностью людей, языкомъ, можетъ помѣряться съ природой въ дѣлѣ нашего развитія. Однако, что я говорю? является форма, въ которой человѣкъ, по волѣ Творца, долженъ вырвать обученіе человѣческаго рода изъ

рукъ слѣпой, физической природы, чтобы отдать его въ руки лучшихъ силъ, развиваемыхъ имъ въ себѣ въ теченіе тысячелѣтій; является форма, въ которой человѣческій родъ, самостоятельно, какъ человѣкъ, можетъ дать развитію своей силы болѣе опредѣленное и болѣе обширное направленіе и болѣе скорый ходъ, между тѣмъ какъ природа дала ему для этого развитія только силы и средства, но не руководство, котораго она никогда и не можетъ ему дать, потому что онъ—человѣкъ;—является форма, въ которой человѣкъ можетъ все это дѣлать, не нарушая возвышеннаго и простого дѣла физической природы, той гармоніи, которая бываетъ въ одномъ только физическомъ нашемъ развитіи, и ни на волосъ не лишая хоть какую-нибудь часть насъ самихъ той же заботы, которую оказываетъ ему мать природа въ одномъ лишь физическомъ его развитіи.

Всего этого слѣдуетъ достигнуть при помощи самаго совершеннаго грамматическаго искусства и высшей психологіи, чтобы этимъ довести до высшей степени совершенства механизмъ естественнаго перехода отъ смутныхъ наблюденій къ яснымъ понятіямъ. Этого достигнуть въ концѣ концовъ я не могу, и въ этомъ отношеніи я серьезно чувствую, что я гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Но Египтянинъ, который впервые привязалъ быку на рога согнутую лопату и такимъ образомъ научилъ его работѣ копающаго человѣка, тѣмъ самымъ подготовилъ изобрѣтеніе плуга, хотя и не довелъ его до совершенства.

Моя заслуга состоитъ только въ томъ, что я первый согнулъ лопату и ея силу приладилъ къ новому рогу. Но зачѣмъ я говорю сравненіями? Я смѣю и долженъ высказать свое настоящее желаніе прямо, безъ обиняковъ.

Я хочу вырвать школьное обученіе и у отжившаго порядка, старыхъ, заикающихся учителей—слугъ, и у новѣйшей разслабленности, даже не замѣняющей этихъ послѣднихъ для общаго народнаго обученія, и связать его съ потрясенной силой самой природы и съ свѣтомъ, который Богъ зажигаетъ и вѣчно поддерживаетъ въ сердцахъ отцовъ и матерей, съ интересомъ родителей къ тому, чтобы ихъ дѣти были пріятны и Богу, и людямъ.

Для того же, чтобы опредѣлить форму обученія языку, или

скорѣе различныя формы, посредствомъ которыхъ можно достигнуть цѣли этого обученія, т. е. посредствомъ которыхъ мы должны добиться того, что станемъ опредѣленно выражаться о предметахъ, ставшихъ намъ извѣстными, и обо всемъ, что мы можемъ въ нихъ узнать, мы должны спросить себя:

a) въ чемъ заключается для человѣка главная цѣль языка?

b) какое есть средство, или скорѣе, какой путь, которымъ сама природа ведетъ насъ къ этой цѣли при постепенномъ развитіи языкознанія?

A) Главная цѣль, достигаемая способностью рѣчи, очевидна: вести человѣческій родъ отъ неясныхъ наблюденій къ яснымъ понятіямъ;

B) средства, при помощи которыхъ она постепенно приводитъ насъ къ этой цѣли, безспорно слѣдующія:

1) Мы познаемъ какой-либо предметъ вообще и называемъ его, какъ нѣчто цѣлое,—какъ предметъ.

2) Постепенно мы узнаемъ его признаки и научаемся ихъ называть.

3) При помощи рѣчи мы получаемъ возможность точнѣе опредѣлять эти качества предмета глаголами и нарѣчіями и выяснять самимъ себѣ перемѣну, происходящую въ нихъ измѣненіемъ значенія самихъ словъ и ихъ совокупностью.

Относительно усилій выучиться называть предметы я объяснился выше, а усилія познакомить ребенка съ отличительными признаками предметовъ и съ ихъ наименованіями раздѣляются:

1) на усилія научить ребенка опредѣленно выражаться относительно числа и формы; (число и форма, какъ настоящія основныя качества всѣхъ вещей, есть два самыя полныя отвлеченныя обобщенія физической природы, и сами по себѣ являются тѣми 2 мя пунктами, къ которымъ примыкаютъ всѣ остальныя средства для уясненія нашихъ понятій).

2) на усилія научить ребенка опредѣленно выражаться не относительно однихъ числа и формы, но и относительно всѣхъ остальныхъ особенностей предметовъ (какъ относительно тѣхъ, которыя познаются посредствомъ 5-ти чувствъ, такъ и относительно тѣхъ, которыя познаются не путемъ простого наблюденія, а путемъ нашихъ способностей—воображенія и сужденія). Первыя физическія обобщенія, выдѣлять которыя изъ числа остальныхъ

качествъ предметовъ посредствомъ пяти чувствъ мы научились послѣ опыта цѣлыхъ тысячелѣтій, число и форма, должны быть сначала представлены ребенку для болѣе быстраго ознакомленія съ ними не просто какъ особенности, присущія тому или другому предмету, а какъ физическія обобщенія. Не только слѣдуетъ рано умѣть называть какой-либо круглый и четыреугольный предметъ круглымъ и четыреугольнымъ, но надо, если возможно, еще прежде усвоить себѣ понятіе круглаго, четыреугольнаго,— какъ чисто абстрактное понятіе, чтобы можно было все, что встрѣтится въ природѣ круглаго, четыреугольнаго, простого, четверного и т. п., отнести къ опредѣленному слову, выражающему это понятіе вообще; и здѣсь на ряду съ этимъ обнаруживается также причина, почему на языкъ смотрятъ, какъ на средство выражать число и форму, помимо и независимо отъ того, что на него смотрятъ, какъ на средство выражаться относительно всѣхъ остальныхъ качествъ, которыя 5 чувствъ даютъ намъ замѣтить въ существующихъ въ природѣ предметахъ.

Вслѣдствіе этого я уже въ книгѣ для перваго возраста начинаю наводить дѣтей на точное пониманіе этихъ обобщеній. Эта книга представляетъ и подробный обзоръ самыхъ обыкновенныхъ формъ, и простѣйшія средства для того, чтобы сдѣлать для ребенка понятными самыя основныя числовыя отношенія.

Дальнѣйшіе же шаги къ этой цѣли слѣдуетъ отложить на будущее время, примѣняясь къ упражненіямъ въ рѣчи; кромѣ того, они находятся въ связи съ спеціальными занятіями числомъ и формой.

Рисунки въ начальной книгѣ для этого обученія въ книгѣ матерей или для первоначальнаго возраста, при всемъ своемъ смѣшеніи, такъ выбраны, что тамъ выражены словами всѣ виды физическихъ обобщеній, которые намъ извѣстны, благодаря нашимъ пяти чувствамъ, и дана возможность матерямъ безъ всякаго труда сдѣлать доступными для ребенка самыя точныя выраженія для ихъ обозначенія. Отсюда относительно предметовъ, которые становятся намъ извѣстными непосредственно при помощи нашихъ 5 чувствъ и относительно которыхъ, поэтому, слѣдуетъ стараться какъ можно скорѣе довести ребенка до умѣнья опредѣленно выражать ихъ, я принимаю слѣдующія мѣры. Я выбираю изъ словаря имена существительныя, отличающіяся

выдающимися признаками, которыя мы распознаемъ въ нихъ посредствомъ нашихъ 5 чувствъ, и прибавляю къ нимъ прилагательныя, которыя выражаютъ ихъ признаки, напр.

Угорь—гладкій, червеобразный, крѣпкокожій;

Падаль—безжизненная, дурно пахнущая;

Вечеръ—тихій, ясный, холодный, дождливый;

Ось—крѣпкая, непрочная, грязная;

Поле—песчаное, глинистое, засѣянное, унавоженное, плодоносное, доходное, недоходное.

Затѣмъ я измѣняю пріемъ: такимъ же образомъ ищу въ словарѣ имена прилагательныя, выражающія выдающіеся признаки предметовъ, которые познаются при помощи нашихъ чувствъ, и прибавляю къ нимъ существительныя, которымъ свойственны обозначенные прилагательными признаки, напр.:

Круглый—ядро, шляпа, солнце, луна,

Легкій—перо, пухъ, воздухъ;

Тяжелый—золото, свинецъ, дубъ;

Теплый—печь, лѣтніе дни;

Высокій—башни, горы, великаны, деревья;

Глубокій—моря, озера, погреба, ямы;

Мягкій—мясо, воскъ, масло;

Гибкій—стальное перо, китовый усъ и т. п.

Я вовсе, впрочемъ, не стараюсь многочисленностью этихъ пояснительныхъ примѣровъ уменьшить у ребенка самостоятельное мышленіе,—напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ даю ему лишь немногіе, но вполнѣ понятные для него примѣры и затѣмъ тотчасъ же спрашиваю: „не знаешь ли еще чего-нибудь подобнаго?“ Въ большинствѣ случаевъ дѣти находятъ новые примѣры въ предѣлахъ своего опыта и очень часто такіе, которые и въ голову не пришли бы учителю; и вотъ такимъ-то образомъ расширяются и выясняются ихъ познанія, чего невозможно было бы достигнуть посредствомъ катехизаціи, а если и возможно, то съ гораздо большими ухищреніями и трудомъ.

При всякой катехизаціи ребенокъ связанъ отчасти рамками тѣхъ или другихъ понятій, о которыхъ его спрашиваютъ, отчасти формой, въ какой задаются ему вопросы, наконецъ, рамками учительскихъ познаній и, что еще больше, рамками боязливой заботливости, какъ бы не вывести его изъ искусственной колеи.

Другъ! сколько страшныхъ для ребенка рамокъ, которыя совсѣмъ исчезаютъ при моей методѣ!

Я долго останавливался на рѣчи, какъ на средствѣ постепенно выяснять наши понятія. Но рѣчь есть и самое главное изъ этихъ средствъ. Мой способъ обученія въ этомъ отношеніи особенно отличается тѣмъ, что больше, чѣмъ когда-либо прежде, пользуется рѣчью въ качествѣ средства возвысить ребенка отъ неясныхъ наблюденій до опредѣленныхъ понятій. Съ другой стороны, этотъ способъ имѣетъ преимущество по отношенію къ правилу исключать изъ первоначальнаго обученья всѣ сочетанія словъ, предполагающія предварительное настоящее знаніе языка. Кто согласенъ съ тѣмъ, что природа только посредствомъ ясныхъ частностей ведетъ къ пониманію цѣлаго, тотъ согласится также и съ слѣдующимъ: слова, каждое въ отдѣльности, должны быть ясны для ребенка, прежде чѣмъ можно будетъ сдѣлать ихъ понятными для него въ совокупности,—а кто съ этимъ согласенъ, тотъ разомъ долженъ отбросить всѣ прежніе элементарные учебники, какъ таковые, потому что они предполагаютъ въ ребенкѣ знаніе языка, прежде чѣмъ сами дадутъ ему послѣднее.

Замѣчательно, что даже самый лучшій учебникъ прошедшаго вѣка забывалъ, что надо научать ребенка говорить, прежде чѣмъ можно будетъ съ нимъ разговаривать; замѣчательна эта забывчивость, но это вѣрно, и съ тѣхъ поръ какъ я знаю это, я больше не удивляюсь, что изъ дѣтей можно сдѣлать иныхъ людей, нежели тѣ, у которыхъ и благочестіе, и мудрость предковъ настолько забыты, что они говорятъ съ дѣтьми о многихъ и разнообразныхъ предметахъ, прежде чѣмъ тѣ будутъ въ состояніи говорить. Рѣчь есть искусство, громадное искусство, или, скорѣе, совокупность всѣхъ искусствъ, которыя стали достояніемъ человѣческаго рода. Она есть собственно отраженіе всѣхъ впечатлѣній, произведенныхъ на человѣческій родъ природой во всемъ ея объемѣ. Итакъ, я пользуюсь рѣчью и, по указанію произнесенныхъ звуковъ, стараюсь снова вызвать у ребенка самыя впечатлѣнія, которыя создали у людей эти звуки или послужили къ нимъ поводомъ. Даръ рѣчи самъ по себѣ громаденъ, и благодаря все возрастающему усовершенствованію его, становится съ каждымъ днемъ все больше. Рѣчь мгновенно даетъ что-либо ребенку, а природѣ нужны были вѣка, чтобы дать это человѣку. Говорятъ

о быкѣ: „чѣмъ бы онъ былъ, если бы зналъ свою силу?“ а я говорю о человѣкѣ: чѣмъ бы онъ былъ, если бы вполнѣ зналъ искусство рѣчи и вполнѣ имъ пользовался?

Великъ тотъ пробѣлъ, который въ заблужденіяхъ, называемыхъ нами человѣческимъ развитіемъ, возникъ изъ того, что мы слишкомъ забыли себя въ этомъ отношеніи и не только ничего не сдѣлали для того, чтобы научить простой народъ говорить, но даже заставили народъ, не умѣющій говорить, витать въ абстрактныхъ понятіяхъ и, научая его твердить наизусть пустыя слова, выражающія эти понятія, заставили его думать, что онъ, благодаря этому, получаетъ настоящее понятіе о вещахъ и истинахъ.

Индійцы, по правдѣ сказать, ничего не могли сдѣлать больше для того, чтобы вѣчно держать низшій классъ своего народа въ идолопоклонствѣ, а вслѣдствіе этого держать этотъ классъ, какъ расу, обреченную на жертву ихъ идоламъ и черезъ это глубоко приниженную. Мнѣ указываютъ на фактъ неумѣнья говорить въ нашемъ простонародьи и на его заблужденія вслѣдствіе мнимаго изученія рѣчи. Я сошлюсь на всѣхъ духовныхъ, на всѣхъ властей, на всѣхъ людей, живущихъ среди того народа, которому, при полномъ пренебреженіи имъ, еще представляютъ такой извращенный образецъ отеческой (повидимому) заботливости объ изученіи рѣчи:—всякій, кто живетъ среди такого народа, выступи впередъ и свидѣтельствуй: не испыталъ ли онъ, какъ трудно внушить какое-либо понятіе этимъ несчастнымъ существамъ? Но относительно этого всѣ согласны. „Да, да,“ говорили духовныя лица: „это такъ; когда они приходятъ къ намъ и намъ приходится ихъ учить, то оказывается, что ни они не понимаютъ нашихъ словъ, ни мы ихъ отвѣтовъ; и такъ мы ни на шагъ не подвигаемся съ ними впередъ, пока они не выучатъ наизусть то, что должны отвѣчать на наши вопросы.“ Точно также говорятъ судьи: „хотя правда и на ихъ сторонѣ, а все таки невозможно растолковать кому-либо изъ нихъ ихъ право.“ Городскія болтушки, попадая въ деревню, приходятъ въ ужасъ передъ нѣмотою этихъ людей и говорятъ: „надо годами держать ихъ у себя въ дому, прежде чѣмъ явится возможность добиться, чтобы они хоть начали правильно исполнять то изъ домашней службы, что надо исполнить при помощи словъ.“ Гражданскіе болтуны, привыкшіе

что-нибудь говорить и болтать за столомъ, считаютъ самыхъ умныхъ и талантливыхъ изъ числа подобныхъ людей гораздо глупѣе себя, хотя бы сами были очень глупы; и злодѣи всякой масти кричатъ, каждый съ свойственными ему ужимками: „слава Богу, что это такъ! всѣ дѣла, которыми мы занимаемся, пошли бы гораздо хуже, если бы въ этомъ отношеніи было иначе.“

Форма.

Ученью о формѣ предшествуетъ умѣнье наблюдать вещи опредѣленной формы, а искусство изображать ихъ, примѣненное къ дѣлу преподаванія, само должно вытекать частью изъ природы наблюдательной способности, частью же изъ извѣстныхъ цѣлей самаго обученія.

Вся сумма нашего знанія пріобрѣтается:

a) При посредствѣ впечатлѣній отъ всего того, съ чѣмъ случай приводитъ въ соприкосновеніе наши пять чувствъ. Этотъ способъ наблюденія—безпорядоченъ, смутенъ и обладаетъ ограниченнымъ и очень медленнымъ ходомъ.

b) При посредствѣ всего того, что предлагается чувствамъ искусственно, при помощи нашихъ родителей и учителей.

Наблюденія по этому способу, смотря, конечно, по степени ума и дѣятельности родителей и учителей каждаго ребенка, болѣе обширны, болѣе связаны и расположены болѣе или менѣе психологически; сообразно съ этимъ они производятся болѣе или менѣе быстро и болѣе или менѣе скоро достигаютъ цѣли всякаго обученія, т.-е. уясненія понятій.

c) При помощи собственнаго стремленія (основывающагося на побужденіи всѣхъ моихъ силъ) пріобрѣтать убѣжденія, познанія и ловкость, и самостоятельно добиваться различныхъ способовъ производить наблюденія. Знанія, получаемыя отъ такого рода наблюденій, придаютъ нашимъ убѣжденіямъ внутреннюю цѣнность и дѣлаютъ насъ болѣе способными къ нравственному воздѣйствію на свое образованіе, давая возможность результатамъ нашихъ наблюденій свободнѣе существовать въ насъ самихъ.

d) Благодаря усиліямъ и работѣ по своей спеціальности, а также благодаря всякой дѣятельности, имѣющей въ виду не одни только наблюденія, этотъ способъ пріобрѣтать познанія приво-

дитъ мои наблюденія въ связь съ моимъ положеніемъ и отношеніями, согласуетъ ихъ результаты съ моими усиліями по отношенію къ долгу и добродѣтели, и производитъ значительнѣйшее вліяніе на правильность, систематичность и гармонію моихъ взглядовъ, а тѣмъ самымъ содѣйствуетъ достиженію своей цѣли: ясности понятій.

е) Наконецъ, и тотъ случай можно отнести къ знанію, получаемому посредствомъ наблюденія, когда оно знакомитъ меня съ свойствами и такихъ вещей, которыя, собственно, никогда не были предметомъ моихъ наблюденій, но понятіе о которыхъ я получаю посредствомъ отвлеченія отъ другихъ, сходныхъ съ ними предметовъ, которые мнѣ удалось наблюдать.

Этотъ способъ наблюденія обращаетъ мой успѣхъ въ пріобрѣтеніи познаній, который, какъ результатъ дѣйствительныхъ наблюденій, есть только дѣло моихъ чувствъ, въ дѣло моей души и всѣхъ ея силъ, и, благодаря этому, я живу среди столькихъ же видовъ наблюденій, сколько у меня душевныхъ силъ.

Изъ знаній, получаемыхъ путемъ наблюденій надъ предметами опредѣленной формы, слагается искусство измѣренія.

Это искусство основывается непосредственно на искусствѣ наблюденія, которое собственно слѣдуетъ отличать отъ простой познавательной способности, равно какъ и отъ простыхъ способовъ производить наблюденія надъ предметами. Изъ этого искусственнаго наблюденія затѣмъ развиваются всѣ части искусства измѣренія и всѣ его послѣдствія. Но эта же способность наблюдать посредствомъ сравненія предметовъ приводитъ насъ, не говоря уже о правилахъ измѣрительнаго искусства, къ свободному подражанію этимъ пропорціямъ, т. е. къ искусству рисованія; и, наконецъ, мы пользуемся умѣніемъ рисовать еще въ искусствѣ чистописанія.

Лебединая пѣснь.

(1826 г.)

Равновѣсіе силъ, безусловно требуемое для идеи элементарнаго образованія, требуетъ въ свою очередь естественнаго развитія каждой изъ отдѣльныхъ основныхъ силъ нашей природы. Каждая изъ нихъ развивается на основаніи вѣчныхъ, неизмѣн-

ныхъ законовъ, и ихъ развитіе только тогда можно назвать естественнымъ, когда оно находится въ согласіи съ вѣчными законами нашей природы. Всякій разъ, какъ оно становится въ противорѣчіи съ этими законами, оно дѣлается неестественнымъ и даже противоестественнымъ. Законы, лежащіе въ основѣ естественнаго развитія каждой отдѣльной изъ нашихъ силъ, сами по себѣ существенно различны. Человѣческій умъ вовсе не получаетъ естественнаго развитія, если развивается по законамъ, по которымъ человѣческая душа доводитъ свои силы до чистѣйшей высоты; и законы, по которымъ естественно развиваются наши чувства и члены, также существенно отличаются отъ тѣхъ, которые въ состояніи дать правильное развитіе силамъ нашей души и ума.

Но каждая изъ этихъ отдѣльныхъ силъ естественно развивается, собственно говоря, лишь посредствомъ простого упражненія. Человѣкъ естественно развиваетъ свою нравственную жизнь, любовь и вѣру лишь посредствомъ дѣлъ любви и вѣры.

Точно также человѣкъ развиваетъ свои умственныя способности, способность мышленія, лишь посредствомъ самаго факта мышленія.

И внѣшнія основы своихъ художественныхъ и профессіональныхъ способностей, свои чувства, органы и члены, онъ естественно развиваетъ лишь посредствомъ ихъ упражненія. И сама природа каждой изъ этихъ силъ побуждаетъ человѣка упражнять ихъ. Глазъ хочетъ смотрѣть, ухо—слышать, нога ходить и рука хватать. Но также и сердце хочетъ вѣрить и любить. Умъ хочетъ мыслить. Въ каждой способности человѣка заключается стремленіе выйти изъ состоянія безжизненности и неловкости и стать развитой силой, которая въ неразвитомъ видѣ находится въ насъ лишь какъ зародышъ силы, а не какъ сама сила.

Но какъ у ребенка, не умѣющаго еще ходить, внезапно уменьшается охота ходить, если онъ падаетъ при первой попыткѣ, такъ уменьшается въ немъ охота вѣрить, если его царапаетъ кошка, къ которой онъ протягиваетъ рученку, а собаченка, до которой онъ хочетъ дотронуться, начинаетъ лаять на него и показываетъ зубы. Точно также неизбѣжно уменьшается охота на дѣлѣ развивать мыслительную способность путемъ ея упражненія, если средства, при помощи которыхъ хотятъ научить человѣка мыслить, не возбуждаютъ эту способность, а обременяютъ ее, и

скорѣе усыпляютъ и смущаютъ, нежели пробуждаютъ и оживляютъ ее совокупными усиліями. Если усилія, дѣлаемыя природой для развитія человѣческихъ силъ, оставить безъ помощи, то они медленно освобождаютъ людей отъ чувственно-животныхъ свойствъ, которыя имъ мѣшаютъ. Если природа должна добиться развитія въ человѣкѣ человѣческихъ свойствъ, то въ этомъ случаѣ она предполагаетъ съ одной стороны помощь просвѣщенной любви, зародышъ которой, въ видѣ инстинкта, находится въ родительскихъ и братскихъ чувствахъ человѣка, съ другой—предполагаетъ просвѣщенное пользованье искусствомъ, которое человѣческій родъ пріобрѣлъ вѣками опыта.

Итакъ, идея элементарнаго образованія, если опредѣлить ее точнѣе, есть не что иное, какъ результатъ стремленій человѣческаго рода оказать дѣлу природы въ развитіи нашихъ способностей и силъ помощь, которую можетъ ему дать просвѣщенная любовь, развитой умъ и просвѣщенное эстетическое чувство человѣческаго рода.

Какъ ни святъ и божественъ въ своихъ основахъ естественный ходъ развитія человѣческаго рода, все-таки послѣдній, предоставленный самому себѣ, сначала живетъ лишь животной жизнью. Заботою нашего рода, цѣлью идеи элементарнаго образованія, цѣлью благочестія и мудрости должно быть призваніе его къ человѣческой и божественной жизни.

Если мы теперь разсмотримъ ближе эту точку зрѣнія въ нравственномъ, умственномъ, семейномъ и гражданскомъ отношеніи и спросимъ себя, какъ фактически и естественно развиваются въ людяхъ основанія нравственной жизни—любовь и вѣра, и какъ первые ростки нашихъ нравственныхъ и религіозныхъ свойствъ, подъ вліяніемъ человѣческой заботы и человѣческаго искусства, съ самаго рожденія ребенка естественно развиваются, поддерживаются и укрѣпляются въ своемъ ростѣ, то найдемъ: первые ростки нравственныхъ силъ младенца съ самаго рожденія естественно оживляются и развиваются правильнымъ и спокойнымъ удовлетвореніемъ его физическихъ потребностей; святая материнская забота и появившаяся въ немъ въ видѣ инстинкта внимательность къ мгновенному удовлетворенію каждой потребности, неудовлетвореніе которой способно матеріально обезпокоить ребенка,—вотъ что мы должны признать первой, но существенной

подготовкой и началомъ того состоянія, въ которомъ развиваются чувственные ростки довѣрія къ источнику этого удовлетворенія и вмѣстѣ съ этимъ первые ростки любви къ нему; изъ этихъ первыхъ чувственныхъ ростковъ довѣрія и любви являются и развиваются также первые чувственные ростки нравственности и религіозности.

Поэтому сохраненіе спокойствія и удовлетворенности въ младенцѣ и пользованье этимъ для оживленія еще дремлющихъ зародышей чувствъ, въ которыхъ заключается различіе между нами и всякаго рода другими существами, не принадлежащими къ людямъ, существенно важны при воспитаніи людей для развитія чисто человѣческихъ свойствъ.

Всякое безпокойство, нарушающее въ этотъ періодъ растительную жизнь ребенка, полагаетъ основу для оживленія и укрѣпленія всѣхъ побужденій и требованій нашей физической, животной природы и для ослабленія естественнаго развитія тѣхъ способностей и силъ, которыя составляютъ отличительную особенность людей.

Самая первая и живая забота о сохраненіи этого спокойствія въ самую раннюю эпоху жизни ребенка самой природой вложена въ сердце матери. Она выражается у людей въ присущей имъ материнской энергіи и материнской преданности. Отсутствіе этой энергіи и этой преданности есть дѣло не естественное для матери; это есть слѣдствіе противоестественной порчи материнскаго сердца. Гдѣ это случается, тамъ и дѣйствительное присутствіе отцовской силы, присутствіе развивающаго братскаго чувства, а вмѣстѣ съ этимъ главнѣйшія и чистѣйшія образовательныя средства семейной жизни остаются въ забросѣ и вслѣдствіе этого погибаютъ. Зародышъ и сущность его вытекаетъ изъ существованія материнской силы и материнской привязанности; и какъ забота о спокойствіи ребенка въ первую эпоху его жизни вообще мыслима лишь при существованіи этой силы и этой преданности, такъ сохраненіе этой силы и преданности мыслимо лишь путемъ постояннаго естественнаго развитія его нравственной силы.

Отличительныя свойства человѣка развиваются лишь въ спокойствіи. Безъ него любовь теряетъ всю свою силу, истинность и благотворное дѣйствіе. Волненіе есть въ сущности порожденіе матеріальныхъ страданій или матеріальныхъ удовольствій; оно

есть или порожденіе злой нужды, или еще болѣе злого эгоизма; во всякомъ случаѣ, оно есть мать эгоизма, невѣрія и всѣхъ послѣдствій, по своей природѣ происходящихъ отъ эгоизма и невѣрія.

Какъ важна забота о спокойствіи ребенка и обезпечивающихъ это спокойствіе материнской силы и преданности, такъ же важна она въ этотъ періодъ его жизни для предохраненія его отъ всякаго матеріальнаго побужденія къ волненію.

Эти побужденія происходятъ и отъ недостатка любовной заботы объ удовлетвореніи истинныхъ матеріальныхъ потребностей его, и отъ изобилія безполезныхъ, возбуждающихъ животный эгоизмъ физическихъ удовольствій. Если мать часто и безъ толку не бываетъ съ груднымъ ребенкомъ, зовущимъ ее, и ему, лежащему въ скукѣ съ чувствомъ потребности, которую она должна удовлетворить, часто и по долгу приходится ожидать ее, ожидать до тѣхъ поръ, пока это чувство не обратится у него въ страданіе, нужду и боль, то въ такомъ случаѣ въ немъ въ высшей степени развивается и оживаетъ зародышъ дурного волненія и всѣхъ его послѣдствій. Запоздалое удовлетвореніе его потребностей въ такомъ случаѣ болѣе не можетъ, какъ слѣдуетъ, естественно развить и оживить святые зародыши любви и довѣрія къ матери. Первый зародышъ животнаго одичанія, злое безпокойство, выступаетъ тогда въ ребенкѣ вмѣсто порождаемаго удовлетвореніемъ спокойствія, при которомъ только естественно и развиваются зародыши любви и довѣрія.

Вызванное въ ребенкѣ безпокойство въ первые же дни неизбѣжно развиваетъ въ немъ первые зародыши возмущенныхъ чувствъ матеріальнаго, физическаго эгоизма и склонность къ животному насилію, а вмѣстѣ съ нимъ ядъ безнравственнаго, безбожнаго мірскаго духа, незнающаго и отрицающаго духовную, божественную сущность людей.

Ребенокъ, въ душѣ возмущенный своимъ страданьемъ, происходящимъ отъ недостаточнаго удовлетворенія его потребностей со стороны матери, бросается, какъ голодный и жаждущій звѣрь, на грудь матери, около которой ему слѣдовало бы лежать человѣчески радостно, лишь слегка чувствуя потребность. Отчего бы ни происходилъ для ребенка недостатокъ нѣжной материнской руки и улыбающихся очей,—во всякомъ случаѣ, и въ его взорѣ, и на его устахъ не является улыбка и ласковость, которыя такъ

естественны въ немъ въ его спокойномъ состояніи. Этого перваго проявленія пробуждающейся человѣческой жизни недостаетъ у взволнованнаго ребенка; напротивъ, въ немъ являются всѣ признаки безпокойства и недовѣрія, которыя затормозятъ любовь и вѣру при первомъ же ихъ появленіи, смутятъ ихъ и, такимъ образомъ, создадутъ ребенку затрудненіе при первомъ же развитіи способностей, свойственныхъ человѣку.

Но избытокъ у ребенка матеріальныхъ удовольствій, въ которыхъ онъ не чувствуетъ никакой потребности въ спокойномъ состояніи, не возбужденномъ неестественно въ матеріальномъ отношеніи, губитъ благо святого покоя, при которомъ естественно развиваются зародыши любви и довѣрія, и напротивъ, порождаетъ несчетное физическое безпокойство и послѣдствія его: недовѣріе и насилія.

Богатая дура (какого бы ни была она сословія), ежедневно пичкающая своего ребенка матеріальными удовольствіями, сообщаетъ ему животное, неестественное стремленіе къ наслажденіямъ, которыя не имѣютъ никакого дѣйствительнаго основанія въ настоящихъ потребностяхъ человѣческой природы, а скорѣе могутъ впослѣдствіи оказать непреодолимое препятствіе прочному ихъ удовлетворенію, уже съ колыбели губя, путая и ослабляя его силы, въ которыхъ онъ въ продолженіе своей жизни неизбѣжно будетъ нуждаться для вѣрнаго и самостоятельнаго удовлетворенія этихъ потребностей, и вслѣдствіе этого легко и почти неизбѣжно вырождаясь въ немъ въ источникъ все возрастающихъ безпокойствъ, заботъ, страданій и насилій.

Истинная материнская забота о первомъ, чистомъ пробужденіи человѣческихъ чувствъ въ ребенкѣ, изъ которыхъ, говоря прямо, происходитъ его высшая нравственность и религіозность, ограничиваетъ ея стараніе дѣйствительнымъ удовлетвореніемъ его истнныхъ потребностей. Просвѣщенная и мыслящая мать живетъ для своего ребенка въ служеніи его любви, а не въ службѣ его капризу и его животно-возбужденному и развитому эгоизму.

Такимъ путемъ вліяніе материнской силы и привязанности естественно развиваетъ у младенца первые слѣды любви и вѣры, и въ тоже время способно подготовить и укрѣпить благотворное вліяніе отцовской силы, братскаго чувства, и такимъ образомъ постепенно распространить чувство любви и довѣрія на всю об-

ласть семейной жизни. Матеріальная любовь и матеріальное довѣріе къ матери такимъ путемъ возвышается до степени человѣческой любви и человѣческаго довѣрія къ людямъ. Исходя изъ любви къ матери, ребенокъ выражаетъ любовь къ отцу, къ сестрамъ и довѣріе къ нимъ. Кругъ человѣческой любви и человѣческой вѣры въ ребенкѣ все болѣе расширяется. Кого любитъ мать, того любитъ и ея ребенокъ. Кому мать довѣряетъ, тому и онъ довѣряетъ. Если даже мать говоритъ о чужомъ человѣкѣ, котораго онъ еще никогда не видалъ: „онъ любитъ тебя, ты долженъ ему довѣрять", „онъ добрый человѣкъ, дай ему ручку", онъ улыбается ему и охотно протягиваетъ ему свою ручку.

Точно также, если она скажетъ ему: „въ дальнихъ странахъ у тебя есть дѣдушка, который тебя любитъ", онъ и вѣритъ въ его любовь, и онъ охотно говоритъ съ матерью о дѣдѣ. И если она говоритъ ему: „у меня есть Отецъ Небесный, отъ котораго исходитъ все то доброе, что мы съ тобой имѣемъ", то, по слову матери, ребенокъ будетъ вѣрить въ Небеснаго Отца. И когда она, какъ христіанка, молится Ему, читаетъ библію, вѣритъ въ духъ любви, господствующей въ ея словахъ, и одушевляется имъ, то и ребенокъ охотно молится вмѣстѣ съ матерью ея Небесному Отцу, вѣритъ въ слова Его любви, духъ которыхъ онъ привыкаетъ узнавать въ поступкахъ матери уже во время своего младенчества. Такимъ образомъ ребенокъ, подъ руководствомъ своей матери, естественно переходитъ отъ физическаго довѣрія и любви къ любви и довѣрію къ людямъ, а отъ нихъ къ чистому чувству истинной христіанской вѣры и истинной христіанской любви: этимъ же самымъ путемъ идея элементарнаго образованія старается сдѣлать своею цѣлью стремленіе съ самой колыбели дать чисто-человѣческое основаніе нравственной и религіозной жизни ребенка.

Я иду дальше и спрашиваю себя: какимъ путемъ естественно развиваются въ людяхъ основы умственной жизни человѣка, основы его мыслительной способности, его размышленія, изслѣдованія и сужденія? Мы находимъ, что развитіе нашей мыслительной способности исходитъ изъ впечатлѣнія, производимаго на насъ наблюденіемъ надъ всѣми предметами, которые, касаясь нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ чувствъ, этимъ самымъ возбуждаютъ и

оживляютъ присущее нашей умственной способности стремленіе къ саморазвитію.

Это наблюденіе, соединенное съ стремленіемъ нашего мышленія къ саморазвитію, по самой природѣ своей прежде всего приводитъ къ сознанію того впечатлѣнія, которое произвели на насъ предметы наблюденія. Этимъ самымъ оно неизбѣжно производитъ чувство потребности выразить тѣ впечатлѣнія, которыя произведены нашимъ наблюденіемъ, и прежде всего чувство потребности говорить, и развитіе этой способности тотчасъ же дѣлаетъ излишнимъ употребленіе въ этомъ случаѣ мимики.

На эту способность рѣчи, существенно необходимую для развитія мыслительной способности людей, слѣдуетъ смотрѣть главнымъ образомъ, какъ на силу, помогающую человѣческой натурѣ въ томъ, чтобы сдѣлать для насъ плодотворными и общими познанія, пріобрѣтенныя наблюденіемъ. Съ самаго начала она естественно развивается лишь въ прочной связи съ возрастаніемъ и расширеніемъ человѣческихъ знаній, почерпнутыхъ изъ наблюденія, и вообще, эти послѣднія ей предшествуютъ. Человѣческій родъ не можетъ о чемъ-либо иначе говорить, какъ такъ, какъ онъ это узналъ. Что онъ узналъ поверхностно, о томъ и говоритъ онъ поверхностно; что онъ узналъ неправильно, о томъ и говоритъ неправильно, и что въ этомъ случаѣ съ самаго начала было истиннымъ знаніемъ, то и теперь еще остается правильнымъ. Естественное изученіе родного и всякаго другого языка связано съ знаніями, пріобрѣтенными посредствомъ наблюденія, и естественный порядокъ при изученіи и того и другого долженъ въ главныхъ чертахъ находиться въ согласіи съ тѣмъ естественнымъ порядкомъ, по которому впечатлѣнія отъ нашихъ наблюденій превращаются въ знаніе. Если мы обратимъ вниманіе на эту точку зрѣнія въ отношеніи къ изученію родного языка, то найдемъ, что подобно тому какъ всѣ отличительныя и чисто человѣческія свойства лишь медленно и постепенно развиваются изъ животнаго элемента нашей матеріальной природы, изъ котораго они происходятъ, такъ и въ родномъ языкѣ, какъ органъ рѣчи, такъ и познаніе самого языка развиваются долго и постепенно. Ребенокъ до тѣхъ поръ не можетъ говорить, пока не разовьется его органъ рѣчи. Но первоначально онъ почти ничего не знаетъ, а слѣдовательно, у него не можетъ быть же-

ланія о чемъ-либо говорить. Его желаніе и способность говорить являются лишь по мѣрѣ пріобрѣтенія познаній, а они пріобрѣтаются постепенно, чрезъ наблюденіе. Природа иного пути не знаетъ для того, чтобы научить младенца говорить, и искусство должно, въ своемъ стремленіи къ той же цѣли, идти вмѣстѣ съ нею той же длинной дорогой, но въ то же время сопровождать и стараться подстрекать его всѣми приманками, которыя для него заключаются въ самомъ появленіи окружающихъ его предметовъ и въ впечатлѣніи отъ звуковъ различныхъ тоновъ, на которые способенъ органъ рѣчи. Для того, чтобы научить ребенка говорить, мать должна заставить саму природу дѣйствовать на ребенка при помощи всего того, что есть привлекательнаго для его органовъ въ слухѣ, зрѣніи и осязаніи. Какъ скоро будетъ пробуждено въ немъ сознаніе того, что онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ, обоняетъ и вкусъ чего онъ чувствуетъ, тогда все сильнѣе станетъ проявляться въ немъ желаніе знать выраженія для этихъ впечатлѣній и умѣть ихъ употреблять, т. е. желаніе учиться говорить объ этомъ, и все болѣе будетъ увеличиваться способность осуществлять свое желаніе. Съ этой цѣлью мать должна пользоваться и прелестью звуковъ. Если ей хочется скорѣе научить своего ребенка говорить, то она должна произносить ему звуки языка то громко, то тихо, то пѣвуче, то смѣясь и т. д., постоянно мѣняя ихъ живо, весело, и притомъ такъ, чтобы онъ непремѣнно чувствовалъ въ себѣ охоту болтать вслѣдъ за ней; точно также она должна сопровождать свои слова впечатлѣніемъ отъ предметовъ, названія которыхъ она хочетъ запечатлѣть въ памяти ребенка. Она должна представлять ему и запечатлѣвать въ немъ эти предметы въ ихъ важнѣйшихъ отношеніяхъ и въ самыхъ различныхъ и живыхъ положеніяхъ, и въ усвоеніи выраженій для этихъ предметовъ лишь по стольку идти впередъ, по скольку въ ребенкѣ сложилось уже, благодаря наблюденію, впечатлѣніе отъ этого предмета. Искусство, или скорѣе просвѣщенная материнская заботливость и материнская привязанность могутъ ускорить и оживить медленность этого естественнаго процесса въ изученіи родного языка, и задача элементарнаго образованія въ томъ и заключается, чтобы изыскать средства ускорить и оживить этотъ процессъ и затѣмъ ясно и опредѣленно представить ихъ матерямъ въ рядѣ упражненій, которыя могутъ

содѣйствовать этой цѣли. Разъ искусство сдѣлаетъ это, то, конечно, найдетъ сердца матерей открытыми для воспріятія этихъ средствъ и готовыми съ истинной любовью схватиться за нихъ и воспользоваться ими для своихъ дѣтей.

Естественное изученіе всякаго другого языка, кромѣ родного, происходитъ не такъ медленно. У ребенка, изучающаго чужой языкъ — все равно, древній или новый,—есть:

a) уже напрактиковавшіеся органы рѣчи. При изученіи каждаго чужаго языка нужно лишь усвоить своими вообще развитыми органами рѣчи нѣкоторые немногіе оригинальные звуки этихъ языковъ.

b) въ томъ возрастѣ, въ которомъ ребенокъ изучаетъ чуждые ему, новые или древніе языки, милліоны знаній, благодаря наблюденіямъ, такъ въ немъ созрѣли, что онъ въ состояніи выразить ихъ на своемъ родномъ языкѣ съ величайшей опредѣленностью. Поэтому и изученіе каждаго новаго языка есть для него въ сущности лишь изученіе искусства превращать звуки, значеніе которыхъ въ родномъ языкѣ ему извѣстно, въ звуки, которые еще незнакомы ему. На искусство облегчать мнемоническими средствами это превращеніе и облекать это въ форму психологически расположенныхъ упражненій, которыя естественно и необходимо должны имѣть своимъ послѣдствіемъ уясненіе понятій, словесное знаніе которыхъ облегчено ребенку посредствомъ мнемоники, на это искусство слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одну изъ существенныхъ задачъ идеи элементарнаго образованія. Потребность въ какомъ-либо психологическомъ обоснованіи элементарнаго ученія о языкѣ повсюду чувствуется, и я думаю, что при своихъ, уже съ полвѣка тому назадъ начатыхъ и безъ перерыва производимыхъ опытахъ съ цѣлью упростить первоначальное обученіе, я нашелъ нѣкоторыя естественныя и въ этомъ отношеніи плодотворныя средства достигнуть этой важной цѣли.

Но для того, чтобы не выпускать изъ рукъ нити моего разъясненія идеи элементарнаго образованія, я возвращаюсь къ той точкѣ зрѣнія, что умственному развитію, происходящему при помощи наблюденій, слѣдуетъ искать для себя первую искусственную помощь въ естественномъ изученіи языка: эта помощь, какъ служащая къ уясненію познаній, вытекаетъ изъ наблюденій. Умственное же развитіе, по своей природѣ, тре-

буетъ основъ, способствующихъ дальнѣйшему ходу дѣла. Оно требуетъ искусственныхъ средствъ для естественнаго развитія силъ, чтобы самостоятельно сопоставлять предметы, узнанные при посредствѣ наблюденія и ясно сознанные, раздѣлять и сравнивать ихъ, и вслѣдствіе этого возвысить до степени истинной мыслительной способности способность правильно судить о нихъ, объ ихъ сущности и второстепенныхъ качествахъ.

Эти искусственныя средства обращать возможность мышленія въ человѣческомъ родѣ въ развитую способность сужденія, изслѣдовать ея сущность, настолько ее обработать, чтобы она стала для всѣхъ пригодна и всюду примѣнима, есть въ то же время одна изъ самыхъ существенныхъ цѣлей, къ которымъ стремится идея элементарнаго образованія. И такъ какъ способность логически обработывать узнанные посредствомъ наблюденія предметы, очевидно, находитъ для себя первое и самое естественное побужденіе и поощреніе въ развитой способности считать и провѣрять, то ясно, что въ упрощенной обработкѣ ученія о числѣ и формѣ слѣдуетъ искать и признавать самое хорошее средство для достиженія этой важной цѣли человѣческаго развитія, а также и то, почему идея элементарнаго образованія признаетъ и желаетъ сдѣлать психологически обработанное и упрощенное ученіе о числѣ и формѣ, въ связи съ столь же упрощеннымъ ученіемъ о языкѣ, глубочайшей, вліятельнѣйшей общей основой для сходнаго съ естественнымъ искусственнаго развитія человѣческой способности мышленія. Если мы, затѣмъ, спросимъ себя, какъ развиваются основы этого искусства, изъ которыхъ происходятъ всѣ способы внѣшнимъ образомъ проявлять продукты человѣческаго ума и сообщать движенію человѣческой души внѣшній результатъ и дѣятельность, — основы, при помощи которыхъ должны также развиваться всѣ навыки, необходимые для семейной и общественной жизни, — то тотчасъ увидимъ, что эти основы внѣшнія и внутреннія, что онѣ физическія и духовныя; но мы увидимъ также, что внутренняя сущность развитія всякихъ художественныхъ и профессіональныхъ способностей состоитъ въ развитіи духовныхъ силъ человѣческой природы, въ развитіи способностей человѣка мыслить и судить, по самому своему существу происходящихъ отъ естественнаго развитія его способности наблюденія. Мы не можемъ не признать за правду, что кто пріученъ хорошо, т. е. естественно и въ

достаточной мѣрѣ считать и измѣрять, а также — что связано съ этимъ — чертить, тотъ въ себѣ самомъ носитъ внутреннія, существенныя основы всякаго искусства и всякаго навыка, и что ему, кромѣ этого, необходимо лишь механически развить внѣшнія силы своихъ чувствъ и членовъ въ согласіи съ своей духовно развитой силой, чтобы пріобрѣсть навыкъ въ томъ искусствѣ, которое онъ хочетъ изучить.

Значеніе и процессъ усвоенія родного языка.

Болѣе глубокое познаніе естественнаго процесса усвоенія родного языка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчная основа, и настоящій источникъ всѣхъ мнемоническихъ и психологическихъ выгодъ, посредствомъ которыхъ искусство можетъ облегчить естественное изученіе каждаго новаго языка и содѣйствовать этому изученію.

Въ своемъ вліяніи на изученіе роднаго языка природа настойчиво подчиняетъ человѣческій родъ вѣчнымъ законамъ, изъ которыхъ въ сущности вытекаетъ и должно вытекать всякое естественное обученіе языку. Въ матери естественное подчиненіе имъ проявляется инстинктивно. Мать и ребенокъ, какъ бы инстинктивно подчиняются вѣчнымъ законамъ этого естественнаго процесса; они побуждены къ этому лишь инстинктомъ. Свободное подчиненіе этимъ законамъ есть удовольствіе и радость для нихъ. Стремленіе дѣйствовать въ согласіи съ этими законами вытекаетъ изъ глубины материнской и дѣтской природы. Но въ современныхъ матеряхъ эта природа почти повсюду затемнена свѣтской порчей. По мѣрѣ того какъ эта послѣдняя побуждаетъ ихъ неестественно относиться къ своему ребенку, вмѣстѣ съ тѣмъ и законы развитія способности рѣчи теряютъ въ нихъ всякую силу. Какъ только дурная искуственность нашего времени вмѣшивается и въ развитіе познаній ребенка, пріобрѣтенныхъ имъ посредствомъ наблюденій, слѣдовательно, въ основы естественнаго изученія рѣчи, такъ процессъ изученія роднаго языка перестаетъ получать помощь отъ инстинкта.

Умѣніе естественно обучать въ современныхъ намъ матеряхъ затемнено и загублено, и въ такомъ случаѣ напрасно у ребенка присутствіе инстинкта для того, чтобы естественно воспринимать то обученіе. Эта погибель инстинктивнаго вліянія въ материн-

скомъ обученіи и воспріятіи его ребенкомъ очень важно по своимъ послѣдствіямъ. Это глубоко и во многихъ отношеніяхъ ослабляетъ и губитъ настоящую естественность всякаго дальнѣйшаго руководства ребенкомъ.

Иначе и быть не можетъ. Если мудрствованіе нашего времени уже ребенку влагаетъ въ уста слова и внѣдряетъ ихъ, какъ будто бы это были реальныя знанія, между тѣмъ какъ объ истинномъ значеніи ихъ онъ не имѣетъ никакого, ни внутренняго, ни внѣшняго представленія, то въ немъ погибаетъ сила, а вмѣстѣ съ нею и польза отъ естественаго изученія родного языка. Ученіе о языкѣ, какъ промежуточная ступень между развитіемъ наблюдательности и мыслительной способности, потеряло основаніе для своего настоящаго хода или настоящей естественности; и какъ естественное развитіе наблюдательной способности уклоняется отъ истиннаго пути, такъ и естественный ходъ изученія рѣчи ребенкомъ задерживается, путается и ослабляется даже въ самомъ началѣ изученія родного языка. И основа для естественнаго изученія каждаго другого языка, благодаря этимъ первымъ ложнымъ шагамъ въ естественномъ изученіи языка, лишается своей чистой, плодотворной силы, которая присуща ему въ неиспорченномъ, неослабленномъ состояніи. Естественный ходъ изученія каждаго чужого языка долженъ быть въ полномъ согласіи съ естественнымъ ходомъ изученія родного языка. Искать этого согласія есть цѣль настоящей человѣческой науки о языкѣ и всѣхъ ея искусственныхъ пріемовъ; и одна изъ главнѣйшихъ задачъ идеи элементарнаго образованія—помочь человѣчеству и изыскать средство, чтобы можно было предохранить его, съ этой точки зрѣнія, отъ уклоненія съ естественнаго пути.

Фактически доказано, что начатки этой высокой идеи, гдѣ они осуществлялись серьезно и въ достаточной мѣрѣ, непремѣнно содѣйствуютъ съ одной стороны оживленію и даже одушевленію матерей къ воспріятію естественнаго ученія о языкѣ, съ помощью уясненія основъ и средствъ этого ученія, а съ другой даютъ возможность, чтобы воспитанный въ этихъ принципахъ ребенокъ могъ и въ отношеніи языка передавать сестрамъ все, что въ элементарномъ видѣ достаточно имъ усвоено; слѣдовательно, ввести изученіе родного языка въ кругу своей семьи въ колею

настоящихъ средствъ, которыя помогаютъ этому изученію сдѣлаться общимъ.

Изученіе родного языка неизбѣжно начинается у ребенка съ впечатлѣнія отъ объектовъ, которые онъ чувственно узналъ посредствомъ наблюденія, и названіе которыхъ въ то-же время стало знакомо его слуху и привычно для его устъ. Къ познанію и наименованію этихъ объектовъ постепенно, но медленно примыкаетъ познаніе и наименованіе качествъ этихъ объектовъ и дѣйствій ихъ, т. е. соотвѣтствующихъ глаголовъ и опредѣлительныхъ словъ. Переходъ этого изученія рѣчи отъ объектовъ къ опредѣлительнымъ словамъ и отъ этихъ послѣднихъ къ глаголамъ не есть послѣдовательность по отношенію къ времени. Младенецъ не слышитъ имена существительныя, слова опредѣлительныя и глаголы, въ отношеніи времени, послѣдовательно и раздѣльно: онъ учитъ ихъ въ тѣсной связи, очень полезной и поучительной по отношенію къ названію и изученію рѣчи, въ фразахъ, которыя могутъ дать ему замѣтить, догадаться, постепенно все яснѣе понимать и уразумѣвать значеніе отдѣльныхъ словъ и сущность ихъ связи другъ съ другомъ во всемъ, что онъ слышитъ и говоритъ. Что въ данномъ случаѣ развиваетъ рѣчь, очевидно. Каждое отдѣльное слово какой-нибудь фразы самой совокупностью понятій, имъ выражаемыхъ, объясняетъ слова, соединенныя съ нимъ посредствомъ этой фразы, и потому и фразы въ общемъ легче удерживаются въ памяти, чѣмъ отдѣльное слово, изолированное, не сопоставленное естественнымъ образомъ ни съ какимъ другимъ; смыслъ слова каждой фразы, благодаря этому соединенію съ другими словами, получаетъ опредѣленное, хотя и одностороннее и ограниченное основаніе для своего общаго значенія. Громадныя выгоды естественнаго изученія родного языка явствуютъ далѣе и изъ того, что оно съ самаго начала распространяетъ свое вліяніе на всѣ главныя его части и частыми ихъ повтореніями все болѣе уясняетъ ихъ и пріучаетъ примѣнять ихъ. Совершенно вѣрно, что черезъ это младенцу не только дается хотя неясное, но твердое понятіе о сущности каждой опредѣленной основной части языка, но даже внѣдряются ему и дѣлаются привычными измѣненія всякаго существительнаго, прилагательнаго и мѣстоименія, т. е. измѣненія всѣхъ склоняемыхъ частей рѣчи, и то же самое происходитъ относительно всѣхъ глагольныхъ измѣ-

родному языку. Ребенокъ, который долженъ учиться у нея французскому языку, слышитъ, какъ и ребенокъ, который учится родному языку, долго, очень долго множество французскихъ словъ, произносимыхъ передъ нимъ дѣвушкой, прежде чѣмъ догадается объ ихъ смыслѣ; въ то же время присутствіе предметовъ, съ которыми знакомятъ его чувства, выставляетъ на видъ связь французскихъ словъ съ самимъ предметомъ и заставляетъ узнать слово, какъ обозначеніе этихъ предметовъ. Точно также при преподаваніи, производимомъ этой дѣвушкой, какъ и при усвоеніи родного языка, умѣнье обозначить качества и дѣйствія постепенно связывается съ умѣньемъ обозначать объекты, подлежащія; и все количество словъ, которое онъ узнаетъ отъ этой дѣвушки, усвояется имъ посредствомъ частыхъ повтореній и фразеологическихъ комбинацій. Какъ и въ родномъ языкѣ, фразеологія объясняетъ ребенку всѣ отдѣльныя части рѣчи, тѣсно связанныя другъ съ другомъ, и оживляетъ, и укрѣпляетъ впечатлѣніе, полученное отъ всѣхъ явленій, безчисленное множество разъ повторенныхъ, неодинаково и своеобразно опредѣленныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Слова изучаемаго языка и измѣненія этого усвоеннаго имъ запаса словъ отчасти становятся извѣстны ему по своему содержанію, благодаря этимъ сопоставленіямъ и повтореніямъ; отчасти становятся знакомыми по своему звуку, хотя онъ собственно не знаетъ, какъ онъ этого достигъ и, по крайней мѣрѣ, достигъ этого безъ труда, необходимаго при заучиваніи наизусть, и при томъ способѣ объясненія, который употребляется при рутинномъ обученіи какому-либо чужому языку. Такимъ образомъ онъ очень легко достигаетъ того, что заключаетъ въ самомъ себѣ сущность каждаго грамматическаго правила, какъ знаніе, основанное на опытѣ, и вполнѣ понимаетъ его при первомъ же словесномъ изложеніи.

Развитіе художественныхъ способностей.

Способность къ искусству, какъ всякая другая человѣческая способность, ранѣе своего развитія есть лишь склонность къ искусству, пониманіе искусства. Она развивается постепенно до степени способности къ искусству посредствомъ примѣненія ея къ дѣлу, какъ зародышъ способности наблюдать, говорить и

степени опредѣленно и бѣгло выражаться на своемъ родномъ языкѣ относительно очень многихъ своихъ свѣдѣній, не имѣя нужды въ продолженіи всего періода обученія рѣчи ни усвоить себѣ основы и правила грамматики, ни учить наизусть для этого хоть одно слово. Между тѣмъ основное правило, что всѣ средства къ изученію новаго языка должны вполнѣ согласоваться и въ сущности быть одинакими съ тѣми, при помощи которыхъ ребенокъ долженъ усвоить свой родной языкъ, и есть то, что скрыла отъ глазъ современниковъ утонченность искусственныхъ пріемовъ, которые особенно путаютъ и затрудняютъ начальное изученье каждаго новаго языка. Но тѣмъ не менѣе это правило неизгладимо укоренено въ человѣческомъ bon sens. Это фактъ, что чѣмъ менѣе знакомо съ рутинными формами обычнаго обученья языку то лицо, которое должно преподавать ребенку этотъ языкъ, тѣмъ болѣе сама природа наводитъ его на правила и пріемы, которые одинаковы съ естественнымъ процессомъ усвоенія родного языка. Опытъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что чѣмъ болѣе безхитростные люди берутся учить новому языку, тѣмъ поразительнѣе и успѣхъ, сопровождающій ихъ усилія. Французская служанка, которой даютъ нѣмецкаго ребенка для обученія его по французски, достигаетъ съ нимъ, если только онъ можетъ говорить на своемъ языкѣ грамматически правильно, безъ помощи какихъ-либо искусственныхъ знаній и способовъ, при помощи простого, часто повторяемаго разговора, въ сравнительно очень короткое время того, что онъ легко и правильно начинаетъ выражаться относительно всего, о чемъ говоритъ съ нимъ служанка. Рутинное искусство нашего времени ни при частномъ преподаваніи, ни въ общественныхъ школахъ, не достигаетъ этого посредствомъ простого употребленія, при изученіи новаго языка, обычныхъ искусственно-педагогическихъ пріемовъ. Если теперь спросить, что даетъ подобной дѣвушкѣ это преимущество надъ обыкновенными учителями чуждаго языка, которые такъ старательно и въ извѣстномъ отношеніи разумно исходятъ въ своемъ преподаваніи изъ искусственныхъ грамматическихъ формъ, то окажется, что дѣвушка обязана своимъ преимуществомъ, которое она безспорно имѣетъ въ этомъ отношеніи, сходству своихъ пріемовъ въ преподаваніи съ тѣмъ путемъ, которымъ слѣдуетъ повсюду сама природа при обученіи ребенка

родному языку. Ребенокъ, который долженъ учиться у нея французскому языку, слышитъ, какъ и ребенокъ, который учится родному языку, долго, очень долго множество французскихъ словъ, произносимыхъ передъ нимъ дѣвушкой, прежде чѣмъ догадается объ ихъ смыслѣ; въ то же время присутствіе предметовъ, съ которыми знакомятъ его чувства, выставляетъ на видъ связь французскихъ словъ съ самимъ предметомъ и заставляетъ узнать слово, какъ обозначеніе этихъ предметовъ. Точно также при преподаваніи, производимомъ этой дѣвушкой, какъ и при усвоеніи родного языка, умѣнье обозначить качества и дѣйствія постепенно связывается съ умѣньемъ обозначать объекты, подлежащія; и все количество словъ, которое онъ узнаетъ отъ этой дѣвушки, усвояется имъ посредствомъ частыхъ повтореній и фразеологическихъ комбинацій. Какъ и въ родномъ языкѣ, фразеологія объясняетъ ребенку всѣ отдѣльныя части рѣчи, тѣсно связанныя другъ съ другомъ, и оживляетъ, и укрѣпляетъ впечатлѣніе, полученное отъ всѣхъ явленій, безчисленное множество разъ повторенныхъ, неодинаково и своеобразно опредѣленныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Слова изучаемаго языка и измѣненія этого усвоеннаго имъ запаса словъ отчасти становятся извѣстны ему по своему содержанію, благодаря этимъ сопоставленіямъ и повтореніямъ; отчасти становятся знакомыми по своему звуку, хотя онъ собственно не знаетъ, какъ онъ этого достигъ и, по крайней мѣрѣ, достигъ этого безъ труда, необходимаго при заучиваніи наизусть, и при томъ способѣ объясненія, который употребляется при рутинномъ обученіи какому-либо чужому языку. Такимъ образомъ онъ очень легко достигаетъ того, что заключаетъ въ самомъ себѣ сущность каждаго грамматическаго правила, какъ знаніе, основанное на опытѣ, и вполнѣ понимаетъ его при первомъ же словесномъ изложеніи.

Развитіе художественныхъ способностей.

Способность къ искусству, какъ всякая другая человѣческая способность, ранѣе своего развитія есть лишь склонность къ искусству, пониманіе искусства. Она развивается постепенно до степени способности къ искусству посредствомъ примѣненія ея къ дѣлу, какъ зародышъ способности наблюдать, говорить и

мыслить развивается лишь при помощи упражненій. Очевидно, что ея развитіе происходитъ путемъ упражненія способностей, присущихъ чувствамъ и органамъ. Внутренняя, духовная сущность всякаго искусства тѣсно связана съ внутренней сущностью умственнаго развитія и мыслительной способности. Всѣ элементарныя средства къ естественному развитію мыслительной способности по своей сущности являются въ то же время и естественными средствами къ развитію внутренней духовной сущности всякаго искусства и всякой способности къ искусству. Какъ ученіе о числѣ и формѣ по своей сущности способно укрѣплять, развивать и возвышать наши логическія способности посредствомъ упражненія въ сопоставленіи, раздѣленіи и сравненіи предметовъ наблюденія, такъ эти упражненія способны дать и первое основаніе внутренней духовной сущности искусства въ связи съ внутренней сущностью мыслительной и критической способности, развить ее, укрѣпить и возвысить. Если же надо дать элементарное развитіе внѣшнимъ и внутреннимъ основамъ искусства и укрѣпить ихъ, то слѣдуетъ съ колыбели оживлять у ребенка и тѣ, и другія, и притомъ въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, слѣдуетъ приводить ихъ въ дѣйствіе и такимъ образомъ пользоваться ими и употреблять ихъ въ дѣло въ то время, какъ онѣ сами себя развиваютъ.

Всѣ средства къ тому, чтобы естественнымъ путемъ положить начало нашимъ способностямъ къ искусству и развить ихъ, вслѣдствіе этого, находятся въ тѣсной связи съ элементарными средствами къ развитію наблюдательности. Какъ главныя послѣдствія человѣческой заботливости и искусства въ дѣлѣ пробужденія, оживленія, направленія и укрѣпленія самодѣятельности заключаются въ развитіи наблюдательности, такъ и на естественныя элементарныя средства къ развитію художественной способности человѣка слѣдуетъ смотрѣть, какъ на слѣдствія развитой человѣческой заботы о пробужденіи, оживленіи, исправленіи и укрѣпленіи человѣческаго стремленія къ развитію наблюдательности, и въ такомъ смыслѣ ими пользоваться. Внутренняя сущность художественной способности, какъ и внутренняя сущность наблюдательности, способности рѣчи и способности мыслительной, есть умъ и жизнь; внѣшнія средства къ развитію искусства, насколько они содѣйствуютъ развитію нашихъ чувствъ

и ихъ органовъ, суть физическія средства; а насколько они содѣйствуютъ развитію нашихъ членовъ,—механическія. И тѣ и другія содѣйствуютъ элементарной гимнастикѣ чувствъ, ихъ органовъ и членовъ. Принципы искусства и средства для гимнастики чувствъ и ихъ органовъ должны быть выведены изъ физическихъ законовъ, которые заключаются въ сущности самихъ способностей, присущихъ чувствамъ и ихъ органамъ, которые она, т. е. гимнастика, должна правильно оживлять, развивать и укрѣплять для служенія искусству. Гимнастика членовъ точно также зависитъ отъ законовъ, присущихъ силамъ тѣхъ членовъ, которые она, т. е. элементарная гимнастика, должна оживлять, укрѣплять и развивать для служенія искусству. Ея средства проистекаютъ изъ природы того механизма, который лежитъ въ основѣ силъ человѣческихъ членовъ, и слѣдовательно, въ сущности являются также механическими.

Стремленіе, лежащее въ основѣ способностей, присущихъ чувствамъ, органамъ рѣчи и членамъ, само собою побуждаетъ чувства, органы и члены къ дѣятельности, которая ихъ развиваетъ. Но искусство способно различнымъ образомъ облегчать, ускорять и направлять послѣдствія этой дѣятельности. Если оно дается намъ въ нормальномъ или элементарномъ видѣ, то предлагаетъ намъ рядъ психологическихъ, развивающихъ средствъ, чтобы все болѣе изощрять и укрѣплять наблюдательность уха къ тому, чтобы правильно слышать, наблюдательность глаза, чтобы правильно видѣть, и устъ, чтобы правильно говорить и пѣть. Точно также оно предлагаетъ намъ рядъ средствъ, чтобы механически развивать способность нашихъ членовъ къ искусству и тѣмъ содѣйствовать ихъ служенію внутренней сущности искусства.

Ребенокъ, побуждаемый стремленіемъ самихъ способностей,— имѣющихся у него, самъ собою начинаетъ пользоваться различными способностями своихъ чувствъ и членовъ, помогающихъ его художественной дѣятельности.

Это предшествуетъ вспомогательному искусству, не завися отъ послѣдняго. Вспомогательное искусство не должно обгонять эту свободную дѣятельность неразвитаго еще стремленія къ искусству. Искусство должно лишь содѣйствовать способности ребенка. Оно должно путемъ возбужденія сознанія „и я это умѣю“—

побуждать ребенка повторять излюбленный звукъ. Оно должно дозволять ребенку свободно брать въ руки мѣлъ, карандашъ, уголь и т. п. и чертить прямыя и кривыя линіи, и впрямь и вкось, на стѣнѣ, на полу, на пескѣ или въ другомъ мѣстѣ, не вмѣшиваясь во все это и не стремясь исправлять это черченье. Только тогда, когда онъ самостоятельно повторитъ легкія слова и пріятные звуки и начнетъ чувствовать удовольствіе при видѣ измѣненій и болѣе точнаго направленія его штриховъ; только тогда, когда пробудится въ немъ желаніе повторять какъ можно больше словъ и звуковъ, притомъ какъ можно болѣе разнообразныхъ; пробудится желаніе чертить штрихи правильнѣе, чаще и болѣе одинаково, пробудится мысль, что любящая мать можетъ помочь ему сдѣлать то, что онъ самъ охотно бы сдѣлалъ, да не можетъ правильно сдѣлать: только тогда настанетъ время, когда искусственная помощь будетъ естественно принята ребенкомъ и должна быть естественно ему предложена. Во всѣхъ отдѣлахъ искусственнаго развитія послѣдовательность въ образовательныхъ средствахъ одинакова. Обученіе искусству, вытекающее изъ живого и свободнаго сознанія искусства и изъ стремленія послѣдняго къ саморазвитію, постоянно одинаково по отношенію къ средствамъ, проистекающимъ изъ законовъ его внутренней сущности.

Средства къ развитію всякаго искусства происходятъ частью отъ матеріальныхъ требованій нашего животнаго существованія, частью же отъ нашей внутренней склонности и стремленія къ самой сущности искусства. Высшая ступень архитектуры вытекаетъ изъ искусства, украшающаго тростниковый шалашъ дикаря. Если бы человѣческій родъ не нуждался ни въ какой защитѣ отъ вѣтра и непогоды, то у людей не было бы дворцовъ; и если бы у насъ не было охоты переправляться съ одного берега рѣки на другой и съ одного берега моря на другой безъ большого крюка, то изъ различныхъ нашихъ кораблей у насъ было бы очень немного, и едва ли бы въ нашемъ языкѣ находились слова: строительное и кораблестроительное искусство.

Только когда мы удовлетворимъ въ извѣстной степени потребностямъ нашего животнаго существованія, наше стремленіе къ искусству естественно повлечетъ насъ дальше и будетъ стараться примѣнить наши способности, испытанныя и окрѣпшія на

удовлетвореніи животныхъ потребностей, къ удовлетворенію присущихъ намъ духовныхъ стремленій и склонности къ самому искусству; оно будетъ упрочивать ихъ благотворное вліяніе на развитіе человѣчества вообще настолько, насколько это развитіе при выборѣ средствъ къ развитію своихъ силъ не теряетъ изъ виду заботливаго отношенія къ источникамъ, изъ которыхъ оно въ сущности вытекаетъ.

Если же оно, покидая этотъ путь, не признаетъ самаго важнаго для своего естественнаго саморазвитія, т. е. внутренней, тѣсной связи своего естественнаго прогресса съ благотворнымъ вліяніемъ своей силы на удовлетвореніе самыхъ существенныхъ требованій нашего матеріальнаго существованія на землѣ и посредствомъ частичнаго переудовлетворенія этихъ потребностей добивается того, что содѣйствуетъ въ народѣ мнимому развитію присущихъ намъ высшихъ, духовныхъ способностей къ искусству для удовлетворенія щекочущихъ и мишурныхъ чувственныхъ прихотей, то оно теряетъ истинную и главную основу своихъ благотворныхъ для человѣческаго рода силъ и быстро приводитъ насъ къ мишурному блеску того охватившаго всѣ сословія состоянія ослабленія, которое разрушаетъ самыя основныя плодотворныя силы человѣческой природы. На средства къ умственному и высшему эстетическому развитію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на подчиненныя солиднымъ искусственно-образовательнымъ средствамъ, которыя удовлетворяютъ настоятельныя потребности человѣчества. Едва ли наша часть свѣта когда-нибудь болѣе теперешняго нуждалась въ томъ, чтобы положить предѣлъ расширенію и распространенію среди всѣхъ людей притязаній на высшее духовно-эстетическое развитіе. Само высшее искусство находитъ въ заботливости объ этомъ ограниченіи главную основу для упроченія и поддержанія собственныхъ благотворныхъ силъ. Пышное развитіе подобныхъ притязаній есть и въ чисто человѣческомъ, и въ гражданскомъ отношеніи могила его устойчивости, такъ какъ оно губитъ главныя внутреннія основы самой его силы и дѣлаетъ его внѣшніе результаты безплодными, а слѣдовательно, и неудовлетворительными для человѣческой природы. Средства къ развитію наблюдательности при помощи всѣхъ 5 чувствъ суть главная основа естественнаго развитія эстетической способности, и должны быть

таковой, потому что она, эта эстетическая способность, вытекаетъ въ сущности изъ первой, изъ наблюдательной способности, и ея естественное развитіе мыслимо лишь при хорошемъ качествѣ и удовлетворительномъ развитіи чувствъ, органовъ и членовъ, дѣятельное содѣйствіе которыхъ помогаетъ развитію наблюдательности.

Сущность всякаго средства къ развитію эстетической способности состоитъ въ духовномъ оживленіи и удовлетворительномъ въ матеріальномъ отношеніи упражненіи способностей, буквально необходимыхъ для черченія, измѣренія и счисленія, равно какъ для пѣнія и музыки. Кто учился измѣрять, считать и чертить элементарно, т. е. посредствомъ ряда психологически расположенныхъ образовательныхъ средствъ, тотъ въ самомъ себѣ имѣетъ всѣ духовныя средства къ развитію искусства, и ему нужно одно лишь развитіе механической ловкости, особенно способствующей внѣшнему усовершенствованію того отдѣла искусства, который онъ спеціально желаетъ изучить. Это одинаково приложимо и къ музыкѣ, и къ тѣсно связанному съ нею танцовальному искусству. Кто первоначально усвоилъ искусство измѣрять и вычислять, тотъ имѣетъ передъ другими преимущество въ ясномъ пониманіи всѣхъ основъ обученія пѣнію (одинаковыхъ въ вокальной и инструментальной музыкѣ), въ высокой степени также облегчающихъ съ трудомъ пріобрѣтаемую внѣшнюю ловкость и въ пѣніи, и въ игрѣ на всякомъ инструментѣ, и гарантирующихъ это пріобрѣтеніе вслѣдствіе яснаго пониманія самыхъ принциповъ обученія. Это внутреннее освѣщеніе основъ вокальной и инструментальной музыки въ то же время вовсе не уменьшаетъ необходимости усиленныхъ упражненій внѣшнихъ органовъ въ связи съ внутреннимъ ростомъ духовнаго пониманія основъ музыки и ихъ духовной ясности. Если ученіе о формѣ и числѣ облегчаетъ изученіе внутренней сущности музыки, то ростъ внутренняго познанія музыкальныхъ основъ долженъ идти нога въ ногу съ ростомъ внѣшнихъ способностей къ усвоенію каждаго ея отдѣла. Процессъ развитія всякой механической ловкости, требуемой всѣми внѣшними искусственно образовательными средствами, слѣдующій: исходя изъ упражненій, которыя сообщаютъ правильность всякой механической ловкости, человѣкъ переходитъ къ сообщенію этой пра-

вильности сначала силы, а затѣмъ нѣжности въ исполненіи; наконецъ, придавъ своему художественному навыку правильность, силу и нѣжность, онъ тѣмъ самымъ достигаетъ свободы и самостоятельности въ выборѣ способовъ его примѣненія. Мы нашли эту послѣдовательность способовъ развитія механической ловкости въ письмѣ, рисованіи, пѣніи, игрѣ на фортепьяно единственно естественной и сопровождаемой вообще одинаково удовлетворительными результатами. Эта послѣдовательность основана на самой сущности человѣческой природы. Отличаясь всегда математической вѣрностью и механической точностью, эта послѣдовательность исходитъ отъ самыхъ простыхъ познаній, пріобрѣтенныхъ наблюденіемъ, и охватываетъ дѣтскую натуру во всѣхъ ея ступеняхъ. Безпристрастный наблюдатель непремѣнно долженъ признать, что при тщательномъ соблюденіи этой послѣдовательности искусство становится природой, а природа искусствомъ.

Элементарное, умственное и художественное развитіе находятся въ большой, тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ. Ребенокъ, который твердо усвоилъ элементарное ученіе о числѣ и формѣ, настолько же глубоко имѣетъ въ себѣ духовный элементъ естественнаго развитія по отношенію къ искусству, какъ и духовный элементъ естественнаго развитія своей мысленной и критической способности, а механическій навыкъ, лежащій въ основѣ каждаго спеціальнаго отдѣла искусства или ремесла, дается ребенку, который воспитывается, пользуясь дѣйствительно элементарнымъ руководствомъ, еще ранѣе, въ семейной жизни, и притомъ во всѣхъ сословіяхъ согласно съ спеціальнымъ положеніемъ и потребностями каждаго изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообразно съ степенью ихъ силъ и способностей. Принципъ „жизнь развиваетъ“, если рѣчь идетъ о добромъ естественномъ вліяніи домашней жизни на развитіе людей и относительно ея естественныхъ средствъ и благотворныхъ результатовъ, вообще менѣе примѣнимъ къ высшимъ сословіямъ, чѣмъ къ низшимъ. Этимъ послѣднимъ сущность механическаго навыка, въ которомъ они особенно нуждаются, благодаря своей жизни, внушена и дана различными путями, уже заранѣе, почти съ колыбели. Дѣти крестьянъ, ремесленниковъ и всѣхъ, полагающихъ основу и содѣйствующихъ своему домашнему благосостоянію своимъ заработкомъ,

живутъ съ утра до вечера среди такихъ людей и въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ они ежеминутно находятъ случай и побужденіе принимать участіе въ отцовскомъ занятіи и усваивать себѣ тѣ самые существенные изъ спеціальныхъ навыковъ, которые имъ необходимы для какого-нибудь будущаго дѣла, соотвѣтствующаго ихъ положенію и условіямъ. Но, конечно, этого не бываетъ у высшихъ сословій. Нужда и потребности вовсе не помогаютъ имъ въ этомъ отношеніи. Ихъ дѣти, вообще, съ самодовольствіемъ, воспринятымъ съ молокомъ матери, произносятъ слова: „я богатъ, я сталъ богачемъ, и въ этомъ не нуждаюсь".

Благотворнаго чувства дѣтей обыкновенныхъ гражданъ и крестьянъ; „я могу оказать нѣкоторую пріятную и облегчающую помощь своимъ родителямъ въ ихъ занятіяхъ и даже въ такихъ, которыя они должны производить въ потѣ лица",—этого благотворнаго чувства дѣтей простыхъ сословій и домашней подготовки къ достаточному усвоенію механическихъ навыковъ, которые и имъ были бы необходимы въ каждомъ занятіи, сообразномъ съ ихъ условіями, недостаетъ дѣтямъ высшихъ сословій, а еще болѣе дѣтямъ изъ безчисленнаго роя тѣхъ требовательныхъ людей, которые, въ своей неспособности и безполезности въ общественномъ и частномъ отношеніяхъ, не имѣя тѣни какого-либо права, не хотятъ быть причислены къ простому народу и къ тому сословію, къ которому принадлежатъ въ дѣйствительности, а насильно хотятъ быть нѣкотораго рода прихвостнями знатныхъ и богатыхъ людей, живущихъ отъ нихъ по близости.

Мы должны точно и опредѣленно различать природу и средства элементарнаго образованія, поскольку они являются средствами человѣческаго искусства, отъ естественнаго процесса развитія нашихъ способностей. Естественный процессъ развитія нашихъ силъ, предшествующій искусственному процессу развитія послѣднихъ и служащій ему основаніемъ—вѣченъ и неизмѣненъ. Правда, искусственный процессъ тоже неизмѣненъ по отношенію къ внутренней своей сущности, но по отношенію къ внѣшнему своему вліянію и своимъ практическимъ средствамъ онъ измѣняемъ. Его сущность не то же, что его внѣшнее проявленіе; его сущность есть сама сила, изъ которой вытекаетъ его внѣшнее проявленіе. Внѣшнее проявленіе искусства, правда,

основано на сущности самаго искусства; но оно постольку является истиннымъ искусствомъ, поскольку находится въ согласіи съ естественнымъ процессомъ развитія нашихъ силъ. Разъ оно этого не дѣлаетъ, а находится съ этимъ процессомъ въ противорѣчіи, оно становится неисчерпаемымъ источникомъ злыхъ ухищреній, которыя, особенно въ настоящее время, благодаря своей соблазнительности, смертельно вредятъ благу и росту истиннаго искусства. Я представлю и естественный и искусственный процессъ, поскольку этотъ послѣдній, какъ истинное воспитательное искусство, долженъ заключаться въ идеѣ элементарнаго образованія и при помощи ея быть въ рѣшительномъ противорѣчіи съ современными пагубными ухищреніями и ихъ рутинными пріемами, и брошу бѣглый взглядъ на дѣйствіе и назначеніе перваго на ряду съ вторымъ, равно какъ на связь, въ которой оба предназначены пребывать, взаимно поддерживая другъ друга и помогая одинъ другому, и совмѣстно вліять на дѣйствительное положеніе воспитательнаго дѣла среди людей.

Естественный процессъ развитія наблюдательной способности связанъ съ истиннымъ положеніемъ индивидуума, наблюдательность котораго должна быть развита. Его вліяніе на развитіе этой способности вполнѣ зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представляются ребенку предметы среди дѣйствительной его обстановки. Искусство элементарнаго образованія можетъ увеличить эти явленія количественно, оно можетъ возвысить ихъ привлекательность, оно можетъ ихъ упорядочить, можетъ сдѣлать ихъ болѣе поучительными и, въ качествѣ образовательнаго средства, производящими больше вліянія на человѣческую природу. И все это оно можетъ дѣлать ребенку съ колыбели. Оно и должно такъ дѣлать. Но оно должно это дѣлать лишь въ полномъ согласіи съ образомъ дѣйствія, котораго придерживается сама природа въ дѣлѣ доставленія ребенку предметовъ для наблюденія, а она при этомъ сообразуется съ истиннымъ и дѣйствительнымъ положеніемъ, обстоятельствами и условіями, въ которыхъ находится ребенокъ, наблюдательность котораго должна быть развита посредствомъ впечатлѣній, производимыхъ этими явленіями и при помощи пользованія ими. Искусство не должно оставлять это свое вліяніе внѣ всякой связи съ настоящимъ положеніемъ ребенка, и еще менѣе въ противорѣчіи съ нимъ. Ни посредствомъ

своего вліянія на увеличеніе предметовъ наблюденія, ни посредствомъ ихъ расположенія, ни посредствомъ увеличенія ихъ привлекательности оно не должно дѣйствовать во вредъ естественному процессу, который въ своемъ вліяніи на развитіе наблюдательности ребенка не теряетъ изъ виду истиннаго и дѣйствительнаго его положенія и условій его жизни. Если-же оно дѣлаетъ это, то оно не истинное искусство: оно не имѣетъ элементарной основы, оно пало до степени низкаго средства современнаго мудрствованья и его пагубныхъ послѣдствій, и элементарная сила истиннаго воспитательнаго искусства, щитъ котораго оно выставляетъ, заключается не въ немъ. Истинное искусство никоимъ образомъ не должно и не смѣетъ побуждать, оживлять и волновать своего питомца внѣ крѣпкой связи съ естественнымъ процессомъ развитія нашихъ силъ, какъ не можетъ оставлять его въ противорѣчіи съ развивающими его впечатлѣніями отъ наблюденій, которыя вытекаютъ и должны вытекать изъ реальнаго положенія, обстоятельствъ и условій, въ которыхъ живетъ питомецъ.

Въ то же время и естественный процессъ развитія способности рѣчи связанъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ, обстоятельствами и условіями индивидума, у котораго способность рѣчи должна быть развита. Какъ искусство элементарнаго образованія умѣетъ увеличивать для ребенка количество предметовъ для наблюденія, усиливать ихъ впечатлѣніе, дѣлать ихъ болѣе вліятельными и располагать ихъ такъ, чтобы они становились болѣе поучительными, такъ въ силу этого оно способно пользоваться предметами наблюденія для того, чтобы дѣлать искусственныя средства для развитія способности рѣчи болѣе обширными, поучительными, вліятельными, чѣмъ это возможно и можетъ быть возможнымъ при естественномъ процессѣ развитія нашихъ способностей, предоставленномъ самому себѣ. Благодѣтельному для человѣчества искусственному вліянію способности наблюденія и способности рѣчи данъ одинаковый просторъ, но въ то же время указаны одинаковые предѣлы.

Искусственный процессъ ни въ своемъ вліяніи на расширеніе и развитіе способности рѣчи, ни въ томъ вліяніи, которое онъ могъ бы имѣть на увеличеніе склонности ребенка къ искусству рѣчи, какъ таковому, ни въ своемъ вліяніи на расширеніе и

развитіе наблюдательности, ни въ томъ вліяніи, которое онъ могъ бы имѣть на увеличеніе склонности ребенка и къ этому искусству, какъ таковому,—искусственный процессъ не долженъ уклоняться отъ естественнаго въ дѣлѣ развитія этихъ способностей или дѣйствовать на своего питомца въ противорѣчіи съ нимъ.

Даже изученіе какого-либо новаго мертваго или живаго языка находитъ основу для своего естественнаго хода въ согласіи своихъ пріемовъ съ тѣмъ путемъ, котораго придерживается сама природа, приступая къ дѣлу по отношенію къ ребенку, котораго мать учитъ говорить, не теряя изъ виду ни его положенія, ни его обстоятельствъ.

Признаніе идеи элементарнаго образованія привело бы въ движеніе на пользу воспитанія тысячи дремлющихъ силъ, не говоря уже о томъ, что нельзя было бы вообще не принять въ разсчетъ общія ея благотворныя послѣдствія для семейной жизни, если бы она дѣйствительно была принята. Между тѣмъ ея принципы и способы вовсе не новое ученіе. Свѣтъ давно уже узналъ существенныя истины, лежащія въ ея основѣ, хотя и не высказывалъ ихъ вполнѣ согласно съ нашими взглядами. Въ юности я тысячу разъ слышалъ въ обыкновенныхъ семьяхъ при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ: „ребенокъ, съ младенчества наученный молиться, думать и работать, уже на половину воспитанъ“. И правда, ребенокъ, съ младенчества привыкшій ежедневно молиться отъ всего сердца и благоговѣйно обдумывать въ теченіе всего дня все, что дѣлаетъ и говоритъ, и все дѣлать старательно и изо всѣхъ силъ, заранѣе подготовленъ ко всему, чѣмъ онъ долженъ и обязанъ стать на свѣтѣ,—слѣдовательно, хорошо воспитанъ.

Это великое слово, такъ запечатлѣнное въ душѣ стараго поколѣнія и такъ обезсиленное и сглаженное въ легкомысленномъ молодомъ поколѣніи, находитъ въ идеѣ элементарнаго образованія свой подкрѣпляющій элементъ, и чѣмъ глубже вникаю я въ это слово, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что всѣ средства элементарнаго образованія вытекаютъ изъ простого, естественнаго процесса, при помощи котораго истинный смыслъ молитвы, размышленія и работы развивается въ ребенкѣ въ духѣ любви и вѣры и запечатлѣвается въ немъ, такъ что, слѣдовательно, каждый ребе-

нокъ, буквально съ колыбели воспитанный въ духѣ элементарной идеи, въ силу этого подготовленъ ко всему, чѣмъ онъ хочетъ быть и стать въ этомъ мірѣ. Этотъ взглядъ дѣлаетъ вполнѣ яснымъ, что всѣ элементарно-образовательныя средства есть не что иное, какъ тщательно, полно и психологически обработанная искусственная прибавка къ естественному процессу развитія нашихъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, и извѣстнаго рода психологически обоснованная помощь благотворной дѣятельности природы въ этомъ отношеніи. Взглядъ на этотъ предметъ, или скорѣе внутренняя сущность этого, въ прежнее время столь обычнаго взгляда на основы педагогики опредѣленно выражается и въ слѣдующемъ элементарномъ принципѣ: признавать необходимость подчиненія всѣхъ средствъ обученія и выдержки человѣческаго рода высшимъ законамъ развитія нашихъ силъ. Послѣдствія, которыя по самой своей природѣ во всѣхъ отношеніяхъ должны имѣть для людей психологически хорошо налаженныя и тщательно проведенныя первоначальныя усилія, направленныя къ укрѣпленію воспитательнаго значенія домашней жизни посредствомъ упрощенія ея средствъ, связаны въ своихъ основахъ съ начинающейся жизнью ребенка въ полномъ объемѣ его способностей,—они сами собою въ сущности и вытекаютъ изъ нея. Всѣ элементарно-воспитательныя и образовательныя средства имѣютъ для младенцевъ съ самой колыбели оживляющую привлекательность, такъ какъ примыкаютъ къ первымъ зародышамъ развивающагося въ насъ самопобужденія и, будучи естественно вызваны, такимъ образомъ сами вытекаютъ изъ него. Истинность этого взгляда явствуетъ и изъ того, что настоящія средства, присущія идеѣ элементарнаго образованія, приноравливаясь къ невѣдѣнію младенца, въ то же время, способны возрастать наравнѣ съ возрастаніемъ силъ этого самопобужденія и при этомъ быть постоянно привлекательными. Это фактъ, что самый дикій ребенокъ, который въ сознаніи своихъ силъ и подъ вліяніемъ самопобужденія къ ихъ развитію бѣснуется среди окружающихъ и хватается за все окружающее его, какъ за средство къ этому развитію, и приводитъ все это въ безпорядокъ,—онъ, если указать ему съ достаточной простотой, силой и любовью средства къ элементарному образованію, до нѣкоторой степени увлекается ими, глубоко чувствуетъ на себѣ ихъ оживляющую его правду и силу и

невольно долженъ почувствовать къ этому живой интересъ. Иначе и быть не можетъ; самопобужденіе къ развитію его силъ находитъ въ нихъ пищу. Онъ чувствуетъ, что при помощи ихъ онъ кое-что узнаетъ, чего раньше не зналъ, и кое-чему научается, чему прежде не могъ научиться. Онъ, побуждаемый собственными способностями, хочетъ идти дальше въ своемъ знаніи и практической ловкости. Насколько дико бѣсновался онъ раньше, ища, чего ему не хватало, настолько добровольно теперь соглашается наслаждаться и пользоваться, чѣмъ владѣетъ, и жить съ тѣмъ, что пробуждено въ немъ такъ сильно и привлекательно. Настолько психологическое вліяніе элементарныхъ средствъ, содѣйствующихъ развитію человѣческихъ способностей, отличается отъ вліянія рутиннаго искусства, при помощи котораго вдалбливаютъ ребенку словесныя знанія, которыя не подкрѣплены и не оживлены никакими впечатлѣніями, полученными отъ наблюденій.

Замѣчательно слово, сказанное мнѣ однимъ проницательнымъ человѣкомъ, когда во время одного урока грамматики онъ увидѣлъ это различіе: c'est un pouvoir, ce n' est pas un savoir. Это вѣрно; этими словами высказана и уяснена настоящая сущность различія между элементарнымъ и какимъ бы то ни было неэлементарнымъ способомъ образованія. И въ нравственномъ отношеніи справедливо, что основной принципъ идеи элементарнаго образованія—связать съ семейной жизнью всѣ средства къ образованію и воспитанію дѣтей — способенъ утвердить вѣру и любовь на великой общей основѣ нравственности и религіозности, на родительскомъ и дѣтскомъ чувствѣ человѣческой природы, и со всѣмъ искусствомъ и со всею силой своего вліянія возвысить это въ началѣ инстинктивное чувство до степени развитой отцовской энергіи и материнской любви, а упрощеніемъ своихъ средствъ укрѣпить и оживить воспитательныя способности милліоновъ родителей, во всѣхъ сословіяхъ, и въ нравственномъ, и въ религіозномъ отношеніи.

Въ умственномъ отношеніи мы находимъ въ элементарно упрощенномъ ученіи о рѣчи, числѣ и формѣ всю совокупность средствъ (съ первыхъ ихъ зародышей) къ естественному развитію ума. Элементарное обученіе рѣчи, примыкающее къ элементарному развитію наблюдательной способности, приводитъ ребенка подъ руководствомъ природы и съ ея энергіей къ правильному

выраженію всѣхъ впечатлѣній, произведенныхъ на него окружающими его предметами наблюденія, а элементарное ученіе о числѣ и формѣ, вслѣдствіе психологически упрощенной постановки его средствъ, можетъ сдѣлать ребенка способнымъ сопоставлять, раздѣлять, сравнивать предметы, узнанные благодаря наблюденію, и чрезъ это быть въ состояніи обрабатывать ихъ въ себѣ логически и судить о нихъ. Оно, элементарное ученіе о формѣ и числѣ, въ сущности есть чистое, и для всѣхъ сословій и людей одинаково плодотворно примѣнимое развитіе самой мыслительной способности, которая, такъ сказать, съ колыбели дѣлаетъ привычнымъ размышленіе и раздумье для человѣка, въ какомъ бы состояніи и условіяхъ онъ ни находился, и при этомъ ни идущаго за плугомъ, ни занимающагося ремесломъ, никакого другого человѣка не отвлекаетъ отъ этихъ занятій и, вообще, приводитъ его къ разсмотрѣнію своего положенія и къ размышленію о достойномъ пользованіи имъ. Многіе опыты указываютъ намъ, что даже на высшихъ ступеняхъ нашей культуры этого не достигаютъ нашими современными рутинными средствами; что напротивъ, многіе люди, получившіе такимъ способомъ даже научное образованіе, при подобномъ воспитаніи совсѣмъ не могутъ, при своемъ положеніи и при своихъ условіяхъ, усвоить себѣ серьезное, пытливое мышленіе, пригодное для этихъ послѣднихъ; указываютъ намъ, насколько бываютъ они неловкими въ свѣтѣ и среди окружающихъ по отношенію ко всякому жизненному дѣйствію, лежащему внѣ круга ихъ научнаго, профессіональнаго или диллетантскаго образованія, разъ дѣло коснется ихъ мышленія, пытливости и разсужденія. Мы не можемъ скрыть отъ себя, что источниковъ и причины этого обстоятельства слѣдуетъ искать въ недостаткѣ первоначальнаго, психологически-нормальнаго развитія мыслительной способности; что природа, предоставленная самой себѣ и лишенная помощи искусства, съ большимъ трудомъ бываетъ въ состояніи дополнить пробѣлъ, происходящій вслѣдствіе этого недостатка.

Н. И. ПИРОГОВЪ.

1810-1881.

Н. И. Пироговъ.

По счастливому выраженію одного изъ біографовъ Пирогова,*) онъ былъ вмѣстѣ и „великимъ цѣлителемъ тѣла, и воспитателемъ души". Въ самомъ дѣлѣ, его громадныя заслуги передъ русской медициной и, особенно, хирургіей, отчасти какъ бы заслоняютъ его педагогическое значеніе, тѣмъ болѣе, что дѣятельность его, какъ педагога, и началась поздно (1856 г.), когда Пирогову было уже 46 лѣтъ, и продолжалась недолго, закончившись, оффиціально, въ 1866 году. Тѣмъ не менѣе имъ столько сдѣлано для воспитанія русскаго юношества, и столько поднято важныхъ вопросовъ, получившихъ свое разрѣшеніе впослѣдствіи, что имя этого благороднаго дѣятеля никогда не забудется новѣйшей русской педагогіей, такъ какъ она, по словамъ того же біографа, обязана Пирогову въ лучшихъ своихъ сторонахъ, своимъ началомъ и направленіемъ, за цѣлую четверть вѣка.

Никакія жизненныя обстоятельства и условія долгое время не указывали Пирогову на педагогическое поприще. Онъ родился въ Москвѣ, въ 1810 году, въ достаточной семьѣ военно-провіантскаго чиновника, и его дѣтскіе годы были очень счастливы: мать онъ любилъ чрезвычайно; теплыя отношенія къ отцу, братьямъ и сестрамъ не оставляли желать лучшаго. Самоучкой, еще 6-ти лѣтъ выучившись грамотѣ, онъ учился безъ всякаго понужденія, а книги для чтенія были лучшимъ для него подаркомъ. Впрочемъ, онъ былъ мальчикомъ живымъ, здоровымъ, и, кромѣ чтенія, любилъ и повозиться, и поиграть,—даже въ такую шумную игру, какъ война: воспоминанія 1812-го и послѣдующихъ годовъ были еще свѣжи. Но важнѣе для насъ, въ біографическомъ отношеніи,

*) В. П. Острогорскій.

дали, благодаря нашему пораженію, вопіющіе недостатки русской жизни: неправосудіе, казнокрадство, взяточничество, невѣжество, безправіе, полное отсутствіе гласности,—и надъ всѣмъ этимъ мракомъ, покрывая и защищая его, царило всемогущее крѣпостное право. Колебаться и медлить долѣе было нельзя; нельзя было отрицать, что при такомъ порядкѣ вещей Россія если и *колоссъ*, то дѣйствительно, колоссъ *на глиняныхъ ногахъ*, лишенный всякихъ устоевъ, существующихъ у другихъ народовъ и въ другихъ государствахъ. Вопіющая лживость, показность,—которой пропитанъ былъ весь нашъ общественный строй, и которая теперь такъ ярко обнаружилась,—поразила людей того времени, и въ противовѣсъ ей были выдвинуты принципы *человѣчности*, *правды*, *гласности*, во имя которыхъ создавались и проводились реформы.

Недостаточно было указать на зло,—нужно было выяснить и его причины. Одну изъ таковыхъ, и очень важную, Пироговъ нашелъ въ постановкѣ нашего воспитанія и образованія, съ критикой котораго и выступилъ впервые, какъ писатель—педагогъ, въ статьѣ „*Вопросы жизни*", напечатанной въ Морскомъ Сборникѣ" за 1856 годъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, стоявшій во главѣ Морскаго Министерства, какъ извѣстно, былъ ревностнѣйшимъ сторонникомъ реформъ Царя-Освободителя, и его поддержкѣ обязана статья Пирогова тѣмъ, что она увидѣла свѣтъ, да еще въ такомъ спеціальномъ журналѣ. Заглавіе ея объясняется самымъ содержаніемъ. Воспитаніе—есть *вопросъ жизни*, а не одной лишь школы, и притомъ вопросъ очень важный и глубокій. До сихъ поръ оно понималось у насъ лишь съ формальной стороны, а *содержаніе* его игнорировалось: у насъ воспитывали такъ, что, по выходѣ изъ школы, намъ оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ того, чему насъ учили, потому что это было бы несогласно съ взглядами и направленіемъ современнаго общества, т. е. измѣнить своимъ убѣжденіямъ; или же имѣть смѣлость и дерзость, во имя этихъ убѣжденій, идти противъ всѣхъ,—что рѣдкому подъ силу. Послѣднее, т. е. наше безсиліе, легко объяснимо именно условіями воспитанія, которое не дало намъ высшихъ обще-человѣческихъ убѣжденій, не готовило изъ насъ *людей*, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—а лишь спеціалистовъ

курса (1827 г.), по проэкту члена Петербургской Академіи Наукъ проф. Паррота, двадцати способнѣйшимъ студентамъ русскихъ университетовъ предложено было, по выдержаніи предварительнаго испытанія, ѣхать для усовершенствованія, на 2—3 года, въ Дерптскій университетъ на казенный счетъ, а оттуда, на такихъ же условіяхъ, отправиться въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ, чтобы впослѣдствіи профессорской службой отплатить государству за свое образованіе. Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ пользовался тогда заслуженной славой, такъ какъ только въ немъ одномъ преподаваніе было поставлено на должную высоту.

По предложенію и рекомендаціи Мухина, Пироговъ попадаетъ въ число этихъ счастливцевъ,—причемъ, совершенно безъ всякихъ видимыхъ основаній, выбираетъ *хирургію*, о которой не имѣлъ еще почти никакого понятія, главнымъ предметомъ своихъ занятій. Плодотворныя занятія Пирогова и его товарищей въ Дерптѣ, вмѣсто двухъ-трехъ, продолжались цѣлыхъ 5 лѣтъ, потому что польское возстаніе 1830 г. помѣшало заграничному путешествію: за это время Пироговъ основательно познакомился съ своей наукой и теоретически, и практически.

Послѣ двухлѣтняго слушанія лекцій въ Берлинѣ и Геттингенѣ, Пироговъ въ 1836 г. занимаетъ каѳедру хирургіи въ Дерптѣ, гдѣ пользуется громаднымъ успѣхомъ, а затѣмъ въ Петербургской Военно-Медицинской Академіи, при которой, въ 1845 г., устраиваетъ анатомическій институтъ, согласно послѣднему слову науки. Въ это же время онъ начинаетъ свою работу надъ улучшеніемъ гигіеническихъ условій положенія больныхъ,—работу, которая всецѣло поглотила его вниманіе во время послѣдовавшей за тѣмъ Крымской войны. Его дѣятельность за эту кампанію во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ чрезвычайнаго вниманія со стороны историка русской медицинской науки; но для насъ эта эпоха его жизни важна, главнымъ образомъ, по связи его практической дѣятельности, какъ врача, съ тѣмъ новымъ поприщемъ, на которое онъ выступаетъ въ 1856 году. На этой связи мы и остановимся подробнѣе.

Громадная роль Крымской войны въ дѣлѣ нашего общественнаго развитія и самосознанія всѣмъ извѣстна. Всѣ русскіе люди—отъ царя до самаго скромнаго мыслящаго человѣка—ясно уви-

дали, благодаря нашему пораженію, вопіющіе недостатки русской жизни: неправосудіе, казнокрадство, взяточничество, невѣжество, безправіе, полное отсутствіе гласности,—и надъ всѣмъ этимъ мракомъ, покрывая и защищая его, царило всемогущее крѣпостное право. Колебаться и медлить долѣе было нельзя; нельзя было отрицать, что при такомъ порядкѣ вещей Россія если и *колоссъ*, то дѣйствительно, колоссъ *на глиняныхъ ногахъ*, лишенный всякихъ устоевъ, существующихъ у другихъ народовъ и въ другихъ государствахъ. Вопіющая лживость, показность,—которой пропитанъ былъ весь нашъ общественный строй, и которая теперь такъ ярко обнаружилась,—поразила людей того времени, и въ противовѣсъ ей были выдвинуты принципы *человѣчности*, *правды*, *гласности*, во имя которыхъ создавались и проводились реформы.

Недостаточно было указать на зло,—нужно было выяснить и его причины. Одну изъ таковыхъ, и очень важную, Пироговъ нашелъ въ постановкѣ нашего воспитанія и образованія, съ критикой котораго и выступилъ впервые, какъ писатель—педагогъ, въ статьѣ „*Вопросы жизни*", напечатанной въ Морскомъ Сборникѣ" за 1856 годъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, стоявшій во главѣ Морскаго Министерства, какъ извѣстно, былъ ревностнѣйшимъ сторонникомъ реформъ Царя-Освободителя, и его поддержкѣ обязана статья Пирогова тѣмъ, что она увидѣла свѣтъ, да еще въ такомъ спеціальномъ журналѣ. Заглавіе ея объясняется самымъ содержаніемъ. Воспитаніе—есть *вопросъ жизни*, а не одной лишь школы, и притомъ вопросъ очень важный и глубокій. До сихъ поръ оно понималось у насъ лишь съ формальной стороны, а *содержаніе* его игнорировалось: у насъ воспитывали такъ, что, по выходѣ изъ школы, намъ оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ того, чему насъ учили, потому что это было бы несогласно съ взглядами и направленіемъ современнаго общества, т. е. измѣнить своимъ убѣжденіямъ; или же имѣть смѣлость и дерзость, во имя этихъ убѣжденій, идти противъ всѣхъ,—что рѣдкому подъ силу. Послѣднее, т. е. наше безсиліе, легко объяснимо именно условіями воспитанія, которое не дало намъ высшихъ обще-человѣческихъ убѣжденій, не готовило изъ насъ *людей*, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—а лишь спеціалистовъ

по профессіи: врачей, учителей, солдатъ, юристовъ и т. п. Но убѣжденія могутъ образоваться въ человѣкѣ лишь при одномъ условіи: искренней любви *къ правдѣ*, во всемъ и всегда; нужно и самимъ жить, и дѣтей своихъ воспитывать такъ, чтобы, дѣйствительно, *быть* людьми, а не только *казаться* таковыми.

Таково, именно, „Быть и казаться"—заглавіе второй знаменитой педагогической статьи Пирогова, подробнѣе разъясняющей тѣ же „вопросы жизни". Надо приготовить ребенка къ жизненной борьбѣ, создать и пробудить въ немъ чистыя убѣжденія, за которыя онъ будетъ мужественно стоять *изъ-за любви къ правдѣ*,—вотъ настоящая цѣль воспитанія, которую П. указываетъ какъ въ упомянутыхъ двухъ статьяхъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, болѣе мелкихъ.

Въ „Вопросахъ жизни" Пироговъ первый у насъ затронулъ, горячо и смѣло, вопросъ о необходимости воспитать и образовать *женщину*, какъ равноправнаго человѣка, которому въ жизни такъ же приходиться бороться со зломъ, какъ и мужчинѣ, и который въ правѣ гордиться своей высокой ролью жены и матери: она—„зодчій общества", по выраженію Пирогова. Мы вспомнимъ еще объ этихъ мысляхъ, когда будемъ говорить о К. Д. Ушинскомъ.

Статья Пирогова произвела громадное впечатлѣніе на тогдашнее общество, явившись выразительницей его завѣтныхъ, но не высказанныхъ еще думъ, и немедленно нашла себѣ откликъ въ литературномъ движеніи того времени. Въ 1857—58 гг. впервые появляются въ Россіи спеціально педагогическіе журналы, именно подъ вліяніемъ толчка, даннаго Пироговской статьей,—и кромѣ того, вопросы воспитанія и образованія начинаютъ горячо обсуждаться всюду, въ разныхъ обществахъ, комитетахъ и собраніяхъ; само правительство энергически принимается за реформу школъ, отъ высшихъ и до низшихъ. Въ высшихъ сферахъ обратили очень серьезное вниманіе на статьи Пирогова, и въ 1857 г. онъ принялъ предложеніе Министра Нар. Просв. стать во главѣ Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго учебнаго округа. Здѣсь его дѣятельность принесла тоже очень хорошіе плоды: были почти уничтожены тѣлесныя наказанія; изданными для учениковъ „Правилами" онъ старался установить среди нихъ истинныя понятія о чести и достоинствѣ человѣка, уничтожая насиліе и кулачную

расправу; заведены впервые въ старшихъ классахъ гимназій литературныя бесѣды, имѣвшія цѣлью какъ научное и эстетическое развитіе учениковъ, такъ и сближеніе ихъ съ учащими; было возвышено значеніе педагогическихъ совѣтовъ, причемъ объ ихъ дѣятельности гласно сообщалось обществу въ циркулярахъ и отчетахъ. Особенно старался Пироговъ объ устраненіи *формализма* въ воспитаніи: каждый ребенокъ, какъ особый индивидуальный мірокъ, долженъ быть предметомъ тщательнаго наблюденія и заботъ воспитателя, который, для нравственнаго воздѣйствія, пользуется не внѣшними дисциплинарными средствами, а силой любви, просвѣтленной наукой, какъ служительницей истины. Преподаватели должны быть возможно менѣе стѣснены программами: никакія программы не создадутъ хорошаго учителя, если у него нѣтъ любви и знанія. Хорошо помня годы своего студенчества и понимая ясно, что молодости не только свойственно, но и законно увлекаться, Пироговъ рекомендуетъ снисходительно относиться къ подобнымъ явленіямъ и, въ особенности, не портить изъ-за этого всей будущности молодого человѣка.

Все это принципы и мѣры, которые отнюдь не потеряли своего громаднаго значенія и до нынѣшняго времени.

Въ 1862 году, оставивъ службу въ качествѣ Попечителя, Пироговъ на четыре года командируется за границу, для руководства русскихъ молодыхъ людей, подготовлявшихся тамъ къ профессурѣ. Этимъ кончается его собственно педагогическая дѣятельность, и съ 1866 г. онъ живетъ, преимущественно, у себя въ имѣніи. Однако, дважды еще пришлось ему со славой выступить на поприщѣ службы страждущему человѣчеству: въ 1870 году, во время Франко-Прусской войны, онъ оказалъ громадныя услуги „Общенародному Обществу Краснаго Креста“, лично работая на театрѣ войны, точно такъ же, какъ и въ послѣднюю русско-турецкую войну 1877—78 годовъ.

Когда, въ 1881 году, въ Москвѣ „справляли“ 50-лѣтній юбилей Пирогова, то многочисленныя депутаціи привѣтствовали его не только какъ великаго хирурга и педагога, но и какъ общественнаго дѣятеля, какъ „*друга человѣчества*“. И дѣйствительно, этого имени вполнѣ заслуживаетъ Н. И. Пироговъ, всю жизнь свою горячо проповѣдовавшій *гуманность* и стоявшій *за правду*,—два

Итакъ, если мы, кромѣ силы инерціи, заставляющей насъ слѣдовать данному намъ обществомъ направленію, чувствуемъ въ себѣ еще довольно сознанія, чтобы вникнуть въ нашу индивидуальность, мы задаемъ себѣ вопросы: *въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего должны искать мы?* Собственно, *воспитаніе* должно бы было намъ класть въ ротъ отвѣты.

Но это предполагаетъ два условія:

Во-первыхъ, что воспитаніе должно быть приноровлено къ темпераменту и различнымъ способностямъ каждаго—развивать или обуздывать ихъ.

Во-вторыхъ, что нравственныя основы и направленіе общества, въ которомъ мы живемъ, должны совершенно соотвѣтствовать направленію, сообщаемому намъ воспитаніемъ. Первое условіе необходимо потому, что врожденныя склонности каждаго и его темпераментъ подсказываютъ, вполнѣ и всегда, что онъ долженъ дѣлать и къ чему стремиться.

Второе условіе необходимо потому, что безъ него,—какое-бы направленіе ни было намъ дано воспитаніемъ, мы, видя, что поступки общества не соотвѣтствуютъ этому направленію, непремѣнно удалимся отъ него и собьемся съ пути. Сбившись, намъ придется избирать одно изъ трехъ: или потерять всю нравственную выгоду нашего воспитанія, или вступить во вражду съ обществомъ, или-же, наконецъ, отдаться на произволъ.

Къ сожалѣнію, это такъ и есть.

Воспитаніе же начинается и оканчивается обыкновенно, для большей части изъ насъ, въ одни и тѣ же періоды жизни. Итакъ, если воспитаніе, начавшись для меня слишкомъ поздно, не будетъ соотвѣтствовать склонности и темпераменту, развившимся у меня слишкомъ рано, то какъ бы и что бы оно мнѣ ни говорило о цѣли жизни и моемъ назначеніи, мои рано развившіяся склонности и темпераментъ будутъ мнѣ все-таки нашептывать другое.

Отъ этого сбивчивость, разладъ и произволъ.

Во-вторыхъ, талантливые и проницательные воспитатели такъ же рѣдки, какъ и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели.

Число ихъ не соотвѣтствуетъ силѣ людей, требующихъ воспитанія.

Это бы еще не бѣда. Добро и зло, вообще, довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши враждебныя склонности и темпераментъ влекли насъ болѣе къ худому, чѣмъ къ хорошему. А законы устроеннаго общества, вкореняя въ насъ довѣренность къ прозорливости и правосудію правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе къ злу.

Но вотъ бѣда: самыя главныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество. Мы—христіане, и слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ Откровеніе.

Всѣ мы, съ нашего дѣтства, ознакомились съ мыслью о будущей жизни и должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ одно чисто матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьи и наслажденіи въ жизни здѣшней.

Убѣждаясь, при вступленіи въ свѣтъ, въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, мы впадаемъ въ одну изъ трехъ крайностей: *или* 1) мы теряемъ всю нравственную выгоду нашего воспитанія. Увлекаясь матеріальнымъ стремленіемъ общества, мы забываемъ основную идею Откровенія. Только иногда, мелькомъ, въ рѣшительныя мгновенія жизни, мы прибѣгаемъ къ спасательному ея дѣйствію, чтобы подкрѣпить себя и утѣшить.

Или 2) мы начинаемъ дышать враждою противъ общества. Оставаясь вѣрными основной мысли христіанскаго ученія, мы чувствуемъ себя чужими въ мірѣ паганизма, недовѣрчиво смотримъ на добродѣтель ближнихъ, составляемъ секты, ищемъ прозелитовъ, дѣлаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или 3) мы отдаемся произволу. Не имѣя твердости воли устоять противъ стремленія общества, не имѣя довольно безчувственности, чтобы отказаться отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, довольно безнравственности, чтобы отвергать высокое, мы оста-

вляемъ основные вопросы нерѣшенными, избираемъ въ наши путеводители случай, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непослѣдовательностей и противорѣчій.

Птакъ, вотъ какая жалкая участь ожидаетъ насъ.

Общество твердитъ намъ: хочешь быть счастливымъ со мною,— оставь основную нравственную мысль твоего воспитанія.

Мы сами, не приготовленные, незнакомые съ тѣмъ, что нравственная основа нашего воспитанія рѣзко противорѣчитъ направленію общества, въ которомъ мы начинаемъ жить, колеблемся, блуждаемъ и отдаемъ кормило року.

Вступая въ свѣтъ, подвергнутые этимъ тремъ крайностямъ, еще колеблющіеся, мы осматриваемся вокругъ себя и видимъ, что общество, судя по его поступкамъ, раздѣлилось на толпы.

Самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно, по силѣ инерціи, толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе пристать къ этой толпѣ. Другія толпы, несравненно меньшія въ объемѣ, болѣе или менѣе увлекаемыя въ направленіи огромной массы, слѣдуютъ различнымъ взглядамъ, стараясь то противоборствовать этому влеченію, то оправдать предъ собою свою слабость и недостатокъ энергіи.

Взглядовъ, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется до десяти, а можетъ быть, и болѣе. Вотъ *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный.

Не размышляйте и не толкуйте о томъ, что необъяснимо.

Это, по малой мѣрѣ, только потеря времени; можно потерять и аппетитъ, и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій, аппетитъ—для наслажденій и трудовъ, сонъ—для трудовъ и наслажденій; труды же и наслажденія—для счастья.

Учитесь философіи и особливо философіи Гегеля; размышляйте, отвлекайтесь, и вамъ все сдѣлается ясно.

Умъ вашъ просвѣтлѣетъ. Вы узнаете, кто вы, что́ вы.

Вы поймете, какъ дважды два—четыре, все, что кажется необъяснимымъ въ глазахъ ученой и неученой черни.

Вотъ *другой* взглядъ—высокій.

Ходите въ церковь, молитесь, вставая, ложась спать и даже передъ обѣдомъ, по святцамъ. Сохраняйте посты, не пропускайте

Число ихъ не соотвѣтствуетъ силѣ людей, требующихъ воспитанія.

Это бы еще не бѣда. Добро и зло, вообще, довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши враждебныя склонности и темпераментъ влекли насъ болѣе къ худому, чѣмъ къ хорошему. А законы устроеннаго общества, вкореняя въ насъ довѣренность къ прозорливости и правосудію правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе къ злу.

Но вотъ бѣда: самыя главныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество. Мы—христіане, и слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ Откровеніе.

Всѣ мы, съ нашего дѣтства, ознакомились съ мыслью о будущей жизни и должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ одно чисто матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьи и наслажденіи въ жизни здѣшней.

Убѣждаясь, при вступленіи въ свѣтъ, въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, мы впадаемъ въ одну изъ трехъ крайностей: *или* 1) мы теряемъ всю нравственную выгоду нашего воспитанія. Увлекаясь матеріальнымъ стремленіемъ общества, мы забываемъ основную идею Откровенія. Только иногда, мелькомъ, въ рѣшительныя мгновенія жизни, мы прибѣгаемъ къ спасательному ея дѣйствію, чтобы подкрѣпить себя и утѣшить.

Или 2) мы начинаемъ дышать враждою противъ общества. Оставаясь вѣрными основной мысли христіанскаго ученія, мы чувствуемъ себя чужими въ мірѣ паганизма, недовѣрчиво смотримъ на добродѣтель ближнихъ, составляемъ секты, ищемъ прозелитовъ, дѣлаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или 3) мы отдаемся произволу. Не имѣя твердости воли устоять противъ стремленія общества, не имѣя довольно безчувственности, чтобы отказаться отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, довольно безнравственности, чтобы отвергать высокое, мы оста-

вляемъ основные вопросы нерѣшенными, избираемъ въ наши путеводители случай, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непоследовательностей и противорѣчій.

Птакъ, вотъ какая жалкая участь ожидаетъ насъ.

Общество твердитъ намъ: хочешь быть счастливымъ со мною,— оставь основную нравственную мысль твоего воспитанія.

Мы сами, не приготовленные, незнакомые съ тѣмъ, что нравственная основа нашего воспитанія рѣзко противорѣчитъ направленію общества, въ которомъ мы начинаемъ жить, колеблемся, блуждаемъ и отдаемъ кормило року.

Вступая въ свѣтъ, подвергнутые этимъ тремъ крайностямъ, еще колеблющіеся, мы осматриваемся вокругъ себя и видимъ, что общество, судя по его поступкамъ, раздѣлилось на толпы.

Самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно, по силѣ инерціи, толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе пристать къ этой толпѣ. Другія толпы, несравненно мéньшія въ объемѣ, болѣе или менѣе увлекаемыя въ направленіи огромной массы, слѣдуютъ различнымъ взглядамъ, стараясь то противоборствовать этому влеченію, то оправдать предъ собою свою слабость и недостатокъ энергіи.

Взглядовъ, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется до десяти, а можетъ быть, и болѣе. Вотъ *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный.

Не размышляйте и не толкуйте о томъ, что необъяснимо.

Это, по малой мѣрѣ, только потеря времени; можно потерять и аппетитъ, и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій, аппетитъ—для наслажденій и трудовъ, сонъ—для трудовъ и наслажденій; труды же и наслажденія—для счастья.

Учитесь философіи и особливо философіи Гегеля; размышляйте, отвлекайтесь, и вамъ все сдѣлается ясно.

Умъ вашъ просвѣтлѣетъ. Вы узнаете, кто вы, чтó вы.

Вы поймете, какъ дважды два—четыре, все, что кажется необъяснимымъ въ глазахъ ученой и неученой черни.

Вотъ *другой* взглядъ—высокій.

Ходите въ церковь, молитесь, вставая, ложась спать и даже передъ обѣдомъ, по святцамъ. Сохраняйте посты, не пропускайте

обѣдни въ праздники, ежегодно говѣйте. Затѣмъ, не размышляйте и живите такъ, какъ живется.

Вотъ *третій* взглядъ—религіозно-простой.

Вы рождены наслѣдниками завѣтнаго грѣха. Вы живете въ юдоли бѣдствій и суеты, чтобы каяться и молить Искупителя о милосердіи. Тольно этимъ мы можемъ спасти себя отъ вѣчныхъ мученій. Безъ этого милосердія нѣтъ ни вѣры, ни добродѣтели, ни вѣчнаго блаженства. Молитесь, кайтесь, пойте псалмы и уповайте.

Вотъ *четвертый* взглядъ—религіозно-высокій.

Трудясь, исполняйте ваши обязанности. Будьте полезными другимъ и себѣ. Въ трудныхъ случаяхъ жизни, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте изъ двухъ золъ меньшее. Впрочемъ, предоставьте спасаться каждому на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ и вкусахъ не спорьте.

Вотъ *пятый* взглядъ—практическій.

Хотите быть счастливыми,—думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но строго соблюдайте приличія и обряды и умѣйте съ людьми уживаться.

Про начальниковъ и нужныхъ людей худо не говорите.

При исполненіи обязанностей не горячитесь. Говорите, чтобы скрыть, что́ вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите. Только объ этомъ молчите и въ кулакъ себѣ смѣйтесь.

Вотъ *шестой* взглядъ—также практическій въ своемъ родѣ.

Не хлопочите и не заботьтесь. Стѣны лбомъ не прошибете. Что́ будетъ, то будетъ. Живите, покуда живется, а когда время придетъ, такъ умрите.

Червякъ на кучѣ грязи! вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что все стремится къ совершенству, и вы—членъ этого общества прогрессистовъ!

Зритель и комедіантъ по-неволѣ! какъ ни бейтесь, лучше ничего не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ! вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, умрите, не зная, зачѣмъ жили!

Вотъ *седьмой* взглядъ - очень печальный.

Заботьтесь, учитесь, работайте, наслаждайтесь, покуда живете. Идите, стремитесь безпрестанно впередъ, отыскивая счастье. Но не ищите его въ далекомъ небѣ; оно у васъ подъ ногами. Какой

вамъ лучшей жизни еще нужно? У насъ есть тѣло, которое чувствуетъ, мыслитъ, судитъ, рядитъ и, умирая, но не уничтожаясь, какъ фениксъ, возраждается.

Вотъ *восьмой* взглядъ—немного болѣе веселый.

Все устроено и настроено къ лучшему Высшимъ Подателемъ благъ. У васъ есть заботливое Провидѣніе. Зло—это одна фантасмагорія, для вашего развлеченія; одна пѣснь, чтобы вы, лучшіе, могли наслаждаться свѣтомъ. Пойте благодарственные гимны и живите припѣваючи.

Вотъ *девятый* взглядъ—ужъ очень веселый.

Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую угодно теорію для вашего развлеченія. Но на практикѣ узнаете главное: какую роль вамъ предназначено играть. Узнавъ, выдержите ее до конца. Счастье—искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не пеняйте, а исправляйтесь.

Вотъ взглядъ *десятый* и очень благоразумный.

Вступившій въ свѣтъ, ознакомившись понемногу съ этими взглядами, поступаетъ различнымъ образомъ, смотря по тому, какъ онъ былъ воспитанъ, какія имѣетъ склонности и какой темпераментъ.

Если онъ родился здоровымъ, или даже черезъ-чуръ здоровымъ, матеріальный его бытъ развился энергически, чувственность преобладаетъ въ немъ, онъ склоняется на сторону привлекательнаго и веселаго взглядовъ.

Если мозгъ его развитъ хорошо, воображеніе не господствуетъ надъ умомъ, инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе было болѣе реальное, онъ дѣлается послѣдователемъ благоразумнаго или одного изъ практическихъ взглядовъ.

Если, напримѣръ, при слабомъ или нервномъ тѣлосложеніи, мечтательность составляетъ главную черту характера, инстинктъ управляется не умомъ, а воображеніемъ, а воспитаніе не было реальнымъ, онъ увлекается то высокимъ, то религіознымъ взглядами, то переходитъ отъ печальнаго къ веселому и даже отъ веселаго къ привлекательному.

Если, наконецъ, воспитаніе сдѣлало изъ ребенка старуху, не давъ ему быть ни мужчиною, ни женщиною, ни даже старикомъ; если при тускломъ умѣ преобладаетъ воображеніе, или при туск-

ломъ воображенiи простой, реальный умъ, то выборъ падаетъ на религiозные взгляды. Воспрiимчивость къ тому или другому взгляду усиливается внѣшними обстоятельствами и состоянiемъ здоровья. Эти два условiя, живость ума, слабость воли, любознанiе и опытъ заставляютъ насъ нерѣдко перемѣнять взгляды и быть поочередно ревностными послѣдователями то одного, то другого.

Если кто изъ насъ, при самомъ вступленiи въ свѣтъ или послѣ, переходя отъ одного взгляда къ другому, наконецъ, совсѣмъ *остановился на которомъ-нибудь*, то это значитъ—ему перевоспитывать себя не для чего; это значитъ—онъ доволенъ своимъ выборомъ; это значитъ—для него рѣшены *основные вопросы жизни*: и цѣль жизни, и назначенiе, и призванiе его обозначены.

Лишается ли онъ, избравъ одинъ изъ этихъ взглядовъ, нравственныхъ выгодъ своего воспитанiя, или, пользуясь ими и придерживаясь не слишкомъ ревностно избраннаго имъ взгляда, думаетъ избѣжать этой альтернативы, мы едва-ли можемъ нарушить его убѣжденiя. И должны-ли? Онъ разрѣшилъ для себя роковые вопросы. Онъ счастливъ въ своемъ смыслѣ. Самъ Искупитель былъ посланъ благовѣтствовать не для счастливыхъ и довольныхъ собою (Лук., гл. IV, 18).

Если-бы наше поприще всегда и оканчивалось этимъ выборомъ одного изъ десяти взглядовъ, если-бы послѣдователи этихъ взглядовъ шли параллельно другъ съ другомъ и съ толпою, движимою по силѣ инерцiи, то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько небольшихъ; все шло бы спокойно по старому; жаловаться было бы не на что.

Но вотъ бѣда: *люди, имѣющiе притязанiе на умъ и чувство*, не довольствуются этимъ выборомъ. Переходя отъ одного взгляда къ другому, вникая, они испытываютъ: все глубже и глубже роются въ рудникахъ души и, не находя въ себѣ внутренняго спокойствiя, оставляютъ эти взгляды, чтобы проложить себѣ *новые пути*. А ревностные послѣдователи этихъ взглядовъ не идутъ параллельно ни другъ съ другомъ, ни съ толпою. Пути ихъ пересѣкаются, направленiя сталкиваются. Менѣе ревностные, слѣдуя вполовину нѣсколькимъ взглядамъ вмѣстѣ, составляютъ новыя комбинацiи. Этотъ разладъ сектаторовъ, и при болѣе твердыхъ политическихъ основахъ общества, могъ бы поколебать его.

На бѣду эти основы шатки; толпа, движущаяся на нихъ, громадна, а правители близоруки.

Люди съ притязаніемъ на умъ и чувство не хотятъ быть ни смиренными поклонниками мертвой буквы, ни дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, ни суемудрыми поборниками грубаго матеріализма, ни восторженными поклонниками одного разума.

Хотя этотъ идеалъ и пахнетъ проповѣдью, но онъ дѣйствительно таковъ. Я знаю это по опыту.

Недовольные, отставшіе отъ послѣдователей различныхъ взглядовъ, они съ энтузіазмомъ стремятся къ этому идеалу и съ самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни—стараются даже, во что бы то ни стало, *перевоспитать себя*. Вотъ *механизмъ*, которымъ они стремятся достигнуть своей цѣли.

Но чтобы вполнѣ понять его, начнемъ:

Пусть каждый или каждая изъ насъ представитъ себѣ, что вы принадлежите именно къ *этому классу людей*.

Итакъ, представьте же теперь, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы иногда и въ лицо не знаете, родились, какъ водится, на свѣтъ.

Васъ, не спросясь, окрестили.

Вы въ свою очередь, также никого не спросясь, выросли. Понемногу, Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе, что называется, осмотрѣться.

До сихъ поръ на всемъ пространствѣ земли вы составляли одинъ общій классъ счастливыхъ существъ, который самымъ Искупителемъ былъ поставленъ въ образецъ человѣчеству.

Теперь, осмотрѣвшись, вы уже распались на нѣсколько различныхъ видовъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ; всѣ пуговицы застегнуты, и все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слышали, что вы—мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы спрашиваете, кто вы такой?

Вамъ отвѣчаютъ, что вы—ученикъ гимназіи и со временемъ — прибавляютъ въ полголоса,—можетъ быть, попадете въ кандидаты трехъ-сотъ (т.е. въ университетъ). Вамъ весело.

Вотъ первый видъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

Вы спрашиваете: что это значитъ?

Вамъ отвѣчаютъ самодовольно, что вы — ученикъ школы правовѣдѣнія, будете навѣрное столоначальникомъ, потомъ прокуроромъ, и если, Богъ дастъ, успѣете состарѣться, то и сенаторомъ.

Вы очень рады.

Вотъ второй видъ:

Осмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ кантикѣ мундира и на погончикахъ воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вамъ отвѣчаютъ громко и отрывисто, что вы кадетъ и будущій офицеръ, генералъ, адмиралъ, генералъ-губернаторъ, министръ или, по крайней мѣрѣ, попечитель учебныхъ заведеній. Вы въ восхищеніи.

Вотъ третій видъ.

Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юбкѣ. Шнуровка, волосы и все въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы—дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, дѣлаете книксенъ и спрашиваете: что теперь дѣлать?

Вамъ отвѣчаютъ: учитесь французскому языку, играйте на фортепіано, танцуйте и держите себя хорошо. Вы очень рады; дѣлаете опять книксенъ и ревностно принимаетесь за эти предметы.

Вотъ четвертый, но еще не послѣдній видъ. Проходятъ годы. Выросши до-нельзя *изъ себя*, вы начинаете уже уже рости *въ себя*. Вы уже замѣчаете, что вы — студентъ, окончившій курсъ, правовѣдъ IX класса, офицеръ, или дѣвушка — невѣста.

Но этотъ разъ вы уже не спрашиваете, кто вы такой и что вамъ дѣлать? Вы увѣрены, что и сами знаете, что теперь дѣлать.

Священникъ объяснялъ вамъ Откровеніе. Привилегированные гувернеры, инспекторы, субъинспекторы, гувернантки, а иногда и сами родители смотрѣли за вашимъ поведеніемъ.

Всевидящее око администраціи наблюдало, чтобы науки и искуства были вамъ излагаемы въ духѣ извѣстныхъ началъ. Прозорливая цензура не давала вамъ читать безнравственныхъ книгъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное начальство открыли вамъ путь къ карьерѣ.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не оста-

ется дѣлать, какъ только то, что́ пекущимся объ васъ *хотѣлось*, чтобы вы дѣлали. Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ.

Звучать для общей гармоніи—согласитесь—есть завидная участь.

Но не тутъ-то было!

Вы достигли теперь уже того періода жизни, въ которомъ *и умъ*, *и чувство* начинаютъ сильно тревожить васъ: первый—задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи еще рѣшить; второе—поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили и что дѣлается вокругъ васъ.

Вы вспоминаете—васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди и мыслили, и поступали не такъ, какъ должно. Они жили здѣсь просто, чтобы жить. Копили деньги и тратили ихъ. Ѣли, пили, пѣли, плясали, ходили въ бани, нѣжились, бранились, дрались и кутили на-пропалую. Хоть между ними были и добрые, умные и степенные люди, но всѣ они все-таки ходили въ потемкахъ, не зная, что есть еще что-то получше этой жизни. Правда, у нихъ былъ Аидъ и Елисейскія поля. Но эти мѣста были гдѣ-то также на землѣ или въ землѣ, и то не для души, а для тѣней. Тѣнямъ самыхъ великихъ людей, почти полубоговъ, жилось не очень весело. Напримѣръ, тѣнь Ахилла объ этомъ очень жаловалась Одиссею:

„Лучше-бъ (говорила она) хотѣлъ я живой,
какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ доставать
свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми
царствовать мертвый.“

Васъ учили, что Воплощенное Слово разсѣяло эту тьму и положило конецъ безтолковому разгулу. Міръ получилъ Откровеніе.

Васъ учили, что Откровеніе, приподнявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: *стремись туда*.

Вы узнали, какая бездна отдѣляетъ васъ отъ развалинъ того

міра, который только въ себѣ самомъ искалъ препоны взрывамъ страстей, не имѣя никакого будущаго за своими предѣлами.

Одушевленные благодѣтельнымъ словомъ Откровенія, вы смотрите вокругъ себя, и что же?

Вы видите—окружающая васъ толпа разыгрываетъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которыя Откровеніе объявило роковою препоною къ достиженію истиннаго счастія.

Видя это, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы.

Натурально, вы не хотите быть долго мистифицированными.

Вы начинаете еще глубже вникать, анализировать, и находите себя въ критическомъ положеніи.

Вамъ предстоитъ безутѣшная альтернатива: или дерзновенно отвергнуть заповѣдныя завѣщанія Откровенія; или вступить во вражду съ міромъ, исходъ которой предвидѣть не трудно.

Отдаться *произволу* не позволяютъ вамъ ни *умъ*, ни *чувство*.

Надобно быть атлетомъ святотатства или самоотверженія, чтобы избрать *одно* изъ *двухъ* этой роковой дилеммы.

Не удалиться-ли отъ свѣта, не сдѣлаться ли монахомъ?

Фи! самоубійство не можетъ быть мыслью здороваго человѣка.

Вспоминая прежде съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о духѣ древняго міра, вы начинаете теперь ему завидовать. Онъ былъ послѣдователенъ. Вступающимъ въ свѣтъ нельзя было жаловаться, что ихъ мистифицировали. Но завидовать, сѣтовать и колебаться ни къ чему не ведетъ. Время летитъ, нужно дѣйствовать.

Вотъ теперь-то вы и начинаете пристальнѣе разсматривать окружающее васъ. Теперь-то вы замѣчаете, что, кромѣ огромной толпы, безсознательно влекомой невидимою силой, есть еще и нѣсколько другихъ, меньшаго объема, дѣйствующихъ не безъ сознанія.

Теперь-то вы начинаете знакомиться со взглядами и поступками этихъ дѣйствующихъ группъ. Сначала это васъ интересуетъ. Вы дѣлаетесь ревностными послѣдователями той или другой. Но вскорѣ то умъ, то чувство нашептываютъ вамъ возраженія. Снова колебаніе, сѣтованіе, упреки: себѣ, другимъ и даже

судьбѣ. Вы сѣтуете: что стоило бы природѣ вылить насъ всѣхъ по этому благодатному *типу круглоты и сочности*, который всегда остается на сторонѣ веселаго взгляда? Тогда нашему праотцу, вѣрно, не вздумалось бы пускаться въ распознаваніе добра и зла,—не существовало бы истощенныхъ адептовъ анализа. Антоній окружилъ бы длинношейнаго Цезаря толстяками, а не тощими Брутами. Эпикуръ былъ бы совершенно лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Плѣшивый Сократъ не нашелъ бы себѣ послѣдователей, а слѣдовательно, и противниковъ, и не умеръ бы отъ болиголова. Будь я государь, я непремѣнно велѣлъ бы развести поколѣніе по этому типу. Надобно же было вылиться *другому*, *неокругленному*, *безсочному типу*, который не хочетъ жить, наслаждаясь плодами земли. Это онъ все вверхъ дномъ поставилъ. Это онъ вѣчно роется, никогда не устаетъ и ничѣмъ недоволенъ. Для него все ни по чемъ: факты-Эзоповы языки; преданія—миѳы; внутреннія убѣжденія—предразсудки. Одинъ анализъ—его кумиръ.

Сѣтованіямъ конца нѣтъ. Нѣтъ отъ нихъ и пользы.

Вамъ приходитъ на мысль: чѣмъ бѣгать за этими толпами и желать невозможнаго—*переродиться*,—не лучше ли *перевоспитать* себя и потомъ уже, серьезно и окончательно, рѣшить вопросы жизни? Вздумано—сдѣлано. Вы тотчасъ же принимаетесь вникать въ себя, хотите вывести себя на чистую воду, узнать рѣшительно, что вы за человѣкъ?

Вы мало-по-малу узнаете, что *внутренній* человѣкъ въ васъ, слишкомъ рано развившись, пересиливалъ черезъ-чуръ *наружнаго*, ни на минуту не хотѣлъ отдохнуть въ немъ, безпрестанно рвался вонъ, деспотствовалъ, тиранилъ слабый составъ и игралъ имъ по своему произволу, разливался, кутилъ и не имѣлъ времени вникнуть въ себя.

Но наружный, несмотря на врожденную хилость, былъ еще довольно упругъ и тягучъ, чтобы выдержать эти напоры. Измученный, онъ еще противодѣйствовалъ.

Воспитатели были слишкомъ близоруки, чтобы замѣтить эту борьбу. Такъ прошла юность. Вашъ внутренній человѣкъ, убѣдившись опытомъ, что онъ дѣйствуетъ противъ себя же самого, наконецъ, остепенился. Онъ пріучается вникать въ себя и видитъ, что ему осталось еще *одно изъ двухъ*: или сказать вѣчное

прости отвлеченіямъ, не пытаться далѣе вникать въ себя, закабалить себя въ желѣзный панцырь *формы*, одѣть въ мундирный фракъ, въ накрахмаленную юбку, и въ книгѣ бытія разбирать не смыслъ, а мертвую букву; или, съ утра до ночи роясь въ рудникахъ души, подстерегая мгновенія ея свободы, заставить ее самое рѣшить вопросы жизни.

Вотъ послѣдній періодъ жизни, въ который вамъ или нужно навсегда отказаться отъ искомаго идеала и спокойно заснуть подъ тѣнью *формы*; или, вступивъ опять въ борьбу съ самимъ собою, искать отдохновенія лишь на закатѣ жизни, въ словахъ: „*да, я страдалъ, но не напрасно*".

Но не забывайте: вы—человѣкъ, *имѣющій притязаніе на умъ и чувство*. Можно ли же сомнѣваться, на которое изъ двухъ падетъ вашъ выборъ?

Но не забывайте также: вы живете въ мірѣ противорѣчій и непослѣдовательности. Проведя половину жизни, чтобы рѣшить ея роковые вопросы; испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ; предпринявъ, наконецъ, перевоспитать себя и, во что бы то ни стало, достигнуть своего идеала, вы на самомъ распутьи этого поприща иногда вдругъ останавливаетесь: лѣнь и страхъ одолѣваютъ васъ.

Наслажденіе подъ сѣнью мірского счастья и спокойной формы манитъ васъ на перепутьи. Тысячи и тысячи внѣшнихъ обстоятельствъ такъ заманчиво около васъ располагаются, что всѣ предположенія, которыя было вытянулись передъ вами такою послѣдовательною нитью, вдругъ сбиваются.

Что вы привыкли было считать *твердыми убѣжденіями*, оказалось ничтожною паутиной предположеній. Вы, покидая вашъ путь, доказываете, что *убѣжденія даются не каждому*: *это даръ неба*,—ни опытъ, ни время, ни логика еще не могутъ образовать ихъ. Прежде чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать, *можете ли вы ихъ имѣть*.

Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто хоть однажды, но проницательно, взглянулъ въ себя. На это также способенъ не всякій. Для этого нужны: вдохновеніе, способность отвлекаться и упражненіе. Я прибавилъ-бы еще: и молитва, еслибы я отличалъ ее отъ минуты отвлеченія и вдохновенія.

Итакъ, вы—человѣкъ съ умомъ и чувствомъ, вы,—желающій

перевоспитать себя, желающій достичь искомой цѣли жизни,— вы узнаете, наконецъ, что надобно начать съ отвлеченія, чтобы узнать себя, узнать, способны ли вы къ нравственнымъ убѣжденіямъ, и къ какимъ именно?

Иначе воротитесь лучше назадъ, пристаньте лучше къ той или другой толпѣ и будьте счастливы по своему.

Прожить полжизни, чтобы узнавать и перевоспитывать себя!—неутѣшительно; но все же лучше, чѣмъ умереть, не узнавъ себя. А знаете, кто лучше всѣхъ себя знаетъ?—Дѣти. Изъ ихъ души еще не успѣлъ образоваться этотъ страшный двойникъ, убѣгая котораго, мы безпрестанно отыскиваемъ самозабвенія. „Дѣтьми и бѣдными" умомъ нужно быть, по словамъ Искупителя, чтобы сдѣлаться причастниками Откровенія и вѣчнаго блаженства. Не значитъ ли это: *знать самихъ себя*, какъ это знаетъ дѣтская простодушность, у которой нѣтъ *другого себя*, которой потому не нужно ни углубляться, ни отвлекаться? Не значитъ ли это довести себя, силою отвлеченія и вдохновеній, *до полнаго самопознанія*, слить свою двойственность, изгнать двойника изъ глубокихъ извилинъ души? Вотъ идеалъ, вполнѣ недосягаемый, но къ которому мы должны безпрестанно стремиться!

Только на пути къ этому идеалу мы достигаемъ способности имѣть нравственныя убѣжденія. Итакъ, вотъ начало перевоспитанія: узнать себя. Трудъ неимовѣрный! Постоянное напряженіе духа отвлеченіемъ, борьба съ самимъ собой, съ окружающимъ васъ. Вдохновеніе, можетъ быть, разстроитъ ваши нервы, истощитъ вашъ матеріальный бытъ. Не опасайтесь этого. Если преобладающая матерія можетъ управлять духомъ и даже совершено оцѣпенить его, то чего не можетъ сдѣлать надъ матеріею духъ, назначенный управлять ею?!

Стремясь къ своему назначенію, онъ лучше знаетъ, какъ удержать ее въ опредѣленныхъ границахъ, какъ укрѣпить, какъ направлять ее для своихъ цѣлей. Посмотрите на атлетовъ человѣчества—слабы ли были ихъ нервы? Не духъ, а инстинкты, то поощряемые, то удерживаемые воображеніемъ, бунтующимъ противъ воли,—вотъ что щекочетъ и бичуетъ ваши нервы.

Наконецъ, вамъ хотя однажды довелось, въ минуты вдохновенія, въ минуты внутренняго созерцанія, бросить одинъ изъ

тѣхъ глубокихъ, рѣшительныхъ взглядовъ, и вы признали въ себѣ *убѣжденіе*.

Убѣдясь, что вы *готовы выступить на путь самопознанія*, вы становитесь наблюдателемъ у неизмѣримаго кратера души, подстерегаете быстролетныя мгновенія, когда затихнетъ изверженіе вѣчно клокочущей лавы, чтобы хоть украдкою взглянуть въ эту страшную глубину.

Нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ, чтобы изобразить весь этотъ *механизмъ наблюденія надъ собою*. Ему нужны сравненія, которыя, хотя бы отдаленно, могли выразить, что съ вами происходитъ.

Таково нравственное отвлеченіе и созерцаніе, ведущее къ *самопознанію*. Отвлекаясь отъ себя, чтобъ созерцать самихъ себя, чтобъ углубиться въ сокрытые рудники души, вы убѣждаетесь въ существованіи вашей *двойственности*. Чѣмъ болѣе жили, думали и чувствовали вы, тѣмъ болѣе запуталась ваша двойственность въ извилистыхъ ходахъ, тѣмъ труднѣе проникнуть въ эти извилины, тѣмъ сложнѣе дѣлается механизмъ наблюденія, тѣмъ болѣе нужно отвлеченія, твердости и постоянства.

Но и достигнувъ уже силою воли извѣстной опытности въ самосозерцаніи, не льстите себя надеждой когда-нибудь достигнуть матеріальной ясности и очевидности, не ищите строгой послѣдовательности въ вашихъ взглядахъ.

Кто думаетъ логически, посредствомъ силлогизмовъ, начертать начала самосозерцанія и составить изъ нихъ стройное, ясное цѣлое,—тотъ не понимаетъ сущности отвлеченія, тотъ не только не рылся въ себѣ, но и не заглядывалъ въ свой сокровенный лабиринтъ. Нестройный хороводъ однихъ завѣтныхъ *предчувствій*, однихъ туманныхъ призраковъ мысли, вызванный вдохновеніемъ изъ бездонной глубины на видимый горизонтъ души—вотъ сущность отвлеченія. Какъ связать въ цѣлое эти украдкой сдѣланныя наблюденія надъ собою, эти отрывки самопознанія?

Какъ нерѣдко эти призраки заставляютъ содрогаться самую отважную душу при одномъ появленіи на ея небосклонѣ! Но вы бросаетесь въ бѣгство отъ себя, замѣтивъ, что тотъ или другой призракъ, рисовавшійся только блѣдными очерками вдали, приближается къ вамъ, какъ страшная личина въ фантасмагоріи,

начинаетъ яснѣть, быстро принимаетъ огромные размѣры и уже готовъ охватить васъ.

Итакъ, не думайте, что сущность истины для насъ ясна. Одни проявленія ея свѣтлы; но и они такъ свѣтлы, что мы еще не привыкли смотрѣть на нихъ. Что кажется обыкновенному уму чрезвычайно простымъ, яснымъ и отчетливымъ—еще не истина. Когда одни ея слабые проблески до насъ доходятъ отрывками; когда однимъ высокимъ умамъ, и то въ часы высокихъ вдохновеній, удастся иногда постигнуть тотъ или другой отрывокъ проявленія истины въ мірѣ матеріальномъ,—то можемъ ли мы ожидать, чтобы мы могли получить ясныя свѣдѣнія о скрытомъ въ глубинѣ ея источникѣ?

Узнавъ въ самопознаніи, какъ много такого скрывается въ васъ, что при мгновенномъ проявленіи уже наводитъ страхъ, вы начинаете постигать также, какъ велико *пространство, раздѣляющее мысль* отъ ея проявленія *въ словѣ и дѣлѣ*, и это *первое* открытіе въ самопознаніи то доставляетъ вамъ *утѣшеніе*, то возбуждаетъ какую-то *тоску по отчизнѣ*.

Чѣмъ менѣе раздвоился внутренній бытъ вашъ, тѣмъ неразрывнѣе связаны у васъ *мысль*, *слово и дѣло*. Самая мысль тогда едва напоминаетъ вамъ о себѣ,—такъ она бываетъ тѣсно связана съ вашимъ сознаніемъ. Дитя не знаетъ или не чувствуетъ, что оно мыслитъ. Вы получаете свѣдѣнія объ ея существованіи только чрезъ слово и дѣло. Произнесенное и совершившееся дѣло, дѣйствуя обратно на ваши чувства, производитъ на васъ пріятное или непріятное впечатлѣніе, которое вы называете *добромъ* или *зломъ*. Вотъ весь нравственный процессъ, совершающійся *въ нераздвоенномъ человѣкѣ*. Но рано, необыкновенно рано, показываются въ нашемъ обществѣ начатки нравственной двойственности. Размышляя о нашемъ дѣтствѣ, мы едва вспоминаемъ о первомъ ея началѣ. По мѣрѣ вашего развитія, увеличивается и *промежутокъ времени*, раздѣляющій мысль отъ слова и дѣла. И въ этомъ промежуткѣ произносятся нерѣдко ваши слова, совершаются поступки, безсвязно противорѣчащіе слову и дѣлу, которымъ предстоитъ еще совершиться. Не слѣдите за собой, не углубляйтесь въ самопознаніи, и вы запутаетесь въ этомъ лабиринтѣ противорѣчій и непослѣдовательности, въ отчаяніи начнете убѣгать себя и искать отрады въ самозабвеніи.

Но, находясь безпрестанно на стражѣ за собой, вы научаетесь мало-по-малу безстрашно и проницательно смотрѣть въ глубину души: вы узнаете, откуда берутся эти противорѣчія, и, проникая взоромъ отвлеченія все глубже и глубже, вы открываете еще безконечный матеріалъ для новыхъ мыслей, готовыхъ выпрянуть изъ глубины и стать между словомъ, дѣломъ и мыслью, уже созрѣвшею для проявленія на свѣтъ.

Слѣдя за собою все далѣе и далѣе, вы научаетесь *отсылать эти вставочныя или вводныя мысли назадъ, къ ихъ первобытному источнику*, и черезъ это не допускать ихъ созрѣвать *до проявленія въ словѣ и дѣлѣ*. Вы можете достигнуть еще большаго совершенства въ самопознаніи: вы достигнете способности удлинять и укорачивать промежутки времени, раздѣляющіе мысль отъ слова и дѣла, и даже вызывать, по вашему произволу, другія мысли въ это время, созерцать ихъ, нѣкоторыя изъ нихъ проявлять словомъ и дѣломъ, а нѣкоторыя, не допустивъ проявляться, отсылать назадъ, къ ихъ сокровенному источнику.

Такъ вы достигаете послѣдовательности, воспользовавшись первымъ открытіемъ самопознанія, чувствуете себя лучше, и крѣпче, и готовнѣе продолжать проложенный путь. Такъ доставляетъ утѣшеніе первое открытіе самопознанія.

Но оно же и возбуждаетъ въ насъ чувство *тоски по отчизнѣ*.

Вы погружены въ созерцаніе, вы уже начинаете проявлять въ словѣ и дѣлѣ высокую мысль, вызванную отвлеченіемъ изъ глубины души. Въ это время неосуществленныя еще мысли, вызванныя вами цѣлымъ хороводомъ на горизонтъ души, то опять исчезаютъ, то снова появляются, по вашему произволу, и вдругъ вы ясно различаете между ними лишь тонкою пеленою мысли едва прикрытые *инстинкты*, а за ними поднимается грозно тѣнью и *мысль о ничтожествѣ*.

Перенесенные было отвлеченіемъ въ высшую сферу, вы вспоминаете теперь о вашемъ земномъ назначеніи, и тоска по этой отчизнѣ начинаетъ томить васъ, напоминая вмѣстѣ и ничтожность, и разрушеніе.

Но и увлеченные мгновенно вашей матеріею къ грубымъ наслажденіямъ, вы, сроднившись съ отвлеченіемъ, также между вызванными мыслями замѣтите и тѣ, которыя своей чистотой

свѣтлостью напоминаютъ вамъ живо, что есть для васъ и другая отчизна, за предѣлами этихъ наслажденій.

Теперь только, испытавъ въ первыхъ началахъ самопознанія и утѣшеніе, и чувство тоски по *двумъ* отчизнамъ, получая все болѣе и болѣе ясныя понятія о вашей нравственной двойственности, научившись уже нѣсколько управлять ею и сближать двѣ ея стихіи, *вы убѣждаетесь*, наконецъ, что *борьба съ этою двойственностью* и съ матеріальнымъ *вашимъ бытомъ*, *безпрестанное стремленіе привесть ее къ одному знаменателю—цѣль здѣшней жизни*, *ваше прямое назначеніе на землѣ*.

Борьба, но не вражда. Не враждуя съ вашей матеріей, не враждуя съ окружающимъ васъ, вы должны вступить *въ эту высокую*, *идеальную борьбу для недосягаемаго на землѣ идеала*.

Такъ отвлеченіемъ и самопознаніемъ вы достигаете и до *познанія началъ святого Откровенія*, *основную мысль* котораго составляетъ эта же самая борьба на землѣ, для достиженія блаженства за гробомъ.

Предположимъ, что вы дошли до борьбы воли съ матеріей. Вы скажете, что для этого еще не нужно искусства самопознанія; вы и прежде, живя въ обществѣ, должны были испытывать эту борьбу; вы скажете, что и животныя такъ борются, какъ бы ни былъ силенъ ихъ инстинктъ. Но знайте,—въ обществѣ вы сражаетесь съ чувственностью безсознательной и, слѣдовательно, безъ нравственной воли. Правда, законы, налагаемые приличіемъ, упражняютъ волю, но не сознательную: они исполняются чрезъ подражаніе—также родъ инстинкта, свойственнаго и животнымъ. То, что вамъ безъ искусства въ самопознаніи кажется побѣдою воли надъ чувственностью, есть только одна побѣда инстинкта надъ инстинктомъ. Хищный звѣрь, видя добычу, не бросится на нее, когда чувствуетъ, что не въ состояніи ее преодолѣть: инстинктъ самосохраненія торжествуетъ и надъ голодомъ. Но та борьба, къ которой ведетъ самопознаніе, основана на сознаніи нравственной воли. „Я хочу“ торжествуетъ надъ инстинктомъ.

Чѣмъ грубѣе и громче вопль инстинкта, тѣмъ легче замѣтить, откуда онъ выходитъ, тѣмъ легче борьба съ открытымъ противникомъ.

Несравненно труднѣе разслушать тѣ клики, которые произ-

Но, находясь безпрестанно на стражѣ за собой, вы научаетесь мало-по-малу безстрашно и проницательно смотрѣть въ глубину души: вы узнаете, откуда берутся эти противорѣчія, и, проникая взоромъ отвлеченія все глубже и глубже, вы открываете еще безконечный матеріалъ для новыхъ мыслей, готовыхъ выпрянуть изъ глубины и стать между словомъ, дѣломъ и мыслью, уже созрѣвшею для проявленія на свѣтъ.

Слѣдя за собою все далѣе и далѣе, вы научаетесь *отсылать эти вставочныя или вводныя мысли назадъ, къ ихъ первобытному источнику*, и черезъ это не допускать ихъ созрѣвать *до проявленія въ словѣ и дѣлѣ*. Вы можете достигнуть еще большаго совершенства въ самопознаніи: вы достигнете способности удлинять и укорачивать промежутки времени, раздѣляющіе мысль отъ слова и дѣла, и даже вызывать, по вашему произволу, другія мысли въ это время, созерцать ихъ, нѣкоторыя изъ нихъ проявлять словомъ и дѣломъ, а нѣкоторыя, не допустивъ проявляться, отсылать назадъ, къ ихъ сокровенному источнику.

Такъ вы достигаете послѣдовательности, воспользовавши первымъ открытіемъ самопознанія, чувствуете себя лучше, и крѣпче, и готовнѣе продолжать проложенный путь. Такъ доставляетъ утѣшеніе первое открытіе самопознанія.

Но оно же и возбуждаетъ въ насъ чувство *тоски по отчизнѣ*.

Вы погружены въ созерцаніе, вы уже начинаете проявлять въ словѣ и дѣлѣ высокую мысль, вызванную отвлеченіемъ изъ глубины души. Въ это время неосуществленныя еще мысли, вызванныя вами цѣлымъ хороводомъ на горизонтъ души, то опять исчезаютъ, то снова появляются, по вашему произволу, и вдругъ вы ясно различаете между ними лишь тонкою пеленою мысли едва прикрытые *инстинкты*, а за ними поднимается грозною тѣнью и *мысль о ничтожествѣ*.

Перенесенные было отвлеченіемъ въ высшую сферу, вы вспоминаете теперь о вашемъ земномъ назначеніи, и тоска по этой отчизнѣ начинаетъ томить васъ, напоминая вмѣстѣ и ничтожность, и разрушеніе.

Но и увлеченные мгновенно вашей матеріею къ грубымъ наслажденіямъ, вы, сроднившись съ отвлеченіемъ, также между вызванными мыслями замѣтите и тѣ, которыя своей чистотой и

Уничтожьте *сомнѣніе въ себѣ*, и мощная воля осѣнитъ васъ. А можно ли его уничтожить безъ вдохновенія?

Итакъ, вотъ финалъ самопознанія. Вы открыли въ себѣ храмъ святыни. Вступите въ него съ упованіемъ, и могучая высшая воля снизойдетъ на васъ. Недаромъ человѣчество было всегда влекомо къ вдохновенію. Оно безсознательно чувствовало, гдѣ оно должно было искать своей опоры. Самопознаніе приводитъ къ тому же путемъ отвлеченія и убѣжденія сознательнаго, которое потому непоколебимо и твердо. Если послѣдователи торговаго направленія въ нашемъ обществѣ съ улыбкою намекаютъ намъ, что теперь вдохновенія нѣтъ и не нужно, то они не знаютъ, какая горькая участь ожидаетъ въ будущемъ человѣчество, пресыщенное жизнью, утратившее небесный даръ, единственную связь его съ Верховнымъ Существомъ.

Безъ вдохновенія нѣтъ воли. Безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы—ничтожество и смерть. Вотъ наша участь.

Не думайте, чтобы самопознаніе, открывъ передъ вами путь, заключило холоднымъ эпилогомъ: „имѣйте вдохновеніе".

Оно само уже есть даръ высшей воли, и, проникнувъ съ нимъ хотя однажды въ глубину души, вы уже выходите на свѣтъ другими, вы вынесли съ собою убѣжденіе о существованіи завѣтно-святого; вы молитесь, чтобы высшая воля одушевила васъ въ борьбѣ съ началомъ всѣхъ сомнѣній—дуализмомъ вашей души.

Мы всѣ способны къ вдохновенію, хотя не всѣ въ одинаковой степени, и всякій по своему. Шаманъ и дервишъ дѣлаютс вдохновенными черезъ тѣлодвиженія. Для большей части изъ насъ нужны музыка и пѣніе. Спаситель показалъ намъ въ своей земной жизни, что для высшаго вдохновенія нужно извѣстное состояніе тѣла и духа, достигаемое постомъ и уединеніемъ. Самопознаніе учитъ насъ тому же: не улучшивъ, не облагородивъ матеріи, не подвергнувъ ея грубыхъ атомовъ сотрясеніямъ эѳирныхъ атомовъ духа,—мы дѣлаемся неспособными къ высшему вдохновенію, развивающемуся изъ созерцанія и отвлеченія. Вседневная, дюжинная жизнь, съ торговыми ея взглядами, увлекши васъ однажды своимъ потокомъ, не располагаетъ ни къ тому, ни къ другому. Уединеніе необходимо для этого.

Изъ этого не слѣдуетъ, что вамъ непремѣнно нужно сдѣлаться аскетомъ. Живя наружно, какъ живутъ всѣ другіе, живите еще внутренно. Вы найдете тогда уединеніе и въ обществѣ; житейскія заботы не развлекутъ вашего отвлеченія. Среди шумящей толпы, въ самомъ разумѣ ея вакханалій, вдохновеніе одушевитъ васъ.

Но покуда самопознаніе не привело васъ къ конечной его цѣли, вы долго, долго не будете своими среди людей.

Вы недовѣрчиво будете смотрѣть на нихъ. Вы будете любить ихъ, но по долгу, а не по убѣжденію, И можно ли ожидать, чтобы вы довѣрчиво и съ участіемъ смотрѣли на нихъ, когда цѣлый сонмъ противорѣчій и враждующихъ инстинктовъ—призраковъ вашей дѣйствительности—толпится въ душѣ, заставляя васъ безпрестанно сомнѣваться въ себѣ и недовѣрчиво смотрѣть на себя? Вы безпрестанно примѣняете къ другимъ то, что дѣлается въ васъ. И это такъ. Вы лучше знаете ихъ, нежели они сами. Вотъ въ этомъ-то періодѣ самопознанія любопытство, самолюбіе и корысть подстрекаютъ васъ управлять другими. Какъ не воспользоваться плодами наблюденій надъ собою?

Какъ не увѣриться на опытѣ, что точно то же происходитъ въ другихъ, что и во мнѣ? Еще одинъ шагъ, и вы, со всѣмъ запасомъ самопознанія,—игрушка вашего же эгоизма. Не вдохновеніе, не высшая воля, одинъ разумъ ставитъ васъ въ челѣ другихъ. Но, вотъ, самопознаніе уже раскрываетъ предъ вами свой финалъ. Вдохновеніе все чаще и чаще навѣщаетъ васъ Тогда другія желанія начинаютъ волновать васъ.

Сомнѣніе и двойственность потрясены. Недовѣрчивость (къ себѣ и другимъ) ослаблена. Рождается *потребность то сообщить другимъ*, что свыше осѣнило васъ. Уже не женское любопытство, не эгоизмъ поджигаютъ васъ,—верховная воля управляетъ вами и стремится чрезъ ваши собственныя убѣжденія излиться на другихъ.

Какая загрубѣвшая душа не вспомнитъ безъ участія о тѣхъ вѣкахъ, когда міръ былъ потрясенъ этими убѣжденіями, когда вдохновенные ученики, презирая смерть, шли по стопамъ Учителя, и ихъ вдохновеніе, съ потоками дымящейся крови, лилось на изумленное человѣчество?!

Итакъ, и бытописаніе, и наблюденіе самого себя показываютъ, что потребность сообщать другимъ, чѣмъ вы проникнуты сами, знаменуется торжествомъ надъ эгоизмомъ — *пожертвованіемъ*.

Вы дѣлаетесь готовыми принести въ жертву ваши мечты о земномъ счастьи, которыми избалованное воображеніе и чувственность убаюкивали васъ съ вашего дѣтства. Вамъ не спалось спокойно безъ тихихъ колыханій вашей колыбели. Но вдохновеніе прогнало этотъ сонъ. Не здѣсь назначено вамъ отдыхать отъ утомленій.

Кто не насмѣхался изъ васъ надъ *искателями* сильныхъ ощущеній? Кто съ изумленіемъ не видитъ, какъ въ нашемъ вѣкѣ реализма начинаетъ распространяться эта болѣзнь временъ рыцарства (среднихъ вѣковъ)? Убѣдитесь же, что никакое матеріальное направленіе въ свѣтѣ не въ состояніи уничтожить вдохновенія въ человѣкѣ. Это исканіе сильныхъ ощущеній есть его проявленіе. Прежде цѣлыя массы людей, одушевленныхъ вдохновеніемъ, готовы были принести себя въ жертву и пролить кровь за свои убѣжденія. Теперь тѣ изъ нихъ, на которыхъ порою нисходитъ высшая воля, влекомые безъ сознанія этимъ ощущеніемъ, готовы также жертвовать собою. Но общество, уже привыкшее къ своей земной неволѣ, не требуетъ отъ нихъ ихъ жертвы. Что же остается имъ? Собою жертвовать для сильныхъ ощущеній! Посмотрите на искателей сильныхъ ощущеній съ этой точки, и смѣшныя восторженности донкихотства, странные припадки англійскаго сплина будутъ для васъ безсознательнымъ проявленіемъ высокаго въ человѣческой натурѣ, — борьбы и готовности жертвовать собою, — но покрытаго прахомъ земли, поднявшимся отъ скованныхъ стопъ рабскаго общества. Такъ вы, наконецъ, разрѣшили для себя роковые вопросы жизни. Вы сдѣлались готовыми для нихъ пожертвовать и отдыхомъ, и сладкимъ сномъ земного бытія. Перевоспитаніе свершилось.

Вы озираетесь—и видите, что уже давно истерты мундиръ и юбка, въ которыхъ вы увидѣли себя, когда вамъ вздумалось въ первый разъ осмотрѣться. Сбылись и не сбылись тѣ предвѣщанія, которыми вы такъ когда то восхищались, смотря на воротникъ мундира, на вашъ корсетъ и на то, что подъ нимъ такъ тихо такъ сладко и волновалось.

Жизнь приближается къ закату.

Вы, уже не сбиваясь, идете по начертанному пути. Безъ вражды, одушевленные упованіемъ, вы доканчиваете однажды начатую борьбу, эгоизмъ уже замѣняетъ готовность къ жертвѣ. Но тихая грусть падаетъ въ сердце. — Что это: не отдаленный ли вопль эгоизма? Нѣтъ, то голосъ тоски по отчизнѣ; онъ будетъ васъ провожать до самаго гроба. Онъ шепчетъ вамъ: „ищи участія, ищи сочувствія; ты можешь жертвовать, — авось найдешь его!“

Сочувствіе—это магнетизмъ души. Мы слишкомъ рано начинаемъ ощущать его присутствіе въ насъ, но слишкомъ поздно научены цѣнить его.

Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, призывающій высшую волю.

Томно и тихо сочувствіе; оно, какъ заунывная пѣснь, манитъ насъ къ земной отчизнѣ.

Какъ борьба жизни покажется намъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ насъ?!

Небесное дѣлается намъ отверстымъ чрезъ вдохновеніе; земное - возвышается чрезъ сочувствіе.

Но, прошедши чрезъ школу самопознанія, боровшись полжизни съ окружающимъ и съ собою, узнавъ толпу,—кто не подумаетъ, въ минуты вдохновенія, когда сочувствіе напоминаетъ ему о родинѣ: „не лучше ли хранить, какъ святыню, завѣтное, не расточать его, потушить земную потребность участія, служить землѣ по долгу, по необходимости, не изъ любви къ отчизнѣ?..“

Не лучше ли, отчаявшись когда-нибудь найти участіе, сдѣлаться для людей холоднымъ исполнителемъ своего призванія, сочувствовать ихъ скорбямъ, помогать и утѣшать, не призывая ихъ взаимности ни голосомъ, ни взглядомъ?—И что въ этомъ суетномъ участіи Марѳы?

Марій же—много-ли на землѣ?

И можно ли надѣяться, чтобы вамъ сочувствовали, то-есть, чтобы взяли на себя трудъ узнать васъ, тогда какъ вамъ самимъ стоило столько неимовѣрнаго труда, столько борьбы и жертвъ, чтобы вымолить позволеніе отъ вашей собственной души смотрѣть въ нее, и то украдкою.

Итакъ, и бытописаніе, и наблюденіе самого себя показываютъ, что потребность сообщать другимъ, чѣмъ вы проникнуты сами, знаменуется торжествомъ надъ эгоизмомъ — *пожертвованіемъ*.

Вы дѣлаетесь готовыми принести въ жертву ваши мечты о земномъ счастьи, которыми избалованное воображеніе и чувственность убаюкивали васъ съ вашего дѣтства. Вамъ не спалось спокойно безъ тихихъ колыханій вашей колыбели. Но вдохновеніе прогнало этотъ сонъ. Не здѣсь назначено вамъ отдыхать отъ утомленій.

Кто не насмѣхался изъ васъ надъ *искателями* сильныхъ ощущеній? Кто съ изумленіемъ не видитъ, какъ въ нашемъ вѣкѣ реализма начинаетъ распространяться эта болѣзнь временъ рыцарства (среднихъ вѣковъ)? Убѣдитесь же, что никакое матеріальное направленіе въ свѣтѣ не въ состояніи уничтожить вдохновенія въ человѣкѣ. Это исканіе сильныхъ ощущеній есть его проявленіе. Прежде цѣлыя массы людей, одушевленныхъ вдохновеніемъ, готовы были принести себя въ жертву и пролить кровь за свои убѣжденія. Теперь тѣ изъ нихъ, на которыхъ порою нисходитъ высшая воля, влекомые безъ сознанія этимъ ощущеніемъ, готовы также жертвовать собою. Но общество, уже привыкшее къ своей земной неволѣ, не требуетъ отъ нихъ ихъ жертвы. Что же остается имъ? Собою жертвовать для сильныхъ ощущеній! Посмотрите на искателей сильныхъ ощущеній съ этой точки, и смѣшныя восторженности донкихотства, странные припадки англійскаго сплина будутъ для васъ безсознательнымъ проявленіемъ высокаго въ человѣческой натурѣ, — борьбы и готовности жертвовать собою, — но покрытаго прахомъ земли, поднявшимся отъ скованныхъ стопъ рабскаго общества. Такъ вы, наконецъ, разрѣшили для себя роковые вопросы жизни. Вы сдѣлались готовыми для нихъ пожертвовать и отдыхомъ, и сладкимъ сномъ земного бытія. Перевоспитаніе свершилось.

Вы озираетесь—и видите, что уже давно истерты мундиръ и юбка, въ которыхъ вы увидѣли себя, когда вамъ вздумалось въ первый разъ осмотрѣться. Сбылись и не сбылись тѣ предвѣщанія, которыми вы такъ когда то восхищались, смотря на воротникъ мундира, на вашъ корсетъ и на то, что подъ нимъ такъ тихо такъ сладко и волновалось.

Жизнь приближается къ закату.

Вы, уже не сбиваясь, идете по начертанному пути. Безъ вражды, одушевленные упованіемъ, вы доканчиваете однажды начатую борьбу, эгоизмъ уже замѣняетъ готовность къ жертвѣ. Но тихая грусть падаетъ въ сердце. — Что это: не отдаленный ли вопль эгоизма? Нѣтъ, то голосъ тоски по отчизнѣ; онъ будетъ васъ провожать до самаго гроба. Онъ шепчетъ вамъ: „ищи участія, ищи сочувствія; ты можешь жертвовать, — авось найдешь его!“

Сочувствіе—это магнетизмъ души. Мы слишкомъ рано начинаемъ ощущать его присутствіе въ насъ, но слишкомъ поздно научены цѣнить его.

Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, призывающій высшую волю.

Томно и тихо сочувствіе; оно, какъ заунывная пѣснь, манитъ насъ къ земной отчизнѣ.

Какъ борьба жизни покажется намъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ насъ?!

Небесное дѣлается намъ отверстымъ чрезъ вдохновеніе; земное - возвышается чрезъ сочувствіе.

Но, прошедши чрезъ школу самопознанія, боровшись полжизни съ окружающимъ и съ собою, узнавъ толпу,—кто не подумаетъ, въ минуты вдохновенія, когда сочувствіе напоминаетъ ему о родинѣ: „не лучше ли хранить, какъ святыню, завѣтное, не расточать его, потушить земную потребность участія, служить землѣ по долгу, по необходимости, не изъ любви къ отчизнѣ?..“

Не лучше ли, отчаявшись когда-нибудь найти участіе, сдѣлаться для людей холоднымъ исполнителемъ своего призванія, сочувствовать ихъ скорбямъ, помогать и утѣшать, не призывая ихъ взаимности ни голосомъ, ни взглядомъ?—И что въ этомъ суетномъ участіи Марѳы?

Марій же—много-ли на землѣ?

И можно ли надѣяться, чтобы вамъ сочувствовали, то-есть, чтобы взяли на себя трудъ узнать васъ, тогда какъ вамъ самимъ стоило столько неимовѣрнаго труда, столько борьбы и жертвъ, чтобы вымолить позволеніе отъ вашей собственной души смотрѣть въ нее, и то украдкою.

Посмотрите, какимъ участіемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ!

Когда съ полнымъ сознаніемъ высокаго увлекалось оно вдохновеніемъ?—оно искони было только однимъ искателемъ сильныхъ ощущеній.

Ему нужны цѣпи, пытки, потоки крови.

Вотъ, что возбуждаетъ его сочувствіе. Какое благодѣяніе принимало оно изъ рукъ своихъ покровителей, не омывъ его багряной влагою жизни?—Не Онъ, не воплощенное Слово любви и мира, но совершитель кровавыхъ дѣлъ—Варавва—былъ подаренъ участіемъ. Вы скажете:—потомство?—Да, нѣтъ сомнѣнія, это—магнетическое слово, это—безсмертіе земли. Безспорно, мы должны дорожить его сочувствіемъ. Безъ этой мысли самъ Искупитель не совершилъ бы искупленія.

Все, что живетъ на землѣ животною жизнью, все, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ высокаго проявляетъ мысль о потомствѣ и безсознательно и сознательно стремится жить въ немъ.

О, еслибы самопознаніе хотя бы только въ этой степени могло развиться въ толпѣ, бѣгущей отъ отвлеченія! Еслибы до этой степени только убѣдилась она, что она живетъ для будущей жизни въ ея потомствѣ! Хотя бы этотъ слабый проблескъ идеи безсмертія одушевилъ ее,—то и тогда бы уже земное бытіе человѣчества исполнилось дѣлами, передъ которыми потомство преклонялось бы съ благоговѣніемъ. Тогда бы исторія человѣчества сдѣлалась для него святою скиніею завѣта. Одушевлять, а не остерегать, было бы ея назначеніемъ; передавая внукамъ дѣла отцовъ, завѣщевали бы жить для безсмертія въ потомствѣ.

Въ цѣлыхъ націяхъ, какъ и въ жизни частныхъ людей, направленіе различно. Есть націи, которыя живутъ для одного настоящаго. Онѣ кажутся намъ, такъ же какъ и частные люди съ этимъ направленіемъ, практическими. Но основы ихъ общества шатки, такъ же какъ шатокъ и семейный бытъ каждаго изъ членовъ этого общества.

Итакъ, когда потребность сочувствія однажды родилась въ васъ,—гдѣ естественнѣе искать ея, какъ не въ потомствѣ и всего человѣчества, и своей семьи?

Что можетъ быть утѣшительнѣе мысли, какъ раздѣлить свои

начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эмансипація—вотъ это мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не узнаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что отвратительно пахнетъ. Однако же, раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужно, какъ и для мужчины.

Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ,—ей также нужно знать искусство, понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе—чтобъ избирать и чтобъ имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей.

Если женщины—педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ,—онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ.

Женщина эмансипирована и такъ уже,да еще, можетъ-быть, болѣе, нежели мужчина. Хотя ей и нельзя по нашимъ законамъ сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ,—но развѣ можно сдѣлаться мужчинѣ кормилицею и матерью — воспитательницею дѣтей до 8-лѣтняго ихъ возраста? Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и украшеніемъ его?

Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ.

Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя.

Все, что есть высокаго, прекраснаго въ свѣтѣ,—искусство, вдохновеніе, наука,—не должно слишкомъ сродняться съ вседневной жизнью: оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

Итакъ, пусть женщины поймутъ свое великое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни.

Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка,

учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками.

Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только-что отнятое отъ ея груди. И Марѳа, и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя.

Не положеніе женщины въ обществѣ, но воспитаніе ея,—въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества,—вотъ что требуетъ перемѣны.

Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникаетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи.

Но если ни возрастъ, ни воспитаніе женщины не служатъ ручательствомъ для разрѣшенія вопроса, то еще менѣе можетъ положиться искатель идеальнаго участія на опытъ жизни.

Если мужчину, который не жилъ отвлеченіемъ, холодитъ и сушитъ этотъ опытъ, то, пресыщенный, охолодѣвшій, обманутый жизнью, онъ рѣдко скрываетъ то, что онъ утратилъ безвозвратно. А женщина вооружается притворствомъ. Ей какъ-то стыдно самой себя—передъ свѣтомъ выказать эти горькія слѣдствія опыта. Она ихъ прикрываетъ остатками разрушенной святыни. Инстинктъ притворства и наклонность нравиться помогаютъ ей выдержать прекрасно роль подъ маскою на сценѣ жизни.

Подложная восторженность, утонченное искусство выражать и взглядомъ, и рѣчью теплоту участія и даже чистоту души,—всѣмъ этимъ, всѣмъ снабжаетъ ее суета въ исканіи побѣды. Ей дѣла нѣтъ тогда, какъ дорого окупится эта побѣда, когда, достигнувъ цѣли, она сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ была.

Что же, послѣ этого, остается искателю идеальнаго въ земной жизни? Неужели, употребивъ полжизни на самопознаніе, не найдетъ онъ довольно твердости воли, довольно утѣшительнаго въ вдохновеніи, чтобы заглушить эту тоску по участію?

Нѣтъ, вдохновеніе открыло тотъ источникъ, гдѣ сомнѣніе превращается въ ничто. То—воля Высшаго. Опять подъ сѣнь священную верховной воли пусть склонитъ онъ главу свою.

Тогда исчезнутъ призраки, затихнетъ гулъ различныхъ мыслей,

поднявшихся изъ хаоса души. Ихъ уничтожитъ и разсѣетъ свѣтлый лучъ и сладкозвучный голосъ этой воли.

Женщина, которой вдохновеніе не было сродно, которой не суждено быть Маріей, которая погружена въ житейскій бытъ, которая не научилась слышать гласъ этой воли,—та пусть останется въ своемъ кругу

Она пусть ищетъ наслажденій, закабалитъ себя въ приличія и форму; эмансипируется и дѣлаетъ, что ей угодно, съ послѣдователями разныхъ взглядовъ, съ людьми, которымъ хорошо живется и безъ рѣшенія вопросовъ жизни. Ея пути не сходятся съ путями вѣрующаго въ идеалъ.

Но та, которая, въ минуты святого вдохновенія, услышавъ призывный голосъ Высшей Воли: *иди*—на благородное призваніе сочувствіемъ утѣшить участь, для будущаго жить въ борьбѣ, взаимной жертвою одушевлять готовность жертвовать собою,—та пусть протянетъ руку, сказавъ: „да, я готова".

Быть и казаться.

Ученики 2-ой одесской гимназіи обратились ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи имъ играть на публичномъ театрѣ, по примѣру гг. студентовъ лицея, — играть, съ цѣлью помочь нѣкоторым изъ своихъ товарищей. Узнавъ, что и прежде ученикамъ гимназій позволялось дѣйствовать на сценѣ, я также позволилъ.

Но совѣсть моя этимъ не успокоилась.

У меня родился нравственно-педагогическій вопросъ: можно ли позволять молодымъ людямъ, чтобы они прямо со школьной скамьи выступали на сцену и представлялись дѣйствующими лицами передъ публикой?

Извѣстно, что вездѣ, гдѣ вмѣстѣ съ гимназіею существуетъ высшее учебное заведеніе—университетъ или лицей, гимназисты стараются во всемъ подражать студентамъ. Извѣстно также, что такое подражаніе обыкновенно не ведетъ къ добру. Но я смотрю на заданный себѣ вопросъ съ другой, болѣе общей, стороны.

Спрашивается: вообще, дозволяетъ ли здравая нравственная педагогика выставлять дѣтей и юношей предъ публикою въ болѣе или менѣе искаженномъ и, слѣдовательно, не въ настоящемъ ихъ видѣ? Оправдываетъ ли цѣль въ этомъ случаѣ средство?

Не обязаны ли истинные нравоучители смотрѣть на духовную сторону юноши и дитяти, какъ на святой храмъ, о которомъ сказано: „храмъ мой—храмъ молитвы наречется“? Не обязанъ ли нравоучитель изгонять изъ него все продающееся и покупающееся? Совмѣстима ли съ этимъ взглядомъ на духовную сторону юности выставка, возбуждающая суетность и тщеславіе? Родитель или наставникъ, дозволяя себѣ выставлять юношество въ искаженномъ видѣ на публичное созерцаніе, не вноситъ ли въ воспріимчивую душу начало лжи и притворства? Развѣ разыграть хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, съумѣть сдѣлать удачный жестъ и живо выразить миною поддѣльное чувство, развѣ—говорю—все это не есть школа лжи и притворства? А шумныя похвалы, воздаваемыя именно тому притворству, которое сдѣлалось натуральнымъ, развѣ не пробуждаютъ желаніе усовершенствоваться, и въ какой душѣ?—еще не коротко знакомой съ наукой *быть и казаться*.

Но цѣль?—Да, на свѣтѣ еще существуетъ одна школа, которая цѣлью освящаетъ средства. И всѣ мы,—что грѣха таить,—употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подъ-часъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ. Но согласитесь, нельзя же, не отказавъ себѣ въ послѣдовательности, защищать открыто ея ученіе, утверждая, что благая цѣль оправдываетъ выборъ средства, нравственно ненадежнаго.

Если бы еще это средство было только неприлично важности и святости задуманной цѣли, но само по себѣ невинно, то почему бы не такъ? Свѣта мы, конечно, не исправимъ; онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему-же въ практической жизни.—извѣстной своею непослѣдовательностью,—не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и не предосудительны? Но другое дѣло, если мы вздумаемъ для этой цѣли развивать въ молодой душѣ такія склонности, которыхъ послѣдствій нельзя ни предвидѣть, ни исчислить. Тутъ уже, мнѣ кажется, цѣль никакъ не можетъ оправдать средства.

Дѣтскіе балы, дѣтскіе театры и всевозможныя зрѣлища, въ которыхъ дѣти являются дѣйствующими лицами, слава Богу, изобрѣтеніе не наше, а чужое, и потому извинительно и не

знать, кѣмъ впервые и почему они введены были въ моду. Но, судя по вѣроятностямъ, такая мысль могла прійти въ голову или родителямъ, желавшимъ похвастаться милымъ искусствомъ дѣтей, подъ предлогомъ доставить имъ удовольствіе, или же наставнику, желавшему, безъ сомнѣнія, съ какою-нибудь педагогическою цѣлью, возбудить соревнованіе въ своихъ ученикахъ.

Я думаю, что родители были легкомысленны, а наставникъ близорукъ. Уже не одинъ разъ, и прежде, и послѣ, родители, подъ благовиднымъ предлогомъ утѣшить дѣтей, утѣшали свою суетность. Не разъ педагоги ошибались въ выборѣ средствъ, ослѣпленные случайной удачею или стараясь приноровиться ко вкусу общества. Признаюсь, я самъ еще недавно позволилъ дѣтямъ въ лицейскомъ пансіонѣ разыграть одну маленькую пьесу; но театръ былъ чисто домашній, зрителями были товарищи и наставники; я видѣлъ въ игрѣ только средство для изученія языка.

Я замѣтилъ и тутъ, однако же, что, несмотря на всю безъискусственность и простоту обстановки, въ нѣкоторыхъ изъ актеровъ обнаруживался такой пріемъ суетности, который еще болѣе увеличивать было бы опасно. Потому и дома, и въ учебныхъ заведеніяхъ, можно бы только, и даже должно позволять дѣтямъ, отъ 12 до 14-ти лѣтъ, выучивать избранныя роли изъ различныхъ пьесъ, но безъ всякой обстановки и только единственно съ цѣлью упражненія въ языкѣ и способѣ выражать отчетливо мысли. Пусть наставникъ объяснитъ этимъ ученикамъ, что именно хотѣлъ выразить авторъ тѣмъ или другимъ оборотомъ рѣчи. Пусть покажетъ вмѣстѣ, какіе пріемы свойственны тому или другому характеру дѣйствующаго лица,—но безъ всякой обстановки, безъ огласки, безъ постороннихъ зрителей. Наставникъ и его ученики должны быть и публикою, и дѣйствующими лицами; школьная комната—сценою. Пусть воображеніе довершитъ и украситъ все остальное. Но опаснѣе сцена для мальчиковъ въ 15 лѣтъ и болѣе. Въ этомъ возрастѣ, особливо на югѣ, дѣти, во что бы то ни стало, не хотятъ уже быть дѣтьми. Воображеніе въ эти лѣта уже начинаетъ терять свою калейдоскопическую подвижность. Оно уже не съ прежнею быстротою превращаетъ одинъ предметъ въ другой и не такъ легко замѣ-

нняетъ призракомъ дѣйствительное. Несмотря на то, юноша все-таки еще не ясно различаетъ два свойства своего я: *быть и казаться*.

Должны ли же мы преждевременно давать поводъ юной душѣ обнаруживать ея двойственность? Пусть *быть и казаться* остается покуда въ жизни юноши однимъ и тѣмъ же. Скоро, слишкомъ скоро, и безъ всякихъ побужденій, проявляется въ его дѣйствіяхъ то, о чемъ апостолъ Павелъ сказалъ: „еже бо содѣваю, не разумѣю: *не еже бо хощу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣлываю*“ (Къ Римл., VII, 15).

И не выходя на театральную сцену,—и безъ того, на одной сценѣ жизни, — онъ скоро научится лучше *казаться*, чѣмъ *быть*.

Подождите, дайте время развиться духовному анализу. Дайте время начать борьбу съ самимъ собою и въ ней окрѣпнуть. Тогда, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе, пожалуй, пусть будетъ и актеромъ: онъ все-таки не перестанетъ быть человѣкомъ. И если и Тальма, и Каратыгинъ были только *кажущимися* героями, то, по крайней мѣрѣ, вашъ сынъ или ученикъ не будетъ однимъ только *кажущимся* актеромъ. Не лучше выставокъ дѣтей на паркетѣ и театральной сценѣ и публичныя выставки на *сценѣ школьной*. Это тоже театръ въ своемъ родѣ. Да еще на театрѣ выставляется, по крайней мѣрѣ, то, что должно быть выставлено: искусство притворяться и великій даръ заставлять себя чувствовать по собственной волѣ. А на публичныхъ экзаменахъ выставляется на показъ *знаніе*, котораго истина и значеніе ничѣмъ столько не оцѣняются, какъ скромностью.

Всѣ эти искусственныя и натянутыя попытки такъ называемаго развитія ума и сердца развиваютъ только преждевременно двойственность души человѣка, еще не окрѣпшаго въ борьбѣ съ самимъ собою.

Чѣмъ моложе организмъ, тѣмъ быстрѣе укореняются въ немъ привычки. Дитя усвоиваетъ привычку гораздо быстрѣе и вѣрнѣе.

Онѣ довершаютъ только то, что и безъ нихъ начинаютъ слишкомъ рано общество, школа и—увы!—самъ родительскій домъ.

Пусть каждый изъ насъ припомнитъ, когда онъ началъ

хвалиться не тѣмъ, что онъ есть. И, вѣрно, отвѣчая на этотъ *вопросъ, немногіе изъ насъ* похвалятся своею памятью. А когда *мы вступили въ борьбу* съ самими собою, полагая, что мы *всѣ уже вступили, то мы,* навѣрное, *казались* давно не тѣмъ, *чѣмъ мы были.* Неужели же мы захотимъ то же самое передать *въ наслѣдство* нашимъ дѣтямъ? Неужели всѣ попытки нравственной педагогики, всѣ успѣхи, все стремленіе человѣка къ совершенству—одна только пустая игра словъ, одинъ обольстительный вымыселъ?

Нѣтъ! мы не имѣемъ права не вѣрить въ истину. Если бы мы принялись общими силами, мы бы много такого исправили въ нашихъ дѣтяхъ, чего не успѣли или не умѣли исправить наши отцы въ насъ. Правда, мы можемъ дать только то, что мы сами имѣемъ. Но кто хочетъ итти впередъ, тотъ найдетъ въ душѣ довольно силы и вести борьбу съ собою, и слѣдить за первыми обнаруживаніями душевной двойственности у своихъ дѣтей. Первое ея проявленіе есть *притворство и ложь.* Трудно опредѣлить время жизни, въ которое они впервые обнаруживаются у ребенка. Я зналъ шестилѣтнюю дѣвочку, которая была уже такая виртуозка лжи, что трудно было различать длинные разсказы ея собственнаго изобрѣтенія отъ правды: такъ все въ нихъ было связно и отчетливо; зналъ я еще и одного мальчика четырехъ лѣтъ, который на вопросъ: видалъ ли онъ колибри?— не желая, изъ хвастовства, сказать просто: не знаю,—описалъ какъ нельзя подробнѣе видѣнную имъ колибри, которая, однако же, оказалась просто вороною; а когда ему замѣтили, что колибри водится не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, а въ Китаѣ, то онъ, нисколько не конфузясь, увѣрялъ, что большую черную птицу прислалъ въ подарокъ его маленькій китайскій императоръ. Про дѣвочку я послѣ ничего не слышалъ, но про мальчика знаю навѣрное, онъ теперь пересталъ такъ безбожно хвастать.

Изъ этихъ и изъ множества другихъ фактовъ нельзя ли заключать, что уже съ первымъ лепетомъ ребенка начинаетъ обнаруживаться и двойственность нашей духовной стороны? И да и нѣтъ. Я не сомнѣваюсь, что у ребенка есть свой міръ, отличный отъ нашего. Бесполезно и нельзя отнять міръ ребенку, и онъ въ немъ живетъ и дѣйствуетъ по своему. Взрослый, нравственный такъ человѣкъ, есть въ нашихъ глазахъ или нуль, или

сумасшедшій. И если дитя намъ не кажется ни тѣмъ, ни другимъ,—то именно потому, что оно—дитя. Итакъ, если мы, достигши извѣстнаго возраста, не перестаемъ жить въ мірѣ, созданномъ нашимъ дѣтскимъ воображеніемъ, мы дѣлаемся непремѣнно или лжецами, или взрослыми дѣтьми, т.-е. чудаками, помѣшанными, или назовите какъ угодно, только не обыкновенными людьми. Мы привыкли называть сумасшедшимъ того только, въ дѣйствіяхъ котораго мы замѣчаемъ явную несообразность и непослѣдовательность. Но эта *кажущаяся* несообразность словъ съ дѣйствіями и одного поступка съ другимъ иногда только служитъ признакомъ помѣшательства, а иногда и нѣтъ. Кто сомнѣвается еще въ этой неопредѣленности и сбивчивости нашихъ понятій, пусть спроситъ у судебныхъ врачей, всегда ли и во всякомъ ли данномъ случаѣ имъ бываетъ легко рѣшить вопросъ о сумасшествіи.

Нелегко рѣшить также объ иномъ: заблуждается ли онъ или лжетъ? Извѣстно, что привыкшій лгать, наконецъ, это дѣлаетъ вовсе несознательно.

Но если у взрослаго въ практической жизни такъ трудно бываетъ провести точныя границы между здравомысліемъ и помѣшательствомъ, между *заблужденіемъ* и *ложью*, то еще осторожнѣе мы должны оцѣнивать поступки ребенка.

У ребенка кажущаяся намъ непослѣдовательность поступковъ и мыслей, сознательная ложь и безсознательная, такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что почти каждаго изъ дѣтей можно назвать глупымъ и лгуномъ,—примѣняя къ нему слова и понятія, взятыя изъ жизни взрослыхъ. Но въ этомъ-то и заключается именно ошибка и родителей, и наставниковъ, что они, не въ пору устарѣвъ, забыли про тотъ міръ, въ которомъ сами нѣкогда жили. И въ лжи, и въ несообразностяхъ дѣйствій ребенокъ еще не перестаетъ *казаться* именно тѣмъ, что онъ *есть*, потому что онъ живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ, и дѣйствуетъ, слѣдуя законамъ этого міра. Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы и поймемъ глубокій смыслъ словъ Спасителя: „Аминь глаголю вамъ, аще

не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное".

Если бы все человѣческое общество состояло изъ однихъ дѣтей, то двойственность души въ ребенкѣ никогда бы не обнаружилась, и онъ всегда бы *казался* тѣмъ, что онъ *есть*. Онъ всю окружающую природу переносилъ бы въ *свой* духовный міръ и дѣйствовалъ бы въ немъ, вѣрно, послѣдовательнѣе насъ. Но мы, мы—взрослые,—нарушаемъ безпрестанно гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него, переносимъ ребенка на каждомъ шагу къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить *наши* взгляды, *наши* понятія, *наши* свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ *по своему*.

Мы не хотимъ ни „умалиться", ни „обратиться и быть какъ дѣти", и между тѣмъ хотимъ быть ихъ наставниками и даже считаемъ себя въ правѣ пользоваться званіемъ наставника, не исполнивъ этого перваго и самаго главнаго условія.

Кто же теперь виноватъ, если мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоимъ ее?

Дѣйствительно, наши усилія вѣнчаются успѣхомъ. Но какимъ? Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть и понимать по *нашему*, мы, наконецъ, достигаемъ одного: онъ начинаетъ намъ *казаться* не тѣмъ, что онъ *есть*. И вотъ вѣнецъ нашей педагогики, вотъ non plus ultra всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій!

Чего не придумано у насъ къ достиженію этого результата? И дѣтскіе балы, и театры, и живыя картины, и костюмы, и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убѣдиться, дѣйствительно ли ребенокъ намъ кажется не такимъ, какъ онъ есть, мы изобрѣли и срочныя испытанія. Мало этого: нашлись и такіе педагоги, которые придумали изъ самихъ дѣтей сдѣлать орудія наблюденія за дѣтьми же, чтобы и тѣ, и другія какъ можно лучше двоили свой духовный бытъ и какъ можно точнѣе раздѣляли бы „быть и казаться". Извѣстно, до какихъ блестя-

щихъ результатовъ на этой почвѣ достигли отцы іезуиты. Если мы, при нашей обыкновенной методѣ воспитанія, много способствуемъ—хотя безсознательно и дѣйствуя по крайнему разумѣнію—къ развитію въ ребенкѣ *лжи* и *притворства*, то іезуиты, не довольствуясь этимъ, уже сознательно доводятъ двойственность до степени *клеветы*. Твердо вѣрящему въ стремленіе человѣчества впередъ, къ усовершенствованію, кажется уже неприличнымъ утверждать, что и дѣти, и вообще люди въ старину, то-есть, когда-то, были лучше. Но, тѣмъ не менѣе, въ этой извѣстной поговоркѣ стариковъ и недовольныхъ есть доля и правды.

Во-первыхъ, для всякаго старика, это, дѣйствительно, *относительная* истина. Онъ, принимая менѣе участія въ дѣйствіяхъ переходнаго состоянія отъ стараго къ новому, видитъ яснѣе худое, всегда сопровождающее каждый переходъ, чего современное ему свѣжее поколѣніе не примѣчаетъ, будучи само проводникомъ новаго. Во-вторыхъ, есть и дѣйствительно такіе періоды для человѣчества, въ которыхъ старое еще недостаточно состарѣлось, а новое, втекая цѣлымъ потокомъ, еще не успѣло ни созрѣть, ни амальгамироваться со старымъ. Эти періоды такъ же вредны для нравственности, какъ у насъ на сѣверѣ раннія оттепели для посѣва: сѣмена уносятся тающимъ снѣгомъ. И это уже не одна только *относительная* истина для стариковъ. Чуть ли мы сами не живемъ въ одномъ изъ такихъ періодовъ.

Если такъ, то немудрено, что въ то время, когда старое было еще во всей своей силѣ, то-есть еще не было старымъ,— и воспитаніе совершалось съ большею послѣдовательностью, и именно потому, что было болѣе одностороннимъ. Правда, и прежде, точно такъ же, какъ теперь, и даже больше, взрослые мѣрили дѣтей по своей мѣркѣ; особенный дѣтскій міръ и прежде для взрослыхъ такъ же мало существовалъ, какъ и теперь. Но средства, которыя они употребляли для сообщенія дѣтямъ своихъ понятій и взглядовъ, были грубѣе, и именно потому лучше нашихъ. Наши отцы и праотцы, слѣдуя буквально правилу царя Соломона: „кто щадитъ жезлъ свой,—ненавидитъ сына своего: любящій же наказуетъ прилежно“, переносили ребенка насильно изъ его внутренняго міра въ свой собственный, но зато скорѣе и отпускали назадъ.

Если уже нужно выбирать одно изъ двухъ, то, безъ сомнѣнія, лучше вторгаться въ духовно-дѣтскій міръ съ жезломъ въ рукѣ, чѣмъ съ театральною афищею и бальнымъ костюмомъ: ядъ и позолоченная отрава опаснѣе палки и синяковъ.

Воображеніе ребенка и развивается, и дѣйствуетъ, по мѣрѣ развитія внѣшнихъ чувствъ и понятія.

У него мысль никогда не опережаетъ воображенія.

Окружающая природа, для него еще новая, доставляетъ ему столько пищи, что оно постоянно въ работѣ. Это—калейдоскопъ въ безпрестанномъ вращеніи, чрезъ который дитя смотритъ на все окружающее. Берегитесь нарушать эту фантастическую игру вашими дѣйствіями, вашею искусственною обстановкою: какъ бы она ни была обворожительна, вамъ все-таки не удастся замѣнить тѣ чудные образы, которые творитъ дѣтская фантазія. Вы только понапрасну развлечете ея дѣятельность и рано пробудите чувство недовольства. Ребенокъ, недовольный *своимъ*, будетъ самъ проситься въ *вашъ* міръ и *выкажется* уже въ немъ не тѣмъ, чѣмъ онъ *былъ* въ своей сферѣ. Двойственность и пресыщеніе должны необходимо слѣдовать.

Итакъ, немудрено, если въ старину, при менѣе искусственной обстановкѣ воспитанія, яснѣе обозначались высокіе и выдержанные характеры.

Кто выходилъ невредимъ изъ *школы жизни*, тотъ выносилъ духъ, такъ же хорошо закаленный, какъ закалено тѣло дикихъ и номадовъ, купающихъ новорожденныхъ дѣтей въ студеной водѣ.

Но наша современная обстановка воспитанія еще слишкомъ нова, чтобы точно обсудить ея результаты. Только надъ однимъ іезуитскимъ способомъ воспитанія, который также не вовсе потерялъ современности, судъ исторіи уже произнесенъ.

Вездѣ, гдѣ онъ господствовалъ, и теперь еще господствуетъ двойственность души. Насильственно раздѣленное іезуитствомъ „*быть* и *казаться*“ породило и притворство, и коварство, и клевету съ ябедою и доносомъ.

Если все, что я сказалъ, заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины, то скажите мнѣ: не лучше ли предъ Богомъ и человѣчествомъ—замѣнить всѣ искусственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно-фантастическаго міра дитяти?

Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ; когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ; когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны ли мы—говорю—именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?

Скажите, что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ Божьимъ, чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруживаніями, за всѣми проявленіями во времени и въ пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою? О! если бы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ *), сердечно любившимъ дѣтей, произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы теперь только-что начинаемъ пользоваться.

Къ вамъ, матери семействъ, относятся преимущественно мой совѣтъ! Вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни. Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ, утомленныя играми и всегда готовыя снова начать ихъ!

Я бы далъ и еще совѣтъ, но не знаю, какъ вы примете и этотъ. Подчиняясь однимъ влеченіямъ души къ добру и правдѣ, вы, можетъ-быть, и безъ меня придумали что-нибудь лучше.—Я самъ обращусь теперь за совѣтомъ, всегда уважая его, если онъ данъ отъ души, если въ немъ проглядываютъ смыслъ и любовь къ истинѣ и добру.

Скажите мнѣ, отцы и педагоги, всѣ ли вы принимаете со мною этотъ дѣтскій міръ съ его особенными законами? Если да, то скажите мнѣ откровенно: какъ вы въ него вступаете? И

*) Песталоцци.

Если уже
нія, лучше
рукѣ, чѣмъ
ядъ и позволь
Воображ
развитія ви
У него
Окруж
столько
въ безпр
все окру
вашими
она ни
тѣ чуди
понапра
ство не
просит
чѣмъ
должны
Ит
ной
держа
К
духъ
и п
нов
іезу
тер

дв
об
ко

и
с
з

и впредь позволять дѣ-
дѣнѣ? Пусть будетъ вашъ
—все равно, я приму

—

К. Д. УШИНСКІЙ.

(1824-1870)

К. Д. Ушинскій.

Если бы мы задались цѣлью возможно короче, въ нѣсколькихъ словахъ, характеризовать значеніе дѣятельности Ушинскаго, то намъ пришлось бы выразиться такъ: онъ *открылъ* для насъ, русскихъ людей, ту громадную важность воспитанія и обученія подрастающаго поколѣнія, которая была давно уже признана въ странахъ Западной Европы.

Страшно и даже горько сказать, но—это правда: всего полстолѣтія тому назадъ, въ 50-хъ годахъ минувшаго вѣка, несмотря на существованіе у насъ многихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, почти никому и въ голову не приходило оформить отвѣты на важнѣйшіе вопросы педагогическаго дѣла: чему и какъ учить? какъ и для чего воспитывать? какая связь между воспитаніемъ и обученіемъ?—да мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что и самые вопросы эти вставали во всей своей ясности только передъ отдѣльными, исключительными личностями. Мы знаемъ, что въ Россіи интересовались развитіемъ европейской мысли, даже именно въ педагогическомъ отношеніи: вспомнимъ Екатерину II-ю и ея эпоху; мы знаемъ, что знаменитыхъ иностранныхъ педагоговъ (Песталоцци, Дидро, Лагарпа) даже приглашали въ Россію,—но бѣда въ томъ, что весь этотъ интересъ проявлялся только временно и вскорѣ заглушался разными неблагопріятными обстоятельствами, а главное, выражался онъ болѣе на *бумагѣ*, вполнѣ теоретически: дѣйствительная жизнь шла своимъ неутѣшительнымъ чередомъ.

За примѣрами ходить недалеко: вспомнимъ хотя бы Фонъ-Визинскія комедіи: вѣдь супруги Простаковы, Скотининъ, Митрофанушка, Иванушка — вотъ живые типы дѣйствительности, а Софья, Милонъ, Добролюбовъ—манекены, начиненные идеями. Но, не говоря уже о сравнительно столь отдаленной эпохѣ,—и въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ и въ жизни, и въ литера-

турѣ, какъ ея отголоскѣ, только *отрицательные* типы; и не мудрено, потому что всякій положительный являлся бы клеветой на дѣйствительность.

По всѣмъ свѣдѣніямъ и воспоминаніямъ, которыя мы имѣемъ изъ эпохи 40-хъ—50-хъ годовъ прошедшаго XIX вѣка, наше воспитаніе и обученіе представляло крайне мрачную картину: жестокія тѣлесныя наказанія, полное отсутствіе любви и сердечности, безсодержательность и схоластичность программъ и учебниковъ, безсознательное зубренье, отсутствіе всякой педагогической подготовки преподавателей,—вотъ вопіющіе недостатки тогдашняго воспитательно-учебнаго дѣла.

Противъ нихъ-то, со всей горячностью, на которую онъ былъ способенъ, и со всѣмъ знаніемъ, которымъ онъ былъ вооруженъ,—ополчается К. Д. Ушинскій,—и съ его времени уже не прекращается у насъ общественный интересъ къ дѣлу воспитанія,—хотя проявляясь въ очень различной степени.

Ушинскій происходилъ изъ довольно зажиточной и интеллигентной дворянской семьи (род. въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ 1824 году), и первыя одиннадцать лѣтъ своей жизни провелъ при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. Матери его, очевидно, женщинѣ недюжинной, удалось возбудить въ мальчикѣ и любознательность, и интересъ къ чтенію (у отца была хорошая библіотека), и навсегда поселить въ немъ благоговѣйно-нѣжное отношеніе къ семьѣ и къ семейному началу въ воспитаніи. Жили Ушинскіе не въ самомъ городѣ, а за чертой его, на своемъ хуторѣ, и эта близость къ природѣ, наслаждаться которой мальчику была предоставлена полная возможность, благотворно на него вліяла. Мать такъ хорошо подготовила сына, что въ 11 лѣтъ, уже послѣ ея смерти, Ушинскій поступаетъ прямо въ третій классъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Замѣчательно, что въ его воспоминаніяхъ о годахъ гимназическаго ученья совершенно нѣтъ того оттѣнка, безъ котораго не обходится ни одно теперешнее повѣствованіе подобнаго рода: для Ушинскаго между семьей и школой не было *пропасти;* онъ любилъ и *домъ*, и *гимназію*, и *родителей*, и *товарищей*, и *учителей*, начиная съ стараго директора, отставного профессора Тимковскаго, человѣка очень образованнаго, религіознаго и педагога по призванію. Подъ его руководствомъ и учителя гимназіи старались,

главнымъ образомъ, *нравственно* подѣйствовать на учащихся, развить ихъ, пріохотить къ чтенію, къ самостоятельному ученію, къ наукѣ, — хотя нужно сказать, что особенно основательныхъ знаній гимназія не могла дать своимъ питомцамъ: не было въ то время ни выработанныхъ научно-дидактическихъ пріемовъ, ни учебныхъ руководствъ и пособій. Тѣмъ не менѣе, не отрывая ребенка отъ семьи, школа работала рука объ руку съ послѣдней, успѣшно продолжая дѣло, начатое въ ея нѣдрахъ,—и поэтому, несмотря на многіе недостатки своей гимназіи (напр., почти полное отсутствіе надзора, особенно внѣкласснаго), Ушинскій вспоминаетъ о ней впослѣдствіи съ удовольствіемъ и любовью, не упуская случая сравнить свободное и привольное житье свое и своихъ товарищей съ жалкимъ прозябаніемъ теперешнихъ гимназистовъ въ „дѣтскихъ казармахъ", какъ называетъ онъ современныя школы.

Ушинскій учился хорошо, но нѣсколько безпорядочно, и, пожалуй, слишкомъ много занимался посторонними предметами, не входившими въ программу гимназическаго курса или выходившими, по своему объему, за его предѣлы: такъ, онъ прочелъ массу историческихъ сочиненій, изучилъ основательно нѣмецкій языкъ. Изъ-за этихъ „приватныхъ" занятій, отнимавшихъ часто много времени, онъ не выдержалъ выпускного экзамена: количества формальныхъ знаній не хватило къ нужному моменту. Но это отнюдь не смутило 16-ти лѣтняго юношу: энергіи было не занимать стать, гимназія дала ему самостоятельность въ занятіяхъ, вѣру въ себя и свои силы,—и въ этомъ же 1840-мъ году, осенью, онъ, послѣ вполнѣ успѣшнаго экзамена, поступаетъ въ число студентовъ Московскаго университета по юридическому факультету.

Наступаетъ лучшая пора въ жизни Ушинскаго,—пора, о которой онъ всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ. Вспомнимъ, что „сороковые годы" отмѣчены въ нашей литературѣ, какъ эпоха зарожденія тѣхъ самыхъ идей и началъ, которыя такъ пышно, послѣ кратковременнаго затишья и гнета (1848—55 гг.), развились въ памятные „шестидесятые годы"; во главу этихъ началъ была поставлена свѣтлая мысль о *народномъ благѣ*, и различные способы и средства для проведенія въ жизнь этого великаго принципа лучшихъ людей всѣхъ временъ горячо обсуждались въ

интеллигентныхъ кружкахъ и въ литературѣ. Чтобы изыскать эти средства, надобно было *знаніе*: отсюда вытекала необходимость изученія русской жизни, ея потребностей и нуждъ,—изученія, смѣнившаго собою безпочвенный романтизмъ тридцатыхъ годовъ. Національное самосознаніе пробудилось въ русскомъ обществѣ.

Московскій университетъ стоялъ въ это время во главѣ научнаго движенія. Обновленный составъ молодыхъ профессоровъ, недавно вернувшихся изъ-за границы, въ особенности знаменитые Грановскій (всеобщая исторія), Рѣдкинъ (государств. право и энциклопедія законовѣдѣнія) и Крыловъ (римское право),—оказывалъ неотразимое и могучее вліяніе на студентовъ, вселяя въ нихъ, на ряду съ другими гуманными идеями, твердую вѣру въ достоинство и всемогущество науки,—знакомя ихъ съ *философіей*, спеціальнаго курса которой не полагалось въ нашихъ университетахъ, и знаніе которой, между тѣмъ, необходимо человѣку для прочного основанія своего міровоззрѣнія.

Блестяще проходя курсъ университетской науки, Ушинскій очень замѣтно выдѣлялся изъ среды товарищей, благодаря своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ: острому уму, прямотѣ характера, самостоятельности взглядовъ, и скоро сдѣлался центромъ научнаго студенческаго кружка. Впрочемъ, не одной наукой и философіей увлекались тогдашніе студенты: неподалеку отъ Университета, скромное зданіе Малаго театра, великаго талантами Мочалова и Щепкина, было второй ихъ школой, гдѣ они тоже учились правдѣ и реализму въ изображеніи дѣйствительной жизни.

Общественная дѣятельность Ушинскаго начинается почти тотчасъ же послѣ окончанія университетскаго курса. Ему было всего 22 года, когда онъ уже получаетъ каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, гдѣ быстро пріобрѣтаетъ всеобщее уваженіе. Но свобода лицейскихъ преподавателей была въ то время очень стѣснена программами, такъ что Ушинскій въ 1850 г. изъ-за этого покидаетъ Ярославль и, переселившись въ Петербургъ, четыре года служитъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, получая ничтожное жалованье. Разумѣется, ему пришлось искать посторонняго заработка, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ женился, и онъ усердно работаетъ

въ нѣсколькихъ современныхъ журналахъ, занимаясь въ то же время самостоятельнымъ изученіемъ англійскаго языка и философіи.

Но вскорѣ обстоятельства измѣнились. Въ 1855 году Ушинскій получаетъ мѣсто учителя словесности въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, а вскорѣ назначается и инспекторомъ классовъ этого обширнаго заведенія. Вѣянія времени и нѣкоторыя случайныя обстоятельства способствовали тому, чтобы Ушинскій со свойственнымъ ему жаромъ отдался своей новой задачѣ—воспитанія и обученія молодого поколѣнія. Какъ разъ въ это время, послѣ Крымской войны, появились знаменитыя статьи Пирогова *), въ которыхъ указана была вся важность правильнаго воспитанія для общественной и народной жизни; все интеллигентное общество заинтересовалось педагогическими вопросами, видя въ ихъ разрѣшеніи одно изъ главныхъ средствъ избавленія отъ нашихъ внутреннихъ золъ. Во всемъ этомъ движеніи Ушинскій сыгралъ, какъ увидимъ, очень важную роль. Лично онъ заинтересовался педагогикой и дидактикой также подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ дѣльныхъ статей о заграничномъ воспитаніи, которыя ему пришлось переводить въ качествѣ журнальнаго сотрудника; затѣмъ, въ библіотекѣ Института оказалось два забытыхъ всѣми книжныхъ шкафа, наполненныхъ книгами по философіи и педагогикѣ, чтеніе и изученіе которыхъ сильно повліяло на Ушинскаго, окончательно укрѣпивъ его въ намѣреніи посвятить себя всецѣло педагогическому дѣлу. Съ этихъ поръ, вся его литературная дѣятельность, такъ сказать, спеціализируется: онъ часто помѣщаетъ статьи, исключительно по вопросамъ воспитанія и обученія, въ журналѣ „Библіотека для чтенія", а также (въ особенности) въ тогдашнемъ педагогическомъ журналѣ Чумикова „Воспитаніе" *). Въ это же время является у Ушинскаго мысль о составленіи книги для первоначальнаго обученія родному языку.

Успѣшная дѣятельность Ушинскаго, въ качествѣ руководителя Гатчинскаго института, обратила на него вниманіе Министра Народнаго Просвѣщенія Норова, и онъ былъ назначенъ инспекторомъ еще болѣе обширнаго учебно-воспитательнаго заведенія,—

*) См. біографію Н. И. Пирогова.

*) Изъ этихъ статей особенно надо отмѣтить: „О пользѣ педагогической литературы" и „О народности въ общественномъ воспитаніи".

именно Смольнаго института (монастыря), при которомъ состояло еще Александровское училище, такъ что число учениць въ общемъ было не менѣе 700. Во всѣхъ отношеніяхъ заведеніе это не удовлетворяло современнымъ запросамъ: во-1) оно раздѣлялось на „благородную" и „неблагородную" половину, при чемъ, не говоря о матеріальной обстановкѣ, *неблагородныхъ* и обучали меньше и хуже. Во-2) въ институтѣ было 3 класса, въ Александровскомъ училищѣ—2, но курсъ каждаго класса продолжался 3 года, по прошествіи которыхъ каждая ученица, несмотря на ея знанія, переводилась въ слѣдующій классъ, потому что иначе приходилось оставлять ее на цѣлыхъ 3 года! Между тѣмъ, это давало возможность многимъ ничего не дѣлать, въ увѣренности все-таки перейти въ слѣдующій классъ. Наконецъ, въ-3) нечего и говорить, что въ учебномъ отношеніи дѣло было поставлено крайне неудовлетворительно: въ немъ господствовала полнѣйшая рутина; наука для женщинъ считалась чѣмъ-то вреднымъ, а преобладаніе религіознаго элемента въ воспитаніи и обученіи доведено было до рѣзкой крайности, такъ что его даже можно назвать *монашескимъ*: не даромъ и сами ученицы получили характерное прозвище „монастырокъ". Всѣ девять лѣтъ пребыванія въ монастырѣ-институтѣ ученицы не отпускались къ роднымъ *никогда*: здѣсь царило полное разобщеніе школы отъ семьи, и вліяніе второй, конечно, признавалось лишь вреднымъ.

Все это было преобразовано Ушинскимъ. Вмѣсто 3-хъ классовъ было сдѣлано 7, по году въ каждомъ классѣ; но, для кончившихъ нормальный курсъ, учрежденъ былъ еще спеціальный двухлѣтній педагогическій классъ, при чемъ первый годъ посвящался на теоретическое изученіе педагогики и дидактики, а второй на практическое преподаваніе самихъ учениць, подъ руководствомъ учителей, въ особой элементарной школкѣ при институтѣ. Отпуски на лѣто и праздники были разрѣшены. Особымъ реформамъ подверглись методъ и программы преподаванія: родной языкъ получилъ преобладающее значеніе, но, конечно, какъ главное и плодотворное средство для развитія учащихся, а не съ цѣлью изученія исключительно формальной его стороны; исторія перестала быть для учениць голымъ перечнемъ фактовъ, географія и естествознаніе—сухимъ каталогомъ именъ. Мало того: Ушинскій смѣло указалъ на то, что наука, наиболѣе способствующая

развитію отвлеченнаго мышленія—математика—такъ же доступна женщинамъ, какъ и мужчинамъ, и утвердилъ за ней значеніе одного изъ главныхъ предметовъ преподаванія.

Но въ особенности, конечно, важны усовершенствованія, введенныя въ преподаваніе русскаго языка, методикой котораго занимался самъ Ушинскій. Въ то время, когда онъ былъ назначенъ въ Смольный, у насъ по всей Россіи процвѣтали еще двѣ quasi-науки: *риторика* и *піитика*, имѣвшія цѣлью замѣнить сухими правилами и отрывочными примѣрами непосредственное знакомство съ произведеніями литературы. Ушинскій поставилъ дѣло наоборотъ: сначала основательное знакомство съ художественными произведеніями, ихъ разборъ въ классѣ,—а уже отсюда выводы, опредѣленія, теорія. Разъ изученію родной литературы по образцамъ придавалось такое важное значеніе, то, естественно, и исторія ея заняла подобающее себѣ мѣсто въ старшихъ классахъ института.

Всю эту громадную работу Ушинскій выполнилъ въ *три года* (1859—62), при чемъ, благодаря вѣяніямъ эпохи, о которыхъ мы упомянули ранѣе, его свѣтлыя, живыя начинанія не остались безъ помощниковъ и сотрудниковъ, изъ числа которыхъ очень многіе сами пріобрѣли впослѣдствіи громкую извѣстность въ педагогическомъ и литературномъ мірѣ *).

Среди этихъ товарищей-учениковъ работалъ отъ всего сердца и всѣми своими силами Ушинскій,—обсуждая, между прочимъ, съ ними программу той книги для первоначальнаго обученія родному языку, которая была задумана еще во время инспекторства въ Гатчинѣ. Онъ пользовался въ это время очень большой извѣстностью: ученицы глубоко уважали его; родители устно, письменно и даже печатно выражали ему свою благодарность за воспитаніе ихъ дочерей; не только педагоги, но и чуждыя этой профессіи лица стремились послушать уроки Ушинскаго, поучиться у него (онъ преподавалъ педагогику и дидактику). Въ это же время ему поручается письменно изложить свое мнѣніе о томъ, какъ должно было бы воспитывать Наслѣдника, тогдашняго Це-

*) Буссе (математикъ), Водовозовъ (историкъ литературы и поэтъ), Орестъ Миллеръ (выдающійся критикъ и профессоръ русской литературы), Модзалевскій (историкъ педагогіи), Семевскій (историкъ), Д. Семеновъ (географъ), Помяловскій (литераторъ) и др.

саревича Николая Александровича († 1865 г.). Наконецъ, въ 1861 г. выходитъ и книга для первоначальнаго чтенія „Дѣтскій Міръ“,— сразу получившая громадное распространеніе: за одинъ годъ вышло три изданія!

Но съ горькимъ чувствомъ должны мы сознаться въ томъ, что если и вездѣ выдающіеся дѣятели рѣдко оцѣниваются современниками по заслугамъ,—то наша родина въ этомъ отношеніи никому не уступитъ! Печальныя страницы жизни пришлось пережить и Ушинскому. Опасаясь, и совершенно основательно, что если его нововведенія будутъ предварительно подвергаться канцелярскому разсмотрѣнію, то надолго задержится ихъ немедленное примѣненіе къ дѣлу,—онъ иногда позволялъ себѣ сначала *сдѣлать*, а потомъ, убѣдившись въ успѣхѣ начинанія, *докладывать* о сдѣланномъ. И это не прошло ему даромъ. Пользуясь всякимъ предлогомъ, приверженцы рутины, завистники, люди, видящіе во всякой дѣятельности только средство для выслуги,—всѣ обрушились на Ушинскаго съ своими клеветническими доносами. Страшно сказать, какихъ только обвиненій не взваливали на ни въ чемъ неповиннаго человѣка: его честность и безкорыстіе подвергались оклеветанію; этотъ общественный дѣятель, любившій родину самой горячей любовью, былъ обвиняемъ въ недостаткѣ патріотизма; наконецъ, будущій авторъ „Дѣтскихъ воспоминаній“, (въ „Родномъ Словѣ“), лучшія страницы которыхъ проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ,—человѣкъ, который и умеръ съ именемъ Бога на устахъ,—подвергся подозрѣнію *въ безвѣріи*.

Ушинскій былъ человѣкъ прямой: ладить съ своими низкими врагами онъ не умѣлъ и не хотѣлъ. На клеветническіе доносы онъ отвѣтилъ блестящимъ письменнымъ оправданіемъ, совершенно опровергшимъ всѣ обвиненія,—но все же клевета сдѣлала свое постыдное дѣло: Во 1) несмотря на полную увѣренность Императрицы Маріи Александровны въ невиновности Ушинскаго, Смольный институтъ лишился своего незабвеннаго инспектора; во-2) эти непріятности очень дурно отозвались на здоровьѣ Ушинскаго.

Однако, онъ не оставилъ своей педагогической дѣятельности, а лишь измѣнилъ ея направленіе. Еще ранѣе, въ 1860 году, онъ принялъ мѣсто редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, которому придалъ чрезвычайную живость и интересъ, особенно собственными статьями: „Трудъ и его психоло-

гическое и воспитательное значеніе", „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи" и др.

Когда затѣмъ, при новомъ министрѣ, журналъ изъ педагогическаго сдѣлался общенаучнымъ, Ушинскій оставилъ редакторство, но, какъ сотрудникъ, помѣстилъ въ немъ еще нѣсколько своихъ статей („О сочиненіяхъ Пирогова", „О значеніи родного языка" и др.).

Въ 1862 г., послѣ оставленія Смольнаго, Ушинскій получилъ командировку за границу, съ цѣлью ознакомленія съ тамошнимъ положеніемъ женскаго образованія, и цѣлыхъ 5 лѣтъ провелъ съ своей семьей, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи и въ Гейдельбергѣ, гдѣ познакомился и очень сблизился съ Пироговымъ. Послѣдній оказалъ ему сильную нравственную поддержку и внушилъ новую бодрость для продолженія своего великаго дѣла.

Въ „Письмахъ изъ Швейцаріи" Ушинскій даетъ серьезный разборъ положенія швейцарскаго школьнаго дѣла,—имѣя все время въ виду, разумѣется, сравненіе его съ нашимъ. Между прочимъ, онъ часто останавливается здѣсь на мысли о *народности* въ воспитаніи. За это время въ Россіи совершились событія неизмѣримой важности: пало крѣпостное право, было введено гласное судопроизводство; но Ушинскій ясно сознавалъ, что всѣ эти реформы не принесутъ должной пользы, пока народная школа не будетъ поставлена правильно, и часто упоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ на родину.

Въ 1864 году Ушинскій выпустилъ въ свѣтъ свой важнѣйшій трудъ по начальному обученію—2 книги (два года) „Родного Слова", представляющія собой: азбуку, первыя, послѣ азбуки, книги для чтенія и, въ то же время, систематическое руководство для первоначальнаго обученія. Въ центрѣ этого послѣдняго поставленъ родной языкъ: въ этомъ отношеніи Ушинскій расходился съ „классикомъ" Пироговымъ. Постепенно дѣти знакомятся и съ окружающимъ міромъ: обыденная жизнь, явленія природы, счетъ, письмо, рисованіе, молитвы и основанія религіи—всѣ эти знанія легко и въ порядкѣ даются ребенку и входятъ въ его сознаніе, развивая въ немъ необходимую самодѣятельность и интересъ. Ушинскій присоединилъ къ этимъ книгамъ еще и „Книжку для учащихъ" (по „Родн. Слову"), такъ какъ самъ понималъ, что его методъ представляетъ много новаго, и считалъ необходи-

мымъ дать извѣстныя руководящія указанія. Книги предназначались и для школы, и для семьи,—особенно для материнскаго обученія.

Въ 1870 году вышла 3-я книжка „Родного Слова", содержавшая въ себѣ обученіе грамматикѣ, но преждевременная смерть не позволила Ушинскому составить предполагавшихся имъ отдѣловъ по географіи, исторіи и ариѳметикѣ. Третья книжка, какъ мы видимъ, была выпущена черезъ цѣлыхъ *шесть* лѣтъ послѣ двухъ первыхъ, но причина этого замедленія будетъ ясна, если мы упомянемъ, что въ 1867—69 гг., уже по возвращеніи въ Россію, онъ напечаталъ 2 тома своего важнѣйшаго труда: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи", надъ обработкой котораго онъ преимущественно работалъ въ Швейцаріи, такъ какъ одной изъ цѣлей его командировки было составленіе руководства по педагогикѣ.

Въ этомъ капитальномъ сочиненіи важно отмѣтить слѣдующія стороны. Во-1) какъ знаніе одной рецептуры, безъ анатоміи и физіологіи, не дѣлаетъ хорошаго врача,—такъ и педагогу нужно основательно изучить физическую и духовную сторону человѣка, не довольствуясь прописываніемъ педагогическихъ рецептовъ по чужимъ образцамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что руководство по педагогикѣ, дѣйствительно, должно быть отчасти „антропологіей". Во-2) въ силу очень незначительнаго распространенія философскихъ и психологическихъ знаній въ Россіи, необходимо было: а) возможно полнѣе и систематичнѣе собрать всѣ свѣдѣнія о природѣ человѣка, начиная съ такихъ древнихъ мыслителей, какъ Аристотель, и до новѣйшихъ, какъ Дарвинъ и Шопенгауеръ; в) изложить эти свѣдѣнія въ формѣ, доступной для всякаго образованнаго человѣка, а не только для спеціалиста. Эти задачи блестяще выполнилъ Ушинскій, положивъ на подготовку къ работѣ и собираніе матеріала почти цѣлыхъ пять лѣтъ упорнаго труда. По его философскимъ взглядамъ мы можемъ его назвать „эклектикомъ": разбирая различныя философскія теоріи, онъ избиралъ изъ нихъ ту, которая казалась ему наиболѣе вѣрной, иногда лишь внося нѣкоторыя дополненія отъ себя: но общая идея, принадлежащая ему самому и дающая единство и цѣльность его труду,—это *требованіе* истинной *гуманности, человѣчности* въ

воспитаніи человѣческой природы, которую должно развивать соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго.

Со времени выхода въ свѣтъ этого труда прошло почти сорокъ лѣтъ: наука вообще и, между прочимъ, физіологія и психологія сдѣлали громадные шаги впередъ, и естественно, что нѣкоторые отдѣлы „Антропологіи“ Ушинскаго въ настоящее время устарѣли; но все же и основы, и условія, и требованія истиннаго воспитанія разъяснены здѣсь настолько подробно, систематично и обдуманно, съ такой любовью къ дѣлу и вѣрой въ его великое значеніе, что и до сихъ поръ трудно назвать русскую книгу по педагогическимъ вопросамъ, которая равнялась бы по значенію труду Ушинскаго.

Само собою разумѣется, что пятилѣтнее пребываніе за границей должно было, путемъ наблюденія чужой дѣйствительности, натолкнуть Ушинскаго на множество различныхъ новыхъ идей относительно воспитанія и обученія. Поэтому, сейчасъ же по возвращеніи въ Россію, онъ принимаетъ горячее участіе въ разныхъ собраніяхъ, гдѣ дебатировались педагогическія темы,— а послѣднія тогда, такъ сказать, стояли на очереди, потому что именно въ эти годы (1867—71), на ряду съ развитіемъ низшихъ народныхъ школъ, подготовлялись и создавались женскія гимназіи, учительскія семинаріи; къ этому же времени относится и выработка „Устава Гимназій и Прогимназій М. Н. П.“ 1871 года, на долгое время закрѣпившаго у насъ господство классицизма.

Изъ собраній, въ которыхъ принималъ участіе Ушинскій, надо особенно отмѣтить Петербургское Педагогическое Общество, на засѣданіяхъ котораго, обыкновенно очень многолюдныхъ, гласно обсуждались всевозможные педагогическіе вопросы, разбирались критически всѣ новинки западной и русской педагогической литературы. Петербургское Общество имѣло громадное значеніе и для провинціи, потому что оттуда многіе зачастую пріѣзжали въ столицу, чтобы познакомиться съ вопросами текущей педагогической жизни, оріентироваться въ нихъ, послушать тѣхъ, кто ближе стоитъ къ ихъ разрѣшенію, и вмѣстѣ съ ними поработать на общей педагогической нивѣ. И еще до сихъ поръ живо не мало педагоговъ, которые принимали участіе въ этой плодотворной работѣ, и понятно, чѣмъ они обязаны своему

Педагогическому Обществу и его вдохновителю—К. Д. Ушинскому. Между тѣмъ, онъ не занималъ въ это время *никакого* офиціальнаго положенія,—не былъ даже *предсѣдателемъ* общества,—и все-таки, можетъ быть, никогда его педагогическій авторитетъ не стоялъ такъ высоко, какъ теперь. Отмѣтимъ, кстати, что именно въ это время онъ ведетъ дѣятельную и обширную переписку съ другимъ тогдашнимъ знаменитымъ педагогомъ, барономъ Н. А. Корфомъ, который работалъ тогда по народному образованію въ своемъ Екатеринославскомъ имѣніи и въ другихъ мѣстностяхъ той же губерніи. Эта переписка показываетъ, съ какимъ интересомъ относился Ушинскій къ вопросу о народномъ образованіи, и съ какимъ уваженіемъ принимались его всегда дѣльные и умные совѣты.

Послѣдніе годы своей жизни Ушинскій провелъ на югѣ Россіи. Петербургскій климатъ дурно дѣйствовалъ на его легкія, и въ 1870 году, весной, мы видимъ его въ Крыму, гдѣ, лѣчась кумысомъ, онъ въ то же время принимаетъ участіе въ Симферопольскомъ съѣздѣ народныхъ учителей, знакомится съ одной изъ мѣстныхъ татарскихъ школъ, гдѣ, какъ оказалось, обученіе русскому языку съ чрезвычайнымъ успѣхомъ шло по его „Родному Слову", и, вообще, ни одного часа, повидимому, не живетъ безъ мыслей и заботъ о дорогомъ ему дѣлѣ.

Въ Крыму онъ поздоровѣлъ и уже собирался поселиться тамъ навсегда, когда постигло его неожиданное горе: его старшій сынъ, блестяще одаренный юноша, нечаянно застрѣлился на охотѣ. Это крайне дурно отозвалось на такомъ любящемъ отцѣ, какъ К. Д. Къ сожалѣнію, онъ получилъ еще извѣстіе, что Симферопольскіе учителя подверглись строгому выговору за оказанное ему на съѣздѣ вниманіе,—и горькое чувство невольно отравило ему крымскія впечатлѣнія. Онъ сталъ рваться въ Петербургъ, съ которымъ сжился сердцемъ, гдѣ онъ, по его собственному выраженію, „и безъ куска хлѣба таскался,—и состояніе нажилъ; и мѣста уѣзднаго учителя искалъ напрасно,—и съ Царями бесѣдовалъ..." Но эти стремленія остались тщетны: дни его были сочтены... По дорогѣ изъ Кіева, гдѣ учились его дочери, онъ сильно простудился и умеръ отъ воспаленія легкихъ, въ Одессѣ, 21 дек. 1870 года, окруженный всей своей семьей, тихо, сознательно, послѣ горячей общей молитвы.

Намъ не хочется заканчивать эту біографію банальной фразой, такъ и просящейся въ данномъ случаѣ подъ перо:

„Ушинскій умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ; ему шелъ только 47-й годъ: *сколько бы онъ успѣлъ еще сдѣлать!*". Вмѣсто этого горькаго и ни къ чему не ведущаго сожалѣнія, вспомнимъ лучше, какъ много *сдѣлалъ* нашъ педагогъ для практики и теоріи русскаго воспитанія и обученія. Нѣтъ ни одной области въ этомъ дѣлѣ, которая не подверглась бы его плодотворному вліянію: первоначальное воспитаніе и обученіе въ семьѣ, низшая народная школа, учительскія семинаріи, среднія учебныя заведенія,—все интересовало и занимало вниманіе Ушинскаго, ко всему „приложилъ онъ свою руку".

Но, можетъ-быть, болѣе всего обязаны ему русскія женщины и дѣвушки. Первымъ онъ указалъ на ихъ высокое назначеніе — матери-воспитательницы и учительницы дѣтей; для вторыхъ, создалъ „своимъ" Смольнымъ институтомъ образцовое учебно-воспитательное заведеніе и далъ могучій толчокъ дѣлу открытаго женскаго образованія въ Россіи, гдѣ до 1860-хъ годовъ существовали только закрытые институты. Имъ женщина была уравнена съ мужчиной въ правахъ на образованіе, онъ же чрезвычайно высоко ставилъ ея значеніе въ семьѣ. Не говоря о многихъ важныхъ мелочахъ, связанныхъ съ именемъ Ушинскаго, упомянемъ хотя бъ объ одной: даже мысль объ устройствѣ педагогическаго класса и осуществленіе этой мысли принадлежатъ ему. Для характеристики его общаго значенія, мы считаемъ самымъ подходящимъ повторить слова изъ рѣчи протоіерея Павловскаго, сказанной имъ при проводахъ тѣла Ушинскаго изъ Одессы въ Кіевъ, гдѣ онъ похороненъ:

„Вотъ тотъ гробъ, передъ которымъ съ любовью преклонятся и съ благодарностью помолятся многіе и многіе въ Россіи: преклонится и помолится дитя и возрастный, ученикъ и учитель, мать и ея дѣти, начинающій изучать великое дѣло воспитанія и глубоко изучившій множество системъ воспитанія. Вотъ тотъ труженикъ, который книгами своими облегчилъ и сдѣлалъ сладкимъ ученіе для дитяти и для его учителя; который связалъ матерей съ ихъ дѣтьми крѣпкими и святыми узами воспитанія.. Вотъ тотъ дивный знакомецъ, котораго, никогда не видавши, знаешь, чтишь и любишь,—знаешь по его книгамъ, наполнив-

шимъ училища и семьи, чтишь за тѣ разнообразные таланты, которыми онъ такъ щедро награжденъ былъ и изъ которыхъ ни одного не скрылъ въ землѣ; за многостороннія и глубокія познанія.... любишь за его всегда живую любовь, неустанное терпѣніе, новость взгляда на воспитаніе и за книги для дѣтей".

Пусть же и для насъ, не имѣвшихъ счастія лично видѣть и слышать К. Д. Ушинскаго, будетъ вѣчно близокъ этотъ „знакомый незнакомецъ", память котораго наше и послѣдующія поколѣнія должны чтить и любить отъ всей души за его великіе труды на пользу русскаго воспитанія.

К. Д. Ушинскій.

Трудъ и его психологическое значеніе.

Политико-экономическое значеніе труда вполнѣ уяснено наукою, и труду давно уже отведено почетное мѣсто между природою и капиталомъ.

Къ этому значенію труда, кидающемуся въ глаза повсюду, куда только ни поглядишь, мы не можемъ ничего прибавить. Намъ кажется только, что и въ экономическомъ отношеніи трудъ долженъ быть поставленъ во главѣ двухъ другихъ содѣятелей человѣческаго богатства—природы и капитала, а не рядомъ съ ними; ибо безъ труда природныя богатства и обиліе капиталовъ оказываютъ гибельное вліяніе не только на нравственное и умственное развитіе людей, но даже и на ихъ матеріальное благосостояніе.

Природное богатство острововъ Индѣйскаго архипелага оставило человѣка нагимъ, дикимъ и безсильнымъ; драгоцѣнности обѣихъ Индій, не смотря на все богатство природныхъ качествъ испанца, убили могучіе зародыши испанской цивилизаціи; голландскіе же рыбаки, загнанные на пустынную отмель, отняли себѣ землю у морскихъ волнъ и положили начало европейскимъ капиталамъ.

Въ настоящее время мы видимъ еще болѣе поразительный примѣръ значенія труда въ жизни народовъ. Сравните Сѣверные и Южные штаты Сѣверной Америки за сто лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время *). Природа, капиталы, образованность населенія—все было на сторонѣ Южныхъ штатовъ еще незадолго до войны за независимость; одинъ упорный, можно даже сказать, страстный трудъ англійскихъ изгнанниковъ составлялъ пре-

*) Въ 1860 году, когда писалась эта статья.

имущество сѣверныхъ колоній. Привозъ негровъ освободилъ жителя Южныхъ штаговъ и отъ послѣдней необходимости *личнаго* труда—и какіе результаты! Въ крошечномъ Родъ-Айландѣ сумма образованія вдвое болѣе, чѣмъ во всѣхъ невольничьихъ штатахъ, взятыхъ вмѣстѣ! Самое существованіе южнаго плантатора основано на нарушеніи коренного закона христіанства, и всякій новый шагъ цивилизаціи неудержимо приближаетъ его къ гибели. Онъ долженъ сдѣлаться защитникомъ торга людьми, безнравственности, дикости, невѣжества, бѣдности и одолѣть въ этой *нечеловѣческой* борьбѣ — или приняться вновь строить свою жизнь.

Какое страшное, отвратительное положеніе!

Вотъ къ чему привели жителей Южныхъ штатовъ ихъ богатая природа, большіе, не нажитые личнымъ трудомъ капиталы и полуобразованность, пренебрегшая трудомъ.

Но ясно, что въ этихъ примѣрахъ отсутствіе личнаго труда дѣйствовало не тѣмъ, что уменьшило количество производимыхъ цѣнностей: открой Испанія рудники Калифорніи и Австраліи,— это только уронило бы ее еще глубже.

Американскіе плантаторы еще богаты, и защитники невольничества еще очень сильны; но образованіе, нравственность, та жизненная энергія, которая горитъ въ грубомъ жилищѣ западнаго фермера, покинула уже навсегда роскошныя плантаціи Южныхъ штатовъ, воздѣлываемыя руками негровъ. Еще недавно рыцарскіе нравы жителей Виргиніи обращали на себя вниманіе путешественниковъ; теперь они исчезли и замѣнились замѣчательною грубостью: соотечественникъ Вашингтона, вмѣсто слова, подымаетъ палку въ сенатѣ, хватается за подкупъ или ножъ тамъ, гдѣ нельзя доказать своего права. Къ такимъ дикимъ, варварскимъ поступкамъ приводитъ южнаго плантатора необходимость доказать право торговать людьми.

Но еще болѣе рѣзкій примѣръ того, что свободный трудъ нуженъ человѣку самъ по себѣ, для развитія и поддержанія въ немъ человѣческаго достоинства, представляетъ намъ римская исторія.

Припомните характеръ римскаго гражданина въ тотъ періодъ, когда онъ изъ-за сохи переходилъ къ занятіямъ консула и диктатора, и сравните его съ характеромъ римскаго обжоры вре-

менъ Домиціана, когда цѣлый міръ присылалъ въ вѣчный городъ изысканнѣйшія произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ, и когда всякое занятіе считалось предосудительнымъ не только для римскаго вельможи, но и для оборванца римской черни; когда тысячи рабовъ избавляли римлянина не только отъ необходимости что-нибудь дѣлать, но даже что-нибудь думать, а толпы германскихъ наемниковъ снимали съ него обязанность самому защищать свое отечество. Нечего говорить уже о нравственномъ достоинствѣ римлянъ въ этомъ періодѣ: картины, набросанныя Тацитомъ, кажутся невѣроятными. Рабы, избавивъ римлянина отъ необходимости трудиться, сдѣлали его самого такимъ добровольнымъ рабомъ, какихъ ни послѣ, ни прежде не представляла исторія. Но этого мало: въ который изъ этихъ періодовъ былъ счастливѣе римлянинъ? Тогда ли, когда онъ самъ пахалъ землю, а жена его ткала ему одежду, или когда онъ въ одинъ обѣдъ пожиралъ годовые доходы азіатскихъ царствъ, когда онъ безъ помощи другихъ даже не ѣлъ, не ходилъ и не думалъ? Изумительное, непостижимое для насъ равнодушіе къ жизни проглядываетъ, подобно какому-нибудь адскому страшилищу, въ безчисленныхъ картинахъ самоубійства, изображаемыхъ Тацитомъ. Вся жизнь Рима послѣднихъ вѣковъ представляется одною мрачною оргіею, въ которой столько же несчастій и душевныхъ неизлѣчимыхъ страданій, сколько разврата, рабства, не нажитаго личнымъ трудомъ богатства и роскоши, не приносящей счастья. Можно выставить даже такую мысль: насколько Римъ былъ богаче, настолько онъ былъ развратнѣе и несчастнѣе.

Но не показываетъ ли намъ и современное положеніе общества, что увеличеніе массы богатства не ведетъ еще за собою увеличенія массы счастья?

Не видимъ ли мы, напротивъ, на каждомъ шагу, что вліяніе богатства прямо дѣйствуетъ разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастіе общества, если общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ не приготовлено еще выдержать натиска приливающаго богатства?

Дурную услугу оказалъ бы государству тотъ, кто нашелъ бы средство отпускать ему ежедневно всю ту сумму денегъ, какая необходима его гражданамъ, отпускать для покупки за границею всего, что нужно для самой роскошной жизни.

Если бы люди открыли философскій камень, то бѣда была бы еще не велика: золото перестало бы быть монетою. Но если бы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго выскакиваетъ все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполнѣ замѣняющую всякій трудъ человѣка, то самое развитіе человѣчества остановилось бы: дикость завладѣла бы обществомъ.

Переходя отъ государствъ къ отдѣльнымъ сословіямъ, слѣдя за возникновеніемъ и паденіемъ ихъ, мы видимъ то же самое: какъ только необходимость труда—будетъ ли то наука, торговля, государственная служба—военная или гражданская, покидаетъ какое-нибудь сословіе, такъ и оно начинаетъ быстро терять силу, нравственность, и наконецъ, и самое вліяніе; начинаетъ быстро вырождаться и уступаетъ свое мѣсто другому, въ среду котораго переходитъ, вмѣстѣ съ трудомъ, и энергія, и нравственность, и счастіе.

Примѣры частной жизни представляютъ намъ то же самое: кто жилъ и наблюдалъ достаточно, чтобы имѣть возможность припомнить нѣсколько благосостояній, созданныхъ и разрушенныхъ на его памяти, тотъ, вѣроятно, не разъ задумывался надъ однимъ страннымъ, періодически-повторяющимся явленіемъ. Отецъ, человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу, трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться, и, наконецъ, оставляетъ имъ обезпеченное состояніе. Что же приноситъ это состояніе дѣтямъ? Оно весьма часто не только бываетъ причиною безнравственности въ дѣтяхъ, не только губитъ ихъ умственныя способности и физическія силы, но даже дѣлаетъ ихъ положительно несчастными: такъ что, если сравнить жизнь отца, тяжкимъ, упорнымъ трудомъ нажившаго состояніе, и жизнь дѣтей, проживающихъ его безъ всякаго труда, то мы увидимъ, что отецъ былъ несравненно счастливѣе дѣтей. А между тѣмъ, бѣдняжъ трудился цѣлую жизнь, чтобы дѣтямъ его не нужно было трудиться, бился цѣлую жизнь, чтобы разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастье невозможнымъ! О дѣльномъ воспитаніи онъ не заботился: къ чему оно?—были бы деньги! Пусть де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ! И не подумалъ онъ, что трудъ, а за нимъ и сча-

стье сами сыщутъ бѣдняка; а богачъ долженъ еще умѣть отыскать ихъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что трудъ, исходя отъ человѣка на природу, дѣйствуетъ обратно на человѣка не однимъ удовлетвореніемъ его потребностей и расширеніемъ ихъ круга, но собственною своею, внутреннею, ему одному присущею силою, независимо отъ тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя онъ доставляетъ. *Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастья.* Это животворное вліяніе имѣетъ личный трудъ только на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить; но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ бархата, шелка, хлѣба, машинъ, вина погубилъ Римъ, Испанію, Южные штаты С. Америки, вырождаетъ сословія, лишаетъ нравственности и счастья многія тысячи людей.

Такое значеніе труда коренится въ его психической основѣ; но прежде, чѣмъ выразить психологическій законъ труда, мы должны еще сказать, что разумѣемъ подъ словомъ трудъ, потому что значеніе этого слова извратилось услужливыми толкованіями свѣта, облекающаго этимъ серьезнымъ, честнымъ и почетнымъ именемъ иногда вовсе не свѣтлыя, не серьезныя, не честныя и не почетныя дѣйствія.

Трудъ, какъ мы его понимаемъ, есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни. „Всякое опредѣленіе опасно“, говорили римляне, и мы не признаемъ нашего неуклюжаго опредѣленія неуязвимымъ; но намъ хотѣлось отличить въ немъ разумный трудъ взрослаго человѣка, съ одной стороны, отъ работы животныхъ и работы негровъ изъ-подъ палки; а съ другой — отъ забавъ малыхъ и взрослыхъ дѣтей. Машина и животное рабо-

таютъ; работаетъ и негръ, боящійся только плети надсмотрщика и не ожидающій для себя никакой пользы изъ своей работы: несвободный трудъ не только не возвышаетъ нравственно человѣка, но низводитъ его на степень животнаго. Трудъ только и можетъ быть свободнымъ, если человѣкъ *самъ* принимается за него по сознанію его необходимости; трудъ же, вынужденный на пользу другому, разрушаетъ человѣческую личность того, кто трудится или, вѣрнѣе сказать, работаетъ. Не трудится и капиталистъ, придумывающій только, какъ бы прожить доходъ съ своего капитала. Купецъ, надувающій покупателя, чиновникъ, набивающій карманъ чужими деньгами, шулеръ, въ потѣ лица поддѣлывающій карты,—плутуютъ. Богачъ, сбивающійся съ ногъ, чтобы задать балъ на удивленіе, пересѣсть своего пріятеля, стащить соблазняющую его бирюльку—играетъ, но не трудится, и его дѣятельность, какъ бы она тяжела для него ни была, нельзя назвать трудомъ, точно такъ же, какъ и игру дѣтей въ куклы, въ бирюльки, въ солдатики. Скряга, работающій изо всѣхъ силъ, чтобы набить свой сундукъ блестящими кружочками—безумствуетъ, но также не трудится.

Есть и такіе господа, которые, не имѣя уже рѣшительно никакого дѣла въ жизни, придумываютъ себѣ занятіе ради душевнаго и тѣлеснаго моціона: точатъ, играютъ въ билліардъ или просто бѣгаютъ по улицамъ, чтобы поглотить пышный завтракъ и возвратить аппетитъ къ обѣду; но такой трудъ имѣетъ то же значеніе, какое имѣло рвотное за столомъ римскаго обжоры: возбуждая обманчивую охоту къ новымъ наслажденіямъ, оно помогаетъ разстраивать душевный и тѣлесный организмъ человѣка. *Трудъ—не игра и не забава*; *онъ всегда серьезенъ и тяжелъ*; только полное сознаніе необходимости достичь той или другой цѣли въ жизни можетъ заставить человѣка взять на себя ту тяжесть, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истиннаго труда.

Трудъ истинный и непремѣнно свободный, потому что другого труда нѣтъ и быть не можетъ, имѣетъ такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣну и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка, но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. *Безъ личнаго*

труда человѣкъ не можетъ итти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ итти назадъ.

Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если, почему бы то ни было, у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу, и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ заживо, потому что трудъ, личный, свободный трудъ—и есть жизнь.

Что физическій трудъ необходимъ для развитія и поддержанія въ тѣлѣ человѣка физическихъ силъ, здоровья и физическихъ способностей, этого доказывать нѣтъ надобности. Но необходимость умственнаго труда для развитія силъ и здороваго, нормальнаго состоянія человѣческаго тѣла не всѣми сознается ясно. Многіе, напротивъ, думаютъ, что умственный трудъ вредно дѣйствуетъ на организмъ.—что совершенно несправедливо. Конечно, чрезмѣрный умственный трудъ вреденъ; но и чрезмѣрный физическій трудъ также разрушительно дѣйствуетъ на организмъ. Однако же, можно доказать множествомъ примѣровъ, что бездѣйствіе душевныхъ способностей и при физическомъ трудѣ оказываетъ вредное вліяніе на тѣло человѣка.

Это неоднократно было замѣчено на тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ работники являются дополненіями машины, такъ что занятіе ихъ не требуетъ почти никакого усилія мысли. Да это и не можетъ быть иначе, потому что тѣлесный организмъ человѣка приспособленъ не только для тѣлесной, но и для духовной жизни. Всякій же умственный трудъ, наоборотъ, приводя въ дѣйствіе нервную систему, дѣйствуетъ благотворно на обращеніе крови и на пищевареніе.

Люди, привыкшіе къ трудовой кабинетной жизни, чувствуютъ возбужденіе аппетита скорѣе послѣ умѣреннаго умственнаго труда, чѣмъ послѣ прогулки. Конечно, умственный трудъ не можетъ развить мускуловъ; но дѣятельность и особенная живость нервной системы замѣняетъ этотъ недостатокъ. И если умствен-

порядокъ, они быстро теряютъ свою цѣну и настойчиво требуютъ перемѣны, или одно изъ нихъ требуетъ усиленія и, не останавливаясь на одной ступени, увлекаетъ за собой человѣка въ бездну душевной и тѣлесной гибели. Такъ, напр., дѣйствуетъ привычка къ вину, къ спирту, къ пустой свѣтской жизни, къ картамъ и проч. Человѣкъ неудержимо увлекается этимъ вихремъ, пока онъ не выброситъ изъ сердца его послѣдней человѣческой идеи и послѣдняго человѣческаго чувства.

Этотъ психическій законъ, по которому наслажденія должны уравновѣшиваться трудомъ, прилагается къ наслажденіямъ всякаго рода, какъ-бы они возвышенны и благородны ни были.

Возьмемъ, напримѣръ, наслажденіе искусствомъ: полнота и постоянство этого благороднаго наслажденія покупается также трудомъ. Только художникъ, посвятившій всю жизнь свою художническому труду, можетъ вполнѣ, постоянно и безопасно, наслаждаться произведеніями художества. Но если онъ броситъ трудъ, если перестанетъ изучать законы художественнаго творчества и станетъ только любоваться, то наслажденіе быстро начнетъ утрачивать для него свою силу и, наконецъ, совершенно исчезнетъ. Дѣлаясь развлеченіемъ отъ скуки, наслажденіе искусствами быстро перестаетъ быть наслажденіемъ, а скоро потомъ перестаетъ быть и развлеченіемъ. Страстные собиратели картинъ и статуй начинаютъ, можетъ быть, наслажденіемъ, но оканчиваютъ пустѣйшимъ тщеславіемъ, и дорогая картинка, которая могла бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ наслажденія и изученія для художника, дѣлается часто вредною для души богача, который ее купилъ. Поэзія, музыка, живопись, ваяніе могутъ быть или отдохновеніемъ послѣ труда, или должны находиться въ живой связи съ трудомъ человѣка; когда же они дѣлаются предметомъ праздной прихоти, тогда не только теряютъ *всю* свою развивающую силу, но дѣйствуютъ отрицательно на нравственное и умственное совершенство.

Но пойдемъ еще выше, до самой высокой ступени человѣческихъ наслажденій. Удовлетвореніе благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго сердца, подвиги великодушія, патріотизма, любви къ человѣчеству совершаются не для наслажденій и дарятъ человѣка только мгновеннымъ счастіемъ, которое блеснетъ, какъ искра, и исчезнетъ. Если же человѣкъ захочетъ взять бо-

лѣе обильную дань изъ своего благороднаго подвига, остановить эту чарующую искру, то она не только немедленно начнетъ тускнѣть, но, потухнувъ, наполнитъ сердце его смрадомъ тщеславія и самымъ пошлымъ самодовольствомъ. Если же, вопреки этому, человѣкъ все будетъ усиливаться остановить потухающее наслажденіе, то выйдетъ еще хуже: онъ можетъ остановиться на постоянномъ созерцаніи своихъ мнимыхъ или даже и истинныхъ добродѣтелей и сдѣлаться самымъ несноснымъ, самымъ безполезнымъ существомъ и безвозвратно погибнуть нравственно.

Но возьмемъ самое спокойное, самое продолжительное изъ наслажденій—наслажденіе семейнымъ счастьемъ, и мы также увидимъ, что безъ труда и оно невозможно.

Вотъ два молодыя существа, которымъ судьба дала все, кромѣ необходимости трудиться и возможности сыскать трудъ жизни. Оба страстно любятъ другъ друга и страстно желаютъ принадлежать другъ другу.

Наконецъ, желанія ихъ исполняются. Они плаваютъ въ блаженствѣ; но долго ли продолжается плаваніе? Увы,—очень недолго! Скоро притупляется чувство, и незамѣтно начинаетъ закрадываться скука.

Жена создана Богомъ помощницей мужу; но въ чемъ же она будетъ помогать ему, если онъ и самъ ничего не дѣлаетъ? Такимъ образомъ, главное назначеніе жены не можетъ быть выполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу исчезаетъ и самое значеніе брака. Чувство любви притупляется: какъ ни тормошатъ его супруги, оно продолжаетъ откликаться все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ умолкаетъ; а сердце все не перестаетъ требовать счастья, наслажденій, каждую минуту и во всю долгую жизнь человѣка. Тогда оба супруга начинаютъ посматривать по сторонамъ, искать наслажденій внѣ домашней жизни, власть свѣта быстро уноситъ ихъ въ разныя стороны. Появляются дѣти, но за дѣтьми есть кому присмотрѣть и безъ матери: есть для этого бонны, гувернантки и гувернеры. А отцу что дѣлать съ дѣтьми? Поласкать, когда придутъ; прогнать, когда надоѣдятъ,—вотъ и все.

Сердце же между тѣмъ все не перестаетъ требовать жизни и счастья, каждую минуту, долгіе дни, мѣсяцы и годы! Оба супруга, не находя счастья другъ въ другѣ, ищутъ его по сторо-

намъ: она на балахъ, въ нарядахъ, въ романахъ, поджигающихъ искать счастья, въ кокетствѣ, отысканіи новаго чувства; онъ—въ клубахъ, въ пирушкахъ, въ картахъ, рысакахъ; еще одинъ шагъ, и святость брака разрушена; тотъ розовый вѣнокъ, котораго они такъ добивались, разорванъ, брошенъ, затоптанъ въ грязи и позабытъ навсегда. Такова судьба всѣхъ браковъ по страсти у людей, которымъ нечего дѣлать. Взгляните черезъ пять—шесть лѣтъ на такихъ супруговъ, и вы даже не подумаете, что сильное чувство любви когда-то соединяло ихъ: ни признака какого-нибудь чувства! Въ простой крестьянской семьѣ, гдѣ мужъ выбиралъ въ жены только работницу, а она искала въ немъ кормильца и хозяина, вы найдете часто гораздо болѣе и чувства, и истинной супружеской привязанности. Они трудятся вмѣстѣ: ровно, дружно, какъ двѣ ломовыя лошади, подымаютъ тяжелую борозду ихъ жизненнаго пути, и всѣ ссоры и разсчеты быстро исчезаютъ передъ ежедневно возникающею необходимостью обоюднаго труда. Ихъ соединяетъ трудъ, и онъ-то свято поддерживаетъ слабую искру взаимнаго сочувствія и проводитъ ее безопасно черезъ всѣ ссоры, и даже пороки и преступленія, которыя могутъ быть сдѣланы супругами другъ противъ друга, проводитъ отъ алтаря до гробовой доски: такъ полно глубокаго смысла то воображеніе Библіи, гдѣ Господь назначаетъ жену помощницею мужу; такъ оправдывается оно ежедневно передъ нашими глазами, и мы, если не хотимъ быть слѣпыми, то убѣдимся, что безъ труда, дѣльнаго, серьезнаго труда, семейное счастье есть не что иное, какъ романическая химера. Читая въ какомъ-нибудь романѣ, какъ два ничего не дѣлающія существа сгораютъ взаимною страстью, и какъ потомъ эта страсть увѣнчивается бракомъ, такъ и хочется спросить, что же было потомъ? Шутка Теккерея, въ которой онъ дорисовываетъ картину Вальтеръ Скотта и знакомитъ насъ съ семейною жизнью Айвенго и Роуэны, внушена писателю глубокимъ знаніемъ сердца и острою наблюдательностью того, что на каждомъ шагу встрѣчается въ жизни.

Но этого мало: если мужъ трудится, чтобы добыть средства къ жизни, а жена только пользуется плодами его трудовъ, не раздѣляя самаго труда, то и тогда семейное счастье невозможно. Женщина, какъ кумиръ, вѣчно отдыхающая отъ лѣни на ложѣ

изъ розъ, самое нелѣпое созданіе романистовъ. Такое понятіе о женщинѣ, весьма распространенное въ модномъ свѣтѣ, оскорбительно и для женщины и для мужчины.

Перебирая такимъ образомъ всѣ пріятныя ощущенія, которыя только дано испытывать человѣку на землѣ, мы видимъ много наслажденій и нигдѣ не находимъ счастья, потому что именемъ счастья человѣкъ упорно называетъ идеалъ ничѣмъ невозмутимаго и безконечнаго блаженства, которое бы не унижало, но возвышало его человѣческое достоинство. Такого счастья на землѣ нѣтъ. Наслажденія, какъ бы ихъ много ни было собрано въ одну жизнь, еще не счастье. Это только мишурная пыль съ крыльевъ того неуловимаго призрака, за которымъ упорно гонятся люди. Трудъ есть единственно доступное человѣку на землѣ и единственно достойное его счастье. Наслажденія порхаютъ вокругъ свѣточа труда, какъ золотые мотыльки, привлекамые свѣтомъ, и чѣмъ ярче горитъ трудъ, тѣмъ больше ихъ толпится; но потушите его, и эти золотые мотыльки превратятся въ хищныхъ птицъ, которыя мигомъ расхватаютъ всѣ сокровища сердца и оставятъ его на жертву пустотѣ и отчаянію.

Что же это такое, спроситъ читатель: къ чему ведетъ эта рѣчь? Не проповѣдь ли это на азбучную истину, что *праздность есть мать всѣхъ пороковъ*? Но развѣ эта азбучная истина, которую въ первый разъ высказалъ какой-нибудь греческій мудрецъ, глубоко вдумавшійся въ жизнь человѣка, не превратилась для насъ въ пустую, непонятную фразу? Изъ чего же видно, что эта азбучная фраза, надоѣвшая намъ на прописяхъ, понята нами, какъ глубокая и вѣчная, къ каждому изъ насъ приложимая истина? Не показываемъ ли мы во всѣхъ нашихъ желаніяхъ, что эта истина не проникла до нашего сердца, что мы не вѣримъ тому, что она истина?

Много ли можно встрѣтить между нами такихъ людей, которые не смотрѣли бы на богатство, какъ на завидную привилегію ничего не дѣлать, а на трудъ, какъ на тяжелую и даже унизительную принадлежность бѣдности? Кто не желаетъ обезпечить возможность праздности для себя, или, по крайней мѣрѣ, для дѣтей своихъ? Самое образованіе дѣтей не ставитъ ли большинство ниже ихъ независимаго состоянія? Мало ли такихъ людей, которые смотрятъ на образованіе, только какъ на средство добывать

деньги, и многіе ли видятъ въ немъ средство отыскать трудъ— не забаву, не украшеніе, а дѣльный трудъ?

Самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его *не для счастья*, а приготовлять къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому что тѣмъ труднѣе для него отыскать трудъ, который самъ напрашивается къ бѣдняку, таща за спиною счастье въ нищенской котомкѣ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни. Но таково ли воспитаніе въ настоящее время?

Много ли найдется матерей, которыя бы не заботились устроить праздную жизнь для дочерей своихъ? Мало ли есть такихъ, которыя готовы купить для своихъ любимыхъ дочерей право праздности?

„Есть недугъ, его же видѣхъ подъ солнцемъ", говоритъ Экклезіастъ: „богатство, хранимо отъ стяжателя, во зло ему". Не много надо наблюдательности, чтобы убѣдиться, что этотъ недугъ существуетъ и подъ солнцемъ XIX столѣтія. Противъ этого-то недуга, какъ въ частномъ воспитаніи, такъ и въ воспитаніи цѣлаго народа, должно бороться. Чѣмъ большія богатства ожидаютъ человѣка, тѣмъ болѣе онъ долженъ приготовиться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ къ тому, чтобы выдержать свое богатство. Взгляните на крестьянина въ сѣрыхъ лохмотьяхъ, грязной рукой отирающаго потъ съ своего утомленнаго лица: давно уже носитъ онъ подъ дождемъ тяжелую соху и съ самаго ранняго утра топчетъ своими лаптями измокшее поле; онъ промокъ до костей; горячій потъ на лицѣ его смѣшивается съ холодными каплями осенняго дождя; руки его падаютъ отъ усталости; онъ черенъ, угрюмъ, лицо его изрыто морщинами, которыя скорѣе похожи на борозды, проводимыя по полю его тяжелой сохой, чѣмъ на легкія черточки времени; весь онъ запачканъ грязью и облитъ потомъ. Но всмотритесь въ его физіономію, въ его усталые, задумчивые глаза, и вы найдете въ нихъ выраженіе человѣческаго достоинства, котораго напрасно стали бы искать на бѣломъ, гладкомъ, румяномъ, какъ крымское яблоко, и лоснящемся, какъ атласъ, лицѣ сидѣльца въ енотовой шубѣ, похаживающаго около своей лавки. Отъ нечего дѣлать,

этотъ сочный господинъ заигрываетъ съ своимъ такимъ же разбухшимъ сосѣдомъ... Морда толстаго кота, выглядывающая въ окно той же лавки, глядитъ разумнѣе!

Но какъ ни бѣденъ крестьянинъ, одною сохою выбивающій себѣ насущный кусокъ хлѣба; какъ ни тяжелъ трудъ его и какъ ни скудно вознагражденіе, но когда, послѣ долгаго рабочаго дня, онъ возвращается домой, то трудъ, какъ закатывающееся солнышко трудового лѣтняго дня, облекаетъ пурпуромъ и золотомъ самые скудные, самые грубые предметы, встрѣчающіе его дома. Немногосложна и духовная жизнь крестьянина; но она все же есть, и въ ней много истинно-человѣческаго достоинства: онъ любитъ семью, въ воскресный день радостно затепливаетъ свѣчу передъ образомъ, и, встрѣчая нищаго, ломаетъ пополамъ свою краюху хлѣба, или вытаскиваетъ изъ-за голенища свой грязный кошелекъ, гдѣ лежатъ три мѣдныя копейки, добытыя тяжелымъ трудомъ.

Но вамъ кажется, что бѣднякъ стоитъ лучшей участи? Бросьте же ему горсть золота, которая бы разомъ избавила его отъ необходимости свободнаго труда, и полюбуйтесь превращеніемъ.

Видите ли вы этого расплывшагося негодяя? Его сальное и безсмысленное лицо, маленькіе заплывшіе глаза, исполненные хитрости, наглости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низкаго раболѣпства передъ вашей высокой особой, напоминаютъ вамъ и вашего приказчика, и цѣловальника въ красной рубахѣ, и знакомаго вамъ содержателя постоялаго двора, и разбухшаго купца-милліонера, котораго вы помните еще за прилавкомъ питейнаго дома, а, можетъ-быть, и кого-нибудь изъ вашихъ друзей. Это тотъ же самый крестьянинъ: онъ похитрѣлъ, и въ то же время поглупѣлъ, сдѣлался жаденъ и жестокъ, обираетъ и обкрадываетъ народъ, и отъ всей души презираетъ своего бывшаго собрата. Онъ сильно сколачиваетъ копейку, хотя уже много серебряныхъ рублей лежитъ въ его окованномъ сундукѣ, на которомъ онъ примостилъ себѣ перину и дрыхнетъ въ ожиданіи „кондрашки". Онъ весь предался тому сорочьему инстинкту, который медицина должна была бы причислить къ самому неизлѣчимому роду сумасшествія. Прощай, человѣкъ! остался толстый мѣшокъ, наполненный жиромъ и имѣющій одно свойство—всасывать деньги.

Кто наблюдалъ надъ жизнью простого народа, тотъ знаетъ, какъ неизбѣженъ такой законъ превращенія, и какъ быстро

звѣрство одолѣваетъ крестьянина, избавленнаго отъ необходимости личнаго физическаго труда и незнакомаго съ трудами умственной жизни.

Могучая природа его тѣла, взлелѣянная на русской печи и русскомъ морозѣ, продолжаетъ вырабатывать все новыя и новыя силы, которыя, за неимѣніемъ расхода на трудъ, обращаются въ жиръ, потопляющій и глаза его, и сердце, и мозгъ.

Можетъ быть и другого рода превращеніе, которое, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не лучше перваго: внезапно разбогатѣвшій крестьянинъ, если его натура пошире и сердце поблагороднѣе, можетъ вовсе бросить трудъ и, что называется, закутить. Быстро исчезнетъ съ него тогда человѣческій обликъ: обрюзглая, посинѣвшая физіономія, губы, красныя, какъ огонь, и мутные глаза выразятъ въ тѣлесныхъ формахъ неутолимую тоску его души.

Эти два превращенія, которыя въ такихъ рѣзкихъ формахъ высказываются въ простомъ быту, идутъ и выше—гораздо выше! Формы мѣняются, но смыслъ остается тотъ же.

Если духовныя силы, вызывающія свободную дѣятельность человѣка на новый, болѣе серьезный, болѣе духовный трудъ, не растутъ вмѣстѣ съ матеріальными средствами удовлетворять своимъ нуждамъ и прихотямъ, то не только нравственное достоинство человѣка, но и счастье его понижаются по мѣрѣ увеличенія его богатства, — будетъ ли онъ прибавлять капиталы къ капиталамъ, или растрачивать ихъ на наслажденія, будутъ ли этими наслажденіями простая сивуха, или шампанское. Богатство растетъ безвредно для человѣка тогда только, когда вмѣстѣ съ богатствомъ растутъ и духовныя потребности человѣка, когда и матеріальная, и духовная сфера разомъ и дружно расширяются передъ нимъ.

Большая разница въ томъ, понадобится ли разбогатѣвшему крестьянину книга, рояль, картина,—или тонкое сукно и тонкое вино; будетъ ли побуждать его къ новому труду желаніе расширить сферу своей общественной дѣятельности, или желаніе затащить еще тысячу въ свой сундукъ. Вотъ почему, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ заботами политической экономіи добывать бархатъ, тончайшія сукна и золотыя кисеи, должны итти заботы объ умственномъ и нравственномъ развитіи народа, о его христіанскомъ образованіи,—иначе всѣ эти кисеи и бархаты не

увеличатъ массы счастья, а напротивъ—уменьшатъ ее. Но для чего же вся эта промышленная сумятица, если не для счастья? Не для того же, конечно, чтобы доставить политико-экономy и статистику удовольствіе считать число фабрикъ и тюки товаровъ. Роскошь, которая въ послѣднее время такъ быстро начала распространяться между всѣми сословіями, и которой такъ радуются иные статистики, политико-экономы и фабриканты, также быстро можетъ съѣдать нравственность и счастье людей.

Роскошь развиваетъ фабрики, фабрика развиваютъ роскошь; капиталистъ сколачиваетъ новые капиталы; не капиталистъ бьется изо всѣхъ силъ и лѣзетъ въ долги, чтобы не отстать въ роскоши отъ капиталиста; человѣкъ вертится на своемъ бархатномъ креслѣ, придумывая, какъ бы добыть бархатныя драпри; потребность большихъ и большихъ капиталовъ для всякаго самостоятельнаго производства увеличивается; число самостоятельныхъ производствъ уменьшается; одна громадная фабрика поглощаетъ тысячи маленькихъ и превращаетъ самостоятельныхъ хозяевъ въ поденщиковъ; одинъ дурѣетъ отъ жиру, другой дичаетъ отъ нищеты; одного губитъ богатство, другого крайняя бѣдность превращаетъ въ машину; тотъ и другой приближаются къ состоянію животному; а новыя потребности, создаваемыя ежеминутно промышленностью, увеличиваютъ число недовольныхъ жизнью. Такимъ путемъ идетъ экономическое развитіе общества, *не опирающееся на духовномъ и нравственномъ развитіи его содержанія и формы.*

Такъ начерталъ Господь законъ свободнаго труда и во внѣшней природѣ, и въ самомъ человѣкѣ: въ его тѣлѣ, сердцѣ и умѣ. Высылая человѣка на трудъ, Творецъ сдѣлалъ трудъ необходимымъ условіемъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія, и самое счастье и достоинство человѣка поставилъ въ неизбѣжную зависимость отъ личнаго труда.

II. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.

ГЛАВА XIII.

Привычки и навыки, какъ усвоенные рефлексы.

Всякое привычное дѣйствіе есть дѣйствіе рефлективное, какъ разъ настолько, насколько оно привычно, и если въ ка-

комъ-нибудь психо-физическомъ актѣ мы замѣчаемъ привычку, то значитъ, что въ этомъ актѣ принимаетъ большее или меньшее участіе нервная система со своею способностью усвоить новые рефлексы.

Хотя мы и признаемъ нервный организмъ въ его отдѣльности отъ души только машиною, не имѣющею никакихъ условій чувства и возможности движеній, вслѣдствіе сознанія и чувства; но, тѣмъ не менѣе, мы предполагаемъ за этой органической машиной такую обширную, изумительную и разнообразную дѣятельность, возможность которой едва можетъ быть объяснена необыкновенною сложностью нервнаго организма, изученіе котораго до сихъ поръ далеко не можетъ считаться оконченнымъ ни въ анатоміи, ни въ физіологіи. Три четверти всего того, что мы дѣлаемъ, говоримъ и думаемъ, Лейбницъ приписывалъ привычкѣ, а нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ привычка—тамъ работаетъ нервная система. Но, отдавая тѣлу все, что ему принадлежитъ, мы тѣмъ свободнѣе можемъ отдать душѣ, что не можетъ быть выведено ни изъ какихъ законовъ матеріи, а именно: сознаніе, чувство и волю.

Способность нервнаго организма не только имѣть природные рефлексы, но и усвоивать новые, подъ вліяніемъ дѣятельности, весьма достовѣрно объясняетъ намъ возможность пріобрѣтенія привычекъ. Какое-нибудь дѣйствіе, стоившее намъ вначалѣ замѣтнаго сосредоточенія вниманія и усилія воли, повторяясь часто, выполняется нами все легче и легче, все при меньшемъ вниманіи и меньшемъ усиліи воли, и, наконецъ, можетъ до того укорениться въ нашей природѣ, что выполняется даже противъ нашей воли, и именно тогда, когда вниманіе нами отвлечено чѣмъ-нибудь другимъ: таковы, напримѣръ, всѣ дурныя привычки, съ которыми человѣку бываетъ иногда такъ же трудно бороться, какъ и съ врожденными наклонностями.

Однако же, далеко не всѣ, такъ называемыя, привычки и навыки могутъ быть объяснены рефлексами; но это потому, что названіе „привычка“ употребляется въ разговорномъ языкѣ неопредѣленно и прилагается одинаково къ самымъ разнообразнымъ психическимъ и психо-физическимъ явленіямъ.

Привычкою часто называютъ пріобрѣтаемую человѣкомъ способность выносить какія-нибудь ощущенія, или цѣлые ряды

ощущеній, которыхъ прежде онъ не могъ выносить; таковы: привычка къ перенесенію холода, жара, шума, тряски, качки, боли и т. п. Привычки этого рода можно назвать *пассивными*. Какъ объяснить это явленіе—мы не знаемъ; но очевидно, что часто повторяющееся впечатлѣніе должно въ самомъ организмѣ нашемъ производить какія-то измѣненія, мало-по-малу приспособляющія организмъ къ перенесенію того, чего прежде онъ не могъ перенести, что могло даже подѣйствовать на него разрушительно. Такъ, мало-по-малу, привыкаютъ люди къ быстрымъ перемѣнамъ температуры, которыя прежде могли бы произвести въ нихъ болѣзнь; такъ, были примѣры, что люди привыкали къ пріему ядовъ въ такихъ дозахъ, которыя были бы смертельны для человѣка непривычнаго. Эти *пассивныя* привычки не объясняются рефлексами, и не о нихъ хотимъ говорить мы теперь. Привычкою, на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, называютъ также усиленіе той или другой способности, происходящее отъ упражненія: такъ, обыкновенно, говорятъ, что человѣкъ привыкъ подымать большія тяжести, ходить много безъ устали, считать быстро и вѣрно, сосредоточивать вниманіе на извѣстномъ предметѣ, заниматься тою или другою умственною работою и т. п. Но усиленіе мускула не есть собственно привычка, а прямое увеличеніе его массы, зависящее отъ упражненія, простая прибавка мускульнаго матеріала, отчего въ мускулѣ можетъ развиваться большее противъ прежняго количество силъ. Точно также, если умъ нашъ, обогащаясь познаніями въ какой-нибудь области, выказываетъ въ ней болѣе способности, чѣмъ прежде, то это уже не привычка, а прямо расширеніе способности, развитіе ея увеличеніемъ и обработкою ея содержанія.

Подъ именемъ нервной привычки, въ точномъ смыслѣ слова, мы разумѣемъ то замѣчательное явленіе нашей природы, что многія дѣйствія, совершаемыя нами вполнѣ сознательно и произвольно, отъ частаго ихъ повторенія совершаются потомъ безъ участія нашего сознанія и произвола и, слѣдовательно, изъ ряда дѣйствій произвольныхъ и сознательныхъ, переходятъ въ разрядъ дѣйствій рефлективныхъ или рефлексовъ, совершаемыхъ нами помимо нашей воли и нашего сознанія. Въ этомъ уже сама собою открывается вся обширность возможности черезъ посредство привычки вносить въ нервный организмъ человѣка существенныя

комъ-нибудь психо-физическомъ актѣ мы замѣчаемъ привычку, то значитъ, что въ этомъ актѣ принимаетъ большее или меньшее участіе нервная система со своею способностью усвоить новые рефлексы.

Хотя мы и признаемъ нервный организмъ въ его отдѣльности отъ души только машиною, не имѣющею никакихъ условій чувства и возможности движеній, вслѣдствіе сознанія и чувства; но, тѣмъ не менѣе, мы предполагаемъ за этой органической машиной такую обширную, изумительную и разнообразную дѣятельность, возможность которой едва можетъ быть объяснена необыкновенною сложностью нервнаго организма, изученіе котораго до сихъ поръ далеко не можетъ считаться оконченнымъ ни въ анатоміи, ни въ физіологіи. Три четверти всего того, что мы дѣлаемъ, говоримъ и думаемъ, Лейбницъ приписывалъ привычкѣ, а нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ привычка—тамъ работаетъ нервная система. Но, отдавая тѣлу все, что ему принадлежитъ, мы тѣмъ свободнѣе можемъ отдать душѣ, что не можетъ быть выведено ни изъ какихъ законовъ матеріи, а именно: сознаніе, чувство и волю.

Способность нервнаго организма не только имѣть природные рефлексы, но и усвоивать новые, подъ вліяніемъ дѣятельности, весьма достовѣрно объясняетъ намъ возможность пріобрѣтенія привычекъ. Какое-нибудь дѣйствіе, стоившее намъ вначалѣ замѣтнаго сосредоточенія вниманія и усилія воли, повторяясь часто, выполняется нами все легче и легче, все при меньшемъ вниманіи и меньшемъ усиліи воли, и, наконецъ, можетъ до того укорениться въ нашей природѣ, что выполняется даже противъ нашей воли, и именно тогда, когда вниманіе нами отвлечено чѣмъ-нибудь другимъ: таковы, напримѣръ, всѣ дурныя привычки, съ которыми человѣку бываетъ иногда такъ же трудно бороться, какъ и съ врожденными наклонностями.

Однако же, далеко не всѣ, такъ называемыя, привычки и навыки могутъ быть объяснены рефлексами; но это потому, что названіе „привычка“ употребляется въ разговорномъ языкѣ неопредѣленно и прилагается одинаково къ самымъ разнообразнымъ психическимъ и психо-физическимъ явленіямъ.

Привычкою часто называютъ пріобрѣтаемую человѣкомъ способность выносить какія-нибудь ощущенія, или цѣлые ряды

противодѣйствовать ему; но дѣло въ томъ, что, тогда какъ сознаніе наще и воля дѣйствуютъ почти моментально, урывками, нервный организмъ, со своими наклонностями и привычками, вліяетъ на насъ постоянно; и тогда какъ итти вслѣдъ за наклонностями нервовъ для насъ легко и пріятно, противодѣйствовать имъ тѣмъ труднѣе и непріятнѣе, чѣмъ болѣе вкоренилось въ нихъ противоположное направленіе. Какъ только воля наша ослабѣетъ на мгновеніе, или сознаніе займется другимъ предметомъ, такъ нервы и начинаютъ подталкивать насъ на тотъ образъ дѣйствія, къ которому они привыкли, и мы, по выраженію Рида, „увлекаемся привычкою, какъ потокомъ, когда плывемъ, не сопротивляясь теченію". Человѣку, привыкшему къ куренью, вовсе не трудно не курить: это и не потребность, и не такое большое удовольствіе, отъ котораго было бы тяжело отказаться; но тяжело и непріятно цѣлые годы, каждый часъ и почти каждую минуту держать на сторожѣ нашу волю противъ привычки, которая ежеминутно подталкиваетъ насъ къ сигарѣ.

Чѣмъ моложе организмъ, тѣмъ быстрѣе укореняются въ немъ привычки. Дитя усвоиваетъ привычку гораздо быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ старикъ. Младенецъ, жизнь котораго считается днями, привыкаетъ къ какому-нибудь дѣйствію послѣ двухъ-трехъ разъ его повторенія, такъ что матери, напримѣръ, которыя откладываютъ пріучать ребенка къ правильному кормленію грудью, пока онъ окрѣпнетъ, черезъ нѣсколько же дней бываютъ принуждены бороться съ укоренившеюся уже привычкою. Пеленка свернутая, подушка, положенная такъ или иначе два-три раза сряду, уже установляютъ въ младенцѣ привычку, противодѣйствіе которой сопровождается крикомъ. Вотъ почему у безпорядочныхъ матерей и дѣти безпокойны, тогда какъ у матери съ опредѣленнымъ образомъ дѣйствій дѣти не кричатъ понапрасну. Нервы человѣка, такъ сказать, жаждутъ навыка и привычки, и первые привычки и навыки усвоиваются, быть-можетъ, съ перваго же раза; но чѣмъ болѣе накопляется привычекъ и навыковъ у человѣка, тѣмъ труднѣе вкореняются новые, встрѣчая сопротивленіе въ прежнихъ: дитя пріучается въ нѣсколько мѣсяцевъ такъ говорить на иностранномъ языкѣ, какъ не можетъ пріучиться взрослый человѣкъ и въ нѣсколько лѣтъ. Если же у старика привычки выступаютъ яснѣе, чѣмъ у молодого человѣка,

измѣненія, дающія ему тѣ способности, которыхъ онъ не имѣлъ отъ природы. На этой способности нервовъ къ усвоенію новыхъ ассоціацій рефлексовъ и разстройству старыхъ основываются не только всѣ тѣ привычки и навыки, которые преднамѣренно сообщаются дитяти воспитаніемъ, но также и тѣ, которые сообщаются ему безъ всякаго намѣренія, самою жизнью, и съ которыми нерѣдко приходится бороться воспитателю, а потомъ и самому человѣку или обществу.

Но этимъ не ограничивается значеніе привычки. Въ привычкѣ нервовъ есть другая, можетъ-быть, еще болѣе важная сторона, которой не слѣдуетъ упускать изъ виду. Нервъ, получившій привычку къ той или другой дѣятельности, не только легче выполняетъ эту дѣятельность, но иногда, получая къ ней физическую наклонность, даетъ чувствовать эту наклонность душѣ, которая, какъ мы уже видѣли, ощущаетъ нервный организмъ съ его особенностями, и слѣдовательно, и съ тѣми физическими наклонностями, которыя въ немъ установились отъ частаго повторенія той или другой дѣятельности. Такимъ образомъ, сначала намъ нужно употреблять значительное напряженіе сознанія и воли, чтобы дать то или другое направленіе той или другой дѣятельности нашихъ нервовъ, а потомъ мы принуждены бываемъ употреблять такое же усиліе сознанія и воли, чтобы противодѣйствовать наклонности нервовъ, которую мы сами же въ нихъ укоренили: сначала мы ведемъ наши нервы, куда хотимъ, а потомъ они ведутъ насъ, куда, быть-можетъ, мы совсѣмъ не хотимъ итти. Привычку, не переходящую въ *наклонность*, правильнѣе было бы называть *навыкомъ*, каковы всѣ привычки въ искусствахъ и ремеслахъ, и сохранить названіе *привычки* для привычекъ-наклонностей.

Образованіе наклонности изъ привычекъ объясняется свойствомъ нашей души, на которое вкратцѣ мы можемъ указать уже здѣсь. Душа наша требуетъ постоянной дѣятельности и, въ то же время, избѣгаетъ препятствій, а слѣдовательно требуетъ дѣятельности легкой: вотъ почему самая легкость для насъ той дѣятельности, къ которой привыкли нервы, установляетъ наклонность къ этой дѣятельности. Правда, сознаніе и воля всегда остаются при насъ, и какъ бы сильно ни было влеченіе нашего нервнаго организма въ какомъ-нибудь направленіи, мы всегда можемъ

долго еще продолжаетъ чувствовать, какъ чешутся или болятъ у него пальцы отрѣзанной руки. II. Ребенокъ долженъ былъ навыкнуть отличать свое тѣло и, слѣдовательно, свою руку, отъ всѣхъ постороннихъ предметовъ, точно также отражающихся въ его мозгу посредствомъ акта зрѣнія. III. Ребенокъ долженъ былъ навыкнуть по своему желанію направлять руку, распускать и сжимать пальцы,—тоже актъ весьма сложный, выходящій изъ комбинаціи дѣятельности трехъ чувствъ: зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства. IV. Кромѣ того, множествомъ наблюденій, аналогій и умозаключеній ребенокъ долженъ былъ усвоить понятіе о перспективѣ, и такъ усвоить, чтобы *дѣйствительно видѣть* предметы въ перспективѣ, а это—одинъ изъ самыхъ сложныхъ человѣческихъ навыковъ. Всѣ предметы отражаются на нашей сѣтчатой оболочкѣ глаза въ одной плоскости, безъ всякой перспективы, а только свѣтъ и тѣнь, знаніе относительной величины предметовъ и мгновенное сравненіе предметовъ разной величины даютъ намъ возможность видѣть ихъ въ перспективѣ. Если же ребенокъ вѣрно схватываетъ подаваемый ему предметъ, то значитъ, что онъ уже видитъ его въ перспективѣ. И все это громадное и сложное изученіе пройдено ребенкомъ въ какіе-нибудь три-четыре первые мѣсяца его жизни! Такъ дѣятельно работаетъ психическая жизнь въ ребенкѣ въ то время, когда на глаза взрослыхъ онъ почти не человѣкъ.

Къ такимъ же навыкамъ, укореняющимся въ младенчествѣ, которыми мы потомъ пользуемся, не помня совершенно ихъ трудной исторіи, принадлежатъ въ насъ: навыкъ видѣть двумя глазами одинъ предметъ, т.-е. превращать два отраженія въ одно ощущеніе, навыкъ видѣть одноцвѣтные предметы одноцвѣтными, тогда какъ, по устройству глазной сѣтки, это должно бы быть иначе; навыкъ при движеніи головы и глазъ не считать неподвижными предметы движущимися; навыкъ брать себя за больное мѣсто и чесать то, которое чешется. (Младенецъ, не пріобрѣвшій этого навыка, и у котораго чешется, положимъ, рука, будетъ метаться и кричать, не зная, чѣмъ помочь себѣ, потому что это ощущеніе отражается у него только общимъ ощущеніемъ въ мозгу). Къ такимъ же безсознательнымъ навыкамъ относятся: комбинація слуха и зрѣнія, когда мы направляемъ глаза въ ту сторону, откуда исходитъ звукъ;

то это потому, что часто старикъ такъ же устаетъ держать на сторожѣ свое сознаніе и волю, какъ и поддерживать свое тѣло въ прямомъ положеніи: такой старикъ опускается въ привычку, какъ опускается въ покойное кресло. Но мы не совсѣмъ согласны съ тѣми, которые, какъ, напримѣръ, Бэконъ, думаютъ, что привычки дѣтства труднѣе искореняются. Это справедливо только въ томъ отношеніи, что, чѣмъ старѣе привычка, тѣмъ она крѣпче, такъ какъ она укореняется именно повтореніемъ. Но если дитя, напримѣръ, скоро выучивается иностранному языку, то оно точно такъ же скоро и забываетъ его, если перестаетъ въ немъ упражняться. Словомъ, чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ скорѣе въ немъ укореняется привычка и тѣмъ скорѣе искореняется; и чѣмъ старѣе сами привычки, тѣмъ труднѣе ихъ искоренить. Область привычки и навыка гораздо обширнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Немедленно же по рожденіи начинаетъ дитя дѣлать различные опыты и приноровленія, которые потомъ обращаются для него въ безсознательные навыки и привычки. Мы уже видѣли выше, что многія изъ способностей зрѣнія вовсе не простыя прирожденныя способности, а весьма сложные выводы, сдѣланные человѣкомъ въ безпамятномъ младенчествѣ изъ множества наблюденій, сравненій, опытовъ, приспособленій, аналогій и умозаключеній, обратившихся потомъ въ безсознательно-выполняемый навыкъ, которымъ мы пользуемся впослѣдствіи, какъ прирожденнымъ даромъ. Такъ, ребенокъ уже на третьемъ или на четвертомъ мѣсяцѣ послѣ рожденія навыкаетъ вѣрно схватывать ручонкою подаваемый ему предметъ. Но если мы анализируемъ это дѣйствіе и сравнимъ его съ тѣми условіями, которыя врождены органамъ зрѣнія и осязанія, то увидимъ, что только посредствомъ множества наблюденій, аналогій и умозаключеній могъ достигнуть ребенокъ до этого, повидимому, столь простого дѣйствія. Чтобы протянуть свою ручонку къ предмету, младенецъ долженъ: I. *Навыкнуть* знать свою руку *своею*, потому что всѣ впечатлѣнія осязанія отражаются у насъ ощущеніемъ не тамъ, гдѣ предметъ прикасается къ кожѣ, но въ мозгу, такъ что, если мы, прикасаясь пальцами къ предмету, получаемъ ощущеніе осязанія въ пальцахъ, то это не болѣе какъ безсознательный навыкъ, укореняющійся въ младенчествѣ такъ сильно, что потомъ взрослый человѣкъ, у котораго отрѣзали руку,

долго еще продолжаетъ чувствовать, какъ чешутся или болятъ у него пальцы отрѣзанной руки. II. Ребенокъ долженъ былъ навыкнуть отличать свое тѣло и, слѣдовательно, свою руку, отъ всѣхъ постороннихъ предметовъ, точно также отражающихся въ его мозгу посредствомъ акта зрѣнія. III. Ребенокъ долженъ былъ навыкнуть по своему желанію направлять руку, распускать и сжимать пальцы,—тоже актъ весьма сложный, выходящій изъ комбинаціи дѣятельности трехъ чувствъ: зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства. IV. Кромѣ того, множествомъ наблюденій, аналогій и умозаключеній ребенокъ долженъ былъ усвоить понятіе о перспективѣ, и такъ усвоить, чтобы *дѣйствительно видѣть* предметы въ перспективѣ, а это—одинъ изъ самыхъ сложныхъ человѣческихъ навыковъ. Всѣ предметы отражаются на нашей сѣтчатой оболочкѣ глаза въ одной плоскости, безъ всякой перспективы, а только свѣтъ и тѣнь, знаніе относительной величины предметовъ и мгновенное сравненіе предметовъ разной величины даютъ намъ возможность видѣть ихъ въ перспективѣ. Если же ребенокъ вѣрно схватываетъ подаваемый ему предметъ, то значитъ, что онъ уже видитъ его въ перспективѣ. И все это громадное и сложное изученіе пройдено ребенкомъ въ какіе-нибудь три-четыре первые мѣсяца его жизни! Такъ дѣятельно работаетъ психическая жизнь въ ребенкѣ въ то время, когда на глаза взрослыхъ онъ почти не человѣкъ.

Къ такимъ же навыкамъ, укореняющимся въ младенчествѣ, которыми мы потомъ пользуемся, не помня совершенно ихъ трудной исторіи, принадлежатъ въ насъ: навыкъ видѣть двумя глазами одинъ предметъ, т.-е. превращать два отраженія въ одно ощущеніе, навыкъ видѣть одноцвѣтные предметы одноцвѣтными, тогда какъ, по устройству глазной сѣтки, это должно бы быть иначе; навыкъ при движеніи головы и глазъ не считать неподвижными предметы движущимися; навыкъ брать себя за больное мѣсто и чесать то, которое чешется. (Младенецъ, не пріобрѣвшій этого навыка, и у котораго чешется, положимъ, рука, будетъ метаться и кричать, не зная, чѣмъ помочь себѣ, потому что это ощущеніе отражается у него только общимъ ощущеніемъ въ мозгу). Къ такимъ же безсознательнымъ навыкамъ относятся: комбинація слуха и зрѣнія, когда мы направляемъ глаза въ ту сторону, откуда исходитъ звукъ;

комбинація ощущеній мускульныхъ, осязательныхъ съ движеніями при ходьбѣ; комбинація ощущеній слуховыхъ, мускульныхъ и движеній при произношеніи словъ и мн. др. Новѣйшая физіологія глубоко разъяснила эти безсознательныя, не врожденныя, но выработанныя нами дѣятельности нашихъ чувствъ, и психологіи остается воспользоваться этими результатами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сочиненіе Вундта *), какъ психолога и физіолога, имѣетъ весьма важное значеніе... Всѣ эти сложныя и не врожденныя намъ дѣятельности нашихъ чувствъ, открытыя физіологіею, суть не что иное, какъ навыки, сдѣланные нами въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, сдѣланные сознательно, точно такъ же, какъ множество навыковъ, которые мы дѣлаемъ впослѣдствіи, но самый актъ выработки которыхъ позабытъ нами, какъ и все, что относится къ *безсловесному* періоду нашей жизни. Къ такому объясненію приводятъ насъ многія убѣдительныя причины.

I. Мы не можемъ, не противорѣча логикѣ, принять безсознательныя ощущенія, опыты и умозаключенія, потому что всѣ эти акты суть акты сознанія и безъ него немыслимы. II. Прямыя наблюденія надъ младенцемъ показываютъ намъ, что одинъ, напр., изъ сложнѣйшихъ безсознательныхъ навыковъ, надъ объясненіемъ котораго много потрудилась и физіологія, и психологія, а именно навыкъ, пріобрѣтаемый младенцемъ на пятомъ или шестомъ мѣсяцѣ жизни,—схватывать вѣрно подаваемый ему предметъ, пріобрѣтается видимыми для насъ попытками ребенка, сначала весьма неудачными, а потомъ болѣе и болѣе вѣрными. III. И въ зрѣломъ возрастѣ мы нерѣдко, пріобрѣтши какой-нибудь навыкъ, должны потомъ употребить иногда значительное усиліе памяти, чтобы вспомнить, какъ и когда пріобрѣли его: что же удивительнаго, если мы забываемъ совершенно процессъ пріобрѣтенія навыковъ и привычекъ, усвоенныхъ нами въ младенческомъ возрастѣ, такъ что считаемъ ихъ за врожденную способность и наклонность души, какъ думали прежде, или за безсознательный душевный актъ, какъ хочетъ думать Вундтъ? Чтобы понять вполнѣ данное нами объясненіе этихъ сложныхъ безсознательныхъ актовъ души, въ которыхъ мы видимъ не что иное, какъ навыки и привычки, сдѣланные въ младенчествѣ,

*) Vorles. über die Menschen—und Thierseele. Wundt.

должно нѣсколько уяснить себѣ состояніе дѣтской памяти. Память младенца очень свѣжа и воспріимчива; но въ ней недостаетъ именно того, что связываетъ отрывочныя впечатлѣнія въ одинъ стройный рядъ и даетъ намъ потомъ возможность вызывать изъ души нашей впечатлѣніе за впечатлѣніемъ,—*недостаетъ дара слова*. Даръ слова совершенно необходимъ для того, чтобы мы могли сохранить воспоминаніе исторіи нашей душевной дѣятельности, и имѣетъ громадное значеніе для способности памяти. Если привычка сдѣлана нами хотя и сознательно, но въ тотъ періодъ нашей жизни, когда мы не обладали еще даромъ слова, то, безъ сомнѣнія, мы не можемъ припомнить, *какъ* мы сдѣлали ее, хотя она въ насъ остается. Въ томъ же, что у безсловеснаго младенца дѣйствуетъ уже память, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: множество наблюденій показываетъ это очень ясно. Младенецъ помнитъ лица, образы, впечатлѣнія, хотя и не обладаетъ еще тѣмъ могучимъ средствомъ, которое одно можетъ связать наши душевные акты въ стройную систему,—не обладаетъ словомъ.

Но, замѣтятъ намъ, не слишкомъ ли много приписываемъ мы безсловесному младенцу, говоря, что онъ наблюдаетъ, дѣлаетъ опыты, сравниваетъ, умозаключаетъ. Однако же, если наука открыла, что человѣкъ уже при выходѣ изъ младенчества обладаетъ множествомъ *пріобрѣтенныхъ* способностей, пріобрѣтеніе которыхъ обусловливается наблюденіемъ, опытомъ и умозаключеніемъ, то намъ остается одно изъ двухъ: или приписать возможность дѣлать опыты, наблюденія и умозаключенія безсознательной природѣ, какъ дѣлаетъ это Вундтъ, т.-е. придать сознаніе тому, что въ то же время признается нами безсознательнымъ, или приписать эту возможность такому, все же сознательному существу, какимъ является намъ ребенокъ,—и мы выбираемъ послѣднее.

Открывая и разъясняя эти сложные процессы душевной жизни младенца, наука удовлетворяетъ не одной любознательности, но приноситъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительную практическую пользу; ибо для родителей и воспитателей чрезвычайно важно сознавать ясно, что ребенокъ и въ первый годъ своей жизни живетъ не одною физическою жизнью, но что въ душѣ его и въ его нервной системѣ подготовляются основные элементы всей

будушей психической дѣятельности; вырабатываются тѣ силы и тѣ основные пріемы, съ которыми онъ впослѣдствіи будетъ относиться и къ природѣ, и къ людямъ. Усвоивъ такой взглядъ на младенца, родители и воспитатели подумаютъ не объ одномъ его физическомъ здоровьѣ, но и объ его духовномъ развитіи. Конечно, этотъ періодъ слишкомъ закрытъ отъ насъ, чтобы мы могли внести въ него наше положительное вмѣшательство; но мы можемъ дѣйствовать на него благодѣтельно, удаляя отъ ребенка въ томъ возрастѣ все, что могло бы помѣшать его правильному развитію—физическому и духовиому. Такъ, мы можемъ внести порядокъ въ его жизнь, позаботиться о спокойствіи его нервной системы, объ удаленіи отъ него всего раздражающаго, грязнаго и уродливаго не въ одномъ только физическомъ смыслѣ. Существуетъ, напримѣръ, убѣжденіе, кажущееся для многихъ предразсудкомъ, что злая кормилица вскормитъ и злого ребенка; но это не совсѣмъ предразсудокъ. Конечно, злость не можетъ быть передана черезъ молоко, хотя молоко раздраженной женщины портитъ желудокъ ребенка; но злая женщина обращается *зло* съ младенцемъ, и своимъ обращеніемъ, а не молокомъ, сѣетъ въ немъ сѣмена злости или трусости. Не должно забывать, что первое понятіе о человѣкѣ, которое впослѣдствіи закрѣпится словомъ, образуется въ ребенкѣ въ безсловесный періодъ его жизни, и что на образованіе этого понятія имѣютъ рѣшительное вліяніе тѣ первыя человѣческія личности, которыя отразятся въ душѣ ребенка и лягутъ въ основу его будущихъ отношеній къ людямъ. И счастливо дитя, если первое человѣческое лицо, отразившееся въ немъ, есть полное любви и ласки лицо матери! Въ отношеніи разныхъ людей къ другимъ людямъ мы замѣчаемъ величайшее разнообразіе и много безсознательнаго, какъ бы прирожденнаго, но, конечно, многое здѣсь не врождено, а идетъ изъ періода безсловеснаго младенчества.

Изъ всего обширнаго процесса психической жизни младенца мы видимъ ясно только отрывки, указывающіе на цѣлый періодъ развитія: вотъ ребенокъ сталъ слѣдить глазами за движущимися предметами, вотъ протягиваетъ къ нимъ ручонки, вотъ сталъ улыбаться, узнавать мать, отца, няню; а все это такіе сложные душевные выводы, надъ которыми много поработалъ младенецъ, и когда онъ произнесетъ первое слово, то душа его представля-

етъ такой сложный и богатый организмъ, такое собраніе наблюденій и опытовъ, такую высоту, до которой не могъ достигнуть весь міръ животныхъ во всемъ своемъ послѣдовательномъ развитіи. Вмѣстѣ со словомъ, закрѣпляющимъ образы и понятія, быстро начинаетъ развиваться память, которая со временемъ свяжетъ всю жизнь человѣка въ одно цѣлое; тогда отъ безсловеснаго періода останутся одни результаты въ формѣ безсознательныхъ привычекъ и наклонностей, не только приводящихъ въ изумленіе и физіолога и психолога, но и оказывающихъ огромное вліяніе на способности, характеръ и всю жизнь человѣка.

ГЛАВА XIV.

Наслѣдственность привычекъ и развитіе инстинктовъ.

Особенное значеніе придается привычкѣ возможностью ея наслѣдственной передачи. „Привычка или особенность",—говоритъ Льюисъ, — пріобрѣтенная и удержанная такъ долго, что она, такъ сказать, организовалась въ особи, и что организмъ этой послѣдней приладился къ ней, будетъ имѣть такіе же шансы передаться, какъ массивность мышцъ и костей". Тотъ же физіологъ нѣсколько далѣе говоритъ: „Какъ бы это ни было трудно объяснить, но нѣтъ факта болѣе несомнѣннаго, чѣмъ тотъ, что привычки, твердо установившіяся, могутъ быть переданы въ той же мѣрѣ, какъ и всякая нормальная наклонность". Всѣхъ, кто могъ бы еще сомнѣваться въ наслѣдственной передачѣ привычекъ, мы отсылаемъ къ сочиненію Льюиса *), у котораго приведено столько фактовъ этой наслѣдственности и въ людяхъ, и въ животныхъ, что сомнѣніе становится невозможнымъ...

Непроизвольныя и чисто безсознательныя дѣйствія наши, подъ вліяніемъ глубоко вкоренившейся въ насъ привычки, имѣютъ такъ много сходнаго съ дѣйствіями животныхъ подъ вліяніемъ инстинкта, что Ридъ вправѣ былъ сказать: „привычка отличается отъ инстинкта не по своей сущности, а только по своему происхожденію: первая пріобрѣтается, второй дается отъ

*) Физіологія обыденной жизни.

природы". Но если мы примемъ во вниманіе, что и привычка можетъ передаваться наслѣдственно, тогда уничтожается и эта послѣдняя возможность отличать привычку отъ инстинкта; здѣсь сама собою рождается мысль: нельзя ли всѣхъ инстинктовъ,— этого камня преткновенія для физіологіи и психологіи,—объяснить наслѣдственностью привычекъ? По крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи наукъ, намъ кажется это совершенно невозможнымъ. Что привычка, укоренившись въ наслѣдственную особенность, сливается съ природнымъ инстинктомъ, видоизмѣняетъ его и служитъ къ его дальнѣйшему равитію,—это можно считать доказаннымъ фактомъ... Признавая существованіе привычекъ у животныхъ, признавая возможность наслѣдственности этихъ привычекъ и видоизмѣненія инстинктовъ подъ ихъ вліяніемъ, мы, тѣмъ не менѣе, не видимъ въ настоящее время никакой возможности обойтись безъ гипотезы о врожденности первоначальныхъ инстинктовъ...

Мы уже говорили выше о невозможности признать инстинктивныя дѣйствія животныхъ за проявленія сознательнаго умственнаго процесса, что совершенно противорѣчило бы положенію, доказанному тѣми же естественными науками, что умственное развитіе находится въ тѣсной связи съ развитіемъ нервнаго организма. Инстинктъ же имѣетъ ту особенность, что онъ наиболѣе проявляется тамъ, гдѣ онъ наиболѣе нуженъ, гдѣ нервная организація блѣднѣе, а вслѣдствіе того, и умственное развитіе слабѣе. У человѣка мы замѣчаемъ такъ мало инстинктовъ, что, можетъ-быть, одно только сосаніе груди младенцемъ и глотаніе слѣдуетъ признать вполнѣ инстинктивными и сложными дѣйствіями. У млекопитающихъ животныхъ, и особенно у высшихъ породъ, замѣчательныхъ инстинктовъ также немного; тогда какъ у насѣкомыхъ, при всей бѣдности ихъ нервной организаціи, замѣчаются именно самыя изумительныя проявленія инстинкта. Вглядѣвшись въ жизнь муравьевъ и пчелъ, нельзя не быть пораженнымъ необыкновенно умными и цѣлесообразными, глубоко-математически разсчитанными дѣйствіями этихъ крошечныхъ существъ. Поразительное геометрическое устройство сотъ, математически достигающее возможно меньшей траты воску, при возможно большей вмѣстимости для меду; дивная ткань паутины; необыкновенно цѣлесообразное устройство коконовъ;

непостижимый разсчетъ бабочки для сохраненія своихъ яичекъ,—разсчетъ, простирающійся на всю долгую жизнь будущей гусеницы, которой мать, живущая нѣсколько часовъ, никогда не увидитъ,—все это такія дѣйствія, для которыхъ, если бы они были произведеніемъ ума, потребовались бы необыкновенно развитыя умственныя способности, а слѣдовательно, и необыкновенно развитая нервная организація. Общественная жизнь муравьевъ, ихъ войны съ цѣлью награбить чужихъ яичекъ и вывести изъ нихъ рабовъ для своего племени, или содержаніе муравьями тли, въ видѣ домашняго скота, при чемъ маленькіе мудрецы, пользуясь умѣренно сокомъ податливыхъ насѣкомыхъ, отпускаютъ ихъ до новаго удоя,—всѣ эти дѣйствія такъ похожи на дѣйствія человѣка, что если бы мы признали ихъ за проявленія ума, то должны были бы удивляться, почему, напримѣръ, медвѣдь, съ гораздо обширнѣйшей нервной организаціей, не сдѣлался пчеловодомъ, или разсчетливая хозяйка-лиса не занялась разведеніемъ цыплятъ. Гораздо раціональнѣе будетъ признать эти удивительныя *умѣнья* прирожденными инстинктами, которые развились и усложнились накопленіемъ привычекъ. Гораздо легче представить себѣ, что насѣкомое, при всей бѣдности своей нервной организаціи, обладаетъ способностью передавать свою крошечную опытность, въ видѣ наслѣдственной привычки, потомкамъ, и потому успѣло, въ теченіе своей многовѣковой родовой жизни, накопить такое множество этихъ крошечныхъ привычекъ, что онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ тотъ сложный и умный инстинктъ, который въ настоящее время поражаетъ насъ изумленіемъ. Такъ, если позволительно такое сравненіе, крошечный коралловый полипъ, работая громаднымъ обществомъ и многіе вѣка, и передавая начатую работу потомкамъ, ее продолжающимъ, выдвигаетъ на поверхность моря обширный островъ.

Только наслѣдственностью нервныхъ привычекъ мы и можемъ сколько-нибудь уяснить себѣ *наслѣдственность человѣческихъ характеровъ*—фактъ, который кажется намъ совершенно несомнѣннымъ, хотя, къ сожалѣнію, и мало изслѣдованнымъ. Но если наслѣдственность наклонностей у животныхъ уже окончательно принята наукою, то наслѣдственность въ человѣческихъ характерахъ, имѣющая то же основаніе, слишкомъ очевидна,

чтобы ее нужно было доказывать: она ожидаетъ только ближайшаго изученія и разъясненія.

Если подъ именемъ *характера* разумѣть индивидуальную особенность въ мысляхъ, наклонностяхъ, желаніяхъ и поступкахъ человѣка, то, конечно, одни явленія въ характерѣ человѣка будутъ продуктами его собственной жизни и жизни той среды, въ которой онъ вращался, а другія—продуктами наслѣдственныхъ наклонностей и особенностей. Взявъ же только эти послѣднія явленія, мы необходимо должны будемъ признать, что наслѣдственная передача этихъ особенностей и наклонностей могла совершиться не иначе, какъ черезъ унаслѣдованіе дѣтьми нервной системы родителей со многими ея какъ наслѣдственными, такъ и пріобрѣтенными посредствомъ привычки наклонностями. Нервныя болѣзни чаще передаются отъ родителей къ дѣтямъ, чѣмъ болѣзни другихъ системъ организма. Печальный фактъ наслѣдственнаго помѣшательства едва ли можетъ быть подверженъ сомнѣнію; а само сумасшествіе, есть, конечно, не болѣе, какъ особое состояніе нервнаго организма, такое же особое состояніе, какое дается, безъ сомнѣнія, и укоренившеюся привычкою. Но что же передается въ такой наслѣдственной привычкѣ? Этотъ вопросъ заслуживаетъ изслѣдованія.

Для того, чтобы по возможности подсмотрѣть, въ чемъ состоитъ наслѣдственная передача привычки, мы обратимъ вниманіе читателя на явленіе, безъ сомнѣнія, ему знакомое: на наслѣдственную передачу тѣхъ мелкихъ, но тѣмъ не менѣе характеристическихъ движеній личныхъ мускуловъ, которые составляютъ нашу личную мимику. Если сынъ или дочь, вообще, очень похожи на отца или мать, то сходство мелкихъ мимическихъ движеній теряется въ общемъ сходствѣ. Но часто случается такъ, что, напримѣръ, сынъ, вообще похожій на мать, наслѣдуетъ отъ отца только одну какую-нибудь мимическую черту, какъ, напримѣръ, улыбку, движеніе бровей и т. п.; тогда эта наслѣдственная черта выставляется необыкновенно ярко на чуждомъ ей фонѣ лица, напоминающаго мать во всемъ остальномъ. Случается и такъ, что какая-нибудь черта отца или матери, не замѣчаемая въ сынѣ въ дѣтскомъ возрастѣ, начинаетъ проявляться въ юношескомъ, а иногда даже подъ старость. Бываетъ и такъ, что этихъ вновь пробивающихся чертъ въ теченіе времени набирается такъ много,

что дитя, походившее въ дѣтствѣ, положимъ, на мать, становится потомъ болѣе похожимъ на отца. Наконецъ, бываетъ и такъ, что мимическія черты лица дѣда или бабки, какъ бы миновавъ сына или дочь, отражаются во внукѣ и внучкѣ (атавизмъ). Этотъ же самый фактъ проявляется и въ томъ видѣ, что дитя, мало похожее на мать, бываетъ рѣзко похоже на дядю, брата матери, какъ будто въ сестрѣ таинственно хранились наслѣдственныя черты, выразившіяся въ братѣ. Это любопытные факты и заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія.

Но что такое мимическая черта въ своемъ основаніи? Это не что иное, какъ привычка мускуловъ выражать какое-нибудь, часто повторяемое, душевное движеніе, и выражать при томъ съ тою особенностью, съ которою это душевное движеніе совершается въ томъ или другомъ человѣкѣ. Безчисленное множество личныхъ мускуловъ даетъ человѣку возможность безконечнаго множества оттѣнковъ самыхъ тонкихъ особенностей чувства. Эти оттѣнки до того тонки и неуловимы, что для выраженія какого-нибудь изъ нихъ словами потребовался бы цѣлый романъ, цѣлая исторія души человѣческой. Наши выраженія—горькая или презрительная улыбка, гордое или униженное, заискивающее выраженіе глазъ и т. п., далеко не выражаютъ всего разнообразія мимическихъ движеній, обозначая, такъ сказать, только цѣлыя семейства ихъ и никакъ не доходя до безконечнаго разнообразія индивидуальныхъ выраженій. Та или другая мимическая черта, вызываемая сначала сознательнымъ чувствомъ, нерѣдко обращается потомъ въ безсознательную привычку, вслѣдствіе частаго повторенія тѣхъ ощущеній, которыя ею выражаются и, такимъ образомъ, дѣлаются тѣлесною особенностью человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что эта тѣлесная особенность, пріобрѣтенная человѣкомъ въ теченіе жизни, выражается не только въ мускулахъ, но и въ нервахъ, управляющихъ сокращеніями этихъ мускуловъ, и даже болѣе въ нервахъ, чѣмъ въ мускулахъ, движеніе которыхъ и самое развитіе зависятъ отъ нервовъ. Какъ отпечатлѣвается эта особенность въ нервахъ, физіологія не знаетъ, но необыкновенная тонкость и сложность нервнаго организма, равно какъ и измѣнчивость его подъ вліяніемъ жизни, указываютъ намъ на возможность такихъ отпечатковъ подъ вліяніемъ привычки; и эти отпечатки, будучи

недоступны непосредственнымъ наблюденіямъ, тѣмъ не менѣе, выражаются въ дѣятельности мускуловъ и мимикѣ.

Теперь мы подошли нѣсколько ближе къ рѣшенію вопроса: въ какой формѣ передаются наслѣдственныя наклонности? Но чтобы рѣшить его окончательно, мы должны признать здѣсь доказаннымъ еще другой, уже не физіологическій, а чисто психическій законъ, который мы надѣемся вывести и доказать вполнѣ только въ психологическомъ отдѣлѣ нашей книги. Впрочемъ, этотъ законъ такъ простъ и такъ чувствуется каждымъ изъ насъ, что мы легко можемъ принять его покуда на вѣру. Кто не испыталъ на себѣ, что душа наша требуетъ безпрестанной дѣятельности и томится, тоскуетъ безъ нея, и въ то же время отвращается отъ всякихъ чрезмѣрныхъ усилій?

Приложивъ его къ данному случаю, мы поймемъ, почему душа человѣка, если ею не руководитъ сильно возбужденное сознаніе и ясное стремленіе къ чему-нибудь опредѣленному (минуты, сравнительно рѣдкія въ исторіи души), выбираетъ изъ двухъ дѣйствій то, которое, давая ей дѣятельность, не требуетъ въ то же время отъ нея слишкомъ большого напряженія и оставляетъ ее въ томъ естественномъ положеніи, которое мы называемъ спокойствіемъ души, т.-е. спокойною ея дѣятельностью, потому что если душа приходитъ въ безпокойство отъ чрезмѣрной дѣятельности, то она точно также страдаетъ и отъ недостатка дѣятельности.

Это *срединное, спокойно-дѣятельное состояніе души*; это ея *равновѣсіе*, къ которому она всегда стремится возвратиться, въ какую бы сторону ни было изъ него выведена, составляетъ ея нормальное, здоровое состояніе, и въ этомъ нормальномъ состояніи мы находимся почти всю нашу жизнь, если исключить изъ нея тѣ немногія, рѣзко замѣчаемыя нами минуты, когда душа наша приходитъ въ безпокойство или отъ недостатка содержанія, или отъ излишка его, котораго она не можетъ переработать.

Теперь становится ясно само собою, почему душа наша можетъ выбирать съ особенной охотой тѣ дѣятельности, мысли, стремленія, чувства, наклонности, тѣлесныя движенія, мимическія черты, для которыхъ находитъ уже подготовку въ нервной системѣ. Душа безпрестанно ищетъ дѣятельности, и изъ двухъ представляющихся ей дѣятельностей избираетъ ту, которая легче для организма, къ которой организмъ болѣе подготовленъ на-

слѣдственно. Такимъ образомъ, наслѣдственно переданная въ нервной системѣ подготовка къ какой-нибудь душевной или тѣлесной дѣятельности можетъ весьма легко послужить основаніемъ къ образованію въ человѣкѣ какой-нибудь привычки или наклонности. Эта же привычка или наклонность, въ свою очередь, разовьетъ и укоренитъ еще болѣе зависящую отъ нея особенность въ нервахъ и передастъ ее еще вѣрнѣе дальнѣйшему потомству. Другими словами, частое повтореніе въ насъ какого-нибудь одного психическаго явленія отражается особенностью въ нашемъ организмѣ, а особенность эта, передаваясь потомственно, наводитъ человѣка на тѣ же душевныя явленія, потому что человѣкъ живетъ, мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ подъ безпрестаннымъ вліяніемъ своей нервной системы, со всѣми ея особенностями, и только моментально, при сильномъ возбужденіи своего сознанія, можетъ властвовать надъ этимъ вліяніемъ нервнаго организма.

Изъ сказаннаго уже видно, что наслѣдственно передается не самая привычка, а *нервные задатки* привычки, и эти нервные задатки, смотря по обстоятельствамъ жизни, могутъ развиться въ привычку или остаться неразвитыми и заглохнуть съ теченіемъ времени. Такъ, если человѣкъ, получившій въ своемъ организмѣ печальное наслѣдство склонности къ запою или къ азартной игрѣ, не имѣлъ бы во всю свою жизнь случая испытать удовольствія опьяненія или волненій азартной игры, то нѣтъ сомнѣнія, что ни та, ни другая привычка не развились бы въ немъ, хотя нельзя ручаться, чтобы онѣ не проглянули снова въ его сынѣ, т.-е. во внукѣ отца привычки. Образъ жизни человѣка, его воспитаніе, случайное направленіе его обычныхъ занятій имѣетъ рѣшительное вліяніе на выясненіе въ немъ тѣхъ или другихъ наслѣдственныхъ задатковъ. Жизнь женщины, напримѣръ, такъ отличается отъ жизни мужчины, что нѣтъ ничего мудренаго, если мимическія черты, унаслѣдованныя дочерью отъ отца, не выразятся въ ней ясно, подавленныя ея женственнымъ характеромъ и женственной жизнью; но тѣмъ не менѣе, онѣ останутся въ ней скрытыми и выразятся ясно въ ея сынѣ, подъ вліяніемъ мужского характера и мужской жизни, и тогда этотъ сынъ поразитъ насъ своимъ сходствомъ не съ отцомъ или матерью, а съ дядей или дѣдомъ. Точно также, женственныя черты бабки, не находя возможности выразиться въ сынѣ и подавленныя въ

немъ другими вліяніями, могутъ ясно обозначиться во внучкѣ и т. п. и развить въ ней наклонности, чувства и привычки, которыя произвели въ бабкѣ эту мимическую черту.

Говоря строго, весь нашъ нервный организмъ, со всѣми своими особенностями, потребностями, со всей періодичностью своей жизни, со всѣми унаслѣдованными и пріобрѣтенными болѣзнями и привычками, составляютъ организацію причинъ, дѣйствію которыхъ душа хотя и подвергается, но о существованіи которыхъ она не знаетъ, какъ не знаетъ, безъ помощи объективной науки, и о существованіи самаго нервнаго организма. Не всѣ ли потребности нервной жизни высказываются въ душѣ подобнымъ же образомъ? Развѣ, безъ помощи науки, человѣкъ знаетъ, почему онъ хочетъ ѣсть, пить, спать, отдыхать, двигаться и т. п.; почему въ одно время высказывается настойчиво одна потребность, въ другое—другая? Все это—условія организма, о существованіи которыхъ мы не знаемъ, но вліяніе которыхъ ощущаемъ по той необъяснимой связи, въ которую угодно было Творцу поставить душу и тѣло человѣка. Въ такомъ же отношеніи къ душѣ находятся и тѣ особенности нервнаго организма, которыя мы называемъ унаслѣдованными и пріобрѣтенными наклонностями и привычками.

ГЛАВА XV.

Нравственное и педагогическое значеніе привычекъ.

Уяснивъ природу привычки, обратимся теперь къ нравственному и педагогическому ея значенію. Аристотель называетъ привычками: мудрость, благоразуміе, здравый смыслъ, науки и искусства, добродѣтель и порокъ —и если онъ хотѣлъ этимъ высказать, что всѣ эти явленія усиливаются и укрѣпляются повтореніемъ, то мысль его совершенно вѣрна. „Кто можетъ“,—спрашиваетъ Бэконъ,—„сомнѣваться въ силѣ привычки, видя, какъ люди, послѣ безчисленныхъ обѣщаній, увѣреній, формальныхъ обязательствъ и громкихъ словъ, дѣлаютъ и передѣлываютъ какъ разъ то же, что они дѣлали прежде, какъ будто бы всѣ они были автоматами и машинами, заведенными привычкою?“ По мнѣнію Макіавелли,

въ дѣлѣ исполненія нельзя довѣриться ни природѣ человѣка, ни самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ его, если то и другое не закрѣплено и, какъ бы сказать, не освящено привычкой. Лейбницъ три четверти всего, что человѣкъ думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ, приписывалъ привычкѣ...

Но если всѣ болѣе или менѣе согласны въ громадномъ значеніи привычки въ жизни человѣка, то въ отношеніи ея нравственнаго и педагогическаго значенія существуетъ большое разногласіе... Гораздо благоразумнѣе для педагога глядѣть на значеніе привычки не глазами метафизиковъ и систематиковъ, но такъ, какъ смотрѣлъ на него величайшій изъ знатоковъ всѣхъ стимуловъ человѣческой жизни, глубокомысленный Шекспиръ, который называетъ привычку то чудовищемъ, пожирающимъ чувства человѣка, то его ангеломъ-хранителемъ („Гамлетъ", актъ III, сц. 4).

Дѣйствительно, наблюдая людскіе характеры въ ихъ разнообразіи, мы видимъ, что добрая привычка есть *нравственный капиталъ*, положенный человѣкомъ въ свою нервную систему; капиталъ этотъ растетъ безпрестанно, и процентами съ него пользуется человѣкъ всю свою жизнь. Капиталъ-привычка отъ употребленія возрастаетъ и даетъ человѣку возможность, какъ капиталъ вещественный въ экономическомъ мірѣ, все плодовитѣе и плодовитѣе употреблять свою драгоцѣннѣйшую силу—*силу сознательной воли*, и возводить нравственное зданіе своей жизни все выше и выше, не начиная каждый разъ своей постройки съ основанія и не тратя своего *сознанія* и своей *воли* на борьбу съ трудностями, которыя были ужъ разъ побѣждены.

Возьмемъ для примѣра одну изъ самыхъ простыхъ привычекъ: привычку къ порядку въ распредѣленіи своихъ вещей и своего времени. Сколько такая привычка, обратившаяся въ *безсознательно выполняемую потребность*, сохранитъ и силъ, и времени человѣку, который не будетъ принужденъ ежеминутно призывать свое *сознаніе необходимости* порядка и свою *волю* для установленія его и, оставаясь въ свободномъ распоряженіи этими двумя силами души, употребитъ ихъ на что-нибудь новое и болѣе важное!

Но если хорошая привычка есть нравственный капиталъ, то дурная, въ той же мѣрѣ, есть *нравственный невыплаченный*

заемъ, который въ состояніи заморить человѣка процентами, безпрестанно наростающими, парализировать его лучшія начинанія и довести до нравственнаго банкротства. Сколько превосходныхъ начинаній и даже сколько отличныхъ людей пало подъ бременемъ дурныхъ привычекъ! Если бы для искорененія вредной привычки достаточно было одновременнаго, хотя самаго энергическаго, усилія надъ собой, тогда не трудно было бы отъ нея избавиться. Развѣ не бываетъ случаевъ, что человѣкъ готовъ дать отрѣзать себѣ руку или ногу, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзали и вредную привычку, отравляющую его жизнь? Но въ томъ-то и бѣда, что привычка, установляясь понемногу и въ теченіе времени, искореняется точно такъ же понемногу и послѣ продолжительной борьбы съ нею. Сознаніе наше и наша воля должны постоянно стоять на сторожѣ противъ дурной привычки, которая, залегши въ нашей нервной системѣ, подкарауливаетъ всякую минуту слабости забвенія, чтобы ею воспользоваться: такое же постоянство въ напряженіи сознанія и воли—самый трудный, если и возможный, душевный актъ.

Впрочемъ, въ неисчерпаемо богатой природѣ человѣка бываютъ и такія явленія, когда сильное душевное потрясеніе, необычайный порывъ духа, высокое одушевленіе—однимъ ударомъ истребляютъ самыя вредныя наклонности и уничтожаютъ закоренѣлыя привычки, какъ бы стирая, сжигая своимъ пламенемъ всю прежнюю исторію человѣка, чтобы начать новую, подъ новымъ знаменемъ. Евангеліе представляетъ намъ примѣръ такого быстраго измѣненія души человѣческой въ одномъ изъ разбойниковъ, распятыхъ со Спасителемъ. Если мы вникнемъ, какая сильная и глубокая душевная драма могла вызвать изъ устъ разбойника, страдающаго на крестѣ, его замѣчательныя слова, то поймемъ также и значеніе обращенныхъ къ нему словъ Спасителя. Сильная душа нужна была для того, чтобы посреди мученій креста подумать не о себѣ, а о другомъ, кто страдалъ невинно, сознать законность своего наказанія, всю глубину своего паденія и все величіе другого. Такая минута есть дѣйствительный переворотъ души и можетъ сдѣлать душу разбойника чистою душою младенца, для которой открыты райскія двери. Но огонь, выжигающій вредное зелье съ корнемъ, можетъ зародиться только въ сильной душѣ, да и въ ней не можетъ пламенѣть долго, не ослабѣвая самъ,

или не разрушая ея временной оболочки. Существуетъ повѣрье, что внезапное оставленіе человѣкомъ своихъ привычекъ есть предвѣстіе близкой смерти, но это справедливо только въ томъ отношеніи, что дѣйствительно нуженъ сильный организмъ и благопріятныя обстоятельства, чтобы человѣкъ могъ вынести иную крутую душевную перемѣну, и что въ старые годы такая крутая перемѣна можетъ подѣйствовать разрушительно на организмъ, можетъ-быть, приготовляя человѣка къ лучшей жизни.

Вглядываясь въ характеры людей, мы легко отличимъ характеръ *природный* отъ характера, *выработаннаго* самимъ человѣкомъ *). Есть люди отъ природы съ отличными наклонностями, для которыхъ все хорошее является природнымъ влеченіемъ; но есть и такіе, которые сознательно борются всю жизнь со своими дурными врожденными стремленіями и, одолѣвая ихъ мало-по-малу, создаютъ въ себѣ добрый, хотя и искусственный характеръ. Характеры перваго рода кажутся намъ привлекательнѣе: для нихъ такъ естественно дѣлать добро, что они привлекаютъ насъ именно этою природною легкостью, граціей добра, если можно такъ выразиться. Но если мы захотимъ быть справедливыми, то должны будемъ отдать пальму первенства характерамъ второго рода, которые тяжелой борьбой побѣдили врожденныя дурныя наклонности и выработали въ себѣ добрыя правила, руководствуясь сознаніемъ необходимости добра. Такіе *сократовскіе* характеры вырываютъ зло съ корнемъ не только изъ себя, но можетъ-быть, изъ своихъ дѣтей и внуковъ, и вносятъ въ жизнь человѣчества новые, живые источники добра. Пока живъ человѣкъ, онъ можетъ измѣниться, и изъ глубочайшей бездны нравственнаго паденія стать на высшую степень нравственнаго совершенства. Этотъ глубокій психологическій принципъ, проглядывающій, наконецъ, и въ европейскихъ законодательствахъ (которыя вообще сохранили много языческаго, римскаго наслѣдства) внесенъ христіанствомъ въ убѣжденія человѣчества *). Наслѣдственныя наклонности,

---

*) Характеръ есть уже сумма наслѣдственныхъ и выработанныхъ наклонностей организма: въ однихъ характерахъ преобладаютъ наслѣдственныя наклонности, въ другихъ—выработанныя.

*) Новѣйшія теоріи уголовнаго права все болѣе и болѣе переходятъ къ *исправительнымъ* наказаніямъ... Замѣчательно, что въ нашей древней исторіи, Владиміръ Мономахъ—эта глубоко-славянская и вмѣстѣ христіанская лич-

распространяясь и наслѣдственно, и примѣромъ, составляютъ матеріальную основу того психическато явленія, которое мы называемъ народнымъ характеромъ.

„Если привычка",—говоритъ Бэконъ,—„имѣетъ такую власть надъ отдѣльнымъ человѣкомъ, то власть эта еще гораздо больше надъ людьми, соединенными въ обществѣ, какъ, напр., въ арміи, училищѣ, монастырѣ и т. п. Въ этомъ случаѣ примѣръ научаетъ и направляетъ, общество поддерживаетъ и укрѣпляетъ, соперничество побуждаетъ и подстрекаетъ; наконецъ, почести возвышаютъ душу, такъ что въ подобныхъ общинахъ сила привычки достигаетъ своей высшей степени". Ясно, что здѣсь сила примѣра и сила привычки смѣшаны, и, дѣйствительно, если эти двѣ силы дѣйствуютъ заодно, то почти ничто съ ними не можетъ бороться. Вотъ почему, напримѣръ, тѣ воспитательныя заведенія, которыя, будучи проникнуты однимъ, давно укоренившимся духомъ, будучи постоянны въ своихъ дѣйствіяхъ, опредѣлительны и настойчивы въ своихъ требованіяхъ, кромѣ того еще соотвѣтствуютъ народному характеру своихъ воспитанниковъ,—обладаютъ тою воспитательною силою, которой мы удивляемся въ англійскихъ и американскихъ училищахъ и институтахъ. Тѣлесныя основы народнаго характера передаются такъ же наслѣдственно, какъ и тѣлесныя основы характера индивидуальнаго человѣка; онѣ такъ же измѣняются и развиваются въ теченіе исторіи, подъ вліяніемъ историческихъ событій, какъ и характеръ индивида, подъ вліяніемъ его индивидуальной жизни, но, конечно, эти измѣненія народнаго характера происходятъ гораздо медленнѣе. Великіе люди народа и великія событія его исторіи могутъ быть по справедливости названы въ этомъ отношеніи воспитателями народа; но и всякій, сколько-нибудь самостоятельный характеръ, всякая, сколько-нибудь сознательная, самостоятельная жизнь, какъ посредствомъ наслѣдственной передачи, такъ и посредствомъ примѣра, принимаетъ участіе въ воспитаніи народа, въ развитіи и видоизмѣненіи его характера.

Значеніе *навыка* въ ученьѣ слишкомъ ясно, чтобъ о немъ

ность—завѣщаетъ дѣтямъ своимъ не губить ни одной христіанской души, не казнить смертью даже того, кто повиненъ смерти; хотя греческое духовенство даже еще Владиміра Святого уговаривало казнить разбойниковъ смертью. Такъ сродна истинно-христіанская идея истинно-*славянской* душѣ.

нужно было распространяться. Во всякомъ *умѣньѣ*—въ умѣньѣ ходить, говорить, читать, писать, считать, рисовать и т. д.—навыкъ играетъ главную роль. Въ самой сознательной изъ наукъ, математикѣ, навыкъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, и еслибы намъ всякій разъ должно было *подумать*, что $2 \times 7 = 14$, то это сильно задерживало бы насъ въ математическихъ вычисленіяхъ; но за словами *дважды семь* языкъ нашъ механически произноситъ, а рука пишетъ—*четырнадцать*. Въ каждомъ словѣ, которое мы произносимъ, въ каждомъ движеніи руки при письмѣ, во всякомъ мастерствѣ есть непремѣнно своя доля навыка, доля рефлекса, болѣе или менѣе укоренившагося. Еслибъ человѣкъ не имѣлъ способности къ навыку, то не могъ бы подвинуться ни на одну ступень въ своемъ развитіи, задерживаемый безпрестанно безчисленными трудностями, которыя можно преодолѣть только навыкомъ, освободивъ умъ и волю для новыхъ работъ и для новыхъ побѣдъ. Вотъ почему то воспитаніе, которое упустило бы изъ виду сообщеніе воспитанникамъ полезныхъ *навыковъ* и заботилось единственно объ ихъ умственномъ развитіи, лишило бы это самое развитіе его сильнѣйшей опоры; а именно эта ошибка, замѣтная отчасти и въ германскомъ воспитаніи, много вредила намъ и вредитъ до сихъ поръ.

Навыкъ во многомъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ и прокладываетъ ему путь къ дальнѣйшему прогрессу. Если бъ человѣкъ при ходьбѣ каждую минуту долженъ былъ съ такимъ же условіемъ преодолѣвать трудности этого дѣйствія, съ какимъ преодолѣвалъ ихъ въ младенчествѣ, то какъ-бы *связанъ* былъ онъ, какъ бы не далеко ушелъ! Только благодаря тому, что ходьба превратилась у человѣка въ навыкъ, т.-е. въ его рефлексъ, ходитъ онъ потомъ и самъ того не замѣчая, не замѣчая всѣхъ трудностей этого акта; а онъ такъ труденъ, что его едва ли бы могли одолѣть животныя, если бы, въ противоположность человѣку, не обладали этою способностью отъ рожденія.

О вниманіи (гл. XIX и XX).

Самое слово *вниманіе* показываетъ уже, что подъ нимъ разумѣется актъ *вниманія* *) сознаніемъ тѣхъ или другихъ впеча-

*) Въ+имати=брать въ себя.

тлѣній внѣшняго міра; и не трудно убѣдиться, что этотъ актъ сознанія является необходимымъ условіемъ превращенія нервнаго впечатлѣнія въ душевное ощущеніе. Изъ огромнаго числа впечатлѣній внѣшняго міра, ежеминутно потрясающихъ нашъ нервный организмъ, мы ощущаемъ сравнительно весьма немногія; остальныя же, дѣлаясь физическими впечатлѣніями, не дѣлаются психическими ощущеніями. Ухо наше открыто всегда; волны потрясеннаго звуками воздуха къ нему прикасаются; составныя части слухового аппарата дрожатъ; волны жидкости лабиринта струятся; погруженные въ нихъ концевые аппараты слухового нерва принимаютъ эти движенія; слуховой нервъ несетъ ихъ къ мозговымъ центрамъ; все это совершается по неизбѣжнымъ физическимъ законамъ; а между тѣмъ, если вниманіе наше чѣмъ-нибудь отвлечено, то мы не слышимъ звуковъ такой силы, что и малой доли ея было бы достаточно, чтобы разслышать эти звуки при малѣйшемъ вниманіи. То же самое замѣчаемъ мы при актѣ зрѣнія. Сила впечатлѣнія не только можетъ перешагнуть за физическій порогъ возможности сознанія, но даже достигнуть чрезвычайно высокой степени — и все же не пробудитъ сознанія. Мать выноситъ своего ребенка изъ пламени: платье и волосы на ней обгорѣли, на тѣлѣ страшные ожоги, а она ничего не замѣчаетъ; даже душевныя страданія въ ней слабы: — вся она одинъ актъ воли. Но вотъ, наконецъ, дитя внѣ опасности, — и она начинаетъ кричать, стонать, плакать, и то еще не отъ физической боли, а отъ душевныхъ страданій, причиняемыхъ ей одной мыслью, какая опасность угрожала ребенку. И только уже потомъ, когда нравственныя страданія ея поутихнутъ, начинаетъ она чувствовать боль отъ ожоговъ, такихъ ожоговъ, что и одной сотой части ихъ было бы достаточно, чтобы заставить эту женщину сильно страдать при обыкновенномъ состояніи души. Говорятъ, что въ пылу битвы люди долго не чувствуютъ сильныхъ, даже смертельныхъ ранъ, и быстро слабѣютъ или даже падаютъ замертво, когда обратятъ вниманіе на текущую изъ нихъ кровь. Конечно, если бы, какъ утверждаютъ матеріалисты, душа наша была тождественна съ нервнымъ организмомъ, то не было бы никакой причины не сдѣлаться этимъ впечатлѣніямъ ощущеніями... Кому не знакомо то явленіе, что мы можемъ не слыхать фразы въ мгновеніе, какъ она произнесена, и потомъ уже, черезъ до-

вольно замѣтный иногда промежутокъ времени, услыхать ее, какъ бы въ самихъ себѣ. Въ разсѣянности мы часто просимъ повторить сказанный намъ вопросъ; но прежде чѣмъ намъ повторятъ его, мы уже слышимъ его какъ бы въ самихъ себѣ, и при томъ съ тою же самой интонаціей, съ которой онъ былъ произнесенъ. *Скорезби* утверждаетъ, что онъ часто разсматривалъ предметъ послѣ того, какъ уже отворотился отъ него, и тогда различалъ въ немъ такія подробности, какихъ вовсе не замѣчалъ, когда смотрѣлъ на предметъ. Многіе медики показываютъ, что часто при кровопусканіи они видятъ *сперва* брызнувшую кровь, а *потомъ* уже движеніе ланцета и производимый имъ разрѣзъ. Подобное же ощущеніе испытывается вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда два событія быстро слѣдутъ одно за другимъ, и одно изъ нихъ почему-нибудь особенно возбуждаетъ любопытство, т.-е. вниманіе наблюдателя.

Всѣ эти явленія указываютъ намъ на два факта: 1) на то, что производимое на нервы впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно и все же оставаться внѣ сознанія, а 2) что это впечатлѣніе можетъ нѣсколько мгновеній оставаться въ нервахъ во всей полнотѣ своей, не переходя въ ощущеніе. Изъ этого уже выходитъ само собою, что *впечатлѣніе* и *вниманіе* два совершенно разные акты двухъ различныхъ дѣятелей, и что акты эти могутъ сойтись и произвести *ощущеніе*, но могутъ и не сойтись, и тогда впечатлѣніе останется впечатлѣніемъ, не дошедшимъ до сознанія, или вниманіе, несмотря на всю свою напряженность, останется только вниманіемъ, какъ бываетъ съ нами тогда, когда мы напряженно приглядываемся и прислушиваемся, ничего не видя и не слыша. Что впечатлѣнія совершаются въ насъ и исчезаютъ не мгновенно, что они нѣкоторое время продолжаются въ нашихъ нервахъ, не смотря на то, ощущаемъ ли мы ихъ или нѣтъ,—къ этой мысли приводятъ насъ еще и другія однородныя явленія. Еще *Спиноза* замѣтилъ, что образы сновидѣній, по пробужденіи нашемъ, стоятъ нѣсколько мгновеній передъ нашими глазами. *Миллеръ* сдѣлалъ то же наблюденіе и вывелъ изъ него логически, что въ сновидѣніяхъ нашихъ нервы зрѣнія и слуха дѣйствуютъ точно такъ же, какъ и подъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ предметовъ. *Фехнеръ*, изъ своихъ собственныхъ наблюденій и изъ наблюденій своихъ друзей,

приводитъ прекрасные примѣры того, какъ, насмотрѣвшись внимательно на какой-нибудь предметъ, мы долго не можемъ отдѣлаться отъ слѣдовъ его образа, вырывающихся совершенно для насъ непроизвольно и неожиданно въ промежутки нашихъ мыслей, принявшихъ совсѣмъ другое теченіе. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить наблюденіе, знакомое, конечно, многимъ, что, задремавъ при громкомъ разговорѣ или чтеніи, мы, просыпаясь, знаемъ послѣднее слово или послѣднюю фразу безъ всякой связи съ предыдущими, которыхъ мы не знаемъ. Еще необыкновеннѣе то явленіе, что мы знаемъ, что насъ разбудило, хотя причина, разбудившая насъ, уже перестала дѣйствовать, когда мы проснулись. Всѣ эти явленія указываютъ намъ на два факта: во-1) на то, что и во снѣ мы получаемъ впечатлѣнія, хотя они не дѣлаются ощущеніями, и во-2) что впечатлѣніе можетъ нѣсколько времени оставаться впечатлѣніемъ, прежде чѣмъ сдѣлаться ощущеніемъ, или, пробывъ нѣсколько времени, совсѣмъ исчезнуть, не достигнувъ до нашего сознанія.

Если бы мы не проснулись, то и послѣдняя часть рѣчи оставалась бы только впечатлѣніемъ и исчезла бы; но такъ какъ мы проснулись, то и сознаемъ послѣднее впечатлѣніе, полученное прежде, чѣмъ мы проснулись, но еще не успѣвшее исчезнуть.

Изъ всѣхъ этихъ наблюденій мы считаемъ себя въ правѣ вывести, что впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно, выполнить всѣ физическія условія, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться ощущеніемъ, но не сдѣлаться имъ, пока не подѣйствуетъ на него какой-то другой агентъ, а именно, *сознаніе* въ своемъ актѣ *вниманія*.

Итакъ, вниманіе совершенно необходимо для того, чтобы *впечатлѣніе* могло превратиться въ *ощущеніе*; это единственная дверь, черезъ которую впечатлѣнія внѣшняго міра, или, ближе,— состоянія нервнаго организма, вызываютъ въ душѣ ощущенія. Впечатлѣнія же, не сосредоточивающія на себѣ нашего вниманія, хотя и могутъ производить вліяніе на нашъ организмъ, но эти вліянія не будутъ сознаны нами.

Вниманіе не можетъ принадлежать самой нервной системѣ, такъ какъ ясныя наблюденія показываютъ, что оно часто находится въ борьбѣ съ вліяніемъ нервовъ, и въ этой борьбѣ иногда одолѣваетъ то вниманіе, то нервная система. Кромѣ того, нервная

система, выполнивъ *необходимо* всѣ *физическія* условія впечатлѣнія, отразивъ предметъ на сѣтчаткѣ глаза по законамъ оптики, или передавъ дрожаніе воздуха водѣ ушного лабиринта по законамъ акустики, тѣмъ не менѣе, не даетъ намъ ощущенія, если вниманіе наше, по какому-нибудь обстоятельству, отвлечено отъ дѣятельности нервовъ. Наконецъ, вниманіе можетъ переходить съ одного предмета на другой и съ одной части предмета на другую безъ всякаго замѣтнаго измѣненія въ нервной системѣ. Все это заставляетъ насъ признать, что вниманіе принадлежитъ какому-то особенному агенту, тѣсно связанному съ нервной системой, но не тождественному съ ней.

По дѣятельности своей, вниманіе можетъ быть раздѣлено на *произвольное* (активное) и *непроизвольное* (пассивное). *Произвольное* вниманіе отличается отъ пассивнаго по тому вѣрному признаку, что выбираетъ себѣ предметъ съ замѣтнымъ усиліемъ съ нашей стороны,—тогда какъ *пассивное* вниманіе, наоборотъ, увлекается предметами, или, вѣрнѣе сказать, состояніями нервной системы, которыя вызываются въ ней тѣми или другими вліяніями внѣшняго міра. Не объясняя теперь, изъ чего можетъ происходить произволъ вниманія, мы просто должны признать существованіе произвольнаго вниманія за несомнѣнный фактъ, открываемый психологическими наблюденіями; должны признать, что *воля въ направленіи вниманія дѣйствуетъ съ неменьшею силой, какъ и въ управленіи нервами движенія.*

Въ обыкновенномъ ходѣ нашего мышленія вниманіе *произвольное* и *пассивное* безпрестанно перемѣшиваются между собой,—но иногда мы ясно замѣчаемъ, что пассивное вниманіе беретъ верхъ надъ нами, что мы въ этомъ состояніи непроизвольно выбираемъ предметы для нашего мышленія, увлекаемые тѣми впечатлѣніями, которыя, по какой-нибудь причинѣ, настойчивѣе навязываются намъ нашею нервною системой. Часто, несмотря ни на какія усилія нашей воли, мы не можемъ оторваться отъ какого-нибудь предмета созерцанія или отъ какого-нибудь воспоминанія.

Власть наша надъ вниманіемъ играетъ большую роль и въ нашемъ умственномъ развитіи, и въ нашей практической жизни. Для человѣка необыкновенно важно быть въ состояніи произвольно выбирать предметы для своего мышленія и отрываться

отъ тѣхъ, которые насильственно въ него вторгаются. „Умѣнье быть невнимательнымъ“, отрываться отъ предметовъ, завладѣвающихъ нашимъ вниманіемъ, *Кантъ* ставитъ даже выше умѣнья быть внимательнымъ. *Локкъ* ищетъ средства этого умѣнья и не находитъ другого, кромѣ привычки быть внимательнымъ, пріобрѣтаемой упражненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ *Ридъ*, наше спокойствіе, а часто и наша добродѣтель зависитъ отъ большей или меньшей степени нашей власти надъ направленіемъ нашего вниманія; но эта власть не безгранична. Можетъ-быть, стоило бы только не думать о самой сильной боли, отвлечь отъ нея свое вниманіе, чтобы ея не чувствовать, и нѣтъ сомнѣнія, что самая мучительная мысль перестаетъ насъ мучить, когда мы замѣняемъ ее другою; но у многихъ ли людей, и въ отношеніи всѣхъ ли мыслей и чувствъ, найдется достаточно силы, чтобы по произволу удалять ихъ?

Что касается до *пассивнаго* вниманія, то, какъ это разъяснено у *Бенеке* и *Гербарта*, предметъ, для того чтобы быть для насъ интереснымъ, долженъ быть непремѣнно отчасти *знакомъ* намъ, а отчасти *новъ*: долженъ или вносить новыя звенья въ вереницы нашихъ слѣдовъ, или разрывать эти вереницы. Не такъ легко объяснить усиленіе *произвольнаго* вниманія, хотя это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Почти всѣ психологи, начиная съ *Локка*, согласно утверждаютъ, что произвольное вниманіе наше, или, выражаясь точнѣе, власть нашей души надъ перемѣнами предметовъ сознанія усиливается отъ *упражненія*. Но какая перемѣна происходитъ въ насъ отъ такихъ упражненій,—этого нигдѣ не выяснено. Видно только одно, что власть наша надъ вниманіемъ тѣсно связана, съ одной стороны, вообще съ силою нашей воли, а съ другой—со здоровымъ состояніемъ нервнаго организма: разстроенный или сильно раздраженный нервный организмъ такой врагъ произвольнаго вниманія, съ которымъ не можетъ всегда справиться и сильная воля. Но, вообще, люди, замѣчательные по силѣ своей воли, замѣчательны также и по власти своей надъ вниманіемъ. Такъ, говорятъ, что Наполеонъ I могъ засыпать по желанію и спалъ спокойно наканунѣ самыхъ рѣшительныхъ битвъ, тогда какъ люди съ раздражительными нервами и слабовольные лишаются сна отъ самой пустой безпокоящей ихъ мысли. Такъ, говорятъ, что Карлъ XII,

отличавшійся желѣзной волей, а вовсе не блестящими умственными способностями, могъ, точно такъ же, какъ и Цезарь, диктовать разомъ нѣсколькимъ секретарямъ, что показываетъ огромную степень власти въ распоряженіи своими мыслями. Слѣдовательно, все, что укрѣпляетъ волю, укрѣпляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольное вниманіе. Воля же, какъ мы это увидимъ дальше, укрѣпляется именно своими побѣдами. Каждая побѣда воли надъ чѣмъ бы то ни было придаетъ человѣку *увѣренности* въ собственной своей нравственной силѣ, въ возможности побѣдить тѣ или другія препятствія, и этой увѣренности приписываемъ мы именно укрѣпленіе воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленіе произвольнаго вниманія. Кромѣ того, если человѣкъ съ дѣтства и юности своей не давалъ нервамъ властвовать надъ собою, то они не привыкнутъ раздражаться и будутъ ему послушны.

Вниманіе *активное*, или произвольное, естественно переходитъ во вниманіе *пассивное*. Почти всякое новое для насъ занятіе требуетъ сначала отъ насъ активнаго вниманія, болѣе или менѣе замѣтныхъ усилій воли съ нашей стороны; но чѣмъ болѣе мы занимаемся этимъ предметомъ, чѣмъ удачнѣе идутъ наши занятія, чѣмъ обширнѣе совершается работа сознанія въ слѣдахъ, оставляемыхъ въ насъ этими занятіями,—тѣмъ болѣе предметъ возбуждаетъ въ насъ интереса, тѣмъ *пассивнѣе* по отношенію къ нему становится наше вниманіе. *Локкъ*, а вслѣдъ за нимъ и *Бэнъ*, этимъ самымъ процессомъ объясняютъ образованіе въ человѣкѣ тѣхъ или другихъ способностей и умственныхъ наклонностей.

„Умъ, мало воспріимчивый къ какому-нибудь предмету“,—говоритъ Бэнъ, — „можетъ выработать въ себѣ это расположеніе настойчивымъ занятіемъ, подъ вліяніемъ произвольныхъ рѣшеній, направленныхъ на одинъ предметъ“.

Такое выработанное вниманіе дѣлается потомъ какъ бы природной способностью; а если оно, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, выработалось въ раннемъ дѣтствѣ, то и дѣйствительно принимается часто за природную способность. Это явленіе тѣмъ понятнѣе, что и природныя способности наши разрабатываются въ наклонности и таланты тѣмъ же самымъ процессомъ. Особенно удачно устроенный, тонкій, впечатлительный органъ зрѣнія или слуха привлекаетъ къ себѣ сознаніе преимущественно

передъ другими органами,—привлекаетъ именно тѣмъ, что даетъ сознанію болѣе работы, и работы относительно легкой, если сравнить ея трудность съ результатами, которые ею достигаются, т.-е. болѣе обширной и удачной работы. Коренное свойство души нашей состоитъ въ требованіи дѣятельности, а потому она преимущественно обращаетъ свое сознаніе къ той области ощущенія и слѣдовъ ощущенія, въ которой можетъ получить болѣе обширную, разнообразную и сравнительно легкую дѣятельность. Дѣятельность же сознанія, въ свою очередь, накопляетъ еще болѣе слѣдовъ въ той области, въ которой она преимущественно работаетъ; а слѣды этихъ работъ сознанія, расширяясь, усложняясь, укореняясь отъ повторенія, все сильнѣе и сильнѣе привлекаютъ сознаніе къ новымъ работамъ въ той же области. Такъ развиваются въ насъ пріобрѣтенныя способности и наклонности; точно также развиваются и тѣ природные задатки, которые были намъ даны уже въ особенностяхъ нашей нервной системы.

Отсюда понятна уже сама собою обязанность воспитателя въ отношеніи вниманія воспитанниковъ. Воспитатель долженъ пользоваться способностью души—произвольно направлять свое вниманіе, долженъ укрѣплять власть души надъ вниманіемъ,—но въ то же время, долженъ заботиться о томъ, чтобы пассивное вниманіе развивалось въ воспитанникѣ, чтобы его интересовало то, что должно интересовать развитого и благороднаго человѣка, а это достигается не иначе, какъ множествомъ и стройностью слѣдовъ того или другого рода. Принуждать себя вѣчно никто не въ состояніи, и если въ человѣкѣ не разовьется интересъ къ добру, то онъ не долго пройдетъ по хорошей дорогѣ. Изъ частныхъ побѣдъ надъ собою мало-по-малу вырастаетъ сила, которая сначала облегчаетъ намъ тотъ или другой путь, а потомъ ведетъ насъ по этому пути.

Аристотель, Спиноза, Локкъ, Ридъ, Руссо, Бэнъ,—всѣ единогласно находятъ во вниманіи лучшее средство управлять страстями. Поэтому, воспитывая власть человѣка надъ вниманіемъ, мы не только открываемъ ему широкую дорогу къ умственному развитію, но и даемъ могущественнѣйшее средство бороться съ страстями и, не смотря на ихъ вліяніе, итти дорогою здраваго разсудка и добродѣтели. „Мы не можемъ *вѣрить* въ какую-нибудь мысль изъ желанія или изъ страха“,—говоритъ Джонъ Стюартъ

Милль: „самое страстное желаніе не даетъ возможности даже слабѣйшему изъ людей повѣрить чему-нибудь безъ признака умственнаго основанія, безъ какой-нибудь, хотя кажущейся, очевидности. Но чувства наши дѣйствуютъ на то, что въ нѣкоторой степени произвольно, а именно—на вниманіе человѣка, направляя его на заключеніе, ему пріятное", и въ этомъ Милль видитъ одну изъ главныхъ причинъ нашихъ ошибокъ. Бороться же съ такимъ *вліяніемъ чувства* на вниманіе можетъ только тотъ, у кого не только окрѣпло *произвольное* вниманіе, но и *пассивное* вниманіе развилось, какъ слѣдуетъ; у кого интересы истины и добродѣтели сдѣлались главными руководящими интересами жизни именно потому, что онъ часто вращался и часто одерживалъ побѣды надъ собою въ этой области мысли и дѣйствій.

Что же такое вниманіе? какъ мы опредѣлимъ его? Намъ кажется, что справедливѣе всѣхъ думаютъ тѣ, которые опредѣляютъ вниманіе, какъ *способность сознанія сосредоточиваться*. Мы думаемъ, однако, что это опредѣленіе слѣдуетъ расширить и опредѣлить вниманіе способностью *не одного сознанія только, а всей души* сосредоточиваться въ той или другой сферѣ внутренняго чувства. Мы ясно можемъ замѣтить надъ собою, что при сильныхъ тѣлесныхъ страданіяхъ, а также въ гнѣвѣ, въ горѣ, въ радости и другихъ сердечныхъ или внутреннихъ чувствахъ, сознаніе наше тускнѣетъ, и впечатлѣнія внѣшняго міра ощущаются нами слабо и неясно.

Точно также, при сильномъ напряженіи нашей воли въ какомъ-нибудь актѣ, не только сознаніе, но и внутреннее чувство наше дѣйствуетъ слабо, какъ мы видѣли это на примѣрѣ матери, спасающей свое дитя изъ пламени. Вотъ почему мы думаемъ, что слѣдуетъ отличать *вниманіе въ обширномъ смыслѣ*, т.-е. способность души сосредоточиваться въ одной изъ трехъ сферъ своей дѣятельности, *отъ вниманія въ тѣсномъ смыслѣ*, т.-е. отъ способности души сосредоточиваться въ области сознанія на томъ или другомъ предметѣ сознанія.

Причины, сосредоточивающія дѣятельность души, очень разнообразны. Однѣ изъ нихъ принадлежатъ самой душѣ и изъ нея вытекаютъ—таковы источники произвольнаго вниманія; другія причины скрываются во вліяніяхъ на душу внѣшняго міра, чрезъ посредство нервнаго организма: это причины пассивнаго вни-

манія. Причины пассивнаго вниманія можно снова раздѣлить на внутреннія и внѣшнія.

a) *Внѣшнія причины*, сосредоточивающія наше пассивное вниманіе, заключаются въ силѣ самаго впечатлѣнія: не замѣчая легкаго прикосновенія, мы замѣчаемъ сильный толчокъ. Кромѣ абсолютной силы впечатлѣнія, важна и его относительная сила: въ тишинѣ ночи мы слышимъ такіе звуки, которыхъ не могли бы разслышать днемъ; бѣлое виднѣе для насъ на черномъ фонѣ, чѣмъ на сѣромъ и т. п. Къ этому же роду причинъ, сосредоточивающихъ наше вниманіе, слѣдуетъ причислить болѣзненныя или періодическія состоянія нашего организма, которыя невольно привлекаютъ наше вниманіе, отвлекая его отъ другихъ предметовъ. „Каждое тѣлесное чувство,—говоритъ Гербартъ,—можетъ ввести въ сознаніе связанные съ нимъ ряды представленій."

b) Ко *внутреннимъ* причинамъ пассивнаго вниманія слѣдуетъ отнести самую связь слѣдовъ нашихъ ощущеній и ассоціаціи этихъ слѣдовъ. Одно представленіе вызываетъ за собою другое, съ нимъ связанное, по законамъ ассоціаціи слѣдовъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Сюда же слѣдуетъ отнести вліяніе сердечныхъ чувствъ, заправляющихъ нашимъ вниманіемъ, безъ посредства нашей воли и даже противъ воли. Такъ, мы противъ воли внимательны ко всему тому, что затрогиваетъ сильно возбужденное въ насъ чувство: гнѣвъ, страхъ, любовь, самолюбіе и т. п.

Мы невнимательны ко всему тому, что намъ совершенно знакомо, если только при этомъ не задѣто какое-нибудь внутреннее, сильно возбужденное чувство; но мы также невнимательны и ко всему тому, что намъ совершенно незнакомо, а потому не можетъ составить сильныхъ ассоціацій съ тѣми слѣдами, которые уже укоренились въ насъ. Другими словами: чтобы возбудить наше вниманіе, предметъ долженъ представлять для насъ новость, но новость интересную, т.-е. такую новость, которая или дополняла бы, или подтверждала, или опровергала, или разбивала то, что уже есть въ нашей душѣ, т.-е., однимъ словомъ, такую новость, которая что-нибудь измѣняла бы въ слѣдахъ, уже въ насъ укоренившихся. Появленіе новой планеты, могущее взволновать всѣ обсерваторіи, не было бы даже и замѣчено толпою: нужно уже было быть волхвомъ, звѣздочетомъ, чтобы замѣтить новую звѣзду на небѣ.

Перечисливъ причины, сосредоточивающія нашу душу, перечислимъ теперь, хотя коротко, и послѣдствія такого сосредоточенія. Общія послѣдствія тѣ же, какія бываютъ всегда отъ сосредоточенія силъ. Чѣмъ сосредоточеннѣе душа въ какомъ-нибудь своемъ актѣ, тѣмъ болѣе силы обнаруживаетъ она въ немъ.

Безумные обнаруживаютъ неожиданно большую силу во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Лунатики, какъ замѣтилъ еще Миллеръ, потому съ необычайной ловкостью ходятъ по крышамъ и заборамъ, что вся душа ихъ такъ сосредоточена на одномъ актѣ, какъ не можетъ быть она сосредоточена у бодрствующаго человѣка, чувства котораго открыты тысячамъ внѣшнихъ впечатлѣній. Животныя, можетъ-быть, именно потому такъ ловки въ своихъ дѣйствіяхъ, что мало думаютъ и разсѣиваются.

Сосредоточеніе сознанія на предметѣ дѣлаетъ всѣ ощущенія, получемыя нами отъ этого предмета, рѣзче и яснѣе, такъ что мы замѣчаемъ такія черты въ картинѣ, или такіе оттѣнки въ звукахъ, которыхъ и не подозрѣвали, когда сознаніе наше было развлечено. Отсутствіе развлеченія уже само по себѣ открываетъ возможность сосредоточенія сознанія. Вотъ почему, вслушиваясь въ арію пѣвца, мы инстинктивно закрываемъ глаза, удерживаемъ дыханіе, даже приподымаемся съ мѣста, желая по возможности уменьшить поле нашихъ впечатлѣній и тѣмъ самымъ усилить ощущеніе, вызываемое въ насъ наблюдаемымъ предметомъ. Вотъ почему у слѣпыхъ, для которыхъ закрыта громадная область дѣятельности зрѣнія, бываютъ обыкновенно тонки слухъ и осязаніе.

Чѣмъ сильнѣе вниманіе, тѣмъ ощущеніе отчетливѣе, яснѣе, а потому и слѣдъ его тѣмъ прочнѣе ложится въ нашу память. Всякій испыталъ надъ собою, что мы тѣмъ тверже запоминаемъ какой-нибудь предметъ или какое-нибудь обстоятельство, чѣмъ болѣе они сосредоточили на себѣ наше вниманіе. Незамѣчательные, обыденные предметы тысячами проходятъ ежедневно передъ нашими глазами, не сосредоточивая на себѣ нашего вниманія и потому не оставляя по себѣ никакого слѣда въ нашей памяти; предметъ же, сильно сосредоточившій на себѣ наше вниманіе, запоминается надолго.

Можетъ быть, если бы человѣкъ способенъ былъ къ долговременному и *абсолютному* вниманію, то для него достаточно было бы

прочесть разъ большую книгу, чтобы помнить ее отъ слова до слова. Такимъ абсолютнымъ вниманіемъ отличаются иногда идіоты, не развлекаемые въ своемъ созерцаніи словъ даже смысломъ того, что читаютъ. Такъ, идіотъ, приводимый въ примѣръ Дробишемъ, прочтя разъ объемистую медицинскую диссертацію на латинскомъ языкѣ, передалъ ее отъ слова до слова, не зная ни медицины, ни даже латинскаго языка.

Не только ощущеніе, непосредственно получаемое нами отъ внѣшнихъ предметовъ, но также и *слѣды ощущеній*, изъ которыхъ слагаются наши представленія, становятся для насъ ярче, образнѣе, когда мы сосредоточиваемъ на нихъ свое вниманіе, или когда уменьшается въ насъ возможность развлеченія. Во тьмѣ и тишинѣ ночи наши представленія пріобрѣтаютъ яркость дѣйствительности; а когда сонъ лишаетъ насъ возможности сравнивать яркость нашихъ внутреннихъ представленій съ яркостью дѣйствительныхъ ощущеній, то наши мечты превращаются въ сновидѣнія до того образныя, что мы вѣримъ въ ихъ дѣйствительность.

Сосредоточенность души въ области сердечныхъ чувствъ производитъ иногда гибельное дѣйствіе. Сосредоточенное, ничѣмъ не развлекаемое горе, а еще болѣе радость, иногда убиваютъ человѣка, или производятъ такой глубокій переворотъ въ его нервномъ организмѣ, что этотъ разстроенный, извращенный организмъ отражается въ душѣ помѣшательствомъ. Сосредоточенность же души въ актѣ воли часто придаетъ этому акту, какъ мы уже показали выше, изумительную силу и ловкость.

ГЛАВА XXII.

Чувства страха и смѣлости.

Аристотель опредѣляетъ *страхъ*, какъ чувство, противоположное *надеждѣ*, хотя въ то же время указываетъ и на чувство *смѣлости*, какъ противоположное страху.

Декартъ вовсе выбрасываетъ чувство страха изъ своихъ шести элементарныхъ чувствованій на томъ вовсе не логическомъ основаніи, что въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего „ни похвальнаго, ни полезнаго для человѣка“, помѣщаетъ его въ число „частныхъ

страстей" и такъ же, какъ и Аристотель, противополагаетъ страхъ надеждѣ...

Спиноза почти повторяетъ опредѣленіе Декарта, только, сообразно своей теоріи чувствъ, хочетъ вывести какъ страхъ, такъ и надежду изъ идеи радости и печали: „Страхъ",—говоритъ онъ,—„есть печаль нетвердая (сопровождаемая слабою увѣренностью) и происходящая отъ идеи какого-нибудь событія въ будущемъ или прошедшемъ, въ наступленіи котораго мы еще сомнѣваемся"; тогда какъ „надежда есть неувѣренная въ себѣ радость, происходящая отъ идеи будущаго или прошедшаго событія, въ наступленіи котораго мы еще сомнѣваемся". Отсюда Спиноза прямо выводитъ, что „страхъ не можетъ быть безъ надежды, а надежда безъ страха"...

Броунъ и Бэнъ также противополагаютъ страхъ надеждѣ.

Но замѣчательно, что тогда какъ Декартъ вовсе выкидываетъ страхъ изъ числа элементарныхъ чувствъ, Бэнъ именно только *страхъ* и *любовь* называетъ вполнѣ неразлагаемыми чувствами. Такъ шатки мнѣнія психологовъ въ отношеніи самыхъ яркихъ чувствованій!..

Прежде всего замѣтимъ, что главная запутанность въ характеристикѣ страха происходитъ оттого, что это элементарное, столь знакомое каждому чувство не выдѣлено, какъ слѣдуетъ, изъ тѣхъ интеллектуальныхъ комбинацій, въ которыя оно иногда входитъ, которыми оно иногда вызывается, но которыя, наоборотъ, и само иногда вызываетъ. Чувство страха—такое типическое и знакомое каждому чувство, что какъ только оно шевельнется въ душѣ, такъ каждый и признаетъ его за страхъ и не смѣшаетъ ни съ гнѣвомъ, ни съ печалью, изъ которыхъ выводить страхъ можетъ только насильственная теорія. Чувство страха очень часто является прямо слѣдствіемъ неизвѣстныхъ намъ перемѣнъ въ нашемъ органическомъ состояніи,—слѣдовательно, появляется безъ всякихъ представленій, не вызывается ими, но само подыскиваетъ ихъ. Можно ли же сказать въ этомъ случаѣ, что причина страха заключается въ въ ожиданіи будущихъ страданій и несчастій? Иной больной боится всего, и все ему внушаетъ страхъ; онъ ничего не ждетъ, но просто всего боится. Даже и въ здоровомъ состояніи мы часто испытываемъ страхъ, прежде чѣмъ у насъ составится какое-нибудь понятіе о причинѣ страха.

Правда, это называется *испугомъ*; но испугъ есть только внезапный страхъ. Если мы приготовились къ звуку выстрѣла, то не испугаемся его, хотя и можемъ вздрогнуть отъ нервнаго потрясенія; слѣдовательно, здѣсь было нервное потрясеніе, но не было чувства страха. Но мы ясно ощущаемъ страхъ, если надъ нашимъ ухомъ крикнуть нечаянно: здѣсь уже и нервное потрясеніе, и чувство страха. Такой страхъ, происходящій отъ того или другого состоянія организма, а не отъ какой-нибудь сознанной нами опасности, мы называемъ *инстинктивнымъ* или *органическимъ*, въ отличіе отъ *душевнаго*.

Первая ступень душевнаго страха имѣетъ много общаго съ удивленіемъ,—однако же, существенно отъ него отличается. Въ удивленіи мы относимъ неожиданное для насъ явленіе только къ умственному нашему процессу; въ страхѣ же мы еще не знаемъ, какъ придется новое явленіе къ нашимъ жизненнымъ стремленіямъ, а отсюда возникаетъ то сердечное *безпокойство*, которое соотвѣтствуетъ умственному безпокойству или сомнѣнію.

Вотъ почему Спиноза и смѣшалъ сомнѣніе и страхъ.

На этой ступени мы можемъ назвать страхъ сердечнымъ безпокойствомъ или *сердечнымъ сомнѣніемъ*.

Если же нѣтъ уже болѣе сомнѣнія въ томъ, что новое явленіе представляетъ какое бы то ни было препятствіе для нашей жизненной дѣятельности и, слѣдовательно, для удовлетворенія тѣхъ стремленій, которыми она обусловливается, тогда возникаетъ въ насъ или прямо порывъ преодолѣть препятствіе, сказывающійся въ душѣ чувствомъ гнѣва, или, если, почему бы то ни было, препятствія покажутся намъ превышающими наши силы, мы испытываемъ вторую степень страха. Такой страхъ еще борется со смѣлостью, или съ увѣренностью души въ достаточности ея силъ для преодолѣнія препятствій. Если эта увѣренность души основывается на собственныхъ ея силахъ или тѣхъ, которыя находятся въ ея распоряженіи, какъ, напримѣръ, силы физическія, то это называется *самоувѣренностью*; если же увѣренность, борющаяся со страхомъ, основывается на чемъ-нибудь, не находящемся во власти души, то это называется *надеждою*.

Еще одну ступень въ своемъ развитіи дѣлаетъ страхъ, когда мы уже не пытаемся ни преодолѣть предстоящихъ намъ опасно-

стей, ни избѣжать ихъ, но еще сомнѣваемся, на сколько онѣ могутъ остановить нашу жизненную дѣятельность и преградить путь къ удовлетворенію нашихъ жизненныхъ стремленій. При этомъ страхъ возрастаетъ до чувства невыносимой тоски. Но высшая ступень страха будетъ та, когда мы уже сознаемъ неизбѣжность опасности и ея безпредѣльность въ отношеніи всѣхъ нашихъ жизненныхъ стремленій,—словомъ, когда она неизбѣжно грозитъ жизни нашей или тому, что дороже для насъ самой жизни. На этой высшей ступени страхъ называется уже *ужасомъ*.

Ужасъ въ крайней степени не можетъ оставаться долго въ душѣ: онъ или убиваетъ человѣка внезапно, или доводитъ его до помѣшательства, или повергаетъ въ безпамятство, или, наконецъ, смѣняется *отчаяніемъ*, хотя и вновь смѣняетъ его. Это два страшные тирана человѣческаго сердца, и они то по большей части поселяются въ душѣ преступника по выслушаніи смертнаго приговора, если какое-нибудь высокое чувство не поддержитъ его. Но какая разница между *ужасомъ* и *отчаяніемъ?* По внѣшнему проявленію, громадная: одинъ леденитъ кровь, другое волнуетъ ее; одинъ выражается оцѣпенѣніемъ тѣла и полнымъ безсиліемъ, другое—страшными порывами; одинъ отнимаетъ голосъ, другое выражается воплями. Психической же разницы по теоріи, противополагающей страхъ надеждѣ, отыскать нельзя: и ужасъ, и отчаяніе будутъ одинаково высшей степенью безнадежности. Дѣло же рѣшается тѣмъ, какъ несчастный глядитъ на предстоящее ему несчастье: если онъ измѣряетъ его величину, то испытываетъ *отчаяніе;* если-же онъ измѣряетъ его приближеніе, то имъ овладѣваетъ *ужасъ*. Въ обоихъ случаяхъ онъ страдаетъ, но отъ различныхъ причинъ: въ отчаяніи—отъ самаго несчастія; въ ужасѣ—отъ его неизбѣжности и его приближенія, передъ которыми силы слабѣютъ, какъ бы уходятъ внутрь души, и кровь стынетъ въ жилахъ. Въ этой крайней степени страданіе и страхъ выдаютъ свои особенности: первое есть болѣзненное чувство препятствія, второе—бѣгство силъ души передъ препятствіемъ.

Трудно рѣшить, какъ возникаетъ въ насъ въ первый разъ чувство страха: отчего силы нашей души, если можно такъ выразиться, вмѣсто того, чтобы рваться впередъ и стремиться къ

преодолѣнію препятствія или просто страдать отъ него, вдругъ какъ бы побѣгутъ отъ него назадъ, оставляя тѣло безъ своей поддержки? Вѣроятно, что прежде всего человѣкъ знакомится съ органическимъ страхомъ или съ испугомъ, зависящимъ просто отъ быстраго и внезапнаго потрясенія нервовъ.

„Неокрѣпшая нервная система дитяти",—какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ,—„есть легкая добыча страха".

Но какъ испугъ—этотъ органическій страхъ—переходитъ въ страхъ душевный? Отчего рождается первое ощущеніе, что силъ не хватитъ для преодолѣнія препятствія? Отчего колеблется врожденная смѣлость души человѣческой? Можетъ-быть, что чувство гнѣва, развивающееся въ душѣ при борьбѣ съ препятствіями, истощаетъ, наконецъ, силы тѣла въ мускульныхъ напряженіяхъ до того, что это физическое истощеніе уже отзывается въ душѣ органическимъ чувствомъ страха, такъ какъ многія патологическія наблюденія показываютъ, что истощеніе силъ тѣла уменьшаетъ смѣлость человѣка.

Съ тѣхъ же поръ, какъ человѣкъ почувствовалъ, что есть препятствія, которыхъ онъ преодолѣть и обойти не можетъ, онъ дѣлается доступенъ страху.

Имѣя въ виду *душевный*, а не *органическій* страхъ, мы не только не признаемъ дѣтей боязливыми по природѣ, но, напротивъ, замѣтимъ въ нихъ много смѣлости. Нѣкоторые, какъ, напр., Ридъ и отчасти Руссо, думаютъ, что дѣти уже по природѣ боятся темноты; но мы скорѣе согласны съ Бэномъ, отвергающимъ эту боязнь. Темнота, скрывая отъ насъ окружающее, можетъ сильно способствовать развитію въ насъ всякаго рода страховъ, которые зависятъ уже отъ другихъ причинъ; но сама по себѣ темнота едва ли можетъ быть причиной страха.

Вѣроятно, случаи въ темнотѣ, какъ, напр., ушибы, причины которыхъ мы не знаемъ, повторяясь нѣсколько разъ, могутъ связаться въ насъ съ представленіемъ темноты, и въ такомъ случаѣ испугъ или страхъ органическій превратится въ страхъ душевный. Вообще, трудно рѣшить, есть ли въ природѣ предметы, внушающіе страхъ человѣку и животному даже и тогда, когда они видятъ эти предметы въ первый разъ. Кажется, что такіе предметы есть для животныхъ: голубь, никогда не видѣвшій змѣи, выказываетъ всѣ признаки сильнаго страха, когда она

наведетъ на него глаза свои. Но есть ли такіе предметы для человѣка — мы не знаемъ. Кажется, мы можемъ принять за истину, что человѣкъ не боится ничего, пока собственные опыты или разсказы другихъ не покажутъ ему, что у него не всегда станетъ силъ для преодолѣнія препятствій, и не познакомятъ его съ душевнымъ страхомъ, съ чувствомъ силы, отступающей отъ препятствій, вмѣсто того, чтобы кинуться на нихъ.

Бэнъ справедливо называетъ чувство страха самымъ несчастнымъ состояніемъ человѣка. Достигнувъ послѣдней степени ужаса, когда уже человѣкъ не сомнѣвается ни въ своемъ полномъ безсиліи, ни во всемогуществѣ опасности, предѣловъ которой не видитъ, страхъ останавливаетъ психическую жизнь, не прекращая ея. Вотъ почему древніе олицетворяли страхъ въ головѣ Медузы, взглядъ на которую превращалъ человѣка въ камень. Физическое дѣйствіе крайней степени страха или ужаса поразительно. У людей, пережившихъ такія минуты, часто волосы сѣдѣютъ въ нѣсколько часовъ, остается качаніе головы или дрожь членовъ на всю жизнь. Иногда послѣдствіемъ такого страха бываетъ помѣшательство, истерическіе припадки, падучая болѣзнь; но что же можетъ объяснить намъ, какая связь между сѣдѣющими въ одну ночь волосами и ужаснувшеюся душою?

Воплощеніе страха очень характеристично; а между тѣмъ, въ описаніяхъ этого воплощенія, которое мы встрѣчаемъ у психологовъ и физіологовъ, много запутанности и противорѣчій. Это, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что наблюдаютъ проявленіе страха въ различныхъ его степеняхъ. Вотъ почему, вѣроятно, мы встрѣчаемъ въ описаніи этого воплощенія то судорожное напряженіе мускуловъ, то, напротивъ, ихъ полное распущеніе. Когда человѣкъ пытается еще бороться съ опасностью или даже бѣжать отъ нея, то это еще не высшая степень страха, и проявляющаяся при этомъ напряженность мускуловъ едва ли можетъ быть приписана вліянію страха. Услышавъ же безгранично страшную для него новость, человѣкъ не можетъ двинуться съ мѣста, не испускаетъ ни одного крика, изъ рукъ его выпадаетъ и то, что онъ держалъ, нижняя челюсть опускается, мускулы дрожатъ, какъ быстро отпущенныя струны, дыханіе пріостанавливается, сердце замираетъ, слова не идутъ съ языка, слюна перестаетъ отдѣляться, ощущается ослабленіе въ желудкѣ, крово-

обращеніе замедляется, лицо блѣднѣетъ, зеленѣетъ, пріобрѣтаетъ особенный трупный оттѣнокъ, руки дрожатъ, колѣна подгибаются, всѣ физическія силы тѣла какъ будто скрываются изъ него!

Бэнъ объясняетъ этотъ поразительный упадокъ силъ при чувствѣ страха тѣмъ, что физическія силы будто бы истощены въ предшествующихъ бурныхъ движеніяхъ. Но это одна изъ очевидныхъ натяжекъ.

Гдѣ же тѣ *бурныя* движенія, силой которыхъ можно было бы объяснить исчезновеніе всѣхъ физическихъ силъ въ ту самую минуту, какъ душу охватилъ ужасъ? Много, сильно и долго должны были бы двигаться мускулы, чтобы истратить столько силъ; но мы вовсе не видимъ этихъ предварительныхъ движеній. Но вотъ медикъ подошелъ къ больному, котораго ужасъ неизбѣжной смерти совершенно лишилъ силъ, и сказалъ ему твердое утѣшительное слово, и черезъ минуту же у больного голосъ возвращается, онъ чувствуетъ въ себѣ силы, встаетъ съ постели. Откуда же взялись эти силы, если онѣ были истощены въ бурныхъ движеніяхъ? Нѣтъ, дѣйствительная трата силъ, послѣ долгой работы, или даже послѣ бурныхъ порывовъ гнѣва, такъ скоро не вознаграждается изъ пищевого процесса. Не ясно ли, что исчезновеніе силъ въ страхѣ есть только кажущееся, что онѣ остаются въ организмѣ, но что душа на время страха перестаетъ обладать ими? Это-то и производитъ внезапное уничтоженіе того *тоническаго* состоянія мускуловъ, которое постоянно замѣчается во всякомъ живомъ организмѣ.

Если же въ періодъ страха мы замѣчаемъ и судорожное напряженіе въ нѣкоторыхъ мускулахъ, то это слѣдуетъ приписать двумъ причинамъ: или замирающимъ попыткамъ бороться съ опасностью, или просто тому физіологическому явленію, при которомъ распущеніе однихъ мускуловъ рефлективно вызываетъ судорожное сокращеніе другихъ; но во всякомъ случаѣ, эти движенія далеко не такъ энергичны и продолжительны, чтобы ими можно было объяснить страшный и внезапный упадокъ силъ, обнаруживающійся при крайней степени ужаса и проходящій такъ же быстро, какъ проходитъ ужасъ. Не дѣйствительнымъ истощеніемъ физическихъ силъ, которыя могутъ возобновляться только медленно изъ пищевого процесса, слѣдуетъ объяснить этотъ упадокъ силъ, а прекращеніемъ того вліянія, которое душа оказываетъ постоянно

на нервный организмъ, которое прекращается только со смертью и временно прерывается въ состояніи крайняго ужаса. Этимъ объясняется внезапное распущеніе мускуловъ, необычайное раскрытіе глазъ, дрожь, подобная той, которая замѣчается въ струнѣ, когда ее разомъ отпустятъ, перерывы дыханія, судорожныя схватки въ горлѣ, пріостановка дѣятельности и ослабленіе желудка, такъ какъ всѣ эти органическія отправленія находятся подъ постояннымъ воздѣйствіемъ души, которое въ состояніи ужаса пріостанавливается. Блеснетъ первый лучъ надежды освободиться отъ опасности, проглянетъ первый порывъ бороться съ нею—и мы замѣчаемъ въ себѣ необыкновенныя силы. Слѣдовательно, онѣ не были истощены, а только обладаніе ими было пріостановлено.

Страхъ—такое отвратительное чувство, что неудивительно, если нѣкоторые психологи приписываютъ ему только дурное вліяніе. Однако же, мы назовемъ чувство страха также и спасительнымъ, если примемъ во вниманіе, отъ сколькихъ опасностей предохраняетъ насъ это чувство, и какъ умудряла людей боязнь опасности. Но въ то же время мы считаемъ ошибочнымъ мнѣніе Бэна, будто страхъ имѣетъ возбуждающее дѣйствіе на волю. Если животное, побуждаемое страхомъ, кидается бѣжать, то это не дѣйствіе страха, а дѣйствіе реакціи, возбуждаемой страхомъ—стремленіе уйти отъ опасности. Когда человѣкъ имѣетъ еще достаточно силъ, чтобы бѣжать, то это доказываетъ, что страхъ не достигъ въ немъ высшей степени. Пораженный же полнымъ ужасомъ, человѣкъ остается какъ бы прикованнымъ къ землѣ, не имѣетъ силъ ни бѣжать, ни защищаться, ни даже крикнуть. Кромѣ того, всякій изъ насъ, наблюдая надъ самимъ собою, можетъ убѣдиться, что во всякомъ предпріятіи страхъ замѣтно оказываетъ ослабляющее вліяніе на волю: страхъ заставляетъ человѣка быть осторожнымъ, но только смѣлость даетъ ему силу и энергію.

Бэнъ думаетъ, что предметы, внушавшіе намъ страхъ, сильно врѣзываются въ нашу память; но мы знаемъ, что это свойство всѣхъ *аффективныхъ образовъ*, какимъ бы сердечнымъ чувствомъ они ни были проникнуты. Если же въ Англіи, какъ говоритъ Бэнъ, точно такъ же какъ и у насъ, мальчиковъ сѣкли на межѣ съ тою цѣлью, чтобы они тверже запоминали границы полей,

то это, безъ сомнѣнія, потому, что вообще легче и менѣе убыточно поколотить дитя, чѣмъ его обрадовать. При этомъ слѣдуетъ еще не упускать изъ виду, что если самъ пугающій образъ, какъ, напр., видъ межи, на которой ожидаетъ мальчика наказаніе, укореняется въ памяти, то изъ этого никакъ нельзя выводить, что учитель, напримѣръ, можетъ криками и угрозами заставить ребенка твердо запомнить объясняемый урокъ. Дитя твердо запомнитъ только гнѣвное лицо учителя, его пугающіе жесты и слова, но не содержаніе урока, которое, напротивъ, поблѣднѣетъ при сосѣдствѣ съ такими яркими образами. Для того, чтобы какой-нибудь образъ глубоко залегъ въ памяти, надобно, чтобы чувство возбуждалось самимъ этимъ образомъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы запоминаемый образъ находился въ тѣсной связи съ тѣмъ, который проникнутъ чувствомъ, и притомъ все равно, какого бы рода это чувство ни было: страхъ, любовь, гнѣвъ, стыдъ или удивленіе. Но какая же связь гнѣвнаго лица учителя съ латинскими вокабулами, или укоризнъ и угрозъ, расточаемыхъ законоучителемъ по тому поводу, что мальчикъ не заучилъ нагорной проповѣди,—съ самымъ смысломъ этой проповѣди? Если и есть связь, то развѣ связь противоположности; но надобно, чтобы дитя обратило вниманіе на эту противоположность, а едва ли это придется учителю по вкусу. Приписывать же страху, какъ это дѣлаетъ Бэнъ, какое бы то ни было, хотя и не всегда успѣшное вліяніе на возбужденіе памяти, есть большая ошибка; напротивъ, въ страхѣ мы забываемъ даже и то, что хорошо помнили, и слова науки, сопровождаемыя угрозами, менѣе всего способны улечься въ памяти. Если же иной учитель заставляетъ дѣтей строгостью выучивать уроки, то это уже не дѣйствіе страха, а дѣйствіе реакціи, имъ вызываемой: дѣйствіе напряженія воли, порывающейся освободиться отъ мученій страха.

Вотъ почему грозный учитель различно дѣйствуетъ на дѣтей одного и того же класса, и если одни изъ нихъ дѣйствительно начинаютъ учиться лучше, зато другіе, слабые и нервные, совершенно перестаютъ учиться. Уча урокъ, они не могутъ сосредоточить своего вниманія на томъ, что учатъ: предъ ихъ глазами упрямо стоитъ грозный образъ учителя и сулимыя имъ наказанія. Самъ по себѣ страхъ, независимо отъ реактивныхъ попытокъ отдѣлаться отъ него, положительно подавляетъ силу души;

это поразительно замѣтно на дѣтяхъ, воспитателемъ которыхъ былъ только одинъ постоянный страхъ.

Педагогическое дѣйствіе страха очень сомнительно, и если можно имъ пользоваться, то очень осторожно, имѣя въ виду, что смѣлость есть жизненная энергія души. Библейское же выраженіе: „*Страхъ Божій есть начало премудрости*“, столь любимое воспитателями и наставниками, охотниками до дешеваго средства внушать страхъ, имѣетъ глубокій смыслъ, рѣдко понимаемый тѣми самими, кто часто употребляетъ это выраженіе. Они не подумаютъ о томъ, что здѣсь не говорится, что *всякій* страхъ есть начало премудрости, а только *страхъ Божій*. Если человѣкъ достигнетъ до той нравственной высоты, что боится одного только Бога, то значитъ, онъ боится одной своей собственной совѣсти—и больше ничего въ мірѣ не боится. Осталась ли эта совѣсть въ своемъ естественномъ состояніи, раскрыта ли она ученіемъ Откровенія, во всякомъ случаѣ—она для человѣка голосъ Божій, и если человѣкъ, не внимая никакимъ угрозамъ и приманкамъ свѣта, начнетъ внимательно прислушиваться только къ этому голосу, то и откроетъ въ немъ *источникъ премудрости*, т.-е. нравственности или высшей практической мудрости. Но какъ жалко злоупотребляютъ этимъ глубокимъ библейскимъ изреченіемъ различные любители *задать страху дѣтямъ*! Они прикрываютъ имъ свое неумѣніе сдерживать гнѣвъ,—неумѣнье, которое должно бы вычеркнуть ихъ изъ списка воспитателей, и внушаютъ дѣтямъ не страхъ *Божій*, а страхъ *учительскій*, изъ котораго родятся ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души, а не премудрость.

Изъ того, что мы уже сказали, само собою понятно, что страхъ увеличивается неопредѣленностью опасности.

Въ этомъ отношеніи Бэнъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что ничто такъ не унижаетъ и не портитъ человѣка, „какъ рабскій страхъ, именно оттого, что рабъ не знаетъ предѣловъ власти своего господина, который можетъ съ нимъ сдѣлать все; тогда какъ гражданинъ страны, управляемой законами, а не произволомъ, всегда знаетъ, что его ждетъ“. Но напрасно Бэнъ называетъ рабскій страхъ „особымъ видомъ страха“. Всякій страхъ, теряя предѣлы, становится безпредѣльнымъ, и если „пушечная лихорадка проходитъ у солдатъ“, то не отъ привычки,

а по мѣрѣ того, какъ солдатъ замѣчаетъ, что не всякое ядро убиваетъ, и что можно простоять цѣлые часы подъ огнемъ и выйти изъ него невредимымъ. По мѣрѣ того, какъ предѣлы опасности опредѣляются, и страхъ уменьшается: „гляди страху прямо въ глаза", говоритъ русская пословица, „и страхъ смигнетъ". Но къ свойству страха именно относится расширеніе предѣловъ опасности, какъ это выражается въ другой пословицѣ: „у страха глаза велики", намекающей, можетъ-быть, и на особое расширеніе глазъ при чувствѣ страха. Какъ только началось ясное сознаніе предѣловъ страха, такъ и рождаются попытки избавиться отъ этого мучительнаго чувства, а попытки эти, окрѣпнувъ, могутъ вытѣснить изъ души страхъ, замѣнивъ его гнѣвомъ, какъ разъ соразмѣрнымъ силѣ вытѣсненнаго страха. Вотъ чѣмъ объясняется ярость человѣка противъ тиранновъ, которыхъ онъ долго трепеталъ. У животныхъ также очень часто цѣпенящій ужасъ смѣняется бурною яростью. Но эта буря поднята не страхомъ, а борьбою со страхомъ, съ этимъ самымъ ненавистнымъ угнетателемъ нашей душевной дѣятельности.

Дѣйствіе страха именно потому и ужасно, что онъ, останавливая дѣятельность души, въ то же время приковываетъ ея вниманіе къ предмету страха. Въ эти минуты, по мѣткому выраженію народной психологіи, „мы ни живы, ни мертвы": *мы не живемъ* потому, что дѣятельность нашей души остановлена, а дѣятельность есть жизнь нашей души; мы еще *не умерли*. потому, что чувствуемъ во всей силѣ эту страшно-мучительную остановку жизни. Страхъ смерти, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, есть вѣнецъ страха; но въ этомъ мы также не видимъ никакого особеннаго *вида страха*.

Собственно говоря, какъ замѣтилъ еще Декартъ, всякій страхъ—есть страхъ смерти, т.-е. такая боязнь прекращенія душевной дѣятельности, что дѣятельность души дѣйствительно пріостанавливается; какъ только-же мы начинаемъ бороться съ опасностью, такъ и страхъ начинаетъ проходить.

Такъ какъ причиною страха можетъ быть все, что угрожаетъ посредственно или непосредственно нашей жизни или жизни людей намъ близкихъ, а неопредѣленность опасности значительно увеличиваетъ страхъ, то и понятно, что образованіе, уменьшая число опасностей, угрожающихъ нашей жизни, уменьшаетъ число

причинъ страха и, давая возможность измѣрить опасность и опредѣлить ея послѣдствія, уменьшаетъ напряженность страха въ виду этихъ опасностей. Въ этомъ мы вполнѣ согласны и съ Бэномъ, и съ Боклемъ. Но мы думаемъ, что эти писатели слишкомъ уже преувеличиваютъ обезпеченіе современнаго человѣка въ отношеніи страха. Мы точно такъ же, какъ и предки наши, не знаемъ причины самыхъ опасныхъ для насъ явленій: ни чумы, ни тифа, ни холеры, ни появленія трихинъ, и если не приписываемъ ихъ вмѣшательству невѣдомыхъ силъ, то не потому, чтобы мы знали причину этихъ явленій. Смѣлѣе ли сталъ современный человѣкъ—это еще вопросъ.

Князь Игорь, отправляющійся въ походъ, не смотря на страшныя знаменія, въ гибельное значеніе которыхъ онъ вѣритъ, преодолѣваетъ еще одинъ лишній страхъ, котораго уже не нужно преодолѣвать современному полководцу. Макбетъ, вызывающій духовъ, въ которыхъ онъ вѣруетъ, и тѣнь Банко, которую онъ, конечно, не объясняетъ галлюцинаціей, только еще яснѣе выказываетъ свою неукротимую смѣлость, преодолѣвая предразсудки, которые для насъ теперь не существуютъ. Не познанія и не отсутствіе предразсудковъ внушаютъ скандинавскому герою слова, теперь почти непонятныя для насъ: „Руби меня прямо въ лицо,"—говоритъ онъ своему товарищу, который не такого сорта человѣкъ, чтобы задуматься исполнить просьбу друга: „руби меня прямо въ въ лицо и посмотри, смигну ли я?" Не трудно видѣть въ такихъ явленіяхъ, что *смѣлость* не зависима отъ какого бы то ни было умственнаго развитія, и есть не плодъ ума, а чувство, прирожденное человѣку.

Чувсево *смѣлости* Аристотель справедливо противополагаетъ чувству *страха*. Но это чувство такъ присуще человѣку, что мы замѣчаемъ его отдѣльное существованіе только тогда, когда оно, предварительно будучи подавлено страхомъ, начинаетъ вновь возникать. Всякій изъ насъ, вѣроятно, испытывалъ на себѣ это воскрешающее вліяніе возрождающейся смѣлости. Насколько чувство страха отнимаетъ у насъ силы—настолько смѣлость даетъ намъ ихъ, да и въ воплощеніи своемъ смѣлость выражается чертами, совершенно противоположными страху: мускулы напрягаются, не доходя еще до судорожнаго напряженія гнѣва; станъ выпрямляется, голова подымается, цвѣтъ лица дѣлается живымъ,

не пріобрѣтая еще краски или блѣдности гнѣва, глаза блестятъ, вся физіономія принимаетъ какой-то смѣлый, рѣшительный характеръ, еще ни одной чертой своей не выражая гнѣва. Что-то торжественное, прекрасное и легкое, что такъ дивно идеализировалъ древній художникъ въ фигурѣ Апполона Бельведерскаго, проглядываетъ въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи человѣка, воодушевленнаго смѣлостью.

Самостоятельность чувства смѣлости, обыкновенно выбрасываемаго психологами изъ списка чувствованій, кромѣ спеціальности ощущенія, знакомаго каждому, и кромѣ особенности воплощенія, удостовѣряется еще и возникновеніемъ этого чувства въ душѣ изъ причинъ органическихъ. Всѣ военачальники знаютъ, что сытый человѣкъ смѣлѣе голоднаго въ битвѣ, хотя въ то же время голодный сердитѣе сытаго. Въ этомъ общеизвѣстномъ фактѣ выражается разомъ и возникновеніе чувства смѣлости изъ органическихъ причинъ, и его отдѣльность отъ чувства гнѣва, съ которымъ его часто смѣшивали. Извѣстно также, какое вліяніе на возбужденіе смѣлости имѣютъ спиртные напитки.

Мы вполнѣ согласны съ Бэномъ, который называетъ смѣлость однимъ изъ величайшихъ качествъ души человѣческой, безъ котораго невозможны ни благородная дѣятельность, ни порядочный образъ мыслей, ни самостоятельность характера. Точно такъ же мы убѣждены въ томъ, что страхъ есть самый обильный источникъ пороковъ, чему лучшее доказательство мы видимъ въ тѣхъ деспотическихъ государствахъ, гдѣ опасность ничѣмъ неограниченнаго произвола одного человѣка виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, надъ головой каждаго. Но мы утверждаемъ также, что только страхъ, своимъ реактивнымъ вліяніемъ, преобразуетъ врожденную человѣку инстинктивную смѣлость въ разумное мужество, и если человѣкъ научился преодолѣвать и предотвращать опасности или, по крайней мѣрѣ, избѣгать ихъ, то этимъ онъ обязанъ столько же чувству смѣлости, сколько и чувству страха. Люди, въ характерѣ которыхъ преобладаетъ инстинктивное чувство смѣлости, безпечны и непредусмотрительны, и нетрудно понять, что если бы у человѣка и у животнаго вовсе не было чувства страха, то едва ли и самое существованіе ихъ было бы обезпечено: они были бы легкою добычею разныхъ опасностей, а опасности, которыхъ они избѣжали бы случайно,

не врѣзывались бы въ ихъ памяти и ничему бы ихъ не научили. Безумная смѣлость, какъ и безумная трусость, одинаково гибельны.

Все дѣло, слѣдовательно, *въ умѣ*, который могъ бы измѣрить опасность и пріискать средство избавиться отъ нея, въ *волѣ*, которая была бы довольно сильна, чтобы воспрепятствовать чувству страха перейти въ органическій аффектъ и, дѣйствуя изъ нервовъ на душу, помѣшать ей спокойно работать. Не тотъ *мужественъ*, кто лѣзетъ на опасность, не чувствуя страха, а тотъ, кто можетъ подавить самый сильный страхъ и думать объ опасности, не подчиняясь страху.

Природная смѣлость есть та глыба драгоцѣннаго мрамора, изъ которой страхъ вырабатываетъ величественную статую мужества. Но дѣло въ томъ, какъ совершается эта работа и что служитъ рѣзцомъ для выработки этой статуи?.. Страхъ, какъ и всякое другое сердечное чувство, способное перейти въ органическій аффектъ, можетъ усилить расположеніе къ легчайшему возникновенію того-же органическаго чувства. На это явленіе указалъ уже Аристотель въ отношеніи гнѣва. Тоже самое слѣдуетъ сказать и въ отношеніи страха, что энергически выражается русской пословицею: „пуганая ворона куста боится". Кромѣ того, весьма объяснимо психологически, что человѣкъ, испытывающій землетрясеніе и видящій изверженіе лавы въ первый разъ, обратитъ сильное вниманіе на эти необыкновенныя для него явленія, не думая объ ихъ послѣдствіяхъ, которыя онъ представляетъ себѣ по слухамъ и изъ книгъ и, слѣдовательно, далеко не съ такой яркостью и не такъ рельефно, какъ тотъ, кто самъ видѣлъ эти послѣдствія, а, можетъ быть, и страдалъ отъ нихъ.

Не привычка *переносить* страхъ, но привычка *преодолѣвать* его увеличиваетъ смѣлость, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ. Но въ чемъ же состоитъ самая эта привычка? Мы думаемъ, что слово *привычка* употреблено здѣсь Бэномъ неумѣстно. Привычки здѣсь собственно нѣтъ, а есть возрастающая въ человѣкѣ увѣренность въ возможности преодолѣть тѣ или другія препятствія, а увѣренность эта возникаетъ именно оттого, что человѣкъ преодолѣвалъ уже данную опасность нѣсколько разъ и нѣсколько разъ подавлялъ въ душѣ своей возникающее чувство

страха. Смѣлость же сама по себѣ, какъ мы видѣли, есть не что иное, какъ прирожденное человѣку чувство увѣренности въ своихъ силахъ. Всякій новый опытъ, доказывающій намъ присутствіе этихъ силъ, въ сравненіи съ опасностями, увеличиваетъ эту увѣренность и увеличиваетъ, слѣдовательно, нашу смѣлость. Это увеличеніе смѣлости можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: или оттого, что мы увѣрились въ возможности преодолѣть ту или другую опасность или избѣжать ея, или оттого, что, подавляя часто чувство страха вообще, мы увѣрились вообще въ громадности нашихъ силъ. Въ первомъ случаѣ можетъ образоваться только частная храбрость, и человѣкъ храбрый, напр., на морѣ, можетъ оказаться трусомъ на сушѣ, а храбрый воинъ—трусливымъ гражданиномъ. Во-второмъ случаѣ, вырастаетъ общая смѣлость, часто уносящая его на такую дорогу, на которую еще никто не выходилъ прежде, только по недостатку безграничной смѣлости. „Смѣлость города беретъ", говоритъ русская пословица; но она же и „кандалы третъ",—прибавляетъ другая.

Спиноза говоритъ, что „человѣкъ, воображающій, что онъ не можетъ сдѣлать извѣстнаго дѣла, не можетъ рѣшиться дѣйствовать, а потому и дѣйствительно неспособенъ сдѣлать даннаго дѣла". Вотъ эта-то увѣренность или внушается врожденною человѣку смѣлостью, которая еще не испытала реакціи страха, или опытами дѣятельности. Дитя родится съ безграничной смѣлостью, и мы ясно замѣчаемъ, что чѣмъ менѣе дитя запугано, тѣмъ оно смѣлѣе, такъ что смѣлость выражается въ каждой чертѣ его лица и въ каждомъ его движеніи. При этомъ еще слѣдуетъ имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находятся нервы ребенка, а также и то, каковы люди, его окружающіе; ибо страхъ, какъ и всякое другое сердечное чувство, заразителенъ, передаваясь отъ человѣка къ человѣку посредствомъ тѣлеснаго воплощенія и нервнаго сочувствія. Воспитатель долженъ беречь эту прирожденную смѣлость, но не оставлять ея въ первобытномъ видѣ, въ которомъ она столько же можетъ надѣлать вреда, сколько и пользы. Онъ долженъ ставить ребенка въ такія положенія, чтобы онъ преодолѣвалъ свой страхъ, и уберегать отъ такихъ, въ которыхъ ребенокъ подчинялся бы всесильному страху; словомъ, воспитатель долженъ беречь драгоцѣнное чувство смѣлости, но вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, опытами преодолѣнія страха передѣлывать неразумную смѣлость въ разумное мужество.

Теперь, изучивъ появленіе страха и смѣлости, попытаемся опредѣлить взаимное отношеніе этихъ двухъ важныхъ чувствованій. Кажется, что мы должны ихъ признать такими же двумя прямыми антагонистами, какъ и чувства удовольствія и неудовольствія, но только въ обратномъ отношеніи между собой.

Чувство неудовольствія вытекаетъ непосредственно изъ неудовлетворенія нашихъ стремленій, и потому предшествуетъ чувству удовольствія; слѣдовательно, отрицательное чувствованіе здѣсь предшествуетъ положительному, тогда какъ, наоборотъ, мы должны предположить *смѣлость* (чувство положительное) предшествующею появленію *страха* (чувство отрицательное).

Однако же, это противорѣчіе только кажущееся: мы не чувствуемъ смѣлости, хотя она и руководитъ нашими дѣйствіями, пока не почувствуемъ страха. Мы ощущаемъ смѣлость только уже какъ реакцію страха.

Смѣлость, словомъ, есть врожденное *состояніе* души, которое высказывается въ ней особеннымъ чувствованіемъ только тогда, когда, нарушенное чѣмъ-нибудь, сопровождаемымъ чувствомъ страха, вновь вступаетъ въ свои права; *смѣлость* есть ощущеніе душою своихъ собственныхъ силъ, а чувство страха есть подавленіе чувства смѣлости, происходящее иногда отъ органическихъ причинъ, а иногда отъ колебанія нашей прирожденной увѣренности въ нашихъ силахъ...

ГЛАВА XXIII.

Чувство стыда и чувство самодовольства.

Чувство *стыда* разслѣдовано едва ли не менѣе всѣхъ прочихъ элементарныхъ чувствъ, что, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что его смѣшиваютъ съ нѣсколькими сложными чувственными состояніями, а именно съ *раскаяніемъ*, *совѣстью* и, наконецъ, *застѣнчивостью*, въ которой иные, какъ напр. Бэнъ, видятъ низшую степень страха. Хотя стыдъ дѣйствительно часто соединяется со всѣми этими сложными видами чувственныхъ душевныхъ состояній, но существуетъ, однако, и отдѣльно отъ нихъ,

какъ чувство вполнѣ элементарное, для котораго природа назначила и особое воплощеніе въ организмѣ. Правильнѣе другихъ взглянули на это чувство Аристотель и Спиноза.

Оба эти мыслителя обращаютъ прежде всего вниманіе на то, что чувство стыда возможно только при условіи жизни человѣка въ обществѣ людей, и притомъ такихъ, мнѣніемъ которыхъ онъ болѣе или менѣе дорожитъ. „Стыдъ", — говоритъ Аристотель, — „есть извѣстное непріятное чувство, относящееся къ такому злу, которое, по нашимъ понятіямъ, ведетъ къ дурной славѣ". Спиноза опредѣляетъ стыдъ почти такъ же: по его мнѣнію, „стыдъ есть чувство печали, сопровождаемое идеею какого-нибудь нашего дѣйствія, которое мы считаемъ предметомъ осужденія со стороны другихъ".

Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ для насъ важно только то, что чувство стыда признается такимъ чувствомъ, которое соотвѣтствуетъ стремленію человѣка къ общежитію и въ отдѣльности отъ этого стремленія считается невозможнымъ. Аристотель прямо даже указываетъ на эту невозможность, говоря, что никто не стыдится младенцевъ и животныхъ, и что стыдъ, ощущаемый нами въ присутствіи другихъ людей, какъ разъ соразмѣряется съ тѣмъ уваженіемъ, которое мы имѣемъ къ ихъ мнѣнію. Извѣстно, напримѣръ, какъ римляне и римлянки мало стыдились своихъ рабовъ. Древніе, уничтожая личность въ рабѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ теряли въ отношеніи къ нему почти всякое чувство стыда.

Но какъ Аристотель, такъ и Спиноза, замѣтивъ вѣрно характеристическую черту стыда, не провели ее далѣе и не отличали *стыда* отъ *раскаянія*, хотя различіе между ними очевидно. Раскаиваться мы можемъ и тогда, когда увѣрены, что никто не узнаетъ о нашемъ проступкѣ, и не имѣя въ виду мнѣнія другихъ людей; стыдъ же при такомъ условіи невозможенъ. Еще яснѣе выражается различіе между раскаяніемъ и стыдомъ въ той борьбѣ между этими двумя душевными состояніями, которую мы нерѣдко можемъ замѣтить и въ себѣ и въ другихъ. Весьма обыкновенно то явленіе, что чувство стыда побуждаетъ человѣка скрывать свой поступокъ, а чувство раскаянія побуждаетъ открыть его. Есть проступки, которыхъ нельзя иначе исправить, какъ открывъ ихъ, и такіе-то именно очень часто не исправляются, подавляемые чувствомъ стыда. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, что чувство стыда

является столько же вреднымъ, сколько въ другихъ полезнымъ, и что, слѣдовательно, въ нравственномъ отношеніи это чувство, разсматриваемое независимо отъ тѣхъ представленій, съ которыми оно соединяется, безразлично: ни хорошо, ни дурно, какъ и всѣ остальныя элементарныя чувства.

Для избѣжанія недоразумѣній, мы должны указать на отличіе чувства раскаянія отъ чувства угрызенія совѣсти. Мы раскаиваемся иногда и въ добромъ дѣлѣ, которое мы сдѣлали, но не можемъ чувствовать угрызенія совѣсти за доброе дѣло. „Раскаяніе", —говоритъ Спиноза,—„есть чувство печали, сопровождаемое идеею дѣйствія, которое мы *считаемъ* совершеннымъ по свободному рѣшенію нашей души". (Слѣдуетъ помнить, что Спиноза не признаетъ свободы воли).

Такое опредѣленіе воли будетъ относиться одинаково и къ угрызенію совѣсти, и къ раскаянію, которое можетъ быть и раскаяніемъ въ добромъ дѣлѣ.

Отличивъ чувство стыда отъ чувства раскаянія и чувства совѣсти, часто сопровождаемаго стыдомъ, но не вездѣ сопровождающаго стыдъ, мы уже легко поймемъ, въ чемъ состоитъ ошибка тѣхъ мыслителей, которые, замѣчая, какъ различны предметы стыда у различныхъ людей и различныхъ народовъ, считаютъ самый стыдъ за какое-то искусственное произведеніе человѣческой жизни: не признаютъ его за самостоятельное, прирожденное человѣку чувство, полагая, что чувство стыда образуется оттого, что человѣка стыдятъ тѣмъ, что признано постыднымъ въ томъ или другомъ кругу людей, а не потому, что человѣку врождено стыдиться. Это мнѣніе, повторяющееся очень часто, ссылается обыкновенно на тѣ несомнѣнныя явленія, что то же самое, чего стыдятся одни, нисколько не кажется постыднымъ для другихъ, и даже одни часто хвалятся тѣмъ, чего другіе стыдятся. Это явленіе дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію. Иной стыдится бездѣятельности, другой стыдится труда и хвалится тѣмъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Одинъ стыдится женственности въ характерѣ, другой самодовольно выставляетъ ее напоказъ. Это явленіе разнообразія и часто противоположности предметовъ стыда выразится еще яснѣе, когда мы будемъ изучать различіе и часто противоположность представленій, вызывающихъ это чувство у различныхъ народовъ, и особенно у народовъ, стоящихъ на раз-

личной степени образованія. Трудно себѣ представить, что можно напримѣръ, стыдиться надѣть платье; а между тѣмъ есть именно дикари, которые, не стыдясь своей наготы, стыдятся платья, и есть другіе, которые почитаютъ за величайшій стыдъ открыть свое лицо и оставляютъ открытымъ все тѣло.

Все это справедливые факты, и причина такого разнообразія представленій, вызывающихъ чувство стыда у различныхъ людей, очень понятна. „Родители",—говоритъ Спиноза,—„порицая какія-нибудь дѣйствія и выговаривая за нихъ дѣтямъ, и наоборотъ, хваля другія дѣйствія и совѣтуя ихъ, достигаютъ того, что первыя всегда сопровождаются печалью, а вторыя радостью. Обычаи и религіи не одинаковы у всѣхъ людей: то, что кажется священнымъ для однихъ, не имѣетъ никакого значенія для другихъ, а поступки, считаемые похвальными у одного народа, считаются постыдными у другого; итакъ, всякій хвалится и раскаивается, смотря по воспитанію, которое онъ получилъ".

Это совершенно вѣрно; но всѣ эти факты, доказывая, что люди стыдятся не одного и того же, доказываютъ въ то же время, что всѣ люди чего-нибудь да стыдятся: всякій же стыдится того, что признается постыднымъ въ кругу людей, мнѣніе которыхъ онъ уважаетъ. Слѣдовательно, предметы стыда даются человѣку исторіей и воспитаніемъ; но самое чувство стыда дано ему природою. Самый безсовѣстный негодяй, хвалящійся своими гнусными поступками, какъ подвигами, можетъ ощутить чувство стыда, если даже какой-нибудь изъ этихъ подвиговъ, которыми онъ хвастался, окажется выдумкой, или если онъ, похвалившись выполнить какое-нибудь дѣло, не можетъ его выполнить. Такой человѣкъ можетъ даже покраснѣть, если въ немъ замѣтятъ какое-нибудь доброе проявленіе; но, тѣмъ не менѣе, чувство стыда у него осталось. Словомъ, отъ чувства стыда такъ же нельзя отдѣлаться, какъ нельзя отдѣлаться отъ чувства страха. Самыя понятія о предметѣ стыда могутъ быть страшно извращены, но стыдъ останется. И представленія, возбуждающія гнѣвъ и страхъ, также часто бываютъ различны и даже противоположны; но отъ этого гнѣвъ и страхъ не перестаютъ считаться чувствами, общими всѣмъ людямъ и даже животнымъ.

Если бы нужно было, кромѣ вышеприведенныхъ доказательствъ, привести еще новыя, что чувство стыда есть не искусственное,

а прирожденное, то мы указали бы на характеристическое воплощеніе этого чувства.

Если бы человѣкъ даже и выдумалъ стыдъ, то не могъ бы выдумать его воплощенія. Воплощеніе это обнаруживается не столько краскою, кидающеюся въ лицо, которое часто, по свойству кожи, теряетъ возможность краснѣть, сколько въ какомъ-то особенномъ, неуловимомъ физическомъ чувствѣ, которое, безъ сомнѣнія, испыталъ всякій. Это особенное чувство, чувство какой-то тревоги въ нервахъ, всего сильнѣе испытывается въ глазахъ, которые поэтому при чувствѣ стыда невольно потупляются у человѣка, еще несовершенно привыкшаго подавлять воплощеніе своихъ чувствованій. Аристотель въ главѣ „О стыдѣ" весьма кстати приводитъ греческую пословицу: „стыдъ живетъ въ глазахъ", и объясняетъ ее тѣмъ, что человѣкъ стыдится глазъ другихъ людей, т.-е. стыдится того, что можетъ быть замѣчено другими людьми. Это объясненіе вѣрно, но не полно. Мы же думаемъ, что эта греческая пословица, точно такъ же, какъ и наши народныя выраженія, говорящія о „безстыдныхъ" или „безстыжихъ глазахъ", выходятъ, главнымъ образомъ, изъ мѣткой наблюдательности народа надъ тѣмъ чисто физическимъ ощущеніемъ, которое испытываетъ человѣкъ въ глазахъ при чувствѣ стыда, и которое заставляетъ человѣка, чувствующаго стыдъ, или потупить глаза, или отводить ихъ въ сторону, или, наконецъ, усиленно мигать.

На этихъ основаніяхъ мы признаемъ чувство стыда врожденнымъ элементарнымъ чувствованіемъ человѣка, которое притомъ находится въ совершенной связи съ врожденнымъ же ему стремленіемъ къ общественности. Природа не только дала человѣку стремленіе къ общественности, не только поставила его въ зависимость отъ существъ, ему подобныхъ, и внушила ему стремленіе искать ихъ сочувствія, одобренія и ласки, но придала этому стремленію особое чувство стыда, появляющееся всякій разъ, какъ это стремленіе не удовлетворяется; наконецъ, снабдила это чувство особымъ воплощеніемъ. Вотъ почему чувство стыда всегда *непріятно*, какъ непріятно намъ всякое неудовлетвореніе нашихъ врожденныхъ стремленій. Природа дала человѣку чувство стыда не для однихъ какихъ-нибудь предметовъ или отношеній, но для всего, что кажется человѣку постыднымъ. Какъ только

же человѣкъ сталъ развивать свои духовныя, чисто человѣческія особенности, такъ и стали для него постыдными всѣ тѣ положенія, въ которыхъ эти духовныя его особенности совершенно подчинялись его животной природѣ...

Изъ всего, что сказано о чувствѣ стыда, видно, что мы въ правѣ назвать его *чувствомъ общественности*, и легко убѣдиться, что оно играетъ очень важную роль во всѣхъ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Если же кому покажется, что это чувство слишкомъ слабо и неустойчиво для такой важной роли, то пусть онъ обратитъ вниманіе на то, какое важное значеніе въ общественной жизни играютъ *насмѣшка* и *позоръ*. Дѣйствіе же *насмѣшки*, во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ легкой колкости и оканчивая ядовитымъ, мертвящимъ сарказмомъ, и дѣйствіе *позора* основаны на способности человѣка стыдиться, которая, въ свою очередь, основана на его стремленіи къ общественности. Конечно, общественные нравы исправляются не одною насмѣшкою; но кто же не видитъ, какую важную роль играетъ насмѣшка въ ихъ исправленіи и ихъ порчѣ. Въ ихъ порчѣ, говоримъ мы, потому что нерѣдко приходится людямъ бороться за правое дѣло противъ насмѣшки и чувства стыда. Насмѣшка столько же способна исправлять человѣка, сколько и портить; а для того, чтобы преодолѣть чувство стыда, требуется иногда не менѣе геройства, какъ и для того, чтобы преодолѣть чувство страха. Позоръ и производимое имъ мученіе стыда въ всѣхъ законодательствахъ признавались всегда одною изъ самыхъ сильныхъ мѣръ наказанія и исправленія.

Чувству стыда Аристотель противополагаетъ безстыдство; но безстыдство можно противоположить стыдливости, а не чувству стыда; чувству же стыда слѣдуетъ противоположить чувство *самодовольства*, придавъ, конечно, этому слову нѣсколько измѣненный техническій смыслъ. Мы чувствуемъ стыдъ всякій разъ, какъ наше инстинктивное стремленіе къ общественности, къ уваженію, любви и ласкамъ другихъ людей получаетъ сильный толчокъ въ укорѣ, презрѣніи или насмѣшкѣ, а равно и при такихъ поступкахъ нашихъ, за которыми, по нашему мнѣнію, должны слѣдовать укоръ, насмѣшка или презрѣніе. Мы испытываемъ чувство *самодовольства* всякій разъ, какъ это стремленіе къ общественности получаетъ какое-нибудь замѣтное удовлетвореніе, т.-е.

всякій разъ, когда насъ хвалятъ или когда насъ ласкаютъ. При особенно напряженномъ состояніи этого чувствованія, когда, напр., „сладкій медъ лести каплетъ въ наше сердце", мы ощущаемъ, что чувство это, противоположное чувству стыда, имѣетъ также и свое особое воплощеніе въ какомъ-то сладкомъ щекочущемъ физическомъ ощущеніи, выражающемся на лицѣ особенною самодовольною улыбкою.

Чувство *самодовольства* слѣдуетъ отличать отъ чувства гордости, которое есть уже сложное психическое состояніе и продуктъ психической жизни, происшедшій черезъ сравненіе насъ съ подобными намъ людьми. Чувство же самодовольства есть чувство простое, возбуждаемое въ насъ всякимъ выраженіемъ намъ уваженія, любви или ласки, и которое, черезъ сравненіе, можетъ выработаться въ гордость, но существуетъ и безъ всякихъ сравненій. Чувство самодовольства слѣдуетъ также отличать отъ чувства спокойствія совѣсти, которое возможно въ человѣкѣ безъ всякаго участія другихъ людей, безъ чего чувство самодовольства немыслимо. Если же мы испытываемъ и въ одиночку чувство самодовольства, то только въ томъ случаѣ, если въ своемъ воображеніи въ то же время представляемъ себя въ отношеніи съ подобными намъ людьми и думаемъ, напр., какъ они будутъ поражены тѣмъ, что мы сдѣлали или придумали и т. п. Въ этомъ случаѣ воображеніе даетъ намъ возможность ощущать будущее одобреніе людей, какъ бы настоящее.

Слѣдуетъ, кажется, признать, что оба разбираемыя нами чувствованія, чувство стыда и чувство самодовольства, испытываются не только людьми, но и животными. По крайней мѣрѣ, мы ясно замѣчаемъ проявленіе этихъ чувствованій у животныхъ домашнихъ. Едва ли справедливо было бы думать, что они позаимствовались этими чувствами у насъ. Элементарное чувство передать невозможно, и если оно не было бы врождено животнымъ, то мы не замѣтили бы его проявленія. Если же мы не замѣчаемъ разбираемыхъ нами чувствъ у животныхъ дикихъ, то, безъ сомнѣнія, потому, что ихъ психическій міръ слишкомъ для насъ замкнутъ; и что мы не имѣемъ случая такъ же наблюдать надъ ними, какъ наблюдаемъ надъ животными домашними.

ЧУВСТВА ГНѢВА И ДОБРОТЫ.

Въ отношеніи гнѣва мы встрѣчаемъ ту же шаткость въ наблюденіяхъ, какъ и въ отношеніи другихъ чувствъ. Главный недостатокъ наблюденія здѣсь тотъ же самый: обыкновенно смѣшиваютъ простое элементарное чувство гнѣва съ чувственными состояніями души, въ образованіи которыхъ принимаютъ участіе разнообразныя чувства, самыя разнообразныя представленія и даже чисто человѣческія понятія, несвойственныя животнымъ, у которыхъ однако же ясно обнаруживается тотъ же самый гнѣвъ, какой мы замѣчаемъ и въ себѣ.

Аристотель опредѣляетъ гнѣвъ, какъ „стремленіе къ тому что кажется намъ возмездіемъ за что-нибудь, въ чемъ мы видимъ незаслуженное оскорбленіе со стороны лица, не имѣющаго на то права, и нанесенное намъ самимъ или кому-нибудь изъ близкихъ“, и прибавляетъ къ этому сложному опредѣленію гнѣва, что гнѣвъ сопровождается чувствомъ неудовольствія. Очевидно, Аристотель смѣшалъ *гнѣвъ* съ *местью*,—такимъ сложнымъ чувственнымъ состояніемъ души, въ которомъ мы необходимо должны признать уже сознаніе своей личности и сознаніе своего права...

Декартъ смѣшиваетъ гнѣвъсъ ненавистью, а ненависть противополагаетъ любви. Но антагонистъ любви есть *отвращеніе*, а не гнѣвъ, и къ этой мысли отчасти пришелъ самъ Декартъ, но не воспользовался ею. Онъ видѣлъ, что любви противопологается отвращеніе; но не видѣлъ, что ненависть есть уже сложное чувственное состояніе души, въ образованіи котораго принимаютъ участіе какъ отвращеніе, такъ и гнѣвъ...

Спиноза въ этомъ отношеніи былъ наблюдательнѣе Декарта; онъ уже отмѣчаетъ, какъ особенныя чувства, ненависть, отвращеніе и гнѣвъ, смѣшанныя Декартомъ. Но такъ какъ и Спиноза все же не видитъ въ ненависти сложнаго душевнаго состоянія, а въ гнѣвѣ и отвращеніи — элементарныхъ чувствъ, то и не можетъ яснымъ образомъ раздѣлить этихъ трехъ душевныхъ явленій...

Локкъ называетъ гнѣвъ „разстройствомъ души, получившей оскорбленіе, сопровождаемымъ цѣлью мести“, и этимъ показываетъ, какъ не глубокъ его анализъ чувствованій и чувствен-

ныхъ состояній. Гораздо болѣе глубокій анализъ гнѣва находимъ мы у Рида, хотя и ему также не удалось отличить первичное чувство гнѣва отъ ненависти, мести и отвращенія... Ридъ замѣчаетъ при этомъ, что только человѣкъ можетъ отличить оскорбленіе отъ всякой непріятности, нанесенной намъ. Первый родъ гнѣва Ридъ называетъ *животнымъ* гнѣвомъ и говоритъ, что онъ даже свойственъ мыши, которая начинаетъ кусаться, когда не можетъ убѣжать. Этотъ животный гнѣвъ Ридъ причисляетъ къ благодѣтельнымъ *инстинктамъ* природы. Но его затрудняетъ то явленіе, что какъ животныя, такъ даже и люди часто обращаютъ свой гнѣвъ на вещи бездушныя, которыя неспособны быть наказанными, и думаетъ, что это вовсе несвойственно людямъ; если-же и замѣчается въ дѣтяхъ, то только потому, что они принимаютъ неодушевленные предметы за одушевленные, и что если то же самое дѣлаютъ иногда и взрослые люди, то только по привычкѣ, оставшейся съ дѣтства. „Человѣкъ же,—говоритъ далѣе Ридъ,—можетъ выносить отъ другого человѣка сильныя страданія, вовсе не сопровождаемыя идеей оскорбленія, а, напр тивъ, самыми дружескими намѣреніями, какъ, напр., при операціяхъ. Всякій видитъ, что сердиться за такія страданія свойственно животному, но не человѣку“. Однако же операторы знаютъ, какъ часто невольный гнѣвъ пробуждается при операціяхъ у самыхъ разумныхъ людей, и не самъ ли Ридъ указываетъ на примѣръ, приводимый Локкомъ, одного больного, который былъ излѣченъ отъ сумасшествія тяжелою и болѣзненною операціею?

Этотъ человѣкъ понималъ все благодѣяніе, которое ему сдѣлали; но въ то же время не могъ видѣть своего благодѣтеля. „Въ этомъ случаѣ,—говоритъ Ридъ,—мы видимъ ясно дѣйствіе обоихъ принциповъ: животнаго и разумнаго“. Мы же прибавимъ, что мы видимъ въ этомъ случаѣ именно то первичное чувство гнѣва, для проявленія котораго вовсе не нужно идеи оскорбленія и идеи права, и которое возникаетъ безъ всякой идеи и свойственно какъ человѣку, такъ и животному.

Что касается до Бэна, то, не признавая гнѣва элементарнымъ чувствомъ, онъ хотѣлъ разложить его на другія, болѣе элементарныя; но эта попытка вполнѣ не удалась ему. Онъ, напримѣръ, производитъ гнѣвъ изъ страданія, но тутъ же долженъ признать, что степень гнѣва вовсе не пропорціональна страданію, и что

тогда какъ сильный ударъ утишаетъ чувство гнѣва, мелкія страданія могутъ довести гнѣвъ до бѣшенства...

Изъ разбора вышеприведенныхъ мнѣній мы видимъ всю необходимость отличить элементарное чувство гнѣва, во-первыхъ, отъ такого же элементарнаго чувства отвращенія, а во-вторыхъ, отъ ненависти и мести, какъ такихъ сложныхъ душевныхъ состояній, въ образованіи которыхъ не одинъ уже гнѣвъ принимаетъ участіе. Признавъ же гнѣвъ за элементарное чувство, мы уже не будемъ пытаться разлагать его, а, принявъ за первичный психическій фактъ, извѣстный каждому, постараемся выставить только то общее условіе, при которомъ гнѣвъ обнаруживается.

Душа наша, встрѣчаясь съ препятствіями къ удовлетворенію своихъ стремленій, или врожденныхъ ей, или вызываемыхъ въ ней состояніями тѣлеснаго организма, стремится преодолѣть эти препятствія, и въ этомъ стремленіи своемъ собираетъ необходимыя для того силы—тѣлесныя или душевныя. Вотъ это-то извлеченіе силъ для того, чтобы стать въ уровень съ препятствіемъ, и выражается тѣмъ характеристическимъ чувствомъ, которое мы называемъ гнѣвомъ. *Въ чувствѣ неудовольствія* душа ощущаетъ болѣзненное только вліяніе препятствія; *въ гнѣвѣ* же душа порывается удалить это препятствіе. Порывъ этотъ можетъ перейти въ дѣятельность, можетъ и не перейти, но самое ощущеніе душою этого порыва будетъ уже чувствомъ гнѣва. Вотъ почему гнѣвъ вообще проявляется какъ страсть, дѣйствующая порывисто, ослабѣвающая послѣ каждаго порыва и вновь возникающая, если прежній порывъ не достигъ удаленія препятствія. Поддавшись совершенно дѣйствію препятствія, мы испытываемъ только страданіе; но первая попытка сбросить препятствіе отзывается въ душѣ непремѣнно чувствомъ гнѣва, которое будетъ выступать тѣмъ яснѣе, чѣмъ чаще и дальше будутъ повторяться неудачныя попытки. Въ первомъ проявленіи своемъ гнѣвъ такъ незамѣтенъ, что мы почти готовы признать его за простое скопленіе энергіи; но чѣмъ дальше будетъ выступать это чувство, тѣмъ яснѣе выскажется въ немъ характеръ гнѣва.

Такое отношеніе чувства гнѣва къ процессу психической дѣятельности выражается съ особенною ясностью во многихъ явленіяхъ. У людей слабыхъ и раздражительныхъ всякая сколько-нибудь усиленная дѣятельность сопровождается совершенно

яснымъ чувствомъ гнѣва именно потому, что уже и небольшія препятствія заставляютъ ихъ дѣлать значительныя усилія, чтобы скопить свои силы. Даже у людей, совершенно здоровыхъ, прервавъ ихъ сильную дѣятельность, мы ясно замѣтимъ чувство накопившагося гнѣва.

Вотъ отчего зависитъ и то явленіе, что значительная обида, или просто сильный ударъ, или даже внезапный, энергическій перерывъ нашей дѣятельности какимъ-нибудь препятствіемъ неспособенъ такъ поднять чувство гнѣва, какъ мелкія препятствія. Ничѣмъ нельзя привести и человѣка и животное въ такое бѣшенство, какъ мелкими помѣхами его душевной дѣятельности, безпрестанно слѣдующими одна за другою: отъ сильной боли животное стонетъ, выражая тѣмъ чувство страданія; отъ укушенія же комаровъ и мошекъ, причиняющихъ только зудъ—самую низшую степень боли — оно приходитъ въ ярость.

При разстройствѣ легкихъ (и даже вообще голосовыхъ органовъ), постоянное затрудненіе процесса дыханія, едва замѣтно мѣшающее рѣчи, дѣлаетъ длинную рѣчь больного человѣка гнѣвной: говоря, онъ сердится, потому что ему трудно говорить, и стоитъ только ему помолчать нѣсколько времени, чтобы гнѣвное чувство въ немъ уменьшилось. Въ мысляхъ и поступкахъ такихъ людей гораздо больше доброты, чѣмъ въ ихъ словахъ. Ощущеніе голода, т.-е. недостатка физическихъ силъ для преодолѣнія препятствій, представляемыхъ психическою или физическою дѣятельностью, сопровождается очень яснымъ чувствомъ гнѣва. Чѣмъ болѣе истощенъ организмъ, тѣмъ труднѣе добываются изъ него силы, необходимыя даже и для психической дѣятельности.

Такой взглядъ на чувство гнѣва подтверждается также и характеристическими чертами его воплощенія. Усиленное кровообращеніе есть именно порывъ дать требуемыя силы тѣлу, а напряженность мускуловъ, вообще замѣчаемая въ гнѣвѣ, именно совершается подъ вліяніемъ этихъ неудачныхъ порывовъ души уничтожить или удалить препятствіе. Мускулы какъ бы заряжаются нервною силою, которой, наконецъ, накопляется въ нихъ столько, что она уже сама собою переходитъ изъ формы теплоты или электричества въ форму движенія, и при этомъ вырывается у насъ *невольный* крикъ, невольное движеніе, сжатіе челюстей, мускуловъ лба, ударъ ногою о землю, ударъ сжатымъ кулакомъ

по столу и т. п. Послѣ этихъ движеній гнѣвъ на мгновеніе ослабѣваетъ затѣмъ, чтобы потомъ, при новомъ порывѣ отъ накопленія силъ, опять усилиться.

Цѣль гнѣва,—если можно говорить о цѣли такого невольнаго чувства, — состоитъ въ томъ, чтобы удалить препятствія, представляющіяся въ психической дѣятельности. Вотъ почему отъ удаленія препятствій гнѣвъ *душевный*, большею частью, прекращается. Но почему же, спрашивается, не только животному, но даже и человѣку свойственно продолжать выраженіе своего гнѣва на такомъ предметѣ, который пересталъ уже быть препятствіемъ? Это зависитъ уже какъ отъ перехода душевнаго гнѣва въ органическій, такъ и отъ того, что представленіе предмета, возбудившаго гнѣвъ, продолжаетъ еще дѣйствовать въ душѣ, какъ препятствіе къ ея нормальной дѣятельности. Вотъ почему животное продолжаетъ еще грызть палку, или кидается на камень, которые причинили ему боль; вотъ иочему и раздражительный человѣкъ ломаетъ вдребезги вещь, хотя она и перестала мѣшать его дѣятельности. Кромѣ того, ни одно чувство не способно такъ переходитъ въ аффектъ, какъ гнѣвъ. Нервный человѣкъ, разсерженный чѣмъ-нибудь, долго продолжаетъ сердиться, хотя часто не можетъ даже вспомнить, что его разсердило. Въ такомъ состояніи человѣкъ уже во всемъ подыскиваетъ оправдательныя причины для своего *безпричиннаго* гнѣва.

Повторяясь часто и сильно, гнѣвъ, чувствуемый порывами, производитъ замѣтный упадокъ силъ, который объясняется именно силою самихъ порывовъ и энергіей движеній, имъ вызываемыхъ, а энергія эта иногда бываетъ такъ велика, что человѣкъ потомъ самъ удивляется собственнымъ своимъ силамъ, которыхъ и не подозрѣвалъ въ себѣ въ спокойномъ состояніи. Ударъ, нанесенный въ гнѣвѣ, можетъ быть не только сильнѣе того, какимъ его хотѣлъ сдѣлать человѣкъ, но даже сильнѣе, чѣмъ *могъ* онъ его сдѣлать въ спокойномъ состояніи. Вотъ почему такъ опасно предаваться гнѣву съ дѣтьми: разсерженный человѣкъ и самъ не оцѣниваетъ тяжести своихъ ударовъ. Повторяясь часто, гнѣвъ очень удобно переходитъ въ постоянное органическое состояніе, какъ это замѣтилъ еще Аристотель. Но если гнѣвъ стремится всегда индивидуализироваться, т.-е. сосредоточиться на предметѣ, на который онъ можетъ излиться, то

нельзя сказать, какъ говоритъ тотъ же Аристотель, что „гнѣвъ всегда направленъ на что-либо индивидуальное“, ибо мы часто наблюдаемъ, какъ разгнѣванный человѣкъ, забывъ даже причину своего гнѣва, ищетъ, на чемъ бы его излить.

Изъ чувства гнѣва въ соединеніи его съ представленіями и другими чувствованіями, происходитъ множество психическихъ чувственныхъ состояній: ненависть, негодованіе, месть, злоба, жестокость, тиранство и т. д. Этихъ состояній такое множество и такое разнообразіе, что не только невозможно ихъ описать, но даже и перечислить.

Хотя изъ чувства гнѣва вырабатывается много такихъ душевныхъ состояній, которыя осуждаются нравственностью, но само по себѣ чувство гнѣва, равно какъ и чувство любви, ни дурно, ни хорошо, и можетъ быть дурно и хорошо, смотря по содержанію тѣхъ представленій, съ которыми оно связано. Ненависть ко злу такое же достоинство, какъ и любовь къ добру, и наоборотъ. Спаситель гнѣвался, изгоняя торгующихъ изъ храма; Господь въ Библіи часто представляется гнѣвающимся...

Чувство *доброты* и *нѣжности* какъ разъ противоположно чувству гнѣва. Гнѣвъ рождается оттого, что душа вынуждена препятствіемъ скоплять свои физическія силы, которыхъ въ настоящую минуту у нея недостаетъ, чтобы стать въ уровень съ препятствіемъ и удовлетворить своимъ стремленіямъ; а чувство *доброты* возрождается отъ противоположныхъ причинъ: именно, когда душа испытываетъ, что у нея болѣе силъ, чѣмъ стремительности въ ея стремленіяхъ. Избытокъ силъ, сравнительно съ стремительностью стремленій, отражается въ душѣ чувствомъ доброты, нѣжности и ласковости, которое, точно такъ же, какъ и чувство гнѣва, стремится индивидуализироваться, сосредоточиться на какомъ-нибудь отдѣльномъ предметѣ и излиться на него.

Аристотель ясно отдѣляетъ чувство доброты отъ чувства *любви* и противополагаетъ чувству доброты чувство *гнѣва*, показывая многочисленными примѣрами, что оба эти чувствованія начинаются отъ противоположныхъ причинъ, и что гнѣвъ, утихая, уже самъ собою смѣняется чувствомъ доброты.

Та же зоркая наблюдательность, которая побудила Аристотеля признать особое чувство доброты, какъ антагониста гнѣву, побудила и другого великаго знатока человѣческихъ страстей,

Руссо, сдѣлать слѣдующую замѣтку: „злость происходитъ отъ слабости: дитя зло (слѣдовало бы сказать: *сердится*) только потому, что оно слабо; сдѣлайте его сильнымъ, и оно будетъ добрымъ: тотъ, кто могъ бы сдѣлать все,—никогда не сдѣлалъ бы зла". Если мы замѣнимъ въ этихъ словахъ Руссо слово *злость* словомъ *гнѣвъ*, то мысль его явится прекраснымъ подтвержденіемъ нашей мысли; злоба же есть уже продуктъ извращенной душевной дѣятельности, а не элементарное чувство. Вся эта замѣтка Руссо говоритъ только, что тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ сдѣлать все, не можетъ испытывать гнѣва. Еще яснѣе выражается та же мысль Руссо, когда онъ, не находя, конечно, возможности сдѣлать человѣка всесильнымъ, указываетъ возможность сдѣлать его добрѣе, уменьшивъ его потребности. „Тотъ, чья сила превосходитъ его потребности,—будь это насѣкомое, червякъ,—есть существо сильное; тотъ же, чьи потребности превосходятъ силу,—будь это слонъ, левъ, герой, полубогъ,—есть существо слабое". Это положеніе является едва ли не главнѣйшимъ во всей воспитательной системѣ Руссо, и его можно выразить немногими словами: „вы не можете удовлетворить всѣхъ потребностей человѣка; уменьшите же, по возможности, число этихъ потребностей такъ, чтобы человѣкъ удовлетворялъ имъ безъ труда, и вы сдѣлаете его разомъ и счастливѣе, и добрѣе". Мы видимъ односторонность этой мысли; видимъ то, что Руссо, высказывая ее, забылъ, что не отъ человѣка зависитъ неумолкающее въ немъ требованіе сознательной дѣятельности, которое, при своемъ удовлетвореніи, расширяется все больше и больше. Но здѣсь для насъ важно только подкрѣпить свое мнѣніе наблюдательностью Руссо. Въ его словахъ ясно выражается та наша мысль, что *чувство доброты появляется, когда силы наши превышаютъ требовательность стремленій*, хотя эта мысль и не формулирована Руссо въ психологическій законъ.

Чувство *доброты*, какъ и чувство гнѣва, можетъ быть вызвано или внѣшними для человѣка причинами, или причинами, лежащими въ его безсознательной природѣ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ чувство доброты будетъ сосредоточено предметомъ, который его вызвалъ, а во второмъ будетъ искать сосредоточиться на накомъ-либо случайно подвернувшемся предметѣ. Такъ, человѣкъ, избавившись отъ большой опасности, кидается

обнимать перваго встрѣчнаго; такъ, человѣкъ, получившій неожиданное удовлетвореніе своихъ сильныхъ и давно питаемыхъ желаній, изливаетъ переполняющее его чувство доброты на кого попало: не только на людей и животныхъ, но даже на бездушныя вещи.

Чувство *доброты* рѣзко отличается отъ чувства *любви*. Любовь часто побуждаетъ насъ быть жестокими въ отношеніи того, что мы любимъ, и приносить его благо въ жертву нашимъ наслажденіямъ; чувство же доброты заставляетъ насъ быть добрыми не только въ отношеніи того, что мы любимъ, но и въ отношеніи всего безразлично, и часто даже въ отношеніи того, что мы ненавидимъ или презираемъ. Есть люди, способные страстно любить, и вообще *не* добрые и *не* нѣжные; и есть, наоборотъ, очень добрые и нѣжные люди, въ то же время совершенно неспособные къ страстной и продолжительной любви.

Чувство *доброты*, точно такъ же, какъ и чувство гнѣва или любви, само по себѣ ни хорошо, ни дурно въ нравственномъ отношеніи, но, осложнившись съ представленіями и другими чувствами, оно можетъ быть источникомъ какъ нравственныхъ, такъ и безнравственныхъ психическихъ явленій: оно можетъ вести къ щедрости, но также ведетъ и къ безтолковой расточительности; оно можетъ способствовать развитію человѣческихъ отношеній между людьми, но оно же ведетъ къ той поблажкѣ всему дурному, отъ которой общество столько же страдаетъ, если еще не болѣе, какъ и отъ развитія желчнаго направленія въ людяхъ. Вотъ почему, если воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы не сдѣлать душу *гнѣвною*, не воспитать такъ называемаго *желчнаго* человѣка, ищущаго вездѣ и во всемъ пищи своему гнѣву, то точно также долженъ онъ заботиться и о томъ, чтобы не воспитать души *безтолково доброй*, изливающей свою доброту на что попало, и чаще на зло, тѣмъ на добро, потому что зло хитрѣй добра: оно умѣетъ подстерегать добрыя минуты человѣка и пользоваться ими. Словомъ, если воспитатель не долженъ развивать желчнаго направленія въ воспитанникѣ, то онъ долженъ также позаботиться, чтобы не воспитать въ немъ той *пряничной* души, въ которой также нѣтъ никакого нравственнаго достоинства.

В. Я. СТОЮНИНЪ.

(1826-88)

В. Я. Стоюнинъ*.

„Отъ учителей своему учителю“,—такова надпись на одномъ изъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Владиміра Яковлевича Стоюнина. И дѣйствительно, даже изъ краткой его біографіи мы убѣдимся, что онъ и самъ былъ *учителемъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова и дѣятельность свою посвятилъ преимущественно на то, чтобы разъяснить русскому обществу условія разумной школы, интересъ, важность и святость учительскаго призванія.

Мы сказали, что нашъ біографическій очеркъ будетъ кратокъ, и на это есть свои важныя основанія. Слишкомъ еще недавно, сравнительно, схоронило русское общество своего незабвеннаго педагога; нельзя сказать, чтобы „много воды утекло“ съ тѣхъ поръ; еще живо и теперь много лицъ, знавшихъ Стоюнина и работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ; наконецъ, многія мысли Стоюнина имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ нашей, современной школьной дѣйствительности. Такимъ образомъ, дѣятельность Стоюнина еще далеко не отошла въ „область исторіи“: между тѣмъ намъ, изучающимъ *исторію* педагогики, приходится преимущественно останавливать свое вниманіе на уже болѣе или менѣе законченныхъ ея фазисахъ. Тѣмъ не менѣе, такая личность, какъ Стоюнинъ—и какъ человѣкъ, и какъ педагогъ—вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы всякій, интересующійся судьбами новой русской школы, познакомился съ его жизнью и дѣятельностью.

Начнемъ съ краткаго обзора его жизни и педагогической „карьеры“, какъ принято выражаться. Стоюнинъ происходилъ изъ купеческой семьи, получилъ среднее образованіе въ 3-й петербургской гимназіи, гдѣ на него имѣлъ довольно сильное и

*) В. Сиповскій. Біографич. очеркъ В. Я Стоюнина.

благотворное вліяніе преподаватель русской словесности Власовъ, и въ 1846 году поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на восточный факультетъ, выбравъ его вслѣдствіе юношескаго увлеченіе мечтами о будущей дипломатической службѣ гдѣ-нибудь на Востокѣ. Однако, во время прохожденія этого спеціальнаго курса, онъ очень интересуется также литературой и искусствомъ вообще. Суровая дѣйствительность разбила планы юноши: послѣ окончанія университета пришлось немедленно заботиться о поддержаніи обѣднѣвшей семьи, давать частные уроки и заботиться о скорѣйшемъ полученіи казеннаго мѣста, что и удалось Стоюнину въ 1852 году, когда онъ получилъ должность учителя русскаго языка въ той же гимназіи, гдѣ самъ прежде учился. По странной прихоти судьбы, наши извѣстнѣйшіе педагоги не готовились къ этой дѣятельности: Пироговъ—извѣстный хирургъ; Ушинскій—юристъ; Стоюнинъ—востоковѣдъ.

Однако, прежніе вкусы не оставляли Стоюнина: за это время онъ много путешествовалъ, хотя не по Востоку, какъ мечталъ нѣкогда, а по Россіи, знакомясь съ жизнью народа и вынося изъ этого знакомства то же самое убѣжденіе въ необходимости коренныхъ реформъ для Россіи, какое питали и другіе лучшіе люди того тяжелаго времени.

Стоюнинъ работаетъ въ 3-й гимназіи цѣлыхъ 19 лѣтъ, до 1871 года, а мы знаемъ, что къ эпохѣ отъ конца 50-хъ до середины 60-хъ годовъ относится наиболѣе сильный подъемъ въ русскомъ обществѣ интереса къ вопросамъ воспитанія и обученія. Горячее слово Пирогова въ „Вопросахъ Жизни“ затронуло всѣхъ, въ томъ числѣ и Стоюнина: и онъ самъ принялъ живѣйшее участіе въ появившихся педагогическихъ журналахъ, преподавалъ въ учебныхъ заведеніяхъ „новаго“ типа, какъ, напр. Маріинскомъ женскомъ училищѣ; даже самъ издавалъ, въ теченіе года, газету „Русскій Міръ“, гдѣ помѣстилъ, между прочимъ, прекрасные разборы нѣкоторыхъ произведеній Гончарова, Островскаго и другихъ,—руководясь не только эстетической точкой зрѣнія, но стараясь отыскать въ этихъ произведеніяхъ ихъ основную жизненную идею, опредѣлить ихъ общественное значеніе. Этотъ же методъ разбора поэтическихъ произведеній онъ постоянно примѣнялъ и на практикѣ, у себя въ классѣ: въ 3-й гимназіи, сверхъ уроковъ, устраиваются даже

такъ наз. „читательныя бесѣды“, на которыхъ, подъ руководствомъ Стоюнина, не только разбираются художественныя произведенія, но и читаются критическія статьи, для пріученія воспитанниковъ къ серьезному чтенію и мышленію. Вообще, съ самаго начала Стоюнинъ придавалъ громадное значеніе изученію литературы вообще, а родной въ особенности: онъ приписывалъ ей такое развивающее вліяніе, котораго, по его мнѣнію, не имѣютъ ни древніе языки, ни математика...

Къ этой же эпохѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ относятся самые крупные труды Стоюнина: „Высшій курсъ русской грамматики“, „О преподаваніи русской литературы“, „Руководство для теоретическаго изученія русской литературы“ и „Руководство для практическаго изученія русской литературы“. Всѣ эти произведенія совершенно измѣнили тогдашній методъ преподаванія этого важнѣйшаго въ русской школѣ предмета, измѣнили настолько, что сдѣлали невозможнымъ возвращеніе къ прежней схоластикѣ. Стоюнинъ даетъ здѣсь блестящіе образцы разборовъ литературныхъ произведеній и, кромѣ того, чрезвычайно мѣткія и основательныя характеристики многихъ произведеній древнѣйшаго періода.

Въ 1871 г. В. Я. получаетъ предложеніе занять должность инспектора классовъ Моск. Николаевскаго Сиротскаго Института, воспитанницы котораго готовились преимущественно къ педагогической дѣятельности. Съ полнымъ рвеніемъ, горячимъ интересомъ, вооруженный всей любовью, опытностью и знаніемъ берется Стоюнинъ за новое дѣло, но... съ нимъ повторяется, отчасти, печальная исторія съ Ушинскимъ въ Смольномъ институтѣ *). Оба они были людьми слишкомъ честными и прямолинейными, совершенно не знавшими никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, не умѣвшими и не желавшими мириться съ обстоятельствами,—не допускавшими никакой лжи, фальши и показности. Вооруживъ противъ себя нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, Стоюнинъ, сопровождаемый всеобщемъ сочувствіемъ литературнаго и педагогическаго общества Москвы, долженъ былъ покинуть этотъ городъ и снова переѣхать въ Петербургъ. Императрица Марія Александровна, цѣнившая Стоюнина и хорошо знавшая его, такъ

*) См. біографію К. Д. Ушинскаго.

какъ онъ ранѣе преподавалъ русскую словесность многимъ членамъ царствующаго дома, поддержала и его, какъ нѣкогда заступилась за Ушинскаго, и онъ былъ причисленъ къ Вѣдомству Имп. Маріи, а затѣмъ сдѣлался членомъ ученаго комитета Минист. Нар. Просвѣщенія. Дѣятельность его въ это время сосредоточивается на литературѣ: онъ издаетъ прекрасные комментаріи къ лучшимъ произведеніямъ русской литературы („Бор. Годуновъ", „Капит. Дочка", „Недоросль" и мн. др.), и выпускаетъ въ свѣтъ очень обстоятельныя и серьезныя изслѣдованія о Кантемирѣ, А. С. Шишковѣ и Пушкинѣ.

Но Стоюнинъ не даромъ былъ *учитель* по преимуществу: несмотря на такую оживленную литературную дѣятельность, онъ скучалъ безъ педагогической практики. Его жена, М. Н. Стоюнина, въ это время (1881 г.) задумала открыть частную женскую гимназію, и, конечно, Стоюнинъ отдался этому дѣлу всей душой, работая въ гимназіи и какъ инспекторъ, и какъ преподаватель. Преждевременная смерть (1888 г.) не дала ему увидѣть расцвѣтъ этого прекраснаго заведенія.

Таковъ несложный очеркъ жизни нашего педагога. Если бы мы спросили себя, каковы были его идеалы, и что новаго внесъ онъ въ русскую педагогическую мысль и практику, то, кромѣ того, что уже сказано нами ранѣе, должны будемъ отмѣтить еще слѣдующее. Стоюнинъ настаивалъ на тѣсной связи семьи и школы, на томъ, чтобы онѣ служили какъ бы *дополненіемъ* одна другой, при чемъ школа, по его глубокому убѣжденію, не можетъ оставаться неизмѣнной, какъ бы вылившейся въ законченный типъ, не допускающій усовершенствованій, — но постоянно прогрессировать и улучшаться вмѣстѣ съ развитіемъ общества. Этому же обществу, болѣе, чѣмъ правительству, долженъ быть предоставленъ и контроль надъ *своей* школой.

Другой его задушевной мыслью была мысль о такой же тѣснѣйшей связи между нравственностью и знаніемъ: истинная нравственность основывается на убѣжденіяхъ, а здравыя убѣжденія вырабатываются на основаніи познаній. Поэтому, подобно Ушинскому, Стоюнинъ глядѣлъ очень серьезно на постановку *женскаго* образованія, какъ лучшей опоры всякой нравственности. Школа можетъ и должна воспитать человѣка и гражданина, способнаго

на трудовую жизнь для пользы другихъ, для борьбы за правду съ невѣжествомъ...

Что въ устахъ Стоюнина эти слова не были фразой, за это ручается намъ весь его нравственный обликъ, какъ человѣка и какъ учителя. Его собственные уроки никогда не были блестящими съ внѣшней стороны, но никто не возбуждалъ такого интереса въ ученикахъ, никто не заставлялъ ихъ такъ серьезно и самостоятельно работать, какъ Стоюнинъ. Не даромъ и послѣдними словами самого В. Я. на смертномъ одрѣ были: „Ну что же, вѣдь я работалъ!..“ — слова, полныя глубокаго значенія для насъ, какъ послѣдній завѣтъ этого безукоризненно честнаго, талантливаго и неустаннаго труженика.

В. Я. Стоюнинъ.

Образованіе русской женщины.

(ГЛАВА II-я.)

Мысль о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя бы нѣсколько соотвѣтствовали существовавшимъ мужскимъ гимназіямъ, мелькала въ головахъ у многихъ лицъ средняго класса, которыя задумывались надъ вопросомъ объ основательномъ образованіи своихъ дочерей. Отцы и матери, которые не могли или не рѣшались помѣщать ихъ въ институтѣ, не находили себѣ выхода, не зная, гдѣ обучать подрастающихъ дочерей, и въ то же время не имѣя силъ помириться съ мыслью оставить ихъ при элементарномъ или модномъ пансіонскомъ образованіи. На эти сердечныя желанія многихъ родителей отозвался предпріимчивый и энергическій человѣкъ, имя котораго теперь принадлежитъ исторіи—Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій. Въ то время онъ былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ женскомъ институтѣ и профессоромъ педагогіи въ Педагогическомъ институтѣ. Въ этомъ же институтѣ онъ получилъ и воспитаніе, спеціально приготовившись для педагогической дѣятельности, которую потомъ и началъ въ с.-петербургской Ларинской гимназіи въ качествѣ преподавателя русской словесности. Еще не настало время для его безпристрастной біографіи; но теперь можно только сказать, что, несмотря на всѣ недостатки характера, въ которыхъ его въ свое время винили, онъ былъ человѣкъ замѣчательно свѣтлаго ума, съ рѣдкимъ педагогическимъ талантомъ, умѣвшій увлекать своихъ слушателей и привязывать къ себѣ дѣтей. Кромѣ того, у него былъ даръ организатора дѣла,—даръ, какимъ, какъ извѣстно, не очень отличается большинство нашихъ дѣятелей.

Въ 1857 году у Вышнеградскаго созрѣлъ планъ такого женскаго учебнаго заведенія, куда небогатыя семьи могли бы посылать своихъ дочерей для основательнаго образованія, не чувствуя тягости вносить за это значительную плату. Въ концѣ того же года онъ представилъ въ совѣтъ Павловскаго института свои соображенія о возможности открыть при томъ же институтѣ особые классы для приходящихъ дѣвицъ, которыя бы посѣщали ихъ изъ своихъ семей и слушали бы уроки по институтской программѣ. Помѣщеніе для этихъ классовъ онъ предполагалъ найти въ одномъ изъ частныхъ домовъ, ближайшихъ къ институту. Чтобы не испугать цифрою расходовъ, онъ не назначилъ никакого особаго жалованья институтскому начальству, которое, полагалось, будетъ завѣдывать этими классами. Надзоръ за ученицами имѣлось въ виду поручить двумъ классным дамамъ института съ годичною платою въ 100 руб.; а институтскіе преподаватели соглашались заниматься съ ученицами за плату, какая окажется возможною по средствамъ открытыхъ классовъ; они же должны были содержаться сборомъ за ученье, не свыше 36 рублей въ годъ съ каждой ученицы. Вышнеградскій просилъ только 500 рублей единовременно для первоначальнаго обзаведенія и на наемъ квартиры на первый годъ. Нисколько не сомнѣваясь, что классы быстро наполнятся ученицами, онъ надѣялся, что всѣ расходы потомъ будутъ покрываться собственными средствами. Изъ мѣстнаго совѣта проэктъ его перешелъ въ существовавшій тогда Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, гдѣ разсмотрѣли этотъ вопросъ и нашли удобнѣе открыть отдѣльное женское училище для приходящихъ.

Въ качествѣ инспектора классовъ Павловскаго института, Вышнеградскій лично зналъ покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, попечителя всѣхъ женскихъ институтовъ, имѣлъ къ нему доступъ и, своимъ умѣньемъ убѣждать, склонилъ его на свою сторону. Принцъ горячо поддержалъ мысль Вышнеградскаго, который и не замедлилъ составить новый проэктъ самостоятельнаго женскаго училища. Онъ былъ представленъ на усмотрѣніе Государя Александра Николаевича, и затѣмъ, по Его волѣ, былъ разсмотрѣнъ въ Главномъ Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній.

Совѣтъ призналъ необходимость распространять женское образованіе въ кругу лицъ недостаточныхъ, живущихъ своимъ трудомъ, и, чтобы облегчить ихъ заботы о лучшемъ воспитаніи дочерей, видѣлъ вѣрное къ тому средство въ открытію такихъ заведеній, гдѣ бы дѣвочки могли пріобрѣтать основательныя познанія въ наукахъ и искусствахъ, не отрываясь отъ своихъ семействъ.

Положено было для образца устроить женское училище на слѣдующихъ основаніяхъ: оно будетъ состоять подъ покровительствомъ императрицы Маріи Александровны и называться ея именемъ — Маріинское женское училище, подчиняясь Главному Совѣту. Ближайшее завѣдываніе училищемъ ввѣряется, по назначенію государя, особому попечителю; а для непосредственнаго наблюденія за обученіемъ дѣвицъ назначаются начальникъ и главная надзирательница съ утвержденія государыни; назначеніе же прочаго педагогическаго персонала утверждается попечителемъ.

Къ обученію допускаются дѣвицы всѣхъ свободныхъ состояній. Комплектъ опредѣляется въ 250 ученицъ; но допускается и большее число, если окажутся средства для открытія параллельныхъ классовъ. Для полнаго учебнаго курса полагается семь постепенныхъ классовъ, а время уроковъ назначается отъ 9 ч. утра до $2^1/_2$ ч. Предметы ученія раздѣляются на обязательные и необязательные; первые—Законъ Божій, отечественный языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика, пѣніе, чистописаніе, рисованіе и рукодѣліе; послѣдніе—языки французскій, нѣмецкій, музыка и танцы. Обучавшіяся всѣмъ предметамъ, какъ обязательнымъ, такъ и необязательнымъ, пользуются преимуществами, предоставленными воспитанницамъ институтовъ, т.-е. правами домашнихъ учительницъ; награды же за благонравіе и успѣхи даются имъ на основаніи общихъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ женскихъ заведеній. Годовая плата за обученіе всѣмъ обязательнымъ предметамъ опредѣляется въ 25 руб. съ ученицы, а за обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ, равно танцованію, берется особо по 5 руб. за каждый предметъ; слѣдовательно, за всѣ предметы полагается ежегодная плата въ 40 руб.

Что же касается до музыки, то за каждый урокъ платится по 1 рублю. На содержаніе всего училища было вычислено

11,500 рублей. Для покрытія этихъ расходовъ Совѣтъ полагалъ употребить сумму, которая будетъ собираться съ ученицъ, до 8,700 р. въ годъ, и 3,000 р. изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній въ ежегодное пособіе училищу. На жалованье начальнику училища назначалось всего только 500 р.; но, чтобы побудить его привлекать возможно большее число учащихся и черезъ то усилить матеріальныя средства заведенія, ему предоставлялось изъ остатковъ отъ годовыхъ расходовъ училища получать вознагражденія по 4 рубля съ каждой ученицы. Всѣ эти основанія Совѣтъ полагалъ принять въ видѣ опыта на три года и уже послѣ этого срока имѣлъ въ виду составить полный уставъ заведенія.

Представляя свое заключеніе государю, Совѣтъ просилъ опредѣлить начальникомъ заведенія извѣстнаго познаніями по части педагогики, инспектора классовъ Павловскаго института, профессора Вышнеградскаго, который составилъ первоначальный проэктъ объ учрежденіи училища.

15-го марта 1858 года государь утвердилъ представленіе Главнаго Совѣта, а черезъ недѣлю былъ назначенъ попечителемъ учрежденнаго Маріинскаго женскаго училища предсѣдатель Главнаго Совѣта—принцъ Ольденбургскій.

Не замедлилъ дѣломъ Н. А. Вышнеградскій. Со всею своею энергій онъ приступилъ къ организаціи взлелѣянной имъ мысли. Въ одинъ мѣсяцъ у него было все готово для открытія четырехъ классовъ, и подобранъ весь педагогическій персоналъ изъ лицъ, хорошо ему извѣстныхъ, несмотря даже на такое время года, когда болѣе или менѣе извѣстные преподаватели не имѣютъ лишнихъ часовъ для новыхъ уроковъ. Но всѣ они прониклись его идеей, всѣ поняли, какое важное новое дѣло начинается, и всѣ готовы были помогать ему. 15-го апрѣля было объявлено о пріемѣ дѣтей въ Маріинское училище, а въ день его открытія, 19-го апрѣля, въ спискѣ поступившихъ ученицъ числилось уже 162 дѣвицы—ясное доказательство, какая сильная потребность чувствовалась въ подобныхъ заведеніяхъ. При открытіи училища присутствовала императрица Марія Александровна, что, конечно, вызвало въ публикѣ особенное къ нему довѣріе. Назначенный комплектъ (250 ученицъ) въ самое короткое время былъ наполненъ—пришлось думать о параллельныхъ классахъ.

Такой наплывъ дѣтей заставилъ позаботиться и о другихъ мѣстностяхъ столицы, откуда, по отдаленности, дѣти не могли ежедневно посѣщать Маріинское училище. Тогда государыня разрѣшила объявить, что родители, живущіе въ другихъ частяхъ города, могутъ заявлять начальнику училища свое желаніе помѣщать дочерей въ подобныя же заведенія въ частяхъ ихъ мѣстожительства. Къ половинѣ августа мѣсяца такихъ заявленій насчитывалось уже 213; изъ Коломенской части — 80, съ Васильевскаго Острова — 93, съ Петербургской и Выборгской стороны—40. Вслѣдствіе этого 23-го августа принцъ Ольденбургскій получилъ согласіе императора открыть три новыя училища— Коломенское, Василье-Островское и Петербургское на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и Маріинское. Начальникомъ ихъ былъ назначенъ также Н. А. Вышнеградскій.

Такъ какъ Маріинское училище стало образцомъ для прочихъ подобныхъ же заведеній, открытію которыхъ не предполагалось никакого препятствія, то оказалось необходимымъ составить для него правила внутренняго порядка.

Надъ этимъ дѣломъ также потрудился Вышнеградскій. 26 февраля 1859 г. онъ представилъ проектъ правилъ попечителю училищъ, который и утвердилъ ихъ. Нельзя не признать, что они написаны рукою опытнаго педагога, при томъ хорошо знакомаго съ недостатками тогдашнихъ женскихъ институтовъ, недостатками, которые онъ хотѣлъ устранить изъ новыхъ заведеній. Главное отличіе въ ихъ управленіи отъ институтскаго заключается въ томъ, что во главѣ заведенія тамъ ставится не начальница, а начальникъ—педагогъ, слѣдовательно лицо, получившее спеціальное педагогическое образованіе, которое такъ важно въ правильномъ веденіи учебнаго и воспитательнаго дѣла и которое спасаетъ отъ многихъ неисправимыхъ ошибокъ. На начальника училища возлагалась обязанность ближайшимъ образомъ вникать во всѣ части училищной жизни и давать имъ стройное, согласное съ цѣлью училища, направленіе. Ему подчинялись всѣ прочія лица, не исключая главной надзирательницы, которая должна быть только ближайшей его помощницею. Такая опредѣленная постановка начальственныхъ лицъ устранила множество недоразумѣній, споровъ, притязаній, разногласій и даже ссоръ, по существу личныхъ, но имѣющихъ очень вредное влія-

ніе на воспитаніе дѣтей, особенно, когда одно изъ этихъ лицъ хочетъ управлять на основаніи не педагогическихъ выводовъ, которые ему нисколько незнакомы, а только соображеній своего собственнаго ума.

Кромѣ этого, самимъ преподавателямъ указывается дѣятельность болѣе широкая, чѣмъ простое *даваніе уроковъ*. Они названы сотрудниками начальника училища во всемъ, что относится къ *нравственному* и умственному образованію дѣтей. Прежде отъ нихъ этого не требовали. Здѣсь важно то, что за учебнымъ предметомъ и за преподающимъ лицомъ признана нравственная сила, которая главнымъ образомъ и должна воспитывать въ школѣ. При такой постановкѣ науки и преподавателя въ классѣ является возможность разрабатывать науку въ педагогическомъ смыслѣ, примѣнять ее къ воспитательному дѣлу, слѣдовательно, двигать впередъ самую школу. Безъ этого учителя не имѣютъ права называться *наставниками*. Ихъ у насъ и не было: не было и настоящаго педагогическаго поприща, а были только чиновники въ учительской службѣ. Но вотъ къ какой дѣятельности призываютъ ихъ „Правила“: „наставники убѣдительнѣйше приглашаются давать такое направленіе своему преподаванію, чтобы имъ не только обогащался умъ, но и развивалось, облагораживалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля. И въ мужчинахъ одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитого чувства мало имѣетъ цѣны, а въ женщинахъ рѣшительно пагубно; оно дѣлаетъ ихъ сухими, надменными эгоистками, неспособными къ добросовѣстному, искреннему отправленію тихихъ семейныхъ обязанностей“.

Надзирательницы (авторъ „Правилъ“ намѣренно избѣгаетъ названія *классныхъ дамъ*), какъ и наставники, приглашаются „Правилами“ непремѣнно помогать однѣ другимъ для достиженія полнаго и стройнаго образованія дѣтей. Заслуживаютъ вниманія и слова педагога, въ чемъ должна и не должна выказываться помощь надзирательницы, которая отличена отъ классной дамы. „Когда начался урокъ, то главнымъ хозяиномъ въ классѣ дѣлается учитель: все вниманіе дѣтей должно быть устремлено на его слова и дѣйствія; а потому надзирательницы, какъ главная, такъ и младшая, хотя и приглашаются присутствовать при урокахъ, но никакъ не должны позволять себѣ дѣйствій, нарушающихъ тишину класса и развлекающихъ вниманіе дѣтей, а потому

было бы неумѣстно, если бы надзирательницы во время урока начали ходить по классу, входить въ него и выходить, дѣлать замѣчанія дѣтямъ; ибо все это развлекаетъ вниманіе дѣтей и препятствуетъ успѣху ученія; если онѣ замѣтятъ въ поведеніи дѣтей что-либо неприличное, то могутъ сказать объ этомъ послѣ урока,—развѣ усмотрѣно будетъ такое дѣйствіе, которое рѣзко нарушаетъ приличіе, и потому должно быть немедленно прекращено. Но такихъ дѣйствій трудно ожидать отъ дѣвочекъ".

Всѣ эти слова вызваны прежними наблюденіями педагога. Они же внушили ему и слѣдующія строки: „Въ классѣ во время урока долженъ господствовать строгій порядокъ. Но сіе понятіе часто понимается совершенно превратно. Истинный педагогическій порядокъ класса состоитъ не въ мертвой тишинѣ и не въ однообразномъ неподвижномъ положеніи дѣтей; какъ то, такъ и другое, будучи несвойственно живой природѣ дѣтей, налагаетъ на нихъ вовсе ненужное стѣсненіе, крайне утомляетъ ихъ, разрушаетъ довѣрчивое дѣтское отношеніе между наставниками и учениками. Ни мало не нарушается педагогическій порядокъ класса, если ученица, уставъ сидѣть совершенно прямо, обопрется на спинку своего стула, если она нѣсколько разъ перемѣнитъ положеніе рукъ и ногъ, скромно и кстати засмѣется по поводу того, что говоритъ наставникъ, *даже прерветъ рѣчь его или отвѣтъ своей подруги выраженіемъ своего недоумѣнія*, лишь бы все это дѣлалось въ формѣ, согласной съ природою дѣтскаго возраста и требованіями нравственнаго приличія. Классъ долженъ, сколько возможно больше, походить на семью; чѣмъ полнѣе будетъ это сходство, тѣмъ ближе будетъ и классъ къ своей истинной цѣли. А въ благоразумныхъ семействахъ никогда не требуютъ, чтобы дѣти сидѣли неподвижно и однообразно, чтобы они не смѣли смѣяться или обратиться къ старшимъ съ вопросомъ по поводу того, что кажется имъ непонятнымъ. Уничтоженіе семейнаго элемента въ общественныхъ училищахъ убиваетъ природную живость дѣтей, омрачаетъ Богомъ дарованную имъ веселость, истребляетъ довѣрчивость и любовь къ наставникамъ и наставницамъ, къ училищу, къ самому ученію; въ натурахъ энергическихъ образуетъ характеры скрытные, недовѣрчивые, разрушительные; въ натурахъ мягкихъ — ничтожные, совершенно безличные".

На всѣ эти слова мы должны смотрѣть, какъ на протесты противъ той укоренившейся рутины, которая господствовала въ большей части тогдашнихъ школъ, и если теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, не мѣшаетъ многимъ прочитать ихъ очень внимательно для собственнаго руководства, то тѣмъ болѣе тогда они были новостью для огромнаго числа официальныхъ педагоговъ. Прибавимъ еще нѣсколько строкъ, протестующихъ противъ тогдашнихъ порядковъ: „Истинно-педагогическій порядокъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ дѣти постоянно и неуклонно были заняты тѣмъ, что составляетъ предметъ объясненій наставника... Нѣкоторые наставники имѣютъ вредное обыкновеніе при началѣ урока вызывать нѣсколько ученицъ на середину класса и у нихъ исключительно спрашиваютъ о предметѣ изложенія, оставляя всѣхъ остальныхъ безъ всякаго вниманія. Другіе наставники имѣютъ привычку не приходить въ классъ, разговаривать нѣсколько времени съ надзирательницею, отнимая чрезъ то у дѣтей часть и безъ того непродолжительнаго времени. Всѣ эти и подобныя имъ дѣйствія ослабляютъ дѣятельность дѣтей, невольно вовлекаютъ ихъ въ разсѣяніе и, слѣдовательно, нарушаютъ истинный и педагогическій порядокъ класса, а потому никакъ не должны быть допускаемы".

Дѣлая учителя главнымъ распорядителемъ въ классѣ ученицъ во время урока, „Правила" возлагаютъ на него всю отвѣтственность за порядокъ класса. Такимъ образомъ классныя надзирательницы получаютъ самостоятельное значеніе только во время, свободное отъ уроковъ; тогда должно чувствоваться ученицами нравственное ихъ вліяніе. Имъ, равно какъ и главной надзирательницѣ, вмѣняется въ обязанность заступать мѣсто отсутствующихъ наставниковъ, также упражнять въ ученьи или рукодѣльи тѣхъ дѣтей, которыя не обучаются какому-либо иностранному языку, во время уроковъ этого языка. Это заставляетъ обращать особенное вниманіе на выборъ надзирательницъ; онѣ должны быть такія лица, которыя, по своему образованію, могли бы въ случаѣ нужды заниматься съ дѣтьми по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ женскаго образованія.

Лишенная права прервать чтеніе и объясненія преподавателей, равно и дѣлать имъ какія-либо замѣчанія, онѣ въ то же время обязываются доводить до свѣдѣнія начальника училища о всемъ,

что, по ихъ понятію, оказывается въ изложеніи преподавателя несовмѣстно съ цѣлью училища и съ характеромъ женскаго образованія. Дальнѣйшее распоряженіе зависитъ вполнѣ уже отъ самого начальника.

Поставленныя на такихъ педагогическихъ основаніяхъ женскія училища получили возможность правильно развиваться въ тѣсномъ единеніи съ семьею, которая приглашалась помогать школѣ своимъ содѣйствіемъ. Открытіе женскихъ училищъ пошло чрезвычайно быстро. Петербургъ подалъ примѣръ и другимъ городамъ. Въ концѣ 1858 года виленскій генералъ-губернаторъ и попечитель виленскаго учебнаго округа, Назимовъ, просилъ позволенія учредить въ губернскихъ городахъ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ и Минскѣ подобныя же заведенія, какъ петербургское Маріинское женское училище для приходящихъ дѣвицъ. Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній призналъ учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ мѣрою, служащею къ распространенію женскаго образованія, и исходатайствовалъ согласіе императрицы Маріи Александровны взять и эти заведенія подъ свое покровительство. Въ ихъ программу введенъ былъ и польскій языкъ; плата за ученье обязательнымъ предметамъ назначена была по 15 руб. въ годъ, за обученіе каждому изъ иностранныхъ языковъ и танцованію по 3 руб., и за музыку, по соглашенію съ родителями, не свыше 50 коп. за урокъ. Кромѣ того, разрѣшено было отпустить изъ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній въ пособіе четыремъ названнымъ училищамъ до 12.000 рублей. Все это показываетъ, съ какимъ сочувствіемъ и довѣріемъ тогда относились правительственныя лица къ новымъ заведеніямъ. Въ первую половину 1859 года открыто было женское училище въ Вышнемъ Волочкѣ съ содержаніемъ на мѣстныя средства, и разрѣшено было открыть по такому же заведенію въ Кіевѣ и Саратовѣ.

11-го ноября 1860 года было основано въ Петербургѣ пятое женское училище—Вознесенское.

Образованіе русской женщины.

(По поводу двадцатипятилѣтія русскихъ женскихъ гимназій).

I.

19-го апрѣля настоящаго (1883) года минетъ двадцать пять лѣтъ со дня открытія женской гимназіи въ Россіи. Этотъ день имѣетъ значеніе не только для одного заведенія, но, вообще, онъ долженъ быть внесенъ въ исторію образованія русской женщины.

Маріинская женская гимназія въ Петербургѣ съ первыхъ же дней обнаружила, какая сильная была потребность въ небогатыхъ семьяхъ образовывать дочерей наравнѣ съ сыновьями. Она была первымъ призывомъ всѣхъ городскихъ сословій къ образованію женщины и будущихъ матерей семействъ, а слѣдственно, и къ нравственному возвышенію русской семьи, безъ чего нельзя было ожидать и усовершенствованія общественной нравственности; чуть не всѣ города въ Россіи откликнулись на этотъ призывъ, и вотъ быстро гимназія за гимназіей стали открываться по губерніямъ, и чтобъ сказать, сколько ихъ теперь, долго пришлось бы пересчитывать. Этотъ фактъ нужно признать однимъ изъ крупныхъ фактовъ за послѣднее царствованіе; вотъ почему на немъ и слѣдуетъ остановиться, когда уже протекло четверть столѣтія.

Чтобы лучше оцѣнить его, необходимо хоть бѣгло взглянуть, гдѣ и какъ до того времени могла образовываться русская женщина. Для этого мы не станемъ углубляться во времена отдаленныя, а возьмемъ за исходный пунктъ 1764 годъ, также знаменательный въ исторіи образованія русской женщины. 5-го мая того года императрицею Екатериною II былъ подписанъ указъ

сенату о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ: „Для пользы всего *государства*,—говорится тамъ,—учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи; равное имѣя попеченіе и о *благородныхъ дѣвицахъ*, восхотѣли мы учредить *такое же воспитаніе*... Повелѣваемъ сенату разослать (уставъ) по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы, вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый изъ дворянъ могъ дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему отъ насъ учрежденному воспитанію".

Такимъ вызовомъ сопровождалось основаніе перваго женскаго института въ Россіи, который скоро сталъ слыть подъ именемъ Смольнаго монастыря, а на офиціальномъ „языкѣ" Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ.

Идеальная система воспитанія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, была выработана извѣстнымъ Бецкимъ, который увлекъ императрицу блестящею мыслью воспитать или, лучше, создать новую породу людей. Такое воспитаніе возлагалось на государство и для его пользы, такъ какъ русская семья признана неспособною выполнить государственныя требованія. Она должна была уступить свои права государству, если хотѣла видѣть своихъ дѣтей хорошо воспитанными и образованными. Государство же имѣло возможность воспользоваться опытами лучшихъ европейскихъ педагоговъ и самыми лучшими воспитательными теоріями, чтобы приготовить себѣ честныхъ гражданъ и нравственныхъ отцовъ и матерей для будущей новой семьи. Строго была соображена вся программа государственнаго воспитанія съ шести до восемнадцатилѣтняго возраста. Во весь этотъ періодъ дѣти не должны были видѣть своей семьи, чтобы ея вліяніе какъ-нибудь не заронило дурныхъ сѣмянъ тамъ, гдѣ должны были сѣяться только хорошія.

Основанія нравственнаго воспитанія какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ полагались однѣ и тѣ же; разница между ними была въ научномъ образованіи, которое для дѣвочекъ несчиталось важнымъ и отодвигалось на второй планъ. Весь воспитательный періодъ дѣвочки раздѣляли на четыре класса или возраста; каждому назначалось по три года. Въ первомъ возрастѣ (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) для ученья назначались катехизисъ, рос-

сійскій и иностранные языки, ариѳметика, рисованіе, танцованіе, музыка вокальная и инструментальная, шитье и вязанье всякаго рода; во второмъ возрастѣ (отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ) къ этому прибавлялась географія съ исторіей и нѣкоторая часть экономіи или домостроительства; въ третьемъ (отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ) прибавлялось чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, часть архитектуры и геральдики. Этимъ собственно и заканчивалось все ученье. Геральдика является въ ряду наукъ, какъ необходимая для развитія чувства чести въ благородномъ званіи, конечно, уже по вліянію западноевропейскихъ примѣровъ. Ариѳметикѣ давалась очень невидная роль: предписывалось обучать этой наукѣ благородныхъ дѣвицъ съ тою единственною цѣлью, чтобы „впредь содержать въ добромъ порядкѣ домашнюю экономію". Въ четвертомъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ) назначалось дѣвицамъ „*повторять* свое ученіе почти одной практикою". Большую же часть времени они должны были употреблять на другія занятія: „дежурить понедѣльно по хозяйству, вести записку расходамъ, договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать разсчетъ и при себѣ производить платежъ, опредѣлять цѣну всякому товару по его качеству, смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенный порядокъ и чистота". Кромѣ того, по двѣ дѣвицы должны были каждый день дежурить въ другихъ классахъ, какъ помощницы учительницы: „и отъ сей практики навыкнутъ заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось". Въ основаніе умственнаго развитія полагалось болѣе чтеніе, чѣмъ научныя познанія, которыя даже не опредѣлялись никакими программами. Для занятій съ воспитанницами назначались учительницы во всѣхъ классахъ. Учителя или *мастера* допускались только для такихъ наукъ, для которыхъ учительницы не сыщется. Имъ тогда назначались опредѣленные часы. Учительницы же вмѣстѣ съ надзирательницами должны быть всегда при дѣтяхъ, „отъ утра до вечера". Онѣ были въ полномъ подчиненіи начальницы и правительницы (помощницы начальницы). Общее ихъ вниманіе должно быть направлено преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Инструкціи по этой части были составлены

очень подробно и съ большою предусмотрительностью, такъ что и въ наше время выдержатъ педагогическую критику. Локкъ и Фенелонъ дали много матеріала для этихъ инструкцій. Начальницамъ говорилось: „хотя благоразуміе и искусство будутъ непремѣннымъ основаніемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однако же надлежитъ соединить ихъ съ кротостью, а наипаче съ непринужденною *веселостью*. И сіе вперять или сообщать и прочимъ госпожамъ, а особенно молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустію или задумчивостью назваться можетъ". Правительницѣ рекомендовалось имѣть крайнее раченіе о *чистотѣ* и *учтивости*. Главными ея качествами должны были быть—умѣренность, кротость и благоразуміе. Строгость въ обращеніи съ благородными дѣвицами вообще не допускалась:—„Напрасно и не по важности вины употребляемая строгость бываетъ обыкновенно поводомъ къ преступленію, совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ уныніе питомца". Учительницамъ предписывалось болѣе всего учить благонравію: „благоразумными, искусно къ слову приведенными разговорами при всякомъ случаѣ удобнѣе вперять въ мысли молодыхъ дѣвицъ благонравіе и вкоренять оное въ нѣжныя сердца, и всякій пунктъ наставленія, о чемъ бы ни было, довольный способъ къ нравоученію подать можетъ. Стараться, чтобы дѣвицы не привыкали излишне важничать или унылый видъ являть. Паче всего наставлять ихъ въ основаніяхъ благоразумія, добронравія, благопристойности, благородной, а не принужденной учтивости и всѣхъ добродѣтелей... Чтобы отъ самаго юношества и до возраста пріучаемы были къ добродѣтелямъ, учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ не только съ равными, но съ самыми послѣдними, какого бы званія кто ни былъ. Чрезъ такое доброе поведеніе и поступки при первомъ ихъ въ свѣтъ вступленіи учинятся онѣ отличными въ *обществѣ*".

Подъ словомъ *общество* здѣсь нужно разумѣть свѣтскія собранія, переродившіяся петровскія ассамблеи, гдѣ при общихъ удовольствіяхъ сближались между собою благородные люди обоихъ половъ, и гдѣ женское вліяніе должно было смягчать грубость мужской натуры. Только въ такомъ обществѣ русская образованная женщина пока и могла имѣть значеніе, и есте-

ственно, что къ этому именно само собою и направилось все воспитаніе благородныхъ дѣвицъ. „Для большей привычки къ честному обхожденію“, говорится въ инструкціи, т.-е., чтобъ придать дѣвицамъ надлежащую, но приличную смѣлость въ поведеніи, „необходимо установить должно въ семъ Обществѣ по праздничнымъ или воскреснымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ лицъ съ дозволенія начальницы. Сіи собранія назначены будутъ одно для концерта, дѣвицами составленнаго, другое для какой ни есть драматической или пасторальной игры, ими же представляемой, а третіе для обыкновенныхъ собраній. При всѣхъ оныхъ дѣвицы двухъ послѣднихъ классовъ (отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ) хозяйствуютъ и стараются показать всѣмъ надлежащее удовольствіе, будучи украшеніемъ и пріятностью оныхъ, дабы черезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особенно приличествуетъ, т. е. не имѣть застѣнчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться“.

Въ интересахъ свѣтскаго общества обращалось и особенное вниманіе на развитіе остроумія въ дѣвочкахъ: „буде которая дѣвица сдѣлаетъ остроумное примѣчаніе, то съ дозволенія имѣетъ она о томъ сообщить всему классу, ибо изрядное и кстати сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію“.

На практикѣ, дѣйствительно, должно было все свестись къ воспитанію благонравной *свѣтской барышни*, такъ какъ иного идеала женщины не могла и вызывать среда, основанная на табели о рангахъ. Это же свѣтское общество заявляло также свои требованія на французскій языкъ, по которому и судило о степени образованія русскаго человѣка. Французская рѣчь и хорошее воспитаніе у большинства слилось въ одно и то же понятіе. Ясно, что въ силу этихъ требованій французскій языкъ долженъ былъ выдвинуться передъ всѣми другими предметами и въ воспитаніи благородныхъ дѣвицъ. Онъ сдѣлался роднымъ языкомъ въ этомъ маленькомъ, совсѣмъ особенномъ мірѣ, изъ котораго хотѣли создать особую породу людей. Для этого съ самыхъ малыхъ лѣтъ удаляли дѣтей отъ вліянія семьи, но въ то же время сами не могли избѣжать вліянія среды, и создалось особенное

воспитаніе, какого никогда себѣ не представляли ни Локкъ, ни Фенелонъ.

Но нельзя упрекнуть императрицу Екатерину, что она думала только о воспитаніи дворянскихъ дочерей. Съ основаніемъ академіи художествъ она мечтала образовать особое свободное сословіе, приравнивая его къ французскому tiers-état; но для полноты необходимо было ввести въ это сословіе и женщинъ, воспитанныхъ подобнымъ же образомъ. 13-го января 1765 года императрица подписала новый указъ: „Для пользы общества требуется, чтобы всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо отдѣленномъ строеніи, учредить училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанскаго званія) подъ управленіемъ главной начальницы и правительницы (Общества благородныхъ дѣвицъ)... дабы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвелось *новое порожденіе*, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли".

Такимъ образомъ явилось мѣщанское отдѣленіе при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Главныя основанія физическаго и нравственнаго воспитанія и тамъ полагались тѣ же. Принимались только шестилѣтнія дѣвочки и воспитывались до восемнадцатилѣтняго возраста. Раздѣлялись онѣ такимъ же образомъ на четыре класса. Обучались Закону Божію, русскому и иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ и пѣнію, если къ нимъ оказывались способности. Кромѣ того пріучались „къ домостроительству", т.-е. къ хозяйству, и въ четвертомъ классѣ должны были быть употребляемы ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять. Отсюда видно, что въ этомъ отдѣленіи воспитывались дѣвицы для трудовой жизни, и при выпускѣ назначалось имъ давать такія же „преимущества и вольности", какія получали воспитанники академіи художествъ. Кромѣ того, при пріемѣ на каждую поспитанницу полагалось по 50 руб. въ сохранную казну, и черезъ 12 лѣтъ при выпускѣ они выдавались ей съ накопившимися процентами. Эта сумма еще увеличивалась выручкою отъ продажи работъ воспитанницъ въ училищѣ. При

продажѣ, требовалось строгое разсмотрѣніе: „чѣмъ превосходнѣе чье искусство, чѣмъ тщательнѣе какая вещь выработана, тѣмъ большую похвалу и цѣну она заслуживала бы, и имѣть вѣрную запись, кѣмъ именно какая вещь сдѣлана, чтобы при выпускѣ въ раздѣлѣ подлежащей ихъ части избѣгнуть всѣхъ сомнительныхъ споровъ“.

„Черезъ 12 лѣтъ по окончаніи воспитанія,—значилось въ уставѣ,—однѣ могутъ быть выпускаемы въ замужество по ихъ состоянію за достойныхъ жениховъ; другія по желанію вступаютъ въ службу при училищѣ благородныхъ дѣвицъ на урочные годы съ договоромъ и платою. Прочія же могутъ остаться еще три года не въ числѣ классныхъ, а для отвращенія праздности получать отъ училища только покой, дрова и свѣчи; въ остальномъ же довольствоваться за плату отъ собственныхъ трудовъ. Черезъ три года выпускаютъ на волю съ аттестатомъ“...

Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ послужило образцомъ для другихъ женскихъ институтовъ, о распространеніи которыхъ заботилась уже императрица Марія Ѳеодоровна. Такъ, въ 1797 году, она открываетъ въ Петербургѣ на собственныя средства сиротское училище на 50 бѣднѣйшихъ сиротъ мѣщанскаго сословія, вскорѣ затѣмъ названное Маріинскимъ институтомъ. Въ 1798 году, она же основываетъ въ Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, а въ 1802 году—такое же училище въ Москвѣ. Оба они впослѣдствіи были названы училищами ордена св. Екатерины, или Екатерининскими институтами. Въ 1704 году, она уже устраиваетъ при московскомъ Екатерининскомъ училищѣ особое отдѣленіе мѣщанское, подобное тому, какое уже было при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ. Въ 1807 году, оно было названо Александровскимъ.

Въ 1814 году приказано было въ петербургскомъ мѣщанскомъ отдѣленіи имѣть пятьдесятъ мѣстъ для дочерей военныхъ офицеровъ ниже полковничьяго чина, не изъ дворянъ, и пятьдесятъ мѣстъ для дочерей чиновниковъ гражданской и придворной службы ниже 8-го класса, со включеніемъ камердинеровъ императорской фамиліи, не имѣющихъ штабъ - офицерскаго чина, также для дочерей учителей, аптекарей, лѣкарей, художниковъ безъ чиновъ, священниковъ, дьяконовъ и купцовъ. Большинство изъ дѣ-

вицъ, выпускаемыхъ изъ этого отдѣленія, поступали въ семейства въ качествѣ гувернантокъ, отъ которыхъ требовался только нѣкоторый навыкъ во французскомъ разговорѣ. Находили ли онѣ себѣ какія другія мѣста для трудовой жизни, намъ неизвѣстно.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ своихъ заботахъ о женскихъ институтахъ замѣтила, что въ институтскомъ воспитаніи дѣвицъ недостаетъ семейнаго начала, и старалась ввести или усилить его; но оно никогда не могло войти въ свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ видано семейство, состоящее изъ ста дѣтей? гдѣ могла найтись мать такого огромнаго семейства, раздѣляющая поровну свою любовь между всѣми? Понятно, что подобная семья должна назваться неестественною, искуственно, или даже болѣе, насильственно составленною,—слѣдственно, и воспитаніе не могло вестись естественно подъ прикрытіемъ такой странной семьи. Оно только ставило начальницъ и воспитательницъ въ ложное положеніе, требуя отъ нихъ такихъ чувствъ, какихъ у нихъ не могло быть, отчего и въ отношеніяхъ самихъ воспитанницъ къ воспитательницамъ являлось много фальшиваго, что мѣшало правильному нравственному развитію. Какъ бы то ни было, но институтское воспитаніе давало то, что соотвѣствовало тогдашнему идеалу барышни: оно стало привлекать родителей-помѣщиковъ, которые, живя въ своихъ помѣстьяхъ, не имѣли возможности воспитывать своихъ дочерей согласно съ этимъ идеаломъ. Дворянство стало на свои средства основывать женскіе институты въ разныхъ провинціальныхъ центрахъ, и всѣ они поступали въ то же вѣдомство, въ какомъ находились институты столичные. Только благодаря женскимъ институтамъ, у насъ долгое время поддерживалось и распространялось женское образованіе. Черезъ нихъ, съ одной стороны, въ дворянскія семьи вносился нѣкоторый свѣтъ и смягченіе нравовъ, грубѣвшихъ въ условіяхъ крѣпостной жизни; съ другой стороны, удовлетворялась возраставшая съ каждымъ поколѣніемъ потребность въ гувернанткахъ, большинство которыхъ являлось изъ воспитанницъ женскихъ институтовъ. Конечно, исторія нашего образованія безпристрастно оцѣнитъ труды ихъ и выставитъ на видъ заслуги этихъ скромныхъ и часто униженныхъ труженицъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ было обращено на женскіе инсти-

туты особенное вниманіе. Они были значительно преобразованы. Цѣль женскаго воспитанія была опредѣлена „въ образованіи добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ". Съ этою цѣлью положено было соображать и учебную часть, „чтобы съ образованіемъ, въ *надлежащей мѣрѣ*, ума и сердца воспитанницы могли приготовляться къ будущему важному ихъ значенію". Съ другой стороны выставлялось на видъ, что „образованіе свыше состоянія учащихся не всегда для нихъ полезно, а иногда обращается имъ во вредъ". Задача состояла согласовать средства съ цѣлью, не выпуская въ то же время изъ вида и состояніе будущихъ женъ и матерей. Нельзя при этомъ не вспомнить, что въ ту пору воспитаніе и въ мужскихъ заведеніяхъ спеціализировалось согласно съ государственными потребностями: съ дѣтства воспитывали военныхъ офицеровъ, чиновниковъ высшаго и низшаго разряда, инженеровъ, строителей, моряковъ и проч., и никому не казалась странною такая спеціализація. Конечно, если бы и въ то время стали основывать воспитательныя заведенія для образованія добрыхъ мужей и полезныхъ отцовъ семействъ, то такая задача, можетъ-быть, показалась бы не совсѣмъ опредѣленною и исполнимою, но въ отношеніи женщины подобная спеціализація представилась самою естественною и простою. Ее даже легко связали съ государственными потребностями, такъ какъ государство не можетъ задаваться другими задачами. Было высказано, что хорошія жены и добрыя матери семействъ суть твердыя опоры престола и благоденствія государства. „Чѣмъ болѣе укрѣплены добродѣтели, тѣмъ легче управленіе государственное: кому же распространять область добра, какъ не женщинѣ, супругѣ, матери дѣтей, которая часто одна своимъ примѣромъ и нравственнымъ вліяніемъ можетъ облагороживать цѣлое семейство. Вотъ *политическое* ея назначеніе; исполненіе сихъ священныхъ обязанностей и лучше, и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ".

Женщина косвеннымъ образомъ введена была также въ общій табель о рангахъ, съ которымъ и связалось ея воспитаніе: оно должно было соотвѣтствовать извѣстному рангу. Задача была крайне трудная: съ одной стороны невозможно было угадать, кто изъ воспитывающихся дѣвочекъ выйдетъ въ свое время замужъ и сдѣлается матерью, потому что жизнь не всѣхъ женщинъ

приводитъ къ этой чредѣ; съ другой стороны трудно было предвидѣть, въ какой рангъ каждая поступитъ по своемъ замужествѣ, такъ какъ у насъ переходъ женщины изъ одного состоянія въ другое ничѣмъ не былъ затрудненъ, и, слѣдовательно, легко могло случиться, что воспитанная для одного состоянія съ замужествомъ переходила въ другое,—значитъ, воспитаніе давало ей не то, что потомъ оказывалось нужнымъ. Задача большая провести строго въ воспитаніи женщины идеалъ жены и матери, если надъ нимъ не поставить идеалъ женщины - человѣка. Но это послѣднее понятіе, какъ и высшее понятіе о человѣкѣ, не связанное съ чиномъ и званіемъ, еще смутно представлялись въ русскомъ обществѣ. Они не могли быть руководителями въ воспитаніи. Для насъ кажется очень просто: воспитать женщину, какъ человѣка, и она будетъ хорошей женой и хорошей матерью, если ей придется выйти замужъ; если же нѣтъ, то она найдетъ себѣ трудъ по душѣ, и не будетъ считать себя несчастною. Но не то выдетъ, какъ скоро начнутъ специализировать воспитаніе, въ особенности по тѣмъ чувствамъ, какія должны проявляться въ зрѣлые годы, и то въ зависимости отъ извѣстнаго положенія. Такое воспитаніе сведется къ однимъ словамъ, фразамъ, отвлеченной морали, которая, какъ извѣстно, легко заучивается, но никогда не воспитываетъ. И вотъ къ какой морали свелось и у насъ намѣреніе воспитывать только женъ да матерей: „женщина, какъ созданіе нѣжное, назначенное природою быть въ зависимости отъ другихъ, должна знать, что ей суждено не повелѣвать, а покоряться мужу, и что строгимъ лишь исполненіемъ обязанностей семейныхъ она упрочитъ свое счастіе и пріобрѣтетъ любовь и уваженіе, какъ въ кругу семейномъ, такъ и внѣ онаго“.

При специализаціи женскаго воспитанія, и самое образованіе женщины должно было рѣзко отличаться отъ образованія въ мужскихъ заведеніяхъ. Въ инструкціи высказывалось слѣдующее: „По предназначенію женщины не для службы государственной или общественной, подобно мужчинѣ, не для ученаго поприща, а для круга семейнаго, и самое воспитаніе и образованіе дѣвицы должно быть направлено къ иной цѣли, чѣмъ воспитаніе юноши“. Согласно съ этимъ преподавателю исторіи предписывалось обращать вниманіе на всѣ случаи исторіи, когда женщины предста-

вляли высокіе примѣры добродѣтели, патріотизма и самоотверженія *супруги и матери*. Точно такъ же преподавателю вмѣнялось въ обязанность указывать „на важность значенія дворянства въ Россіи, исключительно имѣющаго право владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть *отцомъ*, а помѣщица—*матерью*“. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что учебная программа въ новомъ Положеніи значительно была расширена передъ прежнею, хотя и приноровлена къ спеціальной цѣли. Конечно, французскій языкъ остался на первомъ планѣ; онъ, по старому, долженъ былъ сдѣлаться вторымъ роднымъ языкомъ воспитанницъ. Въ инструкціи о немъ замѣчено: „употребленіе языка французскаго введено съ самаго учрежденія заведеній; на немъ говорятъ всѣ начальницы, инспектрисы и классныя дамы, и для лицъ женскаго пола онъ сдѣлался языкомъ обычнымъ, какъ бы *офиціальнымъ*. Симъ только способомъ достигается результатъ, что въ столь короткое время воспитанницы, при поступленіи въ заведеніе едва умѣющія читать, пріобрѣтаютъ навыкъ говорить свободно и правильно“. Но, требуя совершеннаго знанія французскаго языка, какъ *обычнаго*, новая программа взяла подъ свое покровительство и отечественный языкъ, которымъ не очень дорожили при образованіи женщины. „Отечественный языкъ долженъ быть извѣстенъ каждому русскому во всей полнотѣ,—высказываетъ инструкція,—но какъ, къ сожалѣнію, правильное изученіе онаго, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще недостаточно развито, то надобно стараться, чтобы будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности“. Согласно принятымъ основаніямъ, женскія учебныя заведенія были раздѣлены на разряды. Къ первому разряду отнесены Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, оба Екатерининскіе института въ Петербургѣ и Москвѣ, Патріотическій институтъ и десять провинціальныхъ институтовъ благородныхъ дѣвицъ. Изъ нихъ въ особыя условія поставлено было „Воспитательное Общество“, такъ какъ курсъ въ немъ былъ распредѣленъ на 9 лѣтъ; въ прочихъ же — только на шесть и на семь. На него посмотрѣли, какъ на высшее заведеніе, почему и учебная его программа была составлена

въ болѣе обширномъ объемѣ, чѣмъ другія. Туда положено было принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, или внесенныхъ въ пятую и шестую часть дворянской родословной книги. Въ Екатерининскіе институты могли поступать дочери кавалерственныхъ дамъ и лицъ, имѣющихъ чины не ниже майора или надворнаго совѣтника, или внесенныхъ въ третью, пятую и шестую части дворянской книги. Патріотическій институтъ назначался исключительно для дочерей лицъ военнаго званія. Учебная программа въ этихъ институтахъ была нѣсколько сокращеннѣе, но и въ ней предполагалось образованіе, приличное дворянству. Программы же второго разряда заведеній сокращены во многомъ, такъ какъ имѣлось въ виду, что оттуда дѣти возвращались въ семейства съ ограниченными средствами къ существованію, почему для нихъ нужно было оставить болѣе времени на изученіе искусствъ и рукодѣлій. Къ этому разряду отнесены пять институтовъ столичныхъ и три провинціальныхъ. По званію отцовъ въ столичныя заведенія второго разряда могли поступать: въ петербургское и московкое Александринскія училища дочери лицъ отъ чина полковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, равно протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, или дочери дворянъ, внесенныхъ въ третью часть дворянской книги, не свыше однако же чиновъ подполковника и коллежскаго совѣтника; въ петербургское и московское Елисаветинскія училища — дочери оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, и не иначе, какъ пенсіонерками, дочери штабъ-офицеровъ, медиковъ, учителей и и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ, равно православныхъ священнослужителей, евангелическихъ пасторовъ и купцовъ. Здѣсь мы не касаемся сиротскихъ заведеній, куда помѣщались сироты военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; равно заведеній третьяго разряда, гдѣ назначалось самое элементарное образованіе вмѣстѣ съ рукодѣліемъ, главнымъ средствомъ будущаго обезпеченія воспитанницъ.

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что дворянамъ и чиновнымъ лицамъ и отчасти избраннымъ изъ другихъ сословій дана была возможность образовывать своихъ дочерей, но на одномъ только условіи — удалить ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ своихъ семей и лишить ихъ семейнаго вліянія. Уступая необхо-

димости, большинство ихъ соглашалось на это; но тутъ встрѣчалось другое затрудненіе: институты не могли представить столько вакантныхъ мѣстъ, сколько было желающихъ занять ихъ. Потерпѣвшія неудачу должны были искать образованія въ частныхъ пансіонахъ; но очень немногія изъ этихъ заведеній могли назваться педагогическими заведеніями; большая же часть изъ нихъ заводилась иностранками съ спекулятивной цѣлью и была ниже всякой критики.

Если въ женскихъ институтахъ многое приносилось въ жертву французскому языку, то тамъ всѣмъ жертвовали ему. При томъ же и услугами ихъ могли пользоваться только семьи достаточныя; люди же съ ограниченными средствами должны были довольствоваться самымъ элементарнымъ образованіемъ своихъ дочерей.

На помощь имъ создался новый типъ женскихъ учебныхъ заведеній—женская гимназія.

ГЛАВА IV.

Несмотря на то, что къ образованію русской женщины отнеслись съ такою заботою и теплотою два вѣдомства, соревнуя другъ другу въ такомъ важномъ дѣлѣ, русская женская гимназія не всѣми была привѣтствована съ такимъ же сочувствіемъ и сердечнымъ участіемъ. И у нея оказались враги. Одни были недовольны тѣмъ, что женская гимназія сдѣлана не сословнымъ заведеніемъ для одного чиновнаго класса, и не могли примириться съ мыслью, что генеральская дочка должна сѣсть на одну скамейку съ дочерью какого-либо лавочника; другіе винили гимназію, что она не даетъ настоящаго образованія, потому что не научаетъ говорить по-французски; третьимъ не нравилось, что многія гимназистки не довольствуются только тѣмъ, что имъ даетъ гимназія, а по окончаніи курса ищутъ новыхъ познаній и пристращаются къ наукѣ. Раздавались и болѣе нелѣпыя обвиненія, сопровождаемыя разными клеветами. Слышались и злорадства при какомъ-нибудь случайномъ фактѣ, заслуживающемъ порицанія. Являлись скороспѣлыя обобщенія и затѣмъ неумолимыя обвиненія. Но мы не намѣрены опровергать всѣ вины, какія взводились на женскую гимназію; не намѣрены и превозносить ее, такъ какъ не находимъ ее на той высотѣ развитія, на какую она могла

ы стать послѣ двадцатипятилѣтняго существованія. Многія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали ей правильно развиваться, хотя вначалѣ она я была поставлена на основахъ вполнѣ педагогическихъ, которыя обѣщали ей хорошую будущность. Она явилась во время, памятное для русской педагогіи, то время, когда начиналось оживленіе въ русскомъ педагогическомъ мірѣ, при сознаніи прежней несостоятельности въ воспитательномъ дѣлѣ, когда начиналось исканіе новыхъ способовъ образованія при новомъ идеалѣ.

Всякая спеціализація въ воспитаніи была осуждена; было признано разумнымъ и возможнымъ только воспитаніе *человѣка*,— воспитаніе, достоинство котораго зависитъ отъ той высоты, на какую поставленъ идеалъ человѣка. Женская гимназія, принявъ этотъ принципъ, уничтожила вопросъ о существенномъ отличіи образованія женщины и мужчины. Оба эти понятія связались въ одномъ понятіи „человѣкъ", которое, допуская нѣкоторыя физіологическія различія въ обоихъ полахъ, не допускаетъ нравственнаго или умственнаго превосходства одного надъ другимъ. Отсюда и образованіе того и другого должно было сблизиться, подчинивъ себѣ тѣ воспитательныя спеціализаціи, какими задавались прежде какъ въ отношеніи мужчины, такъ и женщины. Не могъ пострадать идеалъ жены и матери отъ того, что возвысился идеалъ женщины, какъ человѣка; напротивъ, онъ много выигралъ отъ того, что сдѣлался опредѣленнѣе, понятнѣе, доступнѣе, такъ какъ его усвоивала себѣ образованная *женщина*. Семья непремѣнно должна была выиграть отъ такого направленія образованія. Чтобы воспитывать и образовывать дѣтей не для себя, а для дѣятельной жизни, нужно имѣть передъ собою высшій идеалъ, т.-е. идеалъ человѣка, независимо отъ его внѣшняго положенія, а чтобы имѣть его, необходимо въ самомъ себѣ чувствовать стремленіе къ высшимъ интересамъ жизни. Сближеніе двухъ половъ въ общихъ духовныхъ интересахъ жизни должно непремѣнно поднять нравственный уровень не только семьи, но современемъ и самого общества. Вотъ за что, главнымъ образомъ, мы и цѣнимъ русскую женскую гимназію: она положила тому начало. Она—фактъ замѣтный въ исторіи нашего образованія, и будетъ еще замѣтнѣе въ будущемъ.

Съ другой стороны, если качество и количество труда имѣютъ

значеніе въ обществѣ и даже государствѣ, возвышая ихъ нравственно и обогащая матеріально, то и здѣсь женской гимназіи нельзя отказать въ извѣстной долѣ заслуги. Она неоспоримо усилила и расширила въ обществѣ женскій трудъ, введя его въ такія сферы, о которыхъ прежде не могла и думать женщина.

Если женскіе институты въ свое время приготовляли для русскихъ семей гувернантокъ, что было также большою заслугою, то женскія гимназіи настолько развили въ своихъ ученицахъ любовь къ труду, что, оставивъ мѣсто своего образованія, онѣ добровольно, усиленно, даже съ большими лишеніями, стали искать себѣ основательной подготовки для учительской дѣятельности въ школахъ, и, наконецъ, успѣли заявить себя съ самой лучшей стороны на этомъ поприщѣ. Онѣ явились добросовѣстными труженицами не только въ элементарныхъ классахъ женскихъ гимназій, но и въ городскихъ и даже сельскихъ училищахъ, въ то время, когда у насъ была сознана сильная потребность въ школахъ. Безъ нихъ пришлось бы довольствоваться мало-образованными и плохо подготовленными учителями, которые на первыхъ же порахъ уронили бы школьное дѣло. Онѣ нашли себѣ широкое поприще тамъ, гдѣ прежде едва влачилъ свое существованіе бѣдный, забитый школьный учитель. Онѣ возвысили эту сферу дѣятельности качественностью своего труда и указали дорогу и другимъ молодымъ дѣвушкамъ, получившимъ образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Если бы только одна сфера педагогической дѣятельности обогатилась женскимъ трудомъ, то и тогда можно было бы сказать много сочувственнаго о заведеніяхъ, развившихъ любовь къ труду. Но женскій трудъ внесенъ и въ другія сферы, о которыхъ мы не будемъ здѣсь говорить.

Изъ всего нами сказаннаго выводится то, что женская гимназія удовлетворила потребностямъ русской жизни; но къ этому мы прибавимъ, что не считаемъ ея организацію вполнѣ конченною.

Если она можетъ гордиться тѣмъ, что привлекала вниманіе иностранныхъ педагоговъ, которые нарочно пріѣзжали въ Россію знакомиться съ нею, то это налагаетъ на нее обязанность еще болѣе поработать надъ собою въ предѣлахъ педагогическихъ требованій, которымъ она была не всегда вѣрна. Она не есть

сколокъ съ какого-либо иноземнаго учрежденія, а развилась сама собою въ ту эпоху, когда въ русской средѣ трудъ былъ объявленъ свободнымъ, и жизнь стала развиваться при новыхъ условіяхъ. Если подражать ей некому, то она должна выработать свое на чисто-педагогической почвѣ и согласно съ природными силами женщины. Это ея настоящая задача.

СОДЕРЖАНІЕ.

От автора . . . . . 3—4

А. **Иностранные педагоги:**

I. **Янъ Амосъ Коменскій** 5

a) Біографія и характеристика . . . . . —
b) Избранныя мѣста изъ «Великой Дидактики» 13

II. **Джонъ Локкъ**. 71

a) Біографія и характеристика. 73
b) Избранныя мѣста изъ «Мыслей о воспитаніи» 79

III. **Жанъ Жакъ Руссо** 133

a) Біографія и характеристика. 135
b) Избранныя мѣста изъ «Эмиля» 147

IV. **Іоганнъ Генрихъ Песталоцци** 229

a) Біографія и характеристика. 231
b) Избранныя мѣста изъ произведеній:
1) «Лингардъ и Гертруда» 241
2) «Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей» 264
3) «Лебединая пѣснь». 290

Б. **Русскіе педагоги:**

I. **Н. И. Пироговъ**. 321

a) Біографія и характеристика. 323
b) Избранныя мѣста изъ произведеній:
1) «Вопросы жизни» 330
2) «Быть и казаться». 360

II. **К. Д. Ушинскій** 371

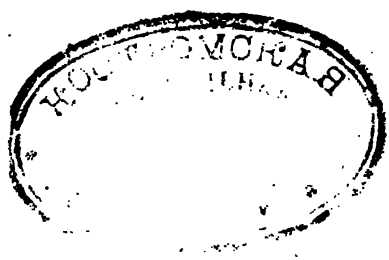
a) Біографія и характеристика. 373
b) Избранныя мѣста изъ сочиненія:
1) «Трудъ и его психологическое значеніе» 387
2) «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» 403

III. **В. Я. Стоюнинъ** 467

a) Біографія и характеристика. 469
b) Избранныя мѣста изъ статьи:
«Образованіе русской женщины» 474

Главнѣйшія пособія:

Модзалевскій. Очеркъ воспитанія и обученія.
Гольцевъ. Краткій очеркъ развитія педагогическихъ идей.
Пальчиковъ (изд.). Біографическая библіотека.
Морлей. Руссо.
К. Шмидтъ. Исторія педагогики.



89 23189
Pedagogicheskaia khrestomatiia
Stanford University Libraries
3 6105 043 033 237
Cmp. 1351 kh.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE